

ФЁДОР РАЗЗАКОВ

ВИКТОР ТИХОНОВ

ТВОРЕЦ «КРАСНОЙ МАШИНЫ»

**КГБ
ИГРАЕТ
В ХОККЕЙ**

Annotation

Тысячи книг написаны о советском хоккее и столько же будет написано еще. Однако книгу, которую читатель держит в руках, можно смело назвать уникальной — такой еще не было. Она показывает советский хоккей не только с фасада, но и заглядывает за его кулисы, раскрывая секреты «тайной дипломатии» — интриги спецслужб и партийной номенклатуры, которые во второй половине 70-х активно помогали советскому хоккею выбраться из кризиса. События этого захватывающего хоккейного детектива охватывают переломный период — с февраля 1977-го по май 1978 года, когда, благодаря протекции шефа КГБ Ю. Андропова и генсека Л. Брежнева, ЦСКА и сборную СССР возглавил Виктор Васильевич Тихонов.

Ценой невероятных усилий ему предстояло обновить не только главный клуб страны, но и вернуть советской сборной былой авторитет на международной арене. А сделать это было крайне трудно, поскольку очередной чемпионат мира должен был проходить в Чехословакии, да еще в дни неофициального празднования там 10-летия со дня «Пражской весны» 1968 года. Чехи были полны решимости лечь костями на пражском льду, лишь бы не дать Советам выиграть чемпионат у себя дома. Для этого были мобилизованы все силы — как явные, так и тайные: от Президиума ЦК КПЧ до чехословацкой госбезопасности СТБ. А тут еще у Тихонова назрел конфликт не только с интриганами из высоких кабинетов, но и с рядом ведущих игроков ЦСКА и сборной СССР.

-
- [Фёдор Раззаков](#)
 - [Часть первая. Гений хоккея](#)
 - [Часть вторая. КГБ играет ва-банк](#)
 - [Часть третья. Пражская битва](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

**Фёдор Раззаков
Виктор Тихонов творец «Красной
машины». КГБ играет в хоккей**

Великому советскому хоккею посвящается

Часть первая. Гений хоккея

7 февраля 1977 года, понедельник, Москва, Дворец спорта в Лужниках, матч чемпионата СССР ЦСКА — «Спартак»

Облокотившись локтями на деревянную стойку правительственной ложи, Леонид Ильич Брежнев с интересом наблюдал за тем, как спартаковцы, проигрывавшие его любимому ЦСКА со счетом 3:5, но не желавшие сдаваться, организовали очередную атаку на ворота Владислава Третьяка. В углу площадки к шайбе первым подкатился спартаковец Валентин Гуреев, который собирался отправить ее на пяточок, где его паса уже дожидались партнеры. Но повернуться лицом к воротам спартаковец не успел. В следующую секунду ему в спину на крейсерской скорости врезался армеец Борис Александров, который так толкнул соперника на борт, что тот «вонзился» в него, будто гвоздь в упругую доску. Звук расколовшегося, как грецкий орех, шлема на голове спартаковца был слышен всему стадиону. От этого звука Брежнев даже откинулся всем телом назад, а с его губ сорвалось смачное матерное ругательство, которое слышали не только те, кто сидел с генсеком в правительственной ложе, но и зрители, расположившиеся прямо под ней.

— Нет, ты видел, что творит этот сукин сын? — генсек повернул голову к сидевшему рядом с ним Кондратьеву, чиновнику из отдела хоккея Спорткомитета СССР. — Это же форменный бандит в хоккейной форме.

— А я давно говорил, что надо гнать его к чертовой матери из команды, — тут же откликнулся на гневную филиппику генсека Кондратьев. — Носимся с ним, как с писаной торбой.

— Так уж прямо и гнать? — встрял в разговор генерал-майор Скурлатов — один из начальников Спортивного комитета Министерства обороны СССР, сидевший по другую сторону от генсека. — Видимо товарищ Кондратьев, болеющий за «Спартак», мечтает ослабить ЦСКА на финише сезона.

— Причем здесь мои пристрастия? — возмутился Игнатов. — Вы разве не видели, с чего все началось? Гуреев обыграл вашего любимчика на своей половине, а тот догнал его у своих ворот и впечатал в борт со всей своей неумемной злости. Так ведь можно человека инвалидом сделать.

— Прямо-таки инвалидом! — отмахнулся от оппонента, как от назойливой мухи, генерал.

Но в этот момент генсек снова подался вперед и спорящие тоже последовали его примеру. Ничего хорошего внизу они не увидели. Распластанный на льду спартаковец не подавал никаких признаков жизни и, колдовавший все это время над ним врач, сделал характерный жест руками своим коллегам — это означало, что надо нести носилки. И спустя пару секунд на лед выбежали двое мужчин с носилками наперевес.

— Ну что на это скажете, товарищ генерал? — в голосе Кондратьева ясно слышались язвительные нотки.

Скурлатов молчал, насупив брови — сказать ему, действительно, было нечего. Пауза в матче затягивалась. Генсек снова откинулся на спинку кресла и, бросив косой взгляд на Игнатова, спросил:

— Тебе не кажется, Павел Сергеич, что наш хоккей все больше становится похож на корриду?

— Кажется, Леонид Ильич, — согласился Кондратьев. — Это все привносится к нам от канадцев. Александров, конечно, игрок талантливый, но после того, как сыграл против них в Суперсерии, нахватался от них всего самого грязного и возомнил себя гладиатором. А молодежь, глядя на него, считает его примером для подражания. Если мы этого не пресечем, эта грязь пойдет гулять по всему нашему хоккею.

— И каким же образом вы собираетесь это пресечь, позвольте узнать? — подал голос Скурлатов.

— Будем каленым железом вычищать этих гладиаторов, — не стал медлить с ответом чиновник.

— Ты не горячись, Пал Сергеич, так ведь можно и дров наломать, — видя, куда катится разговор, произнес Брежнев. — Александров, конечно, сукин сын, но это все-таки наш сукин сын. Он молодой, горячий, но игрок талантливый — нам такие тоже нужны.

— Вот и я о том же, Леонид Ильич, — воспрянул духом Скурлатов. — У нас на носу чемпионат мира в Вене, на который впервые приедут канадские профессионалы. Это о чем говорит? О том, что времена меняются — жесткий хоккей и в Европе начинает пробивать себе дорогу. Нравится нам это или нет, но это факт. Значит, и нам надо учить наших ребят такому хоккею.

— Вот такому? — и Кондратьев кивнул на лед, откуда бригада врачей уносила на носилках Гуреева, который все еще был без сознания.

— Нет, не такому, — в голосе генерала послышались стальные нотки. — Это, конечно, перегиб. Но жесткость нашим ребятам все равно прививать нужно. А-то у нас не хоккей, а сущий балет получается. Вы там в Спорткомитете не видите этого, что ли?

— Я смотрю, Леонтий Ильич, вы в Министерстве обороны много чего видите, — огрызнулся Кондратьев. — У нас, с вашего позволения, не балет, а красивый и комбинационный хоккей. При этом туманный, поскольку у нас менталитет советский, а не канадский.

— Да бросьте вы про гуманизм — не на собрании! — Скурлатов раздраженно взмахнул рукой.

Но тут же осекся, вспомнив, что рядом сидит сам Генеральный секретарь. Однако Брежнев пропустил эту реплику генерала мимо ушей. Вернее, сделал вид, что пропустил. Этот разговор был ему интересен, поскольку хоккей он любил и ему была не безразлична его дальнейшая судьба. Но поскольку многие нюансы его развития он не знал, ему было интересно послушать мнение людей, которые по долгу службы разбирались в этом лучше его. Например, Кондратьев был большим начальником в управлении Зимних игр Спорткомитета СССР, а Скурлатов курировал спортивное направление (в том числе и хоккейную команду ЦСКА) по линии Министерства обороны.

После того, как Скурлатов осекся, разговор прервался и оба собеседника ждали, как отреагирует на услышанное генсек. Понял это и Брежнев, который хотел завершить разговор до того момента, когда игра на льду вновь возобновится — матч-то еще не закончился и сулил впереди интересную интригу.

— Я полагаю, что никто не станет спорить с тем, что Александрова надо наказать, — прервал молчание генсек. — Но вычищать его каленым железом пока рановато — дадим ему время

хорошенько подумать. А по поводу балета в нашем хоккее... Думаю, Андрей Иванович прав — канадских профессионалов не зря возвращают на чемпионат мира — Сабецки понимает, куда ветер дует. Поэтому вам, Павел Сергеич, надо провести совещание по этому поводу в Спорткомитете. И решить, в какую сторону развиваться нашему хоккею. Здесь главное не перегнуть палку и не выплеснуть с водой ребенка. Чтобы хоккей наш не утратил свою комбинационность и красоту, и в то же время приобрел нужную нынешнему времени жесткость, но не жестокость. Если мы станем потворствовать корриде на льду, такие случаи, как сегодняшний у нас будут происходить в каждом матче. Этого допустить нельзя.

7 февраля 1977 года, понедельник, Воскресенск, Дворец спорта «Химик», матч чемпионата СССР «Химик» — «Динамо» (Рига)

— Что это за безобразие? Вы что творите? — негодовал старший тренер рижского «Динамо» Виктор Тихонов, стоя у бортика.

Его гневные филиппики были обращены к главному судье матча, который в очередной раз усмотрел нарушение правил со стороны его игроков. На этот раз в роли нарушителя выступил защитник рижан Крикунов из второго звена. По мнению судьи, он толкнул защитника воскресенцев Сапелкина руками в спину, хотя Тихонов был уверен, что это была вполне обычная силовая борьба у бортика.

— Если за это удалять, тогда вообще запретите силовую борьбу, — поддержал своего коллегу Эвальд Грабовский — помощник Тихонова.

Но судья был неумолим — он жестом потребовал от Крикунова отправиться на скамейку штрафников. Тот взглянул сначала на своего тренера, после чего нехотя отправился отбывать наказание.

— Назаров, Бескашнов, Балдониекс и Воробьев — на лед! — скомандовал Тихонов, выпуская в игру тех игроков, кто умел защищаться.

Однако и тренер «Химика» Юрий Морозов тоже выпустил на лед своих лучших хоккеистов — первое звено во главе с центральным нападающим Владимиром Голиковым. Именно он в этой игре и открыл счет в середине второго периода. А спустя две минуты Кухарж

увеличил разрыв. Однако не прошло и двух минут, как Денисов сократил разрыв в счете, а под занавес второго периода Одинцов, с подачи все того же Денисова, восстановил равновесие в игре — 2:2. И вот теперь, когда счет был равным, спорное удаление ставило рижан в весьма сложное положение. Ведь до конца матча оставалось чуть больше пятнадцати минут, а в игре с такой командой как «Химик», который всегда играл от обороны, отыграться было крайне сложно. Значит, рижанам надо было во что бы то ни стало выстоять и не пропустить. И когда минула минута штрафного времени, многим показалось, что им это удалось. Первое звено воскресенцев не смогло «распечатать» ворота рижского вратаря Василенка. Не смогло это сделать и второе звено. Штрафное время неумолимо истекало и Крикунов уже встал со скамейки, чтобы выскочить на лед. Как вдруг произошло необъяснимое. Рижане потеряли шайбу в средней зоне, ее тут же подхватил защитник «Химика» Лапин, который не стал пробиваться к воротам сам, а отдал пас открывшемуся справа от него нападающему Виктору Крутову. И тот, почти без паузы, мощным щелчком послал шайбу в ближний от вратаря угол ворот. И спустя секунду за воротами Василенка зажегся красный фонарь. Счет стал 3:2 в пользу «Химика».

— Чтоб тебя!.. — сорвалась с губ Тихонова гневная тирада.

— Все — теперь они закроются в своей зоне, — услышал он позади себя реплику своего помощника.

Так, собственно, и вышло. Воскресенцы откатились к своим воротам и стали играть от обороны, редко атакуя ворота рижан. Эта победа была для них крайне важна — после нее они обгоняли рижан на два очка и обосновывались на 4-м месте в турнирной таблице. До челябинского «Трактора», который занимал третью строчку, им было рукой подать — всего пять очков.

Время на табло неумолимо уменьшалось, а все попытки рижан спасти ситуацию не приводили к нужному результату. Но волны их атак продолжали накатываться на ворота хозяев поля, которые защищал вратарь Пашков. И в тот самый миг, когда фортуна могла повернуться лицом к гостям и их давление грозило привести к голу, последовало... новое удаление в их рядах. Причем Тихонов, когда услышал свисток судьи, никак не мог понять, в чем дело. Его команда

атаковала, и ни один из игроков не входил в прямое столкновение с воскресенцами.

— У вас нарушение численного состава, — озвучил арбитр причину, по которой рижане должны были понести наказание.

— Что за ерунда?! — развел руками Тихонов. — Где вы усмотрели нарушение?

— Вы неправильно провели смену — у вас на льду было шесть игроков, — был неумолим судья.

— Да он издевается над нами! — громко возмутился Грабовский.

— Если вы будете спорить, то я дам две минуты штрафа и вам, — пригрозил судья.

Тихонов бросил взгляд на табло — до конца матча оставалось чуть больше девяти минут. Если из них вычесть эти две штрафные минуты, то на то, чтобы отыграть, у рижан должно было остаться около семи минут. Но для этого надо было еще выстоять вчетвером.

И снова Тихонов выпустил на лед все тех же хоккеистов, которые защищались в момент, когда был удален Крикунов. И «Химик», который все это время отсиживался в обороне, теперь бросился в атаку. Заполнившие Дворец спорта воскресенцы (а на матче был аншлаг — 4 тысячи зрителей), стали дружно поддерживать своих любимцев, скандируя: «Шай-бу! Шай-бу!». И все время, пока под сводами дворца разносились эти призывы, «Химик» не прекращал своих атак. Вот Голиков мощным щелчком послал шайбу в правый угол ворот рижан, но Василенок в последний момент сумел выставить вперед «блин» и шайба отлетела в угол площадки. Ее тут же подхватил игрок «Химика» Жучок и вернул на «пяточок», где дежурил его партнер по нападению Лаврентьев. Тот подставил клюшку, пытаясь переправить шайбу в ворота. Но рижан спасла штанга. Громкий вздох разочарования, вырвавшийся из нескольких тысяч глоток, потряс стены Дворца спорта.

— Плотнее играем, не даем бросать! — закричал Тихонов своим игрокам, опираясь руками на бортик и подавшись всем телом вперед.

В этот самый миг истекло штрафное время у рижан и они заиграли в полном составе. Шайбу подхватил Одинцов, который вошел в зону соперника и бросил шайбу по воротам воскресенцев. Пашков выбросил вперед правую ногу и шайба, попав в «валенок», отскочила на «пяточок». К ней бросился защитник «Химика» Гусев, но сделал он

это на долю секунды позже, чем рижский нападающий Емельяненко. Тот первым оказался у шайбы и точным кистевым броском переправил шайбу в незащищенный угол ворот воскресенцев. И красный фонарь возвестил о том, что счет в матче снова стал равным — 3:3.

Всегда сдержанный Тихонов, на этот раз вскинул руки вверх, не в силах сдержать свои эмоции. До конца матча оставалось чуть больше пяти минут и теперь уже рижанам надо было думать о том, чтобы надежно запереться в обороне и не позволить хозяевам льда в очередной раз выйти вперед в счете. На трибунах вновь стали скандировать «Шай-бу! Шай-бу!», подгоняя игроков «Химика» на последний штурм. И он получился самым мощным из всех предыдущих. Дважды шайба попадала в штангу, а за минуту до конца игры на рижском «пяточке» образовалась такая куча-мала, что вратаря Василенка затолкали в ворота вместе с шайбой. Раздался свисток и у Тихонова кольнуло в области сердца. Он вспомнил похожую ситуацию, которая случилась 26 ноября 1976 года в Горьком, где его «Динамо» играло против местного «Торпедо». Рижане бездарно проиграли тот матч 2:7 и именно тогда Тихонова впервые подвело сердце — после игры его увезли в больницу. К счастью, это был всего лишь микроинфаркт, а не нечто более серьезное. Но сегодняшняя игра грозила уложить тренера рижан на больничную койку надолго.

Когда куча-мала рассеялась, все увидели, что Василенок лежит в воротах, но рука с ловушкой у него выброшена вперед. Именно там, а не за линией ворот, покоилась шайба. И судья показал на вбрасывание в правом углу от ворот. Его выиграли рижане, а спустя пятнадцать секунд прозвучала сирена, возвестившая о том, что матч закончился вничью. Это означало, что обе команды набрали по 26 очков и сохранили свое лидирующее положение. Причем, если для воскресенцев этот счет нельзя было назвать слишком удачным (они были хозяевами льда), то подопечные Тихонова могли праздновать пусть маленькую, но победу — для них гостевая игра завершилась взятием одного очка.

Когда его команда ушла в раздевалку, Тихонов направился напрямиком в судейскую комнату. Судьи уже находились там, здесь же был и инспектор матча.

— Как вам не стыдно так судить?! — едва перешагнув порог комнаты, громко обратился к главному судье Тихонов.

— А в чем дело, Виктор Васильевич? — в недоумении разведя руками, спросил арбитр. — Матч закончился вничью — вполне удобный счет для обеих команд.

— Причем здесь ничья? Я веду речь о вашем предвзятом судействе, которое повторяется уже не в первый раз, когда речь идет о нашей команде.

— Это вам кажется, — судья демонстративно отвернулся от тренера и щелкнул тумблером телевизора.

В этот миг там шла программа «Время».

— Действительно, Виктор Васильевич, вам надо просто успокоиться, — подал голос инспектор матча, который сидел за столом и что-то писал в протоколе игры. — Вас переполняют эмоции, но они улягутся и вы будете смотреть на все происшедшее другими глазами.

— Мои глаза останутся на том же месте, — продолжал негодовать Тихонов. — И они видят, что в отношении моей команды на финише сезона допускаются непозволительные судейские ошибки. Вот я и пытаюсь выяснить: случайные они или нет.

— Всякий человек может ошибиться, в том числе и судья, — продолжал успокаивать тренера инспектор. — К тому же лично я не нашел в сегодняшних действиях арбитра серьезных ошибок, за которые на него можно было бы нападать.

— А удаление Крикунова, который ничего не нарушал? Наконец, наложение штрафа за вымышленное нарушение численного состава?

— У вас, Виктор Васильевич, всегда виноват кто угодно, но только не вы, — вновь повернулся к тренеру лицом судья. — Вы команду свою лучше тренируйте, тогда не вничью играть будете, а побеждать. Да еще с таким счетом, что никакие судейские ошибки на эту победу повлиять не смогут.

— Все равно я вынужден записать в протоколе свое несогласие с вашими действиями, — объявил Тихонов.

— Сколько угодно, — и по губам судьи пробежала откровенная усмешка.

В это время в программе «Время» дошли до спортивных новостей. Диктор сообщил о результатах сегодняшних игр в хоккейном первенстве и особое внимание уделил игре ЦСКА со «Спартак» в Лужниках.

— Армейцы выиграли со счетом 6:3 и упрочили свое лидирующее положение в турнирной таблице, — вещал диктор. — Однако на матче произошел неприятный инцидент, который омрачил болельщикам радость от просмотра этого увлекательного поединка. Игрок ЦСКА Борис Александров опасно атаковал спартаковца Валентина Гуреева, который получил тяжелую травму и был отправлен в больницу. Этот случай лишний раз показал, что в нашем хоккее еще не все обстоит благополучно. Грязная игра, которая присуща канадскому хоккею, не имеет права проникать на наши ледовые арены. Этот инцидент лишний раз доказал, что нашему хоккейному руководству предстоит сделать серьезные выводы с тем, чтобы подобные инциденты больше у нас не повторялись.

— Видите, Виктор Васильевич, о чем должна болеть у нас голова в первую очередь: о том, чтобы к нам не проник грязный хоккей, — вновь обратился к тренеру инспектор.

— А мне кажется, ваша голова должна больше болеть о другом — о том, как не допустить грязное судейство, — ответил Тихонов и вышел из комнаты, хлопнув дверью.

8 февраля 1977 года, вторник, Архангельское, база ЦСКА

На армейской базе шло собрание команды, посвященное вчерашнему инциденту во время матча против «Спартака». В комнате собраний на третьем этаже трехэтажного корпуса базы собралось руководство клуба, игроки, а также гости — представитель Спорткомитета, журналист газеты «Советский спорт». Был здесь и сам виновник произошедшего — Борис Александров, который сидел в гордом одиночестве — в углу, рядом с трибуной, на которую мог взойти любой из желающих.

После того, как комсорг команды Виктор Жлуктов открыл собрание, к трибуне, слегка прихрамывая вышел патриарх команды — тренер Анатолий Тарасов. Видимо, выходя первым, он решил задать тон всему собранию. А начал свое выступление патриарх с экскурса в прошлое:

— Летом 1973 года Анатолий Васильевич Фирсов пришел ко мне и рассказал, что видел в Усть-Каменогорске игрока с отличными

задатками: жажда игры, азарт, самоотдача, дерзкая и необычная обводка. Звали этого юного самородка Боря Александров. Я попросил пригласить его в Москву, чтобы лично посмотреть на него в игре. Посмотрел — и поразился. В чем была сила у этого парня? У него были три скорости: взрыв — маневр — сообразительность. Я не много видел хоккеистов, равных Борису по дарованию. Поэтому я стал просить его родителей, чтобы они отпустили сына в Москву. Они согласились, хотя Боре не было 18 лет, его даже не могли призвать в армию. Так Александров оказался в ЦСКА. И вскоре его талант заиграл всеми гранями. Он был очень невыгодным противником в игре, особенно для канадцев. Вспомните, как он играл против клубов НХЛ в новогоднем турне ЦСКА 1975–1976 годов! В Нью-Йорке, в Бостоне, в Монреале — как играл! Заиграла их тройка, где справа — Викулов, а в центре — Жлуктов, Борькин одноклассник. Наконец, в Инсбруке Борис становится олимпийским чемпионом. Я тогда назвал Бориса «фейерверком», вкладывая в это слово только хорошее. Но у этого слова, как известно, есть и другое значение. К сожалению, в случае с Александровым оно подтвердилось. Ведь что такое фейерверк? Взрыв, красота — пш-ш-ш... И нет ничего!

Свою речь Тарасов произносил, глядя в зал, в лица собравшихся. Но затем он повернулся к Александрову и обратился непосредственно к нему:

— У тебя, Борис, постоянно проявлялись черты эгоизма — и житейского, и игрового, ибо и то, и другое всегда перекликается. Ты думал прожить жизнь один, не хотел делить славу с другими. Ты не замечал большой дружбы, которая многие годы связывает Петрова, Михайлова и Харламова, помогает им с честью выходить из самых суровых испытаний. Ты не смог оценить дружбы Анатолия Фирсова, который рекомендовал тебя в ЦСКА, и дружбы твоего замечательного партнера по тройке Владимира Викулова, который от всей души хотел помочь тебе стать выдающимся хоккеистом. И поэтому в трудную минуту у тебя не оказалось настоящего друга... Ты не научился уважать старших, поэтому стал неприятен даже тем ветеранам ЦСКА, которые на редкость доброжелательно относятся к людям. Ты оказался эгоистом. И этот эгоизм губит в тебе спортсмена. Задумайся об этом, пока не поздно.

Борис сидел дома и читал книгу, когда в квартиру внезапно вбежал отец и бросился к секретеру, где у него были сложены вырезки из газет, в которых упоминалось имя его сына — талантливого игрока усть-каменогорского «Торпедо». Отец лихорадочно стал перебирать заметки, складывая их в две разные стопки. Видимо, в одну он отбирал публикации, где о его сыне говорилось подробно, в другую — где только вскользь.

— Ты что делаешь, батя? — поднимая голову от книги, спросил Борис.

— Не видишь, заметки про тебя отбираю, — последовал ответ.

— Зачем? — продолжал допытываться сын.

— А ты разве не слышал, что к нам во Дворец спорта приехали хоккеисты ЦСКА во главе с Фирсовым? Вот хочу им показать заметки про тебя — должны же тобой когда-нибудь и в Москве заинтересоваться.

— Ты же меня уже в Ригу сосватал, — напомнил сын отцу недавнюю историю.

Месяц назад их «Торпедо» играло очередной матч первой лиги против рижского «Динамо». И Александров-старший перед игрой подошел к тренеру рижан Виктору Тихонаву и спросил: как, мол, его сын играет, вам нравится? Тренер ответил прямо: парень очень перспективный.

— Тогда возьмите его к себе, — предложил отец.

Тихонов не ожидал такой наглости и хотел было уйти от прямого ответа. Но затем, подумав, сказал:

— Хорошо, пусть приезжает ко мне в Ригу — мы его в деле посмотрим.

И вот теперь Александров-старший загорелся новой идеей — сосватать отпрыска в ЦСКА. Честно сказав при этом сыну:

— Все-таки Москва это не Рига — если туда попадешь, можно потом и на сборную нацелиться. Но для этого тебя представить надо во всей твоей красе. Вот я и подумал — пусть прочитают, что о тебе наши местные газеты пишут.

Выслушав отца, Борис захлопнул книгу, бросил ее на подоконник и подошел к родителю. Отодвинув его плечом от секретера, он сгреб

все заметки в одну кучу и положил их обратно в папку. После чего закрыл дверцу секретера.

— Ты чего это, сынок? Я же как лучше хочу, — удивился отец.

— Батя, ничего никуда носить не надо. Захотят, сами заметят.

8 февраля 1977 года, вторник, Архангельское, база ЦСКА

После Тарасова к трибуне вышел один из игроков. Как эстафетную палочку, он подхватил тему, прозвучавшую в последних словах Тарасова:

— Александров, еще выступая за команду Усть-Каменогорска, страдал зазнайством. Не избавился он от этого и в нашей команде. Например, на замечания своих старших товарищей он может процедить сквозь зубы: «Не учи ученого». Ему постоянно приходится делать замечания, чтобы он спустился с небес на землю. После серьезных разговоров он мог на некоторое время сдерживаться, но потом снова возникали рецидивы. Ни один советский спортсмен не может так поступать, как поступил Александров. Стыдно здесь сидеть всему руководству клуба и краснеть за твои действия, Борис.

Еще один игрок команды вспомнил историю двухгодичной давности, связанную с именем другого армейца — Валерия Харламова:

— В матче против Воскресенского «Химика» Валерий нарушил правила — ударил кулаком по лицу Владимира Смагина, с которым он когда-то играл в команде «Звезда» из Чебаркуля. Сделано это было не со зла, а в пылу борьбы. Но как же переживал тот инцидент наш товарищ! Уже на следующий день он бросился разыскивать Смагина, чтобы принести ему свои извинения. Он потратил на его поиски почти целый день, поскольку тот только что переехал в новый район в Люберцах и его адреса еще не было в Мосгорсправке. А когда Валерий нашел-таки нужный дом, оказалось, что Смагин сидит на хоккее в Лужниках. Валерий бросился туда, но опоздал — матч уже закончился. И только поздно вечером, узнав от жены, что его ищет сам Валерий Харламов, Смагин позвонил ему домой по телефону. И наш товарищ извинился перед ним за свой проступок. Вот что значит человеческое благородство и хоккейное товарищество! А ты, Борис, вчера после

игры даже не пришел в раздевалку «Спартака», чтобы поинтересоваться здоровьем человека, с которым ты так жестоко обошелся. А ведь он не только твой старший товарищ, он твой земляк — Гуреев чуть раньше тебя два года играл за усть-каменогорское «Торпедо». Как же так можно, Борис?!

Слушая эту речь, Александров попытался отыскать глазами Валерия Харламова, но тот сидел в самом конце комнаты и разглядеть его за головами товарищей виновник происходящего так и не сумел. В этот миг в его памяти всплыл эпизод почти трехгодичной давности.

Ретроспекция. Ноябрь 1973 года

В тот памятный день Борис Александров коротал время в своей двухместном номере на базе в Архангельском. Его напарника, Виктора Жлуктова, рядом не было, поэтому перекинуться в карты было не с кем. Выйдя на балкон, Александров какое-то время смотрел на раскинувшуюся внизу Москва-реку, но быстро замерз и вернулся в номер. Лег на кровать и, прикрыв глаза, мысленно перенесся на свою родину, в Усть-Каменогорск. Его ностальгическим мыслям как нельзя лучше помогала пронзительная песня из радиоприемника в исполнении какого-то зарубежного певца с бархатным голосом, которого хоккеист слышал впервые. Песня была на английском языке и из всех слов, звучавших в ней, Александров понимал только одно — сувенир. И надо же будет такому случится, что тема этой песни окажется для него актуальной буквально в процессе ее исполнения.

Увлеченный прослушиванием, хоккеист не сразу заметил, как в комнату вошел его товарищ по команде — Валерий Харламов. А когда гость был обнаружен, Александров тут же вскочил с постели, но сразу застыл на месте, увидев, как вошедший приложил палец к губам: дескать, давай дослушаем песню. Когда прозвучал ее последний аккорд, Харламов произнес:

— Странно, эту вещь я еще никогда не слышал, хотя певца знаю. Наверное, новинка.

Поймав вопросительный взгляд Александрова, Харламов пояснил:

— Это Демис Руссос из Греции. А пел он, как я понял, про какой-то сувенир. Ты не поверишь, Борис, но я пришел к тебе по этому же

вопросу. Бывают же в жизни совпадения!

— По какому вопросу? — не понял Александров.

— Я же говорю — по поводу сувенира. Пойдем со мной, сам все увидишь.

И Харламов, направляясь к двери, жестом позвал с собой и Александра.

Спустя несколько минут они оказались в комнате, где Харламов проживал с двумя своими партнерами по знаменитой тройке — Михайловым и Петровым. Только в данную минуту ни того, ни другого в комнате не оказалось.

Когда Александров переступил порог жилища, Валерий достал из-под кровати баул, из которого торчали несколько клюшек, и положил их у ног гостя.

— Эти «палки» мне на днях прислал из Канады один из тренеров канадской сборной, с которой мы год назад играли Суперсерию, — сообщил Харламов. — И ты представляешь — все они с правым хватом. А у меня-то левый, как у большинства. И почему мне прислали именно такие, понять не могу. Наверное, напутал что-то тренер. Вот и я стал прикидывать, кому в нашей команде они могут быть кстати. И вспомнил, Борис, про тебя. Ты же у нас праворукий?

Вместо ответа Александров лишь утвердительно кивнул головой. Он был настолько ошарашен услышанным, что никак не мог поверить в то, что ему так несказанно повезло — получить такой королевский подарок. Ведь молодежь в ЦСКА играла отечественными клюшками, которые были весьма незамысловатыми по виду и ненадежными по части своей крепости, и тут на тебе — настоящие канадские клюшки!

— Ну, что ты молчишь — берешь «крюки» или нет? — спросил Харламов.

— Конечно, беру! — спохватился Александров, чем привел дарителя в радостное возбуждение. Мэтр рассмеялся и пару раз ободряюще хлопнул молодого коллегу ладонью по плечу. После чего сказал:

— На тренировки эти «крюки» не приноси, работай с нашими. А вот на чемпионат мира взять их советую — могут пригодиться.

Речь шла о первом молодежном чемпионате мира, который через месяц должен был пройти в Ленинграде. И ведь как в воду глядел Харламов! На том чемпионате сборная СССР завоевала золотые

медали, а Борис Александров стал вторым по результативности после своего коллеги по команде Виктора Хатулева из рижского «Динамо» — тот набрал 9 очков, а у Александрова было всего на два гола меньше. Правда, Борису пришлось схитрить. Он сделал изгиб на харламовских «крюках» чуть больше положенного по норме. Но поскольку обнаружилось это уже в самом конце чемпионата, в финальной игре против канадцев, Александрову присудили лишь десятиминутный штраф, а забитые им две шайбы отменять не стали. Наши, кстати, в том матче победили родоначальников хоккея с разгромным счетом — 9:0.

8 февраля 1977 года, вторник, Архангельское, база ЦСКА

А собрание между тем продолжалось. К трибуне вышел журналист «Советского спорта», которому предстояло осветить этот инцидент в ближайшем номере газеты. Его речь была не менее суровой, чем предыдущие:

— Мне не раз приходилось слышать этакое снисходительное: «Ну что вы — то есть мы, журналисты — придираетесь к Александрову. Он еще мальчишка. Вот малость повзрослеет — и поумнеет. Но что мы видим? Взрослеть Александров действительно взрослеет. Но вот умнеть?! Этот, с позволения сказать, «мальчик» вчера даже не подъехал к лежащему на льду Валентину Гурееву, а в раздевалку шел с этакой ухмылкой на лице. Вальяжной походкой, вразвалочку он шествовал по коридорам Дворца спорта, чему я сам был свидетелем. На нем была роскошная дубленка, на голове модный пробор — все, как полагается. А мне вспомнились первые послевоенные годы: эдакие молодцы в кепках-малокозырочках с челкой, свисающей на низкий лоб, и их наглое: «А ты шо-о?!» Тогда в темных переулках можно было столкнуться со шпаной, желающей покуражиться.

Казалось бы, что эти типы давно ушли в прошлое. И вот на тебе: вчера на ледяной арене, залитой светом прожекторов, перед тысячами зрителей хоккейный шлем вдруг взял и обернулся той самой кепкой-малокозырочкой.

— Что-то вас не в ту степь потянуло, — раздался из президиума, который расположился за спиной выступающего, суровый голос

начальника команды. — У нас здесь не бандитское формирование, а спортивная команда Министерства обороны.

— Вот и я о том же, — повернулся на голос начальника выступающий. — Нельзя воинскому коллективу попустительствовать хулиганам, которые позорят его честь. Таких людей надо строго наказывать, чтобы другим было неповадно.

Сказав это, выступающий покинул трибуну и сел на свое место в первом ряду. После этого начальник команды обратился к Александрову:

— Ну, что, Борис, есть тебе что сказать своим товарищам?

Александров поднялся с места и уже готов был начать свою речь, когда начальник команды жестом прервал его не начавшееся выступление и пригласил выйти к трибуне. Хоккеист повиновался. И, глядя в глаза своим товарищам по команде, был краток:

— Спасибо всем за правильные и честные слова по моему адресу. Я осознаю свою вину перед командой и ее руководством, поэтому обещаю сделать нужные выводы.

— А как насчет Гуреева? — раздался за спиной Александрова голос все того же начальника команды.

— После собрания я поеду к нему в больницу и попрошу прощения, — ответил хоккеист.

И, опустив голову, вернулся на свое место. Рассказывать о том, что Гуреев сам вынудил его на эту грубость, несколько раз ударив в ходе игры клюшкой по рукам, Александров не стал — понимал, что это вряд ли кого-то сможет «пронять». Да и неадекватной была месть — за удары по рукам жестокий толчок на борт.

— Ну, что, ребята, поверим Борису? — спросил начальник команды.

С места раздалось: «Поверим».

— Тогда запишем в протоколе собрания строгое предупреждение и дисквалификацию на ближайшие пять игр.

Однако, едва выступавший это произнес, к нему наклонился, сидевший рядом тренер команды Константин Локтев и что-то ему сказал на ухо. После чего начальник команды внес поправку:

— Прошу прощения, не на пять игр, а на три. Думаю, этого наказания Александрову будет вполне достаточно, чтобы осознать всю меру своей вины.

*9 февраля 1977 года, среда, Рига, Латвийская ССР, квартира
Тихоновых*

Тонко намазав на хлеб сливочное масло, Виктор Васильевич Тихонов налил в чашку горячего чая из фарфорового чайника. И кусая бутерброд, молча наблюдал за тем, как жена Татьяна гладит ему рубашку на гладильной доске. До приезда служебной «Волги», которая должна была отвезти тренера рижского «Динамо» с его квартиры на улице Вейденбаума на очередную тренировку на базу команды в Кандаву (тихий городок с восьмьютысячным населением в 80 километрах от Риги) было еще полчаса, поэтому никто не торопился: Тихонов молча ел бутерброд, а жена гладила, мерно водя утюгом по доске. Поднявшись с постели два часа назад, Тихонов уже успел сделать утреннюю пробежку до Дворца спорта (он находился в десяти минутах от его дома — на улице Кришьяна Барона) и обратно, и даже принять душ. Теперь оставалось еще позавтракать, после чего можно было сказать, что первая половина утра полностью удалась. И в этот самый миг в коридоре зазвенел переливами красивой мелодии дверной звонок.

— Интересно, кто это с утра? — спросила жена, перестав гладить.

— Доглаживай, а я пойду открою, — положив недоеденный бутерброд на тарелку, Тихонов встал из-за стола и отправился в коридор.

Следом за хозяином увязался их карликовый пудель Нерон, который отличался веселым нравом и обожал гостей, в какое бы время суток они не приходили.

Ранним гостем оказался композитор Раймонд Паулс, который жил в одном подъезде с Тихоновыми, только четырьмя этажами выше — на шестом.

— Здравствуй, Василич, — расплываясь в улыбке и переступая порог, поздоровался композитор. — Извини за ранний визит, но иначе не получается — улетаю на гастроли.

— Куда, если не секрет? — поинтересовался Тихонов.

— В Чехословакию, на неделю. Выступаем с моим ансамблем «Модо» в пяти городах. Мы ведь, как и вы, хоккеисты — все время в разъездах. Ты ведь тоже только вчера из поездки вернулся.

Композитор был прав — рижское «Динамо» вернулось из Воскресенска вчера днем.

— Значит, ты видел нашу игру? — поинтересовался Тихонов, зная о том, что Латвийское телевидение вело трансляцию этого матча. — Какое мнение сложилось?

Вопрос был задан не случайно. Композитор следил за успехами рижского «Динамо» и, пользуясь своим соседством с тренером, частенько делился с ним своими впечатлениями, которые позволяли Тихонову увидеть игру своих подопечных глазами стороннего наблюдателя.

— Мне кажется, что последние удаления у вас были несправедливыми, — после короткой паузы произнес Паулс.

— Надо же, и ты у экрана это заметил? — искренне удивился тренер.

— А что тут замечать — все, как говорится, на лицо. Не хочет кто-то, чтобы команда из Прибалтики вошла в тройку призеров. Вот и сдерживают вас. Кстати, кто судил ваш матч?

— Бригада из Москвы. Поэтому я еще до игры предчувствовал, что судьи будут вставлять нам палки в колеса.

— Как хорошо, что ты вспомнил про свои предчувствия, а то я совсем забыл, зачем к вам зашел, — рассмеялся композитор.

И он протянул соседу пластинку, которую все это время держал в руках:

— Мой новый диск так и называется — «Предчувствие». Он только что вышел на нашей рижской «Мелодии». А через две недели, когда мы вернемся с гастролей, мы будем «обкатывать» песни с него на публике — в Большом зале филармонии. Так что милости прошу быть на одном из концертов тебя и всю твою команду.

— Раймонд, спасибо большое, но сколько раз тебе повторять — не мою команду, а нашу. Ты же коренной рижанин, в отличие от меня.

— Прости, Василии, забыл, — засмеялся в ответ Паулс.

— Ты не только это забыл, Раймонд, — подала голос из комнаты жена Тихонова. — Ты забыл поздороваться со мной и пригласить на свой концерт и меня.

— Извини, Татьяна, я думал, что ты уже умчалась на работу, — все так же стоя на пороге, громко произнес Паулс. — Естественно, мое

приглашение подразумевает и твое присутствие. И сына своего, Васю, тоже прихватите. Он, кстати, как?

— Хорошо, но он сейчас в отъезде — «Латвияс Берзс» участвует в турнире в Минске, — ответил за жену Тихонов.

— Ну, тогда я пошел, — протягивая ладонь для прощального рукопожатия, произнес композитор.

Вернувшись в комнату, Тихонов взглянул на настенные часы — они показывали, что до приезда служебной машины было еще пятнадцать минут. Он извлек из конверта пластинку и поставил ее на проигрыватель. Но прежде, чем он успел опустить иглу на диск, жена спросила:

— Как он сказал называется пластинка?

— «Предчувствие».

— Красивое название, — жена догладила рубашку и, повесив ее на спинку стула, присела на диван, чтобы насладиться музыкой. Рядом с ней тут же примостился и Нерон.

— Ну что же, посмотрим, что новенького сочинил наш знаменитый сосед, — произнес Тихонов и опустил иглу на диск.

И по квартире разлились чарующие звуки новой композиции Раймонда Паулса, давшей название всей пластинке. Пока звучала песня, Тихонов, присев на диван рядом с супругой и обняв ее за плечи, погрузился в собственные мысли. В эти минуты ему почему-то вспомнилось послевоенное время — 1949 год, когда он, будучи 19-летним молодым человеком, перемахивал через забор в кинотеатр «Форум», который находился рядом с его домом на Малой Колхозной улице, и смотрел итальянский фильм режиссера Марио Коста «Любимые арии» с музыкой Джованни Фуско и восхитительной Джинной Лоллобриджидой в главной роли. Эту музыкальную ленту, где звучал знаменитый шлягер в исполнении певца Тито Гобби «Скажите, девушки», Тихонов смотрел раз двадцать — так она его потрясла. Он в ту пору играл в футбол на стадионе «Буревестник» (на его месте потом построят спорткомплекс «Олимпийский») и о хоккейной карьере не думал. Всеми его помыслами с детства владел футбол.

Ретроспекция. Москва, 1940 год, Двор между Садово-Сухаревской и Малой Колхозной улицами

В футбол в предвоенной Москве мальчишки гоняли до изнеможения. Играли тряпичными мячами, набитыми опилками, мутузили все, что попадалось под ноги, — консервные банки и даже пустые папиросные коробки. Слава Тихонов, по прозвищу Кыра (он тогда сильно картавил) не был исключением из правил. Их дворовая команда частенько противостояла командам из соседних дворов, а главным их соперникам были ребята с 4-й Мещанской. Среди последних особенно выделялся шустрый 8-летний Женька со странной фамилией Гангнус. Ребята называли его «немчурой», хотя сам он уверял всех, что это латышская фамилия. Отец у него был геологом, а деда-математика репрессировали как «врага народа». Спустя два десятка лет, когда Кыра-Тихонов дорастет до помощников знаменитого тренера Аркадия Чернышева, Жека Гангнус, сменив фамилию на Евтушенко, будет греметь на просторах Союза, как знаменитый поэт. Но тогда, за год до войны, никто из них об этом, естественно, даже не догадывался, гоняя тряпичный мяч во дворе на Малой Колхозной, прямо напротив кинотеатра «Форум».

— Кыра «немчуре» ногу сломал! — истошный вопль кого-то из юных игроков огласил всю ближайшую округу.

Игра тут же остановилась и ребятня бросилась к Жеке Гангнусу, который, корчась от боли, лежал на земле. Рядом с ним стоял Слава Тихонов, который в пылу борьбы за мяч так саданул соперника пыром по голени, что звук от этого удара был слышен даже в соседних переулках. Один из «мещанских» — рыжий парень по прозвищу Кузя — схватил с земли мяч и решительным шагом направился к воротам «колхозников». Стало ясно, что он собирается бить «пеналь» — пенальти. Но «колхозники» не хуже рыжего знали правила. Нарушение случилось в центре поля, значит никакого «пеналья» быть не должно.

— Кузя, а рожка у тебя не треснет? — преграждая рыжему дорогу, завопил ему прямо в лицо Славка Гвоздев, который был самым старшим из всех играющих — ему шел четырнадцатый год.

— Ваш Кыра нашего игрока уделал — значит, будет «пеналь»! — с не меньшим запалом, чем его визави, выпалил Кузя.

— Никого он не уделал — вон ваш немчура уже и голосить перестал. Малость полежит и опять забегает. Бей штрафной от центра.

— А я сказал, Гвоздь, «пеналь» будет! — Кузя, хоть и был щедушнее Славки, но, выпятив вперед грудь, стал наступать на своего

противника.

В воздухе явственно запахло дракой. До нее оставались считанные секунды, когда над футбольным полем раздался чей-то залихватский свист. Все повернули головы и увидели человека, которого меньше всего хотели бы видеть. Это был Генка Стеклов по прозвищу Штырь. Сын уголовника-рецидивиста и матери-алкоголички он был грозой окрестной детворы, которая одновременно боялась его и уважала. Несмотря на свой жестокий нрав, Генка был справедлив и порой даже сентиментален.

— Что за шум, а драки нет? — играя папиросой в углу рта, спросил Генка, приближаясь к Кузе и Гвоздю.

— Да вот, Кузя нас новым правилам учит, — ткнул рыжего кулаком в грудь Гвоздь. — Немчуру вон где сбили, а он решил нам «пеналь» пробивать.

— Потому что ваш Кыра грубо играет — чуть ногу ему не сломал.

— Чуть не считается, — был неумолим Гвоздь.

— А ну-ка, шантрапа, замолчь! — осадил спорящих Генка и повернулся к Жеке: — Немчура, брысь ко мне!

Женька встал с земли и поковылял на зов Штыря. Глядя на то, как он идет, тот усмехнулся:

— А ты, Кузя, нам баки забиваешь, что он ногу сломал. Глянь, как марширует — будто конь Буденного на военном параде.

Когда Жека подошел к нему на расстояние вытянутой руки, Генка забрал у Кузи мяч и, передав его Жеке, сказал:

— Ковыляй до места своего падения и бей оттуда штрафняк. А ты, Кыра, запомни: идти на игрока с прямой ногой — значит, сделать его инвалидом. Вдруг наш Жека когда-нибудь станет Пекой Дементьевым или Серегой Ильиным, а ты ему на самом взлете всю мазу поломаешь.

— Не будет из немчуры футболиста, — подал голос Гвоздь, — он хоть и шустрый, но больно малохольный. А вот из Кыры толк может получиться.

— На пари нарываешься, Гвоздь, — Генка выплюнул изо рта потухшую папиросу. — У Кыры техника хорошая, но башка деревянная — прет вперед, как танк.

— К хорошим тренерам попадет, башку ему поправят, — не сдавался Гвоздь.

— Пospорим?

— На что?

— Я у твоего бати полевой бинокль видел.

— А ты мне за него свою финку отдашь.

— Вы чего, обалдели? — вмешался в этот спор Кузя. — Пока Кыра до великого дорастет, вам уже по сто лет будет.

— А я терпеливый, — гоготнул Генка. После чего смачно харкнул себе под ноги и сказал:

— Ну, ладно, доигрывайте свой футбол, голытьба, а я к Машке пойду — заждалась она, поди, меня.

Однако, дойдя до поворота в переулок, Генка не удержался — обернулся и крикнул играющим:

— И все-таки не быть Кыре хорошим футболистом.

Как показала жизнь, Генка Стеклов по прозвищу Штырь в какой-то мере оказался прав — Славке Тихонову, действительно, не суждено будет стать великим футболистом. Его сманит иная стезя — хоккей, который в конце 40-х станет в Советском Союзе не менее популярен, чем футбол. И, самое интересное, Генка успеет признать свое поражение много лет спустя. Это случится в конце 60-х, когда судьба забросит Тихонова в рижское «Динамо». Его жену, Татьяну, местные власти устроят на работу юристом в местную колонию строгого режима. И вот однажды, когда она после очередного трудового дня собиралась уходить домой, на улице к ней подошел невысокий мужчина в кепке и с трехдневной щетиной на скулах. В руке он держал гвоздику. Протягивая ее женщине, незнакомец спросил:

— Это ведь вы Татьяна Тихонова, супруга Виктора Васильевича?

— Совершенно верно, — принимая цветок, ответила Татьяна. — С кем имею честь?

— Мое имя лично вам ничего не скажет, — ответил мужчина и кашлянул в кулак.

По тому, как он это сделал, Татьяна поняла, что у незнакомца тяжелая форма туберкулеза. Она догадалась, что перед нею бывший зек.

— Тогда чем я обязана этому цветку?

— У меня к вам настоятельная просьба. Передайте пожалуйста Кыре, что Штырь был не прав.

Сказав это, мужчина галантно поклонился своей собеседнице и пошел в противоположную от ее дома сторону. Когда, придя домой,

Татьяна рассказала об этой встрече мужу и подробно описала внешность незнакомца, тот всплеснул руками:

— Это же Генка Стеклов — мой сосед по Малой Колхозной! Надо же — жив курилка!

*9 февраля 1977 года, среда, Рига, Латвийская ССР, квартира
Тихоновых*

— Странно, что такие прекрасные мелодии, которые пишет Раймонд, до сих пор не заинтересовали кого-то из больших артистов в Москве, — едва кончилась на пластинке песня, произнесла жена Тихонова. — Например, эта вещь могла бы украсить репертуар Аллы Пугачевой.

— Была же Лариса Мондрус с «Синим льном», — напомнил Тихонов.

— И где теперь Мондрус — в Германии? С тех пор и «Синий лен» в ее исполнении пропал. И вот уже пять лет, как песни Раймонда в Москве больше никто не поет.

— Я думаю, это временное явление и его талант рано или поздно снова заметят и в столице, — поднимаясь с дивана и направляясь к стулу, на спинке которого его дожидалась свежая и идеально выглаженная рубашка, ответил Тихонов.

— А как быть с твоим талантом?

На вопрос супруги муж ответил не сразу. Сняв с себя спортивную кофту, он облачился в белоснежную рубашку и, застегивая пуговицы, спросил у жены:

— Тебе плохо в Риге?

— Нет, лично мне здесь очень хорошо, я никуда не хочу уезжать, но я думаю о тебе. Мне кажется, что ты уже перерос рижское «Динамо». Все-таки почти десять лет его тренируешь. Да, ты вернул команду в класс сильнейших, поставив всю Ригу на уши. Все до сих пор помнят, какой ажиотаж стоял вокруг ваших матчей. Чтобы достать заветный абонемент люди ночевали возле Дворца спорта и даже жгли там костры. Те абонементы на хоккей стали настоящим дефицитом — они распространялись по жуткому блату, на них меняли черную икру и

даже американские джинсы. Но все это в прошлом. И хотя ты вывел в минувшем сезоне команду на шестое место...

— ...то ты считаешь этот результат моим потолком? — продолжил мысль жены Тихонов.

— Хорошо, в этом сезоне вы можете войти в тройку лидеров. Но стать чемпионами вам все равно не дадут. Ни в этом сезоне, ни в последующих.

— И поэтому мы должны уехать из Риги?

— Речь не об этом, а о том, что для дальнейшего роста тебе нужно возглавить какую-нибудь московскую команду. Ты ведь сам думаешь об этом, только боишься в этом признаться. А ведь даже Раймонд однажды, сидя вот на этом диване, признался нам, что мечтает поработать с кем-то из московских знаменитостей.

— Я уже работал со знаменитостями, — напомнил жене Тихонов прошлогоднюю историю, когда он возглавлял первую сборную СССР на Кубке Канаде, завоевавшую третье место.

— Это была молодежная, по сути экспериментальная сборная, где ведущих игроков практически не было. А я веду речь о каком-то из именитых московских клубов. Ты же часто бываешь в Москве, поговори с кем-то из Спорткомитета, обворожи, в конце концов. Не всю же жизнь тебе тренировать рижское «Динамо» или вторую сборную.

— Дорогая, обворожи — это не по моей части, — не смог сдержать улыбки Тихонов. — Впрочем, ты меня уговорила. Как только нашего знаменитого соседа-композитора оценят в Москве, следом за ним туда отправлюсь и я, чтобы возглавить, например, ЦСКА и первую сборную в придачу. Надеюсь, эти клубы тебя устраивают?

— Вот всегда так: как только я хочу поговорить с тобой на серьезные темы, ты переводишь все в шутку, — женщина тяжело вздохнула и поднялась с дивана.

Как оказалось вовремя — за окном послышался гудок служебной «Волги»...

Автомобиль домчал Тихонова до базы рижского «Динамо» в Кандаве за час с небольшим. Войдя в здание, старший тренер зашел к себе в кабинет, где оставил свой дипломат с документами и отправился напрямик в раздевалку, где в эти минуты хоккеисты рижского «Динамо» должны были переодеться и выйти на лыжный

кросс, который сегодня должен был заменить им тренировку. Последняя была запланирована на завтра и должна была пройти во Дворце спорта в Риге, где и февраля рижанам предстояла важная игра — против одноклубников из Москвы. Той самой команды, в которой когда-то выступал их нынешний тренер Виктор Тихонов и где он на протяжении пяти лет был вторым тренером, помогая самому Аркадию Ивановичу Чернышеву. Месяц назад, в Москве, столичные динамовцы разгромили рижан 9:2 и теперь Тихонову предстояло настроить своих игроков на реванш, который был нужен им до зарезу — чемпионат катился к своему финишу и каждое очко было на вес золота. Рижане занимали 5-е место, набрав 27 очков — столько же было у Воскресенского «Химика». А вот челябинский «Трактор» уже сумел оторваться от них на семь очков, но рижанам вполне по силам было догнать челябинцев и попытаться побороться с ними за бронзовые медали.

Подойдя к приоткрытой наполовину двери, Тихонов остановился, услышав громкие голоса спортсменов, которые о чем-то яростно спорили. Как оказалось, они обсуждали позавчерашний матч ЦСКА — «Спартак» в Лужниках, а вернее, тот эпизод на 19-й минуте второго периода, который никого из болельщиков не оставил равнодушным. И хотя никто из хоккеистов рижского «Динамо» не видел воочию этого инцидента (они в это время сражались с «Химиком»), но вся хоккейная Рига уже сутки обсуждала этот инцидент, поэтому он был известен хоккеистам фактически до деталей.

— Гуреев сам виноват — завозился в углу площадки с шайбой и не смог вовремя сгруппироваться, когда на него налетел Александров — слышал Тихонов чей-то пассаж — кажется, это был Виктор Хатулев, который и сам частенько был жестковат с соперниками. К тому же он играл с Александровым в одной пятерке в молодежной сборной на двух чемпионатах мира в 1974 и 1975 годах. На последнем первенстве Хатулев приглянулся самим канадцам и был взят на драфт в НХЛ под 160-м номером. Но в Канаду его, естественно, не отпустили.

— Как можно сгруппироваться, если тебя со всей дури толкают «шлагбаумом» в спину? — в этом возмущенном Тихонов узнал другого нападающего — Петра Воробьева. — И вообще, Александрова хлебом не корми, но дай подраться. Это еще с молодежи началось. Ты же сам,

Витька, рассказывал, что он на молодежном чемпионате два года назад чуть ли не в каждом матче удалялся — когда на две минуты, а когда и на все десять.

— Зато он и голы забивал, — напомнил Хатулев. — В финальном матче с канадцами, который мы выиграли 4:3, две шайбы были Александровские.

— А я думаю, что Витька прав — хоккей сегодня становится все более жестким и чтобы идти в ногу со временем, надо быть готовым вести борьбу по всей «коробке», — в этом голосе Тихонов опознал защитника Михаила Бескашнова, который в команде считался главным «штрафником» — только в этом сезоне у него уже «набежало» почти 70 штрафных минут.

— Ты хочешь сказать, что надо идти в ногу с канадцами? — это снова Воробьев.

— Правильно мыслишь, Петро, с ними, — подтвердил догадку коллеги Бескашнов. — Борька Александров лучше всех в нашем хоккее умеет играть по-канадски. Это я тебе как защитник говорю.

— Махать кулаками и толкать исподтишка своего же брата-хоккеиста на борт большого ума не надо, — вступил в разговор новый участник — в нем Тихонов узнал нападающего Хельмута Балдериса. — Ведь еще неизвестно, чем эта история для Гуреева закончится — говорят, что унесли его на носилках без сознания.

В этот миг кто-то тронул Тихонова за плечо. Он обернулся, и увидел рядом с собой второго тренера команды Эвальда Грабовского.

— Доброе утро, Виктор Васильевич. Видать, сильно задел ребят этот инцидент, — произнес подошедший.

— А вас он не задел, Эвальд Артурович? — Тихонову было интересно услышать и мнение своего помощника.

— Само собой, и меня тоже, — не задержался с ответом Грабовский. — Но что правда, то правда — хоккей сегодня меняется, и жесткости в нем будет только прибывать. Интересно, возьмут после вчерашнего инцидента Александрова на чемпионат мира в Вену?

— Я бы не взял, — покачал головой Тихонов.

— Но вы же брали его во вторую сборную, да и в первую тоже — на Кубок Канады?

— А сегодня бы не взял. Вы не знаете, но у нас с ним с самого начала отношения не заладились. Я после первой же игры в составе

второй сборной устроил ему разнос: отчитал за то, что он своих партнеров игнорирует — в пас не играет, да и в центр лезет постоянно, хотя его место на левом фланге. Так знаете, что он мне сказал? Дескать, его так Тарасов научил — что самый короткий путь к воротам лежит через центр. Но Анатолия Владимировича уже пять лет как нет в сборной, столько воды утекло!

— Но Александров сейчас в лидерах у армейцев, да и в играх с канадцами на чемпионате мира может пригодиться.

— Вы преувеличиваете его потенциал. Да, он много забивает, но и на скамейке штрафников сидит столь же часто. И иной раз даже не поймешь, что у него получается лучше — голы забивать или удаляться с поля. Он ведь и на Кубке Канады забил всего лишь две шайбы и сделал три голевые передачи. И на призе «Известий» отметился одной забитой шайбой и всего одной передачей. И знаете почему? Его партнеры, видя, что он тянет одеяло на себя, частенько тоже игнорируют его на площадке. И так будет всегда, пока он сам не сделает должных выводов. Хоккеист он талантливый, но медные трубы вскружили ему голову. Судя по всему, в ЦСКА его некому приструнить, так сказать, спустить с небес на грешную землю.

— Ну, я думаю, там, наверху, позавчерашний инцидент без внимания не оставят. Наверняка, уже собрались и прикидывают, как с Александровым поступить, чтоб другим неповадно было так себя вести. Надо этим случаем и нам воспользоваться — приструнить кое-кого из наших архаровцев. Например, Бескашнова — парень явно идет на рекорд в чемпионате по удалениям за грубость. Да и Балдерису тоже не мешает внушение сделать. Его, кстати, снова вызвали в первую сборную — на чемпионат мира в Вену поедет.

— Откуда знаете?

— Только что из Москвы позвонили — предупредили, чтобы поберегли его.

— И чем только столичные чиновники думают, непонятно, — усмехнулся Тихонов. — Нам за место в тройке призеров предстоит бороться, а мы будем лучшего игрока беречь — его задницей скамейку полировать. Нет уж, Эвальд Артурович, никаких поблажек никому делать не будем.

Сказав это, Тихонов рывком распахнул дверь раздевалки и шагнул за порог.

*9 февраля 1977 года, среда, Москва, квартира журналиста газеты
«Ленинский призыв» Егора Красовского*

Всю ночь прокувыркавшись в постели со своей возлюбленной, журналист Егор Красовский теперь спал так крепко, что даже не услышал громкой трели телефона, который стоял на прикроватной тумбочке. И проснулся Егор только после того, как его девушка, Анжела Белова, так саданула его локтем в бок, что он мгновенно открыл глаза и услышал наконец телефонные рулады.

— Да, я слушаю, — поднимая трубку, произнес Красовский.

— Ты почему трубку не берешь? Мало того, что тебя вторые сутки нельзя застать в редакции, так тебя еще и дома не добудишься, — бушевал на другом конце провода начальник журналиста — главный редактор газеты Игорь Дмитриевич Дегтяренко.

— Так застали же, — лениво отбрыкивался журналист.

— После того, как пять минут держал эту чертову трубку возле уха! — продолжал злиться главред. — Ты там не один, что ли?

— Не один, — признался Красовский.

— Понятно. Короче, слушай сюда. Сегодня «Советский спорт» напечатал большую заметку про Бориса Александрова. Про тот инцидент, что случился позавчера на матче ЦСКА — «Спартак». Статья называется «Удар в спину», в ней этому бандиту с клюшкой вlepили по первое число. Нам тоже надо родить нечто похожее. Статью на морально-нравственную тему, этаким очерк нравов.

— А кто герой? — поинтересовался журналист.

— Тебе что, уши заложило? Герой все тот же — Александров. Он сейчас идет нарасхват, поскольку личность колоритная, нетипичная. Распиши его «под хохлому» так, как ты умеешь — с копанием в биографии, с сочными деталями из прошлого и настоящего. Исследуй, как вышло так, что талантливый, в общем-то, спортсмен, превратился в настоящего хулигана, который позорит честь советского спорта. Порассуждай на тему, во что может превратиться наш советский хоккей, если в нем и дальше будут копировать худшие черты хоккея канадского. Уяснил? Тогда действуй! Материал должен лежать у меня на столе в понедельник.

Услышав в трубке короткие гудки, Красовский положил ее на аппарат.

— Кто это был в такую рань? — раздался из-под одеяла голос возлюбленной журналиста.

— Начальство работенку подбросило, будь оно неладно, — вытаскивая из пачки, лежавшей на тумбочке, сигарету, ответил Егор.

— Опять надо написать, как какой-нибудь «Молот» проиграл «Дизелисту»?

— Дура ты, Анжела, — беззлобно выругался Красовский, пуская струю дыма под потолок.

— Зато ты у нас умный, — девушка повернулась на другой бок — лицом к Егору. — Хорошо, пусть не про «Дизелист», а про «Спартак» — сути дела это не меняет.

— Не про «Спартак», а про Александрова.

— А кто это? — спросила девушка, которая хоть и встречалась уже около полугода со спортивным журналистом, но в спорте почти не разбиралась.

— Я же говорю — дура, — все так же беззлобно повторил Красовский.

— Чем ругаться, лучше бы рассказал, кто это такой, — без тени обиды попросила девушка.

Бросив на возлюбленную короткий взгляд, журналист сообщил:

— Борис Александров — игрок ЦСКА. Молодой, но очень талантливый — год назад он даже стал Олимпийским чемпионом. Но есть у него ахиллесова пята — невыдержанный он, драчливый. Вот и попадает в разного рода истории. Два дня назад, например, так толкнул во время игры своего соперника на борт, что тот потерял сознание и угодил в больницу. И мой главный теперь хочет, чтобы я написал про это статью.

— Он что, такой сильный, этот твой Александров, раз с одного удара человека в больницу отправил? — продолжала интересоваться Анжела.

— Во-первых, он не мой, а во-вторых — он ростом с тебя будет, но наглости в нем на десятерых хватит.

— Симпатичный? — в голосе девушки послышались игривые нотки.

Вместо ответа Красовский встал с кровати и как был, нагишом и с сигаретой в зубах, отправился в другую комнату. Его не было около минуты. А когда он появился снова, то в руках держал вырванную

страницу из какого-то журнала, на которой был изображен Александров. Подойдя к девушке, Егор молча протянул ей фотографию. Анжела взяла ее в руки, но прежде чем начать разглядывать, заметила:

— Ты бы прикрылся чем-нибудь, а то смущаешь — вместо фотки я буду смотреть на твое «хозяйство».

Красовский хмыкнул и надел плавки, лежавшие на полу. А Анжела в это время стала с интересом разглядывать фотографию Бориса Александрова, сделанную в прошлом году — сразу после победы советской сборной на Олимпиаде в Инсбруке.

— И правда, симпатичный, — подтвердила свою догадку девушка. — Сразу видно: на такого парня девки штабелями вешаются.

— Ты бы тоже повесилась? — спросил Красовский.

— А почему бы и нет? Симпатичный, знаменитый, да еще при деньгах.

Услышав это, Егор, который застегивал пуговицы на рубашке, внезапно застыл на месте.

— Слушай, а ведь это эврика! — воскликнул он в следующую секунду.

— Какая еще эврика? — удивилась девушка.

— Ну, идея, значит. А что если ты и в самом деле повиснешь у него на шее, и мы вместе с тобой сделаем расчудесный материал.

— У кого повисну, какой материал? — продолжала удивляться Анжела.

Вместо ответа Егор натянул на ноги штаны, затем взялся за носки. После чего подошел к девушке и присел рядом с ней на кровать.

— Анжелочка, послушай меня внимательно и не перебивай. Моя идея заключается в следующем. Дело в том, что у меня значительно меньше шансов вызвать на откровенность Александрова, поскольку я не обладаю твоим прекрасным личиком, стройными ногами и грудью третьего размера. Поэтому я предлагаю следующее. Я свожу тебя с Борисом, ты его охмуряешь, после чего вытягиваешь из него нужную мне информацию. Ну, типа, как он себя чувствует после позавчерашнего инцидента, как докатился до жизни такой, как собирается жить дальше. Короче, чем больше информации ты из него вытянешь, тем лучше. Моему очерку это будет только на пользу.

— То есть, ты хочешь сделать из меня шпионку? — до девушки, наконец, дошел смысл идеи ее возлюбленного.

— Я всегда говорил, что ты у меня умница, — и Егор нежно обнял девушку за плечи.

— Пять минут назад ты называл меня душой, — напомнила журналисту его же собственные слова Анжела.

— Я жестоко ошибался. Иначе никогда бы не предложил тебе столь гениальную авантюру, которая по зубам только умной девушке.

— А если этот Александров начнет меня по-настоящему домогаться? — без тени иронии спросила Анжела.

— Не спорю, такое вероятно, хотя он и женат. Но гусар он тот еще, поэтому за бабами увивается постоянно. Но ты ведь у меня комсомолка, девушка честных правил, чтобы не найти выхода из столь щекотливой ситуации.

— Ну и сволочь же ты, Егор! — воскликнула Анжела и, отбросив в сторону одеяло, вскочила с кровати. — Подкладываешь меня под первого встречного ради газетной статейки!

— Зачем же так грубо, милая, — Красовский схватил девушку за руки и силой усадил обратно на кровать. — Во-первых, он не первый встречный — он восходящая звезда советского хоккея. Во-вторых, с чего ты взяла, что я подкладываю тебя к нему в постель? От тебя требуется только охмурить его, войти к нему в доверие и выведать нужную информацию. Если дело дойдет до интима, то ты вправе вмазать ему по его знаменитой физиономии и заявить свое гордое «нет». Не станет же он тебя насиловать.

— Ты же сам говорил, что он невыдержанный.

— Так это он на льду такой.

— Тогда как же я его охмурю? — удивилась Анжела.

— А вот именно в этом и заключается вся интрига. Зная твой авантурный характер, я и предположил, что только ты можешь увлечь известного мужчину, вскружить ему голову и, слегка поматросив, бросить. Чтобы затем снова оказаться в моих объятиях. Согласись, это высший пилотаж — пофлиртовать с одним, а отдаться другому.

— Дурак ты, — засмеялась Анжела и даже стукнула кулачком своего возлюбленного по спине. Но по этому смеху Красовский понял, что свою пассию он, кажется, уговорил.

— Итак, невеста согласна, теперь надо уговорить жениха, — перефразируя героя знаменитой «Кавказской пленницы», радостно произнес Красовский.

Он подбежал к телефону и, достав из тумбочки записную книжку, нашел в ней номер базы ЦСКА в Архангельском.

— Сейчас я позвоню на армейскую базу, а ты попросишь к телефону Александра.

— Но что я ему скажу? — удивилась Анжела.

— Скажи, что поклонница, что хочешь с ним встретиться в удобное для него время. Думаю, после недавнего инцидента его обязательно дисквалифицируют на несколько игр, так что времени для встреч у него будет предостаточно. А тут еще и стресс надо как-то снять. Так что красивая девушка как нельзя будет кстати.

Сказав это, Егор набрал нужный номер и спустя пару секунд передал трубку девушке.

— Позовите, пожалуйста, Бориса Александра, — произнесла Анжела, едва ей ответили на другом конце провода. — Это его знакомая.

После этого девушка в течение нескольких секунд слушала своего далекого собеседника. Затем протянула трубку Егору. Тот приложил ее к уху, но в трубке раздавались короткие гудки.

— В чем дело? — спросил Красовский.

— Там сказали, что Александров несколько минут назад уехал в аэропорт «Домодедово».

Егор положил трубку на аппарат и снова повернулся к девушке:

— Ты чего стоишь — одевайся. Мы едем в аэропорт.

9 февраля 1977 года, среда, Москва, Федерация хоккея СССР

На столе председателя Федерации хоккея СССР Николая Кузьмича Королькова лежал свежий номер газеты «Советский спорт», где была опубликована статья журналиста Дмитрия Рыжкова «Удар в спину», посвященная недавнему инциденту на матче ЦСКА — «Спартак». Генерал-майор Леонтий Скурлатов и Павел Кондратьев, пришедшие к Королькову на совещание, усаживаясь в свои кресла, сразу обратили внимание на этот номер газеты и поняли, о чем пойдет

сейчас речь. И не ошиблись. Положив ладонь на газету, Корольков, на правах хозяина, заговорил первым:

— Уверен, что сегодняшнюю статью про Бориса Александра вы уже прочитали. Поэтому спрошу прямо: какие выводы пришли в ваши светлые головы?

— Какие могут быть выводы, Николай Кузьмич? — удивился Скурлатов. — Вчера в ЦСКА было собрание, которое приняло решение наказать Александра дисквалификацией на три игры. Если позволит себе подобное еще раз, будем ставить вопрос о переводе его в дочерний клуб — в СКА МВО.

— Что-то больно мягкое вы выбрали для него наказание, Леонтий Ильич, — не скрывая своего сарказма, встретил это сообщение Кондратьев. — Надо было до конца сезона отстранить этого хулигана от игр, в противном случае его мозги вряд ли успеют встать на место. Вы читали, что написано в статье? Это же форменная шпана, только вместо кепки-малокозырочки на его голове красуется хоккейный шлем.

— Журналист явно сгустил краски, он это делать умеет, — не согласился с мнением чиновника из Спорткомитета генерал-майор. — Александров игрок талантливый, но немного горячий в силу своего молодого возраста. В пылу борьбы не рассчитал свои силы — с кем не бывает? Я думаю, он уже сделал правильные выводы и ничего подобного больше не совершит. Он и вчера на собрании об этом объявил перед всей командой.

Сказав это, Скурлатов перевел взгляд на хозяина кабинета, как бы ища у него поддержки. Корольков, который все это время внимательно следил за перепалкой своих гостей, как будто ждал этого момента. И тут же вступил в разговор:

— Я пригласил вас, друзья, не столько для того, чтобы поговорить об Александре, сколько обсудить с вами ситуацию, которая складывается сегодня в нашем хоккее. Тревожная, прямо вам скажу, ситуация. Ведь дело не только в одном Александре, а во многих наших молодых хоккеистах, которые стали слепо копировать самые неприглядные стороны канадского хоккея. Я имею в виду его грубость. Видимо, отдельным нашим игрокам не дает покоя слава Кувалды Шульца, о котором, кстати, совсем недавно так убедительно писал наш еженедельник «Футбол-Хоккей». Надеюсь, вам знакома эта публикация?

По лицам своих собеседников Корольков понял, что об упомянутой заметке они знали не понаслышке. В статье рассказывалось о той волне насилия, которая обрушилась на НХЛ с середины 70-х, а главными зачинщиками этой волны была команда «Филадельфия флайерз», которую сами же канадцы прозвали «бандой убийц». А главным убийцей в ней был упомянутый Дэйв Шульц по прозвищу Кувалда. В одном из своих интервью он честно признался, что предпочитает на льду драться, а не забивать шайбы. В сезоне 1974/1975 Кувалда установил антирекорд НХЛ — заработал 472 минуты штрафного времени. А его команда отличилась тем, что только за один матч набрала 194 штрафные минуты — еще один антирекорд НХЛ. Все это четко вписывалась в тактику, которую выбрал для «Флайерз» их тренер Фред Широ, прямо призывавший своих «головорезов»: «Ребята, чем больше разрушений — тем лучше». Эта тактика запугивания приносила свои плоды. Благодаря ей «Филадельфия флайерз» два года подряд завоевывала Кубок Стэнли, а в январе 1976 года с помощью все той же грубой силы сломила сопротивление ЦСКА на своем поле и победила со счетом 4:1. В итоге, чтобы не отставать от «Филадельфии», ее тактику грубой силы стали перенимать и другие канадские команды.

Нельзя сказать, что спортивные чиновники в СССР смотрели на эти события отстраненно. Здесь тоже понимали, что рано или поздно эта волна может добраться и до Союза. Поэтому еще в 1971 году было принято решение разрешить советским хоккеистам в первенстве СССР вести силовую борьбу по всей площадке. Однако одно дело силовая борьба в рамках правил и совсем другое дело — грязная игра, грубость. Ее допускать никто не собирался. Но она исподволь начала торить себе дорогу и в советском хоккее, что вызывало неоднозначную реакцию в спортивных верхах. Одни чиновники от спорта считали, что нам надо учиться жесткому хоккею, чтобы уметь противостоять канадцам, другие думали иначе — что силовая борьба не должна превалировать над комбинационной, чем так всегда славился советский хоккей. Собственно, представители двух этих направлений и собрались в кабинете у Королькова.

— Не хотите ли вы сказать, Николай Кузьмич, что Александров примеряет на себя корону Кувалды Шульца? — спросил Скурлатов.

— Есть такое подозрение, Леонтий Ильич, — не скрывая своей озабоченности, ответил Корольков, и добавил: — У вас в ЦСКА в последнее время вообще в этом плане сложилась нездоровая обстановка. А, учитывая, что ваш клуб является флагманом нашего хоккея...

— В каком смысле нездоровая? — не дал договорить председателю Федерации Скурлатов.

— В самом прямом — вы стали самой грубой командой в нашем первенстве. Вот тут мне мои помощники подготовили кое-какие выкладки, которые я хочу вам продемонстрировать, — сказав это, Корольков извлек из ящика стола документ, который положил перед собой и, глядя в то, что там было написано, продолжил: — Здесь приведены данные за последние пять лет, начиная с сезона 1972/973 годов. Эти цифры весьма четко рисуют следующую картину. Если до этого в нашей высшей лиге количество всех штрафных минут, набранных командами за один сезон, едва превышало две тысячи, то уже через два года эта цифра перевалила за три тысячи штрафных минут. При этом за пять минувших сезонов лидером по этим показателям является ЦСКА, который «наседел» на скамейке штрафников более полутора тысяч минут. Далее идут «Крылья Советов», у которых 1400 минут, «Спартак» с чуть меньшим результатом, рижские и столичные динамовцы. Причем рижане умудрились заработать эту цифру за четыре сезона.

— Но причем здесь Борис Александров? — вновь подал голос Скурлатов. — Насколько мне известно, он по своим штрафным минутам никак не тянет на рекорд Кувалды Шульца.

— Да, вы правы, Леонтий Ильич, ваш Борис за пять сезонов «наседел» всего-то 115 минут — в среднем, это около 25 минут за сезон, — согласился с генералом Корольков. — Но у вас есть другой герой, сравнимый с Кувалдой — Владимир Петров. Этот хоккеист единственный, кто на протяжении пяти последних сезонов неизменно входил в десятку самых отъявленных штрафников. За это время он набрал... — председатель Федерации на секунду прервал свою речь, чтобы сверится с точной цифрой, после чего продолжил: — набрал 229 штрафных минут, что в среднем равняется 46 минутам за сезон. Это очень много по нашим меркам.

— Но Петров лучший центральный нападающий ЦСКА и сборной! — снова возразил докладчику Скурлатов. — Он свои штрафные минуты компенсирует голами. В вашем документе эта цифра фигурирует?

— Естественно, вот она: Петров за пять сезонов забил 116 шайб. Но речь-то идет о другом. О том, какой пример подает Петров молодым хоккеистам — тому же Александрову. А это дурной пример.

— Это все демагогия, Николай Кузьмич, — не скрывая своего раздражения, воскликнул Скурлатов. — Когда в прошлом году Петрова не взяли на чемпионат мира в Катовице, мы проиграли турнир, уступив даже полякам. Он тот самый вожак, который ведет за собой всю команду.

— Совершенно верно, Леонтий Ильич, — в разговор вступил Кондратьев, который все это время с интересом следил за дискуссией. — Ваш Петров действительно возомнил себя не то вожаком, не то полубогом, но возникает вопрос: в правильном ли направлении он ведет свою, так сказать, стаю? Если мне не изменяет память, когда три года назад вы в финальном матче первенства страны встречались с «Крылышками», Петров заявил самому Анатолию Владимировичу Тарасову, что тот ни черта не понимает в хоккее и отказался выходить на лед в третьем периоде. Прямо на глазах у всей команды переоделся в гражданскую одежду и не стал продолжать игру. Вы тогда, кажется, проиграли 4:6 и упустили золотые медали. Разве настоящие вожаки так поступают? Вы там в ЦСКА совершенно распустили отдельных хоккеистов, что вам и пытается втолковать Николай Кузьмич.

— А взять, к примеру, матч годичной давности в Лужниках между ЦСКА и «Химиком», — поддержал Кондратьева хозяин кабинета. — Там уже отличился не только один Петров, заработавший сразу два двухминутных штрафа за грубые пререкания с судьей, но и другой ветеран — Владимир Викулов. Его дважды удаляли на пять минут за недостойное поведение. Глядя на них, не отставала и ваша молодежь — тот же Александров и Жлуктов, партнеры Викулова по звену, которых судьи тоже наградили штрафами. Об этом безобразном поведении даже написала наша печать. Кстати, именно после этого скандала Петрова и Александрова не вызвали на сборы в Новогорск, где наша сборная готовилась к чемпионату мира в Катовице.

— Вы хотите, чтобы они и в этом году пропустили мировое первенство? — искренне возмущился Скурлатов. — В тот самый год, когда на кону наше возможное второе подряд поражение на этом престижном турнире? Когда там впервые будут играть канадские профессионалы? Да вы с ума сошли!

— Леонтий Ильич, я бы попросил вас выбирать выражения, — жестко отреагировал на этот демарш председатель Федерации.

— Да какие, к черту, могут быть у меня выражения, когда вы хотите угробить наш хоккей. Вы будто тот страус, который зарывает свою голову в песок. Вы что не видите, куда все движется? Силовая борьба в хоккее занимает все больше места и вместо того, чтобы учить наших хоккеистов этому компоненту игры, вы собираетесь бить по рукам именно тем игрокам, кто умеет это делать.

— Мы не против силовой игры, мы против откровенной грубости, — подал голос Кондратьев. — Вы забываете, в какой стране мы живем — в социалистической. Мы строим гуманистическое общество, где спорт должен воспитывать гармонично развитого человека — как духовно, так и физически. А какая может быть гармония, когда спорт превращается в бой гладиаторов. На таких боях звереют все — как спортсмены, так и зрители.

— Но мы не сможем жить в вакууме, поскольку мир стремительно меняется, — Скурлатов повернулся к оппоненту, всем телом подавшись вперед. — Надо уметь приспособливаться. Я тоже против боев гладиаторов, но если нам будут навязывать игру на грани фола, мы должны адекватно на это реагировать. Петров, Александров, Гусев, Васильев, Цыганков или тот же Коротков из «Спартака» — все они не боятся вести силовую борьбу и, если надо, могут и в зубы дать, защищая честь своей страны.

— Увы, но пока они дают в зубы своим же коллегам-соотечественникам из других команд, — вновь вступил в разговор Корольков.

— Наговариваете вы на нас, Николай Кузьмич, — продолжал защищаться Скурлатов. — Два года назад ЦСКА, действительно, был в лидерах по нарушениям — набрал 405 минут штрафного времени, обогнав все команды. Но последние два года в лидерах по штрафным минутам ходят другие команды — «Крылья Советов», рижское «Динамо».

— Но последний-то вопиющий случай произошел именно с хоккеистом вашего клуба, а вы его так яростно защищаете, — вновь напомнил генералу историю с Александровым Кондратьев.

— Вы, Павел Сергеевич, тоже не без греха, — Скурлатов опять повернулся к Кондратьеву. — Вспомните, как осенью 73-го Спорткомитет защищал Вячеслава Анисина и Александра Бодунова, которые вляпались в грязную историю в Саратове. «Крылышки» тогда проводили товарищеские матчи с местным «Кристаллом», но что получилось? Гости устроили настоящее побоище на льду, когда поняли, что первую игру им не спасти — саратовцы вели, кажется, 7:0. А перед следующим матчем Анисин был задержан перед стадионом в пьяном виде и препровожден в отделение милиции. Вы же сами, Николай Кузьмич, ходатайствовали перед Спорткомитетом, чтобы Анисина лишили звания заслуженного мастера спорта, а Бодунова — мастера спорта международного класса. Но товарищ Игнатов и его коллеги эту идею не поддержали. А сегодня вы почему-то стали кровожадными и жаждете крови Бориса Александрова. Почему? Не потому ли, что он защищает цвета ЦСКА?

— Оставьте ваши подозрения при себе, — возмущенноотреагировал Кондратьев. — А что касается Анисина и Бодунова, то мы дали им возможность исправиться, что они всем и продемонстрировали: стали в следующем сезоне чемпионами страны, а также чемпионами мира и Европы. Оба в «Крылышках» стали лучшими бомбардирами, забив каждый порядка двадцати шайб. И на скамейке штрафников почти не появлялись.

— Тогда почему вы не хотите предоставить такую же возможность Александрову?

— Потому что это совершенно другой случай. Там болезнь зашла слишком далеко, причем виной этому тот микроклимат в ЦСКА, о котором правильно сказал Николай Кузьмич. Вам надо задуматься над тем, как этот микроклимат изменить, а вы нам рассказываете о тенденциях в мировом хоккее. Запомните, никогда наш хоккей не пойдет на поводу у канадского. Наоборот, это он будет двигаться в русле советского хоккея с его красивой комбинационной игрой. И вашему Александрову, который является приверженцем канадского стиля, никогда не получится ужиться в нашем хоккее. Он его попросту отторгнет.

— Пока я вижу, что Александрова отторгает не наш хоккей, а конкретные люди им руководящие, — сказав это, Скурлатов отвернулся от собеседника, тем самым показывая, что спорить дальше на эту тему он не намерен.

Однако последнее слово должно было остаться за хозяином кабинета, который и затеял весь этот разговор. И Корольков свое слово сказал:

— Федерация хоккея будет выходить с предложением собрать расширенное совещание с участием Спорткомитета и руководителей клубов с тем, чтобы обсудить проблему грубости в нашем хоккее. Сегодняшняя дискуссия в очередной раз убедила меня в том, что такое совещание нам необходимо. Поэтому попрошу довести это сообщение до сведения своих подчиненных. Всего вам хорошего.

9 февраля 1977 года, среда, аэропорт «Домодедово»

Всю дорогу до аэропорта Красовский гадал, зачем Александрову понадобилось ехать в «Домодедово». В итоге самое путное, что ему пришло в голову — хоккеист либо собрался кого-то встречать, либо, наоборот, провожать. На самом деле все было не так — Александров выступал в роли... отъезжающего, вернее, вылетающего. Отстраненный на три календарные игры, хоккеист решил сменить обстановку — съездить на родину, в Усть-Каменогорск, навестить мать и своих друзей, с которыми когда-то играл в местном «Торпедо». Когда он обратился с этой просьбой к тренеру ЦСКА Константину Локтеву, тот поначалу удивился:

— У тебя же жена вот-вот должна родить?

— Должна, — согласился хоккеист. — Но там за ней ее родители присматривают, а у меня на родине мать одна осталась. Да и развеяться мне надо после того, что случилось.

— Ну, если так — езжай, — развел руками тренер и отпустил хоккеиста из команды. Он, как никто понимал, что в той ситуации, в какую угодил его подопечный, смена обстановки пойдет ему только во благо.

Александров без проблем добрался до аэропорта и выяснил, что ближайший рейс до Усть-Каменогорска будет через три часа. Купив в

кассе билет, он приобрел в киоске «Союзпечать» газету «Советский спорт» и сел на лавочку, надеясь скоротать здесь время до начала регистрации на рейс. Но едва он развернул газету, как его взгляд тут же наткнулся на статью под броским заголовком «Удар в спину». Едва пробежав глазами первые строчки этой публикации, Александров понял — это про него. Открывалась статья с тех самых слов, что он вчера слышал на собрании в Архангельском — про довоенную московскую шпану в кепках-малокозырочках, которая давно должна была почить в бозе, однако, по мнению автора статьи, перекочевала под своды Дворца спорта в Лужниках в виде хоккеиста Бориса Александрова. А ведь как хорошо когда-то все начиналось...

Ретроспекция. Июль 1973 года, Архангельское, база ЦСКА

Александрова привез из Усть-Каменогорска Анатолий Фирсов, который был помощником Анатолия Тарасова. Когда они приехали на базу ЦСКА, вся команда сидела в холле и смотрела телевизор. Шел фильм «Кавказская пленница». Но когда на пороге базы появились Фирсов и Александров, головы всех игроков повернулись в их сторону.

— А это что за шибздик? — вырвалось у кого-то из игроков при виде новичка.

Александров и в самом деле выглядел как ребенок — небольшого росточка, щуплый. А тут еще он инстинктивно съежился, увидев такое скопление звезд в одном месте, что и вовсе стал похож на карлика. Короче, встреча получилась не самая радостная.

— Это не шибздик, а ваш новый товарищ — Борис Александров. Прошу любить и жаловать, — представил новичка команде Фирсов.

Сказав это, он ушел докладываться Тарасову, а Александров так и остался стоять посреди холла. Так бы он и стоял до конца фильма, если бы не Харламов, который подошел к нему и, протянув ладонь для приветствия, сказал:

— Ну, давай, знакомиться, Борис.

После чего повел Александрова к своему месту у телевизора.

— Ты, Валера, никак шефство берешь над этим шибздиком? — не унимался все тот же игрок, который первым отреагировал на появление новичка.

— А ты забыл, каким я был десять лет назад — таким же шибздиком. Меня Тарасов даже в Чебаркуль сослал, — усаживая Александрова на стул, ответил Харламов.

— Ты хочешь сказать, что это шибздик будет вторым Харламовым?

— Может, даже первым, — парировал заступник новичка.

— Да его завтра на тренировке любой из наших защитников по бортику как масло по хлебу размажет.

— Вот завтра и посмотрим.

— Правильно, Валерий, — в холле появился старший тренер ЦСКА Анатолий Тарасов собственной персоной. — Завтрашняя тренировка нам и покажет, кто здесь шибздик, а кто настоящий хоккеист. Досматриваем фильм и отбой. Завтра с утра все должны быть свеженькими, как огурчики.

На утренней тренировке вся команда уже вышла на лед, а Александров все еще переодевался. Новая форма под номером 23, которую ему выдали, была ему слегка великовата, вот он и задержался, пытаясь приладить ее под свою фигуру. В этот миг в раздевалку вошел Тарасов.

— Вы чего это, молодой человек, форму на себе приглаживаете, как будто барышня перед зеркалом? — грозно насупив брови, спросил тренер. — Это хоккейный ЦСКА, а не женская команда по фигурному катанию. А ну-ка марш на лед!

Схватив клюшку, Александров засеменил к выходу. Но у дверей Тарасов его перехватил — взял за локоть и уже другим тоном, более мягким, произнес:

— Ты, мальчик, не волнуйся и покажи этим зазнайкам, что ты умеешь. И, главное, никого не бойся.

Когда Александров выкатился на лед, вся команда, совершавшая разминочное катание, остановилась и уставилась на новичка.

— Мальчик, ты не ошибся — здесь не «Золотая шайба», здесь взрослые дяди катаются, — опять сострил все тот же игрок, который шутил вчера в холле.

— Вот, Владимир, ты и докажи, что здесь не дети, а дяди тренируются, — подал голос Тарасов. — Владик на ворота, Владимир в защиту, а наш новичок покажет нам, на что он способен.

После этого вся команда отъехала к бортику, предвкушая увлекательное зрелище — как их рослый защитник размажет по бортику этого новичка-шибздика. Александров выкатился на центр, куда ему выбросили шайбу и стал ждать свистка Тарасова, чтобы начать штурм ворот. Его била нервная дрожь, чему он был немало удивлен — ничего подобного с ним еще не бывало. Впрочем, повод для такого особенного состояния сегодня все-таки был.

Наконец раздалась трель тренерского свистка, и Александров, ударом крюка пробросив себе на ход шайбу, двинулся к воротам. Защитник стоял у синей линии не шелохнувшись и молча наблюдал за тем, как к нему приближается новичок. А когда расстояние между ними сократилось до двух метров, защитник резко рванул вперед и ловким ударом клюшки выбил шайбу из-под крюка Александрова, после чего пригнулся, развернул корпус вполоборота и поймал новичка на силовой прием. Перелетев через спину защитника, тот рухнул на лед, выпустив из рук клюшку. Этот кульбит большинство игроков ЦСКА встретило дружным смехом и улюлюканьем.

Поднявшись на ноги, Александров подобрал клюшку и покатился к дверце бортика, полагая, что после такого позора места в команде ему уже никто не предоставит.

— Молодой человек, разве я вас отпускал? — услышал новичок грозный окрик Тарасова. — А ну-ка, подъедте ко мне.

Александров повиновался. Едва он оказался рядом с тренером, тот наклонился к нему и, сменив свой грозный тон на более ласковый, сказал:

— Дурачок, ты чего лезешь напролом? Это же один из лучших наших защитников, его так не переиграешь. Ты его хитростью возьми. Разве тебя в Усть-Каменогорске этому не учили? Вот и докажи, что вы там не балетом занимаетесь, а в настоящий хоккей играете.

Упоминание родного города мгновенно преобразило Александра. Даже мелкая дрожь, которая била его все это время, куда-то улетучилась. Ему вдруг стало так легко, как обычно бывало в те моменты, когда надо было решить судьбу матча всего лишь одним точным броском. В такие мгновения к нему приходила фантастическая концентрация, когда он отсекал от себя все постороннее на льду, оставляя в поле зрения лишь шайбу и ворота противника. Расправив плечи, Александров поехал к центру поля. Теперь в его движениях

чувствовалась уверенность, а в глазах появилась настоящая спортивная злость. Он решил биться насмерть и, если и проиграть, то не с таким позором, после которого худая молва о хоккейном Усть-Каменогорске разнеслась бы по всей Москве.

Снова раздалась трель тарасовского свистка, и Александров толкнул шайбу впереди себя. Защитник замер на том же месте, что и раньше, видимо, надеясь проделать с новичком тот же трюк. Во всей его позе чувствовалась этакая вальяжность. Но в этот раз все вышло по-другому. Не добежав до защитника двух метров, Александров совершил резкий маневр вправо, на который его противник мгновенно отреагировал таким же движением в том же направлении. Однако в долю секунды Александров сменил ход атаки и сделал рывок в обратную сторону, ловко пробросив шайбу себе между ног и поймав ее на другом конце фланга, чтобы обогнуть защитника с левого бока. Тот увидел этот маневр и перестроил корпус в правую сторону, пытаясь клюшкой дотянуться до шайбы. Но в этот миг Александров снова сместил корпус вправо, а шайбу неуловимым движением крюка послал под левый конек, чтобы в следующее мгновение тот снова переправил ее ему точно на крюк. Все происходило так стремительно, что времени на правильную реакцию у защитника не осталось и он, пытаясь перестроиться слева направо, вдруг засеменя коньками, споткнулся и... рухнул спиной на лед. После этого дорога к воротам оказалась открытой. Александров, не сбавляя скорости, сблизился с вратарем и, сделав несколько обманных финтов крюком, точно послал шайбу в незащищенный ловушкой правый угол. Сделать это ему было нетрудно, поскольку клюшку он держал непривычным для вратаря правым хватом.

9 февраля 1977 года, среда, аэропорт «Домодедово»

Углубившись в чтение газетной статьи, Александров не заметил, как недалеко от него, у того самого киоска «Союзпечати», где он купил газету, остановились двое людей — молодой человек и девушка. Это были Егор Красовский и Анжела Белова, которые несколько минут назад приехали в аэропорт и без труда обнаружили в зале ожидания хоккеиста. Указав на него своей спутнице, журналист стал вслух

размышлять о том, как Анжеле следует подойти к Александрову и ненавязчиво затеять с ним разговор.

— Ты главное не волнуйся, твоя красота сама заставит обратить его на тебя внимание.

— Но прежде чем начать торговать своей красотой, мне нужно ему хоть что-то сказать, — резонно заметила девушка.

— Подойди к нему и скажи: «Ваше лицо мне кого-то напоминает. Вы случайно не артист?» Вряд ли он захочет скрыть свое инкогнито, понимая, что только раскрыв его он сможет заинтересовать такую красавицу. Хотя подожди... — Красовский схватил за локоть девушку, которая уже собиралась идти к хоккеисту.

Молодые люди заметили, как Александров, до этого внимательно читавший газету, оторвал от нее глаза и, откинув голову назад, стал прислушиваться к разговору двух мужчин, которые сидели на лавке прямо за его спиной.

— Видишь, как внимательно он слушает разговор этих двоих? — спросил Егор свою спутницу. — Хочешь я угадаю, о чем говорят эти мужики?

— О чем? — не скрывая своего любопытства, спросила Анжела.

— Они наверняка обсуждают сегодняшнюю статью в «Советском спорте», где речь идет об Александрове. А он эту статью как раз сейчас и читает. Если это так, то нам повезло — повод для знакомства найден.

Егор оказался прав — хоккеист и в самом деле услышал за своей спиной разговор двух мужчин, которые, сидя на скамейке, обсуждали ту же самую статью в «Советском спорте», которую он в эту минуту читал. Александров оторвался от газеты и целиком сосредоточился на разговоре неизвестных.

— Хорошо врезали этому Александрову — давно пора. Совсем парень совесть потерял, перепутав спортивную площадку с подворотней, — вещал один из мужчин.

— Еще один моралист выискался, — возразил собеседнику его оппонент. — А ты забыл, что в песне поется: «В хоккей играют настоящие мужчины, трус не играет в хоккей». Александрова даже канадцы признали самым смелым нашим хоккеистом.

— Какая там к черту смелость — своего же товарища в спину толкать. Гнать надо из спорта таких «смельчаков», — не унимался

первый спорщик.

— Да мало ли что в игре может случиться?! Ну, не рассчитал маленько свои силы, ну, толкнул на борт. А этот журналист сразу в крайность: мол, шпана, ушел с поля, не извинившись. Да я уверен, что Александров уже на следующий день нашел Гуреева и попросил у него прощения. Этим газетчикам лишь бы сенсацию сотворить, а до правды им и дела нету.

— Этот парень явно подхватил звездную болезнь, а с таким диагнозом прощения ни у кого не просят, — продолжал стоять на своем первый спорщик.

— Как же вам не стыдно думать так о людях, — услышал Александров приятный женский голос, который внезапно вмешался в спор двух мужчин. Хоккеист даже специально повернулся вполоборота, чтобы лучше разглядеть незнакомку. То, что он увидел, его изрядно поразило — напротив спорщиков стояла очень симпатичная блондинка в стильном импортном пальто с меховым воротником.

— А вы кто, собственно, такая? — поинтересовался первый спорщик, который был явно обескуражен тем, что какая-то молодая особа встряла в их разговор о хоккее.

— А какая вам разница, кто я такая. Просто я шла мимо и случайно услышала фамилию Александрова. А его сегодня только ленивый не пинает ногами, обвиняя во всех грехах. Вот и вы туда же, уважаемый.

— Вы ему случайно не родственница? — продолжал допытываться первый спорщик.

— Я ему такая же родственница, как и вы. Но повторяю вам еще раз — нельзя так категорично судить о людях, отталкиваясь от одной лишь газетной заметки. Вот ваш товарищ это понимает, а вы нет.

— Мой товарищ лицо заинтересованное — он болеет за ЦСКА. Как и вы, судя по всему.

— Я болею за «Трудовые резервы», — голосом, полным сарказма, произнесла девушка.

Мужчины от души рассмеялись этой шутке своей собеседницы. В это время звонкий женский голос объявил по громкой связи о регистрации на рейс до Хабаровска. Мужчины тут же вскочили со своих мест и, извинившись перед незнакомкой, поспешили к стойке

регистрации. Следом за ними собралась было отправиться по своим делам и девушка, но Александров не дал ей этого сделать. Поднявшись со своего места, он шагнул к красавице и спросил:

— Девушка, вы не хотите познакомиться с человеком, которого так энергично только что защищали?

Анжела Белова, а это была именно она, смерила хоккеиста пристальным взглядом и предположила:

— Судя по всему, вы хотите воспользоваться тем, что я этого Александрова в глаза никогда не видела.

— Откуда же вы про него знаете?

— Сегодня все мужчины на нем помешались — в автобусе я слышала такой же яростный спор об этом человеке.

— И тоже встали на его защиту?

— Нет, удержалась. А вы правда тот самый Александров?

Чтобы развеять последние сомнения девушки, хоккеист достал из внутреннего кармана своей роскошной дубленки паспорт и развернул его перед незнакомкой.

— Как тесен мир, — всплеснула руками девушка и представилась:

— Анжела.

После чего добавила:

— Паспорт показать? — и ее рука потянулась к красивой кожаной сумочке, купленной в магазине «Ванда».

Александров от души рассмеялся этой шутке — девушка ему явно нравилась.

— Что привело вас в аэропорт? — возвращая документ на прежнее место, спросил Александров.

— Встречаю подругу — она должна прилететь из Симферополя. А вы тоже кого-то ждете?

— Нет, я улетаю.

— Куда, если не секрет? — поинтересовалась Анжела.

В этот самый миг тот же женский голос по громкой связи объявил о начале регистрации на рейс до Усть-Каменогорска. Заметив, как потянулась к спортивной сумке, стоявшей на скамейке, рука хоккеиста, девушка тут же обо всем догадалась.

— Бежите от разъяренной толпы? — спросила она.

— Да, знаете, хочу съездить на родину — туда, где меня не будут упрекать в звездной болезни.

— В таком случае, желаю вам удачи, — стараясь, чтобы ее голос был бодрым, произнесла Анжела.

На самом деле она была обескуражена таким ходом событий и не знала, что ей теперь предпринять. Вдалеке, за спиной Александра, она видела, стоявшего у киоска «Союзпечати» Егора Красовского и мысленно представляла его скорое разочарование от того, что их миссия ни к чему не привела.

— Не хотите оставить мне свой адрес? — первым прервал молчание Александров.

— Зачем?

— Когда вернусь, приглашу вас куда-нибудь.

— А когда вы вернетесь?

— Думаю, до конца недели управлюсь.

— Боюсь, к тому времени я уже буду занята другим.

Анжела рассчитывала на сиюминутный эффект от своего знакомства с хоккеистом, но вовсе не предполагала, что общение с ним растянется на неделю, а то и больше. Ведь материал Егору надо было раздобыть как можно скорее.

— В таком случае, приятно было познакомиться, — смущенно улыбаясь, произнес Александров и, перекинув ремень сумки через плечо, отправился к стойке регистрации.

Когда Анжела подошла к Егору, тот первым делом спросил:

— Куда он направился?

— Регистрироваться на рейс до Усть-Каменогорска.

— Японский бог! — в сердцах воскликнул журналист. — Когда вернется?

— В конце недели.

— Значит, плакала моя статья.

— Черт с ней с этой статьей, лишь бы ты не плакал, — беря Егора под локоть, произнесла Анжела.

— Ты не понимаешь, как мне нужна эта публикация. Это же такой благодатный материал! И ведь так здорово все устроилось — он даже ни о чем не заподозрил. Ах, как жаль, что все так глупо расстроилось.

— Тебе действительно так нужна эта чертова статья? — отпуская руку Егора, спросила Анжела.

— Стал бы я затевать эту авантюру, если бы мне было все равно. Да и шефу уже обещал.

— Но что ты предлагаешь: бежать к нему, упасть в ноги и попросить сжалиться — прямо здесь дать тебе интервью?

— Ну, откуда я знаю, что делать? — развел руками Егор. По его лицу было видно, что он в отчаянии.

Какое-то время они молчали, думая каждый о своем. Наконец, первой прервала молчание Анжела. Голосом, полным решимости она внезапно объявила:

— Хорошо, идем к кассе за билетом.

— Каким билетом? — Егор уставился на девушку изумленным взором.

— До Усть-Каменогорска, — без тени улыбки на лице ответила девушка. — Я полечу вместе с ним. Постараюсь смягчить его сердце прямо у него на родине — разузнаю все секреты и попытаюсь побыстрее вернуть его назад.

— Я не верю своим ушам, — Егор схватил Анжелу за плечи и заглянул ей в глаза, пытаясь понять — шутит она или говорит серьезно.

— Если ты будешь продолжать рассматривать меня, в кассе могут кончиться билеты.

— Но как ты объяснишь ему свою поездку?

— Я надеюсь не попадаться ему на глаза до самого Усть-Каменогорска, а там буду действовать по обстановке. Не станет же он прогонять от себя девушку, которая прилетела в его город вслед за ним?

— Но как быть с твоей работой?

— У меня есть парочка отгулов. Тебе только надо позвонить Светке Негоде и предупредить ее о моем отъезде. Причину его придумай сам.

— Ты золото, Анжелка! — Егор от души обнял девушку, после чего они вдвоем бросились в кассу покупать билет до Усть-Каменогорска.

9 февраля 1977 года, среда, Москва, Спорткомитет СССР

В середине дня старшего тренера сборной СССР по хоккею Бориса Павловича Кулагина вызвали в союзный Спорткомитет. Спустя

час он уже припарковал свою «Волгу» на стоянке в Скатертном переулке и, прихватив из машины кожаный дипломат, вошел в здание Спорткомитета. Он направлялся к лифту, когда в вестибюле буквально лицом к лицу столкнулся с журналистом Дмитрием Рыжковым, чью статью «Удар в спину» он прочитал пару часов назад. Причем статья увлекла его настолько сильно, что он «проглотил» ее, не поднимаясь в квартиру — прямо у почтового ящика. И вот теперь автор этой публикации стоял перед ним и крепко сжимал его ладонь в своей.

— Куда торопимся, Борис Павлович? — поинтересовался журналист, после того как они обменялись рукопожатиями.

— Спешу к Кондратьеву на предмет товарищеских игр сборной.

— Опять полетите в Скандинавию за финскими дубленками? — не скрывая иронии, предположил Рыжков.

— Лично у меня дубленка уже есть — только что сдал ее в гардероб, — с серьезным выражением лица ответил Кулагин.

— С составом уже определились?

— Рано еще, но костяк сформирован.

— Сенсации будут?

— Обязательно. Вот, например, хочу взять туда Бориса Александрова.

— Шутите? — секунду назад улыбочливое лицо журналиста стало серьезным.

— Один ноль в мою пользу, — теперь уже настала очередь тренера улыбнуться. — Как я могу взять в сборную Александрова после того разноса, что ты устроил ему сегодня в «Советском спорте»? Я же не самоубийца.

— А если бы статья не появилась, то вы бы его, конечно, взяли?

— И тогда бы не взял, хотя на меня со всех сторон нападают: дескать, почему не обкатываете молодежь? Вот и ты, кстати, тоже неоднократно об этом писал. Даже, помнится, пострадал за это.

Кулагин имел в виду историю, когда Рыжков выступил на страницах «Советского спорта» с критикой по адресу руководства сборной СССР, которая формирует команду в основном из игроков трех московских клубов, игнорируя талантливую молодежь, играющую на периферии. За этот выпад журналиста сделали невыездным — посылать за границу на различные турниры его перестали.

— Я и сейчас стою на том же — не видите вы перспективную молодежь с окраин, — повторил свой прежний тезис Рыжков. — Небось, и в этот раз насобирали игроков только из Москвы?

— Не дави на мозоль, Дмитрий, мне еще с Кондратьевым предстоит говорить, — взмолился Кулагин.

— Кондратьев — чиновник, и вряд ли будет говорить вам прямо в глаза то, что скажет журналист. Поэтому, если уж выпала мне такая возможность, выскажусь прямо, Борис Павлович: трудно вам придется на нынешнем чемпионате мира со старыми подходами.

— Пророчишь нам поражение?

— Рад бы ошибиться, однако... — и Рыжков картинно развел руками в стороны. — Посудите сами. В мировом хоккее сейчас проходит реорганизация, на которую мы реагируем плохо, с отставанием. Наша сборная набирается из игроков, которые уже подошли к своему возрастному порогу. Знаете, сколько в нашей сборной ребят, родившихся в 40-е годы? Я подсчитал — целых девять человек: Михайлов, Гусев, Петров, Якушев, Цыганков, Шадрин и так далее. А в чехословацкой сборной таких всего лишь четверо: Поспишил, Голик, Махач и Новак. А в Швеции и того меньше: Сальминг и Ольберг. Там всю рекрутируют молодежь, поскольку на носу Олимпиада в США. А мы всё надеемся на наших ветеранов.

— Легко вам, журналистам, советы раздавать, — усмехнулся Кулагин. — А перед нами стоит задача вернуть себе чемпионский титул. Поэтому не имеем мы права сейчас рисковать и делать ставку на молодых. А молодые пока пускай во второй сборной поиграют.

— То же самое вы говорили и в прошлом году. Кстати, в тот раз в сборной было, кажется, только трое новичков: Сергей Коротков, Александр Филиппов и Владимир Голиков. Причем, опять все из Москвы и ближайших городов, вроде Воскресенска. А издалёка был один Хельмут Балдерис. Получается, не богата наша провинция талантами?

— Богата, но провинциальных игроков мы стараемся пропускать через московские клубы. Иначе не дотягивают они до уровня первой сборной.

— Но Балдерис ведь дотянул. Значит, и другие смогут, просто искать лучше надо. Короче, с таким подходом сложно будет вам вернуть чемпионский титул.

— Ладно, не каркай, — отмахнулся от журналиста Кулагин. После чего взглянул на часы и первым протянул руку для прощального рукопожатия. Он действительно опаздывал на встречу, которая была назначена на три часа дня.

Когда Кулагин вошел в кабинет Кондратьева, тот разговаривал с кем-то по телефону. Но, увидев, кто к нему пришел, быстро завершил разговор и поднялся навстречу гостю. Они обменялись короткими рукопожатиями и заняли места в креслах напротив друг друга.

— Судя по вашему лицу, Борис Павлович, вы чем-то озабочены? — спросил у гостя Кондратьев.

— Я встретил в вестибюле Дмитрия Рыжкова, — сообщил Кулагин.

— Тогда понятно — опять учил уму-разуму, — по губам чиновника пробежала улыбка.

— Кстати, многие его советы можно считать дельными. Мне кажется, несправедливо, что такой талантливый специалист не имеет возможности выезжать со сборной за границу. Может, стоит похлопотать?

— Вы же знаете, Борис Павлович, что это не наша прихоть, — и Кондратьев воздел очи вверх, показывая, кто именно наложил запрет на выезды Рыжкова за границу. — Кстати, о выездах. Вчера пришли подтверждения от наших коллег из Швеции и Финляндия о том, что товарищеские игры нашей сборной состоятся. Первый матч пройдет в Хельсинки 4 апреля. Предварительный состав сборной вы с Локтевым уже определили?

Вместо ответа Кулагин открыл свой кожаный дипломат и извлек из него требуемый документ. Взяв его в руки, Кондратьев углубился в чтение. А гость скользнул взглядом по кабинету, остановив свой взор на портрете Леонида Ильича Брежнева, висевшем за спиной хозяина кабинета. Престарелый генсек, торжества по случаю 70-летия которого с большой помпой прошли всего лишь полтора месяца назад, выглядел на портрете моложе своих лет. Встретившись с ним глазами, Кулагин поймал себя на мысли, что если сборная под его руководством и в этот раз проиграет мировое первенство, генсек, который был страстным хоккейным болельщиком, ему этого не простит.

— Что-то новеньких опять маловато, — отрывая глаза от списка, вынес свое резюме Кондратьев.

— Вы прямо, как Рыжков, — усмехнулся Кулагин, после чего продолжил: — Мы полагаем, что ставку надо делать на опытных мастеров, поэтому молодежью разбавим защитные ряды, а вот атаковую линию, скорее всего, трогать не будем. Возьмем одиннадцать нападающих из числа проверенных.

— Неужели ни одного новичка не будет?

— Из нападающих прицепим к основе одного — Александра Голикова. Из защитников двух — Вячеслава Фетисова и Василия Первухина.

— Но у вас здесь фигурирует защитник Александр Гусев. Не староват ли он — может, взять вместо него еще одного молодого? На мой взгляд, в этом сезоне Александр не блещет.

— У нас иное мнение на его счет.

— У вас или у Локтева?

По тому, как Кулагин стушевался, Кондратьев понял, что попал в точку. И продолжил:

— Из двадцати игроков девять играют в ЦСКА. Не перебор?

— Перебор бы был, если десятым был Борис Александров. Но его в списке нет.

— А взять-то этого драчуна хочется? — лукаво глядя на тренера, спросил чиновник.

— Не помешал бы, — коротко ответил Кулагин. — Он ведь в ЦСКА один из главных забивал — ноздря в ноздю идет с Михайловым и Петровым.

— Думаете, справились бы с его норовом?

— У Петрова ведь тоже норов дай бог каждому.

— Ну, Владимир хоккеист маститый — ему многое прощается. Александрову до него далеко.

— В Инсбруке я с его норовом легко справился. Как помните, я включил Бориса в сборную в последний момент, когда он блеснул в играх против канадцев. Так что парень мне многим обязан.

— А я вот сомневаюсь в его благодарности. Впрочем, не только я — многие. Так что Александрова в этой сборной вряд ли будет — пусть за ум возьмется. Но вместо него можно было включить молодого игрока из какого-нибудь другого клуба, а не армейского.

— В прошлом году взяли всего шестерых армейцев и сами знаете, чем это закончилось, — напомнил Кулагин своему собеседнику о

фиаско в Катовице. — Впрочем, до контрольных игр еще два месяца, так что будет время подумать.

Игнатов снова скользнул взглядом по списку, после чего отложил его на угол стола и сказал:

— Ну что же, Борис Павлович, вам, как старшему тренеру сборной, виднее, кого брать в команду. Но вы должны понимать, что реванш за прошлогоднюю неудачу в Катовице мы взять обязаны. В противном случае два поражения подряд нам никто не простит.

— В первую очередь не простят нам с Локтевым, — поправил собеседника Кулагин и грустно улыбнулся.

9 февраля 1977 года, среда, Усть-Каменогорск

В зале ожидания перед вылетом самолета Анжела села в дальнем углу в кресло и постаралась, чтобы Александров ее не заметил. Сделать это было не трудно — хоккеист, наконец-то дочитавший до конца статью в «Советском спорте», был увлечен собственными мыслями и по сторонам не смотрел. Повезло девушке и в салоне ТУ-134: место Александрова оказалось в хвосте, а у нее — в передней части. Поэтому все пять часов полета он ни о чем не догадывался. И только когда они прилетели к месту назначения, Анжела решила открыться. При выходе из аэропорта она окликнула хоккеиста и громко рассмеялась, когда увидела его вытянутое от удивления лицо.

— Видели вы бы себя в эту минуту, сами бы упали от смеха, — сказала девушка, когда Александров, наконец, пришел в себя.

— Вы либо сумасшедшая, либо авантюристка, — объявил он девушке, после чего... тоже рассмеялся.

— И все же, как вам взбрело в голову лететь вместе со мной? — спросил хоккеист, когда они вышли на заснеженную улицу.

— Просто я никогда не была в Усть-Каменогорске, поэтому подумала: как было бы хорошо, чтобы моим гидом по нему был олимпийский чемпион Борис Александров.

— Я же говорю, что вы авантюристка, — взяв девушку под локоть, хоккеист повел ее к остановке такси.

Пока они мчались по вечернему городу к проспекту Ленина, где жила мама Александрова, Анжела, сидя на заднем сиденье,

внимательно вглядывалась в очертания домов, мелькавшие за окном.

— Не портите себе зрение — завтра с утра я покажу вам город, — не поворачивая головы назад, обратился с переднего сиденья к девушке Александров.

— Дама у нас впервые? — поинтересовался водитель.

— Да, москвичка, прилетевшая взглянуть на красоты города металлургов, — подтвердил догадку таксиста хоккеист.

— Я действительно у вас впервые, зато мой компаньон местный, причем очень известный. Вы разве его не узнали?

Водитель, который до этого взглянул на них мельком, теперь стал разглядывать своего пассажира с переднего сиденья более тщательно.

— Не может быть — Александров? — наконец, сорвался с губ таксиста восхищенный возглас.

— Bravo, вам хватило меньше минуты! — и Анжела захлопала в ладоши.

— Командир, ты поменьше крути головой в мою сторону, а то мы разобьемся к чертовой матери — гололед все-таки, — заметил Александров.

— Да я буду последним человеком, если угроблю самого Бориса Александрова, — ответил водитель.

После чего попросил:

— Борис, если вам не трудно — откройте, пожалуйста, бардачок и поставьте автограф на моем маршрутном листе. Покажу завтра ребятам, они с ума сойдут.

Александров так и сделал: нашел в бардачке упомянутый лист, а также авторучку и поставил свою размашистую подпись.

— А у меня автограф взять не хотите? — вновь подала голос Анжела.

— А вы кто будете? — поинтересовался таксист.

— Я актриса Ольга Науменко. «Иронию судьбы» смотрели?

— Брошенка? — сразу догадался водитель.

— Она самая.

— Девушка шутит, — вмешался в их разговор Александров, разоблачив свою спутницу. И повернувшись к Анжеле: — А вы еще и аферистка.

— Просто я никогда не раздавала автографов — захотелось попробовать, — пожалала плечами девушка и снова отвернулась к окну.

Вскоре они подъехали к дому № 3 на проспекте Ленина. Александров расплатился с таксистом и они с Анжелой вошли в плохо освещенный подъезд кирпичной пятиэтажки.

— Никогда бы не подумала, что олимпийские чемпионы живут в таких условиях.

— Здесь живет моя мама, — коротко ответил хоккеист. — Кстати, зовут ее Александра Михайловна.

Мамой Александрова оказалась милостивая, невысокого роста женщина, которая вышла на их звонок в цветастом фартуке — оказалось, она перед этим мыла посуду на кухне. Увидев сына, мать всплеснула руками и произнесла лишь одно слово: «Борька!» После чего расплакалась.

— Мам, ты чего? — сын обнял женщину за плечи.

И тут же осекся, увидев на тумбочке в коридоре газету «Советский спорт» со статьей «Удар в спину». Взяв ее в руки, хоккеист ушел на кухню, где, судя по шуму, выбросил газету в мусорное ведро. После чего снова появился в коридоре и спросил:

— Газету Алан принес? Кстати, как он?

— Уволился, сидит теперь дома, — коротко ответила мать. После чего задала вопрос, который давно вертелся у нее на языке:

— А это кто с тобой, сынок?

— Туристка, — без тени иронии на лице ответил Александров. — Приехала в наш город на экскурсию, а я вызвался быть ее гидом. Так что ты, мам, ничего такого не думай. Сделай нам чего-нибудь поесть, а потом мы ляжем: Анжела в гостиной, а я на кухне, на раскладушке.

И так уверенно он это сказал, что мать не стала больше ни о чем его расспрашивать — даже про жену сына, которая должна была вот-вот родить, не обмолвилась ни словом, прекрасно осведомленная о том, что в молодой семье не все ладно. Причем догадывалась, что эти нелады вызваны больше характером ее сына, чем поведением родителей невестки, которые были людьми известными и особенно это касалось тестя — знаменитого советского киноактера Николая Апанасовича Кучкова, которого мать Александрова обожала с детства. И вот угораздило же ее сына стать этому человеку зятем! Когда Александра Михайловна об этом узнала, она сразу поняла — ничего хорошего из этой женитьбы не выйдет. Получилось, как в воду глядела.

*10 февраля 1977 года, четверг, Усть-Каменогорск, квартира
Александровых*

Александров проснулся утром от голосов, доносившихся в приоткрытую дверь кухни из гостиной. Прислушавшись, он понял, что это разговаривают его мама и Анжела. Мать хоккеиста рассказывала гостю о детстве своего сына, попутно показывая ей фотографии из семейного альбома, где были запечатлены этапы хоккейного пути юного Бориса Александрова:

— Борьку с пяти лет отец поставил на коньки. Хоккей в те годы был очень популярен и чуть ли не в каждом дворе дети гоняли шайбу. Ведь наш Усть-Каменогорск считается родиной казахстанского хоккея. Я помню, как отец вырезал Борису щитки из валенок и сам сколачивал ребятне деревянные ворота, обтягивая их рыболовной сетью. Мальчишки намазывали руки гусиным жиром и даже обматывали газетами, чтобы не было обморожений — играли-то на открытом воздухе с утра до позднего вечера. Вот видите, на этой фотографии Борис как раз играет на нашей старой дворовой площадке.

Было слышно, как шелестят страницы в семейном альбоме и мерно тикают ходики на стене. И над всем этим витал ровный голос матери, которая продолжала свой рассказ:

— Все мальчишки мечтали попасть в состав нашего усть-каменогорского «Торпедо», которое еще в 57-м году заняло второе место в чемпионате Казахстана. И нашему Борьке повезло — он попал в юношеский состав еще школьником, в команду «Спутник-4» под руководством Юрия Тархина. Вот он на фотографии с мальчишками.

А здесь Борьке 12 лет. Их команда в тот год выиграла сразу несколько турниров на призы газеты «Пионерская правда» — первенство города, области и республики в придачу. Они тогда завоевали право представлять Казахскую ССР на турнире «Золотая шайба» в Воскресенске. Правда, занять призовое место им не удалось, но их команду признали самой техничной на турнире. И особенно поразил всех наш Борис. Вот он на фотографии — маленький, щупленький, откуда только силы брались. Но характер у него был взрывной.

— Уже тогда? — спросила Анжела.

— Его отец любил приговаривать: «Я вспыльчивый, но отходчивый». Вот и сын такой же. Но отец его сильно баловал, в отличие от нашей дочери. На дворовой площадке детишкам даже конфеты раздавал, если те точный пас Борьке в игре отдавали. За это детишки нашего сына «Гаденышем» прозвали, а потом и вовсе «Пупом» нарекли — за то, что он всегда хотел, чтобы вся игра через него шла. Но как же иначе, если Борька и в самом деле в хоккее лучше всех играл? Я вот в этой игре мало что смыслю, но иногда сама удивлялась тому, как ему легко удается с шайбой управляться — она будто привязанная к его клюшке. Поэтому его и в хоккейную секцию сразу взяли. А отец и туда стал наведываться. И там все время с тренерами ругался, считая, что они несправедливы к сыну. Чтобы мальчик не делал, отец его всегда оправдывал. Вот Борька нос все сильнее и задирает. И дозадирались оба — сына из секции отчислили. Потому что какому тренеру охота слышать пьяные окрики отца с трибуны? Так Гордеич знаете, что заявил на это? Дескать, сам воспитаю из Борьки хоккеиста. Я ему тогда сказала: уйми свою гордыню, приведи Борьку обратно, а сам на тренировки не ходи. Но он не послушался. А что в итоге получилось? Три месяца он промучился, после чего пошел к тренеру и попросил его принять сына обратно. И тот, душа-человек, согласился. Правда, взял с отца расписку, что тот никогда не будет приходить на тренировки. А то ведь до этого его там иначе, как «хромым чертом», не называли.

— Почему хромым?

— Так воевал он. Перед самой войной его призвали на флот. Летом сорок второго получил первое ранение, потом второе — более тяжелое. Два года пролежал в госпиталях, перенес четыре сложнейшие операции и домой возвратился без ноги — на mine подорвался. На гимнастерке — орден Красной звезды, несколько медалей. Он вообще-то добрым был, но уж больно вспыльчивый. Борис в него пошел.

— Почему был?

— Умер Виктор Гердеевич четыре года назад. Бориса тогда как раз в ЦСКА взяли, выставили на первый турнир. А у отца как раз в это время рак диагностировали. Так он написал армейским начальникам, чтобы те ничего не рассказывали Борису — чтобы тот от хоккея не отвлекался. Борис о смерти отца узнал уже после турнира. Так убивался...

Лежа на раскладушке и слушая рассказ матери, Александров мысленно перенесся в свое прошлое.

Ретроспекция. 1960-е годы, Усть-Каменогорск

Борис проснулся ночью от какого-то шума во дворе. Откинув одеяло, он облокотился на подоконник и выглянул в окно. При свете одинокого фонаря мальчик ясно разглядел силуэт человека, который шел с ведром на их площадку, где они гоняли в хоккей и где чуть позже будет возведена настоящая хоккейная «коробка». А пока ее не было, детям приходилось гонять шайбу на утрамбованном снегом пятачке. По тому, как шел человек — а он хромал на одну ногу — Борис понял, что это не кто иной, как его отец. Осторожно вылив из ведра воду на снежный настил площадки, отец взял в руки дощечку и стал выравнивать залитое водой место, стараясь сделать его как можно гладким. «Да это он нам каток заливает!» — догадался Борис. Отец давно хотел это сделать, чтобы его сын с товарищами смогли играть в хоккей не в валенках, а на настоящих коньках.

Борис осторожно встал с постели и, стараясь не разбудить мать, которая спала в соседней комнате, стал одеваться. В какой-то миг мать начала ворочаться, поэтому сын застыл на месте, прислушиваясь к шуму, доносившемуся из родительской комнаты. Наконец, там все опять стихло, и Борис продолжил свое дело — натянул на ноги штаны. Потом вышел в коридор и облачился в пальто, а на голову водрузил шапку. В это время дверь отворилась и в предбанник вошел отец с пустым ведром. Увидев сына, он удивился:

— Ты чего это, Борька?

Вместо ответа сын отправился на кухню и взял там второе ведро. Здесь же, в раковине, наполнил его водой. И осторожно, чтобы не расплескать содержимое ведра, зашагал во двор. Отец молча проводил его взглядом, после чего тоже побрел на кухню.

Так они с отцом и ходили из дома на площадку, переносив не один десяток ведер с водой. Дул холодный ветер с Иртыша, над головой скрипуче покачивался одинокий фонарь, а трехсоттысячный город мирно спал накануне очередного рабочего дня. И только два человека не сомкнули в ту ночь глаз — отец и сын Александровы.

Когда проснулась мать, она застала своих мужчин на кухне за завтраком. Женщина ни о чем не догадалась, только удивилась, что оба ее ведра стоят на полу с мокрым дном. Но спросить что-либо у своих мужчин она не успела. Муж, наскоро одевшись, ушел на работу. А Борис отправился в свою комнату, чтобы спустя несколько минут, засовывая на ходу в портфель пару бутербродов, завернутых в газету, убежать в школу. Он мчался по заснеженной улице и мечтал только об одном: чтобы поскорее закончились уроки и он смог бы выйти на каток с коньками на ногах и с клюшкой в руках. Так начинались его хоккейные университеты.

Впрочем, то же самое могли сказать и миллионы других советских мальчишек, кто гонял в те годы шайбу у себя во дворах. Не был исключением и Усть-Каменогорск, где хоккей был чрезвычайно популярен. Местное «Торпедо» в сезоне 1966/1967 едва не вышло в высшую лигу, что подхлестнуло популярность в городе хоккея. Однажды на один из поединков торпедовцев на хоккейный стадион набились 8000 болельщиков — при вместимости его около 3000 человек! Тренировал тогда команду Юрий Баулин (он потом приведет московский «Спартак» к бронзовым наградам — в 1972 году). Кумирами усть-каменогорских мальчишек в те годы были Евгений Поладьев, Вадим Куликов, Олег Домрачев, Виктор Семькин, Валерий Кириченко. А спустя несколько лет им на смену пришло поколение Бориса Александрова, рядом с которым играли Владимир Локотко, Равиль Гатаулин, Виталий Филиппов и другие.

Вспоминая теперь эти события, Александров поймал себя на мысли, что было это, вроде бы, недавно — каких-нибудь шесть-семь лет назад, а воспринимается им уже как далекая история. Видимо, переезд в Москву и водоворот событий, захвативших его там, так сместил у него временные ориентиры, что он стал воспринимать свое недавнее прошлое, как предание старины глубокой.

*10 февраля 1977 года, четверг, Усть-Каменогорск, квартира
Александровых*

Войдя в комнату, Александров прервал разговор женщин и обратился к матери:

— Мам, приготовь гостье завтрак, а я пока схожу к Алану. Он дома?

— Я же тебе вчера говорила, что он месяц назад с завода уволился. Где ему еще быть?

Алан Супреев, детский приятель Александрова, с которым они играли в юношеском составе усть-каменогорского «Торпедо», жил в этом же подъезде, только этажом выше. Когда он увидел на пороге своего друга, то первые мгновения стоял как вкопанный, не в силах произнести ни единого слова. Да и потом, когда они обнялись и нежданный гость зашел в квартиру, Алан еще какое-то время хранил молчание, не веря в то, что к нему пришел его старинный приятель, с которым они не виделись около года — с тех пор, как Александров навещал мать сразу после Олимпиады в Инсбруке.

Они прошли на кухню, где в детстве частенько сживали допоздна, когда приходили с хоккея домой и коротали время в спорах на всё ту же хоккейную тему. С тех пор на этой кухне мало что изменилось, даже вид из окна был прежний — внизу раскинул свои владения детский сад, а вдалеке виднелись корпуса Востокмашзавода, на котором некогда трудился Алан. Глядя теперь на его очертания, Александров спросил:

— Мать сказала, что ты с завода уволился?

— Не уволился, а уволили. А вот почему, не спрашивай — длинная история.

— Из заводской команды тоже турнули? — усаживаясь на табуретку, продолжал свой допрос Александров.

— А вот это дудки — играю.

— Хорошо, а то я тебе новые краги привез. Зайдешь потом к матери, заберешь.

— Спасибо, знаешь, чем обрадовать старого приятеля.

— Зато ты не знаешь — зачем матери вчерашний «Советский спорт» показал?

— Так то не я. Вернее, не по моей вине вышло. Ей кто-то по телефону позвонил и про статью рассказал. А она ведь знает, что я «Советский спорт» выписываю. Ну, естественно, пришла... Дальше сам понимаешь.

Друзья какое-то время помолчали, после чего Алан нашел в себе смелость спросить:

— Тебя самого из ЦСКА теперь турнуть не собираются?

— Если турнут, я сюда вернусь — буду за родное «Торпедо» гонять.

— Ты сам-то веришь в то, что говоришь? — усмехнулся Алан. — Наши вот-вот во вторую лигу вылетят, а ты возвращаться собрался. Если в Москву попал, то держись за нее до последнего. Ты ведь один из всего нашего призыва смог не только в столице закрепиться, но и славы вдоволь хлебнуть — Олимпиаду выиграл, чемпионат СССР, против самих канадцев сумел поиграть. Таких успехов больше ни у кого из наших нет — ни у Равиля Гатаулина, ни у Володьки Локотко. Кстати, как они?

— Равиль по-прежнему играет в столичном «Динамо», а Володька — в «Крыльях Советов». Но я с ними редко вижуся. Ты лучше расскажи, как у тебя с Ленкой?

— Разбежались, как только с завода уволился. Ну, и ладно. Мне в моей «двушке» без бабы даже легче — дышится свободнее. Ты, женатик, мне теперь, небось, завидуешь?

Ответить Александров не успел — в дверь позвонили. Алан отправился на зов, а когда открыл дверь, был удивлен не меньше, чем в тот момент, когда увидел на пороге своего старого приятеля. Но теперь перед его взором предстала симпатичная блондинка в модном пальто с меховым воротником.

— Девушка, вам кого? — спросил Алан.

— Бориса Александрова, чемпиона Олимпийских игр, — без тени смущения ответила незнакомка.

— А как ему передать, кто его ищет?

— Скажите, что Анжела.

— Так вас зовут Анжела? Та самая маркиза ангелов?

— Нет, не та самая — Анжела и Анжелика это разные имена.

— Все равно позвольте называть вас маркиза.

— Ну, если вам так нравится... — не стала возражать девушка.

— Борис! — Алан повернулся вполоборота и осекся — его приятель уже стоял у него за спиной.

— Вы уже позавтракали? — выходя на площадку, спросил у девушки Александров.

— Да, ваша мама накормила меня пельменями. Было очень вкусно.

- Борис, кто это? — вновь подал голос Алан.
- Туристка из Москвы. Приехала посмотреть на красоты нашего города, а я вызвался быть ее гидом. Кстати, твой «Жигуленок» на ходу?
- Стоит во дворе.
- То, что он стоит, я еще вчера заметил. У него колеса крутятся?
- Обижаешь, Борис.
- Тогда, будь другом — прокати нас по городу. А то у девушки туристическая путевка пропадает.

10 февраля 1977 года, четверг, Кандава, база рижского «Динамо»

Став в 1968 году тренером рижского «Динамо», Виктор Тихонов ввел в практику собственное ноу-хау, которое в СССР еще никто не применял. Он купил себе советскую кинокамеру «Кварц» и стал выезжать в другие города на игры разных команд, поскольку эти матчи в Риге по ТВ не транслировали (даже игры клубов высшей лиги по ТВ показывали выборочно). Снимая эти поединки на пленку, Тихонов потом подробно разбирал игру соперников вместе с игроками своей команды. Первое время его подопечные удивлялись такому новшеству, но когда оно стало приносить свои весомые плоды — рижане стали выигрывать один матч за другим — то эти кинопросмотры стали в команде делом привычным.

Когда рижское «Динамо» вышло в высшую лигу, Тихонов вовсе не отложил кинокамеру в сторону и иногда продолжал выезжать в разные города, чтобы записывать на кинопленку матчи интересующих его команд. Причем многие удивлялись этому, поскольку некоторые из этих игр транслировали по телевидению. Но на все эти удивленные возгласы Тихонов отвечал коротко: «Телевизионная трансляция не может показать все нужные мне нюансы игры. А моя камера может».

В играх завершающего этапа первенства сезона 1976/1977 для рижан были интересны матчи прежде всего двух команд — Воскресенского «Химика» и челябинского «Трактора». Именно эти два клуба шли с рижанами «ноздря в ноздю» и могли перебежать им дорогу в споре за бронзовые медали. Другие команды — «Спартак», «Крылья Советов» и горьковское «Торпедо», конечно, тоже могли

включиться в гонку за «бронзу», но шансов на это у них было значительно меньше. Поэтому Тихонов, который всегда нацеливал своих игроков на победу в каждом матче, особый упор делал на матчи финальной стадии турнира против «Химика» и «Трактора». Вот для чего неделю назад — 4 февраля — он специально летал в Челябинск, где записал на кинокамеру матч «Трактора» против ленинградского СКА, который не транслировало ЦТ. Причем в этот же день рижское «Динамо» тоже играло матч, но только в Саратове против местного «Кристалла». Но поскольку эта команда была аутсайдером (занимала последнее место с 5-ю очками), Тихонов со спокойной душой передал бразды правления коллективом своему помощнику Эвальду Грабовскому, а сам улетел в Челябинск. После чего долго об этом жалел. Почему? Дело в том, что без него рижане играли из рук вон плохо и едва не проиграли саратовцам. Причем обе единственные шайбы в матче были забиты на 18-й минуте. Сначала это сделал рижанин Емельяненко, а спустя несколько секунд саратовец Борзов восстановил равновесие в счете. После чего голов больше забито не было, зато игра превратилась в побоище гладиаторов — удаления в ней следовали одно за другим. Защитник рижан Бескашнов набрал 9 минут штрафа, а Балдерис был удален сразу на 5 минут за драку. У саратовцев больше всех отличился защитник Никулин, набравший 8 штрафных минут. Короче, Тихонов потом локти себе кусал, что отсутствовал на этой игре.

Впрочем, польза от его поездки тоже была. Он записал игру во всех нюансах, уделив главное внимание челябинцам — как они защищаются, как атакуют, как играют в меньшинстве и большинстве. Уделил он внимание и действиям тренера челябинцев Анатолия Кострюкова, с которым у него были давние личные счеты. Они были знакомы еще с начала 50-х, когда Тихонов играл в ВВС, а Кострюков в «Крыльях Советов», где его пара с Альфредом Кучевским считалась лучшей среди защитных дуэтов страны. В финальном матче на Кубок СССР между ВВС и «Крыльями» в феврале 1951 года именно Кострюков забил решающий гол, причем сделал это «из-под Тихонова». «Крылья» тогда победили 4:3, а Кострюков потом позировал для фигурки хоккеиста на Кубке СССР.

В 1962–1970 годах Кострюков занимал должность старшего тренера второй сборной СССР (пост, который чуть позже достанется

Тихонову), а 1974 году его назначили старшим тренером «Трактора», чтобы он сделал из команды-середняка фаворита союзного первенства. И он, используя жесткие методы в работе (как и Тихонов в рижском «Динамо»), быстро навел порядок в клубе. Как результат: в этом сезоне «Трактор» всерьез нацелился на «бронзу» — впервые в своей истории. К этому же результату стремилась и команда Тихонова, поэтому это противостояние можно было смело считать и личной борьбой двух бывших московских тренеров. Пока в этом противостоянии судьба больше благоволила Кострюкову, команда которого набрала больше очков, чем рижское «Динамо».

После обеда Тихонов приехал на базу рижского «Динамо» в Кандаве. Команда готовилась к очередному матчу — против одноклубников из Москвы, которые шли на втором месте в чемпионате страны. Догнать их рижане уже не могли, но отобрать очки собирались, поскольку на финише первенства каждое очко было на вес золота. В этом году рижане и москвичи сыграли уже три матча, причем в двух из них победу праздновали динамовцы Москвы и только в одном — подопечные Тихонова. Сегодня последние собирались взять реванш и восстановить баланс побед и поражений, сведя его к ничейному результату.

— Если завтра победим, то вполне можем рассчитывать и на хороший итоговый результат во всем турнире, — напутствовал своих игроков Тихонов на предматчевой установке.

— Нам бы «Трактор» одолеть, — бросил реплику кто-то из игроков.

— Победим москвичей, сумеем одолеть и челябинцев — они ведь идут друг за другом в турнирной таблице, — напомнил подопечным Тихонов. — Ведь ленинградцам это сделать удалось, а мы чем хуже?

После этого, желая воодушевить своих игроков, он решил показать игрокам запись упомянутого им матча, где победа осталась за питерскими — 6:4. Несмотря на то, что Тихонов давно практиковал такие видеозанятия, многие игроки его команды продолжали удивляться одержимости своего тренера, который за свой счет ездил в разные города Союза, чтобы снять на пленку игру будущих соперников и потом разобрать ее в кругу своих игроков. Но с другой стороны такие разборы игр проходили гораздо интереснее, чем теоретические занятия у доски.

— Челябинцы играли в три звена, как и ленинградцы, — включив кинопроектор, начал свой комментарий Тихонов. — И уже к 28-й минуте проигрывали 0:3, поскольку стали играть в открытый хоккей, в то время как хозяева старались ловить их на контратаках. К тому же у челябинцев в первые полчаса игру провалило первое звено во главе с их лучшим форвардом Валерием Белоусовым, которое пропустило две шайбы.

И Тихонов стал демонстрировать на экране пропущенные челябинцами голы.

— Видите, у ленинградцев особенно активны два звена — первое во главе с их центром Наханько, который забил вторую шайбу, и третье во главе с Чучиным, с подачи которого Шкурдюк открыл счет в матче.

— Защита у челябинцев, как проходной двор, — бросил реплику Хельмут Балдерис.

— Да, даже их ветеран Николай Макаров как будто не в своей тарелке, — согласился Тихонов. — Но тебе, Хельмут, уповать на это не стоит — против тебя и Макаров, и Тыжных играть будут в полную силу. Как, впрочем, завтра и Васильев с Первухиным в «Динамо».

— Валерка Белоусов тоже какой-то вареный, — подал голос Виктор Хатулев. — Может, они накануне хорошо в ресторане посидели?

— Намекаешь на то, чтобы его перед игрой с нами в «Юрас перле» сводить? — с радостью подхватил эту тему Петр Воробьев.

— Нет, они в прошлый раз по нашим магазинам разбежались — «Рижскую смесь» покупали и трикотаж, — сообщил Михаил Бескашнов.

Все весело посмеялись над этим сообщением. В самом деле, когда в Ригу на игры приезжали другие команды, их игроки расходились по магазинам, чтобы уехать домой не с пустыми руками. Покупали все подряд — например, те же сладости: карамельные конфеты фабрики «Uzvara» («Победа») «Рижская смесь», баночка которой стоила 1 рубль 38 копеек, «Молочную каплю» за 1 рубль 19 копеек, шоколад фабрики «Laima», печенье фабрики «17 июня» и многое другое. Также в большом почете был трикотаж фабрики «Рита». Короче, не одним хоккеем жили спортсмены, приезжавшие на матчи в Ригу.

— Посмеялись, а теперь снова все внимание на экран, — призвал своих игроков к порядку Тихонов. — Итак, три шайбы ленинградцы

забили за 28 минут. После чего, видимо, посчитали, что дело сделано. Раз уж Белоусов, как вареный, то что, дескать, взять с остальных. И ошиблись. Как, кстати, и динамовцы в прошлом матче с «Крылышками». Тоже вели в счете — правда, 2:0, но уже в концовке матча. А «Крылья» возьми и проснись — сравняли счет. Правда, динамовцы в итоге еще два гола им заколотили и выиграли 4:2. Это я к тому говорю, что играть надо до конца. Но вернемся в Челябинск.

Посмотрите, как «Трактор» забил свой первый гол. Защитник ленинградцев Поздняков упустил Белоусова и тот отдал точный пас Картаеву, которого должен был закрывать Макарцев, но не закрыл. Как итог — счет стал 1:3. А спустя две минуты отличилось уже третье звено «Трактора» — их «центр» Бородулин сокращает счет до минимума. Защитники, к вам обращаюсь: обратите внимание, как Бородулин взаимодействует с Природиним. И как располагается в зоне соперника защитник Тыжных. Кстати, он в самом начале забьет третью шайбу челябинцев. Вот этот момент, — и Тихонов прокрутил пленку до нужного места. — А теперь смотрите, что было дальше. Тройка нападения челябинцев из третьего звена играла на пять с плюсом — забили три шайбы, а вот их защитники — Шабунин и Цыгуров — провалились. Через полминуты после забитой Тыжных шайбы, ошибается Шабунин и Климов снова выводит ленинградцев вперед. Вот этот гол. Красивый, правда? Обратите внимание на действие вратаря «Трактора» Герасимова — он никем не закрыт, но не успевает вовремя сдвинуть щитки. Это уже вторая его подобная «бабочка» в этом матче. Значит, берем это на заметку.

И Тихонов дважды прокрутил этот эпизод, чтобы игроки смогли рассмотреть его подробнее. После чего продолжил:

— Проходит ровно три минуты и челябинцы снова сравнивают счет — гол забивает третье звено, нападающий Шорин. Гол незамысловатый, но на его ценность это не влияет, так как счет-то снова становится равный — 4:4. На табло, как видим, 45-я минута матча, значит, впереди есть еще пятнадцать минут. То есть, уйма времени, чтобы выиграть этот матч кому-то из соперников. Но обе команды закрываются и начинают осторожничать, поскольку цена следующего гола слишком велика. И так длится больше десяти минут. А за четыре минуты до финальной сирены ленинградцы все-таки вырывают победу. Обратим внимание, челябинцы вносят коррективы в

игру второго звена, которое играло слабее всех — сажают на скамейку запасных Молчанова и Шумакова и выпускают Валецкого и Беца. Но звено так и не заиграло. А третья пятерка снова провалилась — именно в их смену была забита решающая шайба. Это сделал автор первого гола — Шкурдюк. Посмотрите, как он прекрасно с этим справился. Выкатился на ударную позицию за спиной защитника, получил пас от Новожилова и забросил шайбу в незакрытый вратарем угол. Победа 5:4.

Дважды прокрутив этот эпизод, Тихонов выключил кинопроектор и подвел итог этого просмотра:

— В этом матче у челябинцев ударно сыграли два звена — первое и третье, забившее по две шайбы. Второе звено игру провалило. У динамовцев в матче с «Крылышками» в ударе тоже было первое звено Природин — Мальцев — Голиков, забившее три шайбы из четырех. Четвертую забил Котлов из третьей пятерки. Значит, наша задача завтра наглухо закрыть первое звено москвичей силами защитников первого и четвертого звеньев. Речь идет о Назарове, Бескашнове, Кобзеве и Хатулеве. Впрочем, Бескашнову мои слова, как об стенку горох — по нему, видимо, опять скамейка штрафников будет плакать. Ты когда за голову возьмешься, Михаил? Или случай с Александровым тебя ничему не научил?

— Виктор Васильевич, я же не один удаляюсь — обязательно кого-нибудь из соперников прихвачу, — нисколько не смущаясь, ответил Бескашнов.

— Я же говорю, как об стенку горох, — укоризненно покачал головой Тихонов. — Это, кстати, касается всех. Если вы, ребята, будете вести себя дисциплинированно и не дадите шанса забить вам в большинстве, значит, со своей задачей вы справитесь. В завтрашней игре ваше протирание штанов на скамейке штрафников может дорого нам обойтись. Понятно?

— Понятно, — ответил за всех Балдерис.

— Тогда все свободны, а ты Хельмут задержись еще на несколько минут, — подвел итог собрания Тихонов.

Когда дверь за последним игроком закрылась, тренер спросил:

— До финиша сезона осталось всего ничего, поэтому спрошу тебя напрямую: беречь себя не станешь, зная о том, что тебя снова вызвали в сборную?

— Виктор Васильевич, не все же такие одержимые хоккеем люди, как вы.

— Но без одержимости не может быть высоких результатов, Хельмут. В этом году мы можем завоевать «бронзу» и надо сделать все возможное, чтобы это произошло.

— Я полагаю, что четвертое место тоже будет для нас отличным результатом. Мы ведь тридцать лет этого не добивались.

— Но если и остальные игроки будут беречь себя, как ты, мы и четвертое место можем упустить.

— Остальные не будут — их же в сборную не вызывают.

— А ты, значит, побережешься? А не боишься, что от тебя отвернутся даже самые преданные твои поклонники? Забыл наш разговор с тобой в этом же кабинете три года назад, когда у меня умыкнули кинокамеру?

По тому, как на него посмотрел Балдерис, тренер понял — ничего игрок не забыл. А чтобы тренер в этом не сомневался, хоккеист сказал:

— Не волнуйтесь, буду играть в полную силу. Так что камеру вам тогда не зря вернули.

Ретроспекция. 12 января 1974 года, суббота, между Ригой и Ленинградом

Встав в это утро раньше обычного и пропустив привычную пробежку, Тихонов вызвал по телефону такси и, напутствуемый своей супругой, прихватил спортивную сумку, где лежала кинокамера и отправился в аэропорт в Скулте, что раскинуло свои владения в 13 километрах от Риги. Самолет до Ленинграда должен был вылететь через полтора часа, в половине десятого, и у Тихонова были все шансы успеть на шестичасовую игру ленинградцев с горьковским «Торпедо», которое было главным конкурентом рижан в борьбе за попадание в пятерку сильнейших команд страны. Причем к тому времени Тихонов уже успел обзавестись собственным оператором, который по его заданию вылетал в разные города для съемок нужных матчей, но тот, как назло, слег с воспалением легких. В итоге лететь пришлось самому Тихонову.

Едва он вошел в здание аэропорта, как услышал по громкой связи объявление, что из-за плохих погодных условий аэропорт Ленинграда закрыт. Подойдя к окошку кассы, тренер поинтересовался у милостивой девушки:

— Не знаете, когда Ленинград откроется?

— Судя по всему, часа через три-четыре.

Тихонов беззвучно выругался — при таком раскладе шансов успеть на матч у него не оставалось. Можно, конечно, было вернуться домой, но он не хотел изменять своим принципам, которым следовал с юности — если что решил, то с пути не сворачивай. Он снова вернулся к кассе и спросил у той же девушки:

— Не подскажите, как мне попасть в Ленинград не прямым рейсом, а окольным?

Девушка взглянула на карту, которая была разложена у нее на столе под стеклом, и предложила:

— Летите до Тарту, а там можно взять такси до железнодорожного вокзала, откуда идут поезда до Ленинграда.

— А когда вылетает самолет до Тарту?

— Через пятьдесят минут. Билеты еще есть.

— Тогда давайте один, — и тренер протянул кассирше свой паспорт, в который были вложены денежные купюры.

Спустя час он уже шагал по заснеженной бетонке в Тартусском аэропорту, насвистывая себе под нос мелодию шлягера «Синий лён», написанного его соседом по дому Раймондом Паулсом. Эту песню Тихонов услышал одним из первых, когда однажды, весной 1970 года, зашел к Паулсу домой по какой-то надобности, а тот работал, сидя за роялем. Жена композитора Светлана, открыв дверь, приложила палец к губам: мол, тихо — муж сочиняет. Вместе они прошли в комнату, и Тихонов впервые стал свидетелем того, как на свет родилась песня, которой спустя несколько месяцев суждено будет стать вселатвийским шлягером (всесоюзным хитом она станет чуть позже).

На стоянке такси Тихонов легко нашел свободную автомашину и быстро договорился с водителем подбросить его до вокзала. Они домчались за полчаса, но фортуна в тот день явно была не на стороне тренера — нужный ему поезд ушел буквально десять минут назад. А следующий должен был отправиться только через четыре часа. Нужный автобус — через три часа. Что делать? Тогда тренеру пришла

в голову мысль снова воспользоваться услугами такси. И он быстрым шагом отправился на стоянку.

Свободных машин было только две, но оба таксиста отказались ехать до Ленинграда — у них не было разрешения выезжать за пределы Эстонии. Этого варианта гость не учел и попал в трудное положение, поскольку время поджимало. Тогда он предложил одному из таксистов, самому говорливому, двойную плату: дескать, оплатю маршрут в обе стороны. Но таксист и эту идею отверг. После чего поинтересовался:

— Можно ведь улететь из Тарту в Ленинград на самолете или дождаться поезда.

— Можно, но Питер не принимает, а поезд будет только через четыре часа.

— А что за спешка — умер кто-то? — продолжал интересоваться таксист, закуривая сигарету, чтобы согреться от, пронизывающего буквально насквозь январского ветра.

— Да нет, слава богу, но в Питере мне надо быть к семи часам — на матч опаздываю.

— Что за матч?

— Хоккей, СКА — «Торпедо».

— А по «ящичку» посмотреть не хотите?

— Да нельзя мне по «ящичку» — там картинка статичная, а мне надо игру снять со всех сторон на кинокамеру.

— Вы что — кинооператор?

— Тренер.

— Да ну! Хоккейный? И какую команду тренируете?

— Рижское «Динамо». Виктор Тихонов меня зовут, может, слышали?

— Ё-мое, конечно, слышал. Что же вы раньше не сказали?

Таксист бросил сигарету себе под ноги и вдавил ее каблуком в снег. После чего приказал:

— Садитесь в машину.

— Зачем? — удивился Тихонов.

— Садитесь, узнаете.

Когда они оказались в салоне, таксист вполборота повернулся к собеседнику и заявил:

— Предлагаю следующий вариант. Поскольку разрешения покидать границы республики у меня нет, я отвезу вас до последней железнодорожной станции на территории Эстонии, где можно попытаться догнать ушедший поезд. Ведь он едет с остановками и, значит, есть шанс его опередить. Идет?

— Идет. И сколько вы за это хотите?

— Заплатите по обычной таксе за поездку в одну сторону. Я же болельщик.

— За какую команду болеете?

— За ЦСКА. Вы, рижане, в октябре здорово нас «обули» — 8:5, но я зла не держу — все было по делу. Мне у вас Хельмут Балдерис нравится — настоящий виртуоз.

Последние слова таксист произнес, уже трогая машину с места.

Тихонов, у которого была феноменальная память, прекрасно помнил тот матч, состоявшийся в Москве, во Дворце спорта ЦСКА 28 октября 1973 года. Да и как его было забыть, когда армейцы выставили на него свой лучший состав — в воротах стоял Третьяк, в защите играли Кузькин, Гусев, Цыганков, Лутченко, в нападении — Михайлов, Харламов (Петров отдыхал), Викулов, Жлуктов, Волчков, Блинов, — но уже к 30-й минуте проигрывали 2:6, а к 54-й и вовсе 2:8. Причем при счете 1:6 Тарасов сменил в воротах Третьяка, поставив вместо него Адонина. Но и тот уже спустя две минуты пропустил шайбу, а потом и еще две. В конце концов, понимая, какую травму он наносит Тарасову, Тихонов дал команду своим ребятам сбавить обороты и рижане в последние четыре минуты игры пропустили три шайбы, чтобы их победа не была уж столь разгромной для самого именитого клуба страны. Так что та игра до сих пор стояла перед глазами тренера рижских динамовцев.

Всю дорогу, пока они ехали, таксист расспрашивал Тихонова о его необычном методе — снимать на кинокамеру игры соперников. Ни о чем подобном спрашивающий никогда не слышал и поэтому был искренне удивлен таким методом в тренерской работе.

Когда они подъезжали к станции, Тихонов сунул деньги в руку таксисту и выскочил из машины в тот, миг когда она остановилась. Было неизвестно, был здесь поезд или еще нет, но нельзя было терять ни секунды. Ситуацию усугубляло еще и то, что дорога была

скользкой, поэтому набрать крейсерскую скорость Тихонов не мог — боялся упасть и сломать кинокамеру.

Увы, но ему и в этот раз не повезло. Как оказалось, нужный поезд отъехал от станции всего лишь несколько минут назад. Тяжело дыша, Тихонов смотрел в заснеженную даль, в которой только что скрылся поезд. В эти мгновения его впервые за эти сутки посетило отчаяние. Он ясно осознал, что его миссия завершилась провалом. И в этот самый миг его плечо ощутило чье-то прикосновение. Обернувшись, он увидел рядом с собой все того же таксиста. Оказывается, тот специально не стал уезжать, чтобы узнать исход этой погони. И теперь, когда выяснилось, что она закончилась для его пассажира неудачей, таксист предложил новый план:

— Как поет мой кумир Высоцкий: «Плевать на запреты». Довезу вас до первого же населенного пункта на территории России, где можно взять такси.

И они снова тронулись в путь. Тихонов глядел в лобовое стекло на заснеженную дорогу и молча радовался тому, что ему попался такой отзывчивый водитель. И не уставал поражаться тому, как сильно любят в его стране хоккей. Ведь если бы не его принадлежность к этому виду спорта, вряд ли бы таксист оказался столь отзывчивым.

Они ехали около получаса, когда впереди стали видны бетонные коробки какого-то городка на территории Псковской области. Однако на самом подъезде к городу, на повороте, они внезапно увидели на обочине гаишника с жезлом в руке. А поскольку они торопились и ехали с превышением скорости, жезл в руке стража порядка преградил им дорогу. В этот миг из уст таксиста невольно вырвалось смачное ругательство.

— Сидите на месте, я сам попытаюсь все уладить, — попросил Тихонов компаньона и выбрался из автомобиля.

Когда он приблизился к гаишнику, тот козырнул ему и представился:

— Старший инспектор ГАИ капитан Игорь Сазонов. Нарушаем, уважаемый?

— Товарищ капитан, моя вина. Тороплюсь в Ленинград на хоккейный матч. Вот мое удостоверение, — и Тихонов передал гаишнику свою тренерскую книжку.

Прочитав его должность, милиционер присвистнул:

— Старший тренер рижского «Динамо» собственной персоной! Так сказать, почти одноклубник.

Это «почти» подразумевало, что хоккейное общество «Динамо» подчинялось КГБ, в то время как все остальные динамовцы ходили под эгидой МВД.

— Вы почему в прошлом году на День милиции обыграли моих одноклубников из Москвы? — напустив на себя суровый вид, спросил гаишник, не выпуская тренерское удостоверение из рук.

— Зато вы обыграли нас на следующий день, да еще с крупным счетом 8:1. Не стыдно? — произнес Тихонов, подыгрывая милиционеру.

— Сами виноваты — небось разрешили своим игрокам накануне матча отдохнуть в ресторане. Теперь, наверное, мечтаете о реванше?

— Мечтаю, чтобы наши ворота не стали в следующем матче таким же проходным двором, как в предыдущем.

После этих слов тренера вся напускная суровость покинула гаишника и он широко улыбнулся.

— На какой матч сейчас торопитесь, Виктор Васильевич? — спросил он, возвращая документ нарушителю.

— СКА против «Торпедо». Горьковчане потом будут играть против нас, вот и захотелось лично посмотреть на их наработки.

— Шпионить, значит, едете? Хотите с ходу в пятерку сильнейших войти. Ну что же, удачи вам.

— Спасибо, товарищ капитан, — уже на бегу ответил Тихонов.

Однако едва он уселся в салон, как гаишник подошел к их машине и огорошил сообщением:

— Впереди пост ГАИ, так что вам надо быть осторожными. Там сегодня дежурит лейтенант Песоцкий, а он к хоккею равнодушен.

— Так, может, вы составите нам эскорт, товарищ лейтенант, чтобы ваш лейтенант не тормознул нас ненароком? — попросил таксист. — Вы-то к хоккею со всем почтением.

Тихонов подумал, что гаишник им откажет — ведь это было бы уже слишком. Но тот внезапно согласился. Лишний раз доказав, что хоккей в СССР может творить с людьми настоящие чудеса.

Гаишник сопровождал их до автовокзала, где Тихонову предстояло найти новое такси. Поскольку времени было в обрез, расставание вышло скоротечным — таксист и гаишник пожалы тренеру

руку, пожелали удачи и разъехались в разные стороны. А Тихонов отправился на стоянку. И буквально сразу нашел водителя, который сам к нему подошел и согласился за двойную цену довезти его до ленинградского Дворца спорта «Юбилейный». Так как торговаться времени уже не было, Тихонов согласился. Но поехали они не сразу. Выяснилось, что у таксиста кончились сигареты, а Тихонов, как назло, не курил.

— Тогда вы садитесь в машину, а я сбегаю за сигаретами, — сказал таксист и побежал к ближайшему киоску.

Тихонов сел на переднее сиденье, а сумку с кинокамерой положил на заднее, чтобы она не лежала на коленях. Это было его ошибкой. Когда водитель вернулся, он заметил, что задняя дверца с его стороны слегка приоткрыта.

— Вы дверь не открывали? — поинтересовался таксист у Тихонова.

— Нет, я только сел и успел пристегнуться, — последовал ответ.

— А где ваша сумка?

— На заднем сиденье.

— Но ее там нет.

Тихонов отстегнул ремень безопасности и повернулся назад — сумки на месте, действительно, не было.

— Судя по всему вам устроили классический «сквозняк», — объяснил пассажиру смысл произошедшего таксист. — Пока вы расслаблялись, кто-то открыл заднюю дверцу и стащил вашу сумку. В ней было что-то ценное?

— Кинокамера.

Таксист от удивления присвистнул — такие вещи считались дефицитом и стоили не одну зарплату.

— Импортная?

— Нет, отечественная, но вещь для меня очень необходимая.

— Семейно снимали?

— Хоккей.

— В каком смысле — с телевизора что ли?

— На стадионе. Я тренер и записываю отдельные игры, чтобы потом с игроками их разбирать.

— В первый раз о таком слышу. Какую же команду вы тренируете?

— Рижское «Динамо».

— То самое, которое в этом году может с ходу в пятерку сильнейших войти? Мать моя, женщина! — всплеснул руками таксист. — И у такого человека камеру свистнули!

Сказав это, мужчина стал озираться по сторонам. После чего снова обратился к своему пассажиру:

— Вы постоите здесь, никуда не уходите, а я что-нибудь придумаю.

И мужчина побежал на противоположную сторону площади, где стоял табачный киоск. Тихонов видел, как он наклонился к окошку и какое-то время разговаривал с продавцом. А затем так же бегом забежал за угол серого здания, на котором красовалась надпись «Продукты».

Пока таксиста не было, Тихонов нервно вышагивал возле машины и то и дело поглядывал на часы. До начала матча оставалось чуть больше четырех часов — примерно то самое время, которое занимал путь от этого городка до Ленинграда. Даже потеряв кинокамеру, Тихонов не хотел сворачивать на полдороги — он рассчитывал посмотреть на матч хотя бы своими глазами, без камеры. Короче, трогаться надо было как можно быстрее, а водителя все не было. И в тот самый миг, когда Тихонов про это подумал, таксист снова объявился на углу и стал махать ему руками, явно подзывая к себе. Тренер бросился на этот зов.

— Видите вон ту металлическую дверцу с надписью «Мастерская»? — спросил у Тихонова таксист и показал ему на невзрачное двухэтажное здание на противоположной стороне соседней улицы. — Идите туда, там вас ждут.

— Кто ждет? — не понял Тихонов.

— Ничего не спрашивайте, просто идите и все, — и таксист подтолкнул тренера рукой в спину.

Когда Тихонов вошел в указанную дверь, он попал в помещение, представлявшее собой мастерскую по ремонту металлических изделий. За стойкой сидел лысоватый старичок в синем изношенном халате. Увидев гостя, он спросил:

— Это вы пострадавший?

Поначалу гость не понял, о чем идет речь, а когда догадался, то молча кивнул головой.

Старичок встал и жестом позвал тренера следовать за собой — в подсобное помещение. Там хозяин мастерской подвел Тихонова к одной из полок, на которой гость увидел... свою синюю спортивную сумку с надписью «Адидас». Он бросился к ней и, расстегнув молнию, увидел внутри сумки свою кинокамеру — совершенно целехонькую. Перекинув ремень через плечо, Тихонов вновь повернулся к старичку. Тот стоял и держал в руке лист бумаги и шариковую авторучку.

— Вы правда тренер рижского «Динамо»? — спросил старичок.

— Да, вот мое удостоверение, — и он потянулся рукой в карман.

Но старичок жестом остановил гостя и протянул ему листок с ручкой:

— Поставьте, пожалуйста, свой автограф.

Когда Тихонов это сделал, старичок добавил на прощание:

— И передайте привет Хельмуту Балдерису.

— От кого? — спросил тренер.

— От его поклонника. Если бы не он, не видать бы вам вашей кинокамеры.

10 февраля 1977 года, четверг, Усть-Каменогорск

Сидя за рулем своего «Жигуленка»-«копейки», Алан Супреев колесил по улицам Усть-Каменогорска и, как заправский гид, рассказывал Анжеле о достопримечательностях своего города. Борис Александров в это время сидел на заднем сиденье и только изредка вступал в разговор, вставляя кое-какие реплики. Но в основном все-таки говорил Алан, перехватив инициативу у своего приятеля:

— Эх, жаль, Анжела, что вы приехали к нам в феврале. Вот приезжайте к нам летом, мы вам такие красоты покажем — закачаетесь. Съездим в нашу Скалистую Успенку, где мы постоянно тусовались мужской компанией или махнем на Комсомольский остров, рыбку половим. Правда, сейчас уже не тот улов, каким он был десять лет назад, когда мы с Борькой бегали туда мальчишками.

— А каким тогда был улов? — спросила Анжела.

— Богатым — в нашей Ульбе даже щуки водились, не говоря уже о плотве или окуне. Утки жирные плавали. Сейчас с этим делом стало намного скромнее.

— Ты расскажи, как однажды чуть щуку не поймал, — подал голос Александров.

— Было дело, мы тогда в седьмом классе учились, — откликнулся на просьбу друга Алан. — На дворе был, кажется, июль, а в это время щуки впадают в летнюю дремоту, становятся вялыми, поэтому поймать их почти нереально. Мы с Борькой в тот день часов семь охотились с воблером.

— Это что за зверь? — поинтересовалась Анжела.

— Это такая блесна-рыбка, на которую ловят настоящую рыбу, — пояснил Александров, а Алан продолжил:

— Так вот мы семь часов охотились, пока у меня не клюнуло. Я Борьке кричу: «У меня клюет!», а сам тяну удочку что есть мочи. Но чувствую, что сил не хватает. Тут Борька подбегает, и мы с ним вместе начинаем тянуть. И все равно вытянуть не можем. Щука та оказалась килограммов на пятнадцать, а то и двадцать. А мы же пацаны, оба дохлики. Короче, щука как рванула от берега, так мы с Борькой в воду и шарахнулись. Борька удочку сразу отпустил, а я, как дурак, держу. И щука меня дальше потянула. Как в «Бриллиантовой руке», помните — там Папанова так тащили.

— Я ему кричу: «Брось удочку!», а он, дурак, не слушает, — снова встрял в рассказ Александров.

— Да я и не слышал тебя — голова-то под водой оказалась. Короче, только минуты через две удочку отпустил, хотя жалко было — мне ее батя на день рождение подарил. Так она и сгнула вместе с той щукой.

— Хорошо, что сами живы остались, — резонно заметила Анжела.

— Да нам с Борькой любая река по колено — мы с ним в каких только передрыгах не бывали, — бодро отреагировал Алан. — А пару лет назад Бориса и вовсе чуть шаровой молнией не убило — чудом спасся. Меня, правда, рядом не было, но он так живо это описывал, что я будто сам там побывал.

— Где же это было? — поинтересовалась Анжела у Александрова.

— В Канаде, после молодежного чемпионата мира, — ответил хоккеист, которому явно не хотелось заново переживать эту историю.

Однако пришлось.

Ретроспекция. 6 января 1975 года, понедельник, перелет из Канады в СССР

Мировой молодежный форум по хоккею проходил тогда в Канаде, в городе Виннипеге. В последний день турнира, 5 января 1975 года, советские хоккеисты встретились с хозяева чемпионата канадцами, в составе которых играли такие будущие звезды, как Брайан Тротье, Рик Лапойнт, Мел Бриджмен, Брайан Саттер, Эд Станиовски и другие. В нашей команде, помимо Бориса Александрова, играли еще несколько хоккеистов, которые вскоре станут очень известными, благодаря выступлениям за первую сборную: Владимир Мышкин, Александр (он же Зинэтула) Билялетдинов, Сергей Бабинов, Василий Первухин, Сергей Шепелев. Наши ребята в той игре победили 4:3, причем две шайбы — первую и третью — забросил Александров, ставший настоящим героем той игры (впрочем, как и всего чемпионата).

На следующий день сборная СССР вылетала из Виннипега на родину. Рейс был прямой и длился почти 11 часов. Александрову досталось место возле иллюминатора и большую часть пути он проспал. А снился ему вчерашний матч, который отличался завидным драматизмом от всех предыдущих игр на этом чемпионате. В начале третьего периода сборная СССР вела 4:1 и, казалось, что игра уже сделана. Но канадцы умеют биться до последнего, как никто. На 47-й минуте матча Лапойнт с подачи Арндта сократил разрыв, а спустя еще девять минут уже сам Арндт сделал разрыв минимальным — 4:3. И последние четыре минуты игры канадцы так осадили ворота Мышкина, что, казалось, гол неминуем. А примерно за минуту до финальной сирены хозяева турнира стали играть вшестером, оставив свои ворота пустыми. Именно эти финальные секунды и снились теперь Александрову, пока их самолет летел в Москву. А снилось ему то, как он самоотверженно бросается под удар канадского игрока и шайба летит ему прямо в лицо. Удар — и искры посыпались из глаз Александрова.

Именно в этот самый миг он проснулся, и увидел в иллюминаторе яркую вспышку света, которая на доли секунды ослепила ему глаза. А когда он снова их открыл, то обнаружил, что свет в салоне самолета погас. Сидевший с ним рядом Федор Канарейкин, схватил его за локоть и, жарко дыша ему в ухо, спросил:

— Борис, что это было?

Но Александров не смог ему ответить ничего вразумительного — он и сам не понимал, что произошло только что за бортом самолета буквально в нескольких метрах от его иллюминатора. А свет в салоне по-прежнему не включался, да еще к тому же самолет начало трясти, что только усиливало ужас от происходящего. Никто ничего не понимал и все ждали каких-то объяснений по громкой связи от командира экипажа, но тот почему-то молчал. В этот миг где-то поблизости от Александрова заплакал ребенок. Мама попыталась его успокоить, но было понятно по ее голосу, что она сама крайне напугана этой ситуацией и еле сдерживается, чтобы самой не разрыдаться.

— Борис, кажется нам крандец, — снова услышал Александров голос своего соседа. — Говорят, в Питере, в апреле, было почти то же самое.

Речь шла о катастрофе ИЛ-18 27 апреля 1974 года, выполнявшего чартерный рейс Ленинград — Запорожье — Краснодар. Это была крупнейшая авиакатастрофа в Ленинграде — в ней погибли 109 человек. На борту ИЛа, на котором теперь летел Александров, находилось около 120 человек, из них 20 были хоккеистами, которых называли будущими звездами советского хоккея. Они только что выиграли молодежный чемпионат мира и были полны самых радужных надежд и планов. Так, Александров, которого в регулярном чемпионате СССР в этом сезоне поначалу не часто ставили на игры, теперь мог быть уверен, что во втором звене, рядом с Викуловым и Жлуктовым, постоянное место ему гарантировано.

Полет в кромешной темноте длился чуть меньше часа. О чем думали все это время пассажиры ИЛа, одному богу известно. И даже когда самолет, наконец, совершил экстренную посадку в Ленинграде, пассажиры не спешили радоваться, поскольку свет в салоне так и не включился. И только когда люди выбрались на бетонку аэропорта, началось массовое ликование. Александров попал в объятия высокого мужчины, который оказался летчиком, Героем Советского Союза.

— Ну, парень, считай, что мы второй раз на свет родились, — объявил летчик хоккеисту.

— Что же все-таки произошло в воздухе? — Александров задал вопрос, который мучил его все это время.

— А ты не понял? Шаровая молния разрядилась прямо на подходе к самолету. Еще бы чуть-чуть — и нам не выжить.

В аэропорту всем пассажирам объявили, что рейс до Москвы будет через два часа. Услышав это, несколько игроков сборной СССР подошли к тренеру Юрию Морозову.

— Юрий Иванович, мы в самолет больше не сядем, — объявил один из подошедших, выражая мнение делегировавших его товарищей.

— Как же вы собираетесь добираться до дома? — спросил тренер.

— Поедем на поезде.

Наставник обвел взглядом подошедших — их было десять человек.

— Остальные тоже так думают? — поинтересовался Морозов у других игроков.

— Нет, мы полетим самолетом, — ответил за всех Александров.

В сложившейся ситуации это можно было назвать поступком.

— Ну, что же, пусть так и будет, — подвел итог короткой дискуссии тренер и остался с теми, кто собрался продолжать свой путь по воздуху.

10 февраля 1977 года, четверг, Усть-Каменогорск

Алан продолжал колесить по городу, показывая столичной гостье его достопримечательности и попутно давая комментарии. Но иногда в этот рассказ вплетал свой голос и Александров.

— Это наша центральная площадь — имени Ленина, — сообщил он гостье. — Здесь у нас находится все городское и областное руководство, проходят демонстрации по праздникам.

— Вроде вашей Красной площади, — уточнил Алан.

— А это Дом культуры металлургов, — снова подал голос Александров. — Мы сюда на новогодние елки ходили.

Спустя какое-то время Алан указал пальцем на решетчатую ограду, мелькавшую за окном, где сидела гостья:

— Наш парк имени Джамбула. Знаете, кто это такой?

— В первый раз слышу, — честно призналась Анжела.

— Темнота, — усмехнулся Алан. — Это казахский народный поэт Джамбул Джабаев. Правда, я тут недавно слушал «Би-Би-Си», так они,

гады, утверждают, что Джамбул не сам свои стихи писал, а их сочиняли разные поэты.

— А ты слушай радио «Маяк» — меньше будет разочарований, — посоветовал другу Александров.

— А это что за здание? — поинтересовалась Анжела, указав жестом на внушительных размеров бетонную постройку.

— Это наш новый кинотеатр «Юбилейный», причем первый широкоформатный в городе, — объяснил Алан. — Кстати, можно сходить в кино. Только что вышел французский фильм «Старое ружье». Говорят, очень классный, в главной роли... — Алан на секунду осекся, после чего признался: — забыл фамилию этой актрисы, она еще была женой Алена Делона.

— Роми Шнайдер, — подсказала Анжела. — Но этот фильм я уже в Москве посмотрела. Вы правы — отличное кино. Там героиня Роми Шнайдер погибает, а муж начинает за нее мстить.

— Значит, кино отменяется. Тогда куда? — этот вопрос Алан адресовал своему приятелю. А тот в ответ спросил:

— Юрий Павлович еще тренирует ребят?

— А куда он денется.

— Тогда давай к Дворцу спорта.

Юрий Павлович Тархин, про которого спросил Александров, когда-то был их тренером в команде «Спутник-4». С тех пор, как Александров более трех лет назад уехал играть в Москву, он ни разу не видел своего тренера, хотя в Усть-Каменогорск несколько раз приезжал. Просто в первый его приезд Тархина не было в городе, а во втором случае хоккеист приехал всего лишь на день и опять не смог повидаться с тренером. В этот раз он решил это упущение исправить. Тем более что ему хотелось объясниться со своим наставником, который наверняка читал статью в «Советском спорте» и теперь бог весть что мог подумать о своем ученике.

— Вот он, наш красавец Дворец спорта, — подъезжая к месту назначения, объявил гостю Алан. — Открыт почти восемь лет назад, посадочных мест более пяти тысяч. Ничье имя он пока еще не носит, но я уверен, что когда-нибудь его назовут в честь человека, сидящего у меня за спиной.

— Тебе бы книжки писать — фантастические, — не скрывая своего скепсиса, откликнулся на заявление друга Александров.

Застегнув дубленку, он выбрался из автомобиля, но не успел сделать и десяти шагов. Мимо него в этот миг проходила стайка ребятишек, которые возвращались с хоккейной тренировки, нагруженные баулами и с клюшками в руках, и один из них внезапно воскликнул:

— Пацаны, да это же Борис Александров!

В следующее мгновение вся эта орава мальчишек бросилась к знаменитости и обступила ее со всех сторон. Галдеж поднялся до небес.

— Видите, какой славой пользуется здесь наш Борис! — не скрывая своего восторга, прокомментировал происходящее Алан.

Анжела и сама была в восторге — такого поклонения, да еще со стороны детей, она никогда не встречала. Возникшая в ее душе сегодня утром, во время общения с матерью Александра, симпатия к этому человеку овладела ею еще сильнее.

— Из нашей детской команды только Борьке удалось достичь такой славы, — вновь заговорил Алан. — А до него был еще один — Евгений Поладьев. Но он все-таки защитник, забивал немного, а Борька у нас нападающий, без забитой шайбы редко с поля уходит. Он даже самих канадцев обыгрывал. Они ему целые статьи в своих газетах посвящали. Любой из этих мальчишек мечтает стать таким же, как он. А ведь каких-нибудь пять лет назад, когда у нас первые матчи с канадцами проходили, мы даже представить себе не могли, что кто-то из нас сможет с ними сразиться. Борьке повезло, потому что он сильнее всех нас об этом мечтал.

Ретроспекция. Сентябрь 1972 года, Усть-Каменогорск, квартира Александровых

По телевизору транслировали очередной матч Суперсерии-72 между сборной командой СССР и канадскими профессионалами. Буквально воткнувшись в экран, Борис и его отец, как замороженные смотрели на эту баталию. А по квартире разносился голос комментатора Николая Озерова:

— Париже проходит красную линию, оставляет шайбу Курнайе, бросок по воротам, клюшку подставляет Шадрин и — атака отбита.

Лутченко отдает шайбу Якушеву, тот стремительно входит в зону соперника, перед ним защитник, Якушев бросает, вратарь отбивает и отбрасывает шайбу в сторону. Я, вроде бы, веду свой репортаж спокойно, но не могу даже... Г-о-о-ол!..

На этих словах Борис и его отец вскочили со своих мест и сначала принялись прыгать на месте поодиночке, а затем вместе — крепко обнявшись. А голос Озерова продолжал греметь из телевизора:

— Эспозито недоволен, бросок Ляпкина достиг цели. От синей линии, издали, бросил он по воротам Драйдена, мощнейший бросок и все увидели только, как шайба влетела в ворота канадцев...

Но игра на этом не закончилась. Впереди была еще добрая половина матча, поэтому отец с сыном снова уселись на свои стулья и уткнулись в экран. Канадцы, пропустив шайбу, бросились отыгрываться, но советские хоккеисты весьма грамотно строили свою оборону. И у канадцев стали сдавать нервы.

— Ты смотри, что они делают, подлецы! — с досадой воскликнул отец, когда один из канадцев, прижав нашего хоккеиста к бортику, стал свободной рукой мутузить его по голове. А свисток судьбы в это время безмолвствовал.

В другом случае еще один канадец зацепил нашего хоккеиста клюшкой между ног, но и это нарушение осталось без внимания рефери. Даже когда травму получил Александр Мальцев, канадцы не остались в меньшинстве и продолжили охотиться за нашими хоккеистами, которые на все тычки и зуботычины никак не реагировали, предпочитая не отвечать грубостью на грубость.

— Да они так половину нашей команды ухайдакают! — продолжал бушевать отец.

И тут внезапно он услышал звук, похожий на всхлип. Отец посмотрел на сына и обнаружил, что тот... плачет. Взрослый парень, которому в ноябре должно было исполниться 17 лет, плакал, сидя у телевизора от бессильной злобы на то, как канадцы жестоко обращаются с его кумирами, а те предпочитают им не отвечать.

— Борис, что с тобой? — отец положил руку на плечо сына.

Повернув к родителю лицо, с красными от слез глазами, Александров-младший произнес лишь одну фразу:

— Я им обязательно отомщу!

10 февраля 1977 года, четверг, Усть-Каменогорск

Пообщавшись с ребятней и раздав им автографы, Борис, наконец, позвал своих друзей и они отправились во Дворец спорта. Там как раз шла тренировка взрослых ребят, которую проводил бывший тренер Бориса и Алана Юрий Тархин. Увидев, кто к нему пришел, он оставил за себя на льду второго тренера, а сам вышел за бортик. По его лицу было видно, что он рад этой встрече, особенно с Александровым, которого не видел воочию более трех лет — с тех пор, как тот уехал играть за ЦСКА. Но едва тренер успел пожать своим бывшим ученикам руки, как их начавшееся общение было прервано громким возгласом, донесшимся с трибун. Судя по всему, это был кто-то из родителей, тренирующихся ребят, который узнал Александрова и, обращаясь к нему, громко крикнул, не вставая со своего места:

— Как тебе не стыдно, Борис — позоришь своего учителя, да и нас, земляков твоих. Такие гадости про тебя в газетах пишут, что стыдно становится.

Эти слова эхом разнеслись по Дворцу спорта, из-за чего юные хоккеисты, до этого активно катавшиеся на льду, разом застыли, как вкопанные. Они тоже узнали в пришедшем госте Бориса Александрова — их знаменитого земляка, которого теперь на их глазах подвергали публичной обструкции.

Зная вспыльчивый характер своего ученика, Тархин счел за благо не доводить ситуацию до ее обострения. Он взял Александрова под локоть и повел его в подтрибунный коридор. Анжела подалась было за ними, но Алан успел схватить ее за руку, показав тем самым, что им лучше остаться там, где они стояли. По выражению лица девушки можно было понять, что она потрясена случившемся. Ведь всего лишь несколько минут назад у входа во Дворец спорта счастливая ребятня радостно брала автографы у Александрова, но стоило им зайти внутрь, как того же самого человека подвергли столь нелюбезной критике. Воистину от хулы до похвалы оказался всего лишь один шаг.

В коридоре учитель и ученик встали друг напротив друга и Тархин первым начал этот непростой разговор с вопроса:

— Слышал, что думают о тебе твои земляки, Борис?

— Вы тоже так думаете, Юрий Павлович?

— Скажу тебе прямо, я обескуражен. Не хочется в это верить, поскольку когда ты у меня играл, к тебе не было никаких серьезных нареканий. Что случилось?

— Просто в Москве нет таких тренеров, как вы.

— Спасибо, конечно, за доброе слово, но, может, дело в тебе самом?

Александров не выдержал пристального взгляда тренера, отвел глаза в сторону и произнес:

— Почему сразу во мне?

— Тогда в ком же?

— В обстоятельствах. Вы же знаете, что я в Москву попал еще мальчишкой — в семнадцать лет. А там столько соблазнов. А, Москва, как известно, слезам не верит. Там, либо ты победишь, либо тебя.

— Значит, ты в Москве не в хоккее играешь, а за место под солнцем борешься?

— Одно другого не исключает.

— Но, судя по тому, что о тебе сегодня пишут, эта борьба складывается не в твою пользу.

— Да разве можно судить по одной статье. Сегодня так пишут, а завтра по-другому.

— Ты, видно, Борис ничего не понимаешь. Те регалии, которые ты до этого завоевал, были авансом, который надо было отрабатывать. Причем в поте лица. А ты, видимо, посчитал, что пахать уже не надо — мол, уже всего достиг. Тебе фамилия Никифоров о чем-нибудь говорит?

Александров пожал плечами.

— Виктор Никифоров, он, кстати, и здесь, в Усть-Каменогорске, успел тренером поработать. А в конце 50-х это был очень известный нападающий, играл сначала в ЦДКА, потом в московском «Динамо». В 1956 году стал олимпийским чемпионом, причем самым молодым в команде. Однако звания заслуженного мастера спорта ему не присвоили из-за постоянных нарушений режима. Среди советских хоккеистов, олимпийских чемпионов, он был один такой. Пока не появился ты. Тебя ведь тоже с этим званием «прокатали», хотя в прошлом году ты выиграл Олимпиаду в Инсбруке. Так вот, Никифоров так и не смог справиться с соблазнами и закончил карьеру в 29 лет. Ты рискуешь пойти по его стопам, если вовремя не одумаешься.

— Жалко, конечно, Никифорова, но я — не он, — продолжал гнуть свою линию Александров. — Перед Гуреевым я извинился, выводы сделал. К тому же, Локтев ко мне хорошо относится, я ему нужен.

— Что выводы сделал, это хорошо. Главное, чтобы эти выводы были правильными.

— О чем это вы?

— О том, что ты даже в нашем разговоре причину своих неприятностей ищешь в обстоятельствах, а не в себе самом. В тебе самом корень всех проблем, пойми это.

— И что вы предлагаете?

— Признать свои ошибки и начать их исправлять. Впрячься в лямку и пахать так, как до этого еще не пахал.

— Да я уже четыре года в Москве пашу, как проклятый. Пусть молодые теперь пашут, а я отдохнуть хочу — заслужил. А что до статьи... Так любое упоминание в газете хорошо, кроме некролога.

— Я же говорю, Борис, что ты ничего не понял. Ты только на пути к вершине, а думаешь, что уже ее достиг. Корона на голове не жмет?

— Не думал я, что наш разговор будет именно таким, — в голосе Александра слышалась обида.

— А ты хотел, чтобы я тебе комплименты раздавал? Я хоть и бывший твой тренер, но все равно — тренер. И могу говорить с тобой прямо, невзирая на то, нравится тебе это или нет. Правда — она еще никому не навредила. Надеюсь, со временем ты и сам это поймешь. А сейчас извини, мне на тренировку пора.

И тренер первым протянул своему ученику ладонь для прощального рукопожатия.

Когда Алан и Анжела вышли к Александрову, от них не укрылось, что их приятель стоит обескураженный.

— Судя по твоему лицу, разговор был резкий? — догадался о причинах перемены в настроении своего друга Алан.

— Более чем, — ответил Александров.

— Ему можно, он же тебе почти как отец, — попытался успокоить друга Алан.

— Отец бы мне таких вещей никогда не сказал.

— Может быть, зря? — подала голос Анжела.

— Что, значит, зря? — все то раздражение, которое накапливалось в Александрове во время разговора с тренером, теперь вырывалось наружу. — Ты что себе позволяешь?

— Я просто пытаюсь объяснить, что отец должен не только хвалить своего сына, но и иногда ставить его на место, — глядя в глаза собеседнику, ответила Анжела.

— А тебя кто-нибудь просил это объяснять? Куда ты лезешь со своими советами?

— Борис, не заводись, — Алан попытался успокоить друга и даже положил ему руку на плечо. Но Александров резким движением сбросил его ладонь и заявил:

— Ты не меня должен успокаивать, а вот эту фифу московскую. Возомнила о себе черт знает что и советы раздает.

— Она же из лучших побуждений.

— Пусть засунет свои убеждения знаешь куда? А ты тоже, друг называешься — меня на бабу променял. Может, планы на нее какие имеешь?

Алан подался всем телом вперед, но Анжела успела схватить его за руку.

— Ну и гад же ты, Борька, — процедил сквозь зубы Алан.

— От гада слышу, — ответил другу Александров, развернулся и зашагал в обратную от них сторону — к своему дому, который находился в нескольких минутах неспешного хода.

Когда его фигура скрылась за поворотом, Алан повернулся к девушке:

— Вы не обижайтесь на него, это все на почве треклятой статьи.

— Предлагаете мне забыть произошедшее и, как ни в чем не бывало, продолжить наше общение? Вы бы как на моем месте поступили?

Алан пожал плечами, понимая, что его друг отойдет еще не скоро — он-то его хорошо знал.

— Вот и я о том же. Поэтому сделайте одолжение Алан — отвезите меня, пожалуйста, в аэропорт.

*11 февраля 1977 года, пятница, Рига, Латвийская ССР, квартира
Тихоновых*

Виктор Тихонов проснулся утром не от привычного звона будильника, а от ласкового обращения «Витюша, вставай», которое слетело с губ его жены Татьяны. Взглянув на часы, стоявшие на прикроватной столике, Тихонов увидел, что они показывают одиннадцать часов утра. То есть, он пропустил и свою регулярную утреннюю пробежку, и начало утренней тренировки рижского «Динамо». Такого с ним еще не бывало. Но и повод для того, чтобы проспать, у тренера был уважительный. Вчера вернулся с соревнований в Минске его сын Василий и они почти до трех часов ночи разбирали игру «Латвияс берз», где играл Тихонов-младший. Команда заняла второе место, вот отец с сыном и пытались вместе понять, из-за чего это произошло. Татьяна несколько раз пыталась уложить их спать, сетуя на то, что у Тихонова-старшего завтра будет важный матч с московским «Динамо», но все ее уговоры оказались тщетными. Вот тогда она незаметно и отключила будильник, чтобы муж успел выспаться. А утром позвонила второму тренеру Эвальду Грабовскому и попросила начать тренировку без мужа. И теперь, сидя на краю постели и приходя в себя, Тихонов поймал себя на мысли, что не может сердиться на свою вторую половину. Если для него всегда на первом месте стоял хоккей, то она в первую очередь думала о благополучии своих близких — мужа и сына.

Ретроспекция. 1953 год, Москва

В один из осенних дней 1953 года военный атташе СССР в Болгарии собирался на работу в посольство, когда его супруга протянула ему распечатанный конверт с письмом.

— Это от Татьяны, — коротко сообщила мужу жена.

Речь шла об их единственной дочери, которая осталась в Москве, поскольку не могла уехать с ними по уважительной причине — она училась на юрфаке в МГУ.

Взяв конверт, глава семейства достал из него сложенный вчетверо лист бумаги и углубился в чтение. А спустя минуту поднял глаза на супругу и спросил:

— Она что удумала?

— Там же ясно написано что, — удивилась жена. — Замуж она выйти удумала.

— Замуж? — голос супруга загремел так, что задрожали стены. — Замуж за спортсмена? Да они же все дубы стоеросовые! Болваны неотесанные! Да я ей такое замуж покажу, она у меня на всю жизнь в девках ходить будет!

— Да успокойся же ты, Вася, соседей перепугаешь, — попыталась урезонить мужа жена. — К тому же, почему ты решил, что все спортсмены болваны? Наша дочь умная девушка и вряд ли обратит внимание на дуба стоеросового.

— Что ты городишь, мать? — продолжал бушевать глава семейства. — Я этого брата-спортсмена вдоволь насмотрелся, когда в Москве служил. А Танька наша именно что дура, если собралась за спортсмена замуж выходить. Короче, чем зря языком болтать, немедленно собираемся и едем в Москву, пока она за него и в самом деле не выскочила. Я пошел звонить по поводу самолета.

Татьяна и в самом деле полюбила спортсмена — Виктора Тихонова. На момент их знакомства он уже четыре года играл на позиции защитника в хоккейной команде ВВС МВО. Там же выступал и прославленный форвард Всеволод Бобров, у которого был сводный брат Борис. Именно он, будучи приятелем Татьяны, однажды и познакомил ее с Виктором. Произошло это прямо на улице в центре Москвы. Тихонов, как в первый раз взглянул на Татьяну, так сразу и влюбился. Впрочем, и он ей тоже сразу понравился своей скромностью и начитанностью. Они стали встречаться, а уже спустя три месяца решили пожениться. Но без родительского согласия сделать это было нельзя. И если мать Тихонова — женщина простая, работавшая в кузнечном цехе — хорошо приняла невестку, то вот родители Татьяны отбили ей телеграмму из Софии: «Без нас ничего не делай. Приедем зпт тогда все и решим».

Смотрины жениха случились на следующий же день после прилета родителей Татьяны. Тихонов пришел к ним на обед, надев на себя свой единственный парадно-выходной костюм, купленный им в ГУМе, на втором этаже. Своей будущей теще он купил букет цветов, а тестю бутылку армянского коньяка, узнав о его предпочтениях в этой области от своей невесты. С этого коньяка будущий тесть и решил начать проверку жениха.

Когда они уселись за стол, глава семейства налил полную рюмку пятизвездочного напитка Тихонову и первым поднял рюмку. Но гость внезапно заявил:

— Я не пью.

— Я тоже не пью, но сегодня, вроде бы, есть повод, — настаивал на своем хозяин дома.

— У меня игра завтра.

— С кем?

— С ЦДКА.

— Подожди, а ты где играешь?

— Теперь в «Динамо», а раньше играл в ВВС у Василия Сталина.

— Так ты Ваську знаешь?

— Он меня в команду и взял.

— Значит, приглянулся ему?

— Выходит, что так.

Глава семейства поставил на стол, так и не пригубленную рюмку, и продолжил свой допрос:

— И чем же?

— У меня характер золотой, — не моргнув глазом, ответил Тихонов.

Услышав это, будущий тесть от души рассмеялся.

— А ты хват, однако, — вытирая проступившие на глазах слезы, резюмировал отец невесты. — По этому поводу надо обязательно выпить.

— Я же сказал...

— А я говорю надо, — тоном, не терпящим возражений, произнес глава семейства. — Одну рюмку выпьешь и больше не будешь. Где играешь?

— В защите.

— Вот и хорошо. Глядишь, эта рюмка на тебя так повлияет, что ты к моим армейцам цепляться не будешь. Имею я право своим помочь, раз уж моя Танька в динамовца втюрилась?

Тут уж настала очередь Тихонова смеяться. После чего его рука сама потянулась к рюмке...

Спустя полтора месяца после этих смотрин — 24 декабря 1953 года — Виктор и Татьяна поженились. Свадьба была очень скромной даже по меркам тех лет: на ней присутствовали жених с невестой,

родители Татьяны, а сторону жениха представляли мать и тетя Тихонова. Спустя пять лет у молодых родился сын Василий, названный так в честь отца Виктора, погибшего на фронте.

11 февраля 1977 года, пятница, Усть-Каменогорск

Александров проснулся от того, что кто-то настойчиво тряс его за плечо. Открыв глаза, он увидел над собой склонившееся лицо матери:

— Борис, к тебе пришли, — сообщила она сыну.

— Кто пришел? — спросил Александров, но мать не стала ничего объяснять и удалилась на кухню.

Откинув одеяло, хоккеист всунул ноги в тапочки и вышел в коридор. На пороге стоял сын местного прокурора Геннадий, с которым он когда-то прятельствовал. Увидев его, Александров понял, почему его мать так быстро удалилась — дружбу сына с этим человеком она не приветствовала.

— Привет, Борька, — расплылся в улыбке гость и протянул ладонь для рукопожатия.

— Пройдешь? — спросил Александров после того, как они поздоровались.

— Нет, лучше ты к нам спустишься — я во дворе свой «Жигуленок» оставил, — ответил Геннадий.

— К нам это к кому? — удивился хоккеист.

— А ты спустишься, увидишь, — загадочно улыбнувшись ответил гость, после чего вышел из квартиры.

Александров пожал плечами и подошел к окну на кухне, которое выходило во двор. Там он действительно увидел бежевые «Жигули» прокурорского отпрыска. Но кто был внутри разглядеть было нельзя. Поэтому Александров отправился одеваться.

Когда он натягивал на ноги штаны, в комнату зашла мать.

— Чего он хочет? — спросила женщина.

— Не знаю пока, — коротко ответил сын.

— В любом случае, ничего хорошего от него ждать не приходится.

— Да брось ты, мам, — Александров обнял женщину за плечи. — Небось, позовет в «Айну» мой приезд отметить.

— Зачем ему твой ресторан, если водка его не интересуется.

— В каком смысле? — не понял Александров.

— А в том, что ему не алкоголь нужен, а другое средство, чтобы забыться. Об этом у нас уже почти весь город знает, кроме тебя.

— Наговаривают люди, — отмахнулся от слов матери сын и, накинув дубленку, вышел из квартиры.

Когда он подходил к «Жигуленку», то заметил там троих пассажиров: двое, и среди них Геннадий, сидели на заднем сиденье, и еще один на водительском месте. Значит, место рядом с водителем предназначалось вновь прибывшему. На него он и сел.

— Ну, здорово, знаменитость, — радостным возгласом встретил хоккеиста водитель, в котором Александров узнал еще одного отпрыска — сына главы местного обкома партии Владимира, с которым он тоже был знаком, но больше шапочно.

Пожав ему руку, Александров поздоровался и с другим пассажиром — молодым парнем, сидевшем на заднем сиденье наискосок от него. Тот представился Александром.

Когда ритуал знакомства был завершен, Владимир спросил у хоккеиста:

— Мы слышали, что в Москве на тебя крупно наехали?

— Ерунда, разберусь, — сделал безразличное лицо Александров.

— Одному разбираться трудно, здесь нужна компания, — продолжал Владимир. — Хочешь, я своего батю подключу — у него в Москве большие связи есть.

Александров и сам знал о том, что у родителя Владимира имеются влиятельные друзья еще с тех времен, когда он почти пять лет работал в структурах ЦК КПСС. Но он не хотел впутывать в свои проблемы посторонних людей, тем более через их детей — так называемой «золотой молодежи».

— Спасибо, Владимир, но все обошлось — меня лишь на пару-тройку игр дисквалифицировали.

— А статья в газете? — подал голос Геннадий. — Там тебя под орех разделали. Не обидно?

— Я на такие пустяки не обижаюсь.

— А вот мы обиделись, — снова вступил в разговор Владимир. — Этот журналюга не только тебя с грязью смешал, он и в наш Усть-Каменогорск плюнул.

— Преувеличиваешь, не было там этого, — возразил Александров.

— Хорошо, пусть не впрямую, но косвенно плюнул, — продолжал гнуть свое Владимир. — Ты ведь отсюда, а это значит, статья и по нашему городу ударила. Мой батя, кстати, прочитав ее, рвал и метал. Я потому и спрашиваю тебя: может помочь разобраться с этими москвичами? Чтобы в другой раз неповадно было усть-каменцев трогать.

— Я же говорю, не бери в голову, Владимир, все устаканится само собой, — стоял на своем Александров. — А если волну поднимать, то она меня с головой накроет.

— Ну, как хочешь, — пожал плечами сын обкомовца. — Но в любом случае знай: мы за тебя горой.

— Спасибо, — поблагодарил Александров, хотя понимал, что весь этот разговор затеян неспроста. И оказался прав.

— У тебя в Москве какая машина? — спросил внезапно у хоккеиста Владимир.

— «Жигуль»-«трешка», оранжевого цвета.

— И у меня «Жигули», только красные. Но я ее собрался продавать. И знаешь кому?

— Откуда же мне знать? — искренне удивился Александров.

— А вот тому человеку, который за моей спиной сидит — Сашке с мебельной фабрики. Он давно меня достает: продай да продай. А я ему в ответ: а я на чем ездить буду? Ведь правильно, Борис?

Вместо ответа хоккеист кивнул головой. А Владимир продолжал:

— Так вот, я «Волгу» хочу себе купить, но есть одна заковыка — отец мне помочь не хочет. Говорит, что на «Волгу» я еще не заработал. Вот я и подумал: а что, если ты, Борис, мне поможешь.

— Каким образом?

— Вам же в ЦСКА машины вне очереди предоставляют?

— Ну, есть такое дело. Только я-то себе уже купил. Или ты хочешь, чтобы я тебе чужую «Волжанку» сосватал?

— Нет, мне чужая машина не нужна — мне новенькую хочется, с нулевым пробегом. На сколько башлей такая потянет?

— Тысяч на одиннадцать.

— Такие башли у меня есть. От тебя, Борис, только требуется поговорить с кем-нибудь из своих друзей-игроков, чтобы они на такую

машину записались. А я за такую услугу продавцу еще пятьсот башлей накину. Ну, или «косуху». Как ты на это смотришь?

— Попробовать можно, — после небольшой паузы ответил Александров.

— А если такое возможно, то, может, обсудим еще один вариант?

Александров насторожился, догадавшись, что именно ради этого варианта его сюда и пригласили. И услышал следующее:

— Есть у нас друзья с Кавказа, которые могут покупать «Волжанки» не по госцене, а по цене почти в два раза дороже. Если ты найдешь в Москве ребят, которые согласятся эти машины доставать, то представляешь, какой навар можно сделать? По несколько «косых» на четверых! Чувствуешь размах?

Размах Александров почувствовал, но он его не особенно впечатлил — у него на сберкнижке в тот момент лежало более 60 тысяч рублей — баснословные деньги по тем временам. Но говорить об этом он, естественно, не стал, решив опустить собеседника с небес на землю:

— Ты преувеличиваешь мои возможности, Владимир.

— Да брось ты, Борис! — вступил в разговор Геннадий. — Ты же олимпийский чемпион, а не свиной хвостик. У тебя же наверняка друзья имеются как в ЦСКА, так и в других командах. Поговори с ними, объясни ситуацию. Ведь это хорошие бабки и почти задаром. Например, есть уже у человека машина, а премиальные за победу в чемпионате ему полагаются. Он выбирает еще одну машину, которую тут же и продает. Ведь чемпионат-то как раз на финишную прямую вышел, иначе мы бы тебя не теребили. Ты очень вовремя приехал.

— Ну, что, лады? — вновь вступил в разговор Владимир.

Но хоккеист молчал, глядя через лобовое стекло на то, как дети во дворе катаются с ледяной горки.

— Ну, хорошо, давай сделаем так, — видя, что его собеседник колеблется, продолжил Владимир. — Ты хорошенько подумай, а мы завтра утром к тебе заедем и отвезем за город, на «хазу» этих ребят с Кавказа. И ты сам посмотришь, какие это серьезные люди. Такие кидать не любят. Договорились?

И Владимир первым протянул раскрытую ладонь Александрову.

Мать хоккеиста, которая все это время стояла на кухне и внимательно смотрела из окна на припаркованный во дворе

«Жигуленок», никак не могла понять, почему он никуда не уезжает. А когда из него выбрался ее сын, она поспешила к двери. Едва она успела впустить своего отпрыска в квартиру, как он прямо с порога ее огорошил:

— Мам, собери мне по-быстрому что-нибудь в дорогу. Я в аэропорт — в Москву улетаю. А если Генка будет спрашивать, скажи, что меня срочно вызвали в ЦСКА.

11 февраля 1977 года, пятница, Москва, квартира Анжелы Беловой

Прилетев ночью в столицу, Анжела приехала домой и сразу свалилась в кровать от усталости. Но около десяти утра ее разбудили настойчивые звонки в дверь. С трудом разомкнув глаза, девушка отправилась открывать. На пороге стоял Егор Красовский.

— Ну ты даешь, красавица — прилетаешь в Москву и звонишь не мне, а своей подружке Светке Негоде, — переступая через порог, произнес журналист. — Как будто у тебя с ней дела, а не со мной.

Чмокнув девушку в щеку, неожиданный гость прошел в комнату и по-хозяйски развалился в кресле, бросив кожаную сумку на пол. А Анжела прошла мимо него и снова нырнула под одеяло.

— Не понял? — удивился такому поведению Красовский.

— Я спать хочу, мне после обеда на работу выходить, — сообщила из-под одеяла Анжела.

— Сон отменяется, у меня статья горит, — оповестил девушку журналист и потянул одеяло на себя. — Что-нибудь узнала?

— Нет! — вырывая одеяло из рук журналиста, огрызнулась Анжела.

— Как это нет? Ты с Александровым почти сутки провела. Дурочку не валяй.

Понимая, что гость от нее так просто не отстанет, девушка приняла сидячее положение.

— Чего ты от меня хочешь?

— А то ты не знаешь? Подробности твоей поездки в Усть-Каменогорск. Зачем Александров туда ездил, с кем встречался, что говорил. Он же не зря туда поехал.

— Он мать свою навещал, доволен?

— Нет, не доволен — подробности давай. Мать наверняка с тобой общалась, о чем-то рассказывала, делилась.

— Стукачку из меня делаешь? А вот это видел? — и Анжела показала журналисту кукиш.

— Причем здесь стукачка, мы же с тобой обо всем договорились, — не скрывая своего удивления, воскликнул Красовский. — Ты сама вызвалась лететь с Александровым.

— Дура была, потому и согласилась. Тебе зачем эта статья нужна — чтобы человека дерьмом обмазать?

— Каким дерьмом, что ты мелешь? И статья эта не мне нужна, а тем молодым спортсменам, которые, как и Александров не дорожат своей честью смолоду и пьянеют от звука медных труб.

— Смотри сам не опьяней.

— Да что с тобой случилось за эти сутки? — Красовский вскочил с кресла, пересел к девушке и обнял ее за плечи. — Ты что, втюрилась в этого хоккеистика?

— Очень надо, — Анжела скинула со своего плеча руку журналиста. — Просто я считаю, что в случае с Александровым еще ничего не ясно и пригвождать его к позорному столбу рано. Если человек оступился, то ему нужно помочь и подставить плечо, а не толкать его в спину, чтобы он и дальше падал.

— Вот, значит, как ты запела. По тебе выходит, что я толкаю этого агнца божьего в спину, чуть ли не в пропасть. А ты не задумывалась над тем, что он далеко не ангел. Что люди, подобные ему, хороших слов не понимают. С ними надо разговаривать жестко, иначе они вконец обнаглеют и сядут всем на шею. Да этот твой Александров уже давно туда уселся и всеми понукает. А такие дуры, как ты, его выгораживают.

— Я вовсе не считаю его ангелом. Если хочешь знать, он так на меня наорал, что я улетела без него.

— Тогда что мешает тебе ответить ему тем же? — искренне удивился Красовский.

— Вот видишь, тобой не добрые чувства двигают, а жажда мести. Ты хочешь моими руками расправиться с человеком, который тебе почему-то не нравится. А я провела с ним целый день и знаю о нем больше, чем ты и весь твой спортивный отдел вместе взятые. Поэтому

прошу: отстаньте от него и дайте прийти в себя после случившегося. А ваше морализаторство приберегите для настоящих подлецов.

— Значит, ты не будешь ничего рассказывать? — теряя терпение, спросил журналист.

— Нет! — чуть ли не крикнула в лицо собеседнику Анжела. Причем так резко, что он вскочил с постели.

— Ну, что же, ты свой выбор сделала, — пронзая девушку своим испепеляющим взглядом, резюмировал Красовский. — Но я обещаю тебе, что ты очень скоро об этом пожалеешь.

Сказав это, Красовский схватил с пола сумку и выбежал из комнаты. В эту минуту он был зол не столько на девушку, сколько на Александра, которому так легко удалось сбить с толку его подругу.

***11 февраля 1977 года, пятница, Рига, Дворец спорта, «Черный бар»
и матч «Динамо» (Рига) — «Динамо» (Москва)***

Тихонов приехал во Дворец спорта на час раньше своей команды, чтобы дать предматчевое интервью своему хорошему знакомому — журналисту газеты «Советская молодежь» Виктору Резнику-Мартову. Они были знакомы с конца 60-х, когда Тихонов только возглавил рижское «Динамо». С тех пор они стали сотрудничать, даже несколько раз ездили на чемпионаты мира, где вместе писали репортажи: Тихонов оценивал игры с точки зрения профессионала, а Резник облекал их в литературную форму. Получалось очень даже неплохо — читателям «Молодежки» нравилось.

Журналист дожидался тренера в «Черном баре», успев выпить в одиночестве уже две чашки кофе. Причем беседу можно было провести и в кабинете у Тихонова, который находился здесь же, во Дворце спорта, но он был настолько тесен и неприветлив, что было решено сделать это в баре, где всегда царила рабочая, и в то же время вполне уютная, почти домашняя атмосфера.

Журналист как раз допивал вторую чашку кофе, когда к его столику подошел Тихонов с портфелем типа «дипломат» в руках. Они поздоровались, после чего Резник включил диктофон и задал первый вопрос:

— Что думает тренер Тихонов о сегодняшней игре?

Но Тихонов ответил не сразу. В этот миг к их столику подошел официант и поставил перед тренером чашку с горячим кофе. И только когда служащий бара ушел, последовал ответ на заданный вопрос. Вернее, это был ответ в форме вопроса:

— Говорить будем на чистоту?

— Разумеется, — ответил журналист.

— А если я скажу такое, что твое руководство испугается напечатать?

— Я постараюсь обойти этот испуг. Как говорится, не первый год замужем.

— Хорошо, мое дело предупредить, — и Тихонов, прежде, чем продолжить разговор, сделал глоток из чашки.

После чего интервью началось:

— Скажем прямо, у нас нет иллюзий по поводу того, что мы сможем догнать или обогнать наших одноклубников из Москвы, — спокойно объявил Тихонов. — И наш последний матч в Воскресенске это наглядно продемонстрировал. Сегодня вся Рига гудит по поводу того судейства, которое было там продемонстрировано. После матча я лично пришел в судейскую комнату и выразил свой протест в связи с теми ошибками, которые были совершены судьями в отношении нашей команды.

— И что конкретно ты сказал?

— Я назвал два удаления, которые последовали в концовке матча, несправедливыми. Эти удаления не позволили нам перевесить чашу весов в свою сторону. И это тогда, когда каждое очко для нас буквально на вес золота.

— Что тебе ответили?

— Мне было заявлено, что оба удаления были обоснованными. Впрочем, инспектор матча пообещал лично во всем разобраться. С тех пор минуло вот уже четыре дня, но никаких сообщений ко мне больше не поступало. Что наводит на мысль о том, что мой протест не имел никаких последствий.

— Может, он и в самом деле был необоснован?

— Но многие люди, видевшие телевизионную трансляцию, выразили полную солидарность со мной. Причем это не только рижане. Нам в команду звонят люди из других регионов и

возмущаются тем судейством, которое было продемонстрировано в Воскресенске.

— Получается, что против рижского «Динамо» существует некий заговор?

— Я не могу говорить о заговоре, так как у меня нет никаких доказательств его — я говорю о предвзятом судействе. Видимо, в судейском корпусе есть люди, которые симпатизируют одним командам, а другим нет. Но это недопустимо — судьи должны быть выше всяческих симпатий-антипатий. Они должны быть объективны.

— А если все-таки предположить, что некие люди не хотят, чтобы команда из Риги вдруг пробилась в тройку сильнейших команд страны. Ведь в нашем чемпионате участвуют десять команд, причем девять из них представляют РСФСР и только одна команда пришедшая — из Латвии. Может, дело именно в этом?

— Виктор, ты уверен, что надо развивать эту тему? — не скрывая своей настороженности, спросил Тихонов.

— Но ты же сам ее поднял? — удивился журналист.

— Я поднял тему предвзятого судейства, а ты клонишь дело к некоему заговору. Это две разные вещи.

— Предвзятое судейство не может существовать само по себе. Судьи — это государственные служащие и, значит, за ними могут стоять некие большие люди.

— Ты рискуешь навлечь на наши головы большие неприятности, — делая очередной глоток из чашки, предупредил журналиста Тихонов.

— То есть, ты хочешь ограничиться исключительно личностью того судьи, который предвзято судил матч в Воскресенске?

— Именно. Я тебе затравку даю для темы о судействе в нашем хоккее. А теорию заговора люди и без нас дорисуют в своих головах, если захотят.

— Хорошо, пусть будет по-твоему, — согласился журналист. — У тебя есть фамилии людей из этой судейской бригады?

— Они у меня в «дипломате», вместе с копией протокола того матча.

Сказав это, Тихонов нагнулся за своим портфелем, но его на месте... не оказалось.

— Что за черт? — выругался Тихонов, вскочив со своего стула.

Он тщательно осмотрел то место, где оставил «дипломат», но тот словно сквозь землю провалился.

— Ты хочешь сказать, что у тебя украли портфель? — теперь уже и журналист встал со своего места.

— Ну, да — я же поставил его у своих ног, а теперь его нет, — подтвердил слова приятеля Тихонов.

— Слушай, за соседним столиком сидел какой-то молодой парень в кожаном пиджаке, а теперь его нет, — вспомнил внезапно журналист. — Надо немедленно сообщить в милицию. У тебя там еще что-то было, кроме хоккейных бумаг?

— Куча всяких документов: ведомости о зарплате служащих нашей команды, пропуска, деньги, наконец.

— И много денег?

— Двести рублей с копейками.

В это время к ним подошел официант, который их обслуживал и поинтересовался, в чем дело. Тихонов объяснил ему, что у него украли портфель с документами.

— Здесь сидел молодой человек в кожаном пиджаке — вы его знаете? — спросил у официанта журналист.

— Нет, в первый раз его видел, — развел руками официант.

— Тогда звоните в милицию — это дело так оставлять нельзя, — потребовал журналист.

И официант отправился к барной стойке, где у него стоял телефон.

Спустя полчаса Тихонов уже давал показания инспектору уголовного розыска Гунару Звягиньшу из местного отделения милиции. Причем длилось это недолго, поскольку Тихонову надо было срочно идти к команде, которая давно уже приехала, успела облачиться в хоккейную амуницию и ждала выхода на лед.

— Успехов вам сегодня в игре, — напутствовал тренера инспектор. — А «дипломат» мы вам найдем — обещаю.

И эти слова крутились в голове у Тихонова практически весь матч. Причем напутствие сыщика сбылось. Первый период прошел в упорной борьбе и закончился со счетом 0:0. Но во второй двадцатиминутке подопечным Тихонова удалось-таки открыть счет. И сделало это первое звено нападения. Балдерис адресовал шайбу Эдмунду Васильеву, тот выдал не менее точный пас Воробьеву, после броска которого за воротами вратаря Бабарико зажегся красный

фонарь. А в самом начале третьего периода отличилось уже третье звено рижан — гол забил Абалмасов, после паса Серняева. Но это было еще не все. Прошла всего лишь одна минута, когда брат Эдмунда Васильева — Харальд — забросил третью шайбу в ворота гостей.

Москвичи бросились отыгрываться, но у них ничего не получалось. Команда явно была не в своей тарелке. Даже их первое звено было не похоже на себя. Может быть, потому, что рядом с Мальцевым и Природиным не было их постоянного партнера Владимира Голикова, а вместо него играл молодой игрок Сергей Меликов. В результате свою единственную шайбу в этом матче москвичи забili под занавес матча — на 60-й минуте это сделал Валентин Назаров. Причем после того, как за минуту до этого отличился его однофамилец — рижанин Вячеслав Назаров. Итог матча — 4:1 в пользу подопечных Тихонова.

Игра еще была в разгаре, когда инспектор Звягиньш вошел в подъезд дома на проспекте Ленина и поднялся на четвертый этаж. Подойдя к одной из дверей, он прислушался. За дверью явно слышались голоса. Причем это был голос диктора, который вел прямую трансляцию хоккейного матча между рижанами и москвичами. Удовлетворенный этим, инспектор нажал на кнопку звонка.

Ждать пришлось недолго. И уже спустя минуту дверь отворилась и на пороге возник мужчина в махровом халате на голое тело. В руке он держал банку из-под пива, причем импортную.

— Ба, кого я вижу! — воскликнул мужчина, после чего спросил. — У нас что, уголовка хоккей не смотрит?

После этих слов мужчина засеменил в комнату, поскольку в телевизоре послышался шум, похожий на звук ревущего от восторга стадиона. Инспектор переступил порог и услышал вопли, которые принадлежали уже хозяину квартиры:

— Го-о-л! Наши гол забили!

Когда инспектор оказался в гостиной, где работал телевизор, он увидел на экране обнимающихся игроков рижского «Динамо».

— Какой счет? — поинтересовался гость.

— 1:0, — последовал ответ. — Петя Воробьев такую «бабочку» москвичам забил — закачаешься.

Пока хозяин дома радовался первому голу своих кумиров, Звягиньш осмотрелся в комнате. Она была в творческом беспорядке: на диване кипой лежали заграничные пластинки, а на столе возвышалась стопка таких же иноязычных журналов. Взяв один из них в руки, инспектор прочитал на обложке название: «Playboy». Обнаженные девицы на каждой странице без стеснения демонстрировали свои пышные и аппетитные формы.

— Это мне по подписке приходит, — отвлекаясь от телевизора, произнес хозяин дома.

— А пластинки фирма «Мелодия» рассылает, — усмехнулся инспектор.

— Товарищ Звягиньш, мы же с вами давно знаем друг друга и всегда находили общий язык, — ставя недопитую банку на стол, сказал мужчина. — Я помогаю вам, вы — мне. Это называется заграничным словом «бартер».

— Согласен, Густав, — кивнул головой инспектор. — Я за этим, собственно, и пришел — за бартером. Вот ты сейчас смотришь хоккей и шумно болеешь за наших ребят. И не знаешь, что всего лишь час с небольшим назад у их тренера умыкнули «дипломат» с ценными бумагами. Представляешь, каково ему сейчас — и за игрой следить, и о потерянных документах думать.

— Это ты про Тихонова, что ли?

— Про него самого.

— Где же его обчистили?

— Представь себе, на твоей территории — прямо во Дворце спорта, в «Черном баре».

— Вот жулье! — картинно всплеснул руками Густав.

— Не то слово, — согласился инспектор. — Но ты мне объясни, Густав, что это за люди, которые тренера рижского «Динамо» в лицо не знают? Разве такое возможно?

— Возможно, товарищ Звягиньш. Вы не представляете, какая молодежь нынче пошла — беспросветная. Они не хоккеем интересуются, а голыми бабами, — и Густав сделал жест в сторону стола, где лежали порнографические журналы.

— Значит, плохо мы воспитываем нашу молодежь, — резюмировал инспектор.

— Я вас понял, — приложив ладонь к груди, произнес Густав. — Приметы этого жулика у вас имеются?

— Молодой парень, в кожаном пиджаке, волосы кучерявые, как у американской коммунистки Анджелы Дэвис. И еще: официант говорит, что он курит сигареты «Кент».

— Дальше можете не продолжать, — жестом остановил плавную речь инспектора Густав. — Можете передать товарищу Тихонову, что его «дипломат» уже найден.

— К концу игры управисься? — поинтересовался инспектор.

— Обижаете, начальник. Сейчас в игре как раз перерыв наступил, вот им и воспользуюсь. Уж больно матч досмотреть хочется.

— Тогда не буду тебе мешать, — и инспектор, пожав на прощание руку Густаву, направился к выходу.

Однако, проходя мимо дивана, он остановился и спросил:

— Новый «Иглз» есть?

— «Отель «Калифорния»? — уточнил Густав. — Вон он лежит сбоку.

Инспектор взял в руки диск и спросил:

— Я возьму послушать?

— Можете слушать до старости — мы не жадные. А Тихонову передайте, что мы, деловые люди, его очень ценим и уважаем.

Когда матч закончился и Тихонов вместе с командой шел в раздевалку, у дверей его подждал инспектор Звягиньш с «дипломатом» в руке.

— Неужели нашли? — воскликнул тренер.

— Рижская милиция даром хлеб не ест, — расплываясь в улыбке, ответил инспектор.

— Огромное вам спасибо, — поблагодарил сыщика Тихонов, принимая у него «дипломат».

— Вы посмотрите, все ли на месте, — посоветовал инспектор.

Тихонов при нем открыл портфель и в течение минуты перебирал в нем бумаги. Наконец, поднял голову и сообщил:

— Все на месте, кроме денег.

— Много было?

— Двести рублей с копейками.

— Вот гады — хоть в чем-то, но обманут.

— Бог с ними, с деньгами, — махнул рукой Тихонов. — Главное документы целы, пропуска. А деньги мы заработаем.

11 февраля 1977 года, пятница, Москва, метро «Ленинский проспект», салон-парикмахерская

Анжела Белова приехала на работу во второй половине дня — в салон-парикмахерскую недалеко от метро «Ленинский проспект». На входе ее догнала подруга Светлана Негода, которая тоже приехала на работу в ту же смену. В руке она держала модный полиэтиленовый пакет, купленный ею в прошлом году на выставке в Сокольниках в честь 200-летия США. Взяв Анжелу под локоть, Светлана прошептала ей на ухо:

— Анжелка, привет, тебе «АББА» не нужна — первый их диск в Союзе?

И прежде чем Анжела успела что-либо ответить, подруга раскрыла перед ней пакет и вытянула из него на свет краешек пластинки популярного шведского квартета.

— Позавчера в ГУМе купила. Знаешь, какая давка была — жуть!

— И сколько ты за него хочешь? — поинтересовалась Анжела.

— Червонец. Деньги дозарезу нужны — Жорик «Фарца» стильный батник предлагает, а последний срок до завтра. Представляешь, моя мечта — приталенный, перламутровые кнопки, два накладных кармана, рукава с манжетом.

Видя, что подруга задумалась, Светлана сообщила:

— Имей в виду, я тебе, как лучшей подруге, первой предложила. Такие диски на дороге не валяются — его наши девчонки с руками оторвут.

— Ну, хорошо, уговорила — жалко твои руки, чем ты людей стричь будешь? — улыбнулась Анжела и потянулась в сумочку за кошельком. — Только уговор: отдашь мне диск с пакетом, а завтра я тебе его верну.

— Можешь его себе оставить, у меня еще два дома таких же лежат — новенькие, — забирая деньги, произнесла Светлана.

Когда Анжела переоделась в симпатичный розовый халат и вышла к своему рабочему месту у окна, у кресла ее уже поджидал хороший

знакомый — 17-летний учащийся ПТУ Федор. Он жил в Орехово-Борисово, но специально раз в полтора месяца приезжал в этот салон, чтобы сделать себе модную стрижку «Молодежная» за 3 рубля 40 копеек при средней цене за стрижку в обычной парикмахерской 40 копеек. Федор был фанатом московского «Спартака» и даже сюда, в салон, приезжал в красно-белом вязаном шарфике — фанатском атрибуте, ставшим модным среди спартаковских болельщиков буквально год назад. Сей шарфик ему сшила его любимая девушка.

Помыв под ручным душем голову парня, Анжела укутала ее в полотенце и начала тщательно обтирать. И только после этого взялась за ножницы. Ловко орудуя ими, она внезапно спросила у своего клиента:

— Федор, а когда заканчивается чемпионат страны по хоккею?

Удивленный таким вопросом, парень поднял глаза вверх — чтобы понять, что он не ослышался. И только встретившись глазами с девушкой — а в них читался немой вопрос — он ответил:

— Еще месяц будут играть — до 19 марта.

— Это, значит, сколько игр еще осталось?

— Восемь или девять туров.

— Ах, это так называется? И все игры будут в Москве?

— С чего это, если команды из разных городов? — удивился Федор. — Половина в Москве, половина на выезде.

— А ЦСКА когда в Москве будет играть в ближайшее время?

— Завтра вечером. Но билетов в кассах уже нет — все расхватали. Игра-то важная — против румынской команды «Стяуа».

— Разве румыны в нашем чемпионате участвуют?

Прежде чем ответить, Федор рассмеялся. После чего ответил:

— Сразу видно, что в хоккее вы человек темный. Игра международная — в рамках турнира Дружественных армий.

— А Борис Александров будет в ней участвовать?

— По идее должен. Его ведь дисквалифицировали в союзном чемпионате, а не в международных турнирах.

— И как можно попасть на эту игру?

— А вам это надо? — Федор снова смерил девушку взглядом снизу вверх. — Вы, вроде, никогда раньше хоккеем не увлекались.

— А теперь вот увлеклась. Так как попасть?

— Купить билет у спекулянтов.

— И сколько это стоит?

— Один билет — червонец.

— Что же вы так помешались на этих червонцах! — всплеснула Анжела руками, в одной из которых были ножницы.

— За меньшее билеты на такие матчи не продаются, да еще накануне игры.

— А ты можешь мне такой билет достать?

— Без проблем, у меня дружок этим занимается. Но в долг он не дает — деньги нужны сразу.

Ножницы, которыми Анжела ловко орудовала в волосах у парня, замерли в воздухе. Подумав немного, девушка попросила Федора подождать и ушла на другую сторону зала — туда, где трудилась Светлана Негода.

— Светка, забирай диск назад и возвращай мой червонец, — объявила подруге Анжела.

Светлана, которая в этот момент ополаскивала душем голову клиента, от неожиданности так надавила рукой на шею мужчины, что он ойкнул.

— Ой, простите пожалуйста! — тут же извинилась Светлана и повернулась к Анжеле: — Ты что такое говоришь, подруга?

— Я говорю, что червонец мне верни.

— Зачем это он тебе вдруг понадобился?

— На хоккей завтра пойду.

Лицо Светланы вытянулось, а рот непроизвольно приоткрылся.

— Да, да, на хоккей, — повторила Анжела. — А билет туда как раз червонец стоит. Вот я и прошу забрать диск и вернуть мне деньги.

— Хорошенькое дело, разве подруги так поступают — сначала покупают, а через полчаса деньги назад требуют. Я же тебе говорила, зачем мне деньги нужны.

— Ты еще говорила, что этот диск у тебя наши девчонки с руками оторвут.

— Мало ли что я говорила. Может, я придумала.

— То есть, ты хочешь, чтобы я тебе твой диск пристроила? Хорошо. Мужчина, — обратилась Анжела к клиенту, которого обслуживала Светлана, — вам первый в СССР диск группы «АББА» не нужен? Только что вышел. С их знаменитым шлягером «Ай ду, ай

ду, ай ду». Помните? — и Анжела запела: «I love you, I do, I do, I do, I do, I do».

Мужчина, с головы которого капала вода, удивленно уставился на поющую парикмахершу. А та продолжала:

— Я не шучу — продается диск и в придачу к нему полиэтиленовый пакет «200 лет США». И все это добро за червонец.

— Это же спекуляция, — зашевелил, наконец, губами мужчина.

— Ничего подобного. Диск стоит два рубля пятнадцать копеек, а семь восемьдесят пять накидываются за то, что мою подругу за него чуть в очереди не разорвали. Вы знаете, какая в ГУМе давка была за ними? Ну, берете или мне других покупателей поискать?

— Подождите, — встрепенулся мужчина, увидев, как Анжела собирается отойти. — Я согласен. Жена по «АББЕ» с ума сходит, а у нее на следующей неделе день рождения.

— Видела, подруга, как это делается? — торжествующе произнесла Анжела и раскрыла ладонь:

— Гони назад червонец.

11 февраля 1977 года, пятница, возле киностудии «Мосфильм»

Прилетев в Москву во второй половине дня, Александров не стал сообщать об этом руководству ЦСКА и решил остаток дня провести в компании своего друга — актера Алексея Шлемова. Он познакомился с ним три года назад во время съемок художественной ленты «Жребий» киностудии имени Горького. Фильм был посвящен хоккею, поэтому некоторые его эпизоды снимали во дворце ЦСКА и на его базе в Архангельском. Александров тогда только пришел в армейский клуб, был новичком, но со Шлемовым они сошлись достаточно быстро, поскольку оба относились к тому типу людей, которых французы называют «инфант террибль» («ужасный ребенок»). Шлемов учился во ВГИКе, но был изгнан после четвертого курса за пьяную драку. Однако спустя год, благодаря протекции своей матери, которая работала на «Мосфильма» помощником режиссера, сумел восстановиться в институте и получил-таки диплом. В «Жребии» он играл небольшую роль хоккеиста, поскольку в детстве занимался в хоккейной секции при ЖЭКе и хорошо стоял на коньках. Так что кое-

какие навыки в этом виде спорта у него были, что и предопределило его попадание в эту картину.

Прямо из аэропорта Александров позвонил другу домой, но того там не оказалось. Соседка по коммуналке сообщила хоккеисту, что Шлемов находится на съемках, которые ведутся на киностудии «Мосфильм». Тогда Александров набрал номер телефона съемочной группы. И спустя несколько минут уже разговаривал с приятелем. Тот, узнав о приезде хоккеиста, закричал в трубку:

— Поздравляю тебя, папочка!

— Ты что несешь — пьяный что ли? — спросил Александров.

— Ты тоже скоро будешь пьяный — у тебя дочь сегодня родилась!

И только тут до хоккеиста дошло, о чем идет речь. После того, как его жена ушла от него жить к родителям, она была на девятом месяце беременности. И вот-вот должна была родить. Но за всеми тревожностями, свалившимися на него в эти дни, Александров попросту забыл о будущих родах. Тем более, что заботу о них взяли на себя родители его жены.

— Ну, если я сегодня стал отцом, то по этому случаю точно надо выпить, — живо откликнулся на эту новость Александров. — Через час жду тебя у выхода с «Мосфильма» — поедем гулять в ресторан аэровокзала.

Александров повесил трубку и отправился на стоянку такси. И уже спустя час вышагивал по тротуару у входа на киностудию, глядя в лица людей, которые в этот вечерний час выходили из здания «Мосфильма» и торопились домой, к своим семьям. Внутри киностудии Борис решил не заходить, опасаясь встретить там своего тестя — знаменитого киноактера, народного артиста СССР Николая Апанасовича Кучкова. Он с самого начала был против того, чтобы Александров вошел в его семью — стал мужем его приемной дочери Эльмиры, с которой хоккеист познакомился благодаря все тому же Лешке Шлемову. Но поскольку дочь Кучкова забеременела от Бориса, делать было нечего и актер, скрепя сердце, дал свое «добро» на свадьбу. Гуляли ее в ресторане гостиницы «Украина» всего-то полгода назад, но за это время Александров так и не смог стать родным человеком для семейства Кучковых. Особенно именитого актера возмущала гусарская слава хоккеиста, которая тянулась за ним даже после того, как он женился. У Кучкова, который сам был заядлым

хоккейным болельщиком и болел за ненавистный любому армейцу «Спартак», везде были свои люди, которые, видимо, и докладывали ему о «художествах» его молодого зятя. Поэтому, когда они в последний раз случайно встретились на том же «Мосфильме», Кучков высказал зятю все, что у него в душе накипело. Помня о том разговоре, Александров и решил не дразнить гусей и на территорию киностудии не заходить, предпочтя дожидаться друга на улице.

Вышагивая по тротуару, он обратил внимание на роскошный «Мерседес» 450 спортивного типа, который стоял чуть в стороне от входа на киностудию, на стоянке. Точно такого же «железного коня» хоккеист видел год назад в Инсбруке, когда участвовал в зимней Олимпиаде. Тот «Мерседес» принадлежал одному из тренеров шведской сборной. Кому принадлежал мосфильмовский «Мерседес» Александров не знал, но предположил — либо какому-нибудь крутому режиссеру, либо гостю, который заехал по каким-то делам на киностудию. «Хорошо живут киношники, — подумал про себя Александров, и тут же добавил: — Впрочем, нашему брату-хоккеисту тоже грех жаловаться. Вон у меня, например, «Жигуленок», о котором большинство советских граждан могут только мечтать. По заграницам иногда мотаюсь, где дефицитными шмотками периодически отовариваюсь. Да и на зарплату не жалуюсь — по полтысячи в месяц выходит. И на сберкнижке уже лежит шестьдесят тысяч! А ведь всего лишь три года назад я и мечтать об этом не мог».

Ретроспекция. Ноябрь 1973 года, Финляндия

Это была первая зарубежная поездка Александрова в капиталистическую страну, а выехал он туда в составе молодежной сборной СССР. К тому моменту он уже почти три месяца играл в ЦСКА, но в регулярном чемпионате почти не участвовал. Тот начался в сентябре, но Александрова не спешили ставить на игры — приглядывались. Хотя в августе, в играх на приз газеты «Советский спорт», молодой хоккеист дебютировал-таки в ЦСКА, выйдя на лед в игре против молодежной сборной Польши 19 августа. Армейцы тогда выиграли 15:2 и Александров отметился забитым голом — первым в составе ЦСКА. А вот первую шайбу в регулярном чемпионате СССР

он забил столичным динамовцам, сумев обмануть самого Валерия Васильева — игрока сборной СССР. Но эта шайба не стала поводом к тому, чтобы Тарасов стал больше доверять дебютанту. Впрочем, тренер армейцев не церемонился и с более именитыми своими игроками. Так, у армейцев тогда играло три звена и Тарасов, ради эксперимента, разрушил тройку Михайлов — Петров — Харламов, переведя последнего в третье звено, к Викулову и Жлуктову, а место Валерия в первой тройке занял Владимир Попов. Именно в ходе этого эксперимента Александрову, полировавшему место на скамейке запасных, и посчастливилось выйти на свою очередную официальную игру. Это случилось 29 октября 1973 года, когда ЦСКА занимал 2-ю строчку в турнирной таблице, отставая от лидера, «Крыльев Советов», на три очка. В тот знаменательный для Александрова день армейцы играли в Москве с одноклубниками из Ленинграда, и Борис несколько раз выходил на лед, заменяя Харламова. Голами и голевыми передачами он не отметился, зато заработал... две минуты штрафа за задержку соперника. К счастью, ленинградцы не сумели реализовать свое большинство. И проиграли москвичам с разгромным счетом 2:8.

Поскольку игра у Александрова получилась невзрачной, больше его на игры чемпионата Тарасов не выпускал, «маринуя» на скамейке запасных и сдирая по десять шкур на тренировках. Совсем иная ситуация была в молодежной сборной, куда Бориса вызвали той же осенью ее тренеры Юрий Морозов и Евгений Майоров — там Александров выступал полноценно сначала в тройке с ленинградским армейцем Борисом Чучиным и Виктором Вахрушевым из «Крыльев Советов», а затем в одном звене со своими одноклубниками из ЦСКА Владимиром Гостюжевым и Виктором Жлуктовым. С ними он и отправился в Финляндию, где сборникам предстояло провести несколько товарищеских игр с молодежной сборной этой страны в городах Пори и Вааса. Это были матчи в преддверии молодежного чемпионата мира, который должен был состояться в январе 1974 года в Ленинграде. Все встречи в Финляндии закончились победой советских хоккеистов, причем Александров картины не испортил — забил несколько голов.

Но больше всего Бориса впечатлили не матчи (они дали советским хоккеистам легко и громили они хозяев со счетом 9:1 и 11:1), а сама атмосфера той поездки, во время которой он открыл для

себя много нового. А началось все еще в аэропорту, когда в глаза Александрову (впрочем, как и его товарищам) бросилась следующая деталь. В то время как у хоккеистов были спортивные сумки, у администратора, врача и массажиста в руках были вместительные чемоданы, которые они несли так, будто они пустые. Заметив его удивленный взгляд, один из игроков — Виктор Хатулев из рижского «Динамо» — улыбнулся и сказал:

— Догадываешься, почему они у них пустые? Чтобы на обратном пути быть полными.

— А ты откуда знаешь? — поинтересовался Александров.

— У нас в «Динамо» такое тоже практикуется. Пару месяцев назад я точно такую же картину видел, когда мы ездили на игры в Швецию. Наши «старички» взяли с собой пустые чемоданы, а оттуда привезли доверху набитые бельем и сувенирами. Да еще и аппаратуру прихватили.

— Это на какие же шиши? — продолжал удивляться Александров.

— А ты думаешь что «старичкам» выдавали по 250 крон, как и нам, сопливым? У них помимо этих денег еще было припасено — тысяч по пять на рыло. Так что мотай на ус, Борька, пригодится в будущем.

В самолете, когда они летели в Финляндию, Александров и Хатулев сели рядом. И Борис сообщил своему собеседнику новость, которая его удивила:

— Я ведь должен был к вам в Ригу попасть — меня Тихонов еще в Усть-Каменогорске приметил. Но Фирсов перехватил.

— А ты, я вижу, жалеешь об этом?

— Да нет, в ЦСКА ведь все мечтают играть.

— А я вот не мечтаю. Как говорится, где родился, там и пригодился. А родился я в Риге.

— А с тренером у тебя какие отношения?

— Нормальные, — улыбнулся Хатулев. — Во всяком случае, пока. Знаешь, как о нем у нас говорят? «Тихонов захватил в Риге все, кроме телеграфа». Он любые двери ногой открывает. Постоянно возит команду за кордон по нескольку раз в год. Чтобы ребята не только там играли, но и шмотки привозили. У нас и так зарплата по 500 рублей на игрока, а вместе с такими поездками и вовсе по несколько тысяч

получается. Чем не жизнь? К тому же Рига — это почти Европа. А ваша Москва — большая деревня. Никогда туда не хотел.

На вторые сутки пребывания в Финляндии всю команду собрали в одном из гостиничных номеров. Собрал Николай Иванович — сопровождающий из КГБ. Он был весьма краток:

— Сегодня вам выдадут причитающиеся за поездку деньги — 300 финских марок. Весьма приличная сумма, чтобы купить себе подарков. Но отоварить марки вы можете только в городских магазинах. В посольский лучше не заходить — себе дороже. Все понятно?

— Конечно, не первый год замужем, — сострил Хатулев.

Деньги выдавал администратор команды в своем номере, куда каждый из хоккеистов заходил по одному. Вручая причитающуюся сумму Александрову, администратор спросил:

— На что потратишь уже решил?

— Пока еще нет. Но думаю «вертушку» себе купить — диски слушать.

— А у тебя дома что — проигрывателя нет? — поинтересовался администратор.

— Есть, «Электроника-Б».

— Вот ее и слушай. А здесь у тебя денег не хватит на хорошую вертушку. А вот на куртку или джинсы — вполне. Но ты не горюй — это же первая твоя поездка. Потом, когда заматереешь, будут у тебя и проигрыватели и магнитофоны с транзисторами.

Когда чуть позже Александров рассказал об этом разговоре Хатулеву, тот заметил:

— Администратор дело говорит — на 300 марок особенно не разгуляешься. Сам-то он тысяч пять с собой привез и уже половину чемодана набил. Да еще магнитофон купил — «Панасоник». Я сам видел — тычет в магазине пальцем в аппарат: дескать, заверните. Значит, сегодня будем музыку слушать — аппаратуру ведь опробовать надо, вдруг бракованная.

Так и вышло — вечером сразу из нескольких номеров доносилась музыка: счастливые покупатели импортной аппаратуры проверяли ее на качество. Однако массажисту не повезло. Он нарушил приказ, данный контрразведчиком Николаем Ивановичем — ничего не покупать в посольском магазине. У массажиста остались деньги и он, когда команда приехала в Хельсинки, чтобы оттуда затем вылететь в

Москву, «отоварился» в посольском магазине почти на тысячу финских марок. В итоге в Шереметьево его «повязали» — заставили писать объяснительную. А потом сделали невыездным — перестали выпускать за границу за то, что нарушил приказ, исходящий из уст сотрудника КГБ.

Из той поездки Александров привез себе модную финскую куртку на меху, джинсы, пару батников, а также диск новой шведской поп-группы, которую ему посоветовала купить продавщица в магазине грампластинок, расположенном рядом с портом в Пори. Название у группы было странное — оно состояло из четырех заглавных букв, две из которых повторялись — «АББА». Спустя полгода после поездки Александрова в Финляндию имя этого квартета услышал весь мир — они победили на конкурсе «Евровидения». И диск Александрова сразу взлетел в цене.

11 февраля 1977 года, пятница, возле киностудии «Мосфильм»

Вспоминая перипетии той поездки, Александров медленно прохаживался мимо «Мерседеса» и гадал, кто выйдет первым: его приятель Лешка Шлемов или хозяин этой крутой тачки. Судьбе было угодно, чтобы выпал второй вариант.

Спустя пять минут, когда хоккеист снова поравнялся с «Мерседесом», он заметил возле него мужчину в расстегнутой импортной дубленке и с гитарой, спрятанной в футляр. Бросив музыкальный инструмент на заднее сиденье автомобиля, мужчина достал из кармана пачку сигарет и закурил. В следующий миг он повернулся лицом к Александрову и тот узнал в нем самого... Владимира Высоцкого.

— Владимир Семенович! — вырвался из уст хоккеиста радостный возглас.

Высоцкий пристально взглянул на человека, который его окликнул и... его лицо расплылось в широкой улыбке:

— Борис, каким судьбами?

Дело в том, что год назад бард выступал с концертом перед игроками ЦСКА, начав свое выступление с песни «Профессионалы», посвятив ее победе армейцев в Суперсерии-75/76, где весь мир

впервые широко узнал имя Бориса Александрова. Он тогда в дебютном матче серии против «Нью-Йорк Рейнджерс» забил первый гол армейцев, а всего на его счету в четырех встречах было три гола и одна голевая передача. Именно тогда он и познакомился с Высоцким.

— Друга жду — актера Лешу Шлемова, — ответил хоккеист, пожимая руку музыканту.

— А я песни показывал к фильму, — сообщил Высоцкий.

— К какому? — поинтересовался Александров.

— Режиссер Вайншток собирается снимать очередной вестерн по-советски, на этот раз по Брету Гарту, и попросил сделать несколько песен. Я написал целых шесть. Но, думаю, получится как и раньше — оставят только полторы.

— Может, все-таки все возьмут?

— Все еще ни разу не брали, — засмеялся Высоцкий. — А были случаи, когда вообще все выкидывали. Вон, например, Сашка Митта обе мои песни из фильма выбросил. Он сейчас в кинотеатрах идет — «Арап Петра Великого» называется. Не видел?

— Пока нет, не до этого, — развел руками Александров.

— Ах, да, у тебя же неприятности, — лицо барда стало серьезным. — Читал в «Советском спорте». И знаешь что скажу? Забей на всех! Меня в свое время тоже в газетах песочили по самое не хочу. Но я сдюжил. И ты должен. Подожди-ка...

Высоцкий открыл заднюю дверцу своего автомобиля и достал оттуда зачехленную гитару. Проворно расстегнув молнию, бард извлек на свет музыкальный инструмент и, вручив чехол хоккеисту, провел пальцами по струнам.

— Среди песен к вестерну есть одна — называется «Расскажи, дорогой». Всю петь не буду, но кусочек исполню, чтобы ты не вешал носа.

Сказав это, Высоцкий ударил по струнам и запел:

*А беду, черт возьми,
Ты запей, задыми —
И еще раз попробуй садись на коня!
Хоть на миг, на чуть-чуть
Ты ее позабуди, —*

Обними, если хочешь меня!..

— Спасибо, Владимир Семенович, — поблагодарил барда за сочувствие Александров. — Я так и сделаю: запью, задымлю свою беду. Может, и вы с нами?

— А вы куда собрались?

— В ресторан на аэровокзале. Знаете такой?

— Ты лучше спроси, каких кабаков я в Москве не знаю, — лицо Высоцкого снова расплылось в широкой улыбке. — Но, увы, не могу — я в завязке. К тому же на днях в Париж улетаю — у меня там сразу два диска выходят. Как вернусь, сделаю тебе, Борис, подарок. Лады?

И Высоцкий первым протянул хоккеисту свою раскрытую для прощания ладонь.

12 февраля 1977 года, суббота, Москва, Ленинградский проспект, у входа во Дворец спорта ЦСКА

Выйдя утром из подъезда 12-этажного дома номер пять по Чапаевскому переулку, где он проживал (рядом с метро «Сокол»), Борис Александров подошел к своим оранжевым «Жигулям», открыл заднюю дверцу и бросил на сиденье спортивную сумку. Ему предстоял путь до базы ЦСКА в Архангельском, где команда готовилась к важному международному матчу в рамках турнира Дружественных армий — с румынским клубом «Стяуа». И хотя Александров не был уверен, что Локтев выпустит его на лед, однако присутствие хоккеиста на предматчевом сборе было обязательным.

Не успел Александров взяться за ручку дверцы своего автомобиля, как сзади его окликнули. Хоккеист обернулся, и увидел рядом с собой молодого человека спортивного телосложения, с густой шевелюрой.

— Долго же вы спите, Борис, — обратился к Александрову незнакомец. — Видимо, вечер накануне выдался тяжелым.

— Вы кто такой, чтобы лезть в мои личные дела? — спросил хоккеист.

— Забыл представиться: журналист газеты «Ленинский призыв» Егор Красовский.

Услышав, с кем он имеет дело, Александров сообщил:

— Я интервью не даю.

И снова взялся за ручку автомобиля. Но был остановлен новой репликой журналиста:

— Вам имя Анжела ни о чем не говорит? Этакая белокурая красавица с вздернутым носиком.

— Ты ее знаешь? — хоккеист снова повернулся к журналисту.

— Мы уже на ты? — удивился Красовский, но тут же продолжил: — Впрочем, это даже к лучшему. А Анжелу я действительно имею честь знать.

— И в курсе, где она живет, работает?

— А разве она не оставила тебе своих координат? — удивился Егор.

— Не успела, — коротко ответил хоккеист.

— Понимаю, видно было не до этого. Но я готов помочь разыскать ее, если ты, в свою очередь, согласишься ответить на ряд моих вопросов.

— Я же ясно сказал, что интервью не даю, — напомнил Александров.

— Даже ради белокурой красавицы?

— Ты собираешься меня шантажировать? — в голосе хоккеиста ясно послышались угрожающие нотки.

— Боже упаси, это просто равноценный обмен: я тебе координаты Анжелы, а ты мне — небольшое интервью.

— Ты, видимо, глухой, если не расслышал с первого раза? А адрес Анжелы я и без тебя, надо будет, узнаю.

Сказав это, Александров наконец распахнул дверцу своей «трешки», тем самым показывая, что разговор окончен. Но услышал неожиданное:

— Это я послал с тобой Анжелу, чтобы она втерлась к тебе в доверие и выведала кое-какие факты из твоей биографии.

Александров, уже собравшийся сесть в автомобиль, снова повернулся к журналисту.

— И зачем ты мне это рассказываешь?

— Чтобы у тебя не было никаких иллюзий по поводу этой особы. Она ведь та еще штучка.

— А мне сдается, что штучка не она, а, скорее, ты, если посылаешь девчонку шпионить, а потом с легкой душой ее сдаешь. Некрасиво.

— И это мне говорит герой заметки «Удар в спину»? — по губам журналиста пробежала издевательская ухмылка.

Александров сделал короткий шаг вперед, после чего задал неожиданный вопрос:

— Ты знаешь, как меня называют в команде?

Застигнутый врасплох этим вопросом, Егор в ответ пожал плечами.

— Кассиусом Клеем, — сообщил Александров. — Догадываешься почему?

И, не дожидаясь ответа, нанес журналисту короткий хук слева, поскольку был левшой. Не издав ни единого звука, журналист рухнул на землю. Пока он приходил в себя от этого нокаута, Александров сел в свой автомобиль и умчался восвояси.

12 февраля 1977 года, суббота, Москва, Дворец спорта в Лужниках, матч ЦСКА — «Стяуа»

На предматчевой установке, называя состав команды на игру, Константин Локтев не упомянул в числе игроков имени Бориса Александрова. Поэтому он не стал переодеваться в хоккейную форму и занял место на трибуне — прямо за скамейкой запасных ЦСКА. В это время трибуны Дворца спорта начали заполняться болельщиками, причем на матче был аншлаг — все пришедшие понимали, что их ожидает интересное зрелище, даже с учетом того, что клуб из Румынии не входил в число сильнейших.

Ангела примчалась на матч, когда он уже начался, но табло счет был еще ничейный — 0:0. Ее место было на верхнем ярусе боковой трибуны, на противоположной стороне от скамеек, где сидели запасные игроки. Добравшись через частокол ног до своего места, девушка опустилась на сиденье и тут же задала вопрос своему соседу справа — молодому парню, на груди которого красовался значок с

символикой «Спартака». Видимо, молодой человек пришел на этот матч, чтобы поболеть за румынскую команду.

— Борис Александров играет?

На что парень ответил:

— Не поставили вашего Александрова сегодня на игру.

— Да вы что? Как же мне его увидеть? — все еще тяжело дыша, поинтересовалась Анжела.

Ответ последовал незамедлительно:

— В перерыве спуститесь вниз и купите под трибунами фотографию команды ЦСКА. Стоит всего рубль, но зато увидите на ней своего Александрова. Чтоб ему пусто было!

Последняя фраза задела девушку.

— А что он вам такого сделал, что вы ему зла желаете?

— Он наш хоккей позорит! — ответил парень, после чего спросил: — А вы вообще кто такая, что этого грубияна защищаете? Жена, подруга или рядовая фанатка?

В это время в их спор вмешался другой сосед Анжелы — тот, что сидел слева от нее. Он слышал весь разговор и сделал собственный вывод:

— Жены или подруги так далеко от своих хахалей на стадионе не сидят.

И добавил, толкнув девушку локтем в бок:

— Вон ваш Александров — сидит за армейской скамейкой запасных.

И парень указал пальцем направление, куда надо было смотреть. Приглядевшись, Анжела и в самом деле узнала в одном из мужчин Бориса Александрова. Тот сидел и молча наблюдал за игрой.

— А как к нему попасть?» — поинтересовалась девушка у соседа слева. Но тот тоже оказался шутником, как и первый парень:

— А вы спуститесь вниз и прямо через хоккейное поле пройдите к своему Александрову.

— Очень остроумно, — голосом, полным сарказма, отреагировала на эту шутку Анжела. После чего резко встала и начала пробираться обратно к выходу.

Она выскочила в подтрибунный коридор и побежала направо, прикидывая в уме, где должен быть вход на трибуну, где сидел Александров. В эту самую минуту раздался мощный гул, донесшийся

с ледовой арены — судя по всему, одна из команд забила гол в ворота соперников.

Спустя пару минут девушка, наконец, нашла нужный вход и снова оказалась внутри спортивной арены. Поднявшись на цыпочки, она через головы зрителей, наблюдавших за игрой, стала выискивать взглядом предмет своих поисков. В этот миг румыны забили гол в ворота Третьяка и часть зрителей, сидевших перед Анжелой, вскочили со своих мест, загородив ей обзор. А когда они снова уселись на свои места, девушка снова стала высматривать вожаделенный объект. В разгар этих поисков кто-то тронул ее за локоть. Она обернулась и увидела рядом с собой молодого милиционера.

— Гражданка, вы кого-то потеряли? — спросил страж порядка.

— Да, Бориса Александрова, — честно призналась Анжела. — Он сидит за скамейкой запасных — вон там, — и она указала пальцем в ту сторону, где сидел хоккеист.

— А зачем он вам? — продолжал допытываться милиционер.

— Нужен, по личному делу, — не стала вдаваться в подробности девушка.

После этого она хотела уже начать свой путь к сидящему в нижних рядах хоккеисту, но страж порядка схватил ее за локоть и произнес:

— Гражданка, пройдемте со мной.

— Куда пройдемте? Мне к Александрову надо! — попыталась возмутиться Анжела, но милиционер так крепко держал ее за руку, что вырваться было невозможно.

Спустя несколько минут страж порядка привел ее в комнату милиции, находившуюся под одной из трибун. Там девушка увидела еще одного милиционера, постарше, у которого на погонах было по одной большой звезде.

— Товарищ майор, вот задержал гражданку, которая рвется увидеть Бориса Александрова, — доложил молодой милиционер.

— Вы кто ему будете? — поинтересовался майор.

— Знакомая.

— И что вы от него хотите?

— Послушайте, а вам какое дело, что мне от него надо? — возмутилась девушка.

— Вы голос на меня не повышайте, я при исполнении служебных обязанностей, — сам повышая тон, отреагировал майор. — Мы здесь поставлены, чтобы следить за порядком.

— Но я же не нарушаю порядок, — удивилась Анжела.

— Одна такая же, как вы дамочка, тоже так говорила, а потом взяла и плеснула в лицо хоккеисту серную кислоту. К счастью промахнулась, — майор поднялся со своего места и вышел из-за стола. После чего поинтересовался:

— Что у вас в сумочке?

— Косметичка и фантики от конфет.

— Покажите, — потребовал майор.

Анжела подчинилась и высыпала содержимое сумочки на стол. Увидев, что она не соврала, майор оглядел девушку с ног до головы, после чего сообщил:

— И все же до конца матча вы останетесь у нас. Во избежании ненужных эксцессов. Лейтенант, проводите задержанную в «обезьянник».

Услышав приказ, молодой милиционер взял Анжелу за локоть и, не взирая на ее возмущение, отвел ее туда, куда приказал майор. И она просидела там до конца матча. Увидеть в тот день Бориса Александрова вблизи ей так и не посчастливилось. Впрочем, добраться до него она бы все равно не сумела. Во втором периоде, когда счет был весьма скользкий — 4:3 в пользу ЦСКА — Локтев решил-таки выпустить Александрова на лед. И тот даже забил одну шайбу. А общий итог игры был в пользу ЦСКА — 7:3.

*14 февраля 1977 года, понедельник, Москва, площадь Дзержинского,
КГБ СССР, кабинет Юрия Андропова*

Откинувшись на спинку кресла и почти беззвучно постукивая карандашом по столу, Андропов внимательно слушал доводы начальника «спортивного» отдела 5 управления КГБ полковника Эрнеста Леонардовича Спрогиса — куратора советской хоккейной сборной по линии госбезопасности. Спрогис был коренным рижанином и в молодости, закончив институт физкультуры, успел стать перворазрядником по лыжам. Но затем был приглашен на работу

в КГБ Латвии по спортивной линии — курировал зимние виды спорта. А в начале 70-х был переведен в центральный аппарат и был переброшен конкретно на хоккей, который он любил и знал не хуже, чем лыжи. Андропов ценил Спрогиса за аналитический ум и собирався назначить его заместителем начальника нового, 11-го отдела КГБ СССР, который предполагалось создать в середине года специально к предстоящей в 1980 году московской Олимпиаде. Несмотря на то, что эти игры были летними, однако в новом отделе места должно было хватить всем — кураторам как летних видов спорта, так и зимних.

Сегодняшние доводы Спрогиса звучали весьма убедительно, что лишний раз заставляло Андропова убедиться в том, что он не ошибся в своем желании назначить именно этого человека одним из руководителей нового подразделения. А говорил Спрогис следующее:

— Из всех видов спорта наибольшей популярностью в мире пользуются футбол, хоккей и фигурное катание, которые, по сути, превратились в массовое шоу. И дальше эта тенденция будет только углубляться. Из перечисленных видов спорта мы прочно удерживаем первые места в мире в хоккее и фигурном катании, что приносит нам огромные дивиденды, как в финансовом отношении, так и в идеологическом. Что касается футбола, то здесь у нас, увы, лишь локальные успехи на уровне отдельных клубных команд, а вот наша сборная больших успехов не имеет и в ближайшей перспективе, скорее всего, иметь не будет. Но ситуация складывается таким образом, что точно такая же ситуация очень скоро может постичь нас и с хоккеем.

— Откуда такой пессимизм? — прервал плавную речь своего подчиненного Андропов.

— Из аналитических выводов, которые сделали наши ученые из Института стратегии. У меня есть их подробные заключения, которые я готов вам передать, — и Спрогис потянулся рукой к папке, которая лежала по правую руку от него. Но Андропов сделал жест карандашом, что означало — с этим потом, продолжайте свой доклад. И речь Спрогиса, с мягким прибалтийским акцентом, снова разлилась по кабинету:

— Мировой хоккеем движется в сторону скоростного и силового. И по обоим компонентам мы скоро будем отставать. Скорость мы потеряем, потому что стареют наши ведущие игроки, а достойной

смены им пока нет. А силовой компонент и вовсе никогда не был нашим коньком. Мы всегда побеждали соперников за счет комбинационной игры, но и она под вопросом, если нет достойной смены. Вернее, она есть, но ее не видят нынешние тренеры нашей сборной. Они перестали мыслить стратегически.

— Поэтому вы, Эрнест Леонардович, предлагаете подобрать им замену? Из кого? — спросил Андропов.

— На сегодняшний день кандидатур не так уж и много. Это Борис Майоров, Николай Карпов, Николай Пучков, Анатолий Кострюков и Виктор Тихонов. В Спорткомитете большинство склоняется к кандидатуре Майорова, тем более, что армейцы готовы его поддержать, если он выступит в тандеме с их кандидатами — Константином Локтевым или Николаем Пучковым. Впрочем, место последнего может занять и Кострюков — у него тоже есть сильная поддержка в Федерации и Спорткомитете. Он ведь восемь лет возглавлял вторую сборную страны. Но нас больше всего устраивает Виктор Тихонов. И не потому, что он наш человек, динамовец, или симпатичен лично мне, поскольку я сам рижанин, а потому, что он наиболее прогрессивный тренер в советском хоккее на сегодняшний день.

— Вы как будто читаете мои собственные мысли, — по губам Андропова пробежало подобие улыбки.

— Это не прозорливость, это — объективный анализ. Тихонов — трудоголик, настоящий фанатик хоккея. Он постоянно находится в поисках нового, не боится экспериментов, но в то же время старается действовать осторожно. У него не бывает любимчиков, что тоже немаловажно. Его игра в четыре звена — это как раз та тактика, которая очень скоро завоюет весь мир.

— Но он ведь человек с периферии, почти десять лет живет и работает на вашей родине — в Риге.

— Это и замечательно, Юрий Владимирович. Тихонов не принадлежит ни к одной из здешних группировок и, значит, нам легче будет вести его в нужном нам направлении.

— Но это и опасно — не сожрут ли его местные? — не скрывая своей озабоченности, спросил Андропов.

— Если наша «контора» его поддержит, он сумеет достаточно быстро адаптироваться в новых столичных условиях. Вряд ли кто-то

захочет его тронуть, зная, кто за ним стоит. Тем более, что в Управлении хоккея достаточно наших людей.

Спрогис имел в виду агентов и доверенных лиц КГБ, которые были брошены на этот участок работы несколько месяцев назад — в момент его укрупнения, когда бывший отдел хоккея Спорткомитета СССР превратился в Управление, которое возглавил Вячеслав Колосков.

— Но я мечтал использовать Тихонова на благо столичного «Динамо», — продолжал сомневаться Андропов. — Владимир Юрзинов тренер хороший, но у него не ладятся отношения с ветеранами.

— Если Тихонова поставить во главе московского «Динамо», ему будет трудно руководить сборной. Это только обострит подковерную борьбу армейцев с нами. В этом не заинтересованы ни мы, ни наш хоккей, который, как я уже говорил, находится на пороге серьезного кризиса. Распри ему не нужны. Ему нужна свежая кровь и прогрессивные идеи. Плюс жесткая рука. Только так мы сможем снова бросить вызов нашим основным конкурентам — в Европе чехословакам и шведам, за океаном — канадцам.

— Пока с последними мы справляемся, — напомнил Андропов собеседнику результат последней серии матчей сборной СССР с канадцами.

— Спорное утверждение, если учитывать, что наша команда встречалась с клубами ВХА, а не НХЛ. Если канадцы соберут сборную из сильнейших игроков НХЛ, то нам придется туго.

— Думаете, на этом чемпионате так и будет?

— На этом вряд ли, но есть еще Кубок Канады. В прошлом году мы послали на него экспериментальную сборную, но в следующий раз эта уловка уже не сработает. Значит, надо готовиться всерьез, если не хотим опять ударить лицом в грязь.

— Считаете, на этом чемпионате канадцы нам еще не страшны?

— Собрать по-настоящему сильную сборную им не удастся. Здесь Сабетцки нас не подвел — не позволил сдвинуть сроки проведения чемпионата до начала мая, когда в НХЛ заканчиваются полуфиналы Кубка Стэнли.

— Сабетцки не мог нас подвести — он нам обязан, — при этих словах по губам Андропова пробежала едва уловимая усмешка.

*Ретроспекция. 21 декабря 1974 года, Москва, турнир на приз газеты
«Известия»*

В тот день на турнире игрался один из решающих матчей — советская сборная встречалась с командой Чехословакии. Это была третья игра московской части турнира, который тогда впервые проводился по канадской системе: в течение годы участники встречались друг с другом шесть раз — три раза дома и столько же на выезде. В том декабре победа в первой игре досталась советским хоккеистам (6:3), а во втором была зафиксирована ничья (3:3).

На эти игры из ФРГ специально был приглашен президент Немецкого хоккейного союза Гюнтер Сабетцки. Официальный повод для этого приглашения у советской стороны был — предстояло обговорить будущую шестиматчевую серию товарищеских игр сборной СССР против западногерманских команд — сборных Мангейма, Фюссена, земли Северный Рейн-Вестфалия, а также второй сборной ФРГ. Эти матчи должны были состояться в первой половине марта 1975 года, за месяц до очередного чемпионата мира и Европы, который должен был проходить там же — в ФРГ. Однако была у этого приглашения и неофициальная сторона, куда более важная — советская сторона намеревалась уговорить Сабетцки баллотироваться на пост главы Международной хоккейной лиги (ЛИХГ), вместо ее нынешнего руководителя Джона Ахерна. Этот англичанин на протяжении последних 17 лет с интервалами в три года трижды возглавлял лигу (1957–1960, 1963–1966, 1969–1975) и изрядно всем надоел. Особенно канадцам и американцам, которые при нем никак не могли договориться, чтобы ЛИХГ начала допускать на игры чемпионатов мира хоккеистов из НХЛ.

КГБ был прекрасно осведомлен о подковерных интригах эмиссаров Национальной хоккейной лиги и смотрел на них... вполне благожелательно. И это не было случайностью. Анализ текущих событий ясно указывал на то, что времена на дворе изменились, а Ахерн продолжал жить старыми представлениями. Он явно не вписывался в тот детант («разрядку»), которая началась в мире, благодаря усилиям СССР и США в начале 70-х. Поэтому на место старика Ахерна (а он был ровесником века!) требовалось подыскать более молодого и, главное, более современно мыслящего

руководителя. И кандидатура 59-летнего Гюнтера Сабетцки была наилучшим вариантом для всех. В том числе и для советской стороны, которая успела установить с ним неформальные отношения через своего представителя в ЛИХГ — члена ее исполкома Андрея Старовойтова. Именно он и должен был провести с Сабетцки столь важные переговоры. Правда, их общий фон оказался испорчен — советская сборная в третьем матче против чехословаков уступила со счетом 3:4. Причем решающую шайбу гости забиили, играя в большинстве — на 10 минут за грубость был удален Юрий Лебедев. До конца встречи оставалось еще целых 14 минут, к тому же за это время советские хоккеисты дважды играли в большинстве. Однако «пробить» защитные редуты гостей так и не сумели, хотя и превзошли их по броскам — 31 против 24.

Старовойтов и Сабетцки сидели в правительственной ложе в окружении еще нескольких чиновников из Спорткомитета СССР. На этих матчах должен был присутствовать Брежнев, но он во Дворце спорта так и не появился. По слухам, которые дошли и до Сабетцки, здоровье генсека сильно пошатнулось после переговоров во Владивостоке с президентом США Джеральдом Фордом в конце ноября. В начале декабря Брежнев сумел слетать во Францию на переговоры с новым президентом Валери Жискара д'Эстеном, после чего больше на публике не появлялся, отдавшись в руки эскулапов. Размышляя об этом, Сабетцки мысленно воздал хвалу Всевышнему. Зная о страсти советского генсека к хоккею, он подумал о том, как неловко тот почувствовал бы себя рядом с гостем после столь неудачной игры советской сборной, которая в этой московской серии из трех матчей сумела выиграть только одну.

После того, как игра была завершена, Сабетцки взглянул на сидевшего рядом с ним Старовойтова. Тот, как ни странно... улыбался.

— Чему вы радуетесь, Андрей? — не скрывая своего удивления, спросил Сабетцки.

— Я не радуюсь, я — предвкушаю. Нам предстоит с вами поездка в одно приятное заведение, где вы отведаете таких блюд, которые вряд ли когда-то пробовали.

— Мы будем отмечать победу сборной Чехословакии? — продолжал удивляться гость.

— Нет, мы будем пить за будущие победы советской сборной. А также за ваше великое будущее.

— Что за будущее вы мне пророчите?

— Пока это секрет, но скоро вы о нем узнаете — наберитесь терпения.

Спустя несколько минут они вышли из Дворца спорта и сели в правительственную «Чайку», которая поджидала их на стоянке. Когда они уселись в салон и автомобиль тронулся, Старовойтов начал разговор, ради которого и была затеяна эта встреча.

— Гюнтер, вам не кажется, что старине Ахерну уже пора на пенсию?

— Мне кажется, он вполне сможет осилить еще один срок.

— А вот мы так не считаем.

— Кто эти «мы»? — во взгляде Сабетцки появился неподдельный интерес.

— Люди, которым дорого будущее современного хоккея. Ахерну в прошлом месяце исполнилось 74 года — достаточный срок для того, чтобы подумать об отставке. Ведь если он опять будет баллотироваться через три года на этот пост, как уже делал до этого трижды, то ему будет почти под восемьдесят. Это явный перебор.

— Согласен, но старина Банни может выдвинуть на место президента своего человека, и я даже знаю кого.

— Мы тоже знаем, но нас эта кандидатура не устраивает.

— У вас есть свой кандидат?

— Есть — он сидит сейчас рядом со мной.

— Вы это серьезно, Андрей?

— Более чем. Именно вы, Гюнтер, должны стать новым президентом лиги в соответствии с тем духом времени, которое наступает.

— Что вы имеете в виду?

Прежде чем ответить, Старовойтов развернулся к собеседнику вполоборота и взглянул ему в глаза. После чего произнес:

— Я имею в виду сегодняшнюю ситуацию в мире. Вы ведь знаете, что месяц назад наш генеральный секретарь Леонид Ильич Брежнев встречался во Владивостоке с президентом США Джеральдом Фордом, и эта встреча стала новой вехой в разрядке международных

отношений. Мы хотим дружить с Западом, а не конфликтовать с ним. И спорт в этом деле может стать хорошим помощником.

— Да, я знаю, вы пишете это на своих плакатах. «О, спорт — ты мир!» — кажется, так это звучит?

— Совершенно правильно. Именно поэтому мы согласились встречаться с канадскими профессионалами и провели уже две суперсерии с ними. Но мы прекрасно понимаем, что дело этим не закончится — впереди нас ждет участие сборной профессионалов на чемпионатах мира.

— Старина Банни против этого, — улыбнулся Сабетцки.

— Это потому, что он носится с идеей создания Евролиги, которая стала бы этакой фармлигой НХЛ. Но нам это не нужно.

— А что вам нужно?

— Вы же понимаете, что если Евролига состоится, то тогда возникнут проблемы у чемпионатов мира и Олимпийских игр — на них не станут допускать игроков, выступающих в Евролиге. Поэтому мы разделяем следующую идею: надо усилить интерес к чемпионатам мира. И для этого допустить на них канадских профессионалов. Правда, сделать так, чтобы лучшие игроки из НХЛ туда не попадали.

— Хотите манипулировать сроками проведения чемпионатов?

— Да, сместить их до черты, когда в Кубке Стэнли начинаются полуфиналы. Если черту отодвинуть дальше, тогда на чемпионаты мира начнут приезжать сплошь одни звезды НХЛ, а это снизит интерес к турниру. Сами подумайте, кто сможет на равных тягаться с такой командой — разве что наша сборная, да еще чехословацкая и шведская. Все остальные будут биты с разгромным счетом. Поэтому вряд ли европейские хоккейные лидеры согласятся с тем, чтобы на чемпионаты мира приезжали звезды НХЛ и глумились над их подопечными на глазах у всего мира. А вот на приезд полузвезд они согласятся. Но с Ахерном эта идея не пройдет.

— А со мной, значит, пройдет?

— Безусловно. Вы же давно вынашиваете идею об участии канадских профи в мировых турнирах.

— Но вы уверены, что у меня будет достаточная поддержка в лиге?

— До начала конгресса еще полгода, но уже сегодня за вашу кандидатуру готовы голосовать больше половины членов

исполкома, — сообщил Старовойтов. — Остальных мы тоже перетянем на свою сторону. Главное сегодня — это ваше принципиальное согласие.

После этих слов в салоне автомобиля повисла пауза, во время которой Сабетцки напряженно обдумывал предложение своего собеседника. Наконец, немец вновь нарушил тишину:

— Я так нужен вам в руководстве лиги?

— Нужны, Гюнтер, — кивнул головой Старовойтов. — Из всех возможных кандидатов, вы самый договороспособный. К тому же это назначение поможет и вашему немецкому хоккейному союзу подтянуть вашу сборную до нужного уровня. А то ведь ваша команда не попала на будущий чемпионат мира, который будет проходить на ее же родине. Разве это не обидно?

Последняя фраза заставила Сабетцки вновь пережить неудачу, которая постигла его сборную в марте, когда она выступала на чемпионате мира в группе В и пропустила впереди себя сборные США и Югославии. В итоге сборной ФРГ приходится уже второй год пропускать мировой турнир, довольствуясь групповыми играми. А так, если бы немецкий хоккейный союз заимел своего человека в руководстве ЛИХГ, можно было бы расширить число участников главного чемпионата с шести команд до восьми и при таком раскладе сборная ФРГ имела бы прекрасные шансы не только вновь войти в элиту мирового хоккея, но и оставаться там как можно дольше.

— Ну, что вы решили, Гюнтер? — прервал затянувшееся молчание Старовойтов.

— Вы так торопитесь услышать мой ответ? — по тому, с какой интонацией задал этот вопрос Сабетцки, Старовойтов понял, что его уговоры, кажется, возымели нужный эффект.

— Хорошо, вы ответите мне, когда мы выпьем за будущее мирового хоккея и хорошенько закусим это дело вкуснейшим пловом.

— Чем закусим?

— Узбекским пловом, который нам приготовит лучший повар ресторана «Узбекистан» Иргаш Хамидов. Уверяю вас, такого плова с ребрышками молодого барашка вы еще не пробовали. Кстати, мы уже приехали.

После этих слов Сабетцки повернул голову к окну и действительно увидел, как их автомобиль остановился возле здания,

над которым ярко горела неоновая надпись «Ресторан «Узбекистан».

*14 февраля 1977 года, понедельник, Москва, площадь Дзержинского,
КГБ СССР, кабинет Юрия Андропова*

Вспоминая сегодня тот приезд Сабетцки в Москву и его согласие баллотироваться в президенты ЛИХГ, Андропов в очередной раз поймал себя на мысли о том, что их тогдашняя инициатива с выдвижением немца не была ошибкой. Впрочем, Спрогис тоже никогда в этом не сомневался. Приход Сабетцки никого не оставил в накладе. Несмотря на то, что канадцам разрешили прислать своих «профи» уже на чемпионат-76, они вежливо отказались, придумав какую-то умозрительную причину. В результате вместо них на чемпионат приехала сборная ФРГ, которая не должна была приехать, поскольку заняла лишь 2-е место в своей группе. Но вежливость канадцев зажгла перед соотечественниками Сабетцки «зеленый свет». За это новый президент ЛИХГ разрешил канадцам в том же 76-м провести первый розыгрыш Кубка Канады с участием сильнейших сборных мира. Впрочем, советская сторона решила не рисковать, прислав на этот турнир экспериментальную сборную, а ЛИХГ с новым президентом во главе не стала против этого возражать. Кроме этого, Сабетцки провел решение о допуске канадских «профи» на чемпионаты мира, но сроки проведения турнира сдвинул всего лишь на неделю, лишив канадцев возможности прислать по-настоящему сильнейших игроков. Таким образом канадцы получили возможность громить всех подряд у себя на родине (на Кубке Канады), но были лишены этой возможности в Европе.

Кстати, не остался в накладе и старина Банни — Джон Ахерн. За то, что он уступил свое место без боя, канадцы в 1977 году внесли его имя в Зал хоккейной славы в Торонто. Вот такая получилась «партия», мастерски разыгранная ее участниками за кулисами Международной лиги хоккея на льду.

— Участие профессионалов в чемпионатах мира несет в себе какие-нибудь издержки в будущем? — возобновил разговор Андропов.

— Мне кажется, после этого следует ждать того, что из Европы в Канаду косяком потянутся хоккеисты. То есть, свежая кровь. Я имею в

виду шведов, финнов, чехословаков.

— Насколько я помню, в НХЛ уже играют европейцы. Кстати, кто был первым?

— Если мне не изменяет память, швед Ульф Стернер уехал туда в 1965 году. А восемь лет спустя к нему присоединился Берье Салминг. Наконец, летом 74-го, как вы помните, сбежали чехословаки Фарда и Недомански.

— Наши-то не побегут? — Андропов снова застучал карандашом по столу.

— В ближайшей перспективе вряд ли, но вот дальше...

— Хорошо, не будем о грустном — давайте вернемся к Тихонову. Как он может возглавить ЦСКА и сборную, если главный болельщик армейцев — наш генеральный секретарь? Кто может дать гарантию, что Леонид Ильич согласится заменить армейца Локтева на динамовца Тихонова, да еще из Риги?

— Проблема серьезная, но и она решаема в свете последних событий. Из наших агентурных источников нам стало известно, что Леонид Ильич очень сильно переживает по поводу нездоровой ситуации в его родном клубе. Особенно сильно на него повлияла история с Борисом Александровым. Если мы сумеем грамотно воспользоваться моментом, то можно убедить Леонида Ильича согласиться на замену главного тренера ЦСКА и сборной нашим выдвиженцем — Тихоновым.

— Даже если ЦСКА станет чемпионом, а наша сборная победит в Вене?

— Эти победы не гарантируют нам светлого будущего даже в ближайшей перспективе, о чем я уже говорил в начале нашего разговора. Поэтому надо попытаться ненавязчиво подтолкнуть Леонида Ильича к тому решению, к которому он и сам уже начинает склоняться. Ведь он любит хоккей не меньше нашего.

— Я подозреваю, что у вас, Эрнест Леонардович, уже есть люди, которые этим подталкиванием занимаются? — и Андропов взглянул на собеседника поверх своих очков.

— Кондратьев из Спорткомитета во время охоты с Леонидом Ильичем в Завидово имел с ним разговор на эту тему. И сообщает, что наш Генеральный секретарь уже говорил с генералами из Минобороны

о том же самом. Судя по всему, очень скоро он захочет обсудить это и с вами, Юрий Владимирович.

— Вы в этом так уверены?

— Не с Дмитрием же Федоровичем Устиновым ему об этом говорить — тот к хоккею, по большому счету, равнодушен. Из членов Политбюро остаесть вы и Константин Устинович Черненко. И я склоняюсь к тому, что именно вас наш Генеральный захочет услышать первым. Все-таки это наше ведомство обладает наиболее полной информацией.

— Может у вас и дата этой встречи где-то проставлена?

— Полагаю, все произойдет достаточно скоро — когда ЦСКА, например, потерпит ряд поражений, что добавит лишнюю толику расстройства Леониду Ильичу.

— А армейцы потерпят эти поражения? — в голосе Андропова ясно слышалось сомнение.

— Судя по той нездоровой обстановке, что сложилась в команде, обязательно. Это, кстати, зафиксировано в тех документах, которые я вам принес, — и Спрогис положил ладонь на папку, лежавшую справа от него.

— Хорошо, оставьте ваши бумаги, я их обязательно посмотрю, — и Андропов опустил карандаш в специальный пенал на столе, показывая тем самым, что разговор окончен.

*15 февраля 1977 года, вторник, Рига, Латвийская ССР, квартира
Тихоновых*

После побед рижского «Динамо» над одноклубниками из Москвы (4:1) и «Крыльями Советов» (6:2) Тихонов решил один день сделать разгрузочным — посвятил его своим блокнотам. Их у него накопился целый шкаф — толстых записных книжек, где он расписывал практически каждый день: все физические упражнения, которые делали его игроки, схемы прошедших и предстоящих поединков, диаграммы физических кондиций игроков и многое-многое другое — вплоть до того, какие вопросы поднимались на собраниях команды. А после каждого матча Тихонов обязательно записывал в блокнот, что

получилось в игре, а что, наоборот, пошло вопреки тому, что он задумывал.

Сидя в своем кабинете, дверь которого были слегка приоткрыта, Тихонов слышал, что происходило в гостиной. Там работал телевизор «Рубин», который по вечерам любила смотреть жена Татьяна. Сына Василия дома не было — он с приятелем из его же команды «Латвияс Берз» отправился к кому-то в гости. Звук телевизора мешал Тихонову сосредоточиться, поэтому он встал со стула, чтобы прикрыть дверь. Как вдруг речь, доносившаяся по трансляции, заставила его не закрыть дверь, а, наоборот, открыть ее настежь и шагнуть в гостиную. В эфире показывали какой-то черно-белый фильм о войне. На экране советские солдаты ловили у поезда мальчишек, которые собирались сбежать на фронт.

— Танюша, что это за фильм? — спросил у жены Тихонов.

Но ответа не последовало — супруга мирно спала, сидя в кресле, приставленном поближе к телевизору. Тогда Тихонов взял с тумбочки рядом с ночником газету «Ригас балсс» и прочитал в телепрограмме название киноленты: «Мальчишки ехали на фронт». Не сводя глаз с экрана, Тихонов присел на диван и просидел неподвижно весь фильм, по ходу сюжета предаваясь воспоминаниям, относящим его к временам собственного военного детства, когда он точно так же, как эти мальчишки из фильма, сбежал однажды на фронт.

Ретроспекция, 1943 год, Курская дуга

Почти все лето 1943 года Слава Тихонов и его друзья слушали по репродуктору сообщения Юрия Левитана о боях на Курской дуге. А когда в один из дней диктор сообщил, что советские войска разгромили немцев, Слава решил... сбежать на Курскую дугу, чтобы собственными глазами взглянуть на тот разгром, о котором так торжественно объявил Левитан. Но бежать одному было несподручно, поэтому Слава подбил на это дело своего приятеля — Вальку Полякова из параллельного класса. Вдвоем они приехали вечером на Курский вокзал и с подножки последнего вагона забрались на крышу, отходящего от платформы поезда. Однако в Туле их заметили милиционеры и после недолгой погони сопроводили в отделение.

Объяснения стражам порядка, почему они забрались на крышу и куда ехали, не требовались — таких мальчишек, едущих на фронт, они снимали почти с каждого поезда чуть ли не ежедневно. Милиционерам нужно было только одно — узнать, откуда прибыли в их город эти двое беглецов.

Слава и Валька сидели в тесной комнате на стульях у раскрытого настежь окна, а грузный милиционер записывал их адреса в толстую амбарную тетрадь. Несмотря на открытое окно, в помещение было душно, отчего милиционер то и дело отвлекался — наливал из графина в ладонь воду и обтирал себе шею и грудь. После чего продолжал писать. Пока он это делал, Славка легонько толкнул Вальку кулаком в бок. После чего кивнул на распахнутое окно: мол, сиганем — только нас и видели. Валька согласно кивнул головой.

Поскольку ближе всего к окну сидел Славка, ему первому и пришлось сигать. А Валька рванул следом. Но если Славка ловко спрыгнул с подоконника, то его другу не повезло — он подвернул ногу и встать на нее уже не смог. Славка застыл в двух метрах от него, надеясь, что друг поднимется, но Валька, обхватив ногу руками, закричал во все горло:

— Беги, Славка! Беги!

И Славка побежал, подгоняемый ревушим на станции паровозным гудком — это от платформы отходил поезд на Курск. Беглец успел догнать последний вагон и вскочил на подножку. После чего ловко вскарабкался на крышу и, схватившись за трубу, смотрел на то, как возле отделения двое дюжих милиционеров уносили на руках его друга. Впереди его ждал обратный путь домой.

Когда поезд подъезжал к Мценску, Славка издали заметил, как по платформе вышагивают трое милиционеров. Судя по всему, это тульские стражи порядка успели по телефону предупредить местных коллег, что к ним на крыше поезда едет беглец. Поэтому мальчишка слез с крыши на подножку, а когда поезд начал торможение, спрыгнул на землю по другую сторону от платформы. И бросился бежать через пути вперед — прямо по движению поезда. В это время из ящика, находящегося под вагоном, высунулась рыжая голова пацана, примерно одного возраста со Славкой.

— Ты от кого бежишь? — спросила рыжая голова.

— От мильтонов, — честно признался Славка. — Они облаву устроили. Будешь в ящике сидеть, они и тебя найдут.

После этих слов мальчишка выпрыгнул из своего укрытия и пристроился сзади за Славкой. В это время поезд остановился и они услышали за спиной трель милицейского свистка. Поняв, что их заметили, они добавили прыти. На их счастье, впереди, с соседней ветки, отправлялся товарный состав. Догнав его, они запрыгнули на подножку одного из вагонов и только здесь облегченно перевели дух. Теперь догнать их было уже трудно.

Когда товарняк набрал скорость, мальчишки познакомились. Нового напарника Славки звали Ванькой. Он ехал из Тулы на ту же Курскую дугу, что и его компаньон. На Ваньке была серая линиялая рубаха с оторванной верхней пуговицей, штаны, закатанные почти до колен и кепка, которая была ему явно велика. Это сразу отметил Славка и спросил:

— Кепку стырил у кого-то?

— Сам ты стырил — это отцовская, — последовал ответ. — Единственное, что у меня от бати осталось. Чуть подрасту, как раз впору будет.

— А он где — на фронте?

— Погиб под Ельней, — ответил Ванька.

— А у меня под Сталинградом, — вздохнул Славка.

И они замолчали, думая каждый о своем.

По ходу дела им пришлось еще трижды пересаживаться на разные поезда, однако в облавы они больше не попадали. И на следующий день добрались-таки до района недавних боев — до поселка Поньри, что в нескольких километрах от Курска. Там они сошли и, расспросив двух местных старушек, пешком направились к району, где всего несколько недель назад шли кровопролитные бои. Увиденное там поразило их до глубины души — все окрестности, где проходили сражения, были заполнены подбитыми танками — как немецкими, так и советскими. Мальчишки лазали под ними, надеясь найти оружие. Но, судя по всему, здесь до них уже успели изрядно поработать трофейщики — оружия найти не удавалось. И только под вечер Ваньке повезло — он увидел под разорванным гусеничным траком дуло немецкого «вальтера». На удачу, пистолет был абсолютно исправен и в его обойме даже было несколько патронов. Славку накрыла волна

зависти к спутнику, однако вида он не подал. Подержав пистолет в руке, он вернул его приятелю. Тот засунул оружие в брюки, прикрыв рубахой. Могли ли они подумать, что уже спустя час этот «вальтер» заговорит?

Они возвращались в Поныри, когда на дороге их окликнул чей-то голос. Это был низкорослый мужик, в мешковатом пиджаке и с залысынами на голове.

— Куда топаем, пацанва? — спросил он, смачно сплевывая себе под ноги.

— Туда, — ответил Славка, показывая в сторону Понырей.

— А на поле чего делали?

— Танки смотрели.

— Вы местные? — продолжал допытываться мужик.

— Приезжие, — это уже Ванька.

— Что-то кепка тебе великовата, — заметил мужик и одним движением сорвал головной убор с мальчишки и водрузил его себе на лысину. — А мне в самый раз.

— Дядь, отдай, это отцовская, — попросил Ванька.

— А где твой батя?

— На фронте погиб.

— Тем более этот кепарь ему больше не понадобится, — усмехнулся мужик.

— А вы почему не на фронте? — поинтересовался Славка.

— Пускай дураки воюют, а мы лучше дома посидим и баб потискаем, — и незнакомец снова сплюнул себе под ноги и засмеялся.

После этого он повернулся и направился в сторону Понырей. А мальчишки остались стоять на дороге. Но стояли они недолго. Первым опомнился Ванька и побежал вслед за мужиком. Догнав его, снова стал просить:

— Дядь, верни кепку — в память от бати осталась.

— Пошел вон, заморыш, — мужик замахнулся на Ваньку, но тот успел отскочить в сторону. — Еще раз будешь канючить, я тебе кишки пуцу, — и мужик показал мальчишке финку.

Этот нож все и решил. Ванька сунул руку под рубаху и извлек на свет «вальтер». Лицо мужика при виде пистолета вытянулось так, что даже рот приоткрылся. Больше он ничего сделать не успел — в

следующую секунду грянул выстрел. Мужик выронил нож и обеими руками схватился за живот.

— Ты чего наделал, падла? — захрипел он и, постояв еще несколько секунд, рухнул на землю лицом в придорожную пыль.

А Ванька снова засунул пистолет под рубаху, подошел к мужику и подобрал с земли отцовскую кепку. Отряхнув ее от пыли, он водрузил ее себе на голову и махнул рукой Славке — дескать, пошли. И первым зашагал в сторону Поньрей.

Славка потом его спросил: ты зачем мужика убил — он бы от страха сам кепку отдал. На что Ванька ответил коротко, по-взрослому: такие просто так не отдают.

15 февраля 1977 года, вторник, Рига, Латвийская ССР, квартира Тихоновых

Вспоминая эти далекие события, Тихонов глядел на экран, по которому уже шли титры, возвещавшие об окончании фильма, и вдруг почувствовал, как по его щекам катятся слезы. Он ведь с тех пор больше не видел Ваньку. Даже фамилию и адрес тогда у него не спросил. Они простились в Туле, когда поезд, на котором они ехали, остановился на пять минут на станции. Мальчишки крепко обнялись, уткнувшись теплыми щеками друг в друга и стояли так несколько минут. А когда поезд тронулся, Ванька оттолкнул приятеля от себя и, когда тот вскочил на подножку вагона, взмахнул на прощание отцовской кепкой. Он махал ею до тех пор, пока поезд не скрылся из вида.

16 февраля 1977 года, среда, Архангельское, база ЦСКА

Тренер ЦСКА Константин Борисович Локтев вызвал к себе в кабинет своего помощника Юрия Моисеева и когда тот пришел, поинтересовался, чем заняты игроки команды.

— Кто чем, — коротко ответил Моисеев. — После вчерашнего фиаско настроение у ребят сами понимаете какое.

Речь шла о финальном матче турнира Дружественных армий, где ЦСКА уступил чехословацкой «Дукле» со счетом 4:5.

— Все на месте, или кто-то отсутствует? — продолжал допытываться Локтев. Он знал, что периодически ряд игроков тайком ездят в ближайший от Архангельского ресторан «Русская изба», чтобы скрасить свое монотонное пребывание на базе. А после вчерашнего проигрыша такие отлучки могли принять массовый характер.

— А кто конкретно нужен? — уклончиво ответил Моисеев.

По губам Локтева пробежало подобие улыбки, после чего он произнес имя того, кто ему понадобился:

— Борька Александров на месте?

— У себя. В нарды играет с Лопатой (так игроки команды называли Виктора Жлуктова за его своеобразное владение клюшкой).

— Позови его ко мне, — попросил Локтев.

Спустя пять минут на том же месте, где недавно стоял Моисеев, перед Локтевым возвышался Александров. Впрочем, возвышался это громко сказано — роста хоккеист был небольшого, из-за чего, собственно, и были все его проблемы с дисциплиной — мужики маленького роста почти всегда обладают дерзким и своенравным характером.

Указав хоккеисту на стул напротив стола, Локтев молча подвинул к Александрову какую-то бумагу, лежавшую перед ним. Хоккеист взял листок в руки и углубился в чтение. Это было заявление журналиста Егора Красовского в милицию, где он сообщал о том, что был жестоко избит хоккеистом ЦСКА Борисом Александровым.

— Что скажешь? — спросил Локтев, когда хоккеист положил документ обратно на стол.

— Врет про жестокое избиение — я его всего лишь один раз ударил, — ответил Александров.

— Значит, все-таки ударил?

— Было дело, Константин Борисович, не отрицаю. Довел меня этот гаденыш своими просьбами про интервью. Я ему русским языком говорю: никакого интервью давать не буду, отстань. А он лезет и лезет. Ну, я и не сдержался — один раз приложил кулак к его наглой физиономии.

— И это тогда, когда еще не успело смолкнуть эхо от истории с Гуреевым?

— Я тогда об этом не думал. Достал меня этот писака.

— А ты в курсе, что у него дядя работает референтом в Спорткомитете?

— Первый раз слышу. Но челюсть у него трещала, как у вполне рядового гражданина.

— Хватит хохмить, младший лейтенант Александров, — и Локтев так стукнул кулаком про столу, что в шкафу за его спиной зазвенели спортивные кубки. — Ты с кем разговариваешь? Забыл, где находишься?

Не ожидавший такой реакции хоккеист, до этого развалившийся на стуле, выпрямил спину. В кабинете повисла напряженная пауза. Первым ее нарушил Локтев:

— Ты понимаешь, что если этому заявлению дадут ход, в команде ты не останешься?

Александров молчал, понуро глядя в пол. Кажется, он только теперь осознал, в какую историю снова вляпался.

— Тебе придется просить прощения у этого парня, чтобы он отозвал свое заявление обратно.

В ответ Александров покачал головой: дескать, не буду.

— Тебе твоя гордость дороже пребывания в ЦСКА?

— Сволочь он, Константин Борисович, а я перед ним извиняться буду?

— Но эта сволочь может поставить крест на твоей карьере, понимаешь?

— Понимаю, — кивнул Александров, — но извиняться не буду.

Глядя на его по-детски хмурое лицо, Локтев внезапно... улыбнулся. Ему нравился этот парень, несмотря на то, что характер у него был сложный, ершистый. Локтев относился к нему по-отечески тепло, может быть, потому, что ему всегда хотелось иметь еще и сына, а у него была одна дочь. А тут еще этот случай с Валентином Гуреевым, который живо напомнил Локтеву события 16-летней давности, когда он сам угодил в точно такую же ситуацию. Его ЦДСА тогда выступал в Кубке СССР и встречался с московским «Локомотивом». Весь матч за Локтевым «охотился» железнодорожник Александр Афанасьев. В конце концов, нервы Локтева не выдержали и он, толкнув его на лед, еще и поддал ему ногой. Да так сильно, что

конек отсек железнодорожнику часть уха. В результате грубияна дисквалифицировали до конца сезона.

— Ладно, ступай к себе, — произнес Локтев, убирая заявление журналиста в ящик стола.

Александров поднялся со стула, но в самых дверях задержался:

— Что решили, Константин Борисович? — голос его еле заметно дрожал.

— Когда решу, тогда сообщу, — ответил Локтев.

— И все же?

Вместо ответа тренер махнул рукой, но по выражению его лица Александрову стало понятно, что все будет хорошо.

— Спасибо, Константин Борисович, — и хоккеист вышел из кабинета.

Эта беседа была чисто профилактическая. За день до нее Локтев заехал к начальнику отделения милиции, своему доброму приятелю, с которым они неоднократно парились в бане, и легко уговорил его не давать этому делу ход. Начальник хотел тут же порвать заявление журналиста, но тренер попросил отдать его ему.

— Компромат на своих архаровцев собираешь? — засмеялся милиционер.

— Какой там компромат, — отмахнулся Локтев. — А вот пострадать таким документиком можно. Обычные слова до них, как правило, не доходят.

16 февраля 1977 года, среда, Москва, площадь Дзержинского, КГБ СССР, кабинет Юрия Андропова

Удобно расположившись в кресле, председатель КГБ внимательно слушал магнитофонную запись разговора, который два дня назад состоялся в ресторане «Седьмое небо» в Останкино. Эта беседа была записана специалистами 12-го отдела — подразделения КГБ, которое занималось прослушиванием телефонов и помещений. За богато сервированным столом беседовали два генерала — советский и чехословацкий. Первым был генерал-майор Леонтий Скурлатов, вторым — генерал Мирослав Чапек. Последний приехал в Москву в качестве сопровождающего армейской команды «Дукла» из Йиглавы,

которая участвовала в турнире Дружественных армий и сумела стать победителем, обыграв в финальном матче ЦСКА со счетом 5:4. Андропов видел эту игру, присутствуя на ней вместе с Брежневым. Матч выдался на редкость напряженным. Настолько, что иной раз шефу КГБ казалось, что Брежнев может хватить инфаркт — так близко к сердцу он принимал события на ледовой площадке.

Счет в матче открыли гости — это сделал Новак уже на третьей минуте. Но спустя пять минут Михайлов восстановил равновесие. Однако под занавес первого периода Выборны снова вывел чехословаков вперед. А в самом начале второй двадцатиминутки Гавличек увеличил разрыв до 3:1. Это был уже хороший задел на победу, учитывая тот факт, как гости умеют обороняться. Но время чтобы отыграться у советских хоккеистов еще было.

Спустя четыре минуты все тот же Михайлов сумел сократить разрыв до 2:3. А Цыганков на 37-й минуте и вовсе сделал счет ничейным. Но затем произошло то, что так сильно напугало Андропова — Брежнев схватился за сердце. И было отчего. На последних секундах игры Петров вывел ЦСКА вперед — 4:3. Казалось, что при таком счете команды уйдут на перерыв. Но случилось неожиданное. Едва судья вбросил шайбу в центре поля, как гости стремительно завладели ею, вошли в нашу зону и все тот же Гавличек сравнял счет.

Именно тогда Брежнев стал тереть ладонью левую сторону груди. Увидев это, Андропов жестом позвал охранника генсека, у которого под рукой всегда были лекарства. К тому времени сирена возвестила об окончании второго периода и хоккеисты разошлись по раздевалкам. А охранник высыпал в ладонь Брежнева таблетку валидола, которую генсек тут же отправил в рот.

— Вот, стервецы, что творят, — откидываясь на спинку кресла, произнес Брежнев.

— Я вам говорил, Леонид Ильич, надо было остаться в Завидово — посмотрели бы игру по телевизору, — подал голос Андропов.

— Ты думаешь, что перед телевизором я бы так не переживал? — все еще держа руку на груди, возразил Брежнев.

— Эти походы на хоккей до добра не доведут, — вступил в разговор Константин Черненко, который сидел по левую сторону от генсека. — Ты так переживаешь, Леонид, что можешь скончаться

прямо во время игры. А кто страной руководить будет? Подгорный что ли?

— Не хотите, значит, Кольку в цари? — по губам Брежнева пробежала улыбка, которая указывала на то, что кризис миновал.

— Не хотим, — честно признался Андропов.

— Ладно, я еще поживу на радость вам и всему советскому народу. Лишь бы Коська Локтев сегодня выиграл.

Но последнее пожелание генсека так и не сбылось.

В третьем периоде чехословаки так грамотно построили свою оборону, что все атаки советских хоккеистов разбивались об нее, как волны о камни. А после того, как в один из моментов силы советских игроков иссякли, чехословаки провели молниеносную контратаку и Холик с близкого расстояния расстрелял Третьяка. 5:4. После этого до конца игры оставалось восемь минут и хоккеистам ЦСКА вполне могло бы хватить времени, чтобы спасти игру. Но гости снова ушли в глухую оборону, которую наши игроки так и не сумели взломать. Победа досталась чехословакам, а вместе с ней и Кубок Дружественных армий.

Во время награждения Брежнев сидел мрачный, насупленный. Грудь уже не тер, но было видно, что он расстроен результатом игры.

— Нет, с Коськой Локтевым надо что-то делать. Не команда, а черте что, — сказав это, генсек поднялся с кресла, показывая всем присутствующим, что их пребывание во Дворце спорта на этом закончилось.

Вспоминая теперь эти события, Андропов полагал, что и два генерала, которые накануне финального матча пришли в ресторан «Седьмое небо», будут говорить о предстоящем матче, который так расстроил генсека. Но их разговор получился несколько о другом.

— Сколько мы с тобой, Мирослав, не виделись? — разливая водку по рюмкам, спросил Скурлатов. — Лет десять?

— Девять, — поправил собеседника Чапек. — Я приезжал в Москву сразу после августовских событий, чтобы получить новое назначение.

— А ведь ты не рвался его получать. Скажи, почему?

— Потому что не во всем был согласен с вводом ваших войск к нам.

— Но ты же военный человек и должен был понимать, что без этого ввода было уже никак не обойтись — слишком далеко зашла у вас ситуация. После того, как вы в марте 68-го отменили цензуру, у вас возникли предпосылки для создания политических партий и организаций, существовавших до 1948 года. И мы понимали, что в первые годы компартия еще бы играла главную скрипку, но потом ее влияние было бы подорвано. И верх взяла бы какая-нибудь социал-демократическая партия с буржуазным уклоном. Разве мы могли этого допустить?

— Как у вас, у русских, говорится: это было вилами по воде писано.

— Нет, не вилами, Мирослав, а кровью. Кровью шестисот тысяч наших солдат, которые погибли, освобождая Чехословакию от фашизма.

— Я тоже освобождал свою родину от фашизма, Леонтий. Неужели ты думаешь, что я бы допустил ситуацию, когда наши завоевания достались бы нашим врагам?

— Смотря кого ты считаешь врагами: собственную буржуазию или американцев. Ваша продажная интеллигенция, приди она к власти в 68-м, добилась бы выхода своей страны из Варшавского договора.

— Ты снова ошибаешься. Наше руководство во главе с Дубчеком хотело лишь вернуть доверие населения, потерянное в последние годы. Если бы вы дали нам это сделать, мы продолжили бы наше сотрудничество на новых, гораздо более прочных условиях.

— Прочнее, чем теперь?

— Мы же реалисты, Леонтий, и должны понимать, что сегодня ситуация зашла уже слишком далеко. Подросла молодежь, которая мыслит иными категориями, чем мы когда-то. И события 68-го года стали тем фундаментом, на котором базируется ее радикализм.

— Ты хотел сказать антисоветизм.

— Понимай, как хочешь, — и Чапек опрокинул в себя новую порцию водки, закусывая ее семгой.

— А чего тут особенно понимать, если даже в курируемой тобой команде этот самый антисоветизм растет и процветает. Думаешь, мы ничего об этом не знаем?

— Думаю, что знаете, — не стал спорить Чапек.

— А ведь «Дукла» — команда вооруженных сил Чехословакии. Куда смотрят ваши политорганы, Мирослав?

— Я тебе говорю, Леонтий, а ты меня не слушаешь. Выросла молодежь, которая мыслит иначе, чем мы когда-то. Если мы мыслили в категориях 45-го года, то они — 68-го. И с этим уже ни один политработник не справится. Полагаю, что и у вас происходит почти то же самое.

— Ну, уж дудки — у нас в ЦСКА люди до сих пор мыслят так же, как их отцы в 45-м. Мы своих идеалов не предавали.

— Я не про ЦСКА говорю, а про все ваше общество.

— В нашем обществе разные процессы проходят, но к вам, чехословакам, мы, например, относимся с уважением. И наша молодежь в том числе. А знаешь почему? Потому что мы воспитываем ее в духе интернационализма. Мы не вспоминаем плохое — например, годы вашей оккупации фашистами, когда все восемь ваших авиационных заводов работали на Третий рейх. И с ваших самолетов фашисты бомбили наши города. И заправляли эти бомбы в самолеты ваши деды и отцы. Спроси любого нашего юношу об этом и он ничего не сможет сказать, потому что ни черта про это не знает. Мы его этому не учим. А вот вы свою молодежь учите. Пусть не в открытую, через учебники, но подспудно, втайне.

— Ты можешь это доказать?

— А что тут доказывать? Вот завтра, к примеру, выиграет твоя «Дукла» турнир и вся Чехословакия будет ликовать. Но это будет ликование не по поводу победы в спортивном соревновании, а в связи с тем, что таким образом ваши хоккеисты отомстят Советам за август 68-го. Вот до чего дело дошло — вы даже спорт к этому делу пристегнули. Представляю, что творится сегодня в Праге в преддверии предстоящего чемпионата мира. Вы же спите и видите, как победите нас в юбилейном году — году 10-летия августа 68-го. Но ты, Мирослав, на меня не обижайся — хер вы у нас выиграете.

— Ты имеешь в виду завтрашнюю игру?

— И завтрашнюю, и чемпионат мира. Потому что, как в песне поется: «Красная Армия всех сильнее».

«Ошибся, Леонтий Ильич, — нажимая на кнопку «стоп», подумал Андропов. — Правда, пока ошибся в малом — мы проиграли всего лишь второстепенный турнир. Но если будем действовать в том же

духе, то рискуем оказаться в дураках и в Праге. А это уже куда более серьезно. Кажется, Спрогис в своих выводах оказался прав».

17 февраля 1977 года, четверг, Москва, Ленинский проспект

По просьбе Локтева Александров прихватил бутылку армянского коньяка и утром поехал с базы на Ленинградский проспект — в отделение милиции, куда Красовский подавал на него заявление. Коньяк предназначался начальнику отделения в благодарность за то, что тот не стал давать хода этому делу.

Самое интересное, но начальник не только с радостью принял презент, но в придачу к нему попросил еще поставить Александра свой автограф в ежедневнике, который лежал на столе.

— Ты же у нас сегодня герой дня, — панибратски хлопая хоккеиста рукой по плечу, произнес милиционер и протянул ему шариковую авторучку.

Выйдя из отделения, Александров сел в свои «Жигули», чтобы вернуться на армейскую базу. Но в тот момент, когда он притормозил на перекрестке, в его радиоприемнике внезапно зазвучала песня, которая внесла коррективы в маршрут его поездки. Это была «Ангела» в исполнении Валерия Ободзинского.

«Ангела, ты на счастье мне судьбой дана...» — заливался соловьем певец в радиоприемнике. В этот миг Александров вспомнил девушку с таким же именем — белокурую красавицу, которая ездила вместе с ним к нему на родину в Усть-Каменогорск. Эта особа никак не выходила у него из головы, хотя после инцидента с журналистом, который поведал хоккеисту о шпионской миссии этой девицы, Александрову было впору забыть ее раз и навсегда. Но память вновь и вновь возвращала его к ней. Тем более что он чувствовал вину перед девушкой за тот резкий разговор, что случился между ними возле усть-каменогорского Дворца спорта.

«Надо разыскать ее и попросить прощения. Как говорится, лучше поздно, чем никогда», — подумал Александров. Идея ему понравилась, тем более в свете его нынешнего выезда в Москву. Но была проблема — каким образом отыскать в многомиллионном городе человека, имея в базе данных только его имя? И тут хоккеиста

осенило. Зная, что его мать любопытна, как и всякая женщина, он предположил, что она могла расспросить Анжелу о фактах ее биографии. Дело было за малым — позвонить матери в Усть-Каменогорск и задать ей пару-тройку вопросов на интересующую тему. И Александров направил свой автомобиль по новому маршруту — на проспект Калинина, где располагался пункт междугородней телефонной связи.

На удачу хоккеиста, мать оказалась дома. Коротко расспросив ее о житье-бытье и сообщив, что у него все хорошо, Александров спросил о том, ради чего, собственно, и звонил.

— Сынок, странно, что ты не знаешь места работы девушки, которую сам привел в наш дом? — удивилась женщина.

— Мам, у нас было шапочное знакомство.

— А теперь ты хочешь сделать это знакомство близким? Ты же женат, сынок?

— Я хочу только одного: чтобы ты вспомнила, где она работает, — продолжал настаивать Александров.

— Парикмахером, — ответила, наконец, Александра Михайловна.

— А про место работы она ничего не говорила?

— В салоне каком-то, — сообщила мать. — А вот, где именно, я запомнила. Хотя она мне говорила... — женщина замолчала, видимо, пытаясь вспомнить адрес. И спустя несколько секунд сообщила: — Кажется, с Лениным связано — я еще подумала, что на наш адрес похоже. Только звучит иначе.

— Может, Ленинский проспект? — предположил Александров.

— Да, точно. У нас проспект Ленина, а у нее Ленинский. Вот там ее салон и находится.

Установив адрес, Александров вновь сел за руль «трешки» и спустя несколько минут домчался до пункта назначения, подъехав к нему со стороны станции метро «Октябрьская». Там он отыскал постового милиционера и сильно удивил его своим вопросом о том, сколько на Ленинском проспекте парикмахерских.

— Ну, вы даете, гражданин — я же вам не «Мосгорсправка», — развел руками страж порядка. — Вы знаете, что Ленинский проспект это самая длинная магистраль в Москве? Ее протяженность почти тринадцать километров. На такой площади может уместиться больше десятка парикмахерских.

— Хорошо, назовите те, что вы знаете, — попросил Александров. Милиционер задумался, после чего сообщил:

— Знаю одну, не доезжая метров ста до метро «Ленинский проспект», и еще две возле универмага «Москва» — с обеих сторон проспекта. На этом мои знания исчерпываются.

— Спасибо и на этом, — поблагодарил милиционера хоккеист.

В течение часа он объехал все три названных парикмахерских, захватив еще одну, которую назвала ему одна из посетительниц парикмахерской возле универмага «Москва» — рядом с кинотеатром «Казахстан». Однако ни в одной из них не работала девушка с редким именем Анжела. Впору было опустить руки, но тут Александрову внезапно помогла заведующая последним салоном. Перехватив хоккеиста на выходе из своего заведения, она сообщила:

— Есть еще один салон-парикмахерская за метро «Ленинский проспект», недалеко от магазина «Тысяча мелочей».

Этот магазин Александров хорошо знал — покупал там как-то хозяйственные вещи после переезда в новую квартиру в Чапаевском переулке. Поэтому он легко нашел нужную улицу и названную ему парикмахерскую.

Войдя туда, он сразу отметил, что это заведение пользуется популярностью — все места в зале для посетителей были заняты. Однако пройдя вдоль всех рабочих мест, он также заметил, что нужной ему девушки среди парикмахерш здесь тоже нет. Тогда он решил отправиться к заведующей, чтобы выяснить это наверняка. Но в коридорчике столкнулся с девушкой в розовом халатике — это была никто иная, как Светлана Негода. Именно у нее Александров и решил узнать о том, что его интересовало. На его вопрос девушка отреагировала почти мгновенно:

— Анжела Белова?

— К сожалению, я не знаю ее фамилию. Но она очень симпатичная блондинка.

— Это она год назад покрасилась в блонди, а так Анжелка шатенка, — сообщила Светлана. — А вы кто ей будете?

— Хороший знакомый, — не стал вдаваться в подробности Александров.

— А как вас зовут?

— Мое имя слишком известное, чтобы им козырять, — ушел от прямого ответа хоккеист и спросил:

— Так она у вас работает?

— Да, но сейчас не ее смена. Она заступит во вторую — после четырех часов.

Александров взглянул на свои наручные часы, которые показывали без пяти минут час.

— Какие у вас оригинальные часики, — не скрывая своего восхищения, произнесла Светлана, которая знала толк в хороших вещах.

— Да, швейцарские.

— Где достали?

— За границей, — коротко ответил хоккеист.

Эти часы игрокам сборной СССР вручили после победы на Олимпиаде в Инсбруке год назад.

— Вы случайно, не из Внешторга? Или, может, дипломат?

— А что, похож? — улыбнулся Александров.

— Очень даже, — с серьезным выражением лица произнесла девушка. — Один прикид чего стоит: дубленка, шапка-пыжик. У Анжелы губа не дура. Впрочем, я ей давно говорила, чтобы она бросала своего журналистика.

Александров догадался, что речь шла об Егоре Красовском.

— Если хотите, можете подождать ее здесь — почитать в холле журналы.

— К сожалению, у меня нет времени так долго ждать — в два часа мне надо быть в другом месте. Может, вы дадите мне ее домашний телефон?

— У Анжелки нет такового. Год назад встала на очередь, которая подойдет года через два. Если хотите, могу дать ее адрес.

— Это далеко?

— Да уж, не ближний свет — в Лианозово.

Александров задумался. Если бы он отправился к девушке, то наверняка опоздал бы на базу, где он обещал быть как штык в два часа. Поэтому этот вариант тоже был неприемлем. Оставалось одно — записать номер телефона салона-парикмахерской и связаться с Анжелой уже с базы в Архангельском. Так он и сделал, вытащив на свет свой блокнот. Который тоже произвел на его собеседницу

впечатление — эту оригинальную миниатюрную кожаную книжицу с золотым тиснением он купил в Чехословакии.

— Нет, вы исключительно дипломат, — сделала окончательный вывод Светлана.

— Пусть будет дипломат, — засмеялся Александров и махнул девушке на прощание рукой.

Когда он сел в свои «Жигули», то заметил, как в огромном окне в холле за его отъездом внимательно наблюдает его недавняя собеседница.

17 февраля 1977 года, четверг, Москва, Ленинский проспект

В четыре часа дня Анжела Белова приехала на работу в салон-парикмахерскую и практически на пороге столкнулась со Светланой Негодой. Та уже облачилась в свое пальто, но уезжать домой не торопилась — поджидала подругу на входе, чтобы утолить свою любопытство по поводу ее нового ухажера.

— Молодец, Анжелка, так ему и надо этому журналистику, — огорошила подругу своим заявлением Светлана.

Анжела встала, как вкопанная, не понимая, откуда Светлана могла узнать про их последний разговор с Красовским. А подруга продолжала говорить загадками:

— Твой новый мне очень понравился. Если бы ты не была моей лучшей подругой, я бы точно его у тебя отбила.

— Какой новый, что ты несешь, Светка? — недоумевала Анжела.

— Ладно, не прикидывайся. Он сюда приходил.

— Кто?

— Твой дипломат.

— Нет у меня никакого дипломата!

— Здра-а-сьте! Росточка небольшого, но симпатичный такой: в дубленке, на голове шапка-пыжик, на руках швейцарские часики.

И только тут до Анжелы начало доходить, кого именно имеет в виду ее подруга. Но в то же время, она никак не могла поверить, что тот, о ком она подумала, каким-то образом нашел ее и соизволил сюда приехать.

— Послушай, Светка, как он выглядел? — отводя подругу в сторону, спросила Анжела.

— Я же говорю: деловой, одет по моде, а не в совпаршиве, ездит на новенькой «трешке».

— А как он представился?

— Никак. Но меня не проведешь — я их брата-дипломата за версту вижу.

— Не дипломат он, Светка, а хоккеист.

— Да ну! Видать, известный, если так выглядит?

— Еще какой известный — Борис Александров!

— Я, кроме Харламова и Третьяка, никого больше не знаю, — честно призналась Светлана.

— Он с ними в одной команде играет, в ЦСКА.

— Ну, ты, подруга, даешь! — не скрывая своего восхищения, произнесла Светлана. — Видать, ты его сильно зацепила, если он сам тебя разыскивает? А как вы познакомились?

Но ответить Анжела не успела. В этот миг грозный окрик заведующей прервал их разговор — уже пять минут назад Анжела должна была приступить к работе, а она еще даже не переделалась в рабочий халат. Поэтому подруги расстались, и Анжела стремглав бросилась в служебную комнату, чтобы переодеться.

Клиентов в этот день у нее было много, поэтому девушка работала не покладая рук. И все время прислушивалась к тому, что происходит на той половине, где был кабинет заведующей. Ведь Александров, по словам Светланы, записал рабочий телефон их салона-парикмахерской, а это означало, что трубку первой должна была поднять заведующая. Однако от той никаких намеков на подобный звонок не поступало. Вся эта ситуация держала Анжелу в напряжении, из-за чего она была несколько рассеянна, чем обычно. Добром это закончится не могло.

Подстригая кончики волос возле ушей очередного клиента, Анжела так увлеклась своими мыслями, что нечаянно прихватила ножницами мочку уха. Мужчина так дернулся от боли, что девушка выронила инструмент из рук. А когда подняла его и выпрямилась, то увидела, что из раненой мочки струится кровь.

— Боже, что я наделала! — схватилась за голову девушка.

После чего достала из столика ватку и пузырек со спиртовым раствором. Смочив в нем ватку, она приложила ее к уху пациента и попросила того подержать в таком положении пару минут. К тому времени мужчина уже пришел в себя и даже стал успокаивать Анжелу: дескать, пустяки, дело житейское. А девушка, хлопоча вокруг него, не переставала поглядывать в сторону коридора, ведущего в кабинет заведующей. Но от той по-прежнему не было никаких вестей.

Спустя полчаса, когда был обслужен еще один клиент, Анжела не выдержала. Она попросила свою напарницу с соседнего рабочего места, у которой нарисовался простой, взять себе ее очередного клиента, а сама отправилась в кабинет заведующей. Но дверь туда оказалась закрытой. Девушка взглянула на часы, висевшие на стене — они показывали начало восьмого вечера. По всем приметам, заведующая должна была быть на месте. В этот миг в коридоре появилась одна из коллег Анжелы и, увидев, что та держится за ручку двери кабинета заведующей, сообщила:

— Зря стараешься — она уже уехала домой.

В это время за закрытой дверью стал надрываться телефон. Он звенел и звенел, разрывая душу Анжелы буквально напополам. Девушка стала лихорадочно соображать, как ей быть, и тут ее осенило. Через дорогу от их салона была телефонная будка, из которой можно было легко позвонить Александрову на базу ЦСКА. Надо было только найти две копейки. Девушка побежала в служебную комнату и заглянула в свою сумочку. Однако, по закону подлости, именно двухкопеечных монет там и не было — ни одной. Зато там был листок, на который Анжела, еще на квартире Егора Красовского, записала телефон армейской базы. Схватив бумажку и несколько медяков, девушка побежала в зал, чтобы разменять свои монеты на двухкопеечные. К ее радости, сделать это оказалось не трудно — сразу у двух клиентов нашлось несколько монет нужного номинала. И Анжела выскочила из салона.

На улице было уже темно, мела поземка и поток машин на дороге был не таким интенсивным. Метрах в ста от салона был перекресток, но девушка так торопилась, что решила сократить себе путь — побежала прямо через проезжую часть. Она уже почти достигла противоположного тротуара, когда из-за ближайшего поворота внезапно выскочили «Жигули» 6-й модели. Они неслись с такой

скоростью, что, казалось, будто за ними кто-то гонится. Девушка обернулась на шум и последнее, что увидела — расширенные от ужаса глаза водителя «Жигуленка», который в последнюю секунду все-таки успел вывернуть руль влево, чтобы избежать наезда. Однако правый бампер все-таки задел Анжелу, отчего она опрокинулась на спину и со всей силы ударилась головой о, покрытый ледяной коркой, асфальт.

«Жигули» замерли в нескольких метрах от места столкновения. Однако водитель так и не вышел из салона, в течение нескольких секунд глядя на то, что стало с жертвой наезда. Видя, что та не подает признаков жизни, владелец «Жигуленка»... надавил ногой на газ и, сорвав автомобиль с места, быстро исчез в вечерних сумерках.

*18 февраля 1977 года, пятница, Москва, квартира Егора
Красовского и аэропорт Домодедово*

Егор стоял у зеркала в ванной и трогал рукой свою челюсть, в которую несколько дней назад так мощно врезался кулак Бориса Александрова. Челюсть, к счастью, не была сломана, но до сих пор болела, что наполняло душу журналиста жаждой мести по адресу обидчика. А тут еще вчера выяснилось, что заявление в милицию, которое Красовский написал на Александрова, было положено под сукно и не станет поводом к тому, чтобы поставить зарвавшегося спортсмена на место. Это сообщение буквально раздавило Красовского и возродило в нем жгучее желание отомстить. Поэтому, выйдя из ванной в коридор, журналист подошел к телефонному аппарату и набрал номер главного редактора «Ленинского призыва».

— Доброе утро, Игорь Дмитриевич, это Красовский. Вам еще нужна моя статья про Александрова?

— Что-то долго ты ее пишешь, дорогой, — отозвался на другом конце провода главред.

— Что подделаешь, крепкий орешек попался, — потирая ноющую челюсть, ответил Красовский. — Но я его расколю. Поэтому прошу еще одну неделю. Хочу слетать на родину Александрова в Усть-Каменогорск.

— Издалека заходишь, Егор, — журналист уловил в голосе начальника нотки сомнения. — У тебя там кто-то есть?

— Рассчитываю на журналистскую солидарность, — честно ответил журналист.

— Это не всегда помогает. Сделаем вот что. У меня в местной газете «Рудный Алтай» работает один хороший знакомый — Андрей Ковригин. Ты езжай в аэропорт за билетом, а я позвоню ему и попрошу свести тебя с кем-то из тамошних журналистов, пишущих про спорт.

Спустя два часа, купив билет и ожидая посадки в аэропорту, Красовский снова позвонил главреду. Тот как будто ждал этого звонка — сразу поднял трубку и сообщил:

— Все нормально, обо всем договорился. Андрей сведет тебя с твоим коллегой — журналистом Ильей Кустаревым. Правда, как вы с ним поладите, это уже твоя забота. Но я тебе советую действовать осторожно: про то, что ты приехал нарыть на Александра компромат Кустареву лучше не говорить. Скажи, что хочешь написать нечто вроде панегирика, опровергающего статью в «Советском спорте».

— Спасибо за совет, Игорь Дмитриевич, — поблагодарил Красовский главреда и в этот самый миг услышал объявление о начале посадки на рейс до Усть-Каменогорска.

18 февраля 1977 года, пятница, Москва. Прокуратура и квартира на Брянской улице

Старший следователь московской прокуратуры Мария Кондрашина, прижимая к уху телефонную трубку, внимательно слушала рассказ врача Первой градской больницы, куда вчера вечером была доставлена Анжела Белова:

— У девушки тяжелая черепно-мозговая травма и она до сих пор пребывает в состоянии глубокой комы.

— Что это значит?

— Больная находится в бессознательном состоянии, у нее отсутствуют какие-либо реакции на внешние раздражители.

— Какие прогнозы? — спросила Кондрашина.

— На данный момент делать какие-то выводы еще рано. Глубокая кома — это наиболее опасная разновидность. Поэтому случиться может всякое.

— Но если исходить из оптимистических прогнозов, то сколько долго такое состояние может продлиться?

— Обычно состояние комы длится несколько недель, но бывают случаи, когда она продолжается несколько месяцев или даже лет. В нашем случае давать какие-либо прогнозы еще рано — слишком мало времени прошло.

Поблагодарив доктора, Кондрашина положила трубку на аппарат.

После чего взяла в руки листок, который был обнаружен в кулаке пострадавшей — на нем ее рукой был написан номер телефона армейской базы в Архангельском. Судя по тому, что рассказали коллеги Анжелы по работе — девушка собиралась позвонить из телефонной будки своему приятелю, хоккеисту ЦСКА Борису Александрову, но угодила под колеса какого-то лихача. Получалось, что ее знакомый до сих пор находился в неведении относительно судьбы своей знакомой. Поэтому Кондрашиной предстояло самой дозвониться до него и сообщить о случившемся. Следователь снова потянулась к телефону, но в этот миг дверь в ее кабинет отворилась и в помещение вошел ее молодой коллега и помощник Артем Некрасов.

— Мария Сергеевна, только что гашники обнаружили на Ленинских горах тот самый «Жигуленок», который сбил Белову, — сообщил радостную новость вошедший.

Про то, что девушку сбил автомобиль марки «Жигули» зеленого цвета сообщил сегодня утром свидетель — мужчина, который в тот вечер выгуливал собаку. Наезд произошел фактически на его глазах в тот самый миг, когда он возвращался со своим четвероногим питомцем домой. Этот же свидетель успел запомнить и две последние цифры на номере «Жигуленка» — 07. Получив эту информацию, следователи поделились ею с гаишниками, которые по своим базам данных стали «пробивать» разыскиваемый автомобиль. Кондрашина была уверена, что к концу дня эти поиски обязательно должны были увенчаться успехом. Но, как выяснилось, все произошло гораздо раньше.

— Преступник бросил автомобиль на набережной, а сам скрылся в неизвестном направлении, — продолжил свой доклад Некрасов. — Но главное не это, Мария Сергеевна.

Молодой следователь сделал паузу в своем рассказе, по которой Кондрашина поняла — за ней скрывается нечто серьезное. И она не ошиблась.

— В багажнике «Жигуленка» был обнаружен труп мужчины приблизительно 25–30 лет. Документов при нем не оказалось, поэтому его личность еще не установлена. Но к делу уже подключились наши коллеги из «убойного» отдела МУРа.

Услышав эту информацию, Кондрашина сложила бумажку с телефоном армейской базы вчетверо и спрятала во внутренний карман пиджака до следующего раза. Сообщение, которое она услышала, вносило новый поворот в обычное, казалось бы, дело о наезде.

— Каким образом расправились с жертвой известно? — спросила женщина у своего помощника.

— Мужчину задушили с помощью удавки.

— Данные на владельца автомобиля пробили?

— Это некий Александр Логунов. Кстати, личность весьма известная — это хоккеист московского «Спартака», бывший игрок сборной СССР. Ребята из МУРа поехали к нему, а я направился напрямик к вам.

— Адрес Логунова при тебе?

Вместо ответа Некрасов приложил ладонь к груди, к тому месту, где на его пиджаке был карман. Кондрашина поднялась со стула, но в это время на столе зазвонил телефон. Подняв трубку, женщина преобразилась — ее лицо, секунду назад сосредоточенное, мгновенно смягчилось.

— Зайка, ты уже дома? — спросила женщина, после чего коллега догадался, что его начальнице позвонила дочка-школьница. — Как все прошло, нормально? Диктант был? Хорошо, дома поговорим. Садись обедать — макароны и котлеты найдешь в холодильнике. А потом сразу за уроки. Я приду и проверю. Ну пока, целую.

Положив трубку, Кондрашина первой вышла из кабинета.

Спустя час они уже были на месте — в доме по улице Брянской, недалеко от Киевского вокзала, где проживал Александр Логунов. Как выяснилось, в момент прихода инспекторов МУРа он был дома и пребывал в не самом презентабельном виде — у него было помятое лицо, взлохмаченная шевелюра, а изо рта несло, как из винной бочки. Помимо него в квартире находились двое муровцев и двое сотрудников местного отделения милиции — инспектор утро и участковый. Командовал всем старший инспектор МУРа капитан Алексей Игнатов, которого Кондрашина знала.

Выйдя с ним на кухню, женщина спросила:

— Чем порадуешь?

— Пока особо нечем. Этот бухло утверждает, что весь вчерашний вечер и всю ночь проспал в своей квартире и никуда не отлучался.

— Думаешь, врет?

— Говорит, вроде, натурально, — пожал плечами Игнатов. — Выглядит тоже. Но вот, как было на самом деле, предстоит выяснить.

— Приведи его сюда, я с ним сама поговорю, — попросила Кондрашина.

Муровец подчинился и спустя несколько минут за кухонным столом уже сидел хозяин квартиры. Следователь расположилась напротив.

— Вы знаете, что в багажнике вашего автомобиля был найден труп мужчины? — без всяких предисловий спросила Кондрашина.

— Знаю, ваши коллеги меня уже обрадовали.

— А радоваться нечему — дело серьезное. Если вы не сможете доказать, что вчера вечером, в районе восьми часов вечера, вас не было за рулем вашего «Жигуленка», вас ждет суд и суровое наказание. На вашем автомобиле был также сбит человек, жизнь которого сейчас находится в опасности. Сами понимаете, что это не шуточки — труп и наезд на человека, которого вы, или тот, кто был за рулем, оставили без помощи.

— Я не дурак и все понимаю. Но я еще раз объясняю: меня за рулем не было, про труп я тоже ничего не знаю. Я со вчерашнего утра «квасил» вот в этой квартире и уже часов в шесть вечера вырубился. Вы можете сами посмотреть — у меня вся комната уставлена винно-водочной посудой, которую мы вчера опустошали.

Кондрашина подняла глаза на стоявшего в дверях Игнатова — тот взглядом показал, что хозяин квартиры не врет в последнем своем утверждении.

— Хорошо, а кто такие эти «мы», с кем вы почти весь день, как вы говорите, «квасили»? — возобновила допрос Кондрашина.

— Не знаю, я с ними на Киевском вокзале познакомился. Утром выскочил в магазин за бухлом, ну, и сошлись на почве моего узнавания.

— А вы у нас кто? — спросила Кондрашина, хотя предварительной информацией о личности допрашиваемого уже

обладала.

— Хоккеист — играю за основу «Спартака», раньше играл и за сборную.

— А сейчас, стало быть, уже не играете?

— Ну, если ее тренеры меня даже во второй состав включать перестали...

— Поэтому вы и решили, как это у вас говорится, забухать?

— Что-то вроде этого, — по губам хоккеиста пробежало подобие усмешки.

— Каково было число ваших новых знакомых?

— Двое. Вернее, сначала было двое, а потом к ним добавилась еще и девушка.

— Она была с ними?

— Вроде, да.

— Имена их помните?

— Олег, Павел и Вероника.

— Хотя какие-то детали биографий, которые могли бы помочь нам их найти, у вас есть?

Мужчина на какое-то время задумался.

— Учтите, это в ваших же интересах, Логунов, — вступил в разговор Игнатов. — Если мы их не найдем, подозрение в преступление ляжет именно на вас.

— Как будто я не понимаю? — не скрывая своего раздражения, откликнулся на этот пассаж муровца хозяин квартиры. — Но вспомнить ничего не могу. Они своих адресов мне не называли, где работают тоже. А я их и не расспрашивал особо. Мне компания была нужна, чтобы одному не оставаться.

— Видите, до чего вы дошли, Логунов — пьянствуете с незнакомыми людьми, в результате чего было совершено преступление, причем не одно, — суровым тоном резюмировала Кондрашина. — Опишите внешности этих мужчин.

— Олег — высокий шатен, волосы прямые, спускаются до плеч. А Павел низенький такой, волосы короткие с прямым пробором, как у полового.

Кондрашина взглянула на Игнатова, на что тот сказал:

— Второй по приметам похож на убитого.

Кондрашина снова обратила свой взор на Логунова:

— Может, девушка оказалась более болтливой тех двоих?

— Да какая она девушка — прошмонда, извините за выражение. Пьет не хуже мужика, хотя ей лет двадцать пять на вид. Мужикам, кстати, чуть больше тридцатника.

— О чем же вы с ним разговаривали, если никаких деталей не помните? — продолжала допытываться Кондрашина.

— О хоккее — они, оказывается, за ЦСКА болеют. Все интересовались у меня здоровьем Вальки Гуреева.

— А это еще кто такой? — спросила Кондрашина.

— Хоккеист наш. Его десять дней назад во время игры серьезно травмировали. Армеец Борис Александров его так на борт толкнул, что Валька прямо на льду сознание потерял. Сейчас в больнице отлеживается, здоровье поправляет. Вот они за Александра прощения у меня просили, хотели, чтобы я передал их извинения Гурееву. Вы разве про этот случай не слышали?

— Я хоккеем не интересуюсь, — ответила Кондрашина.

А про себя подумала: «Как же тесен мир — даже здесь всплывает фамилия Александрова».

— Значит, ничего, кроме сказанного, вы больше вспомнить не можете? — Кондрашина решила выводить допрос на финишную прямую.

— Вроде, нет, — покачал головой Логунов, но тут же встрепенулся: — Вспомнил: девка эта певца испанского очень любит. У нас с ней разговор о музыке зашел, вот она мне его имя и назвала. Я еще удивился — мне-то он не особо нравится, я больше Рафаэля предпочитаю. Помните, который в «Пусть говорят» играл?

— Как фамилия этого певца? — проигнорировала вопрос Логунова Кондрашина.

— У него не фамилия, а имя, как у Рафаэля. На языке вертится, а вспомнить не могу, — хозяин квартиры стал тереть рукой лоб, пытаясь восстановить в памяти имя певца. — Он еще темные очки носит.

— Мичел что ли? — подсказал Игнатов.

— Точно — он! — радостно вздохнул Логунов.

— Так он сегодня в Москве гастроли открывает — в концертном зале «Россия», — сообщил муровец.

— А ты откуда знаешь? — поинтересовалась Кондрашина.

— Вся Москва афишами увешана, Мария Сергеевна. Разве не заметили?

— У меня голова другими делами занята, чтобы еще афиши разглядывать, — сказав это, Кондрашина поднялась со своего места. — Если этот Мичел к нам с гастролями приехал, может, не случайно Вероника о нем речь завела? Может, предполагает на его концерт попасть?

— Резонно, — согласился Игнатов.

— Тогда сделаем так. Отправимся сегодня в «Россию», где вы, Логунов, попробуете опознать вашу Веронику.

— Да не моя она, пропади эта девка пропадом!

— А вот это вы зря, — покачала головой Кондрашина. — Если эта девушка пропадет, то вместе с ней пропадете и вы — только она в неизвестности, а вы, возможно, в тюрьме.

18 февраля 1977 года, пятница, Усть-Каменогорск

Первые два часа пятичасового полета тянулись для Красовского нескончаемо долго. Сначала он читал газеты, взятые им в дорогу, но очень быстро ему это занятие надоело и он тупо уставился в иллюминатор, в котором виднелась часть крыла с турбиной и проплывающие под ним барашки облаков. Это созерцание убаюкало журналиста и спустя какое-то время он провалился в глубокий сон, из которого его вывел звонкий голос стюардессы, возвестившей о том, что самолет начинает снижение и всем пассажирам необходимо пристегнуть ремни.

Выйдя из стен аэропорта, Красовский отправился на стоянку такси, где быстро нашел водителя, согласившегося довезти его до редакции газеты «Рудный Алтай». Когда журналист туда приехал, уже почти все сотрудники спортивной редакции ушли домой по причине завершения рабочего дня, и только один человек дожидался приезда московского гостя — Илья Кустарев. Он был почти одного возраста с Красовским, но чуть полнее его и поменьше ростом. Но когда Красовский жал ему руку, он был приятно удивлен крепостью его рукопожатия — было видно, что этот человек по сию пору активно занимается спортом.

— Итак, в наши края вас привела нужда покопаться в биографии Бориса Александрова. С каким прицелом — написать «Удар в спину-2»? — первым делом спросил гостя Кустарев.

— Может, лучше сразу на «ты», коллега? — предложил Красовский, заинтересованный в том, чтобы сразу вызвать к себе расположение. — Вот и отлично. А по поводу будущей статьи скажу так: это, скорее, не удар, а защита от него.

Здесь Красовский поступил так, как ему советовал его главный редактор — схитрил:

— Хочешь вступить в полемику с самим «Советским спортом»?

— Он мне не указ, надо мной другие начальники. Поэтому хочу спросить напрямик: помочь сможешь?

— Чем именно?

— Хочу встретиться с друзьями Александрова — с теми, кто его близко знал с детства. Ну, вроде, товарищей по дворовым играм в хоккей, даже его первая любовь сойдет. Чтобы опровергнуть, прозвучавшее со страниц «Спорта» обвинение, что он отъявленный хулиган.

— А с тренером его встретиться не хочешь?

— Хочу, но начать лучше с его детско-юношеских контактов. У тебя кто-нибудь есть на примете?

— Есть, конечно, но я полагал, что наш гость захочет с дороги отдохнуть. Все-таки пять часов в полете. Номер в гостинице «Усть-Каменогорск» для тебя уже заказан и ждет своего постояльца.

— Вот и пускай подождет, — улыбнулся Красовский. — А мне бы хотелось сразу включиться в работу, так как время поджимает — я приехал всего на пару дней.

Сказав это, Красовский заметил, что его собеседник несколько стушевался.

— В чем дело, Илья?

— Просто в данный момент у меня нет возможности сопровождать тебя — надо забрать дочку из садика. Я-то рассчитывал посадить гостя в такси и отправить в гостиницу.

— Я не в обиде, коллега, — стараясь не показывать свою радость, отреагировал на это признание Красовский.

Он был заинтересован в том, чтобы его встречи с друзьями Александрова проходили с глазу на глаз и присутствие рядом

постороннего человека ему бы только мешало. Тем более человека, которому он наврал про истинную причину своего приезда сюда. Поэтому теперь, когда ситуация разрешалась для него самым благополучным образом, он мысленно благодарил судьбу за такое развитие событий.

— Тогда сделаем так, — после короткой паузы возобновил разговор Кустарев. — Поскольку на дворе уже вечер, я отправлю тебя по двум адресам, которые не только находятся недалеко отсюда, но и поблизости друг от друга. Более того, рядом с ними расположена и гостиница «Усть-Каменогорск» — надо только переехать на другую сторону реки Ульба.

— А кто обитает по этим адресам?

— В первом случае это Николай Жданов, который играл с Александровым в детско-юношеской команде, а во втором — его школьная любовь Наталья Еремеева.

— А они точно дома? — спросил Красовский.

— Пару часов назад я звонил обоим и интересовался их реакцией на твой возможный приход. Оба ответили положительно. Так что можешь ничего не опасаться. Навестишь их, и сразу езжай в гостиницу. А завтра в нашем распоряжении будет целый день и мы сможем обойти остальных: тренера Юрия Тархина, маму Александра, его приятеля Алана Супреева.

— Этот Николай Жданов до сих пор играет в хоккей? — поинтересовался Красовский, когда они спускались вниз по лестнице к выходу из здания.

— Нет, ему пришлось оставить спорт.

— Почему?

Вместо ответа Кустарев постучал указательным пальцем по горлу и этот жест объяснял ситуацию без всяких лишних слов.

Красовский этот ответ запомнил и снова поблагодарил судьбу — с поклонником Бахуса был шанс установить более доверительный контакт. Но для этого надо было предпринять определенные шаги. С них журналист и начал, едва его компаньон поймал ему такси и они тронулись в путь.

— А что, уважаемый, есть ли у вас здесь какой-нибудь продуктовый магазинчик по пути нашего следования? — поинтересовался у таксиста Красовский.

— Что вам нужно купить? — вопросом на вопрос ответил водитель.

— Бутылочку «Московской», например.

— А «Экстра» вас устроит? — сказав это, таксист сунул руку под свое сиденье и извлек бутылку, озвученной им водки.

— Сколько возьмете сверху?

— Рубль — привычная такса для вечернего времени, — улыбнулся таксист. — Впрочем, двенадцать копеек можете оставить себе.

Не говоря больше ни слова, Красовский отсчитал пять рублей и передал их водителю.

— Новый анекдот про Брежнева слышали? — пряча деньги в карман, спросил водитель и, не дожидаясь ответа, начал рассказывать: — Отдыхает Брежнев на правительственной даче. Лежит себе на пляже с закрытыми глазами, загорает. Вдруг, чувствует, кто-то ему яйца лижет. Брежнев блаженно улыбается и лениво так тянет: «Ну что вы, товарищи... Это уже лишнее!» Открывает глаза — а там собака.

Красовский так громко засмеялся, что водитель, довольный произведенным эффектом, крикнул от удовольствия. А журналист, отсмеявшись, отметил про себя, что этот анекдот, судя по всему, свежий и появился на свет в ответ на те массовые дифирамбы, которые обрушились на страну два месяца назад, когда Брежневу исполнилось 70 лет.

Спустя пять минут они уже въезжали в нужный им двор, поскольку Николай Жданов жил в десяти минутах езды от редакции «Рудного Алтая» — на берегу реки Ульбы, рядом с Дворцом спорта, в обычной блочной девятиэтажке. Расплатившись с таксистом за маршрут — передав ему еще один рубль, — Красовский отпустил его, поскольку Кустарев объяснил ему, что до следующего контакта можно добраться пешком — Наталья Еремеева обитала в соседнем дворе.

Когда Красовский увидел своего первого визави, он вспомнил характерный жест Кустарева. Николай Жданов представлял из себя молодого мужчину, но уже с изрядно помятым лицом, которое действительно выдавало в нем любителя Бахуса. Еще одним немаловажным моментом для гостя было то, что помимо Николая в доме в этот момент больше никого не было.

Они прошли в единственную комнату, которая довольно неприятно выглядела: обшарпанные обои, старенькая мебель, купленная еще родителями Николая в сталинские годы. Поставив диктофон на журнальный столик с облупленной полировкой, Красовский присел на диван, а хозяин занял место в продавленном кресле.

— Вы первый журналист, которому я даю интервью, — сообщил Жданов.

— Как говорится, лиха беда начало, — улыбнулся в ответ Красовский и нажал на кнопку записи. — Представьтесь, пожалуйста, и расскажите, как вы познакомились с Борисом Александровым.

Уставившись на диктофон, хозяин квартиры начал монотонно рассказывать о своих детских годах и знакомстве с героем данного интервью. Красовский слушал этот рассказ и мысленно скучал, понимая, что из этого комплиментарного потока информации выжать «бомбу» ему не удастся. Надо было направить разговор в другое русло — в сторону негативных воспоминаний, но действовать надо было осторожно, чтобы не спугнуть ненароком рассказчика.

— Можно я задам вам один вопрос, — поймав хозяина квартиры на паузе, подал голос Красовский. — Вам не бывает иногда обидно за то, что у Александра судьба в хоккее сложилась хорошо, а лично у вас не очень?

— А чего завидовать, если Борьке на роду было написано стать выдающимся хоккеистом, — без тени недовольства ответил Жданов. — Они с Равилем Гатаулиным были лучшими из нас и просто должны были пойти дальше.

— Но вы-то из хоккея вообще ушли.

— Я мужик не амбициозный, а вот Борька наоборот — прет к славе, как танк. Такие всегда своего добиваются.

— Но вы видите, как ему его амбиции сегодня аукнулись — «Советский спорт» его сильно приложил. Как думаете, поделом?

— Вам, журналистам, лишь бы написать — работа у вас такая.

— Считаете, что наговор это?

— Может, и не наговор — Борька он, конечно, мужик с говнецом.

— В каком смысле? — стараясь не выдать своей откровенной заинтересованности в этой теме, спросил Красовский.

— В прямом — может человека обидеть, а прощения попросить забудет. Но он парень отходчивый — долго зла не держит. Вот журналист «Советского спорта» только одну сторону Борьки описал, а про вторую ни слова. А это неправильно. Я так понял из разговора с Кустаревым, что вы к нам приехали, чтобы эту вторую сторону освятить. Правильно?

— В общем да, — соврал Красовский.

— Как-то неуверенно вы это сказали, — насторожился Жданов.

— Просто, если написать один сплошной панегирик, то читатель этому не поверит. Времена сегодня иные и на голом пафосе народ уже не проймешь. Вот вы так красочно рассказали про детство Александрова, про то, как он тогда хоккеем самозабвенно любил. А какие-то конфликты у него возникали с товарищами или с тренерами?

— А зачем вам его конфликты?

— Я же говорю, что писать надо на контрастах — белое чередовать с черным. Чтобы читатель нам поверил.

— Я про конфликты говорить ничего не буду, — мотнул головой рассказчик.

Сказано это было таким тоном, что Красовский понял — разговорить собеседника на негатив будет очень сложно. Но сделать это было нужно, тем более что негатив этот за душой у рассказчика явно был — журналист это понял по тому, как он отреагировал на вопрос о конфликтах. Значит, надо было действовать решительно, тем более времени на долгую раскачку у гостя не было.

— Как-то официально мы с вами разговариваем, Николай, — стараясь говорить как можно мягче, произнес Красовский. — Может, перейдем на кухню и отметим ваше первое интервью?

— А у вас есть чем отметить? — не скрывая своей заинтересованности, спросил рассказчик.

Вместо ответа Красовский полез в свой дипломат и извлек из него бутылку «Экстры».

— Вот только закуски я не прихватил, — посетовал журналист.

— Это по моей части, — ответил Жданов и первым поднялся с кресла, приглашая гостя на кухню.

Спустя десять минут они уже сидели за кухонным столом, который хозяин квартиры сервировал пусть скромно, но со вкусом: нарезал в тарелки «Докторскую» колбасу, хлеб, достал два плавленых

сырка «Дружба» и выставил, уже почти опустошенную до половины, банку болгарских малосольных огурцов. Опрокинув в себя по стопке, собеседники продолжили разговор, сразу перейдя на «ты».

— Александров в ЦСКА часто удаляется на скамейку штрафников. А в юности он был таким же? — включая диктофон, спросил Красовский.

— Не поверишь, но самым злостным нарушителем в нашей команде был тогда не он, а я, — дожевывая огурец, ответил Жданов. — Меня однажды на десять минут посадили за грубость. А в другом матче и вовсе выгнали с поля — я судья матом послал. Так что Борис супротив меня тогда был мальчиком-одуванчиком.

Видя, что его собеседник все еще не настроен вспоминать негатив из жизни Александрова, журналист налил ему в стопку новую порцию водки. При этом себе он плеснул жидкости буквально на доньшко. Они снова выпили и Красовский задал новый вопрос:

— А с тренером у вашего мальчика-одуванчика конфликты случались?

— Юрий Павлович мужик правильный, поэтому с ним конфликтовать ни у кого язык не поднимался. Его все ребята уважали.

— Что-то больно розовым получается у тебя Александров — настоящий херувим, — теряя терпение, выпалил Красовский. — Он что, даже не дрался ни с кем?

— Почему не дрался? Он же до хоккея в боксерскую секцию ходил, поэтому приложить мог любого.

— Так расскажи! — попросил Красовский, хотя его собственная челюсть до сих пор помнила кулак Александрова.

— И расскажу, — опрокидывая в себя очередную стопку водки, ответил Жданов. — Мы в кино как-то с ним пошли, а там местная шпана на нас налетела: дескать, давай мелочь. И все пацаны рослые, старше нас. Так Борька одному как засветит в лобешник, что тот ножками так, брык — и завалился. Другому хрясь — и тот в нокауте. Остальные сами разбежались.

— Значит, он драться-то любил?

— Почему сразу любил? Ситуация так сложилась, вот и пришлось кулаками помахать. А просто так он их почти не распускал.

— Почти? Значит, были какие-то случаи? — и Красовский снова подлил в опустевшую стопку собеседника новую порцию водки.

— Слушай, ну на фиг тебе про эти драки слушать? Давай я тебе расскажу, как мы голубей гоняли, как за девчонками ухаживали.

К этому моменту почти вся бутылка была уже осушена, а нужной информацией Красовский так и не обзавелся. Поэтому он решил идти напролом. Вылив остатки водки в стопку собеседника, журналист сказал:

— Послушай, Коль, может, ты боишься? Так ты не бойся — если хочешь, я твою фамилию в своей статье даже упоминать не буду. У нас же с тобой конфиденциальный, дружеский разговор. Или тебе одной бутылки мало? Ты скажи, я готов понести более серьезные траты. Червонец тебя устроит?

— Какой червонец? — блуждающий взгляд Жданова на какой-то миг остановился.

— Вот этот, — и Красовский положил на стол десятирублевую купюру. — Он твой, если ты расскажешь мне о каких-нибудь конфликтах с участием Александрова. Я имею в виду конфликты в команде, в которой вы вместе играли.

— Получается, ты купить меня хочешь? — поднимая глаза на своего собеседника, спросил Николай. — Теперь я все понял.

— Что именно?

— Понял, кто нашего Борьку до жизни такой довел. Это вы, московские, его с панталыку сбили. И ты к нам приехал, чтобы моего друга лишней раз в дерьме вымазать. Думаешь, если у Кольки Жданова жизнь не задалась и он ханку жрет, значит, можно его с потрохами купить? Ошибаешься. А ну, выметайся отсюда, гнида!

Хозяин квартиры вскочил со своего места и, схватив со стола пустую бутылку, замахнулся ею на гостя. Напуганный таким поворотом событий, Красовский отпрянул в сторону, зажимая в руке диктофон. Поскольку дверь в коридор находилась у него за спиной, он стремглав бросился в дверной проем и уже спустя минуту, в наскоро накинута пальто и с дипломатом в руке, выбежал из подъезда на заснеженную улицу. Но он успел сделать всего лишь несколько шагов, как сзади услышал чей-то окрик. Журналист обернулся, и увидел в окне третьего этажа своего недавнего собеседника:

— Москвич, «башли» свои вонючие возьми! — крикнул бывший хоккеист и выбросил из раскрытого настежь окна червонец, забытый гостем на столе.

Бумажка быстро преодолела расстояние до земли и опустилась в сугроб. Там ее Красовский и подобрал.

Пока он шел по февральскому морозцу до дома Натальи Еремеевой, бывшей школьной подружки Александра, весь хмель, который у него был, успел выветриться. И нервная дрожь, которая была его после бегства из квартиры Жданова, тоже прошла. Поэтому, поднимаясь теперь на нужный этаж, Красовский держался уверенно и даже успел набросать в голове план того, как он будет беседовать с женщиной. Но все его расчеты оказались напрасными.

На его звонок дверь открыла сама хозяйка. Но говорила она с ним через узкую щелочку, поскольку предпочла не снимать с двери цепочку.

— Я Егор Красовский, журналист из Москвы, — представился гость. — По поводу моего визита вам звонил сегодня Илья Кустарев.

— Он звонил сегодня днем, — ответила женщина. — А пять минут назад мне позвонил Коля Жданов и посоветовал гнать вас взащей. Вы приехали пакостить Борису, поэтому я не хочу с вами иметь дело. Езжайте в свою Москву, а нас оставьте в покое.

— Постойте, вас ввели в заблуждение, — попытался вразумить женщину Красовский. — Жданов вас обманул, он же пьяница.

— Пусть он пьяница, но не подлец, — голос женщины звучал твердо, гулом отдаваясь на лестничной площадке. — А вот вы человек недостойный, чтобы с вами общаться. А будете меня беспокоить, я мужа позову.

И женщина так резко захлопнула дверь перед носом Красовского, что тот невольно отпрянул назад. Его миссия провалилась. Во всяком случае, сегодня.

18 февраля 1977 года, пятница, Москва, ГЦКЗ «Россия»

К концертному залу Логунов в сопровождении Кондрашиной, Некрасова, Игнатова и его коллеги по МУРу Андрея Яценко пришли за час до начала представления. Площадь перед входом в зал уже была наводнена поклонниками испанского певца, который в Советском Союзе был популярен с конца 60-х. И хотя его славу нельзя было сравнить со славой Рафаэля, однако каждый приезд Мичела в Москву

вызывал немалый ажиотаж со стороны его поклонниц и попасть на его концерт мог далеко не каждый. Вот и в этот раз билеты в кассах были уже давно проданы и толпа страждущих, не сумевших обзавестись вожаделенным пропуском, сновала по площади, задавая подходящим к «России» людям один и тот же вопрос: «У вас нет лишнего билетика?».

Видя, что творится у касс, Кондрашина обратилась к Игнатову:

— Вы постойте у входа и внимательно отсматривайте проходящих, а я схожу в администрацию — договорюсь, чтобы нас пропустили без билетов.

— Полагаете, что нам придется искать ее внутри?

— Чем черт не шутит.

Пока Кондрашина отсутствовала, сыщики и Логунов заняли места недалеко от входных дверей в концертный зал. Хоккеисту еще раз доходчиво объяснили его задачу: как только он заметит нужную девушку, он должен указать на нее сыщикам, а сам ничего не предпринимать. Задание было не из трудных, поэтому Логунов не выказал ни малейшего недовольства. Так незаметно пролетели полчаса. А затем к ним присоединилась и Кондрашина, которая вернулась к сыщикам, держа в руках контрамарки.

Между тем в зале прозвучал первый звонок, а Вероника так и не объявилась.

— вполне вероятно, что она могла прийти раньше нас и сейчас находится в зале, — высказал предположение Логунов.

— Ты это так говоришь, потому что на концерт хочешь попасть? — поинтересовался Игнатов.

— Я бы не отказался.

— Ты же, вроде, Рафаэля любишь? — удивилась Кондрашина.

— За бесплатно я готов и Мичела послушать.

— Забудь про это, мы сюда не для этого пришли, — отреагировала старший следователь.

— А если она сегодня не придет? Тогда можно хотя бы концерт посмотреть, раз контрамарки нам выдали, — продолжал стоять на своем Логунов.

В это время в зале прозвучал второй звонок.

— Хорошо, идем внутрь, — скомандовала Кондрашина и они прошли мимо билетных контролеров.

Логунов и сопровождающие его сыщики стали ходить по фойе, надеясь отыскать среди снующих там людей, нужную девушку. Пока они этим занимались, Игнатов на время куда-то отлучился. А когда он объявился снова, то его коллеги увидели в его руках театральный бинокль.

— А ты запасливый, — улыбнулась Кондрашина, и приказала всем заходить в зал — прозвучал третий звонок.

Они заняли боковые места справа от входа, а людей, сидевших там, администратор пересадила на передние ряды. Кондрашина вручила Логунову бинокль и попросила внимательно осмотреть зрителей.

— Понимаю, что всех вам не охватить, но вдруг повезет, — сказала старший следователь.

Логунов нехотя взял бинокль, так как уже разуверился в том, что им сегодня кого-то удастся отыскать. А концерт послушать хотелось. Тем более что Мичел начал его с любимой песни — «Лебединой верности» Евгения Мартынова. Таким образом испанец отдавал дань уважения советским зрителям, нашедшим время прийти к нему на концерт — начал представления с композиции на русском языке.

Увлечшись песней, Логунов совсем забыл о том, зачем они сюда пришли. Заметив это, Кондрашина слегка толкнула его в бок:

— Биноклем поработайте.

И Логунов стал внимательно вглядываться через окуляры в лица зрителей, сидевших слева от него и чуть впереди. И в тот миг, когда песня плавно шла к своему завершению, его взгляд различил в четырех рядах впереди знакомый профиль. Не веря своим глазам, Логунов буквально вдавил бинокль себе в глазницы и стал не отрываясь разглядывать девушку, которая напомнила ему его случайную знакомую. Да, сомнений быть не могло — это была она, Вероника.

— Я нашел ее, — зашептал Логунов, склонившись к Кондрашиной. — Она сидит в четырех рядах впереди нас.

Кондрашина тут же передала эту информацию своим коллегам. После чего сказала:

— А теперь наслаждайтесь концертом — вашу знакомую мы попытаемся задержать в антракте.

Спустя примерно час первая половина концерта завершилась и зрители потянулись в фойе. Встала и Вероника, в руках у которой был роскошный букет цветов. Причем девушка была не одна, а с каким-то молодым человеком, которого Логунов видел впервые. Он тут же дал знать об этом сыщикам, которые надеялись, что девушка придет на концерт с одним из тех мужчин, что были вчера у хоккеиста.

Поскольку девушка и ее ухажер вышли в фойе через другую дверь, сыщикам пришлось прибавить шагу, чтобы не выпустить их из поля зрения. Они нагнали парочку возле буфета, причем первым подошел к девушке Игнатов.

— Извините, вас не Вероника зовут? — стараясь, чтобы его голос звучал как можно более миролюбиво, спросил муровец.

Но произошло неожиданное. Не говоря ни слова, девушка швырнула в лицо сыщику букет, а сама побежала по коридору. И прежде чем ее успели нагнать, она забежала в первую же боковую дверь, которая вела в гримерные артистов. Спустя минуту туда же забежал Игнатов, которому букет роз сильно расцарапал лицо, а следом за ним и остальные его коллеги. Кондрашина осталась с Логуновым и молодым человеком Вероники, который никак не мог взять в толк, что происходит. И только когда Кондрашина показала ему свое удостоверение, он понял, что его подруга влипла в какую-то темную историю.

Вероника бежала по коридору и слышала за спиной шум погони. Она понимала, что шансов скрыться у нее почти нет, но отчаянно цеплялась за любую возможность. В этом порыве она забежала в одну из полуоткрытых дверей какой-то гримёрки и стала удерживать дверь, схватившись обеими руками за ее ручку. В этот миг она услышала за своей спиной удивленный мужской голос, который говорил с ней по-испански:

— En que el asunto, la muchacha? (В чем дело, девушка?)

Не отпуская дверную ручку, Вероника повернула голову назад и увидела перед собой... самого Мичела. Он сидел в кресле у гримерного столика и удивленно смотрел за ее манипуляциями сквозь линзы своих очков-хамелеонов. Осознав в эту минуту, в чью гримёрку ее угораздило забежать, Вероника отпустила дверную ручку. Из-за чего, потянувший ее с противоположной стороны Игнатов, резко подался спиной назад.

— Товарищ, Мичел, за мной гонятся бандиты, — обратилась к певцу девушка, не слишком надеясь на то, что он ее поймет. Но он понял, поскольку слово «бандиты» звучало по-испански почти также, как и по-русски — «bandidos». Поэтому Мичел поднялся с кресла и, взяв девушку за руку, завел ее себе за спину. А сам решил встретить непрошенных гостей.

Когда Игнатов вошел в гримерку он увидел перед собой самого Мичела, из-за плеча которого выглядывала беглянка.

— En que el asunto respetado? (В чем дело, уважаемый?) — спросил певец у вошедшего, на лице которого виднелись свежие царапины от цветочных шипов.

Муровец интуитивно догадался о чем его спросили и извлек на свет свое служебное удостоверение:

— Я старший инспектор Московского уголовного розыска капитан Алексей Игнатов. Мы хотим задать этой девушке несколько вопросов.

— Вы из милиции? — подала голос из-за спины певца Вероника.

— Именно оттуда, — ответил Игнатов. — А вы что подумали?

— Я думала вы бандиты, которых послал ко мне Олег.

В этот миг в гримерку вошел импресарио артиста, который хорошо говорил по-русски. Выяснив в чем дело, он тут же объяснил певцу смысл происходящих событий. И Мичел, широко улыбаясь, позволил муровцу увести девушку из своей гримерки.

Когда они вышли в фойе, где их дожидались Кондрашина, Логунов и остальные участники операции, девушка первым делом бросилась к своему приятелю:

— Славка, ты не поверишь — я разговаривала с самим Мичелом!

— Что же ты не взяла у него автограф? — удивился парень.

После этого вопроса, секунду назад счастливое лицо девушки, вмиг стало печальным. До нее только сейчас дошло, что она упустила отличный шанс заполучить личный автограф ее кумира. А бежать к нему обратно было уже поздно — за плотно закрытыми дверями, ведущими в зал, послышалась очередная песня.

— Вы меня арестуете? — спросила Вероника, обращаясь к Кондрашиной.

Прежде чем ответить, следователь взяла девушку под локоть и отвела в сторону, чтобы их разговор не стал достоянием посторонних

ушей — прежде всего, приятеля девушки.

— Есть за что вас арестовать? — спросила Кондрашина.

— Это не я убила Пашку, это Олег, — призналась девушка.

— Как это случилось? — спросила Кондрашина.

— Я не видела, я спала в соседней комнате с хоккеистом, — и девушка кивнула в сторону Логунова. — А Олег с Пашкой остались допивать водку на кухне. Потом Олег разбудил меня и сказал, что убил Пашку. Я не поверила, пошла посмотреть, а там... Это все из-за водки. Мы завернули труп в одеяло и вынесли на улицу, к «Жигулям».

— И вас никто не видел?

— Никто. Хоккеист на первом этаже живет, все быстро получилось. Мы спрятали тело в багажник и поехали за город. Но Олег так гнал, что сбил какую-то девушку. У меня началась истерика и мы бросили машину. Олег сказал: «Когда труп найдут, хоккеиста вряд ли тронут — он же знаменитость».

— Где Олег живет знаете? Или хотя бы где работает?

— Он фарцой с недавнего времени промышляет, вот и вся его работа. А живет где-то в Подмосковье.

— Оно большое — нужен точный адрес.

— Не знаю я адреса — он никогда мне его не называл. А сама я не спрашивала — себе дорожке. Когда Олег встретиться хотел, звонил мне по телефону. Или моей подружке Ленке.

— Может, она что-то про него знает?

— Откуда — она не в его вкусе. Он на меня запал.

— Как думаете, он еще объявится или после убийства забудет к вам дорогу?

— Не знаю, он человек непредсказуемый.

Кондрашина задумалась, осмысливая услышанное. После чего снова обратилась к Веронике:

— Мы сейчас поедem в Прокуратуру и вы запишите все, что мне здесь рассказали, на бумаге.

— А Славик?

— Он отправится домой. Естественно, после того, как с ним проведут соответствующую беседу мои коллеги.

18 февраля 1977 года, пятница, Москва, Первая градская больница

О том, что Анжела Белова угодила под колеса автомобиля и попала в больницу Александров узнал не от следователя Кондрашиной, которая в суматохе того дня так и не нашла времени ему позвонить, а от подруги пострадавшей — Светланы Негоды. Это она во второй половине дня раздобыла телефон армейской базы в Архангельском и сообщила хоккеисту о случившемся. И Александров тут же отправился к Локтеву и, обрисовав ему ситуацию, попросил отпустить его в Москву, чтобы навестить пострадавшую девушку. Отказа не последовало.

Спустя час хоккеист подъехал к Первой градской больнице, которая, по злой иронии судьбы, располагалась всего лишь в нескольких минутах езды от салона-парикмахерской, где работала Анжела. Поскольку посетителей в эти часы к больным уже не пускали, Александрову пришлось через регистраторшу вызвать дежурного врача и, объяснив ему ситуацию и назвав свое имя, добиться разрешения подняться на этаж, где лежала Анжела. Вручив ему халат, врач проводил именитого гостя до лифта.

Девушка лежала в отдельном блоке, подключенная к специальной аппаратуре, которая обеспечивала жизнедеятельность ее организма и одновременно следила за состоянием больной. Пройти в палату хоккеисту не разрешили и позволили только понаблюдать за ней через специальное окошко. В тот момент, когда он это делал, к нему подошла пожилая женщина с заплаканными глазами.

— Вы Егор? — спросила она у Александрова, перепутав его с журналистом Егором Красовским.

По этому вопросу хоккеист догадался, что перед ним никто иная, как мама Анжелы, которая, видимо, знала о журналисте, но в глаза его никогда не видела.

— Нет, я Борис — знакомый вашей дочери, — представился хоккеист и уточнил: — А вы мама Анжелы?

— Да. Клавдия Петровна, — представилась женщина. — Но дочь мне о вас ничего не рассказывала.

— Это понятно, так как мы познакомились всего лишь несколько дней назад.

— Вы тоже журналист? — поинтересовалась женщина.

— Нет, я хоккеист, — ответил Александров и заметил искреннее удивление в глазах собеседницы.

— Странно, но она никогда не увлекалась хоккеем.

— Мы познакомились при других обстоятельствах — нас познакомил Егор. Он, кстати, не приходил?

— Нет. Вы не знаете, где он?

Александров лишь развел руками, после чего снова спросил:

— Он вам зачем-то нужен?

Прежде чем ответить, женщина сунула руку в карман медицинского халата и достала оттуда листок бумаги. После чего объяснила:

— Врач продиктовал мне лекарства, которые нужны для лечения дочери. Вот я и подумала — может, Егор их достанет. Это дефицитные, импортные лекарства.

— Можно? — Александров взял из рук женщины листок и прочитал названия лекарств — их было два.

— Я постараюсь достать по своим каналам, — сообщил он женщине.

— Тогда возьмите листок себе — у меня таких каналов нет.

После этого Александров снова повернулся к окошку, которое выходило в палату больной.

— Что говорят врачи? — после небольшой паузы спросил он у женщины, которая по-прежнему стояла у него за спиной.

— Ничего определенного. Но обещают сделать все возможное, чтобы дочка пришла в себя. Вот если бы эти лекарства достать...

Последняя фраза заставила Александра оторваться от окошка. Он подошел к столику дежурной медсестры и попросил у нее воспользоваться городским телефоном.

— Не положено, — строгим голосом отказала медсестра, но встретившись взглядом с хоккеистом, внезапно спросила: — Я вас нигде не могла видеть?

— Вы хоккеем смотрите?

— Муж смотрит, а я лишь урывками.

— Видимо, во время одного из таких урывков вы меня и видели — я Борис Александров.

— Не может быть! — глаза девушки округлились. — А автограф мужу дадите?

Не говоря ни слова, Александров взял со стола чистый листок бумаги и поставил на нем свою размашистую подпись. После чего

молча взял телефонный аппарат и поставил его перед собой на стойку. И набрал номер своего приятеля — актера Алексея Шлемова. На удачу, тот оказался дома.

— Шлем, привет. Слушай, ты как-то говорил, что у тебя тетка работает в Минздраве. Она не может достать парочку импортных лекарств. Названия я тебе могу продиктовать.

И, подождав пока его приятель взял в руки авторучку, Александров продиктовал ему оба названия.

— Записал? — уточнил он у друга.

— Записал, — последовал ответ. — Ты сейчас где?

— В больнице.

— В какой?

— В Первой градской.

— Так это же в двадцати минутах езды от моего дома.

— Знаю, и что?

— А то, что у меня сейчас компашка собралась теплая — мальчики, девочки. Помнишь, я обещал тебя с одной девушкой познакомить? Дочкой очень известного сценариста. Так вот, она здесь. И тоже не прочь тебя увидеть.

— Извини, Шлем, но мне сейчас не до этого. Через час я обещал Локтеву вернуться на базу. А ты не забудь, пожалуйста, про лекарства.

Александров положил трубку на аппарат и вернул телефон на место, не забыв поблагодарить медсестру за оказанную услугу.

19 февраля 1977 года, суббота, Усть-Каменогорск

Егор Красовский еще спал, когда в девять часов утра в его номер кто-то постучал. Протирая глаза, журналист поднялся и подошел к двери. Стучавшим оказался спортивный корреспондент газеты «Рудный Алтай» Илья Кустарев. Пройдя в номер, он даже не стал присаживаться и буквально ошарашил гостя заявлением:

— Вам лучше вернуться обратно в Москву.

— Это почему? — журналист, одевавший джинсы «Левис», привезенные ему дядей из Японии, замер в недоумении.

— Час назад мне позвонил Жданов и рассказал о вашем вчерашнем разговоре.

— И что же он вам такого сообщил?

— Если коротко: вы приехали к нам, чтобы собрать негативную информацию о Борисе Александрове.

— И вы поверили этому пьянице?

— Николая я знаю много лет, а вас вижу меньше суток.

— И отсюда вы сделали вывод, что вру я, а не он? Между тем правда такова, что он вымогал у меня деньги на водку, а я их ему не дал. Вот он и обиделся.

— Повторяю: я знаю Николая не первый год. Наговаривать на вас ему незачем. Он, хоть и пьющий, но совесть свою еще не пропил. Поэтому я еще раз настоятельно советую вам покинуть наши края.

— Никуда я не уеду! — твердо заявил Красовский.

— Ну, что же, мое дело предупредить, а вы поступайте, как знаете. Но если вам в каком-нибудь переулке начистят физиономию или, не дай бог, сломают руку, не говорите потом, что я вас не предупреждал. Здесь у нас нравы простые, рабоче-крестьянские.

— Вы мне угрожаете?

— Я вас предупреждаю. Думаете, Жданов одному мне позвонил и сообщил о ваших художествах? Так что делайте выводы.

Сказав это, Кустарев удалился.

Обескураженный этим заявлением, Красовский присел на несобранную постель и задумался. С одной стороны, предупреждение Кустарева вызвало в нем законное беспокойство за сохранность своего здоровья. Получив несколько дней назад нокаут от Александра, журналист рисковал повторить этот печальный опыт, но теперь уже от рук местных поклонников хоккеиста. Но, с другой стороны, на кону была его профессиональная репутация. Ведь это была уже вторая попытка Красовского написать статью про Александра и если он последует совету Кустарева, то она закончится с тем же результатом, что и первая — то есть, провально. А третьей попытки ему уже никто не предоставит.

«В конце концов, кто сказал, что слова Кустарева имеют под собой основания? Никто. А у страха обычно глаза велики», — подвел итог своим размышлениям Красовский, и застегнул, наконец, на себя джинсы.

Покинув гостиницу, журналист вышел на дорогу, чтобы поймать такси или попутку. Он собирался добраться до Дворца спорта,

поскольку никаких иных адресов, связанных с Александровым, в его голове не было. Но он знал, что во Дворце до сих пор тренирует детей бывший тренер Александрова Юрий Тархин, у которого он рассчитывал не только взять интервью, но и обзавестись адресами других людей, близко знакомых с именитым хоккеистом.

Ловить попутку журналисту пришлось недолго. Уже спустя минуту возле него остановился «Москвич-412», за рулем которого сидел мужчина средних лет в болоньевой куртке.

— Вам куда? — спросил он у Красовского.

— До Дворца спорта.

— Садитесь, — и мужчина услужливо открыл перед попутчиком дверцу.

Красовский сел на переднее сиденье, удивившись тому, что водитель даже не назвал ему требуемую сумму за проезд. Но эта забывчивость очень скоро нашла свое объяснение.

— Вы журналист из Москвы? — едва они отъехали от гостиницы, спросил водитель.

— Да, а откуда вы меня знаете? — удивился Красовский.

— От Кольки Жданова, — последовал ответ, после чего произошло неожиданное. Водитель сдал автомобиль к тротуару и когда тот остановился, так саданул пассажира кулаком по лицу, что у того искры посыпались из глаз. В следующую секунду водитель так же проворно, как в первом случае, открыл дверцу и буквально вытолкнул своего попутчика из салона. После чего, отъезжая, произнес в приоткрытое окно фразу, объясняющую журналисту все произошедшее:

— Это только первое предупреждение. Второе будет серьезнее.

Поднявшись с тротуара, Красовский взялся рукой за челюсть, которая в течение недели испытала на себе уже два сокрушительных удара. В этот самый миг к журналисту подошла пожилая женщина с хозяйственной сумкой в руках и спросила:

— Вам плохо, молодой человек?

— Спасибо, все нормально, — успокоил женщину Красовский, и спросил: — Не подскажите, где здесь поблизости милиция?

— За углом, — последовал ответ, сопровождаемый жестом, указывающим дорогу.

Когда журналист пришел в отделение милиции и рассказал дежурному о произошедшем с ним инциденте, тот направил его в кабинет № 8, к капитану Анатолию Сырцову. Выслушав рассказ Красовского, капитан спросил:

— Вы хотите написать заявление?

— Конечно, хочу. Тем более, что я запомнил номер этого «Москвича» — 43–78 УКГ.

— Но почему этот мужчина на вас вдруг напал? — поинтересовался милиционер.

— Откуда я знаю? Мы только отъехали от гостиницы, как вдруг он стукнул меня кулаком по лицу и выбросил из автомобиля.

— Ни за что ни про что? — продолжал удивляться страж порядка.

— Вот именно, что ни за что.

— Так не бывает, товарищ Красовский. Вы явно чего-то недоговариваете. Может, вы не сошлись в цене?

— Цену мы на тот момент еще не обговаривали.

— Может, вы что-то сказали, что не понравилось водителю?

— Что я мог такое сказать?

— Ну, не знаю, вы же приезжий — может, что-то не лестное произнесли по адресу нашего города или его жителей.

— Ничего подобного я не произносил. И город ваш мне нравится.

— А что вас, кстати, привело к нам? — спросил Сырцов, закуривая сигарету.

— Я уже говорил, что нахожусь у вас в служебной командировке.

— Но вы не сказали о ее цели?

— Вам это так важно?

— Мне важны любые детали, учитывая странность инцидента. Посудите сами. По вашим словам, вы ловите попутку, садитесь в нее, а спустя минуту водитель бьет вас по лицу и выбрасывает из машины. Должен же быть мотив у хулигана.

— А если ему, например, не понравилась моя физиономия?

— У вас достаточно симпатичное лицо, чтобы бить по нему ни с того, ни с сего кулаком.

— Я приехал к вам, чтобы собрать материал для одной статьи.

— Какой статьи?

— На спортивную тему.

— А если поподробнее.

— О вашем хоккее.

— Вообще о хоккее или о ком-то лично?

Красовский ответил не сразу. Он стал мучительно соображать, как ему ответить — честно или с утайкой. В это мгновение он уже пожалел, что затеял все это дело, но отступить было уже поздно. А капитан не сводил с него глаз, пуская струю дыма под потолок. Встретившись с ним взглядом, журналист понял, что с таким человеком лучше не хитрить — себе дороже, такой все равно докопается до истины.

— Я приехал написать статью о Борисе Александрове.

Услышав это имя, капитан перестал курить и вдавил сигарету в пепельницу.

— Судя по всему, статья критическая? — догадался Сырцов.

— Статья объективная.

— Видимо, как эта?

Милиционер полез в стопку газет, которая лежала на краю его стола и спустя пару секунд бросил перед журналистом одну из газет. Взглянув на нее, Красовский увидел, что это был номер «Советского спорта» за 9 февраля. Тот самый номер, где была опубликована статья «Удар в спину».

— Как я понял, вашему обидчику тоже хорошо знакома эта статья. Впрочем, как и всем остальным жителям нашего города, которые любят хоккей. Но у меня возникает вопрос: как ваш обидчик мог узнать о цели вашего визита, если вы утверждаете, что общались с ним меньше минуты? Или вы опять что-то не договариваете?

— Хорошо, я передумал писать заявление, — Красовский поднялся со стула.

— Это почему? — удивился капитан.

— Боюсь, что эта волокита продлится долго, а срок моей командировки заканчивается.

Сказав это, журналист направился к выходу. Но у самых дверей его догнала прощальная реплика Сырцова:

— Мой вам совет — уезжайте из нашего города. Все равно всех хулиганов, которые захотят испортить вам лицо, мы переловить не сможем.

В тот же день Егор Красовский вылетел обратно в Москву.

Вероника приехала в МУР во второй половине дня, чтобы помочь сыщикам составить фоторобот Олега — преступника, который совершил убийство своего приятеля и наезд на Анжелу Белову. И пока Вероника, уединившись в научно-технической лаборатории со специалистом, делала свое дело, Кондрашина и Игнатов находились в соседней комнате и пытались найти кончик той ниточки, которая могла бы помочь им выйти на преступника.

— Я думаю, что после всего происшедшего этот Олег ляжет на дно и долго не будет показывать носа, — размышлял Игнатов, медленно вышагивая по кабинету от окна к сейфу. — Мы же знаем только его район обитания — Подмоскovie, которое простирается почти на сорок тысяч квадратных километров и имеет население в шесть миллионов человек. Даже если у нас будет его фоторобот, отыскать по нему человека — это все равно, что найти иголку в стоге сена.

— Значит, надо придумать какой-нибудь ход, который смог бы выманить его на поверхность, — отозвалась на эти размышления Кондрашина, сидевшая в углу за столом. — Кстати, ты пробивал этого Олега через наших коллег из ОБХСС — он же, кажется, фарцой промышляет?

— В их картотеке человек с таким именем и с привязкой к Подмоскovie не значится. Может, фоторобот поможет? — произнося это, муровец сделал новый пеший заход — на этот раз от сейфа к окну.

— А ты можешь не мельтешить перед глазами — все дельные мысли распугиваешь? — обратилась Кондрашина к коллеге.

Игнатов внял ее просьбе — перестал ходить и уселся на угол стола.

— Так лучше? — спросил он.

Вместо ответа Кондрашина повернулась лицом к карте Подмоскovie, которая висела у нее за спиной.

— Как думаешь, если Логунов познакомился с ними на Киевском вокзале, это может говорить о том, что эти двое обитают именно в этом районе Подмоскovie — в сторону Переделкино, Апрелевки, Алабино?

— Могут, — согласился Игнатов.

— Значит, с этого направления и надо начинать поиски.

— Я не против, но поиски могут затянуться, учитывая, что на руках у нас будет всего лишь сомнительный фоторобот.

— Ничего иного у нас пока нет. Его точных координат не знает ни Вероника, ни ее подруга Елена, с которой Олег познакомился одновременно с ней. Но мы можем надеяться на то, что преступник все же позвонит кому-то из них с просьбой о встрече.

— Тоже не вариант, поскольку таких девушек у него может быть по всей Москве и Подмоскovieю десятки.

— А вот здесь я с тобой могу поспорить, — снова повернувшись лицом к сыщику, возразила Кондрашина. — Вероника единственная, кто присутствовала при всей этой истории. То есть, она свидетельница преступления. И Олег обязательно захочет ей позвонить, чтобы поинтересоваться, что с ней. Либо для того, чтобы ее ликвидировать.

— В последнем сомневаюсь. Он мог сделать это в тот же день, когда все и случилось.

— Видимо, не смог, поскольку этот наезд спутал все его карты. Все было бы иначе, если бы они, например, благополучно выбрались за город, где можно было бы в одной могиле похоронить сразу двоих — Павла и Веронику. Поэтому в ближайшее время с девушки нельзя спускать глаз. И хорошо бы поставить ее телефон на прослушку.

— Уже поставили, — сообщил Игнатов, снова возобновляя свое хождение — ему явно не сиделось на одном месте.

— Но я вот о чем подумал: а что если Олег позвонит не Веронике, а Елене, — возобновил разговор Игнатов.

— Думаешь, он настолько хитер?

— Хитер не хитер, но своего точного адреса он девушкам не оставил. Значит, маскироваться умеет. Вот я и думаю: позвонит Елене и поинтересуется, как там ее подруга Вероника. А ставить сразу два телефона на прослушку, это же какая волокита и распыление кадров.

— Что предлагаешь? — Кондрашина почувствовала, что у ее коллеги созрел какой-то план. И не ошиблась. Но начал Игнатов издали:

— Ты помнишь, что оба приятеля интересовались здоровьем Валентина Гуреева? Ну, того самого хоккеиста «Спартака», которого травмировал Борис Александров? Значит, к хоккею они более чем равнодушны. А тут дело идет к финишу чемпионата страны и

каждый матч ЦСКА, за который оба болеют — вернее, теперь болеет только один Олег — буквально на вес золота. Вот я и подумал, а что если он захочет приехать в Москву на один из этих матчей.

— У тебя есть подозрение, на какой именно? — насторожилась Кондрашина.

— 23 февраля будет игра ЦСКА с рижским «Динамо». Матч очень принципиальный, поскольку обе команды входят в четверку лидеров и показывают очень красивый хоккей. Я думаю, Дворец спорта будет забит под завязку. Почему бы не предположить, что и наш Олег захочет посмотреть на этот матч не по телевизору, а непосредственно воочию, с трибуны Дворца спорта?

— Ты хочешь искать его так же, как это было в «России»? Но это нереально, учитывая размеры этих двух залов. «Россия» вмещает в себя две с половиной тысячи зрителей, а Дворец спорта сколько?

— Двенадцать тысяч.

— Чувствуешь разницу?

— Чувствую, но я не собираюсь повторять историю с «Россией», поскольку при размерах Дворца спорта это попросту нереально.

— Тогда что?

Но ответить Игнатьев не успел. В этот миг из соседнего кабинета к ним вышла Вероника, по выражению лица которой можно было определить, что результат ее работы получился положительный. Следом за ней вышла и женщина-криминалист с фотороботом в руках. Протянув его Кондрашиной, криминалист произнесла:

— Девушка утверждает, что портрет имеет почти полное сходство с оригиналом. Хотя, как мы знаем, такие примеры случаются крайне редко.

С портрета на Кондрашину и Игнатова, который тоже подошел к столу, смотрел симпатичный мужчина со слегка раскосыми глазами, тонкими бровями, широким подбородком и длинными волосами до плеч.

— Просто хиппарь какой-то, — усмехнулся Игнатов.

— Да уж, явно не студент консерватории, — согласилась Кондрашина.

Поблагодарив коллегу, она поднялась из-за стола и они втроем перешли в кабинет Игнатова. Где он вернулся к своей идее, изложить которую не успел в кабинете криминалистов.

— Вероника, скажите, ваша подруга умеет хранить секреты? — обратился муровец к девушке.

— Ленка что ли? Боже упаси, она та еще болтушка! Но я ей про историю, которая со мной приключилась, ничего не говорила.

— Это мы знаем, — сообщил Игнатов. — Но вы должны ей рассказать про другое. Про то, что вы случайно познакомились с известным хоккеистом ЦСКА и сборной СССР Борисом Александровым.

— Это еще зачем? Тем более что ни с каким хоккеистом я сроду никогда не знакомилась.

— Уверен, что и он с вами тоже, — улыбнулся Игнатов и продолжил: — Это легенда, с помощью которой мы имеем шанс выйти на Олега.

— Каким образом? — спросила Вероника и тут же перевела взгляд на Кондрашину.

Но та лишь пожала плечами, демонстрируя тем самым, что и она не в курсе того, что придумал ее коллега. А тот продолжал:

— Вы позвоните своей подруге и похвалитесь тем, что вам сегодня удалось познакомиться с Александровым. Дескать, шли по улице, рядом остановилась «Волга», в которой сидел симпатичный молодой человек. Он спросил у вас некий адрес, вы стали объяснять — так и познакомились. А в день Советской Армии, 23 февраля, он пригласил вас на хоккей ЦСКА — «Динамо» (Рига).

— Почему на хоккей, если в эти несколько дней он может пригласить ее куда угодно — например, в ресторан? — прервала плавный ход мыслей коллеги Кондрашина.

— Потому что хоккеисты безвылазно живут на базе, особенно перед ответственными играми. Поэтому Александрову легче встретиться с девушкой на хоккее, — ответил Игнатьев.

— Но что это за встреча, если она будет сидеть на трибуне, а он бегать с клюшкой по льду? — продолжала задавать вопросы Кондрашина.

— По льду он бегать не будет. Дело в том, что за грубость против Гуреева его дисквалифицировали на несколько матчей. Поэтому он будет сидеть на трибуне вот с этой милой девушкой, — и Игнатов кивнул на Веронику. — Мой расчет прост. Зная о том, что Олег является хоккейным болельщиком, я предполагаю, что он вполне

может прийти на эту игру, купив билет в кассе или у спекулянтов. Но найти его среди двенадцати тысяч зрителей будет весьма проблематично. Для этого нам и нужна на этом матче Вероника.

— Но если все же он останется дома у телевизора?

— Вероятно и такое. Но я исхожу из того, что он обязательно должен позвонить Веронике или Елене. И, узнав от них легенду про Александрова, он сто процентов захочет попасть на матч, чтобы Вероника свела его с кумиром. Это же тот самый случай, который выпадает раз в жизни. К тому же эта история сможет обезопасить девушку. Если Олег планировал убрать свидетельницу до матча, то теперь он вынужден будет это отложить, чтобы познакомиться с Александровым.

— А ты стратег, — улыбнулась Кондрашина. — В таком случае, что ты думаешь по поводу того, как поведет себя преступник: поедет на игру вместе с Вероникой или отдельно?

— Увы, но на этом мои стратегические таланты исчерпываются, — развел руками муровец. — Произойти может всякое, поскольку не исключена возможность того, что Олег уже имеет на руках билет на игру, купленный им заранее. Но нас, конечно, устроил бы первый вариант, при котором мы бы взяли его тепленьким, не ставя на уши стольких людей.

— Однако, по закону подлости, в реальной действительности обычно выпадает вариант самый неудобный, — мрачно резюмировала Кондрашина.

*20 февраля 1977 года, воскресенье, Москва, Черемушки, квартира
Вероники*

Этот воскресный день Вероника вынуждена была провести дома, поскольку об этом ее попросили члены следственной бригады, которые опасались, что в противном случае они могут пропустить звонок от Олега. При этом девушку вежливо предупредили, что не в ее интересах выдавать преступнику планы сыщиков. «Имейте в виду, что вы единственный свидетель, который выгоден Олегу в качестве трупа, — объяснил ситуацию Игнатов. — Поэтому, чем быстрее мы

его задержим, тем спокойнее вам будет ходить по улицам». Возразить против этого девушке было нечего.

Поэтому в этот выходной ей пришлось отказать даже своему кавалеру Славику, настойчиво пытавшемуся вытащить ее на вечеринку к своим друзьям — в элитную высотку на Котельнической набережной. В итоге первую половину дня девушка провалялась в постели, с упоением читая, только что вышедшую в свет и купленную на Кузнецком мосту у спекулянтов за двенадцать рублей книгу «Современный французский детектив», в котором была повесть Себастьяна Жапризо «Дама в очках и с ружьем в автомобиле». Это чтение так ее увлекло, что она даже проигнорировала призывы матери, настойчиво звавшей ее к обеденному столу. В конце концов, матери пришлось принести дочери бутерброды, которые она стала жадно поглощать, не отрывая глаз от детектива. Ведь его сюжет был так похож на ее собственную историю, приключившуюся всего лишь несколько дней назад. В романе тоже была девушка 26 лет, которая «чувствует себя старой, бесповоротно старой, вышедшей в тираж, скучной полуслепой и глупой», а также труп мужчины в багажнике автомобиля. Как и героиня книги, Вероника тоже могла сказать «я совсем одна, это правда, но ведь я всегда была одинока, и пусть даже весь мир ополчится против меня, он меня не одолеет». Такой девушкой не возможно было не восхищаться, и трудно было заставить себя ей не подражать.

Дочитав последние строчки детектива, Вероника захлопнула книгу и, желая продлить свои впечатления от соприкосновения с жизнью по-французски, поставила на проигрыватель пластинку болгарской фирмы «Балкантон», где была ее любимая песня «Прости мне мой маленький каприз» в исполнении Мирей Матье. Прижав книгу к груди, девушка закружилась по комнате под красивую мелодию восхитительного шлягера. И так увлеклась этим делом, что не сразу услышала, как в коридоре начал надрываться телефон. Вероника пришла в себя только после того, как из ванной комнаты высунулась голова ее матери и раздался крик:

— Да возьмет кто-нибудь телефон или нет?

Девушка выскочила в коридор и схватила трубку в тот самый миг, когда на другом конце провода уже собирались прекратить бесполезные попытки дозвониться. И едва она приложила трубку к

уху, как услышала в ней голос, который больше всего боялась услышать — голос Олега:

— Здорово, красавка. Ты там заснула что ли?

— Привет, Олег. Нет, я музыку слушала, — честно призналась девушка.

— Часом не похоронный марш? Шучу — тебе еще жить да жить, если милиция не остановит. Кстати, мильтоны на тебя не выходили?

— Нет, а на тебя?

— Дура, если я тебе звоню, это что-то да значит?

— Да, действительно, дура, — украдкой оглядываясь на дверь ванной комнаты, где закрылась мать, ответила Вероника.

— Я тут сегодня Ленке звонил, так она гонит мне туфту, что ты, якобы, с самим Борисом Александровым познакомилась.

— Вот ведь, гадина какая — обещала, что никому не расскажет, а сама трепетя, — беззлобно выругалась девушка, изо всех сил стараясь не выдать, охватившего ее волнения.

— Так это не туфта что ли?

— А ты что, ревнуешь?

— Ревность — пережиток прошлого. Просто интересно, где это ты смогла хоккеиста подцепить — они, вроде, в метро не катаются?

— А он не в метро, а на «Волге» своей катался. Увидел меня у здания ТАСС и притормозил. Я еще не настолько старая, чтобы на меня внимания не обращать.

— И о чем же вы с ним говорили — неужели о хоккее?

— Долго общаться у нас времени не было — я на работу спешила. Дело в мой обеденный перерыв было.

— Так это когда случилось?

— В пятницу. На следующий день после... — здесь девушка запнулась, предпочитая не вспоминать страшные события четвергового вечера.

— Что же ты дома сидишь, а не с ним в ресторане? — продолжал свой допрос Олег.

Судя по всему, он ни о чем пока не догадывался — ни о том, что девушка ему врет, ни о том, что их разговор подслушивают технари из МУРа, которые уже запустили машину поисков того места, с которого звонил преступник.

— Ты же должен знать, что хоккеисты сидят на базе, как пионеры в «Артеке» и никуда глаз не кажут, — к этому моменту Вероника уже справилась со своим волнением и спокойно рассказывала ту легенду, которую придумали для нее сыщики. — Но он обещал взять меня на хоккей, где у нас будет время пообщаться.

— Ты о чем, красава?

— О том, что в среду у ЦСКА будет матч в Лужниках и я туда приглашена. Вот думаю, какой подарок ему принести — праздник-то ваш, мужской. Кстати, ты тоже можешь пойти — могу сделать и тебе подарок. Он нас обоих проведет. Ты ведь, наверное, тоже не прочь познакомиться с самим Борисом Александровым?

— Читаешь мысли на расстоянии, старушка, — голосом, полным блаженства, произнес Олег. — Но я там тоже буду со своим приятелем. Мы билеты на этот матч еще две недели назад купили. Так сказать, прощальная гастроль.

— Ты собрался уезжать?

— Собрался не собрался, но тебе лучше про это не знать.

— Как скажешь, — не стала спорить Вероника. — Но если есть шанс встретиться напоследок, грех им не воспользоваться. У вас где места во Дворце спорта?

— Ты из себя поводыря строишь что ли — хочешь к нам Александрова на веревочке привести? — голос Олега напрягся. — Ты скажи, где вы сами сидеть будете.

— За скамейкой игроков ЦСКА, — Вероника ответила так, как ее учили сыщики.

— Вот и сидите там, а мы вас сами найдем, — и Олег первым повесил трубку.

Спустя пять минут Веронике снова позвонили. На этот раз она услышала в трубке голос старшего инспектора МУРа Игнатова.

— Вы молодец, держались достойно, — похвалил он девушку.

— Вы его задержали? — с надеждой в голосе спросила Вероника.

— К сожалению, нет — он уже успел уйти. А звонил он из будки возле Курского вокзала. Но, как говорят рыбаки: рыбка заглотнула наживку. Теперь вам предстоит реальное знакомство с Борисом Александровым. Будьте готовы: завтра утром мы отправимся с вами на базу ЦСКА.

— Но я же работаю. Сами понимаете — начало недели, в магазине не протолкнуться от покупателей.

— Не волнуйтесь, эту проблему мы решим — будет кому вместо вас обслужить население нашего славного города-героя.

21 февраля 1977 года, понедельник, Рига, ЦК КП Латвии

К зданию латвийского ЦК Тихонова привезла служебная «Волга». Когда тренер выбрался из салона, водитель спросил:

— Так я сгоняю пока в магазин, Виктор Васильевич?

— Сгоняй, Леша, я все равно освобожусь не раньше, чем через час.

Тихонова вызвал к себе заведующий сектором спорта Леонид Котлов, но о конкретных причинах вызова тренер догадывался смутно. Он предполагал, что речь может пойти о подготовке команды к решающим матчам союзного первенства, поэтому кое-какие доводы на этот счет в уме подготовил. Но то, что он услышал в кабинете заведующего, поистине повергло его в шок. Ни о чем подобном он даже и подумать не мог.

Едва он уселся на стул напротив чиновника, как тот спросил:

— Виктор Васильевич, вы в курсе того, что ЦСКА проиграл турнир Дружественных армий?

— Да, я знаю об этом. В решающей игре армейцам так и не удалось взломать защитные ряды чехословацкой «Дуклы». Что вполне объяснимо: чехословаки умеют грамотно выстраивать эшелонированную оборону. С наскока ее взять трудно.

— Но вы, наверное, не знаете, что на этом матче был наш Генеральный секретарь Леонид Ильич Брежнев? И во время игры ему несколько раз было плохо — у него разболелось сердце.

— Откуда мне об этом знать, Леонид Сергеевич? — искренне удивился Тихонов. — Надеюсь, с Леонидом Ильичем все нормально?

— Да, ему уже лучше, вчера в программе «Время» показывали сюжет, где он проводит важные для нашей страны переговоры.

По выражению лица Тихонова было видно, что он встретил эту новость с удовлетворением. Хотя подумал про другое: «К чему он

завел этот разговор?» Ответ на этот вопрос он получил уже спустя минуту.

— Через два дня ваша команда встречается с ЦСКА, — продолжил свою речь Котлов. — И на этом матче, как нам стало известно, снова будет присутствовать Леонид Ильич. Игра эта обещает быть не менее принципиальной, чем та, что была с «Дуклой», вот я и подумал — не скажется ли это отрицательно на здоровье нашего Генерального секретаря?

— Что вы хотите этим сказать? — пока еще не слишком понимая, куда клонит собеседник, спросил Тихонов.

— Только одно: при определенном развитии игры сердце Леонида Ильича может не выдержать эмоциональной нагрузки. И если с ним, не дай бог, случится что-то ужасное, вина за это будет лежать и на нас с вами, Виктор Васильевич.

— А что вы имеете в виду под словом «ужасное»? — попытался уточнить Тихонов.

— Он может либо умереть, либо заработать тяжелейший инсульт.

— И что вы предлагаете?

— Надо попытаться этого не допустить. Сделать так, чтобы эмоциональный фон в этом матче не осложнил, а улучшил самочувствие нашего генсека.

— Вы предлагаете мне проиграть ЦСКА? — прямо спросил тренер.

— Зачем сразу проиграть? Почему такие крайности? Очки на финише нам самим нужны, поэтому речь идет хотя бы о ничейном результате.

— Как вы себе это представляете, Леонид Сергеевич? Мы играем с ЦСКА, а не с саратовским «Кристаллом», который занимает последнее место в турнирной таблице. Сыграть вничью с ЦСКА можно только в том случае, если сами армейцы согласятся на это. Они согласны?

— Если мы с вами сейчас договоримся, то и проблему с армейцами можно будет решить. Конечно, не нашими усилиями, а стараниями других людей.

— То есть, вы предлагаете мне участвовать в договорном матче? Вам что, позвонили из Москвы и предложили этот вариант? Или инициатива исходит лично от вас?

— Какое это имеет значение, если речь идет о здоровье Генерального секретаря нашей партии, лидере нашего государства? Я же вам говорю, что тот случай, который произошел с ним на матче с «Дуклой» со всей серьезностью поставил вопрос о том, что отрицательные эмоции Брежневу категорически противопоказаны. На работе его от этого изолируют врачи, которые следят за ним круглосуточно. Ему установлен укороченный рабочий день. Его ограждают от негативной информации. Его даже уговорили бросить курить, хотя он был заядлым курильщик с многолетним стажем. Но заставить его не посещать хоккейные матчи никто не может. Это его единственная отдушина, как и охота. Но если на последней он расслабляется, то на хоккее все чаще огорчается, поскольку его любимый ЦСКА показывает не самую стабильную игру.

Слушая эту речь, Тихонов пытался понять — шутят с ним, или говорят серьезно. Подобных ситуаций в его многолетней спортивной жизни еще никогда не было, поэтому он был крайне обескуражен происходящим и не знал, как себя вести. Как сделать так, чтобы и генсека в могилу не свести, и свою честь не запятнать участием в договорном матче.

— Значит, в Москве кто-то решил, что Брежнева можно спасти, устроив перед ним договорную игру? — произнес Тихонов, едва его собеседник замолчал. — Но что будет, если Леонид Ильич вдруг догадается о том, что перед ним две команды ломали дурочку? От этого его insult не хватит?

— Если все сделать так, чтобы комар носа не подточил, то никто ни о чем не догадается, — стоял на своем Котлов.

— А если кто-то из участников этой игры проболтается? Ведь в эту аферу будут вовлечены десятки человек — минимум сорок, если считать игроков обеих команд. Вы об этом подумали? К тому же, кто вам сказал, что уговорив меня, вы уговорите игроков моей команды? Балдериса, Воробьева, Бескашнова и других — они ни за что не пойдут на такой подлог. Или вы хотите воздействовать на них с помощью административных мер? В таком случае это нанесет серьезный удар по нашей идеологии. Ведь мы со всех трибун провозглашаем, что спорт у нас — это честное противостояние. А что получается на деле?

— Есть такие случаи, когда и в армии можно нарушить устав, — продолжал возражать Котлов, правда, делал он это уже как-то вяло, без энтузиазма. И Тихонов поймал себя на мысли, что его собеседнику и самому эта инициатива, рожденная, видимо, в головах каких-то московских начальников, не по нутру. Но он, как чиновник, как законопослушный член партии, вынужден эту инициативу поддержать.

— Я предлагаю подойти к этому вопросу еще и с другой стороны, — уловив настроение своего собеседника, Тихонов решил перехватить инициативу. — Мы живем с вами в Латвии, где очень сильны националистические настроения. Если латыши вдруг узнают, что их любимая команда участвовала в договорном матче, да еще в паре с ЦСКА, это сыграет на руку националистам. А это уже пахнет проблемами политического толка. И если, не дай бог, на этой почве возникнут волнения, то те, кто затеял эту историю в Москве, сумеют уйти от ответственности, а в роли стрелочников назначат нас с вами. Двух русских людей, которые втянули латышскую команду в авантюру. Вам этого хочется?

По тому, как побледнело лицо у Котлова, тренер понял, что его последний спич произвел на него нужное впечатление. Стало вдруг понятно, что когда хозяин кабинета соглашался участвовать в этой афере, ему даже в голову не могло придти, что она может носить политический характер. И только слова тренера открыли ему на это глаза. Но сказать об этом в открытую Котлов не мог, поскольку получалось, что он остался в дураках. Поэтому от гостя сейчас требовалось разрулить эту ситуацию так, чтобы никто не почувствовал себя проигравшим.

— Короче, Леонид Сергеевич, давайте поступим так. Вы скажите тем, кто ждет от вас ответа, что Тихонов отказался участвовать в этой аванюре, поскольку не уверен, что его команда его поддержит. Но главное, что сами вы тоже боитесь, как бы эта афера не нанесла еще больший ущерб здоровью Леонида Ильича, поскольку нет уверенности в том, что кто-то из его ближнего окружения не узнает об этом и не донесет ему тотчас о происшедшем. И еще советую добавить несколько слов про чистоту помыслов в нашем советском спорте. Эти помыслы на самом деле в нем присутствуют, даже несмотря на то, что кто-то думает иначе. А сейчас позвольте мне уйти, поскольку до игры с ЦСКА осталось всего два дня — мне нужно команду подготовить.

21 февраля 1977 года, понедельник, Архангельское, база ЦСКА

Кондрашина, Игнатов и Вероника приехали на армейскую базу после предварительного звонка, который сделал сам прокурор Москвы Михаил Мальков. Разговаривал он с тренером ЦСКА Константином Локтевым, с которым был знаком и даже однажды подарил ему свою книгу «Закон — для всех и каждого». Прокурор попросил тренера с пониманием отнестись к просьбе визитеров, а в конце разговора добавил:

— И главное, Константин Борисович, чтобы цель их визита осталась неразглашенной.

Локтев так и сделал — помимо себя и Бориса Александрова больше никого из команды на эту встречу не пригласил. На пользу конфиденциальности этой беседы сыграло и то, что в этот момент команда находилась на тренировке, а отсутствие Александрова на ней было естественным — у него продолжалась дисквалификация.

Локтев принял делегацию в своем кабинете и когда все расселись по своим местам, сообщил:

— Михаил Григорьевич мне все объяснил, так что мы можем начать нашу беседу без предисловий.

— Тем лучше, — не скрывая своего удовлетворения, отреагировала Кондрашина. — Сразу хочу предупредить, что никакая опасность Александрову не грозит, поскольку наши сотрудники этого не допустят. Но нам важно его присутствие вот с этой девушкой, поскольку злоумышленник проявит себя только в том случае, если увидит рядом с ней Александрова.

— Короче, я буду нечто вроде подсадной утки, — не без иронии резюмировал Александров.

— Как и я, — внесла свое дополнение Вероника.

— Значит, нас будет две подсадные утки, — продолжал иронизировать хоккеист.

— Нам бы хотелось, Борис, чтобы вы отнеслись к этому делу серьезно, без иронии, — обратилась к Александрову Кондрашина. — Вы должны вести себя естественно, чтобы преступник не догадался, что вы участвуете в какой-то игре. В противном случае наша акция может закончиться провалом.

— Я, конечно, привык в основном играть на льду, но если надо могу сыграть и за его пределами, — ответил хоккеист.

— Не обращайтесь внимания, Борис у нас парень серьезный, но иногда любит поиронизировать, — вступился за своего игрока Локтев. — А что этот преступник — очень опасный?

— Он убил своего друга, — подал голос Игнатов. — А потом сбил на автомобиле девушку, которая до сих пор находится в коме.

— Вы догадываетесь, Борис, кто эта девушка? — спросила у хоккеиста Кондрашина.

Судя по тому, как изменилось лицо Александрова, все поняли, что называть имя девушки дело лишнее.

— Борис имеет какое-то отношение к происходящему? — не скрывая удивления, спросил Локтев.

— Только косвенное, — поспешила ответить Кондрашина. — Он знаком с девушкой, которую, по злой иронии, сбил тот самый человек, которого мы хотим задержать. Это называется, как тесен мир. Но мы сообщили об этом Борису только для того, чтобы он по-настоящему проникся важностью предстоящей операции.

— Спасибо, я проникся, — ответил Александров.

С его лица исчезло ироничное выражение, которое был на нем до этого. Кондрашина это отметила, хотя еще несколько часов назад они с Игнатовым спорили по поводу того, стоит ли говорить хоккеисту полную правду о том, кто сбил его знакомую. Ведь это могло спровоцировать Александрова на какие-либо неадекватные действия по отношению к преступнику. Но победила точка зрения Кондрашиной, которая предположила, что, узнав правду, хоккеист более ответственно подойдет к своему поручению.

— Итак, когда вас ждать в следующий раз? — спросил у гостей Локтев.

— В среду, за три часа до матча мы приедем во Дворец спорта, — ответила Кондрашина.

— Мы будем чуть позже, но Борис может выехать раньше, поскольку в игре он участвовать не будет, — и тренер первым поднялся со своего места, показывая тем самым, что аудиенция закончена.

Когда гости шли к машине, Кондрашина придержала Игнатова за локоть, чтобы Вероника прошла чуть вперед и не смогла услышать их

разговор.

— Как дела с ОБХСС — ты показывал им фоторобот Олега?

— Никакой реакции — они его не опознали. Судя по всему, такой человек в московском обэхе не числится. Что вполне объяснимо: вам же Вероника сама сказала, что фарцой Олег занимается недавно, поэтому «на карандаш» мог еще не попасть.

— А что если...

— ...пробить его через обэхэс подмосковный? — продолжил мысль коллеги муровец. — Уже делаю — послал туда человечка. Правда, шансы и там нулевые. Но меня еще другое гложет: уже четыре дня как труп приятеля Олега мерзнет в морге, а по его душу так никто и не объявился.

— Значит, некому, — предположила Кондрашина.

— Вот поэтому я и думаю, что у нас остается только одна надежда — на Веронику и Александрова. Как говорится, плохой охотник преследует, а хороший — ждет.

*22 февраля 1977 года, вторник, Огарева, 6, МВД СССР, кабинет
Николая Щелокова*

Начальник московской милиции Вадим Самохвалов и начальник МУРа Олег Еркин приехали в здание союзного МВД к двенадцати часам дня. Это время им назначил сам министр внутренних дел Николай Щелоков, который перед этим принимал какую-то важную делегацию из Монголии. Когда Самохвалов и Еркин вошли в кабинет министра, тот сидел за своим длинным столом и подписывал какие-то бумаги. Рядом с ним стоял его адъютант, показывавший шефу на каких именно страницах ему надо ставить свою подпись. Когда с этим было покончено, адъютант сложил все листы в красную папку с золотым тиснением «МВД СССР» и покинул кабинет. И только после этого Щелоков поднялся со своего места и, подойдя к вошедшим, поздоровался с каждым за руку. Затем взглянул на свои наручные часы и сказал:

— У вас есть двадцать минут, чтобы ввести меня в курс дела. Потом я уезжаю в Шереметьево встречать правительственную делегацию из Румынии. Уложитесь?

— Постараемся, — ответил Самохвалов.

Все расселись по своим местам — Щелоков в свое кресло во главе стола, а гости напротив. Докладывать начал Самохвалов:

— На днях в Москве было совершено двойное преступление: на автомобиле «Жигули» была сбита молодая женщина, которая в тяжелом состоянии до сих пор находится в больнице, и убит неизвестный мужчина, труп которого перевозился в багажнике этих самых «Жигулей». Автомобиль принадлежит известному хоккеисту — игроку московского «Спартака» Александру Логунову, который познакомился с преступником и его приятелем возле Киевского вокзала, сам пригласил их к себе домой. В ходе распития спиртных напитков, Логунов заснул, а между его гостями произошла ссора, которая закончилась убийством. Чтобы скрыть следы преступления, преступник погрузил труп своего приятеля в багажник и собирался вывезти его за пределы столицы. Но во время следования по городу совершил наезд на женщину.

В ходе оперативно-розыскных мероприятий нами было установлено, что преступником, совершившим оба этих преступления, является житель Подмосковья по имени Олег. К сожалению, большей информацией о его личности и месте проживания мы на данный момент не располагаем. Но мы знаем другое. Что завтра, 23 февраля, этот человек будет присутствовать на хоккейном матче между ЦСКА и рижским «Динамо», который состоится во Дворце спорта в Лужниках. Поэтому мы просим разрешения направить туда усиленную группу наших сотрудников с целью задержания преступника.

— Каким образом вы планируете его вычислить, Вадим Григорьевич? — спросил Щелоков.

— У нас есть девушка, которая знает его в лицо, она же помогла нам составить его фоторобот, который мы раздадим всем нашим сотрудникам.

— И сколько человек вы собираетесь отрядить на эту операцию?

— Олег Александрович отобрал двадцать человек из разных отделов.

— Почему так мало? — удивился Щелоков.

— К сожалению, это оптимальное количество, поскольку все остальные сотрудники заняты в своих подразделениях по конкретным преступлениям, — ответил за своего начальника глава МУРа.

— Но как эти двадцать человек смогут перекрыть огромный Дворец спорта, который вмещает, если мне не изменяет память, двенадцать тысяч человек? Может, попытаться взять его на подступать ко Дворцу?

— Рискованно — можем спугнуть, — ответил Еркин. — В вечернее время, да еще при плохом освещении опознать его будет крайне сложно. Другое дело — в помещении. Мы рассчитываем на то, что преступника удастся вычислить, благодаря девушке, о которой уже упоминал Вадим Григорьевич. Наши сотрудники разработали план, по которому она, якобы, познакомилась с хоккеистом ЦСКА Борисом Александровым, с которым будет сидеть на трибуне во время матча. Преступник, который уже знает об этом, попытается к ним подойти. Именно в этот момент наши сотрудники его и арестуют.

— Хотите взять на живца? — продолжал удивляться министр. — А если преступник вооружен огнестрельным оружием и начнет стрелять в переполненном Дворце спорта?

— По нашим сведениям, у него нет огнестрельного оружия, — ответил Еркин.

— На чем базируются эти сведения?

— На показаниях все той же девушки.

— А если она ошибается? Вы понимаете цену такой ошибки?

— Если бы не понимали, то не стали бы планировать операцию в столь людном месте, — снова вступил в разговор Самохвалов. — Преступник — обычный фарцовщик, откуда у него огнестрельное оружие?

— А другой способ задержать его придумать нельзя? — продолжал сомневаться министр.

— К сожалению, нет — времени мало, — ответил Самохвалов. — В последнем телефонном разговоре с девушкой преступник проговорился, что в ближайшее время собирается покинуть наш регион. Видимо, планирует лечь на дно.

После этой фразы в кабинете наступила тишина. Министр стоял перед сложным выбором и поэтому колебался. А время, отведенное им для аудиенции, поджимало. Наконец, еще раз взглянув на свои наручные часы, Щелоков спросил:

— Люди, которых вы, Олег Александрович, отобрали в группу задержания не подведут?

— Не должны, товарищ министр — все спортсмены, люди проверенные, — ответил Еркин.

— Эта ситуация, товарищ министр, лишний раз показывает нам, что в структуре столичной милиции должен быть свой отряд специального назначения, — Самохвалов напомнил министру о проблеме, с которой он неоднократно к нему обращался. — Ведь у КГБ такой отряд есть — группа «А».

— Я помню о нашем разговоре, Вадим Григорьевич, — ответил Щелоков. — Обещаю, что к следующему году будет у нас такое подразделение, как у КГБ. Олимпиада на носу, поэтому есть повод ускорить этот процесс. Кстати, укомплектуем его из тех ребят, которых вы отобрали для завтрашней операции.

Последняя фраза ясно давала понять, что министр, наконец, определился в своем решении.

23 февраля 1977 года, среда, Москва, площадь Дзержинского, КГБ СССР, кабинет Юрия Андропова

Шеф КГБ стоял у окна и смотрел на поток машин, курсирующих по площади Дзержинского. От этого процесса его внезапно отвлек голос секретарши, которая связалась с ним по громкой связи и сообщила, что аудиенции с ним добивается начальник 9-го управления, занимающегося вопросами охраны высших руководителей, генерал-лейтенант Юрий Сторожев. Андропов удивился этому визиту — главного охранника он к себе не вызывал. Но попросил секретаршу пропустить нежданного визитера. И, когда тот вошел в кабинет, встретил его у порога вопросом:

— Чем обязан, Юрий Васильевич?

И услышал в ответ вопрос, который его откровенно огорошил:

— Вы сегодня на хоккей идете, Юрий Владимирович?

— Иду, а в чем дело?

Андропов, действительно, собирался сегодня поехать в Лужники, причем не один, а в компании с Брежневым — они должны были смотреть матч ЦСКА — «Динамо» (Рига).

— Дело в том, что во время этого матча наши коллеги из МВД собираются провести во Дворце спорта спецоперацию по задержанию

преступника.

— Что вы мелете? — не скрывая раздражения, спросил Андропов.

— Как говорят в таких случаях верующие: вот вам истинный крест. Эту информацию мы получили от наших источников в МВД. Щелоков лично дал санкцию на проведение этой операции.

— Что за операция такая, вы можете объяснить?

— Всех подробностей мы не знаем, обладая информацией только в общих чертах. Согласно нее, МУР разыскивает некоего преступника, совершившего в столице убийство. Его собираются поймать на живца во время сегодняшнего матча.

— То есть, вы хотите сказать, что на мероприятии, где будет присутствовать Генеральный секретарь ЦК КПСС, возможно появление убийцы?

— Именно так, Юрий Владимирович.

— А Щелоков об этом знает? О том, что на матче будет Леонид Ильич?

— Это мне неизвестно. Вполне вероятно, что нет.

Услышав такой ответ, Андропов на секунду задумался. После чего быстрым шагом направился к своему рабочему месту, где стояли несколько телефонов. И спустя минуту уже соединился по прямой линии с самим Щелоковым. Тот как раз возвращался из аэропорта Шереметьево, куда провожал румынскую делегацию, поэтому звонок застал его в служебном автомобиле, оборудованном спецсвязью.

— Добрый день, Николай Анисимович, — поздоровался Андропов. — Времени у меня не так много, поэтому буду краток. К нам поступила информация, что ваши люди готовят спецоперацию по задержанию особо опасного преступника, который собирается сегодня посетить хоккейный матч во Дворце спорта в Лужниках. А вы знаете, что на этом матче будет присутствовать Леонид Ильич?

На другом конце провода ответили не сразу — видимо, сообщение Андропова застало Щелокова врасплох. Наконец министр произнес:

— Я в первый раз об этом слышу, Юрий Владимирович.

— Так вот я официально вам об этом заявляю. Отсюда вопрос — сколько человек задействовано в вашей операции и что это за люди?

— Мы отобрали двадцать сотрудников из различных отделов МУРа. Люди проверенные, все спортсмены.

— Какими бы спортсменами они не были, но у них нет того опыта, каким обладают бойцы нашего спецподразделения «А».

Это заявление задело министра, а таких обид он обычно не прощал, тем более главе конкурирующего ведомства.

— Насколько мне известно, ваши бойцы тоже пока не участвовали в такого рода операциях, выступая лишь как сопровождающие лица.

Щелоков имел в виду совсем свежую историю, датированную декабрем 1976 года, когда бойцы группы «А» участвовали в операции по обмену советского диссидента Владимира Буковского на лидера чилийских коммунистов Луиса Корвалана.

— Мои бойцы тренируются каждый день на полигоне, отрабатывая способы нейтрализации преступников в самых различных обстоятельствах, — не повышая тона продолжал вещать на другом конце провода Андропов. — Поэтому будет уместно подключить их к операции по поимке этого особо опасного преступника.

— Особо опасного — это громко сказано, — поправил собеседника министр.

— Но он же совершил убийство!

— На бытовой почве.

— Тогда какого черта вы подняли на ноги всю милицию и собрались арестовывать его при таком скоплении народа? Другого места не нашли?

— Это место нашли не мы, а сам преступник, купивший билет на матч заранее. Наши люди об этом узнали и вынуждены были оперативно решать эту проблему, поскольку у нас есть информация, что после 23 февраля мерзавец собирается лечь на дно. А мы не можем позволить убийце разгуливать на свободе. Вы бы на нашем месте как поступили?

— Давайте каждый оставаться на своем месте, — после короткой паузы ответил Андропов. — В любом случае, появление преступника на мероприятии, на котором будет присутствовать Генеральный секретарь, является событием экстраординарным. И мы обязаны минимизировать любые риски.

— А нельзя поговорить с Леонидом Ильичем и отговорить его идти на матч? — высказал идею Щелоков.

— Сделать это вы предлагаете мне или сами хотите взять на себя такую миссию? — спросил Андропов.

На другом конце провода возникла пауза, которая ясно указывала на то, что министр понял, какую глупость он сморозил. Уговорить Брежнева не идти на горячо любимый им хоккей было никому не под силу — ни его близким, ни соратникам по работе.

— Короче, времени на долгие разговоры у нас нет — до начала матча осталось всего лишь несколько часов. Поэтому через час я пришло к вам людей, с которыми вы должны согласовать детали предстоящей операции. Изображение этого преступника у вас есть?

— Фоторобот.

— И на том спасибо. Поскольку я тоже буду присутствовать на этом матче, то замыкаю все руководство операции на себя. Полагаю, у вас возражений не будет?

Не услышав в трубке никакого ответа, Андропов резюмировал:

— Молчание — знак согласия. Всего хорошего.

Положив трубку на аппарат, Андропов нажал на кнопку селекторной связи, которая соединяла его с секретаршей:

— Ирина Андреевна, срочно вызовите ко мне Виталия Дмитриевича Бубенина и Алексея Дмитриевича Бесчастнова.

Отдав распоряжение, согласно которому в его кабинете должны были вскоре появиться руководители группы «А» и 7-го управления, занимающегося наружным наблюдением, Андропов снова обратил свой взор на Юрия Сторожева, который все это время молча наблюдал за всем происходящим.

— Юрий Васильевич, вы все слышали, поэтому буду краток. Ситуация серьезная, в какой-то степени внештатная, поскольку потребует оперативной координации сразу пяти подразделений: трех наших и двух милицейских. Вы со своей стороны усильте количество ваших сотрудников, основной упор сделав на правительственную ложу и прилегающую к ней территорию. Бойцы Бубенина, Бесчастнова и сотрудники МУРа, вкуче с милицией, возьмут под наблюдение весь периметр Дворца спорта. Все понятно? В таком случае, не смею вас больше задерживать — времени у нас в обрез.

*23 февраля 1977 года, среда, Москва, Дворец спорта в Лужниках,
матч ЦСКА — «Динамо» (Рига)*

Директора Дворца спорта Анны Синилкиной в этот день не должно было быть на работе. По причине нездоровья, связанного с сахарным диабетом, она уже второй день находилась дома. Но внезапный телефонный звонок от помощника Андропова, который звонил по личной просьбе своего шефа, буквально сорвал Синилкину с места. Услышав, что в ее «епархии» сегодня намечается проведение некой спецоперации КГБ и милиции, женщина вызвала служебную машину и отправилась на работу. Возглавляя Дворец спорта вот уже почти двадцать лет, Синилкина пользовалась полным доверием со стороны властей и всегда стремилась к тому, чтобы ее объект никогда не имел нареканий по части обеспечения комфорта и безопасности для высокопоставленных лиц. По ее личному распоряжению несколько лет назад правительственная ложа была отремонтирована и переоборудована, а прилегающие к ней комнаты отдыха расширены. Будучи женщиной деловой и жесткой, Синилкина вымуштровала весь персонал Дворца спорта и замкнула работу всех его подразделений лично на себя. И хотя помимо директорской должности она занимала еще одну — возглавляла Федерацию фигурного катания СССР, однако главным для нее все равно оставалось руководство Дворцом спорта, где она знала буквально каждый закуток.

Штаб операции по поимке преступников расположился в просторном кабинете рядом с правительственной ложей, поэтому, когда Синилкина вошла туда, она застала всех присутствующих там в интенсивной работе: кто-то звонил по телефону, кто-то чертил какие-то схемы, а кто-то вполголоса обсуждал детали предстоящей операции. Руководил всем Юрий Сторожев, которого Синилкина прекрасно знала с 1974 года, когда он возглавил 9-е управление КГБ, отвечавшее за охрану высших должностных лиц страны. Когда женщина вошла в кабинет, Сторожев поднялся из-за стола и, подойдя к ней, поздоровался за руку и произнес:

— Анна Ильинична, извините, что оторвали вас от отдыха, но ситуация внештатная, а времени у нас в обрез. На сегодняшнем хоккейном матче будет присутствовать Леонид Ильич и, по нашим сведениям, на игре возможно появление преступника, который находится во всесоюзном розыске. Поэтому, сами понимаете, режим мы должны усилить. И в возникшей ситуации без вашей помощи нам не обойтись. Познакомьтесь, это полковник Загладин Михаил

Петрович и майор Ивон Роберт Петрович из нашего 7-го управления, а также капитан Игнатьев Антон Егорович из Московского уголовного розыска, — и Сторожев жестом указал женщине на трех мужчин, стоявших поодаль от них. — Они отвечают за действия своих сотрудников, которым предстоит обнаружить и задержать злоумышленника внутри вашего комплекса. Поэтому огромная к вам просьба, Анна Ильинична — выделите грамотного человечка, который пройдет с ними по всему Дворцу и покажет им все его коммуникации.

— Зачем же выделять им какого-то человечка, если лучше меня мое хозяйство никто не знает? — удивилась Синилкина.

— Будем очень вам благодарны, — расплываясь в улыбке, произнес Сторожев.

— Тогда не будем терять времени зря, — сказала хозяйка Дворца спорта и первой зашагала к дверям.

Всего в спецоперации было задействовано около сотни сотрудников КГБ, МУРа и милиционеры из службы по охране массовых мероприятий. Так, правительственную ложу должны были обложить кольцом двадцать сотрудников «девятки», вооруженные короткоствольными автоматами и пистолетами. Всем остальным участникам операции предстояло рассредоточиться по всему периметру Дворца спорта и, вооружившись фотороботами преступника, попытаться обнаружить его среди многотысячной толпы зрителей. Через администрацию стадиона уже было известно, что в кассах на эту игру было продано 11 тысяч 989 билетов, что означало — на матче будет полный аншлаг. И, значит, работникам спецслужб придется работать в жестком режиме, поскольку отыскать в этой толпе человека, на которого из всех ориентировок есть только фоторобот, будет крайне сложно. Правда, сохранялась большая надежда на то, что злоумышленник заглоти-таки приманку сыщиков МУРа и сам обнаружит себя, выйдя на встречу с Вероникой непосредственно внутри стадиона. Но если бы участники операции сумели обнаружить его до этого момента, то это значительно облегчило бы задачу по задержанию преступника.

Веронику привезли во Дворец спорта за три часа до начала матча. У входа ее встретил Игнатов, который провел ее в подтрибунное помещение, где предложил выпить горячего кофе, поскольку

сегодняшнего кавалера девушки — Бориса Александрова — на месте еще не было. И Веронике не оставалось ничего иного, как согласиться.

Александров появился спустя полчаса. Он вошел в комнату в распахнутой дубленке, сжимая в руках пыжиковую шапку. Вероника, уже успев осушить две чашки кофе, сидела в кресле, курила и пускала в потолок колечки дыма. Игнатьева в помещении не было — он ушел по своим делам.

Поздоровавшись, хоккеист разделся и бросил свою верхнюю одежду на пустующее кресло в углу. И задал девушке неожиданный вопрос:

— Давно курите?

— Со школы, — коротко ответила Вероника.

— Неужели нравится?

— Да нет, просто привыкла. Да и нервы хорошо успокаивает. Вам, кстати, тоже не мешало бы закурить — работа у нас сегодня будет нервная.

— Я привык справляться со своими нервами другими способами.

— Ах, да, я же забыла — вы же у нас спортсмен. Вам нельзя ни пить, ни курить, ни... Короче, вся жизнь подчинена уставу.

— Что-то вроде этого, — согласился с девушкой хоккеист.

— Как же вы тогда с той бедной девушкой познакомились, которая сейчас в больнице лежит?

— Случайно, в аэропорту.

— У вас с ней серьезно?

— Мы еще не успели с этим определиться.

После этого в разговоре возникла небольшая пауза, которую прервала Вероника:

— Я хочу вам признаться, Борис, что я сидела в той самой машине, которая сбила вашу девушку.

— Но за рулем ведь был другой человек.

— Другой, но я до сих пор помню ее взгляд за секунду до наезда. Кстати, как ее звали?

— Не звали, а зовут — Анжела.

— Да, извините, я оговорила.

— А вас как угораздило очутиться в той машине рядом с преступником?

— Дура была. Мне бы давно надо было с ним порвать, да все духу не хватало. Вот и дособиралась.

— Что он из себя представляет?

— А вам это зачем?

— Хочу понять, как с ним себя вести, если он сегодня к нам подойдет.

— А просто надо себя вести — как знаменитости со своим поклонником. Он хоккеем обожает, а особенно вас. У него даже в записную книжку ваша фотография вложена — вырезал ее из какой-то газеты. Говорит, что вы будущее нашего хоккея. Это правда?

— Преувеличивает.

— А я думаю, что нет. Вы молодой, с характером. К тому же не пьете, не курите и матом не ругаетесь, — и девушка от души рассмеялась.

Глядя на нее, не смог сдержать улыбки и сам Александров.

В этот миг в помещение вошел Игнатов.

— Вы, я вижу, уже веселитесь, — отметил муровец. — Правильно делаете — ваше общение должно выглядеть естественно и непринужденно. Тогда жертва нашей охоты ни о чем не догадается. Пойдемте, я покажу вам ваши места в зале и объясню, как надо будет себя вести.

И они втроем покинули комнату.

Хоккеисты рижского «Динамо» подъехали к Дворцу спорта за два часа до игры. Они стали выходить из автобуса и заметили, что у входа кучкуется небольшая стайка подростков, которых хоккеисты хорошо знали — это были их поклонники. Около десятка московских мальчишек, которые избрали себе в качестве любимой команды не какой-то из местных клубов, а команду из далекой Риги. Клуб, который чем-то напоминал собой команду западного типа, у которой даже форма была более модной, чем у всех остальных — с контурами рижских башен и фамилиями игроков на спине. А самым любимым хоккеистом для этих ребят являлся Хельмут Балдерис — звезда рижского «Динамо», первый, и единственный, его игрок, которому удалось пробиться в состав национальной сборной СССР. Именно к нему в первую очередь подростки и бросились, чтобы он поставил им свой автограф на программках сегодняшнего матча.

Последним из автобуса вышел Виктор Тихонов, который подошел к мальчишкам, поздоровался с ними и спросил:

— Ну что, ребятки, поболаете сегодня за нас?

— Еще как, Виктор Васильевич, — ответил самый бойкий из ребят — кучерявый подросток, которого звали Игорем. — А вы опять в четыре звена играть будете или что-то новое придумаете?

— Новое это хорошо забытое старое, — ответил Тихонов, хлопнул парню по плечу и вошел в двери, ведущие во Дворец спорта.

Когда он пришел в раздевалку, хоккеисты уже начали потихоньку переодеваться, перекидываясь друг с другом репликами. К Тихонову подошел его помощник Эвальд Грабовский:

— Виктор Васильевич, информация подтвердилась: на матче будет присутствовать Брежнев. Но мне сказали, что к его приезду принимаются меры повышенной безопасности.

— Это в связи с чем? — удивился Тихонов.

— Бог его знает, — пожал плечами Грабовский.

Тихонов тут же вспомнил свой позавчерашний разговор в ЦК КП Латвии и подумал: «Неужели Котлов окажется прав? Если Брежневу станет по-настоящему плохо, то матч могут прервать, чего мне бы очень не хотелось. И зачем его отпускают на эти игры? Пожилой ведь человек со слабым здоровьем. Сидел бы себе дома у телевизора. Хотя, с другой стороны, если бы Леонид Ильич не любил так страстно хоккей, то он бы так мощно не развивался. Я ведь помню, как было дело при Хрущеве. Тот хоккей не жаловал, на игры никогда не ходил, поэтому, останься он на своем посту и дальше, я не уверен, что этот вид спорта был бы столь любим в наших верхах. Там в основном футбол предпочитали. Но именно Брежнев заразил своих соратников страстью к хоккею. Нет, дай бог, долгих лет жизни Леониду Ильичу. И чтобы он сегодня ушел со стадиона на своих двоих, а не на носилках».

Старший инспектор подольского УБХСС капитан Андрей Нечкин вбежал в кабинет своего коллеги старшего лейтенанта Петра Грызлова и, плотно закрыв за собой дверь, произнес всего лишь одну фразу, от которой хозяину кабинета стало не по себе:

— Ржавый, кажется, спалился.

Под этой кличкой в их кругу проходил фарцовщик Олег Ржаев, с которым оба сотрудника подольского ОБХСС вот уже три месяца

имели нелегальные дела по продаже дефицитного ширпотреба. Ржавый его доставал, а Нечкин и Грызлов помогали сбывать через свои каналы, которые успели наладить за шесть лет своего пребывания в этом подразделении. Об этой деятельности знал начальник их отдела майор Сумской, но он согласился закрывать на это глаза, естественно, за определенную «отстежку». Однако сегодня случилось ЧП. Сумской сообщил Нечкину, что в областном УБХСС побывали инспектора из столицы, из самого МУРа, которые интересовались личностью некоего фарцовщика Олега, демонстрируя при этом его фоторобот. Взглянув на него, майор узнал в нем Олега Ржаева, или Ржавого. Из беседы с одним из муровцев Сумской выяснил, что его разыскивают по «мокрому» делу — за убийство.

— И наше счастье, что этот муровец случайно вышел именно на меня, — нервно дымя сигаретой, объяснял Сумской суть да дело Нечкину. — Поскольку я сказал, что человек с фоторобота по нашей картотеке не проходит, что является сущей правдой. Но будь уверен, что еще день-два и славные ребята-муровцы обязательно сядут на хвост вашему Ржавому и тогда вам крышка.

— Только нам? — удивился Нечкин.

— Да, именно вам, поскольку меня к этому делу лучше не приплетайте, — вдавливая недокуренную сигарету в пепельницу, заявил майор. — Меня, если надо, отмажут, а вот вы загремите на полную катушку. Поэтому в ваших интересах, найти Ржавого раньше, чем это сделают муровцы.

Именно с этим сообщением Нечкин и примчался в кабинет к Грызлову, приведя его в не меньшее возбуждение, чем это сделал несколько минут назад Сумской в отношении самого капитана.

— Поэтому собирайся — едем к Ржавому, пока еще не поздно, — объявил Нечкин своему коллеге план ближайших мероприятий.

Спустя пять минут они уже уселись в «Жигули» капитана и помчались из Подольска на станцию Селикатная, где в пятиэтажной «хрущобе» проживал Олег Ржаев.

Когда они поднялись на нужный этаж и встали возле двери, за которой обитал Ржавый, они облегченно вздохнули — изнутри доносилась музыка, что означало — в доме кто-то есть.

— «Юрай Хипп» слушает, «Июльское утро», — сразу определил исполнителя и композицию Грызлов, который на ниве борьбы с

фарцовщиками собрал у себя дома богатую коллекцию импортных «пластов» — то есть, пластинок с записями зарубежных исполнителей.

— Сейчас ему будет не «июльское утро», а «февральская ночь», — ответил Нечкин и надавил пальцем на кнопку звонка.

Музыка за дверью тут же замолчала, а спустя несколько секунд раздалось привычное:

— Кто там?

Но голос явно не принадлежал Ржавому — по тембру это был подросток.

— Нам нужен Олег Ржаев, — объявил Нечкин.

Дверь открылась и гости увидели на пороге парня лет пятнадцати, который сообщил, что Олега дома нет.

— А ты кто?

— Я его племянник — Игорь. А вы кто?

— Мы друзья Олега, у нас к нему срочное дело, — продолжал вещать капитан. — Не подскажешь, где он?

— На хоккее.

— На каком еще хоккее? — почти синхронно вырвался недоуменный вопрос из уст обэхээсников.

— ЦСКА — «Динамо» (Рига). Я ему сам билеты покупал по его просьбе.

— А где играют?

— В Лужниках. В семь часов начало.

Услышав это, Нечкин взглянул на свои наручные часы — до матча оставалось чуть больше сорока минут.

— Если ты ему билеты покупал, то должен знать, какие у него места? — поинтересовался Грызлов.

— Сектор Д, ряд двадцатый, а места 92 и 93.

— Он что, не один поехал?

— С ним еще приятель из Риги.

Обэхээсники сразу догадались, о каком именно приятеле шла речь — они знали, что новую партию товара Ржавому привез латыш Янис.

Когда они вышли на улицу, Грызлов спросил коллегу:

— Что будем делать — этот приятель явно не вписывается в наши планы.

— А что ты предлагаешь — бросить дело на полдороги?

— Может, подождем до завтра?

— Мы-то подождать можем, а вот станут ли ждать муровцы? — напомнил старлею о серьезности ситуации Нечкин. — Нет уж, не будем откладывать дело на потом. А что касается латыша, то по месту определимся, что с ним делать. Хотя я бы его не трогал — про нас он ничего не знает.

И они помчались во Дворец спорта в Лужниках.

Диктор Валентин Валентинов, подъезжая к Дворцу спорта, внезапно обнаружил, что забыл дома свое служебное удостоверение. Беззвучно выругавшись про себя, он не стал заострять на этом внимание, поскольку подобные проколы с ним уже пару раз случались и каждый раз дело обходилось словесными укорами со стороны билетеров, которые его прекрасно знали. Все-таки Валентинов работал здесь диктором уже четыре года, приглашенный сюда Ниной Аборкиной, которую называли не иначе, как «голосом Лужников».

Подойдя к дверям служебного входа, Валентинов увидел на вахте свою хорошую знакомую — Нину Ивановну Семкину. Рядом с ним стоял мужчина, которого диктор видел впервые, поэтому поначалу не обратил на него особого внимания.

— Добрый вечер, Ниночка, — поздоровался Валентинов с женщиной. — Ради бога, прости, забыл «корочку» дома, больше такого не повторится.

Билетерша в ответ улыбнулась, но улыбка у нее вышла какая-то нерадостная, а виноватая. И в этот миг к ним шагнул тот самый незнакомый мужчина, стоявший в сторонке.

— Вы кто такой, гражданин? — спросил незнакомец у диктора.

— Я здесь работаю, моя фамилия Валентинов.

— А документ у вас есть, подтверждающий это?

— В том-то и дело, что свое служебное удостоверение я забыл дома. Но меня здесь каждый работник знает. Вот Ниночка, например.

— Да, это наш диктор, — подтвердила женщина, сказанное Валентиновым.

— Ваших слов мне недостаточно. Кто-то из начальства может их подтвердить?

— Какое начальство вы имеете в виду? — удивился Валентинов. — Не директора же Дворца спорта сюда звать?

— Достаточно будет кого-то из ее заместителей, — последовал ответ.

— Вы шутите, молодой человек. Я диктор, без меня матч не начнется.

— Я все понимаю, но пропустить вас не могу без указания кого-то из вашего руководства.

— Ерунда какая-то, — всплеснул руками Валентинов.

— Не волнуйтесь, Валентин Федорович, я сейчас схожу к Анне Ильиничне и кого-нибудь приведу, — подала голос билетерша.

— Сделайте одолжение, Ниночка.

Когда женщина ушла, Валентинов вышел на улицу, пытаясь справиться с охватившим его волнением. Подобная ситуация происходила с ним впервые и он никак не мог взять в толк, чем именно она вызвана. Что за повышенная бдительность такая, чем она вызвана? Может быть, приездом на матч Брежнева? Но Валентинов за эти четыре года присутствовал на нескольких десятках матчей, где в качестве зрителя фигурировал Генеральный секретарь, и ни разу таких мер безопасности не предпринималось. Однажды даже с диктором вышел курьез. Это было как раз во время его дебютного выступления в 1973 году. Играли армейцы Москвы и Ленинграда. Брежнев в те годы был активным курильщиком и смолил свою любимую «Новость» не переставая. А Валентинов об этом не знал. Поэтому, согласно инструкции, он в перерывах между периодами объявлял: «Товарищи, курение во Дворце спорта запрещено». И вот в тот момент, когда он в очередной раз собрался объявить об этом еще раз, к нему подошли двое незнакомых мужчин. Один из них стукнул ладонью по микрофону и заявил: «Чтобы больше про запрет курения не объявляли». «А вы кто?» — спросил диктор. «Мы от Леонида Ильича», — ответил второй мужчина, после чего они удалились. Валентинов посмотрел в сторону правительственной ложи и увидел, как Брежнев оживленно обсуждает с кем-то из коллег по Политбюро перипетии матча и при этом всю дымит сигаретой.

В тот момент, когда диктор был погружен в свои воспоминания, к вахте вернулась Ниночка, которая привела с собой мужчину. В нем Валентинов узнал заместителя Синилкиной. Показав незнакомцу свое удостоверение, вновь прибывший жестом подозвал к себе диктора и провел его внутрь Дворца спорта.

— В чем дело, Андрей Ильич? — спросил Валентинов у своего провожатого, когда они шли по коридору.

— Сами толком ничего не знаем, — пожал тот плечами. — Знаем только, что будет Брежнев, которого сегодня охраняют пуще обычного.

До начала матча оставалось чуть больше получаса, и именно в этот момент к Дворцу спорта начался массовый приток зрителей. Они шли толпами, минуя центральные ворота, где стоял первый кордон из тех, кто пытался отыскать среди идущих на хоккей людей преступника. В роли смотрящих выступали сотрудники 7-го управления КГБ или «наружники» — люди, которые обладали профессиональной наблюдательностью и великолепной зрительной памятью. Один раз взглянув на фотографию человека, они потом могли достаточно быстро отыскать его в толпе. Именно этим они в этот момент и занимались, правда, вместо фотографии в их карманах лежал фоторобот преступника, который имел совпадения с оригиналом примерно на 80 %.

Игнатов подошел к одному из входов во Дворец спорта, где нес дежурство его коллега по МУРу капитан Вадим Пыхалов. Он стоял несколько в стороне от билетеров, чтобы не бросаться в глаза входящим зрителям, и курил. Подойдя к нему, Игнатов тоже достал сигарету и, прежде чем закурить, спросил:

— Как дела, Вадим?

— Хреново, — последовал нерадостный ответ. — Видишь, сколько людей скопом валит? Причем, будь это летом, было бы легче. А сейчас все мужики ходят в шапках и в пальто с поднятыми воротниками. При таком прикиде узнать нашего клиента весьма затруднительно. Видимо, придется искать его в самом Дворце, когда все снимут верхнюю одежду. Да и то надо учитывать, что зал будет забит под завязку — людей придет почти двенадцать тысяч.

— Ты забыл вычесть из них женщин и детей, — внес поправку в размышления коллеги Игнатов.

— Баб и детей не наберется и тысячи. Согласись, но на хоккей все-таки ходят в основном мужики. Здесь на входе это особенно хорошо видно.

Глядя на людей, входящих в двери Дворца спорта, Игнатов вынужден был согласиться со своим коллегой — львиную долю

зрителей составляли представители сильного пола. И опознать в них нужного человека, да еще по фотороботу, было крайне затруднительно.

Между тем человек, который поднял на ноги сразу два таких влиятельных учреждения, в эти самые мгновения подходил к дверям Дворца спорта. Он был не один, а со своим приятелем — Янисом из Латвии, который приехал в Москву неделю назад и привез с собой очередную партию модной финской одежды, которую Олег успел уже сбывать по своим каналам. Будучи прибалтом, Янис просто не мог остаться в стороне от этого матча и подгадал свой приезд в столицу именно к этому событию. Сразу после него он собирался отбыть обратно в Ригу, причем не один, а с Олегом, который умудрился влипнуть в серьезную историю, которая не оставляла ему выбора — надо было «рвать когти» из Москвы.

Олег был одет во все новое, финское, отобранное им в той партии товара, которую привез Янис. На нем была куртка фирмы «Сеппала», шапка из «Маримекко», а на нос он водрузил модные очки в металлической оправе, которые скрывали почти половину его лица. К тому же за день до матча Олег сходил в парикмахерскую и постригся — срезал свои лохмы, сделав короткую прическу в стиле «молодежная». Поэтому его лицо, сильно отличалось от того, которое фигурировало в фотороботе. Никто из тех людей, что пристально вглядывались в посетителей Дворца спорта, не смогли узнать в нем человека, объявленного во всесоюзный розыск. И провал первого этапа операции, во время которого планировалось опознать и задержать злоумышленника перед началом матча, стал очевиден в тот самый момент, когда обе команды вышли на лед и заполненный до отказа зал встретил их появление продолжительными аплодисментами. Впрочем, даже в эти мгновения часть сотрудников МУРа и КГБ продолжала оставаться на своих местах, у входа во Дворец, поскольку никто не мог дать гарантию, что преступник вдруг не соизволит опоздать. Хотя на самом деле тот уже минут пятнадцать, как сидел на трибуне и, вооружившись театральным биноклем, внимательно наблюдал за тем, как на противоположной трибуне Вероника о чем-то оживленно разговаривала с молодым человеком. В этом собеседнике Олег без труда разглядел своего кумира — хоккеиста Бориса Александрова.

Забитый до отказа Дворец спорта с нетерпением ожидал начала матча, предвкушая интересное зрелище. В пользу последнего говорило многое. Так, эта игра была важна для обеих команд, но особенно для рижан. Армейцев они уже догнать не могли (у москвичей было 49 очков) и те уже были без пяти минут чемпионами, оторвавшись от ближайших преследователей — московских динамовцев — на шесть очков, но подопечным Тихонова важно было другое — не отпустить далеко от себя челябинский «Трактор», который вчера у себя дома обыграл «Крылья Советов» 4:3 и теперь опережал рижан на пять очков. Однако выиграв последние сегодня у ЦСКА, они сократили бы это отставание до трех очков. А это означало, что судьба бронзовых медалей была бы еще не решена.

Команды начали игру ударными пятерками. У армейцев это были: защитники Цыганков, Фетисов и тройка нападающих Михайлов, Петров и Харламов, у рижан — защитники Назаров и Бескашнов, нападающие Балдерис, Воробьев и Эдмунд Васильев (его брат Харальд играл в третьем звене). Вбрасывание выиграла армейцы, более мотивированные на то, чтобы в родных стенах забить быстрый гол. Шайба от Петрова попала к Харламову, тот вошел в зону соперника, но грамотные действия защитника рижан Бескашнова сорвали атаку армейцев, после чего шайба покинула пределы динамовской зоны.

— Играем, не спим! — крикнул своим игрокам с тренерского мостика Тихонов, призывая их не бояться покидать свою зону и идти штурмовать ворота хозяев.

Этот призыв возымел свое действие. Рижане вчетвером, оставив позади себя лишь одного игрока — защитника Назарова, ворвались в зону ЦСКА и попытались разыграть хитроумную комбинацию у ворот Третьяка. Шайба попала на клюшку Балдериса, он бросил, но вратарь армейцев ловко поймал резиновый снаряд в свою ловушку. После этого вбрасывание должно было пройти в армейской зоне.

Первые звенья ушли с площадки и на лед вышли вторые пятерки. У ЦСКА это были: Лутченко — Гусев, Викулов — Жлуктов — Анисин (он заменял Александрова), у рижан — Крикунов — Балдониекс, Абалмасов — Шостак — Серняев. На вбрасывание встали Жлуктов и Шостак. Свисток, шайба упала на лед, и первым ее коснулся рижанин, который ловко переправил ее Абалмасову. Тот, не долго думая, отдал

пас Серняеву, который, не раздумывая, с такой силой щелкнул крюком по шайбе, что она, проскользнув под ногами защитника, который закрыл обзор своему вратарю, влетела в правый от Третьяка угол ворот. Счет был открыт — 1:0. Табло показывало, что с начала игры прошло всего лишь две минуты.

Как только красный фонарь зажегся за воротами армейцев, сидевший рядом с Олегом Янис вскочил со своего места и, воздев обе руки вверх, во все горло закричал:

— Го-о-ол!!!

Этот одинокий крик, на переполненном в основном армейскими болельщиками стадионе, звонким эхом отозвался даже на противоположной трибуне. Вероника, услышав его, толкнула Александрова локтем в бок:

— Оказывается, здесь есть и рижские болельщики.

— Конечно, есть, — ответил хоккеист и указал девушке на правую сторону их трибуны, где в эти мгновения чуть ли не бесновалась группа подростков, развернувшая над своей головой плакат, на котором аршинными буквами было написано: «Вот вам фи́га от «Динамо» (Рига)».

Этот же плакат разглядел из правительственной ложи и Брежнев, который указал на него Андропову, сидевшему рядом с ним:

— Юра, смотри, что эти сорванцы на своем плакате намалевали.

— А что, остроумно, — улыбнулся Андропов. — Одна фи́га уже есть.

— Рано радуешься, всего две минуты прошло, — ответил Брежнев, и потянулся в карман за сигаретой, но тут же вспомнил, что врачи давно запретили ему курить. Тогда он жестом подозвал к себе телохранителя, сидевшего чуть поодаль, и попросил:

— Леша, закури.

Тот достал из кармана распечатанную пачку «Новости», извлек из нее сигарету и, щелкнув зажигалкой, закурил, пуская дым в лицо Брежневу. Это не осталось незамеченным на скамейке ЦСКА. К Локтеву подошел его помощник Баулин и еле слышно произнес:

— Главный волнуется.

Локтев поднял глаза и увидел, как из-под козырька правительственной ложи к потолку поднимаются струйки дыма. Надо

было как-то отреагировать на этот недвусмысленный сигнал и тренер армейцев это сделал.

— Первое звено на лед! — скомандовал он своим игрокам, хотя эта пятерка только что сменилась и должна была отдыхать.

Но игроки беспрекословно выполнили команду тренера, выйдя на лед против более слабой четвертой пятерки рижан. И эта рокировка принесла успех. Получив шайбу от защитника, Харламов ворвался в зону соперника, отвлек на себя рижского защитника Хатулева и отдал точный пас на клюшку выкатившегося к пятаку Петрова. Щелчок — и шайба влетела в ворота между щитков вратаря рижан Василенка. 1:1.

— А это вам фи́га от нас, Юра! — радостно потирая ладони, произнес Брежнев, обращаясь к Андропову.

Но тот в это мгновение думал о другом. За минуту до этого к нему подошел Сторожев и сообщил, что все попытки отыскать, разыскиваемого преступника, пока ни к чему не приводят. Поэтому в тот момент, когда армейцы организовывали атаку на ворота рижан, Андропов скользил внимательным взором по трибунам и думал о том, что где-то здесь сидит преступник, но его люди никак не могут его обнаружить. «Впрочем, может, его и нет вовсе на матче. Может, он в последнюю минуту решил остаться дома у телевизора, а мы зря теперь сбиваемся с ног в его поисках», — размышлял про себя шеф КГБ.

А игра тем временем продолжалась. Атаки в обе стороны следовали одна за другой, причем армейцы, вдохновленные забитым голом, явно поймали кураж и хотели закрепить успех. На лед снова вышла их первая пятерка. Она организовала новую атаку на ворота рижан. Шайба оказалась у Михайлова, который вместо того чтобы бросить сам, решил отдать пас открывшемуся справа Харламову. Динамовский вратарь не успел сместиться в противоположный угол и армейский нападающий точно послал ее в нижнюю сторону ворот. 2:1.

— Го-о-ол!!! — во весь голос завопила Вероника, да так громко, что Александров от неожиданности слегка отпрянул в сторону.

— Вы меня чуть глухим не сделали, — потирая оглохшее ухо, сообщил хоккеист своей соседке.

— Так ведь наши гол забили, — радостно сообщила девушка, после чего спросила: — Здесь курить нельзя?

— Запрещено, — ответил Александров, хотя из-под козырька правительственной ложи под потолок поднималась струя дыма.

Это телохранитель снова обкуривал генсека, но теперь уже на радостях — ЦСКА вырвался вперед 2:1. А тут буквально прошла всего лишь одна минута, как новая атака армейцев, организованная уже вторым звеном, привела к успеху — шайбу забросил Викулов с подачи Жлуктова. Счет стал 3:1.

— Это моя пятерка гол забила, — похвалился перед Вероникой Александров.

Одновременно со всеми зрителями вскочил со своего места после третьего гола и Олег. Попрыгав на радостях на одном месте, он снова сел в кресло и спросил у своего приятеля:

— Чего сник, Янис? Думал, твоим рижанам удастся увезти отсюда два очка? Суши весла — дырка вам будет от бублика, а не два очка.

— Это мы еще посмотрим, — буркнул в ответ Янис, комкая в руках программку матча.

До конца первого периода оставалось всего лишь несколько минут.

Нечкин и Грызлов подъехали к внешним воротам Дворца спорта в тот момент, когда заканчивался первый период. Еще в пути они договорились, как будут действовать. Грызлов останется за рулем «Жигулей», а Нечкин отправится на поиски Ржавого.

Стеклянные двери у сектора Д были закрыты, но за ними маячила фигура милиционера. Нечкин постучал по стеклу и приложил к нему фальшивое удостоверение на имя сотрудника уголовного розыска капитана милиции Василия Слонова. Страж порядка щелкнул защелкой и, открыв дверь, пропустил своего коллегу внутрь.

— Извини, зема, работа проклятая, — оправдывался Нечкин. — Начальник наш здесь, на хоккее, а нам он срочно нужен по оперативной нужде — без него никак.

— Что за начальник? — спросил милиционер.

— Майор Панкратов, начальник нашего отдела, — не моргнув глазом, врал Нечкин. — Он в вашем секторе сидит.

— Не вовремя ты, капитан, приехал, — покачал головой страж порядка. — У нас сегодня усиление — Брежнев на матче. А тут еще какого-то ухаря ищут, который в розыске. Короче, полный аврал.

Нечкину стоило большого труда, чтобы не выдать охватившего его волнения после этого заявления — он-то сразу догадался, что это

за ухарь.

— Да мне на пять минут буквально — начальника нашего вызвать и смотаться отсюда. Период-то уже заканчивается?

— Пять минут осталось, — подтвердил слова капитана милиционер. — Ну ладно, если быстро, то можно. Что я не понимаю, что ли?

И страж порядка одобрительно похлопал Нечкина по плечу.

Спустя минуту он уже был наверху, у двери, ведущей к ледовой арене. Но здесь к нему подошел рослый мужчина в сером костюме и поинтересовался:

— Гражданин, вы кто?

Вместо ответа Нечкин вновь извлек на свет фальшивое удостоверение. Мужчина взял его в руки и стал внимательно разглядывать.

— И что вы здесь забыли, капитан? — возвращая документ его владельцу, спросил мужчина.

— Начальника своего забыл — майора Панкратова. Он нам срочно нужен по оперативной нужде, вот меня к нему и послали. Он здесь, в секторе Д сидит.

Еще раз смерив капитана внимательным взором, мужчина отступил в сторону, освобождая проход.

Когда Нечкин оказался в зрительном зале, на ледовой площадке разыгрался очередной опасный момент — рижане атаковали ворота армейцев, пытаясь на последних минутах первой двадцатиминутки сократить разрыв в счете до минимума. Поэтому все внимание зрителей, а также стражей порядка, было приковано к происходящему на льду. Это было на руку Нечкину, который поднялся на несколько ступеней вверх и нашел тот самый ряд, где должен был сидеть Ржавый. Капитан стал вглядываться в лица зрителей и вскоре заметил того, кого искал. Ржавый сидел недалеко от прохода, но капитана пока не видел, поскольку в этот самый миг общался со своим соседом, Янисом. Тот держал у глаз театральные очки, а Ржавый ему что-то объяснял, показывая рукой куда-то вперед, в сторону противоположной трибуны.

Олег объяснял своему приятелю, что по окончании первого периода они пойдут знакомиться с самим Борисом Александровым.

— Та герла, что сидит рядом с ним, это моя чувиха, которую он подцепил на днях на улице, — говорил Олег, пока его приятель пялился в бинокль. — Мы сейчас подойдем к ним и ты получишь автограф самого Александрова.

— Мне его роспись нужна, как собаке пятая нога, — ответил Янис, отрываясь от бинокля. — Вот если бы раздобыть автограф Балдериса.

— К этому чуваку у меня подходов нет, — развел руками Олег.

— А с герлой у тебя как?

— А что, понравилась? Понимаю. — Вероника баба симпатичная, да и в постели расторопная. Хочешь, чтобы познакомил? Нет проблем.

В это время прозвучала сирена, возвещавшая об окончании первого периода. Зрители поднялись со своих мест и потянулись в подтрибунный коридор — размять свои косточки и чего-нибудь перекусить в буфете. Обычно там продавали бутерброды с колбасой и сыром, а в качестве приложения к ним — лимонад «Саяны» и «Байкал».

Встали и Олег с Янисом. Но когда они спускались по лестнице, к Олегу пристроился Нечкин и, осторожно тронув его за локоть, произнес:

— Ржавый, не оборачивайся и слушай меня внимательно. За тобой объявлена охота, во Дворце спорта полно легавых. Ты можешь отцепиться от своего дружка, чтобы я вывел тебя отсюда?

Услышав это сообщение, Олег сначала похолодел, а потом стал лихорадочно соображать над смыслом сказанного. Он вдруг внезапно понял, почему ему было сегодня так тревожно на душе и особенно, когда они оказались внутри Дворца спорта. Да и история с Вероникой, ее внезапное знакомство с хоккеистом, обрело после этого совсем иное объяснение.

— Ну, чего молчишь? — толкнул Нечкин Олега в бок.

— Хорошо, я попробую отцепиться от Яниса, — разжал, наконец, губы Ржавый.

Когда они вышли в подтрибунное помещение, Олег взял приятеля за локоть и отвел в сторонку.

— Янис, мне нужно в клозет, а ты ступай к Веронике. Я видел, как они выходили с арены — наверняка стоят у дверей и ждут нас. Я ее вчера об этом предупреждал.

Приятель, который уже предвкушал знакомство с симпатичной девушкой, не стал спорить и быстро зашагал в противоположную сторону. А Олег, вместе с Нечкиным, поджидавшим его в сторонке, отправились вниз, в раздевалку, где находилась верхняя одежда Олега.

В это самое время Янис отыскал взглядом Веронику и Александрова, стоявших возле выхода в подтрибунный коридор, и подошел к ним с улыбкой на устах.

— Девушка, вас случайно не Вероника зовут?

— Да, а вы кто такой — я вас не знаю, — переглянувшись с хоккеистом, ответила девушка.

— Зато я о вас уже наслышан — от Олега, — ответил Янис.

— А где он сам? — вступил в разговор Александров.

— Вот-вот должен подойти, — все так же продолжая улыбаться, ответил Янис.

В этот момент сзади к нему приблизились трое рослых мужчин, один из которых ловким движением заломил ему руку за спину и прижал грудью к стене.

— Это не он! — воскликнула Вероника, предупреждая оперативников, что они ошиблись.

Вглядевшись в лицо задержанного, те и сами поняли, что это не тот человек, которого они ищут.

— Это приятель Олега, — прояснил ситуацию Александров. — А Олег, по его словам, должен вот-вот подойти.

— Где твой приятель? — все так же удерживая Яниса с заломленной за спиной рукой, прошептал ему на ухо оперативник.

— В клозет отлучился. А в чем дело, вы кто? — не понимая, что происходит, спросил Янис.

— Дед Пихто, — ответил оперативник, не отпуская задержанного.

В это время двое его коллег бросились в ближайший туалет, чтобы задержать там Олега. А тот в эти самые минуты, накинув на себя куртку и нахлобучив на голову шапку, в сопровождении Нечкина вышел на улицу. На их счастье, в перерыве хоккейного матча та дверь, в которую они выходили, оказалась открыта — людей выпустили на улицу для перекура. Чтобы не привлекать к себе внимания, Нечкин и Олег тоже закурили, но, сделав две-три затяжки, стали медленно удаляться от Дворца спорта. Они были уже на полпути, когда услышали сзади чьи-то торопливые шаги.

— Граждане, стойте, — раздался у них за спиной грозный окрик.

Они обернулись, и увидели рядом с собой мужчину в костюме, который развернул перед ними свое служебное удостоверение и представился:

— Капитан милиции Андрей Костенко, Московский уголовный розыск. С кем имею честь?

— Коллега, мы тоже из органов, — улыбаясь во все лицо, ответил Нечкин и тоже достал свое удостоверение, только фальшивое.

— А куда вы намылились, матч ведь еще не кончился? — поинтересовался Костенко.

— Неотложные дела, зема — едем на задержание, — продолжал врать Нечкин.

В этот миг Костенко перевел взгляд на Олега, который все это время молчал.

— А ваше удостоверение можно посмотреть? — обратился к нему муровец. — И если можно, снимите, пожалуйста, на минутку очки.

— А это еще зачем? — насторожился Олег.

— Вы мне кого-то напоминаете, — ответил муровец и, видя, что его требование проигнорировано, сам потянулся рукой к очкам Олега.

В этот самый миг Нечкин со всей силы ударил муровца кулаком в живот, а когда тот согнулся от боли, ребром ладони саданул его еще раз — на этот раз по шее.

— Ноги! — в следующую секунду крикнул напарнику Нечкин, и они бросились бежать к машине, которая дожидалась их за воротами.

Второй период матча начался с яростных атак рижских динамовцев. Это Тихонов во время перерыва так накрутил своим игрокам «хвосты», что они, вдохновленные этим, бросились на штурм ворот Третьяка. Причем на льду с обеих сторон были лучшие звенья — первые пятерки. Но рижская оказалась порасторопнее. Защитник Назаров, перехватив шайбу у синей линии, не дал ей выйти за пределы зоны, после чего бросил ее в сторону армейских ворот. Шайба на средней скорости скользила по льду и вряд ли представляла опасность для такого опытного вратаря, как Третьяк. Но в этот момент другой рижанин — нападающий Хельмут Балдерис — выставил вперед клюшку и шайба, сделав рикошет, изменила направление полета и

влетела в правый от вратаря угол ворот. За воротами ЦСКА тут же зажегся красный свет. Разрыв в счете стал минимальным — 3:2 в пользу армейцев. С момента начала второго периода прошла всего лишь одна минута.

— Почему даем бросать? Вы что, играть разучились? — подавшись всем телом вперед, закричал на своих защитников Локтев.

Но смену звеньев производить не стал, оставив на льду все ту же первую пятерку, чтобы она смогла реабилитироваться. Но получилось совсем иное.

Во время отчаянной борьбы у бортика за воротами рижан, их центральный нападающий Дурдин так саданул армейца Харламова крагой по затылку, что у того едва шлем не слетел с головы. В следующую секунду армеец развернулся и попытался оттолкнуть от себя рижанина. А тот, в запале, начал наносить ему новые удары — теперь уже в грудь. Началась потасовка, сопровождаемая такими матюками, что их было слышно даже на ближайшей трибуне. Судья бросился разнимать дерущихся, предварительно остановив свистком игру.

За эту потасовку оба хоккеиста были наказаны 10-минутными штрафами. Разгоряченные этим инцидентом, они ехали на скамейку штрафников и продолжали бранить друг друга. Правда, на этот раз их реплики почти никто не слышал.

— За что Валерку удалили? — недоумевал Брежнев, возмущенный тем, что судья удалил его любимого игрока — Харламова.

— Вы же видели, Леонид Ильич за что — за драку, — ответил Андропов.

— Так он не дрался — только отмахнулся от этого бандита, — продолжал возмущаться генсек.

Но уже спустя три минуты этот эпизод был благополучно забыт, поскольку партнеры Харламова сумели забить гол. Это сделал Михайлов с подачи Петрова. Шла 25-я минута матча. А спустя три минуты армейцы забили еще один гол — отличился защитник третьего звена Волченков с подачи нападающего Волчкова. Зрители встретили эту шайбу таким радостным ревом, что эти возгласы были слышны даже в подтрибунных помещениях. Донеслись они и до Александрова

с Вероникой, которые в эти минуты находились в одном из кабинетов Дворца, где шел допрос Яниса.

— Куда подевался ваш приятель? — спрашивал задержанного Игнатов.

— Я же уже говорил — в клозет он пошел, а меня к девушке отправил: дескать, я скоро подойду, — не скрывая раздражения, отвечал Янис.

— Нет его ни в клозете, ни на ваших местах на трибуне, — сообщил Игнатов. — Куда он мог податься?

— Откуда я знаю? Может увидел, как вы меня скрутили и сбежал.

— Где он живет?

— На Силикатной. В пятиэтажке в начале поселка.

— Точный адрес знаете?

— А зачем мне точный адрес — я ему письма не писал.

В это время в кабинет вошел тот самый капитан Андрей Костенко, который упустил преступника на улице. Он вызвал Игнатова в коридор и рассказал ему о случившемся.

— Он очки надел и постригся коротко, — сообщил Костенко новые приметы Олега. — Но меня удостоверение его напарника больше смутило.

— Фамилию запомнил?

— Капитан милиции Василий Слонов, 112-е отделение милиции. Но я думаю, липовая это «корочка».

— Все равно проверить надо, — ответил Игнатов, тем самым отдавая распоряжение Костенко.

В это время к ним подошел генерал-лейтенант Сторожев.

— Ну, что у вас здесь случилось, капитан? — спросил он Игнатова.

— Задержали, но не того — это дружок преступника. А сам Олег сбежал с каким-то мужчиной, у которого на руках удостоверение сотрудника 112-го отделения милиции капитана Василия Слонова. Я послал своего человека «пробить» эту «корочку».

Не говоря ни слова, Сторожев вошел в кабинет, где в течение пяти минут допросил задержанного. Но тот сказал ему то же самое, что до этого говорил Игнатову. Выслушав его, генерал отправился докладывать об услышанном лично Андропову. Но вошел он в правительственную ложу не вовремя. В этот самый момент рижане,

проигрывая 2:5, организовали очередную атаку на ворота армейцев. На льду было вторые звенья. Шайба была у рижанина Серняева, который открыл счет голам в этом матче. Однако на этот раз он не стал бить сам, а, заметив открывшегося на пяточке Абалмасова (того, самого, что ассистировал ему во время первого гола), точно переправил шайбу ему на крюк. И тот очень умело отправил шайбу в неприкрытый Третьяком угол ворот.

Андропов радостно хлопнул в ладоши, в то время как Брежнев лишь грустно крякнул. И в этот самый момент Сторожев наклонился к уху шефа КГБ и доложил ему о результатах допроса задержанного Яниса. Это не укрылось от внимания Брежнева.

— О чем это вы там шепчетесь, Юрий? — спросил генсек.

— Ерунда, Леонид Ильич, о служебном, — последовал ответ.

Брежнев хотел было поинтересоваться подробностями, но не успел — на льду вновь закипели нешуточные страсти. Нападающий рижан из четвертого звена Денисов так разошелся, что замахнулся клюшкой на судью. Это было вопиющее нарушение, которое не могло остаться без внимания. В итоге арбитр принял решение удалить грубияна до конца матча. Тем самым было разрушено четвертое звено рижан, в которое, помимо Денисова, входили еще двое нападающих — Емельяненко и Одинцов. Но это удаление так и не помогло армейцам. Как они не старались в оставшиеся десять минут до конца второй двадцатиминутки забить еще один гол и уйти в еще больший отрыв (на три шайбы), сделать это им так и не удалось. Зато у них получилось вывести из строя вратаря рижан Быстрова. В один из моментов Владимир Петров произвел щелчок такой пушечной силы, что шайба ударила в маску рижского вратаря и тот, рухнув на лед, на какое-то время попросту отключился. А когда пришел в себя, игру продолжать уже не мог — попросил замену. И Тихонов выпустил на лед второго голкипера — Михаила Василенка. Тот сразу вошел в игру, уже через минуту отбив первую атаку армейцев. А вскоре прозвучала сирена, объявившая об окончании второго периода. Счет на табло был прежний — 5:3 в пользу ЦСКА.

— У тебя приемник в машине среднюю волну ловит? — спросил Олег у Грызлова, усаживаясь на заднее сиденье «Жигулей».

— А тебе зачем? — удивился обэхээсник, трогая с места машину.

— Хочу хоккей послушать — на самом интересном месте ушел.

— Кто выигрывал? — поинтересовался Нечкин, который уселся рядом с Олегом.

— ЦСКА — 3:1.

— Считаю, что рижане их уже не догонят — кишка тонка, — объявил Грызлов.

Однако нужную волну все-таки нашел — в трансляции с матча шла уже вторая половина второго периода. Счет был уже 5:2 в пользу армейцев.

— Я же говорил, что дело сделано, — отреагировал на это сообщение Грызлов.

Они ехали по Лужнецкой набережной в сторону Фрунзенской на средней скорости, поскольку погони за ними не было. Да и дорога была скользкой, чтобы разогнать автомобиль до максимальной скорости.

— Куда мы едем? — всматриваясь в вечернюю темень, спросил Олег.

— В одно укромное местечко, где тебя никто не найдет, — ответил Нечкин, незаметно сунув руку в карман куртки, где у него покоился нож с выкидным лезвием.

В то время рижане забили третий гол, а затем начался инцидент с Денисовым, который заставил Олега всем телом податься вперед и попросить Грызлова сделать звук приемника погромче. Именно этим моментом и решил воспользоваться Нечкин. Он резко выдернул руку из кармана и с помощью кнопки выбросил лезвие из ножа. И в следующую секунду оно вонзилось в правый бок Ржавого.

— Сука-а-а! — закричал тот от боли, а Нечкин нанес ему еще один удар в тот же бок, безжалостно разрывая новую финскую куртку.

Но Ржавый не хотел умирать. Защищаясь от третьего удара, он рубанул правой рукой по ладони Нечкина, в которой был зажат нож, а потом резко отпрянул назад и, упершись спиной в дверь, выбросил вперед правую ногу. И венгерский сапог на толстой платформе со всей силы втемяшился в подбородок нападавшего. Голова Нечкина дернулась назад и с такой силой ударилась затылком о стекло боковой дверцы, что оно треснуло.

Наблюдая за этой борьбой в переднее зеркальце, Грызлов понял, что его приятель терпит поражение. Поэтому он выхватил из

внутреннего кармана пальто пистолет «Макарова» и сделал полуоборот назад, чтобы выстрелить в Ржавого. Но тот как будто ждал этого выпада. Он перехватил руку Грызлова и попытался вырвать у того пистолет. В это время раздался выстрел, затем еще один. Пули пробили заднее стекло автомобиля, но не причинили никакого вреда Ржавому, который волчьей хваткой вцепился в руку Грызлова, а ногой продолжал молотить Нечкина, который хотел дотянуться до него ножом.

Все это время Грызлов вел автомобиль одной левой рукой, а правой продолжал сжимать пистолет. Но в какое-то мгновение он не сумел удержать руль и машину повело резко вправо — прямо на заградительную решетку Фрунзенской набережной, за которым простиралась, скованная льдом Москва-река. Грызлов стал лихорадочно выворачивать руль влево и потерял концентрацию. Этим воспользовался Ржавый. Послав очередным ударом каблука в голову в нокаут Нечкина, он повернул руку с зажатым пистолетом в его сторону. Грызлов непроизвольно нажал на курок и пуля угодила точно в лоб обэхээснику. Тот обмяк, а Грызлов окончательно утратил управление автомобилем и тот, со всей скорости пробив решетку, рухнул с набережной в реку. Удар был настолько сильный, что лед под автомобилем треснул и он за считанные секунды погрузился под воду, оставив после себя огромную полынью. Последнее, что слышали пассажиры «Жигулей», прежде чем погрузиться под воду, было объявление по радиотрансляции о том, что нападающий рижского «Динамо» Денисов удален с поля до конца матча.

В третьем периоде Локтев не стал делать никаких замен в составе своей команды, а вот Тихонов решил перетасовать первое звено. Поскольку четвертая пятерка распалась из-за удаления Денисова, он взял оттуда центрального нападающего Одинцова и перевел его в звено к Балдерису и Эдмунду Васильеву. И стал играть тремя звеньями, причем первая пятерка стала проводить на поле львиную долю времени, поскольку Тихонов понял, что его ребята попросту физически выносливее своих армейских визави. Ведь в возрастном отношении тройка Балдерис — Одинцов — Васильев тянула в общей сложности на 74 года, а тройка Михайлов — Петров — Харламов на почти 93. Разница в 20 лет просто не могла не сказаться на игре

первого звена ЦСКА в концовке этого сложнейшего по накалу поединка.

Как и в двух предыдущих периодах, третий тоже начался с яростных атак рижан. И опять им сопутствовал успех. Прошло всего лишь четыре минуты после возобновления игры, как рижанин Клиншов отдал точный пас Дурдину и тот сократил разрыв в счете до минимума — 5:4. Армейцы бросились отыгрываться, но свежий голкипер рижан Василенок, который еще в концовке второго периода сменил Быстрова, отбивал все их броски. Впрочем, атак со стороны ЦСКА становилось все меньше и меньше, поскольку к концу игры здорово «просели» все три армейских пятерки. А рижане, в отличие от них, носились по льду, как заводные, поскольку главная методика Тихоновских тренировок в том и заключалась, чтобы перебегать своего соперника. Особенно это было заметно в первом звене — ударном.

С 51-й минуты матча для ЦСКА наступил настоящий кошмар, которая сотворила с армейцами именно первая рижская пятерка. Одинцов удачно ассистировал Балдерису, который в суматохе у армейских ворот сумел протолкнуть шайбу в ворота Третьяка. Так впервые в этот матче рижане сумели догнать армейцев — 5:5. Но это было только начало армейского кошмара.

На лед у рижан вышло третье звено Кобзев — Хатулев, Харальд Васильев — Дурдин — Клиншов которому противостояло армейское звено, где в нападении играли Попов, Лобанов и Волчков, а в защите — Волченков и Палилов. На точку вбрасывания в центре поля вышли Лобанов и Дурдин. Противоборство за шайбу выиграл рижанин, от которого шайба попала Хатулеву, а от него — снова к Дурдину. Тот вошел в зону армейцев, сделал ложный замах, но сам бросать не стал, а переадресовал шайбу Васильеву. И тот с ходу бросил по воротам ЦСКА. И великий Третьяк оказался не готов к этому броску, пропустив всего лишь за одну минуту сразу две шайбы подряд. Такого с ним давно уже не случалось.

Когда за воротами ЦСКА в очередной раз зажегся красный фонарь, возвестивший о том, что рижане вышли вперед со счетом 6:5, Брежнев устало откинулся на спинку кресла, потирая ладонью грудь.

— Вам что, плохо, Леонид Ильич? — всем телом подался к генсеку его телохранитель Алексей, который сидел рядом, готовый в любую минуту по его зову начать снова обкуривать Брежнева.

— Конечно, плохо, Леша — наши две шайбы за одну минуту пропустили! — воскликнул генсек.

— Может, таблетку? — и телохранитель потянулся рукой к карману пиджака, где у него были лекарства.

Но Брежнев лишь отмахнулся от него рукой — дескать, не до этого.

Наблюдая за ним, Андропов молил бога, чтобы бригада врачей, которая с начала игры дежурила в соседней с ложей комнате отдыха, не понадобилась. А вскоре на душе у него и вовсе отлегло — на 56-й минуте защитник армейцев из первого звена Цыганков сумел сравнять счет в игре.

— А вы волновались, Леонид Ильич — ничья будет, — радостно откликнулся на эту шайбу Алексей.

И действительно, до конца игры оставалось всего лишь четыре минуты, поэтому у большинства собравшихся во Дворце спорта после этой шайбы мелькнула мысль, что игра завершится ничьей. Даже к Тихонову подошел директор команды, который всю игру сидел за пределами скамейки запасных, но теперь специально спустился вниз, чтобы поговорить с тренером.

— Виктор Васильевич, надо остановиться, — трогая Тихонова за локоть, произнес директор. — Армейцы устали, зачем позорить их на глазах Генерального?

— Я играю не для Генерального, а для своих болельщиков, — не поворачивая головы, ответил тренер.

— Но ничья на поле ЦСКА тоже хороший результат.

— Он хорош, если у нас нет шанса на победу. Но он у нас есть.

Сказав это, Тихонов повернулся к игрокам и объявил:

— Первая пятерка приготовиться. И без шайбы назад не возвращайтесь.

В это время до конца матча оставалось две минуты. Первое звено рижан вышло на лед в тот самый миг, когда вбрасывание производилось на половине армейцев. Его выиграл Одинцов, который отпасовал шайбу назад, на Бескашнова, который «зарядил» от самой синей линии. Третьяк клюшкой отбил этот бросок, но первым у шайбы оказался Балдерис, который виртуозно обыграл защитника армейцев и послал шайбу в правый, незащищенный Третьяком угол ворот. Счет стал 7:6 в пользу рижан. И это за одну минуту до конца матча!

Первое звено рижан, выполнив установку своего тренера, всем составом поехало к скамейке запасных, но их остановил приказ Тихонова:

— Остаемся на льду — играем до последнего.

После чего тренер позвал к себе Балдериса и шепнул ему на ухо:

— Хельмут, все жду от тебя хет-трика, как в матче 25-го. Сделаешь?

Балдерис ничего не ответил, только лукаво улыбнулся и поехал на свое место.

Тихонов имел в виду прошлый матч с ЦСКА от 25 января, который игрался в Риге. Тогда москвичи тоже вели со счетом 4:2, но в концовке игры рижане буквально растерзали армейцев и главным «терзателем» был именно Балдерис, который в течение 15 минут забил подряд три шайбы, добыв рижанам победу со счетом 5:4.

Между тем тренер армейцев решился на отчаянный шаг — он заменил Третьяка на шестого полевого игрока. Это был последний шанс для ЦСКА уйти от поражения. На льду играло его первое звено, которое всегда выпускалось в такие решающие моменты. Однако вбрасывание выиграл Одинцов, после чего шайба попала к Балдерису, стоявшему чуть позади. К нему тут же бросились двое армейцев, но Хельмут решил не рисковать — он не стал идти в обводку, а просто выбросил шайбу из своей зоны. Но бросил он ее не слепо, а прицельно — целясь в пустые ворота армейцев. И хотя до них было достаточно далеко, однако шайба, посланная рукой мастера, легко преодолела это расстояние и влетела в пустые ворота. Красный фонарь за воротами армейцев зажегся, когда до конца матча оставалось всего лишь несколько секунд.

— Го-о-ол! — завопила во все горло Вероника, после чего стала тормошить поникшего Александра.

— Вы же за наших болели, — напомнил девушке хоккеист.

— А теперь болею за рижан — у них такой классный парень! Как его фамилия — Балтрис?

— Балдерис, — поправил девушку Александров.

— Как же здорово он играет! — продолжала восхищаться Вероника. — А ваши совсем скисли.

— Да, нашим силенок явно не хватило.

— А что же ваша молодежь такая пассивная — катаются, как вареные.

— Это спорт, девушка, в нем всякое случается, — философски изрек Александров, поднимаясь со своего места.

— Вы куда? — спросила Вероника.

— В раздевалку, к нашим. А вас до дома доставят наши доблестные муровцы. Вон к вам уже спускается товарищ Игнатов.

Действительно, капитан МУРа шел к ним между рядов, при этом лицо его было сосредоточенным. Несмотря на то, что болел он за общество «Динамо» в любом его представительстве, однако красивая победа рижан его не вдохновила — преступника они все-таки упустили.

Еще хуже было настроение у Брежнева, который после финальной сирены еще несколько минут сидел в кресле, не в силах справиться с тем, что он увидел в последние пять минут. Это было второе поражение его любимой команды за последние восемь дней, учитывая матч с чехословацкой «Дуклой». Глядя на поникшего Брежнева, Андропов вспоминал слова Спрогиса о том, что ЦСКА ждет череда непростых игр, которые повлияют на умонастроение генсека. Кажется, этот момент наступил. Однако прерывать размышления генсека Андропов не спешил — все должно было произойти естественным путем, по желанию самого Брежнева.

— Леонид Ильич, машина уже ждет, — прервал затянувшееся молчание телохранитель генсека Алексей.

Во время матчей во Дворце спорта в Лужниках, на которых присутствовал Брежнев, его автомобиль, как и машины кортежа, уезжали обратно в Гараж особого назначения и возвращались ближе к концу игры.

Услышав это сообщение, генсек поднялся и, тяжело ступая, направился к выходу. Андропов пристроился сзади, буравя своим взглядом через стекла очков затылок Брежнева. Впереди их ожидал путь в одном направлении, но в разные места: генсек должен был уехать на свою дачу в Одинцовском районе, в Заречье, а Андропов выходил чуть раньше — возле дома № 26 на Кутузовском проспекте, хотя у него тоже была дача рядом с генсековской. Но сегодня шеф КГБ решил переночевать в городе.

24 февраля 1977 года, четверг, Москва, Старая площадь, рабочий кабинет Л. Брежнева

Андропов уже собрался было сесть за стол в комнате отдыха в здании КГБ на Лубянке и отобедать, когда ему позвонил Брежнев и коротко сообщил:

— Юрий, я жду тебя на Старой площади через полчаса.

Поскольку здания КГБ и ЦК КПСС находились в пяти минутах езды друг от друга, шеф КГБ приехал к генсеку на служебной «Волге» даже раньше, чем ему было назначено. Его путь лежал на 5-й этаж, где располагался «500-й кабинет» — рабочие апартаменты Генерального секретаря. Зайдя туда, Андропов прошел в комнату отдыха, где в это время находился Брежнев. Судя по тому, что внутри помещения все еще стоял стойкий запах табака, генсека недавно обкуривали его охранники.

Собираясь на эту встречу, Андропов догадывался о его подоплеке. Он понимал, что темой разговора будут не внутрипартийные дела или тема новой Конституции, и даже не проблема диссидентов, которую Брежнев собирался поднять на ближайшем съезде профсоюзов. Судя по всему, генсек захотел обсудить вчерашнее поражение ЦСКА в матче с рижским «Динамо» — ту самую тему, которую вчера он, по причине постигшего его шока, просто не в состоянии был обсуждать. Сегодня, видимо, этот шок уже прошел и надобность в этом разговоре замаячила перед генсеком со всей остротой. Думая об этом, Андропов снова вспомнил свой недавний разговор с полковником Спрогисом и даже мысленно назвал его сукиным сыном, но без всякой злости, а даже наоборот — с восхищением.

Брежнев встретил гостя, сидя на диване. Жестом указав ему место рядом с собой, генсек первым начал разговор:

— Юрий, ты знаешь во сколько я сегодня встал? В пять утра, и больше заснуть так и не смог. Вот как повлиял на меня вчерашний матч.

— Согласитесь, Леонид Ильич, игра была на загляденье. Побольше бы таких матчей в нашем чемпионате, — отметил Андропов.

— Это ты так говоришь потому, что твои обыграли моих. И поделом, кстати, обыграли. Их сегодня вообще почти все обыгрывают.

Неделю назад, например, это сделала «Дукла». Которую, между прочим, спустя несколько дней в пух и прах разнесли «Крылышки» со счетом 7:0.

— В спорте всякое бывает, — философски изрек Андропов.

— Это все демагогия, — отмахнулся Брежнев, — Я же чувствую, что в ЦСКА какая-то ерунда происходит. Вот я тебя и прошу: дай мне информацию о внутренних делах клуба.

— Есть же генералы из спортивного комитета Министерства обороны, которые хорошо знакомы с этой темой, — удивился Андропов.

— Эти архаровцы мне правды никогда не скажут и не напишут — боятся расстроить.

— А я, значит, не боюсь?

Эта фраза на секунду размягчила Брежнева — он даже улыбнулся. Но затем вновь посерьезнел и продолжил:

— К тебе же стекается агентурная информация о состоянии дел в клубе, вот и поделись со мной. Мне кажется, что Костя Локтев не справляется с ситуацией. Вон этот сопляк Александров как себя ведет — явно неспроста. И эти поражения непонятные на финише сезона от разных команд. Так что, Юрий, уважь своего Генерального — поделись информацией. Только не говори, что тебе нужно время для составления справки. У нас разговор конфиденциальный, дружеский, поэтому никаких лишних бумажек не нужно. Я-то тебя знаю — ты такую информацию всегда держишь в голове.

Поскольку эта ситуация была смоделирована подопечными Андропова, от него требовалось только одно — не подавать вида и подыгрывать генсеку. Что и было сделано шефом КГБ виртуозно. И спустя минуту он уже начал делиться с Брежневым той информацией, которую ему подготовил будущий начальник 11-го отдела 5-го управления полковник Спрогис.

— Ситуация в ЦСКА и в самом деле не очень благополучная: ветераны явно зазнались и тренируются спустя рукава, а молодежь вкалывает за двоих. А Локтев смотрит на это сквозь пальцы — либеральничает. Но я уверен, что в сложившейся ситуации менять Локтева это не самый лучший выход, поскольку команда ему верит и наверняка завоюет золото чемпионата.

— Ты свое мнение, Юрий, побереги для «Динамо», где ты царь и бог, а с ЦСКА я сам разберусь, — жестко отреагировал на заявление Андропова генсек. — Если Локтева оставить, то что будет с командой? С таким либеральным подходом ее и дальше будет лихорадить, а нам нужна стабильность. У нас ведь общество стабильное. Я вот приглядываюсь к Виктору Тихонову из рижского «Динамо». Вчера весь матч с него глаз не сводил: как он здорово держится и хоккеистов своих на борьбу заряжает. И выглядит прекрасно: моложавый, поджарый, в модном кожаном пиджаке. И тактика у него интересная — постоянно играют в четыре звена. Такого больше ни в одной команде нет.

Услышав это, Андропов еще раз мысленно помянул добрым словом Спрогиса, а перед собеседником продолжал разыгрывать спектакль:

— Леонид Ильич, не губите, я сам хочу взять Тихонова в московское «Динамо».

— У тебя же там Владимир Юрзинов — молодой и перспективный тренер, который только пару лет назад возглавил команду?

— У него тоже не ладятся отношения с ветеранами — не могут они найти общего языка. Если так дальше пойдет, команда вылетит из тройки лидеров.

— Нет, Юрий, если Тихонов и вернется в Москву, то только в ЦСКА. Я уже и с генералами переговорил — они, если дело к этому идет, со мной согласны. Впрочем, куда им деваться, если сам Генеральный этого захочет? — и генсек от всей души рассмеялся.

Вернувшись через полтора часа на Лубянку, Андропов вызвал к себе Спрогиса. Когда тот уселся в кресло напротив, шеф КГБ произнес:

— Выражаю вам благодарность, Эрнест Леонардович. Только что я имел беседу с Леонидом Ильичом — он собирается перевести Тихонова в ЦСКА. Правда, о сборной речи у нас не шло.

— Я думаю, это дело само собой разумеющееся, — полковник, который отличался своей невозмутимостью, и в этот раз был верен себе — ни один мускул не дрогнул на его непроницаемом лице после сообщения Андропова. — Если Тихонова назначат старшим тренером

ЦСКА, то сборная попадет в его руки автоматически. Если будет надо, мы ему в этом поможем.

24 февраля 1977 года, четверг, киностудия «Мосфильм»

Звезда советского кино Николай Апанасович Кучков шел по коридору киностудии, направляясь в кассу, чтобы получить причитающийся ему гонорар за главную роль в картине, которая была снята на «Ленфильме». Съемки закончились поздней осенью прошлого года и гонорар актера составил более шести тысяч рублей. Учитывая возраст Кучкова, ленинградские коллеги пошли ему навстречу и выслали деньги переводом на «Мосфильм». До заветной кассы оставалось не больше сотни метров, когда Кучкова кто-кто окликнул. Он обернулся, и увидел в боковом коридорчике молодого актера Алексея Шлемова, с которым два года назад снимался в фильме, где они играли таксистов: Кучков пожилого (это была главная роль), а Шлемов — молодого (роль эпизодическая). Однако встречи с этим человеком Кучков желал меньше всего, поскольку этот парень с недавних пор стал близким приятелем его зятя — хоккеиста Бориса Александрова, с которым у Кучкова сложились весьма непростые отношения. Но избежать встречи со Шлемовым было уже нельзя, поэтому пожилой актер вынужден был остановиться и пожать уже протянутую ему навстречу руку.

— А мы с вами, Николай Апанасович, видимо, опять будем вместе сниматься, — «обрадовал» Кучкова своим неожиданным сообщением Шлемов.

— Где же? — спросила звезда, которую на самом деле вовсе не радовала перспектива будущей совместной работы.

— В фильме, где вы будете играть хирурга, а я одного из ваших ассистентов. Съемки начнутся в апреле в Таджикистане. Прекрасные места! А какой там плов готовят — пальчики оближешь. Помню, пару лет назад я снимался в тех же краях в фильме про басмачей, так все свободное время в застолье и провел.

— Мне жирного есть нельзя — у меня язва, сынок, — сообщил Кучков и собрался было проследовать дальше.

Но Шлемов внезапно сказал ему такое, что заставило актера застыть на месте:

— А у вашего Бориса появилась очередная пассия.

Услышав это, Кучков повернулся к Шлемову и, смерив его уничтожающим взглядом, спросил:

— И зачем ты мне это говоришь?

— Чтобы вы знали, Николай Апанасович. Мы же с вами коллеги.

— Врешь, прохвост, ты просто боишься, что узнай я раньше твоего признания о том, что нам снова предстоит сниматься вместе, приказал бы режиссеру подыскать тебе замену. Что, сказать правду кишка тонка?

— Пусть будет так, — легко согласился с этим предположением Шлемов.

Он действительно этого боялся, поэтому и решился окликнуть Кучкова. Эта экспедиция была ему позарез нужна, ввиду того, что ему надо было срочно скрыться на время из поля зрения одной юной девицы и ее матери, которые хотели затащить его в ЗАГС. А поскольку режиссер фильма был молод и не слишком опытен (это была всего лишь вторая его картина), то перечить такой звезде, как Кучков он бы точно не смог и отцепил бы Шлемова от группы за милую душу. А так хотя бы сохранялся шанс, что Кучков его помилует.

— И что за девица появилась у Борьки? — после небольшой паузы спросил мэтр.

— Приезжая по имени Анжела. Он ее даже успел свозить к себе на родину в Усть-Каменогорск — показал матери.

— Это было в начале месяца?

— Именно тогда — сразу после той игры со «Спартакoм».

Крючков хорошо помнил тот матч, поскольку наблюдал его воочию с трибун Дворца спорта в Лужниках. После того, как его зять ударил исподтишка Валентина Гуреева, Кучков даже хотел заявиться в раздевалку армейцев и всыпать своему родственничку-грубияну по первое число, но приятели, которые были с ним в тот день на игре, чуть ли не силком увезли его домой.

— И насколько серьезны их отношения? — продолжал допытываться Кучков.

— Думаю, более чем. Но вы не волнуйтесь, Николай Апанасович, эта девица сейчас в больнице находится — лежит в коме. Я вот

лекарства обещался ей достать через свою маму.

— А что с ней случилось? — удивился Кучков.

— Под машину угодила. Так сказать, бог наказал за то, что завела шашни с женатым мужиком, — и по губам Шлемова пробежала ухмылка.

— Что же лыбишься, если с человеком несчастье приключилось? — возмутился Кучков. — И вообще, что ты за гаденыш такой — друга своего предаешь, над несчастной девушкой смеешься? Откуда вы такие только беретесь?

Увидев, как заходили желваки на лице собеседника, Шлемов инстинктивно сделал шаг назад, опасаясь, что пожилой актер его ударит. Но этого не случилось — Кучкову не захотелось марать свои руки об это ничтожество. Глядя на его удаляющуюся спину, Шлемов ясно осознал, что его затея провалилась — размягчить сердце старика таким иезуитским способом не получилось.

25 февраля 1977 года, пятница, Москва, Дворец спорта в Лужниках, матч «Спартак» — «Крылья Советов»

26 февраля рижское «Динамо» должно было играть очередной матч первенства страны в Воскресенске против местного «Химика», который буквально наступал рижанам на пятки, отставая от них всего лишь на два очка. Рижане, которые два дня назад играли матч с ЦСКА, после него остались в Москве и жили в гостинице вместе со вторым тренером Эвальдом Грабовским. А Тихонов обитал в своей старой московской квартире по адресу: Ленинградский проспект, дом 11 (они с женой жили там с 1955 года).

За день до своей игры Тихонов решил посетить интересное столичное дерби — матч «Спартак» — «Крылья Советов» в Лужниках. Эти клубы в турнирной таблице шли следом за «Химиком» и тоже представляли реальную угрозу для рижан. При этом спартаковцы отставали от подопечных Тихонова на 6, а «крылышки» — на 8 очков.

В эти же дни в столицу прилетела на несколько дней и Татьяна Тихонова, которая тоже должна была совместить приятное с полезным: она собиралась навести порядок в их московской квартире, а также посетить с близкой подругой два культурных мероприятия: концерт

Аллы Пугачевой в том же Дворце спорта (это было ее первое выступление при такой большой аудитории) и спектакль Аркадия Райкина в концертном зале «Россия».

Тихонов прилетел в столицу днем и уже спустя час был дома, где его встретила супруга со половой щеткой в руке (генеральная уборка была в самом разгаре). Усадив супруга за стол и налив ему в тарелку до краев наваристого борща со сметаной, супруга продолжила уборку, а попутно делилась впечатлениями от недавнего концерта Пугачевой:

— В первом отделении выступали Жанна Бичевская, Светлана Рязанова и мой любимый Геннадий Белов. Как же здорово он пел «Дроздов»! Голос — бесподобный! А Пугачева выступала во втором отделении в самом конце — в начале пел твой любимый Лев Лещенко с «Соловьиной рощей».

— А твоя любимица наверняка не обошлась без «Арлекино», — доедая борщ, догадался Тихонов.

— Естественно, не обошлась. Но из девяти песен, которые она исполнила, целых пять были новыми. Мне, например, понравился «Сонет Шекспира». Как же проникновенно она ее исполняла! На ней был балахон, а свет красных прожекторов создавал такое впечатление, будто по нему стекают струи воды. Алла стояла спиной к залу, а руки выбросила над головой, как будто пыталась остановить надвигающуюся на нее беду, — и супруга тренера, оставив щетку в сторону, показала мужу, как это выглядело на сцене. — Но едва песня началась, как она резко повернулась лицом к залу и стала петь, глядя нам в лицо. Очень впечатляюще получилось! У этой певицы впереди большое будущее.

— Вот и посоветуй Раймонду обратить на нее внимание, — сказал Тихонов, имея в виду их рижского соседа Раймонда Паулса.

— Я думаю, он уже и сам на нее обратил внимание, — снова беря в руки щетку, ответила супруга тренера. — Впрочем, ты прав — лишнее упоминание не помешает.

Вечером Тихонов приехал во Дворец спорта в Лужниках, где встречались «Спартак» и «Крылья Советов». Он сел в гостевой ложе, вооружившись блокнотом, в который он собирался записать все главные перипетии матча. Зал был заполнен до отказа, поскольку игра вызвала повышенный интерес у болельщиков, не только потому, что это было дерби между двумя принципиальными соперниками, но еще

по причине их сегодняшнего положения в турнирной таблице — спартаковцы были впереди лишь на два очка.

Игра началась с обоюдных атак, но первыми счет открыли «Крылышки» усилиями своего первого звена: это сделал на 5-й минуте их капитан Юрий Лебедев с подачи «центра» — Расько. А спустя всего лишь две минуты спартаковское второе звено восстановило равновесие: Баринев, получив точный пас от своего партнера Рудакова, застал врасплох вратаря «Крылышек» Сидельникова. А спустя восемь минут отличилось третье звено спартаковцев: Крылов вышел один на один с Сидельниковым и послал шайбу точно в незащищенный угол ворот. Счет стал 2:1 в пользу «Спартака». На этом завершилась первая двадцатиминутка.

В перерыве Тихонов внимательно изучал свои записи в блокноте и не заметил, как на свободное место рядом с ним сел молодой человек, который представился, как журналист Егор Красовский из газеты «Ленинский призыв»:

— Вы не будете против, Виктор Васильевич, если я задам вам несколько вопросов? — обратился журналист к Тихонову. — Ведь в кои-то веки удалось встретиться с тренером, команда которого претендует на бронзовые медали чемпионата.

— А что вас конкретно интересует, молодой человек? — спросил Тихонов, пряча блокнот в карман пиджака.

— Я сейчас работаю над статьей о грубости в нашем хоккее и мне хотелось бы услышать ваше мнение на этот счет. Например, чем вызван тот факт, что рижане начали чемпионат как самая корректная команда, а во второй его половине вдруг превратились в одну из самых грубых?

— Вы не преувеличиваете?

Прежде чем ответить, Красовский извлек на свет свой собственный блокнот, открыл его и сообщил:

— Только в шести последних играх, сыгранных вами в этом феврале, вы набрали 108 минут штрафного времени. То есть, больше пяти периодов. А самыми отъявленными штрафниками у вас являются защитник Бескашнов и нападающий Балдерис. Даже капитан команды Назаров уже набрал больше двадцати штрафных минут.

— Хочу вам напомнить, молодой человек, что нарушение нарушению рознь. Назаров никогда не грубит и все его удаления носят

технический характер. Вот возьмите, к примеру, капитана «Крылышек» Юрия Лебедева, который забил сегодня первый гол. У него штрафных минут на сегодняшний день, если мне не изменяет память, набежало уже почти сорок минут. И значительный процент у него составляют именно немотивированные удаления — от избыточных эмоций. Я, кстати, уверен, что он и сегодня заработает удаление, а сами «Крылышки» будут удаляться чаще, чем спартаковцы.

— Почему вы так решили? — удивился Красовский.

— У них больше технического брака, особенно у защитников. «Спартак» в защите делает меньше ошибок.

— Значит, ваши удаления связаны с техническими недоработками?

— Не только — эмоции тоже порой перехлестывают. Особенно это касается названных вами Бескашнова и Балдериса.

— Вы им на это указываете?

— Естественно, но у них не всегда получается выполнять мои рекомендации.

— А в целом наш хоккей куда движется в этом плане?

— Туда же, куда он двигался и раньше — мы не приветствуем грубую игру. Силовую борьбу — да, но не грубость. Установка наших тренеров — ловить противников на грубости и наказывать их за нее забитыми голами.

— Но игра в большинстве у наших команд получается не слишком хорошо. Ваша команда в шести последних играх забила в большинстве четыре раза, а ваши соперники — пять раз. Согласитесь, у вас не самые высокие показатели.

— Нормальные, если учитывать, что только одну встречу из шести мы проиграли — торпедовцам из Горького.

— Но мировая тенденция — делать все больший акцент на силовую борьбу. А мы своим игрокам, которые ее не боятся, даем по рукам.

— Это вы кого имеете в виду?

— Хотя бы Бориса Александрова.

— В его игре чаще не силовая борьба присутствует, а грубость. Он, кстати, в ЦСКА в числе лидеров среди штрафников — больше тридцати минут насобирал.

— Но голы он тоже исправно забивает — больше двадцати уже забил. А его, говорят, со сборной хотят «прокатить».

— Вы зря думаете, что его не хотят брать из-за его грубости. Наигрывается новая тройка нападения Балдерис — Жлуктов — Капустин. А поскольку играем мы в три звена, места Александрову не осталось.

— А если бы сборную тренировали вы, то в ней бы играло четыре звена?

— Я пока тренирую рижское «Динамо».

— Но можем же мы пофантазировать, Виктор Васильевич, — настаивал на своем Красовский. — В таком случае, вы бы взяли Александрова?

— В четвертое звено вполне возможно. Вместе с динамовцами — Мальцевым и Голиковым, переведя последнего на левый фланг.

— Ну что же, будем ждать, когда вас назначат наставником нашей главной команды, — поднимаясь со своего места, сказал Красовский.

К тому времени перерыв уже закончился и на свое место вернулся человек, место которого временно занимал журналист. А вскоре возобновилась и игра, которая во втором периоде была не менее интересной, чем в первом. На 29-й минуте «Крылышки» сравняли счет (это сделал Котов из второго звена), а спустя четыре минуты Бодунов из первого звена вывел «Крылышки» вперед — 3:2. А еще спустя минуту все тот же Котов увеличил разрыв в счете до 4:2.

Глядя за всем этим, Тихонов едва успевал фиксировать в своем блокноте перипетии матча. В тот момент он поймал себя на мысли, что «Крылышки» прочно удерживают инициативу и выглядят значительно лучше своих визави. Правда, так можно было сказать только об их физическом состоянии, поскольку психологически спартаковцы выглядели предпочтительнее. Чему свидетельством были их редкие удаления, в то время как «Крылышки» садились на скамейку штрафников гораздо чаще, причем в основном этим грешили защитники.

Во время следующего перерыва Красовский снова оказался рядом с Тихоновым, но только для того, чтобы поинтересоваться его мнением по поводу того, за кем в итоге останется победа в этой игре.

— Мне кажется, спартаковцы уже сдулись, — высказал свое собственное предположение журналист.

— Рано вы об этом заговорили, — не согласился с ним Тихонов. — «Крылышки» так активно бегали по площадке, что я боюсь одного — как бы у них не иссякли силы на концовку игры. Особенно у первого звена.

Как выяснилось уже очень скоро, тренер оказался прав.

Уже через три минуты после начала третьего периода спартаковец Шадрин из первого звена сделал счет 4:3. А спустя еще семь минут он же оформил дубль — 4:4. А за три минуты до финальной сирены нападающий Баринев из второго звена спартаковцев вывел свою команду вперед — 5:4. С таким счетом матч и закончился.

После завершения матча Тихонов вышел на улицу, чтобы на стоянке у выхода найти такси. Но его перехватил все тот же Красовский.

— Виктор Васильевич, если хотите, то я могу подбросить вас в любую сторону, — предложил журналист.

— Спасибо, но мне еще надо заехать за супругой, — ответил тренер.

— А где она находится?

— В концертном зале «Россия» смотрит спектакль Аркадия Райкина. Вернее, досматривает — до его окончания есть еще примерно полчаса.

— А где вы с ней встречаетесь?

— Прямо на площадке у выхода.

— Мне совсем не трудно подбросить вас до «России», а потом довезти до дома, — сообщил Красовский.

Тихонов не дал уговаривать себя дважды и сел в «Жигули» журналиста. И прежде, чем они тронулись, преподнес компаньону неожиданный презент, сопроводив этот жест пояснением:

— Попробуйте нашу жевательную резинку, которую только что начала выпускать таллинская фабрика «Калев».

Для многих в хоккейном мире не было секретом, что тренер рижан был заядлым сладкоежкой, поэтому он никак не мог пропустить начала производства в СССР собственной жевательной резинки. Тем более, если выпускать ее начали в Прибалтике, где он теперь жил и работал.

Отправив «пластинку» в рот, журналист вынес свой вердикт:

— Не самая вкусная резинка из тех, что я пробовал, но сам факт ее появления радует. Как говорится, не прошло и двух лет.

Журналист имел в виду печальную историю, которая и стала невольным поводом к появлению советского «чун-гама». В марте 1975 года, во время товарищеских игр молодежной сборной СССР, а также «Спартака» и «Крыльев Советов» с канадскими сверстниками из команды «Берри Коап», произошла страшная трагедия. Поездку канадской команды организовала компания, выпускающая жевательную резинку. После окончания одной из игр во Дворце спорта в Скольниках канадские организаторы стали раздавать жвачку всем желающим. Когда слух об этом достиг ушей людей, покидавших стадион по лестнице № 5, возникла давка, которая унесла жизни 21 человека, причем 13 жертвам не исполнилось 16 лет. Еще 25 человек получили увечья.

Именно эта трагедия и стала поводом к тому, чтобы советское правительство приняло решение начать выпускать в СССР собственную жевательную резинку. И первыми, кто стал это делать, были работники кондитерской фабрики «Калев» в Таллине. Первые партии советского «чун-гама» поступили в продажу в начале 1977 года, охватив поначалу три прибалтийские республики, а потом уже выйдя и на просторы всего Советского Союза.

Так что пачка «калевской» жвачки, которую Тихонов подарил Красовскому, была хорошим презентом за ту услугу, которую оказал тренеру журналист.

За полчаса они домчались до площади Ногина, но там дорогу им внезапно преградили несколько автомобилей ГАИ, вставших в ряд. Красовский выбрался из салона, оставив тренера дожидаться его внутри «Жигулей». Наконец, журналист вернулся назад и ошаршил Тихонова сообщением:

— Горит гостиница «Россия», поэтому проезд к концертному залу закрыт.

Это сообщение чрезвычайно взволновало тренера. Ведь концертный зал находился в непосредственной близости от гостиницы, поэтому в опасности могли оказаться и зрители райкинского спектакля.

— А какой степени пожар, они не сказали?

— Достаточно серьезной, иначе бы они не перекрывали все движение.

— Значит, надо идти туда пешком, — сделал вывод Тихонов.

— Но гаишники никого туда не пускают, лишь выпускают тех, кто идет оттуда.

— Ничего, меня пустят, — ответил тренер, и выбрался из автомобиля.

Он подошел к коренастому майору с круглым лицом и предъявил ему свое служебное удостоверение.

— Слушаю, вас товарищ Тихонов, — козырнув тренеру, произнес майор.

— У меня жена сейчас находится в концертном зале «Россия». Я должен был забрать ее оттуда на машине, но с транспортом вы не пускаете. Могу я пройти туда пешком, чтобы встретить свою супругу и привести ее сюда?

Майор на какое-то время задумался, обдумывая услышанное. Он понимал переживания тренера, но в то же время боялся и нарушить приказ, поступивший сверху. Наконец, милиционер решился:

— Хорошо, идите. Но будьте осторожны, мало ли что.

Поблагодарив стража порядка и предупредив Красовского, Тихонов отправился вниз по улице к Москворецкой набережной. Навстречу ему двигались люди, которые, как выяснил Тихонов, как раз шли с райкинского спектакля, который закончился около десяти минут назад. Причем он шел до самого конца, несмотря на то, что в зал уже начал проникать запах дыма и зрители никак не могли понять, откуда он исходит. Но Райкин лично распорядился продолжать представление, поскольку боялся, что в зале возникнет паника.

Выйдя на набережную, Тихонов увидел большое количество пожарных машин и карет «скорой помощи». Здесь же толпилось множество людей — это были постояльцы гостиницы, а также случайные прохожие, среди которых были и недавние зрители райкинского концерта. Тренер стал искать среди них свою жену, которая должна была ждать его на площади возле выхода из концертного зала вместе со своей подругой, доставшей билеты на это представление. Но женщин нигде не было. Вполне вероятно, что они могли покинуть место встречи, уверенные в том, что после всего случившегося Тихонова просто не пустят к ним и что им надо

выбираться отсюда самостоятельно. Но и уйти отсюда тренер не мог — а что если его женщины где-то поблизости и нуждаются в его помощи. И он снова стал ходить среди толпы, пытаясь отыскать свою жену.

— Виктор Васильевич, — услышал Тихонов чей-то оклик, донесшийся откуда-то справа.

Он повернулся на зов, и увидел невдалеке от себя мужчину в расстегнутом пальто. Узнать его было трудно, поскольку лицо человека было вымазано в саже. Но когда мужчина приблизился к нему, Тихонов узнал в нем одного из руководящих работников отдела спорта ЦК партии Латвии Яна Озолиньша.

— Вы, наверное, ищите свою жену? — спросил тот у тренера.

— Да, вы ее видели? — протягивая руку для приветствия, спросил Тихонов.

— Минут двадцать назад она с какой-то женщиной отправились в сторону улицы Разина. Видимо, в расчете найти там такси.

Услышав это, Тихонов облегченно вздохнул. Все это время, пока он искал свою жену, его не оставляло чувство беспокойства относительно ее судьбы. Теперь же все прояснилось. Видимо, посчитав, что ее супруг не сможет пробраться через заслоны к гостинице, женщины решили выбираться отсюда самостоятельно.

— У вас все лицо в саже, — сообщил тренер своему собеседнику.

— Ерунда, могло быть и хуже, — отмахнулся Озолиньш. — Я ведь чудом выбрался из самого пекла — вон из той башни.

И он указал рукой на 22-этажное здание у северного корпуса гостиницы, откуда валил густой дым.

— На мое счастье я успел выбежать из номера за несколько минут до того, как на нашем этаже все запылало. Вот только пальто и успел прихватить, а дипломат с бумагами остался в номере.

— Черт с ними, с бумагами, главное — живы остались, — улыбнулся Тихонов.

— Я сначала тоже так подумал, а потом закрутил. В дипломате был отчеты нашего отдела, которые я специально привез в Москву, чтобы выступить с ними в Спорткомитете. Теперь даже не знаю, что делать.

— Не грустить. Вы же не в трамвае эти отчеты потеряли, а на пожаре. В Спорткомитете нормальные люди работают — поймут.

— Вы так думаете?

— Уверен, — и Тихонов первым протянул собеседнику ладонь для прощального рукопожатия.

Однако Озолиньш, сжав его руку, не спешил ее отпускать. И, глядя в глаза тренеру, произнес:

— Виктор Васильевич, я хочу вам кое-что сообщить. Давайте отойдемте в сторону.

Последняя фраза была сказана не случайно — мимо них пробежала группа пожарных, двигавшихся к северному корпусу гостиницы.

Когда они отошли к тротуару, Озолиньш сообщил:

— Сегодня утром, когда я перед вылетом сюда зашел в свой отдел, я узнал, что Москва запросила у нашего Спорткомитета ваше личное дело.

— Мое дело — зачем? — удивился Тихонов.

— Этого я не знаю, — пожал плечами Озолиньш. — Я торопился в аэропорт, поэтому не смог узнать подробности. Но информацию я получил из надежного источника.

— Интересно, зачем Москве понадобилось мое личное дело? — продолжал удивляться Тихонов.

— Может, хотят перевести вас на новую работу? Или наоборот... Вы здесь ничего не напортачили?

— В каком смысле?

— Я имею в виду — никаких грешков за вами здесь не водится?

— Какие грешки, если я только вчера прилетел сюда из Риги?

— Может быть, раньше что-то было?

— Боже упаси, — отмахнулся Тихонов.

— Тогда остается только одно — вас собираются перевести на новую должность. Жалко будет, если вас заберут от нас.

— Никто меня не заберет, — голосом, полным решимости, ответил тренер. — Вот завтра сыграем с «Химиком», я вернусь в Ригу и попытаюсь сам узнать, кому понадобилось запрашивать мое личное дело.

— А вот этого я бы попросил вас не делать, Виктор Васильевич, — тронув собеседника за локоть, произнес Озолиньш. — Дело в том, что тот человек, который рассказал мне об этом, попросил никому об этом не говорить. Ваше дело запросили негласно и этот

человек должен будет завтра-послезавтра привезти его в Москву. А если вы поднимете шум, эта история всплывет наружу, чего мне бы не хотелось.

— Зачем же вы мне об этом сообщили?

— Из чисто дружеских побуждений. Ну и для того, чтобы вы были готовы ко всяким неожиданностям. Думаю, эта ситуация очень скоро прояснится сама собой.

— Будем надеяться, — снова улыбнулся Тихонов, после чего добавил: — А просьбу вашу я выполню, обещаю.

*28 февраля 1977 года, понедельник, Москва, Кремль, зал заседаний
Политбюро*

В этот понедельник в Кремле было созвано чрезвычайное заседание Политбюро, посвященное пожару в гостинице «Россия». К назначенному времени, к одиннадцати часам утра, в зале заседаний на третьем этаже старинного здания с высокими потолками и такими же высокими окнами, выходящими на Кремлевскую стену, собрались почти все члены высшего советского ареопага. Не было только самого Леонида Брежнева и министра внутренних дел СССР Николая Щелокова, который должен был выступить первыми и доложить о причинах пожара. И только за пять минут до начала заседания генсек и министр появились в дверях, о чем-то оживленно беседуя. Наскоро поздоровавшись с присутствующими, они прошли в начало длинного стола и уселись на свои места — Брежнев во главе стола, а Щелоков по его левую руку. По правую сторону от генсека сел Юрий Андропов, который сегодня не должен был выступать.

Когда заседание было открыто, к трибуне вышел Щелоков и начал свой доклад:

— Товарищи, как вам известно, в пятницу, 25 февраля, в гостинице «Россия» возник пожар. Это произошло в 21 час 24 минуты, местом возгорания стал пятый этаж. По предварительной версии причиной пожара стала неисправность электропроводки. Поначалу огонь пытались укротить силами пожарного расчета самой гостиницы, но к десяти часам вечера стало понятно, что одним расчетом не справиться. Поэтому к гостинице были направлены дополнительные

силы — 14 боевых расчетов Управления пожарной охраны города Москвы.

Пока Щелоков докладывал, Брежнев придвинулся к Андропову и произнес:

— Юра, тебе повезло, что ты в субботу на хоккее не был — избежал позора.

Андропов, увлеченный докладом, поначалу не понял, о чем ведет речь генсек. Но затем сообразил, что тот имеет в виду позавчерашний матч между ЦСКА и московским «Динамо», в котором армейцы разгромили своих оппонентов со счетом 6:2.

— Вы же знаете, Леонид Ильич, что я занимался пожаром, — после некоторой паузы ответил Андропов.

— Да, знаю, знаю. Потому и говорю, что тебе повезло — такого позора не видел. Как же хорошо мои парни играли — душа радовалась. В три звена играли против четырех ваших. Но харламовская пятерка опять слабенько выступила — всего одну шайбу забила. Зато два других пятью шайбами отметилось. Даже Борька Александров один гол забил и точную передачку на Лутченко сделал. Видно, хорошо на него повлияла временная дисквалификация.

В это время их разговор краем уха услышал сидевший рядом с Андроповым председатель Совета Министров Алексей Косыгин. И он, подавшись в сторону Брежнева, зашептал:

— Леонид, доклад ведь...

Генсек на какое-то время замолчал, но затем снова придвинулся к Андропову.

— А рижане в тот же день «Химик» обыграли на их поле, — сообщил генсек. — Я в программе «Время» видел. 3:2 победили и все три шайбы Балдерис забил. Вот бы нам его в ЦСКА забрать.

— Леонид Ильич, а с кем же рижане останутся? — спросил Андропов, не поворачивая головы к собеседнику.

— Мы сейчас не о рижанах должны думать, а о том, как нашу сборную усилить. Если в ЦСКА собрать пару сильных пятерок, то они и сборную смогут вытянуть.

— Леонид Ильич, о хоккее можно в перерыве поговорить, — теперь уже более официально обратился к генсеку Косыгин.

Брежнев опять отодвинулся от Андропова и стал слушать доклад, который уже близился к своему завершению.

— По уточненным данным, во время пожара погибли 42 человека, в том числе 5 из обслуживающего персонала, — сообщил Щелоков. — Ожоги различной степени, переломы и тяжелые формы интоксикации, потребовавшие экстренной госпитализации, получили 52 человека, из них 13 пожарных. В спасательных работах и тушении пожара было задействовано 1500 специалистов пожарного дела и 162 единицы спецтехники.

Все эти сведения Брежнев уже знал, поскольку встретился со Щелоковым до начала заседания и успел с ним обо всем переговорить. Поэтому слушал он докладчика вполуха, а все его мысли занимал хоккей. И когда министр замолчал, а члены Политбюро принялись задавать ему вопросы, Брежнев снова придвинулся к Андропову и произнес:

— Дело решенное — будем переводить Тихонова из Риги в Москву. Заодно и Балдериса возьмем — он без него с места не сдвинется.

— А как же Локтев? — спросил Андропов. — Он ведь «золото» возьмет, а его за это в отставку?

— Я уже говорил, что Коська человек служивый, полковник.

— Я не об этом... — Андропов попытался объяснить генсеку свое отношение к складывающейся ситуации, но Брежнев его перебил:

— Знаю о чем ты, но интересы нашего спорта выше человеческих обид. В конце концов, мы Локтеву хорошую работу подыщем.

Андропов ничего на это не ответил, поскольку сам был заинтересован в этой отставке и переводе Тихонова в Москву. Но выдавать свои чувства он не хотел — все должно было складываться таким образом, будто инициатива целиком исходит от генсека и приближенных к нему генералов.

Когда после окончания заседания Брежнев и Андропов покидали кабинет, у самого выхода их догнал Косыгин.

— Леонид, неужели нельзя было хотя бы сегодня воздержаться от хоккейных баталий? — с явной укоризной в голосе произнес премьер.

— Удивляюсь я тебе, Алексей, — покачал в ответ головой Брежнев. — Хоккеем ты не интересуешься, футболом тоже, даже фигурное катание игнорируешь. А ведь это любимые развлечения всего советского народа. Того самого народа, которому мы все служим.

— Но ведь пожар... — напомнил генсеку тему сегодняшнего разговора премьер-министр.

— К твоему сведению, в нашем хоккее тоже пожар — он уже второй год полыхает, а ты этого не видишь. Если он и в этом году будет полыхать, все наше хоккейное хозяйство сгорит к чертовой матери. Именно над тем, как нам этого не допустить, мы с Юрием голову и ломаем.

Переведя взгляд на Андропова и, не найдя в нем поддержки, Косыгин пожал плечами и направился к дверям, за которыми уже скрылись остальные члены Политбюро.

28 февраля 1977 года, понедельник, Рига, квартира Тихоновых и ресторан «Юрас перле»

В тот вечер Тихонов сидел дома и систематизировал свои рабочие записи последних дней. Он так увлекся этим делом, что не услышал ни звонка телефона, стоявшего в коридоре, ни зова своей жены Татьяны, которая трижды позвала его к аппарату. В итоге супруге пришлось положить трубку на столик и самой идти в кабинет к мужу, чтобы он откликнулся на звонок.

— Кто звонит? — поднимая голову от записей, поинтересовался Тихонов.

— Он не представился, но сказал, что дело очень важное, — ответила супруга.

Отложив в сторону тетрадь, Тихонов отправился в коридор. Взяв в руки телефонную трубку, он услышал в ней голос одного из работников знаменитого ресторана «Юрас перле» — Валдиса. Тот давно состоял в тайных осведомителях рижского «Динамо» и за определенную плату сообщал руководству клуба о всех посещениях его заведения хоккеистами. Вот и сегодня Валдис звонил по этому же поводу — оповестил Тихонова о том, что в ресторане гуляет компания рижских динамовцев.

— Кто именно? — спросил Тихонов.

Валдис перечислил:

— Да почти вся команда: Балдерис, Воробьев, Назаров, Крикунов, Одинцов, Василенок, Бескашнов, Хатулев, Шостак, оба брата

Васильевых, Прутанс. И очень скоро к ним должны присоединиться еще несколько ваших ребят, которых они вызвали по телефону.

— Спасибо, Валдис, — поблагодарил звонившего Тихонов и положил трубку на аппарат.

После чего в течение нескольких секунд он неподвижно стоял у столика, раздумывая над услышанным. Затем его рука снова потянулась за трубкой.

— В чем дело, Витюша? — послышался из комнаты голос его жены.

— Да вот, мои черти устроили посиделки в «Юрас перле», — ответил Тихонов, снимая трубку с аппарата.

— Ну и что в этом такого? — удивленно спросила Татьяна, выходя в коридор. — А где им еще, спрашивается, отмечать свою победу?

Речь шла о виктории рижан над Воскресенским «Химиком» два дня назад со счетом 3:2. Причем матч игрался на выезде и складывался весьма драматично. Счет на 16-й минуте открыли хозяева поля (это сделал Савцилло), но Балдерису хватило всего лишь четыре минуты для того, чтобы восстановить равновесие. И вообще эту игру можно было смело назвать его бенефисом. На 30-й минуте именно он вывел рижан вперед, а когда Кругов на 44-й минуте сравнял счет и матч катился к ничейному результату, что грозило рижанам потерей такого нужного очка в споре за бронзовые медали, именно Балдерис принес команде долгожданную победу. Причем сделал он это за... 10 секунд до финальной сирены. Именно на это и намекала теперь жена Тихонова. Видя, что он явно собрался звонить в клуб и вызывать служебную машину, чтобы ехать в «Юрас перле», она напомнила мужу и про другой результат — про победу в тот же день в Челябинске ленинградских армейцев над местным «Трактором» 5:4, после чего челябинцы опережали рижан всего лишь на одно очко. А это означало, что судьба бронзовых медалей была далеко не решена.

— Так что «твои черти» вполне заслужили право отметить обе победы в лучшем питейном заведении Латвии, — подвела итог своим словам Татьяна.

И рука Тихонова, уже потянувшаяся к телефонному диску, застыла в воздухе. Было видно, что слова жены произвели на него впечатление. А та, видя, что он колеблется, продолжила:

— Дай ребятам отдохнуть нормально — они и так света белого не видят.

— Но у нас девятого марта игра с «Трактором», — напомнил Тихонов жене календарь матчей своей команды.

— До этой игры еще уйма времени и ребята вполне сумеют восстановиться. Так что не делай глупостей — положи трубку и иди разбирай свои записи дальше.

Постояв еще некоторое время с зажатой в руке трубкой, Тихонов наконец положил ее на аппарат и отправился в свой кабинет. Он нашел доводы жены вполне убедительными.

А веселье в «Юрас перле» в этот момент было в самом разгаре. Рижские динамовцы заказали себе лучший столик в центре зала и шумно праздновали успех своей команды. Стол ломился от деликатесов, а в качестве спиртного фигурировало «Рижское шампанское» — знаменитый бренд, который выпускался на заводе «Latvijas Balzāms» (бывший Пивоваренный завод Стрицкого) с 1952 года. Впрочем, и сам ресторан «Юрас перле» («Морская жемчужина») в Юрмале тоже был не менее знаменит. Он был открыт в 1965 году, а четыре года спустя в нем появилось собственное варьете — первое в Советском Союзе. Возглавил его 31-летний выпускник Рижского хореографического училища Марк Гурман. А поскольку он имел опыт работы со спортсменами, занимая должность тренера-хореографа сборной Латвии по спортивной и художественной гимнастике, то спортсмены, и особенно хоккеисты, всегда были желанными гостями этого заведения, в то время как рядовому рижанину попасть туда было весьма непросто. Девушки, работавшие в варьете, щеголяли в весьма смелых эротических нарядах, пели вживую, а не под фонограмму, а светящийся танцпол с меняющимися, как в калейдоскопе, цветными переливами, добавлял этому зрелищу невиданную нигде экзотику. Но сегодня танцовщицы варьете перещеголяли самих себя. Они вышли на сцену в майках хоккейного клуба «Динамо» (Рига) с фотографическим изображением рижских башен и фамилиями игроков на спинах (настоящая экзотика в советском хоккее), тем самым поздравляя хоккеистов с их последней победой и желая им успешного завершения сезона. А в качестве песни была выбрана композиция «В хоккей играют настоящие мужчины», сыгранная музыкантами в рок-н-рольном стиле с длинными гитарными проигрышами, под которые

танцовщицы выделявали такие «коленца», что зал заходился от восторга.

— Слава Хельмуту Балдерису! — закричал кто-то из посетителей в конце зала, поднимая вверх свой бокал с шампанским.

Балдерис в этот вечер был несомненным героем, поскольку отметился хет-триком в последней игре с «Химиком».

— Слава рижскому «Динамо»! — подхватил этот клич еще один посетитель, сидевший через столик от хоккеистов.

Те в ответ салютовали своим поклонникам поднятыми вверх бокалами.

— Видишь, как нас любят в республике! — обратился Виктор Хатулев к Владимиру Крикунову, который играл за рижан свой первый сезон, придя в команду из московских «Крыльев Советов».

— Как будто до этого я этого не знал, — усмехнулся Крикунов.

Он и в самом деле за эти месяцы успел неоднократно убедиться в том, какой любовью пользуется его новый клуб в этой маленькой прибалтийской республике. И вообще латыши в большинстве своем оказались весьма доброжелательными людьми. Практически с первых же дней пребывания Крикунова в Латвии его удивило, что первый вопрос, когда он приходил в какое-нибудь заведение, был «Ko Ludzi»? — в буквальном переводе на русский язык «что, пожалуйста»? В самом вопросе звучало уважение к собеседнику, готовность к продолжению разговора. Ну, и самое главное, что поразило Крикунова — доброжелательная обстановка внутри самой команды рижского «Динамо», где не было деления на «латышей» и «русских». Кстати, во многом это было заслугой главного тренера команды Виктора Тихонова, который был москвичом, а помощником у него был латыш Эвальд Грабовский.

— Нам теперь надо раздолбать в пух и прах в двух ближайших играх горьковчан и челябинцев, после чего «бронза» у нас в кармане, — наливая до краев шампанское в свой бокал, изрек Хатулев.

— Задача вполне нам посильная, если бы не одно «но», — откликнулся на эти слова капитан команды Вячеслав Назаров.

— Не понял? — Хатулев воззрился на капитана мутным взором, держа в руке наполненный шампанским бокал.

— Удаляться надо меньше, вот что, — пояснил Назаров. — Нам что «химиков» помогло одолеть? Их удаления. Они 28 минут штрафа

набрали против наших двадцати. Один из их главных забивал Владимир Лаврентьев целых двенадцать минут заработал, что нам здорово помогло.

— Славка верно говорит, — поддержал капитана вратарь команды Михаил Василенок. — Я тут случайно в блокнот нашего Тиши заглянул (так хоккеисты за глаза называли своего старшего тренера) и прочел любопытную статистику. Оказывается, мы за шесть игр в этом феврале заработали 108 минут штрафа. А это больше пяти полноценных периодов. Если мы за «бронзу» хотим зацепиться, нам надо эту проблему срочно решать.

— А кто у нас главные штрафники? — опуская уже опорожненный бокал на стол, спросил Хатулев. И тут же сам и ответил: — Мишка Бескашнов, Хельмут и Крикунов. Вот им и надо за ум взяться.

— Я, в отличие от тебя, Витька, и в штрафниках умудряюсь ходить и одновременно хет-трики делаю — почти сорок шайб уже наколотил, — улыбнулся на слова коллеги Балдерис.

— Хватит вам, ребята, скандалить, — пресек эту тему Петр Воробьев. — Давайте я вас лучше научу, как надо автомобиль на два колеса ставить и таким макаром ехать. Меня этому недавно чемпион мира по автогонкам Карамышев научил.

— Воробей, успокойся — после двух бутылок шампанского, которые ты сегодня в себя вольешь, ты даже на четырех колесах с трудом отсюда уедешь, — сострил Хатулев.

И весь динамовский стол взорвался дружным хохотом. Услышав его, девушки на сцене снова пустились в пляс, энергично потрясая своими едва прикрытыми сценическими одеждами женскими прелестями.

1 марта 1977 года, вторник, Москва, Федерация хоккея СССР

Генерал-майор Леонтий Скурлатов, один из начальников Спортивного комитета Министерства обороны СССР, сидел в кабинете руководителя судейского корпуса Антона Новожихина и, помешивая ложкой чай в граненом стакане, терпеливо ждал, когда хозяин кабинета закончит разговор по телефону. Наконец, Новожихин положил трубку

на аппарат и воззрелся на гостя, приглашая его продолжить оборванный на полуслове разговор.

— Антон Макарыч, я понимаю, что ваши полномочия не безграничны, но войдите и в наше положение, — оставив в покое ложку, возобновил разговор Скурлатов. — Если Тихонов возглавит ЦСКА, это значит, что и вашему корпусу придется не сладко. Это же не наш человек. Тихонов из Риги, к тому же всегда себе на уме, что хорошо было видно, когда он руководил еще второй сборной. Нам надо сообща сделать так, чтобы он остался в своей Риге и сидел там до скончания века.

— Леонтий Ильич, ну откуда у вас такая информация, что Тихонова собираются переводить в Москву, да еще в ЦСКА? — спросил Новожихин. — У Локтева дела ладятся более чем — команда, после прошлогоднего фиаско, наконец-то вернет себе золотые медали. После таких триумфов тренеров не меняют.

— Как говорится, вашими бы устами... Но если бы это было так, я бы здесь перед вами сейчас не сидел. У меня сведения из надежных источников — из таких, которым доверяют безоговорочно.

— Но если это правда, то могу себе представить, кто стоит за этим переводом. Вы не боитесь связываться с людьми такого ранга?

— Вы забываете, что и мы не лаптем щи хлебаем, — лишний раз напомнил собеседнику о статусе своего ведомства генерал-майор. — Но дело даже не в этом. А в дальнейших перспективах нашего хоккея, который нам обоим не безразличен. Ну посудите сами, что может дать ЦСКА какой-то Тихонов, который девять лет тренирует клуб-средняк, да еще за тридевять земель от Москвы? Мы же видели, что он руководил на Кубке Канады в прошлом году.

— Там у него команда была экспериментальная.

— Вот он и из ЦСКА соорудит нечто подобное. Но на кой черт нам сдались его эксперименты? А если ему, не дай бог, доверят руководить первой сборной? А это вполне может произойти, если он возглавит главный клуб страны. Представляете, во что это может вылиться?

— Леонтий Ильич, вы разрешите задать вам вопрос начистоту? — глядя в глаза собеседнику, спросил хозяин кабинета.

— Конечно, Антон Макарыч — мы же с вами знакомы добрый десяток лет, — и Скурлатов отодвинул от себя стакан с уже остывшим

чаем.

— Вы от себя лично это говорите или за вами стоят определенные люди?

— Стал бы я в одиночку затевать этот разговор? — искренне удивился генерал-майор. — Ну, конечно же, за мной стоят люди, которые не хотят, чтобы в ведущий клуб страны приходил варяг, да еще из Прибалтики.

— Но Тихонов коренной москвич.

— Был когда-то. За эти почти десять лет он стал прибалтом со всеми вытекающими отсюда последствиями. Его перевод в Москву потянет за собой целую цепочку других назначений, которые могут всерьез взбаламутить уже устоявшийся здесь порядок. Начнут перетряхивать близкие к хоккею структуры — нам это надо?

— Хорошо, но что вы от меня хотите?

— Я же говорю — помочь нам не допустить перевода в Москву Тихонова.

— Каким образом?

Прежде чем ответить Скурлатов грудью навалился на край стола и, буравя собеседника глазами, произнес:

— Надо сделать так, чтобы его команда потерпела фиаско в этом чемпионате. Его рижское «Динамо» нацелилось на бронзовые медали, что в случае успеха этой затеи лишний раз подтвердит его тренерские амбиции. Ведь вхождение в тройку лидеров нашего хоккея позволит ему на всех углах декларировать, будто он выдающийся тренер. Значит, надо этой «бронзы» его лишить. После этого вряд ли у тех людей, кто задумал перевести его в Москву, останется такое желание.

— Вы думаете, что все дело в этой «бронзе»?

— Естественно, не в ней одной, но это поражение выбьет почву из-под его ног. А нам это не помешает, а только даст лишний козырь в борьбе против Тихонова и его сторонников.

Выслушав это признание, Новожихин достал из лежащей на столе пачки «Мальборо» сигарету и отправил ее в рот. Гостю закурить он не предложил, зная, что тот недавно бросил эту вредную привычку. Щелкнув зажигалкой и сделав глубокую затяжку, Новожихин задал очередной вопрос:

— Как вы представляете себе наши действия?

— Очень просто: надо не дать команде Тихонова выиграть те принципиальные матчи, которые остались.

— Например?

— С челябинским «Трактором» в первую очередь, поскольку тот тоже претендует на «бронзу». По мне, лучше уж пусть челябинцы ее возьмут, чем рижане. Ведь челябинский тракторный завод — это флагман нашего тяжелого машиностроения. Рабочий класс, так сказать. А кто такие эти рижане — горе-пограничники? А если мы поможем «Трактору», нам многие спасибо скажут.

Скурлатов знал, что говорил. В верхних эшелонах советской власти было много выдвиженцев с Урала, в том числе и из Челябинска. Например, тот же 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ Евгений Тяжельников — тоже, кстати, большой любитель хоккея. Этого человека, по слухам, в ближайшее время должны были отправить на повышение — перевести на ответственную работу в ЦК КПСС и сделать в довесок куратором спорта в Центральном комитете. Да и в судейском корпусе свои челябинцы тоже имелись. Тот же Виктор Домбровский — бывший игрок «Трактора», а теперь судья № 1 в советском хоккее. Короче, резон в словах генерал-майора был. Но Новожихин слыл ушлым чиновником, поэтому всегда учитывал и интересы противоположной стороны.

— Мне кажется, челябинцы в этом чемпионате сильны, как никогда, и имеют все шансы взять «бронзу» и без нашей с вами помощи, — выпуская дым изо рта, произнес хозяин кабинета.

— Совершенно с вами согласен, Антон Макарыч, — кивнул головой Скурлатов. — Но береженого, как говорится... Короче, для верности надо бы и нам силенки приложить. Например, завтра «Трактор» встречается с московскими динамовцами здесь, в Москве. Этот матч кто судит?

— Бригада из Новосибирска.

— Вот и славненько. Новосибирск и Урал — это же почти одна вотчина. К тому же динамовцам очки особенно и не нужны — они и так без пяти минут серебряные медалисты. Но главная игра будет через недельку — та самая, о которой я говорил. Челябинцы у себя дома будут принимать подопечных Тихонова. Вот бы где победу не упустить. Если «Трактор» выиграет, то не видать рижанам бронзовых

медалей, как своих ушей. А значит, не видать и Тихонову перевода в Москву.

— Если наверху решат, то никакое поражение рижан от этого перевода нас не спасет, — продолжал сомневаться Новожилин.

Прежде чем ответить, Скурлатов одним залпом осушил стакан с холодным чай, после чего поставил опорожненную емкость на стол и произнес:

— И все же этот шанс нам упустить никак нельзя. Не о себе ведь печемся — о будущем нашего хоккея.

1 марта 1977 года, вторник, Воскресенск, Дворец спорта, матч чемпионата СССР по хоккею «Химик» — ЦСКА

В армейской раздевалке стояла настороженная тишина и каждый из игроков молча готовился к важному матчу с одним из самых трудных для него соперников — Воскресенским «Химиком». Борис Александров неторопливо завязывал шнурки на коньках и вспоминал свою вчерашнюю поездку в Первую Градскую больницу к Анжеле, все еще находящейся в коме. Тренер ЦСКА Локтев всего лишь на пару часов отпустил его с базы, поскольку, будучи посвященным в эту трагическую историю, тоже переживал за судьбу несчастной девушки.

В больнице Александров опять застал маму Анжелы, а также еще одного посетителя, которого до этого он не видел — молодого человека по имени Никита. Как объяснила мама девушки, это был бывший возлюбленный ее дочери.

— Они еще в школе начали встречаться, — рассказывала хоккеисту историю этой любви Клавдия Петровна. — После школы собирались пожениться, но Анжелке вожжа под хвост попала — надумала ехать в Москву. А Никита дома остался — у него ведь мать больная лежала, не мог он ее бросить. Первое время дочь ему писала, а потом бросила. А он ее не забывал — регулярно ко мне приходил, интересовался: как там дочь, что пишет? Хороший он парень, да скромный очень. Недавно мать схоронил, совсем один остался. Только мы у него и остались.

Слушая этот горький рассказ, Александров украдкой наблюдал за Никитой, который сидел у дверей, ведущих в палату, где лежала

девушка, и о чем-то напряженно думал. И, глядя на него, нетрудно было догадаться, о чем, а вернее, о ком он думает — о той девушке, жизнь которой теперь висела буквально на волоске.

— У вас-то с ней что-то серьезное было? — прервал мысли Александрова голос пожилой женщины.

— С кем? — не понял смысла вопроса хоккеист.

— Ну, с дочкой, с Анжелой.

— Нет, что вы — мы с ней просто друзья, — и его губы тронула легкая улыбка.

— Тогда вы не мешайте Никите, Христа ради. Он хочет, когда дочка в себя придет, на родину ее увезти. А мы уж так вам будем благодарны.

Вместо ответа Александров положил свою ладонь на хрупкое плечо этой несчастной женщины и почему-то вспомнил про свою мать, хотя она мало была похожа на Клавдию Петровну. Но, видимо, все матери, даже если они внешне очень разные, все равно очень похожи друг на друга.

Из этих воспоминаний Александрова вывел голос Константина Локтева, который вошел в раздевалку и обратился с напутственной речью к игрокам:

— Ребята, сегодня может решиться судьба золотых медалей. Выиграем — и мы уже без пяти минут чемпионы. Ведь «Химик» — самая сложная для нас команда, неуступчивая. И забудьте про то, что в этом сезоне мы уже выиграли у них три игры. Сегодняшний матч особенный — он финишный. И, значит, хозяева будут биться с нами на смерть. Им ведь очки тоже нужны — они мечтают в пятерку сильнейших войти. Так что соберитесь — и в бой.

Когда армейцы вышли на лед на предматчевую разминку, трибуны встретили их свистом. А зрителей сегодня собралось под «завязку» — все 4500 мест во Дворца спорта «Химик» были заняты. Это сооружение было построено в 1966 году и считалось одним из лучших в Подмосковье. Хотя в свое время ездить туда мало кто из игроков других команд любил — бытовало мнение, что руководство стадиона, полностью оправдывая свое название, «химичило» в угоду своей команде. Например, Митрич (так в ЦСКА звали Евгения Мишакова) рассказывал Александрову, когда тот только появился в команде и вышел на свою первую игру против воскресенцев, что работники

«Химика» то лед подтопят перед игрой, то свет во дворце убавят, то с табло нахимичат так, что время гонялось взад-вперед: если их команда проигрывала, то время задерживалось, а если выигрывала, то, наоборот, ускорялось, чтобы гости не смогли отыграться. А еще ходили слухи, что их прежний тренер, знаменитый Николай Эпштейн, который пробыл на этом посту ровно 20 лет (1955–1975) и теперь тренировал «Сибирь», якобы, придумал еще одно новшество. Завел во дворце комнатку, куда приглашал перед игрой судей (их тогда было двое), должных обслуживать предстоящую игру. И за несколько часов до матча этих арбитров всячески ублажали, чтобы результат матча сложился в пользу «Химика». Кстати, сегодняшней матч «Химик» — ЦСКА должен был судить главный арбитр Николай Сарыкин, который представлял Челябинск. А команда этого города — «Трактор» — была одним из главных конкурентов воскресенцев в борьбе за 3-5-е места. Так что вряд ли сегодня «Химику» могло «светить» судейство в их пользу.

Как и армейский наставник, тренер воскресенцев Юрий Морозов вывел на лед свой лучший состав. В воротах у них стоял Александр Пашков — очень опытный голкипер. Он когда-то (в 1967–1969 годах) защищал ворота ЦСКА, но вынужден был уйти, поскольку там появился юный и чрезвычайно талантливый Владислав Третьяк. В 1972 году Пашков играл с ним в сборной СССР и стал вместе с нею чемпионом зимних Олимпийских игр. Кстати, «вторым номером» на ту Олимпиаду должен был поехать Виктор Коноваленко, но тренеры его не взяли — он нарушал режим, выпивал. Поэтому за два месяца до Олимпиады слабо провел Приз «Известий». И Чернышев с Тарасовым решили опереться на Пашкова, хотя тренер СКА Николай Пучков предлагал взять своего вратаря — Владимира Шаповалова. Но его не послушали.

В «Химике» играл еще один именитый хоккеист — защитник Юрий Ляпкин. В 19 лет (в 1964 году) он стал играть за воскресенцев (пришел из балашихинского «Машиностроителя») и быстро стал там одним из ведущих игроков. И в 1972 году его взяли в столичный «Спартак», а за год до этого пригласили и в сборную, с которой он стал чемпионом мира. В сентябре 1972 года Ляпкин участвовал в Суперсерии игр против канадских профессионалов. А четыре года спустя завоевал «золото» Олимпиады в Инсбруке. Кстати, вместе с

Борисом Александровым. Только последний был дебютантом, а Ляпкин уже весьма маститым и уважаемым игроком. Это он, в компании еще двух игроков — Владимиром Шадриным и Геннадием Цыганковым — в финальном матче той Олимпиады в течение 2-х минут оборонялся против пятерых игроков сборной Чехословакии. И наша четверка (в воротах стоял Третьяк) не позволила сопернику забить важнейшую шайбу в той легендарной игре.

В том же 76-м Ляпкин стал в составе «Спартака» чемпионом страны, а в следующем сезоне вернулся в родной для него «Химик». И теперь должен был играть против своих товарищей по олимпийской сборной — Третьяка, Цыганкова, Александрова и других. Но, как говорится, такова спортивная жизнь. Впрочем, в этом матче Ляпкин выступал в первом звене, а звену Александрова противостояло вторая пятерка, где играли защитники Сапёлкин и Жаров, а также трио нападающих Кухарж — Веригин — Ерхов. А в звене Александрова в защите бились Лутченко и Кузнецов, а в нападении Борису помогали Попов и Жлуктов.

Игру начали первые звенья и на вбрасывание в центральном круге встали два Владимира — Голиков («Химик») и Петров (ЦСКА). Судья Сарыкин бросил шайбу в центр и дал свисток к началу матча. А начался он с атак хозяев, поскольку вбрасывание выиграл Голиков и шайба быстро переместилась в зону обороны ЦСКА. И первый же мощный щелчок Ляпкина заставил Третьяка вступить в игру — он парировал этот удар и шайба отскочила к армейскому защитнику Фетисову, который быстро адресовал ее Харламову и тот, под свист трибун, вошел по своему флангу в зону воскресенцев. И теперь уже их вратарю Пашкову пришлось демонстрировать свое мастерство — брать в ловушку шайбу, посланную Михайловым с «пяточка». Судья назначил вбрасывание. И на лед выкатились вторые звенья, где у армейцев в нападении играли Попов, Жлуктов и Александров.

— Витя, я сзади, — напомнил Жлуктову, который поехал на вбрасывание, о своей позиции на льду Александров.

Но шайбы выиграл «центр» воскресенцев Веригин и армейцам пришлось откатываться назад, чтобы сорвать атаку хозяев. Александров попытался догнать Веригина, но тот оказался порасторопливее и, набрав скорость, ушел от погони. А потом адресовал шайбу на противоположный фланг Ерхову, который

«прострелил» ею на армейский «пяточок». Но там ее перехватил Кузнецов.

— Витька, мне! — закричал Александров, готовый принять шайбу и начать атаку. Защитник услышал его — адресовал шайбу точно ему на «крюк». Но тут рядом с Александровым возник защитник Сапелкин, который ударом снизу поддел его клюшку и перехватил шайбу. Мысленно выругавшись про себя, Александров хотел было уже зацепить «крюком» по убегающим ногам Воскресенского хоккеиста, но вовремя сдержался. «Нельзя, Борька, нельзя!» — мелькнула в голове у Александрова упреждающая мысль. Ему и впрямь нельзя было удаляться. И особенно грубо, поскольку над ним висела условная дисквалификация, что могло привести к печальным последствиям — отстранению от матчей и лишения чемпионских медалей, которые ЦСКА мог завоевать в этом сезоне.

Минуло пять минут игры, а счет на табло по-прежнему был ничейный — 0:0. Стадион всячески поддерживал своих любимцев, подгоняя их своими криками в атаку, а армейцев награждая свистом. Но родные стены так и не помогли «Химику» открыть счет — это сделали гости. Вечно дежурящий на чужом «пяточке» Михайлов получил точный пас от Петрова и ловко переправил шайбу в незащищенный угол ворот воскресенцев. 1:0 — москвичи повели.

— Не расслабляемся, это еще не победа, — успокоил своих игроков Локтев, когда чуть ли не вся скамейка запасных игроков вскочила со своих мест, чтобы приветствовать этот гол.

И действительно, впереди была еще уйма времени. И вот уже на 13-й минуте праздник случился на улице воскресенцев. Нападающий Лаврентьев, сделав ложный замах для броска, в следующую секунду переадресовал шайбу Ляпкину и тот сильно бросил. Закрытый своими защитниками Третьяк потерял шайбу из виду, а когда увидел ее, то она уже была... в его воротах. Счет стал ничейным — 1:1. И игра началась сначала.

Часы на табло отсчитывали последнюю, 20-ю минуту первого периода, когда Петров совершил индивидуальный проход и своим фирменным щелчком застал вратаря «Химика» врасплох. Так под занавес первой двадцатиминутки армейцы вышли вперед.

В раздевалке Александров сел на скамейку и, сняв с головы шлем, вытер полотенцем, струившийся с лица пот. Закончился всего лишь

первый период, а казалось, что он уже отыграл весь матч — так был измочален.

— Что, Боря, тяжело приходится? — услышал он над собой голос Локтева.

— Ничего, не помру, — ответил хоккеист.

— Ты уж постарайся, дорогой, — усмехнулся тренер. — Это тебе не по постелям с девками скакать и в ресторанах водку жрать — здесь пахать надо.

Собственно, эти слова можно было обратить ко многим армейцам, которые периодически нарушали режим, хотя был уже конец сезона и в такие моменты надо было быть как никогда собранными. Но некоторым игрокам казалось, что запас в восемь очков, который отделял ЦСКА от ближайших преследователей, столичных динамовцев, давал им такую возможность — иногда расслабиться.

В соседней раздевалке, у «Химика», их тренер Юрий Морозов, сам в прошлом отменный нападающий этой команды, который в 1965 и 1970 годах стал с нею бронзовым призером, сказал своим игрокам всего лишь несколько фраз:

— Ребята, весь Воскресенск за нас болеет. Забудьте про три поражения от ЦСКА — сегодня мы должны выиграть. Просто не имеем права не выиграть.

Эти слова дошли до сердца каждого игрока «Химика». И второй период они начали с мощных атак на вратаря Третьяка. И вот на 24-й минуте Виктор Крутое, самый главный «забивала» в команде (в этом сезоне он забьет 18 голов), не стал жадничать и отдал точный пас своему партнеру по нападению Владимиру Смагину, который оказался в более выгодной позиции. Тот бросил — и застал Третьяка врасплох. Счет снова стал ничейным — 2:2.

После этого у игроков «Химика» будто крылья за спиной выросли — они всей командой пошли на штурм армейских ворот, пытаясь впервые за эту игру выйти вперед в счете. Но ЦСКА не менее дружно оборонялся, а спустя несколько минут снова перехватил инициативу в свои руки и уже сам осадил ворота воскресенцев. Старались отличиться все звенья, в том числе и александровское. И в один из моментов именно оно едва не вывело свою команду вперед. Это случилось, когда Александров отнял шайбу у защитника «Химика» Сапелкина и начал атаку по своему флангу. На синей линии перед ним

вырос еще один игрок «Химика» — нападающий Кухарж, но Борис и его сумел перехитрить. Причем своим фирменным приемом. Когда противник стал теснить его к борту, он совершил немислимый финт с перехватом клюшки и пасом самому себе через собственный конек, после чего Кухарж впечатался в бортик, а Александров продолжил движение к воротам. И когда до них оставалось несколько метров, он отдал пас своему партнеру Попову, а тот мощным щелчком послал шайбу в сторону ворот воскресенцев. Шайба со свистом пролетела между ног бросившегося под бросок защитника, и угодила... в штангу. Многотысячный зал буквально вздохнул от облегчения. Но уже спустя пару минут тот же зал постигло разочарование.

На 37-й минуте осада армейцев принесла успех. Все тот же Михайлов, который будто скала возвышался на «пяточке» у ворот Пашкова, сумел каким-то невероятным способом просунуть свою клюшку в гущу игроков и шайба, найдя именно его «крюк», заползла в ворота «Химика». И гости снова повели в счете.

Таким образом, лучшим звеном у армейцев было первое, которое забило уже три шайбы. Два других звена ЦСКА старались отличиться, но сделать это у них никак не получалось. И звену Александрова никак не удавалось переиграть звено Бориса Веригина. Тот по своему амплуа был защитником, но в этой игре его поставили на позицию центрального нападающего, и это усилило звено. А вообще Веригин, несмотря на свой молодой возраст (24 года), уже имел в своем багаже «серебро» чемпионата мира среди юниоров 1972 года. Веригин, как его тезка Александров, отличался на льду весьма боевым характером. В запале он мог даже в горло судье вцепиться, что однажды случилось с ним в матче, который судил арбитр Резников. Но сегодня Веригин держал себя в руках, поскольку любое удаление в столь принципиальном матче могло выйти боком.

Третий период, как и второй, опять начался с преимуществом ЦСКА в одну шайбу — 3:2. И опять хозяева бросились всей командой отыгрываться. И опять им в этом повезло. Юрий Ляпкин чуть задержался на льду во время смены и оказался с третьей тройкой нападения — Савцилло — Смагин — Кругов. И вот Смагин, получив шайбу в углу площадки, точно адресовал ее откатившемуся назад Ляпкину. Тот бросил — и шайба, проскользнув между щитками Третьяка, влетела в ворота. 3:3. Опять все сначала.

И снова трибуны Дворца спорта ожили. Зрители стали скандировать «Шай-бу! Шай-бу!», подгоняя своих любимцев в атаку. Но тренер воскресенцев Морозов, зная, сколь опасна с ЦСКА такая тактика — могли и на контратаке подловить — призвал своих игроков к осмотрительности. Александров слышал, как тренер хозяев кричал своим игрокам:

— Не увлекаться, держать оборону!

Но трудно было остановить воскресенцев, которых гнали в атаку энергичные призывы с трибун их земляков. И тут в один из моментов, во время единоборства у бортика, на лед упал армеец Харламов. Последовал свисток арбитра — удаление. Рука судьи указала на воскресенца Владимира Голикова.

— Какое удаление, за что? — бросился к арбитру кто-то из воскресенцев.

Но судья даже не стал его слушать, повернувшись спиной. И тут же услышал:

— Гостям подсуживаешь, челяба? Хочешь, чтобы твои «трактористы» медали взяли?

Услышав эти слова, судья повернулся к говорившему и уже хотел было и к нему применить меры дисциплинарного характера — дать ему две минуты штрафа за разговоры. Но вовремя одумался, поскольку два удаления в команде хозяев, да еще в конце игры и при счете не в их пользу могли привести к непредсказуемым последствиям. Поэтому первое удаление было оставлено в силе, а второго не последовало.

Этот штраф дорого стоил хозяевам льда. Не прошло и нескольких секунд после удаления, как на 50-й минуте первое звено армейцев реализовало численное большинство. Петров «прострелил» шайбу на Воскресенский «пятак» и длиннющая клюшка все того же Михайлова переправила ее в ворота Пашкова. Так Борис сделал хет-трик, после которого ЦСКА вышел вперед — 4:3.

Трибуны Дворца спорта встретили этот гол гробовым молчанием. Зато многомиллионная армия армейских болельщиков, собравшаяся в эти минуты у телевизоров, встретила забитую шайбу ликованием. Не стала исключением и Первая Градская больница, где сразу на нескольких этажах пациенты смотрели по телевизору эту игру.

Клавдия Петровна вздрогнула, когда в дальнем конце коридора кто-то громко крикнул «Го-о-л!». Сначала она не поняла причину происхождения этого возгласа, но потом вспомнила — когда она возвращалась из туалета к палате, где лежала ее дочь, она увидела, как с десяток мужчин в больничных пижамах смотрят по телевизору хоккей. Она даже остановилась на несколько секунд, привлеченная этим зрелищем. И в этот самый миг на экране появилось лицо хоккеиста, сидящего на скамейке и внимательно наблюдающего за происходящим на льду. К своей радости, Клавдия Петровна узнала в этом спортсмене того самого Бориса — приятеля своей дочери, несколько раз навещавшем ее здесь и доставшем для нее дефицитные лекарства. «Так вот, значит, кто он такой — знаменитость!» — подумала про себя женщина.

В это самое мгновение в том конце коридора, где находилась палата ее дочери, началось какое-то непонятное движение — забегали врачи и медсестры, а Никита стал делать Клавдии Петровне знаки руками. И женщина засеменила на этот зов.

Оказалось, что в палате Анжелы заголосили какие-то приборы, это и стало поводом к авралу. Клавдия Петровна хотела было зайти к дочери, но на пути у нее встала медсестра.

— Мне к дочке надо, посмотреть, что с ней, — взмолилась мать.

— Нельзя туда сейчас, — ответила медсестра. — Подождите немного и вас позовут.

Никита обнял женщину за плечи и отвел в сторонку. А в палату один за другим вошли сразу трое врачей. У всех лица сосредоточенные, не предвещающие ничего хорошего. Было понятно, что в состоянии Анжелы произошли какие-то серьезные сдвиги, но вот какие именно понять было пока невозможно. И для ее родных потянулись мучительные минуты ожидания. Сколь долго это длилось сказать было трудно — за часами они не наблюдали. Но вот, наконец, дверь палаты отворилась и из нее вышел пожилой врач. Найдя взглядом Клавдию Петровну, он жестом руки подозвал ее к себе. А когда она приблизилась, взял под локоть и ввел в палату. И первое, что увидела женщина там — широко открытые глаза своей дочери. Та смотрела на свою мать с подушки, поднятой почти вертикально и... плакала. Но это были слезы счастья.

В те самые мгновения, когда мать и дочь рыдали от счастья на груди друг у друга, Борис Александров обнимался со своими партнерами по команде. Только что под сводами Дворца спорта «Химик» прозвучала финальная сирена, возвестившая о том, что матч закончился со счетом 4:3 в пользу ЦСКА. А это означало, что армейцами сделан еще один весомый шаг на пути к золотым медалям. Для Бориса Александрова это всесоюзное «золото» должно было стать вторым в его карьере.

*9 марта 1977 года, среда, Челябинск, Дворец спорта «Юность»,
матч «Трактор» — «Динамо» (Рига)*

От мощного рева болельщиков, заполнивших трехтысячный зал ДС «Юность», у Виктора Тихонова буквально заложило уши. Зрители неистовствовали в своем восторге, бросая вверх шапки и шарфы, в то время как на скамейке рижских динамовцев воцарилась мертвая тишина. То, что несколько секунд назад произошло на льду, было похоже на кошмарный сон, который вдруг обернулся реальностью. А ведь ничто не предвещало такого исхода. Проигрывая по ходу матча 0:1, рижане сумели переломить ход игры и, благодаря голам Балдониекса и Емельяненко во втором периоде, смогли выйти вперед. В третьей двадцатиминутке хозяева поля бросились отыгрываться, но их атаки разбивались о слаженную оборону гостей. Глядя на игру своих подопечных, у Тихонова даже мелькнула мысль, что сегодня его команде вполне по силам удержать победный счет и тем самым сделать весомый шаг к бронзовым медалям чемпионата. Ведь в случае сегодняшней победы рижане набирали 39 очков — на одно очко меньше, чем было у челябинцев. На то самое очко, которое они так бездарно потеряли три дня назад в гостевой игре с московским «Спартаком», сыграв с ним вничью 4:4. Но победа над «Трактором», главным конкурентом рижан в споре за «бронзу», могла вдохновить подопечных Тихонова на блистательный спурт на финише сезона, который мог позволить прибалтийской команде впервые в истории войти в тройку лучших команд Советского Союза. Однако 51-я минута матча в Челябинске, кажется, поставила под сомнение эту мечту. А ведь гол-то получился глупейший. Форвард «Трактора» Геннадий

Цыгуров завладел шайбой в своей зоне и начал развивать атаку по левому флангу. Навстречу ему бросился мощный защитник рижан Виктор Хатулев. Его задачей было не дать Цыгурову ворваться в свою зону. И с этой задачей он справился — так прижал челябинца к борту, что тот едва не перевалился за него. Однако перед самым столкновением Цыгуров умудрился бросить шайбу в сторону ворот рижан. Бросил от синей линии в надежде на то, что кто-то из его партнеров подхватит ее или переправит в ворота. А получилось, что шайба, минуя защитные редуты рижан, влетела в незащищенный вратарем Михаилом Василенком угол их ворот. И счет на табло сравнялся.

Глядя на обескураженного этим голом вратаря, Тихонов никак не мог взять в толк, что же случилось. То ли Василенок не увидел броска, закрытый защитниками, то ли просто «зевнул», уверенный, что с такого расстояния броска не последует. Он уже несколько лет был ведущим вратарем рижан, а до этого ходил в запасных. В команду он пришел за год до Тихонова — в 1967-м, сменив на посту второго голкипера Бронислава Самовича. А ведущим голкипером был Анатолий Мицитис. В 1973 году он ушел из команды и на его место автоматически должен был заступить Василенок. Но Тихонов взял на это место другого вратаря — Владимира Афонина. И лишь через год Василенок наконец сумел-таки стать основным голкипером рижан — спустя семь лет после своего прихода в команду. Причем если в сезоне 1974/1975 он пропустил 136 шайб, то в сезоне 1975/1976 шайб в его ворота влетело уже меньше — 114. Это был четвертый результат в том чемпионате после показателей Владислава Третьяка (ЦСКА) с его 100 пропущенными шайбами, Владимира Полупанова («Динамо», Москва) со 06 шайбами и Александра Сидельникова («Крылья Советов»), на счету которого было 113 пропущенных шайб. Так что Михаил Василенок был хороший вратарь с отменной реакцией и умеющий хорошо разгадывать намерения атакующих игроков. Но в случае с голом Цыгурова у него, как говорится, случился «прокол». Тихонов это понимал, но в тот момент у него не возникло даже тени мысли, что голкипер достоин осуждения. Хотя подошедший к нему его помощник Эвальд Грабовский шепнул ему на ухо:

— Может, заменим Василька?

Вторым вратарем команды был Владимир Быстрое, который крайне редко появлялся в играх. А когда все же появлялся, то к нему были нарекания. Например, в матче месячной давности против «Трактора» в Риге, он отстоял неровно. Сначала за полтора периода пропустил три шайбы, но в оставшееся время собрался и «зевнул» лишь один раз. И тот матч, кстати, тоже стоил Тихонову нескольких седых волос на голове. За десять минут до конца встречи рижане проигрывали 1:4, но сумели в течение одной минуты (!) забить сразу две шайбы, сократив разрыв до минимума. А когда до конца игры оставались 34 секунды, Тихонов заменил Быстрова на шестого полевого игрока, после чего Денисов сумел-таки сравнять счет, когда до финальной сирены оставалось всего 12 секунд. Нечто подобное грозило теперь произойти и в Челябинске. Поэтому сомнения второго тренера в главном голкипере были понятны, но Тихоновым не разделялись. Вот почему он сделал в сторону Василенка жест рукой, означавший, что все нормально и надо играть дальше. Но очень скоро Тихонов будет сомневаться в правильности этого жеста.

Выпуская на лед свое первое звено в лице двух защитников (Назаров — Бескашнов) и трех нападающих (Балдерис — Воробьев — Э. Васильев), Тихонов снова обвел взглядом трибуны «Юности». И заметил, как в почетной ложе потирает руки Михаил Воропаев — первый секретарь Челябинского обкома, специально пришедший на этот важнейший для челябинцев матч. В этот миг Тихонов почему-то поймал себя на мысли, что игры с «Трактором» для него всегда проходили тяжело. Во всяком случае, когда он стал тренером рижского клуба. Регулярные встречи с челябинцами в рамках чемпионата СССР подопечные Тихонова стали проводить с сезона 1973/1974 годов — с того момента, когда ему удалось вывести рижан в высшую лигу, где челябинцы «прописались» с сезона 1968/1969. Причем в ледовом противостоянии этих команд была интересная деталь. Рижане три сезона подряд занимали места выше, чем челябинцы (6-е, 5-е и 6-е против 8-го и двух 7-х), но вот статистика побед на сегодняшний день была в пользу «Трактора» — 7:5 при трех ничьих. А самым успешным для рижан был сезон 1974/1975, когда они проиграли челябинцам лишь одну игру (4:5), а три другие выиграли, причем с крупным счетом (7:1, 7:2 и 6:1).

Для Тихонова это противостояние имело и личностный оттенок — ведь тренером челябинцев вот уже три года был Анатолий Кострюков, который вместе с Тихоновым был участником легендарного финального матча в Первом розыгрыше Кубка СССР.

Ретроспекция. 18 февраля 1951 года, воскресенье, Москва, стадион «Динамо» финальный матч ну Кубок СССР ВВС — «Крылья Советов»

До начала игры оставалось еще около часа, когда в раздевалку «летчиков» пришел Василий Сталин.

— Ну что, ребята, общипаем сегодня крылышки у «Крылышек»?

— Можете не сомневаться, Василий Иосифович, сделаем из них сегодня рагу — нам не впервой, — ответил за всех нападающий Виктор Шувалов, прилаживая к правой ноге самодельные щитки.

Шувалов мог так говорить. Он был вторым после Всеволода Боброва бомбардиром команды, забросив в только что закончившемся чемпионате СССР 28 шайб (у Боброва было 42), а в кубковых матчах на счету Шувалова было уже 9 голов, а у Боброва 13. И вообще по всем показателям ВВС были сильнее «Крылышек» — если «соколы» Сталина-младшего стали чемпионами страны 1951 года, то «Крылья Советов» довольствовались бронзовыми медалями (серебро досталось столичным динамовцам). Например, только за последние три года «крылышки» в чемпионате страны ни разу не смогли обыграть ВВС — они проиграли четыре матча и два свели к ничейному результату. Поэтому по всем показателям больше шансов на победу в финале Первого Кубка СССР было на стороне «летчиков».

— Вот и я, соколы мои, считаю, что первый Кубок страны у нас уже в кармане, — продолжал подбадривать игроков Василий. — Негоже нам, выиграв союзное первенство, отдавать этим «пернатым» Кубок, пусть и с Кострюковым на макушке.

Ответом на эти слова был дружный хохот хоккеистов. А объяснялась такая реакция просто. Фигурку хоккеиста на макушке Кубка скульпторы лепили с игрока «Крыльев Советов» Анатолия Кострюкова — игрока мало забивающего, но самого ответственного в команде. В родном клубе у него и прозвище было соответствующее —

«Воропаев», в честь главного героя популярной в те годы книги Петра Павленко «Счастье». Никто из смеющихся «летчиков» даже не мог себе представить, что именно Кострюков, играющий в защите и мало забивающий, и станет героем этого матча.

Несмотря на мороз, на «Динамо» пришло около 25 тысяч зрителей. Причем в отличие от Василия Сталина, на котором были летные сапоги с электроподогревом, на всех остальных болельщиках была пусть теплая, но обычная одежда без каких-либо изысков. Львиную долю пришедших составляли болельщики ВВС, которые с первых же минут стали подбадривать своих кумиров громкими выкриками. Впрочем, «летчиков» не надо было гнать вперед — они и без того были заряжены на победу.

Тихонов играл в связке с Павлом Жибуртовичем — братом Юрия Жибуртовича, который год назад погиб в авиакатастрофе вместе с почти всей командой «летчиков». По счастливой случайности несколько игроков ВВС сумели избежать гибели, по разным причинам не оказавшись на борту того злосчастного рейса. Среди этих счастливиц были Шувалов и Виноградов. Именно они и вызвали Павла Жибуртовича из Ярославля, где он тогда служил старшиной подразделения ПВО. За год до этого он приезжал в Москву к брату и пришел вместе с ним на каток, где минут пятнадцать поиграл в непривычный для него хоккей с шайбой. Свидетелями этой игры были Виноградов и Шувалов, которые запомнили 25-летнего парня и вызвали его в Москву. Так на свет появилась защитная связка Тихонов — Жибуртович (в другой играли Виноградов — Леонов).

Кстати, подвижный и атакующий защитник Револьд Леонов был полной противоположностью юному, но жесткому «домоседу» Виктору Тихонову. Может быть, поэтому первую шайбу в той игре забил «крылышки» именно в тот момент, когда «зевнула» связка Тихонов — Жибуртович. Автором гола стал Кучевский. Но не прошло и пары минут, как Бобров восстановил равновесие. А затем «летчик» Котов сделал дубль — забил подряд две шайбы. Счет на табло стал 3:1 в пользу ВВС, после чего мало кто из зрителей уже сомневался, что Кубок достанется «летчикам». Но далее произошло невероятное. «Летчики» успокоились и позволили сопернику перехватить инициативу. И вот уже сначала Бычков, а затем и Кострюков делают счет 4:3 в пользу «Крыльев Советов». И хотя до конца игры оставалось

еще несколько минут, однако избежать поражения «соколам» Василия Сталина так и не удалось. И Кубок СССР с «Кострюковым на макушке» достался самому Кострюкову и его товарищам.

*9 марта 1977 года, среда, Челябинск, Дворец спорта «Юность»,
матч «Трактор» — «Динамо» (Рига)*

Спустя 26 лет после того легендарного матча, поглядывая иногда в сторону скамейки запасных «Трактора», Тихонов ловил себя на мысли, что история повторяется. Опять они с Анатолием сошлись в личном противостоянии, только теперь уже как тренеры двух разных команд.

Между тем свисток судьи, означавший возобновление игры, прервал ностальгические размышления Тихонова и заставил его снова сосредоточиться на сегодняшней игре. А она стала развиваться совсем не по рижскому сценарию. Окрыленные случайным голом, челябинцы бросились на штурм ворот Василенка, рассчитывая на то, что он не скоро оправится от пережитого шока. На табло была 55-я минута (то есть с момента гола Цыгурова прошло всего лишь четыре минуты), когда в столкновении с рижским защитником на лед упал челябинский нападающий Белоусов. Раздался свисток арбитра, который зафиксировал нарушение правил. Причем не просто нарушение, а принципиальное — это было расценено как срыв голевой атаки. А это означало пробитие штрафного броска — буллит.

— Вы что творите? — опершись обеими руками о бортик, спросил Тихонов у главного судьи, который был из Москвы. — Где вы разглядели здесь буллит?

Судья ничего не стал отвечать тренеру, а только бросил в его сторону короткий взгляд и вновь скрестил над головой руки, показывая, что будет пробиваться штрафной бросок. Стадион заревел от восторга, причем рев усилился после того, как шайбу к центру поля покатила сам пострадавший — лучший бомбардир челябинцев Валерий Белоусов, на счету которого уже было почти двадцать забитых в этом сезоне шайб.

Глядя на судью, Тихонов вспомнил, как ровно год назад этот же арбитр судил матч рижан с Воскресенским «Химиком» и тоже был

заподозрен им в предвзятых решениях в пользу соперника. Впрочем, этот судья и дальше несколько раз возникал на горизонте Тихонова. Так, три дня назад он судил матч его команды со «Спартакoм». И там тоже, по мнению тренера, были странные моменты. Например, после того, как рижане открыли счет, судья удалил динамовского защитника Бескашнова, после чего москвичи забросили шайбу — это сделал Александр Якушев. Он же отличился и в другой раз, когда хозяева играли в численном большинстве. А когда рижане под занавес игры вышли вперед 4:3, последовало новое удаление их игрока — за две минуты до финальной сирены. И тот же Якушев, сделав хет-трик, сравнял счет, установив окончательный итог матча — 4:4. Так рижане потеряли в Москве такое важное для них очко. И вот теперь похожая история происходила и в Челябинске, где главным арбитром был все тот же человек, что судил их матчи в Воскресенске и Москве. Как будто чья-то невидимая рука специально назначала этого человека судить матчи с участием рижан.

Тихонов перевел взгляд на Василенка. Тот явно нервничал, разъезжая во вратарской и расчищая клюшкой пространство на льду перед собой. С момента его предыдущего «прокола» прошло всего-то ничего, а тут на него свалилось новое испытание. Вот когда Тихонов пожалел, что не заменил его после того нелепого гола. У свежего Быстрова было бы больше шансов не дрогнуть перед соперником. Но поезд, как говорится, уже ушел. И теперь оставалось лишь надеяться на крепкие нервы Василенка. И еще на то, что у Белоусова эти нервы окажутся не крепче. Однако этим мечтам не суждено было сбыться. Лучший бомбардир челябинцев филигранно выполнил буллит: на ложном замахе обманул рижского вратаря и забросил такую нужную его команде шайбу. За пять минут до конца игры.

Когда за воротами рижан зажегся красный фонарь, стены Дворца спорта «Юность» буквально задрожали — такой шум поднялся на трибунах. А затем под сводами стадиона раздалось многоголосое «Молод-цы! Мо-лод-цы!». Слушая этот рев, Тихонов обвел внимательным взглядом скамейку, где сидели его игроки. По их лицам было видно, что они подавлены. В течение четырех минут «привести» в свои ворота две такие курьезные шайбы — это надо было постараться. Поэтому Тихонов решил подбодрить своих игроков:

— Еще ничего не потеряно, ребята! До конца матча еще уйма времени! Поэтому выходим на лед и играем, как в последний раз! Первое звено — на выход!

Увы, но эти слова уже не могли изменить ситуацию. Команда оказалась раздавлена случившимся и биться насмерть была не в состоянии. А тут еще и вратарь «поплыл» окончательно. И за минуту до финальной сирены второй после Белоусова «забивала» челябинцев — Анатолий Картаев — поставил победную точку в этом принципиальнейшем матче. 4:2 — с таким счетом была повержена на льду Дворца спорта «Юность» в Челябинске команда Виктора Тихонова. После этого поражения шансов обогнать челябинцев в гонке за бронзовыми медалями у рижан почти не осталось. Зато в далекой Москве у противников Тихонова появился шанс не допустить его перевода в столицу. И они не собирались этот шанс упускать.

*17 марта 1977 года, четверг, Архангельское, база ЦСКА и квартира
актера Николая Кучкова в Малом Власьевском переулке*

Когда генерал-майор Скурлатов вошел в кабинет тренера армейцев Константина Локтева, тот сидел за столом и что-то писал. Увидев, кто к нему внезапно пожаловал, хозяин кабинета отложил ручку и вышел из-за стола, чтобы приветствовать визитера.

— Чем обязан? — спросил Локтев у генерала, предлагая ему присесть на кожаный диван, стоявший у стены.

— Почему в списках игроков сборной нет Борьки Александрова? — спросил генерал, усаживаясь на диван.

— Ты меня спрашиваешь об этом? — удивился Локтев.

— А кого еще, если ты являешься тренером сборной?

— Но в старших тренерах у нас ходит Борис Кулагин, а не я, — поправил гостя Локтев. — А что касается меня, то я подал Кулагину список армейских игроков, рекомендуемых мною в сборную, среди которых был и Александров. Но Кулагин его вычеркнул.

— Ему что, до сих пор не могут простить тот февральский инцидент? — продолжал свой допрос Скурлатов. — А то, что парень стал третьим в списке бомбардиров ЦСКА за этот сезон в расчет не берется? Он наколотил в ворота соперников 24 шайбы и сделал 17

голевых передач! А ему не могут простить инцидента, за который он, кстати, извинился.

— Да что ты на меня накинулся, Леонтий? — возмутился Локтев. — Я же тебе сказал, кто именно вычеркнул его имя из списка — Кулагин.

— А ты у нас кто — свиной хвостик? — продолжал бушевать Скурлатов. — Не мог отстоять парня? Я вон за тебя все ботинки стоптал, бегая по разным кабинетам. И, как видишь, отстоял.

— Это еще вилами по воде писано, — заметил Локтев.

— Как это вилами? Рижане бронзовые медали хрен получили, а ты привел ЦСКА к золотым медалям. Кто тебя теперь снимет?

Скурлатов знал, что говорил. Вчера, за один тур до окончания чемпионата, стало окончательно ясно, что рижское «Динамо» не сможет догнать челябинский «Трактор». Несмотря на то, что рижане обыграли у себя дома ленинградских армейцев 4:2 (хет-трик сделал Хельмут Балдерис) и набрали 41 очко, в эти же часы челябинцы, у которых было на очко больше, на выезде, в Горьком, сыграли вничью с «Торпедо». Причем матч был скорее товарищеский, хотя числился официальным. Например, челябинцы за всю игру заработали всего две минуты штрафного времени, а горьковчане и вовсе ни одной (редчайший случай!). До 56-й минуты счет был 3:2 в пользу гостей, но торпедовец Ковин восстановил равновесие в матче. Короче, победила дружба. Челябинцам необходимо было всего лишь одно очко для того, чтобы рижане не смогли их догнать. И они это очко добыли к вящей радости не только своих болельщиков, но и тех людей, кто не хотел видеть рижан в качестве бронзовых призеров.

— И все равно решающий голос при комплектовании команды принадлежит старшему тренеру, а не мне, — после короткой паузы произнес Локтев. — Вместо Александрова Кулагин взял Сашку Голикова из столичного «Динамо». Он, кстати, тоже наколотил в этом сезоне 24 шайбы и сделал 20 голевых передач. И на скамейке штрафников провел всего двадцать минут, а не тридцать пять, как Борька.

— Да знаю я, кто тянет Голикова в сборную — наши доблестные чекисты, — в сердцах взмахнул рукой Скурлатов. — Они и Тихонова хотят сюда перетащить, но это уж дудки! А Борьку жалко — самый

талантливый из молодых игроков ЦСКА и такая несправедливость по отношению к парню творится. Ну, неужели ничего нельзя сделать?

Сказав это, генерал воззрился на своего собеседника, ища у него поддержки. Но Локтев ответил не сразу. Он вернулся к столу, опустился в кресло и только тогда ответил:

— Надо попытаться воздействовать на Кулагина через других людей.

— Через кого — назови.

— Председатель Федерации хоккея Николай Кузьмич Корольков дружит с тестем Бориса — народным артистом Николаем Кучковым. А тут еще и Кулагин знает последнего по команде ВВС. В конце 40-х Борис Павлович был там капитаном, а Пучков дружил с хозяином ВВС Василием Сталиным. С тех пор и знают. Вот я и думаю: может, подключить к этому делу Кучкова?

— А какие у него сейчас взаимоотношения с Борькой?

— Как и прежде — хреновые. Впрочем, они и не могли быть другими. Борис ведь на его дочке женился, когда выяснилось, что она беременная. Ему еще погулять хотелось, а тут пришлось хомут на шею надевать в двадцать лет. Вот тебе и результат: дочка с ребенком вернулась к родителям. Но если нужный подход к ним найти, может, Кучков захочет помочь зятю? Сам в молодости что ли не куролесил?

— Я все понял, можешь не продолжать, — поднялся с дивана Скурлатов и, не говоря больше ни слова, протянул собеседнику на прощание свою ладонь.

Спустя час служебная «Волга» генерал-майора уже подъезжала к дому № 5 по Малому Власьевскому переулку у метро «Кропоткинская», где с 1971 года обитал знаменитый актер, с которым генерал был знаком около двух десятков лет. Он тогда только пришел на работу в отдел зимних видов спорта при Министерстве обороны, а Кучков как раз женился на известной лыжнице Зое Молчановской. Однако спустя три месяца после свадьбы, когда супруги были в Ленинграде, Зоя погибла под колесами автомобиля прямо на глазах у своего супруга. И именно Скурлатов помогал актеру доставать спецсамолет, чтобы привезти тело погибшей в Москву. С тех пор они и сблизились. И хотя виделись не так часто, как хотелось бы, но контакт какой-никакой поддерживали.

Правда, сегодня Скурлатов ехал без предупреждения и была вероятность, что Кучкова дома не окажется. Но сердце подсказывало генералу, что это не так. В последние годы актер из-за возраста снимался не так активно, как раньше, поэтому большую часть времени посвящал семье. Так оно и вышло — знаменитость оказалась дома.

Время на часах было обеденное, поэтому в момент появления незваного гостя актер сидел за столом и с аппетитом ел рыбный суп. Дверь Скурлатову открыла жена актера Лидия Николаевна и она же пригласила его к столу, налив ему полную тарелку своего фирменного блюда. Взяв в одну руку ложку, а в другую кусок пахучего бородинского хлеба, генерал попробовал суп и тут же воскликнул:

— Ну и хорош же супец, да еще с морозца!

— Супец-то хорош, только ты ведь не ради него ко мне приехал, — откликнулся на эту реплику хозяин дома своим знаменитым голосом с хрипотцей.

— Угадал, Апанасыч, — ответил генерал, продолжая ловко орудовать ложкой. — Хочу попросить тебя об одолжении: замолви словечко за своего зятя перед хоккеевыми чиновниками, чтобы они взяли его на чемпионат мира в Вену.

Услышав эту просьбу, Кучков буквально остолбенел — он даже не донес ложку до рта и она так и повисла в воздухе. А когда актер пришел в себя, он не нашел ничего лучшего, как бросить ложку в тарелку, расплескав суп на скатерть. После чего Кучков вытер губы полотенцем, лежавшим на коленях и поднялся из-за стола. Слегка прихрамывая на обе больные ноги, актер подошел к окну, выходявшему во двор и уже оттуда жестом подозвал к себе генерала. Когда тот подошел, хозяин дома отодвинул в сторону занавеску и указал пальцем вниз. Взглянув в этом направлении, Скурлатов увидел девушку, которая гуляла вдоль тротуара с детской коляской, в которой спал младенец. В гулявшей генерал узнал приемную дочку актера Эльмиру, а младенцем, как он понял, была дочка Александрова.

— Знаешь, почему моя дочь гуляет со своим ребенком не в Чапаевском переулке, где обитает ее законный муженек, а здесь, у своих родителей?

И поскольку генерал не нашелся, что ответить, актер продолжил:

— Потому что ее муженек оказался прохвостом. Он завел себе какую-то кралю, которую возил к себе на родину, а теперь, когда она

угодила в больницу, не оставляет ее и там. Навещает ее и достает ей дорогостоящие импортные лекарства. И это при живой жене и новорожденной дочке. И ты, Леонтий, хочешь, чтобы я замолвил слово за этого прохвоста? И все для того, чтобы его взяли за границу, тем самым лишая возможности поехать туда какого-нибудь другого хоккеиста, который не изменяет своей жене?

— Насколько я знаю, у Бориса там все не серьезно, — нашелся наконец чем ответить Скурлатов. — Никакого романа там нет — обыкновенные дружеские отношения.

— Ты что у них свечку держал, раз так уверенно об этом говоришь?

— Это мне рассказал Костя Локтев.

— Да твой Коська все что угодно придумает, лишь бы выгородить своего любимчика! — отмахнулся от этой новости Кучков, после чего вернулся к столу и сел на свой стул.

А Скурлатов так и остался стоять у окна, поглядывая то на улицу, то на актера.

— Этот зятек-гаденыш у меня вот где сидит, — все больше закипал хозяин дома и провел ладонью себе по горлу. — Говорил я Эльке, что не доведет ее до добра эта любовь. Да разве я один так говорил? Даже родная мать ее уговаривала бросить этого прощелыгу. Нет — не послушала. А потом взяла и понесла от него. Нет, слава, конечно, богу, что у нас внучка родилась. Но зятя-то какого мы себе заполучили?! Вот ты, небось, такого муженька для своей дочки Ленки вряд ли захочешь приобрести. А нас вот с Лидией угораздило.

— Наговариваешь ты на парня, Апанасыч, — стараясь быть спокойным, откликнулся на страстный монолог хозяина дома Скурлатов. — Он, конечно, не ангел, но и не такой уж демон, как ты его мне расписываешь. Просто молодой еще, необтесанный. Ты вспомни, какими мы сами были в его годы. Тебя, например, сам Михаил Ромм со съемок выгонял за твои художества. А сколько тебе тогда было — лет двадцать пять? Александрову же сейчас всего двадцать два, а он вон как играет — засмотришься. Помочь надо парню, а не гробить его.

— Да как же я могу ему помочь, ежели он мою дочь не уважает, а через нее и нас с Лидией? — продолжал греметь по квартире хриплый голос актера. — Нет, чтобы по-людски прийти к нам и прощения

попросить. Так, мол, и так, виноват, уважаемые тещь с тещей, обещаю больше так не делать. А он, гаденыш, дочку выгнал, а к нам и глаз не кажет. С другими девками развлекается.

— Да нет у него с той девкой никакого романа.

— С этой нет, так с другой будет! — не унимался актер.

В этот миг в коридоре зазвонил телефон и трубку взяла Лидия, которая все это время находилась на кухне и с тревогой слушала разговор двух мужчин.

— Коленька, это тебя, — позвала вскоре жена мужа к телефону.

Кучков вышел в коридор. Прислушиваясь к разговору, который актер вел с неизвестным собеседником, Скурлатов догадался, что это звонят с киностудии. Речь шла о том, что в скором времени Кучкову предстояло лететь в Таджикистан, чтобы сниматься там в фильме местной киностудии. Причем роль была главная.

Закончив говорить, Кучков вернулся в гостиную и с ходу заявил:

— В общем так, Леонтий. Передай своему Борьке, что его тещь только тогда ударит палец о палец и начнет ему помогать, когда он придет к нам с Лидией, попросит у нас прощения и даст слово больше не обижать нашу дочку с внучкой. Вот так вот. Только я сильно сомневаюсь, что он это сделает.

Скурлатов, прекрасно зная характер Александрова, разделял это мнение, поэтому покинул дом Кучковых в расстроенных чувствах.

25 марта 1977 года, пятница, кабинет Юрия Андропова в КГБ и дача Леонида Брежнева «Заречье-6»

Юрий Андропов смотрел в окно своей служебной «Волги», мчавшейся по Кутузовскому проспекту в сторону брежневской дачи в Заречье, и перебирал в памяти разговор, который у него состоялся вчера днем. Его собеседником был заместитель председателя КГБ Латвийской ССР Владимир Безвестный, приехавший в Москву по собственной инициативе в виду чрезвычайно важной информации, которой он располагал. Поначалу Андропов хотел отложить этот разговор на более поздний срок, полагая, что речь пойдет о тех пертурбациях, которые произошли в латвийском КГБ накануне: там 1-м заместителем председателя был назначен Борис Пуго — партийный

выдвиженец, бывший 1-й секретарь Рижского горкома партии. Однако Безвестный, в коротком телефонном разговоре с шефом КГБ, намекнул, что речь идет вовсе не об этом назначении. После чего добавил:

— Я хочу переговорить с вами о Викторе Васильевиче Тихонове.

Услышав это имя Андропов насторожился и догадался, что его собеседник располагает какой-то важной информацией о тренере рижского «Динамо», но не хочет оглашать ее по телефону. Поэтому он не стал откладывать эту встречу в долгий ящик и приказал Безвестному вылетать в Москву немедленно. И спустя несколько часов латвийский гость уже сидел в его кабинете и выкладывал ему информацию, которая оказалась чрезвычайно интересной для шефа КГБ. Оказалось, что в кожаной папке, которую Безвестный привез с собой, содержались данные о некоем тайном сговоре, целью которого было не допустить команду рижского «Динамо» до третьего места в чемпионате СССР. Это первенство закончилось всего лишь неделю назад — 19 марта — и в нем действительно рижане заняли лишь 4-е место, не сумев в последних играх догнать челябинский «Трактор». Андропов, внимательно следивший за ходом этого турнира, был прекрасно осведомлен о его результатах, но он был в абсолютном неведении относительно того, что рижанам не удалось занять третье место благодаря неким интригам, о которых ему теперь докладывал Безвестный. Поэтому, глядя на папку, лежащую перед ним, Андропов размышлял: ознакомиться с документами прямо сейчас или выслушать сначала рассказ латвийского гостя. В итоге выбор был сделан в пользу последнего варианта.

— Прежде, чем я открою эту папку, мне хотелось бы узнать эту историю из первых уст, — произнес шеф КГБ, буравя гостя пронизательным взглядом сквозь очки.

Услышав эту просьбу, Безвестный начал свой рассказ с самого начала:

— 19 марта в Риге состоялся хоккейный матч между местным «Динамо» и московским «Спартаком». Судейская бригада была из Новосибирска и Куйбышева и поселили ее в гостинице «Латвия», номера которой находятся под контролем наших технических служб — мы их регулярно прослушиваем.

Андропов, который следил за чемпионатом, был хорошо осведомлен о результатах той игры. Для обеих команд это был последний матч в чемпионате. Но если для рижан он уже ничего не значил, поскольку они заняли четвертое место и догнать их никто уже не мог, то для гостей наоборот — им надо было обязательно выиграть, чтобы догнать «Химик» и «Крылья Советов» и занять не 8-е, а хотя бы 6-е место в турнирной таблице. В итоге эту задачу спартаковцы выполнили, обыграв рижан со счетом 6:5. Причем игра выдалась на редкость напряженной и изобиловала массой стычек, из-за которых москвичи набрали 33 минуты штрафного времени, а хозяева — 20 минут. При этом двое игроков — рижанин Балдерис и москвич Коротков — были удалены на 10 минут за драку, а Коротков потом еще получил и 5 минут штрафа за умышленный удар соперника клюшкой. Короче, страсти на льду бушевали не шуточные, о чем на следующий день после игры Андропов имел весьма бурный разговор со своим коллегой по Политбюро Константином Черненко — активным болельщиком «Спартака».

— Сразу после игры судьи вернулись в свои гостиничные номера, где устроили ночные посиделки с распитием спиртных напитков, — продолжал свой рассказ Безвестный. — В ходе этого застолья один из его участников проговорился о том, что в Москве, в высших спортивных кругах, существует некий заговор, целью которого было не допустить рижан до третьего места в чемпионате страны. Для этого, якобы, в этом деле были задействованы ряд судейских работников, которые должны были обеспечить в нескольких матчах неблагоприятный для рижан исход. Какие именно это были матчи, названо не было, как и имена тех людей, кто непосредственно во всем этом участвовал. Однако эта информация была доведена до председателя КГБ Латвийской ССР Лонгина Ивановича Авдюкевича, который отреагировал на нее весьма своеобразно. Он приказал спрятать ее под сукно.

— Вас это удивляет? — прервал плавную речь своего подчиненного Андропов.

— Поначалу удивило, — честно признался Безвестный. — Но потом я имел беседу с Пуго и он объяснил мне ситуацию. Заговор против Тихонова возник не случайно. Таким образом люди, которые его затеяли, хотели не допустить перевода этого тренера в Москву.

Сведения о возможности этого перевода просочились в московские круги в конце чемпионата, когда союзный Спорткомитет затребовал из Риги персональное дело Тихонова. Однако латвийские власти не были заинтересованы в этом переводе, поскольку в таком случае рижское «Динамо» потеряло бы своего наставника, с которым команда достигла небывалых ранее результатов — вышла в высшую лигу и едва не завоевала там бронзовые медали. Поэтому Авдюкевич предпочел косвенно поддержать заговорщиков, поскольку их цели совпали с желанием определенной части латвийских властей, к которой имеет отношение и сам Лонгин Иванович.

— А как относится к этому Пуго?

— Мне кажется, он не поддерживает нашего председателя, в противном случае он бы вряд ли стал делиться со мной своей информацией.

— А если это умышленный ход?

Поймав вопросительный взгляд Безвестного, Андропов улыбнулся и объяснил ход своих мыслей:

— Я имею в виду то, что Борис Карлович может быть заинтересован в переводе Тихонова в Москву и специально выбрал вас, догадываясь о том, что вы немедленно доложите об этом мне.

— Но зачем ему это надо?

— Я же сказал: для перевода Тихонова сюда. Вы, видимо, не в курсе того, что за Борисом Карловичем тоже стоят определенные люди из латвийской власти — национально ориентированные. Так вот эти люди давно хотят, чтобы на место Тихонова пришел местный кадр — латыш. Тот же Эвальд Грабовский, например, который давно ходит «вторым номером» у Тихонова. Вы ведь, наверное, не знаете, что до Тихонова в рижском «Динамо» почти вся команда состояла из латышей, а тренером у них был чех Мотл. Я до сих пор помню фамилии многих из этих ребят: Апситис, Краулис, Либертс, Липиньш, Ансвенс, Крастиньш, Юранс, Хенделис, Витолиньш и так далее. Тихонов эту традицию поломал, начав комплектовать команду из русских игроков.

— Получается, в этой истории столкнулись интересы сразу нескольких группировок?

— Вот именно, — подтвердил догадку Безвестного шеф КГБ.

После чего он взял в руки папку, принесенную Безвестным, и произнес:

— Спасибо вам за очень ценную информацию, Владимир Кириллович. Возвращайтесь в Ригу и продолжайте держать это дело у себя на контроле. При поступлении любой информации на этот счет, немедленно связывайтесь со мной.

Перебирая теперь в памяти детали этого разговора, Андропов выстраивал в голове тактику предстоящей беседы с Брежневым, который вызвал его на свою дачу в Заречье, чтобы обсудить все ту же тему — перевод Тихонова в Москву. Правда, когда генсек сообщил об этом шефу КГБ по телефону, Андропов уловил в его голосе некие нотки сомнения. Было заметно, что за последнее время в желании Брежнева видеть Тихонова тренером ЦСКА произошли какие-то изменения. Видимо, те самые заговорщики, о которых вел речь Безвестный, успели уже обработать генсека. Что, в общем-то, отвечало интересам Андропова. При таком раскладе он получал прекрасный шанс заполучить Тихонова в качестве главного тренера московского «Динамо», после чего можно было двигать его и дальше — в старшие тренеры сборной СССР. Таким образом Андропов убивал сразу нескольких зайцев: во-первых, обеспечивал подопечное ему «Динамо» первоклассным тренером, во-вторых — оставлял армейцам его прежнее руководство, при котором они имели все шансы вступить в затяжную полосу кризиса, ну и, наконец, в-третьих — брал под динамовский контроль первую сборную страны, как это было во время Аркадия Ивановича Чернышева. Впрочем, эти планы легко мог разрушить Брежнев, у которого на этот счет могли возникнуть свои предпочтения.

Когда Андропов вошел в дом генсека, тот сидел в гостиной и смотрел телевизор — шла его любимая программа «Время». В тот пятничный вечер она началась с сюжета, где показывали, как генсек сегодня днем посетил Академию художеств, в которой проходила выставка «Сатира в борьбе за мир». Стараясь не мешать Брежневу следить за сюжетом, шеф КГБ пристроился сбоку на диване и беззвучно уставился в экран. А когда сюжет закончился, генсек, не поворачивая головы, обратился к гостю так, как будто до этого они уже давно вели разговор:

— Я подумал и решил, что рано еще переводить Тихонова из Риги в Москву. Пусть еще немного поработает — может, в следующем году вытянет своих рижан на третье место.

— Думаю, не успеет, Леонид Ильич — я заберу его к себе в «Динамо», — ответил Андропов.

— Рассчитываешь, что он поможет твоим ребятам потеснить мой ЦСКА?

— Чем черт не шутит, — улыбнулся Андропов.

— А почему не спрашиваешь, из-за чего я изменил свое решение?

— Потому что понимаю — с четвертого места в главный клуб страны тренера не приглашают.

— А ты хитрец, Юрий, — Брежнев повернулся в кресле и взглянул на собеседника. — В главный клуб, значит, приглашать нельзя, а во вторую команду можно? Ты явно что-то задумал, а говорить не хочешь. А вдруг я передумаю и возьму-таки Тихонова в ЦСКА?

— Воля ваша, — развел руками Андропов.

— Воля-то моя, да вот нашлись люди, которые не хотят видеть Виктора в столице. И резон в их действиях есть — провалил он концовку сезона. С такой игрой в Москву на повышение не переезжают.

— Но для моего «Динамо» он вполне подойдет. Вы же не станете чинить этому препятствия, Леонид Ильич?

— А на кой черт мне помогать твоему «Динамо» — чтобы он в следующем году выбил моих армейцев с первого места? — Брежнев снова уставился в телевизор. — Как я после этого буду смотреть в глаза моим генералам? Они же меня с потрохами сожрут: дескать, помог конкуренту в борьбе за золото.

— Зато это пойдет на пользу нашему хоккею. Тот же чемпионат будет гораздо интересней.

— Он и сейчас неплохо смотрится, — отмахнулся Брежнев. — А генералов мне обижать не хочется — они еще за моей спиной какой-нибудь заговор затеют, как когда-то против Хруща. Нет, Юрий, пусть Тихонов пока в Риге побудет, а там видно будет.

После этих слов Андропов окончательно понял, что его планы о переводе Тихонова в Москву начинают рушиться. Надо было вытаскивать единственный козырь, который, конечно, не гарантировал

попадание рижского тренера в московское «Динамо», но мог хотя бы помочь перетащить его в столицу. В противном случае будет потерян целый год, а за это время могло много чего произойти непредвиденного в судьбе талантливого тренера.

— Эти ваши военные уже один заговор состряпали, — сообщил Андропов новость, от которой Брежнев невольно вздрогнул.

Он вновь повернулся лицом к собеседнику и уставился на него так, как будто тот объявил о начале Третьей мировой войны.

— Ты что это мелешь, Юрий? — прервал наконец затянувшуюся паузу генсек.

— Я не мелю, а сообщаю вам, Леонид Ильич, сведения, которые добыли мои люди оперативным путем. Речь идет о заговоре против Виктора Тихонова, в котором участвовали некоторые генералы, близкие к спортобществу ЦСКА и люди из судейского корпуса. Судя по информации от моих людей, заговорщики помогли Тихонову проиграть последние матчи в концовке сезона.

— Как это помогли? — не понял смысла услышанного Брежнев.

— Леонид Ильич, мы же с вами опытные болельщики с большим стажем! Элементарно помогли — с помощью предвзятого судейства.

После этого в разговоре возникла пауза, прерываемая лишь звуком включенного телевизора — там как раз в программе «Время» начались спортивные новости.

— Вот ведь сукины дети! — воскликнул Брежнев и даже хлопнул ладонью по подлокотнику своего кресла. — То-то я смотрю, что этот мудака Леонтий Скурлатов ходит такой довольный — сияет, как медный таз. Случаем, это не его ли затея?

— Фамилий я пока не знаю, но это легко установить — было бы желание. Но в любом случае Скурлатов наверняка в этом замешан.

— Ну, я им устрою, заговорщикам хреновым! — Брежнев вновь хлопнул ладонью по подлокотнику. — Я их всех за Можай закатаю!

— А вот этого делать не надо, Леонид Ильич, — попытался урезонить генсека Андропов.

— Это почему? Они ведь честь нашего советского спорта позорят!

— Это верно, но сейчас не самое подходящее время затеять репрессии — на носу чемпионат мира в Вене. Наши хоккейные власти уже впряглись в это дело, в том числе и судейский корпус. Если мы

начнем ворошить это гнездо, то может пострадать наше общее дело — подготовка к чемпионату мира.

— Это каким же образом, позволь узнать?

Прежде чем ответить, Андропов подался всем корпусом вперед, чтобы быть поближе к креслу, где сидел генсек, и произнес:

— Люди, которые участвовали в заговоре против Тихонова, наверняка имеют отношение и к наведению мостов с судейским корпусом, который будет обслуживать венский турнир. Если мы этих людей накажем, они не смогут поехать в Вену. А это значит, что те мосты, которые они наладили на прошедшем в декабре турнире на приз газеты «Известия», могут попросту рухнуть.

— А что это за мосты, Юрий, я что-то не понимаю, — пожал плечами Брежнев.

— На известинский турнир приезжают зарубежные судьи и их начальники, некоторые из которых потом будут работать и на мировом турнире. Вот наши люди из Федерации хоккея их здесь и привечают: поят-кормят за наш счет, всячески развлекают до четырех-пяти часов утра. Чтобы потом, на чемпионате мира, они, не дай бог, не вздумали засуживать нашу команду. Ведь желающих макнуть в грязь лицом наших ребят всегда хватало и хватает. Вон на прошлом чемпионате в Катовице без этого дела ведь не обошлось.

Выслушав этот монолог, Брежнев задумался, уставившись в экран телевизора. Там в этот момент шел прогноз погоды под мелодию песни «Манчестер и Ливерпуль» в исполнении оркестра Поля Мориа. Наконец генсек вновь обратил свой взор на Андропова:

— Хорошо, Юрий, не будем ворошить это гнездо, тем более если оно приносит не только вред, но и пользу. Но как быть с Тихоновым — жалко ведь мужика?

— Жалко, конечно, но кто сказал, что мы ему не поможем? Поможем! Но чуточку погода. Надо достойно выступить на венском чемпионате и, если это случится, то перевод Тихонова в грохоте этих фанфар пройдет для всех безболезненно. Дадим ему ЦСКА и пусть руководит.

— А как же сборная?

— Он и сборную возглавит, но здесь два варианта. Если мы на венском чемпионате победим, то Кулагина придется оставить старшим тренером, а вместо Локтева поставить Тихонова с перспективой его

будущего выдвижения на место Кулагина. Ну, а если чемпионат провалим, то тогда старшим однозначно станет Тихонов.

— А куда Толю Кострюкова денем — он ведь «Трактор» в бронзовые призы вывел? Негоже нам челябинцев обижать, не поймет нас рабочий люд. Получится рижского тренера на выдвижение, а про челябинского забыли?

— Но Кострюков пока не изъявил желания покинуть «Трактор», — сообщил Андропов. — А если изъявит, то можно будет его в Спорткомитет перевести — пусть в регионах хоккей налаживает. Если и там хорошо себя проявит, можно его в будущем и начальником Управления хоккея сделать. Там как раз реорганизация прошла — отдел хоккея укрупнили до управления.

— Подожди, а Славу Колоскова тогда куда — нынешнего хоккейного начальника?

— Его на футбол перебросим — пусть вытягивает.

— Хорошо, уговорил, — согласился с доводами Андропова генсек. — Правда, одного я боюсь: не смогу сдержаться, когда снова увижу Скурлатова. Захочется мне вывести его на чистую воду.

— А вот это пока лишнее, Леонид Ильич, — покачал головой шеф КГБ. — Пусть Скурлатов ходит пока гоголем и ни о чем не догадывается. Это и нам на пользу, и Тихонову. Пусть его противники думают, что он так и останется в Риге до седьмого пришествия. А когда в «час икс» мы свои козыри на стол выложим, они уже ничего сделать не успеют. Вот тогда и посмотрим, кто из нас останется в дураках.

Часть вторая. КГБ играет ва-банк

8 мая 1977 года, воскресенье, Вена, Чемпионат мира по хоккею, Дворец спорта «Штадтхалле», матч СССР — Швеция

Когда сирена возвестила об окончании второго периода заключительного матча чемпионата мира между советскими и шведскими хоккеистами, зрители потянулись в подтрибунные помещения, чтобы отдохнуть перед последней двадцатиминуткой. В этот миг полковник КГБ Эрнст Спрогис тронул за локоть своего соседа Виктора Тихонова и предложил ему остаться на своих местах, чтобы вдали от суеты обсудить перипетии этого поистине драматического поединка. Впрочем, для советской сборной весь тот чемпионат складывался драматично. А ведь поначалу ничто не предвещало такого расклада. И практически все хоккейные специалисты были уверены, что на этом первенстве сборная СССР вернет себе титул сильнейшей команды в мире, отобранный у нее год назад в Катовице. И поначалу все к тому и шло. На льду Вены советские хоккеисты выиграли подряд шесть матчей, разбив в пух и прах почти всех своих конкурентов, да еще с крупным счетом: сборная профессионалов из Канады была повержена со счетом 11:1, команда Финляндии — и:6, сборная Чехословакии — 6:1. И даже когда наши ребята в седьмом матче споткнулись о команду Швеции, уступив ей 1:5, все были уверены, что это всего лишь случайность. А что вышло на самом деле? Потом мы уступили чехословакам 3:4 и растеряли почти все свое бывшее преимущество. Но шансы на золотые медали у нас все еще оставались, поскольку в последний день турнира чехословаки разгромно проиграли канадцам 1:8. Спустя три часа после этой игры сборная СССР встречалась с командой Швеции и имела все шансы завоевать золотые медали. Надо было только обыграть потомков викингов. Однако после второго периода счет на табло был 3:1 в пользу скандинавов. А ведь начало этой игры складывалось в нашу пользу.

Уже на 8-й минуте Владимир Шадрин «распечатал» ворота 23-летнего Ерана Хегюсты. Но радость советских болельщиков длилась

недолго: вскоре лучший нападающий шведской сборной, игрок команды НХЛ «Миннесота Норт Старз» Роланд Эриксон восстановил равновесие. Причем невольно помог ему в этом наш защитник Вячеслав Фетисов — это от его конька шайба изменила направление полета и влетела в ворота Владислава Третьяка. А в начале второго периода уже ошибся другой наш защитник — ветеран сборной Валерий Васильев. Получив шайбу, он небрежно послал ее через центр, и все тот же Эриксон снова оказался в нужное время в нужном месте. Подхватив шайбу, он мощным щелчком послал ее в сетку наших ворот. А спустя несколько минут опять же Эриксон сделал хет-трик — забил нам третью шайбу. С таким счетом команды отправились на перерыв.

— Ну что скажите, Виктор Васильевич? — спросил у Тихонова Спрогис, когда они вдвоем остались сидеть на своих местах, а их соседи покинули арену дворца спорта. — Есть ли у нас шансы отыграться?

— А вы как думаете? — вопросом на вопрос ответил Тихонов.

— Что-то подсказывает мне, что шансов у нас маловато.

— Вот и я того же мнения, — грустно вздохнул Тихонов. — Команды у нас на льду не видно.

— В каком смысле?

— В смысле сплоченного коллектива, единого в своих устремлениях. И это странно, учитывая тот факт, что у шведов такая команда сложилась.

— Чем же это объяснить, если у наших соперников и звезд-то настоящих нет, в отличие от наших? — продолжал допытываться Спрогис.

— Думаю, на этом чемпионате мы лицезреем появление новой шведской звезды — вратаря Ерана Хегюсты. А что касается вашего вопроса, то мой ответ будет таким. В нашей сборной сформировалось как бы два слоя игроков: это лидеры и те, кто полагает, что эти самые лидеры вытянут игру. А раз два слоя, то это значит, что внутри них сложились разные требования к себе, к своей игре, к работе на тренировках. Впрочем, у меня и к лидерам есть претензии.

— Не те ли, что вы так старательно весь чемпионат записываете в свой блокнот? — не сумев сдержать улыбку, спросил Спрогис.

— От КГБ ничего утаить невозможно, — с ответной улыбкой произнес Тихонов.

— Вот я и прошу: поделитесь своими выкладками.

После этих слов Тихонов извлек на свет упомянутый блокнот, который он все два периода держал в руках, делая в нем пометки, а в перерыве спрятал во внутренний карман пиджака. К этому делу — делать пометки по ходу матча — он приучился еще когда был вторым тренером у Чернышева в столичном «Динамо». Даже месяц назад, когда он работал старшим тренером второй сборной СССР и участвовал с ней в турнире вторых сборных в Ленинграде, блокнот был неизменным его спутником на матчах команд-соперников, которые он посещал во Дворце спорта «Юбилейный». Тот турнир, кстати, его подопечные выиграли, победив во всех трех матчах: финнов со счетом 10:2, шведов — 8:3, чехословаков — 5:1. Из своего рижского «Динамо» Тихонов взял на турнир двух игроков: защитника Вячеслава Назарова и нападающего Петра Воробьева. И оба не подкачали: Назаров был объявлен лучшим защитником на турнире, а Воробьев стал лучшим бомбардиром, набрав 6 очков (1 гол и 5 голевых передач).

Сюда, на чемпионат мира в Вену, Тихонов привез уже другой блокнот, а тот, что был с ним в Ленинграде, занял свое место в книжном шкафу в его рижской квартире — на полке, где покоился его архив.

Раскрыв блокнот на одной из страниц, Тихонов пробежал глазами по тексту, после чего сообщил:

— Вот, например, интересное наблюдение, как дополнение к моим последним словам. На данный момент наша сборная пропустила здесь 24 шайбы. Так вот почти половина их была пропущена, когда у нас играло первое звено. Причем в защите у нас сначала играла связка Цыганков — Гусев, но затем последнего посадили на скамейку запасных и вместо него стал выходить Фетисов. Но сути дела это не изменило. Как мы помним, первая шайба сегодня залетела в наши ворота от его конька. Вроде бы, случайность, с кем не бывает? Но факт остается фактом — звено к обороне оказалось не готово.

— Но зато оно много забивает, — внес свою поправку в рассуждения тренера чекист. — Или мои данные противоречат вашим из блокнота?

— В некоторой степени, — кивнул головой Тихонов. — Да, первое звено на данный момент имеет на своем счету 34 забитые шайбы, из которых на долю Михайлова пришлось 12 голов, Харламов отличился девять раз, а Петров семь. Однако львиная доля этих голов приходится на игры с соперниками из разряда не самых сильных. Имеются в виду сборные ФРГ, США, Румынии, Финляндии. Например, тот же Петров только им и забивал. А вот Михайлов с Харламовым все же смогли отличиться и в играх с фаворитом турнира сборной Чехословакии, забив ей в общей сложности три шайбы. Правда, во второй игре это не спасло нас от поражения.

— Значит, наши лидеры, по-вашему, так и не смогли стать примером для остальных?

— Они старались, но одного старания оказалось мало. При этом заметим, что и другие наши ветераны оказались не на высоте. Про того же Гусева я уже упоминал. Но в этом же списке и Александр Мальцев с одной забитой шайбой в восьми сыгранных матчах. Хотя девять голевых передач он все-таки сделал, но все они выпали на игры со слабыми соперниками. Явно сдали Валерий Васильев, Геннадий Цыганков и Владимир Лутченко, которые допускают грубейшие тактические просчеты, которые никогда ранее не были им свойственны. Например, в трех неудачно сложившихся для нас матчах, в том числе и в сегодняшнем, более половины шайб были забиты в наши ворота уже после того, как Третьяк парировал удары. Просто чехословацкие и шведские форварды успевали к шайбе раньше наших защитников.

— Но вдруг наши лидеры все же соберутся с силами и в последнем периоде сумеют повести за собой команду? — предположил Спрогис. — Ведь если мы сегодня проиграем, то это отбросит нашу команду на третье место. Когда такое бывало?

— Шестнадцать лет назад в Швейцарии, когда мы тоже взяли «бронзу», пропустив вперед сборные Канады и Чехословакии, — напомнил своему собеседнику о событиях давно минувших дней Тихонов. — Два тренера нашей нынешней сборной — Константин Локтев и Владимир Юрзинов — как раз выступали в той команде.

— Намеряете на повторение того результата?

— Я, как и вы, Эрнст Леонардович, очень хочу, чтобы наши сегодня победили, — закрывая свой блокнот, произнес Тихонов. — Но

надо быть объективными. Сборная Швеции сегодня поймала кураж и обыграть ее будет крайне проблематично. Я даже боюсь, что мы и на ничью с ними не найграем — так хорош сегодня их вратарь Хегюста.

Тихонов как в воду глядел. В третьем периоде шведы защищали свои ворота не менее самоотверженно, чем в двух предыдущих двадцатиминутках. И хотя сами они больше не забили, но и сделать это советским хоккеистам тоже не позволили. В итоге, спустя шестнадцать лет, сборная СССР заняла на мировом первенстве 3-е место. Иначе как провальным такой результат назвать было нельзя.

8 мая 1977 года, воскресенье, дача Юрия Андропова

Когда у Андропова на даче зазвонил телефон, он сразу догадался, кто мог ему звонить в это время. Буквально пять минут назад закончилась трансляция из Вены хоккейного матча СССР — Швеция, где наши хоккеисты уступили 1:3. Поэтому, подняв трубку и услышав на другом конце провода голос Леонида Брежнева, Андропов не удивился.

— Смотрел это позорище? — без всяких предисловий спросил генсек.

Вместо ответа шеф КГБ тяжело вздохнул, показывая тем самым, что эта трансляция оставила в его душе такой же осадок, что и у его собеседника.

— С этим безобразием надо немедленно что-то делать, — продолжал вещать Брежнев. — Я даже не могу сейчас смотреть мое любимое кино — «Битву за Берлин» показывают к Дню Победу, а у меня настроение, будто я говна объелся. Это что же такое — второй год подряд мы остаемся без золотых медалей. Да еще умудрились третье место занять, дважды проиграв каким-то шведам. Раньше мы их под Полтавой громили, а теперь они нас в Вене!

— Леонид Ильич, успокойтесь, вам нельзя так волноваться, — попытался урезонить генсека Андропов.

— Не могу я быть спокойным, когда накануне такого светлого праздника наши хоккеисты проигрывают чемпионат мира! Вызывай из Риги Тихонова и пусть он берет в свои руки и ЦСКА и сборную. А Кулагина с Локтевым надо под зад коленом — хватит, отработали.

— Тихонов сейчас не в Риге — он в Вене, и наверняка переживает не меньше нашего, — сообщил Андропов. — Пусть вернется на родину, и здесь мы ему обо всем и сообщим.

— Только не тяни с этим, Юрий. Ему же надо одну команду сдать, а другую принять — дело хлопотное. А если будут проблемы с руководством Латвии, то я с ним сам переговорю.

— С Боссом я, думаю, проблем не будет, — успокоил собеседника Андропов.

— После того, что сегодня случилось в Вене, ни у кого не должно быть вопросов по поводу назначения Тихонова, — заметил Брежнев. — Надо срочно в наш хоккей свежую струю вливать, а то мы и в следующем году чемпионат опять проиграем. Он, кстати, где будет проходить, а то я что-то запамятовал?

— Пока еще неизвестно — конгресс Международной лиги хоккея должен состояться сразу после окончания этого чемпионата.

— Что ты из меня дурака делаешь, Юрий? — в голосе генсека явственно послышалась обида. — Это твоя-то контора не знает, где у нас может быть будущий чемпионат?

— Судя по всему в Праге — все к этому идет, — ответил Андропов.

— Да ты что? — искренне удивился Брежнев. — Да там же нас попросту сожрут, если мы уже сейчас не начнем шевелиться.

— Согласен, Леонид Ильич. Тем более, что в следующем году чехи будут отмечать годовщину — с августа 68-го как-никак десять лет прошло. Помните, что у них творилось в марте 69-го, когда они дважды обыграли нас на чемпионате мира в Швеции?

Брежнев, несмотря на возраст, хорошо помнил те события, поскольку звонил тогда Густаву Гусаку и удивлялся той антисоветской истерии, которая обрушилась на Чехословакию по поводу тех побед. Толпы людей высыпали на Вацлавскую площадь в Праге и устроили ночные гуляния, потрясая плакатами антисоветского содержания и распевая такого же рода песни. Гусак тогда промямлил что-то невразумительное и пообещал навести порядок. Но было понятно, что ничего он не наведет, а говорит так только для проформы.

— Надеюсь, твои службы уже работают над тем, чтобы упредить повторение тех событий? — спросил Брежнев.

— Обижаете, Леонид Ильич. Вот и кандидатура Тихонова возникла именно в этом контексте.

— Что же ты мне, дураку, сразу не сказал о своих далеко идущих планах? — не скрывая огорчения, спросил Брежнев.

— Я же не знал, как сложится у нас в Вене, — попытался оправдаться Андропов.

— Ну ладно, я не в обиде, — сменил интонацию генсек. — Главное, чтобы дело не страдало. Короче, держи меня в курсе. А пока спокойной ночи!

9-12 мая 1977 года, Вена, ежегодный конгресс ЛИХГ

Сразу после окончания чемпионата мира по хоккею в той же Вене состоялся ежегодный конгресс Международной лиги хоккея на льду. Главным вопросом его работы был выбор следующей страны, которой предстояло принять этот турнир в следующем году. В качестве главных претендентов выступали три столицы: Прага (Чехословакия), Стокгольм (Швеция) и Берн (Швейцария). В советских верхах вполне лояльно отнеслись к выдвижению двух последних городов, но вот Прага вызвала категорическое неприятие. По этому поводу в ЦК КПСС в конце апреля (за несколько дней до начала чемпионата в Вене) даже было собрано расширенное совещание с участием руководства Федерации хоккея СССР и Спорткомитета СССР. В качестве основного докладчика на совещании выступил заведующий сектором спорта ЦК КПСС Игорь Митрохин, который заявил:

— Нам крайне невыгодно, чтобы в следующем году чемпионат мира проходил в Чехословакии. Как известно, именно на этот год выпадает 10-летний юбилей августовских событий 1968 года. А это значит, что внутренняя оппозиция в стране обязательно приурочит мировой хоккейный турнир к этой дате. В итоге могут повториться события 1969 года, когда такой же чемпионат мира, но в Швеции, вызвал настоящую антисоветскую истерию в Чехословакии. Причем заметим, что на том чемпионате сборная ЧССР заняла лишь второе место, но она сумела дважды победить золотых медалистов — нашу сборную, что стало поводом к массовым выступлениям не только в Праге, но и в других городах Чехословакии. И можно себе

представить, что случится в следующем году в этом городе, если там чемпионом станут хозяева турнира. Поэтому мы должны обязать нашего представителя в Международной хоккейной лиге Андрея Васильевича Старовойтова предпринять все возможные меры к тому, чтобы кандидатура Праги не прошла на нынешнем конгрессе лиги.

— А как вы себе это представляете? — раздался голос из зала. — Я имею в виду, как Андрей Васильевич может воздействовать на членов Международной лиги?

— А вот пусть он сам выйдет к трибуне и расскажет нам об этом, — предложил Митрохин.

И Старовойтову пришлось встать со своего места и отправиться на этот зов. Он с 1969 года был членом Совета ЛИХГ, а два года назад присовокупил к этому еще и пост председателя судейской комиссии.

— Товарищи, я целиком и полностью согласен со словами Игоря Анисимовича, — первым делом заявил Старовойтов. — Нам крайне невыгодно с политической точки зрения, чтобы следующий чемпионат проходил в Праге. Но мы с вами марксисты, а это значит, что к любому вопросу мы должны подходить с реалистических позиций. А реальная ситуация такова, что среди членов ЛИХГ у Праги слишком много сторонников. И я вам объясню почему. Во-первых, на следующий год выпадает не только юбилей августовских событий 68-го года, но и 70-летняя дата со дня рождения чехословацкого хоккея. Именно поэтому Прага и выдвинула свою кандидатуру. И сумела быстро завоевать себе массу сторонников в Международной лиге, что понятно — столь знаменательная дата не может никого оставить равнодушным.

— Но ведь и политический мотив в этой поддержке тоже присутствует, — высказал свое предположение кто-то из зала.

— Совершенно верно — и это еще одна причина, по которой у Праги есть прекрасные шансы стать хозяйкой будущего чемпионата, — ответил Старовойтов. — Не секрет, что против нас ведется холодная война, в том числе и в спорте. Поэтому есть много желающих, чтобы столкнуть нас лбами с нашими чехословацкими друзьями.

— То есть, получается, что на этот конгресс вы едете, уже заранее предрекая нам поражение? — спросил Митрохин.

— Ни в коем случае, Игорь Анисимович, — повернул голову к вопрошающему докладчик. — Шанс изменить ситуацию в нашу

сторону есть, но мы должны быть готовыми ко всему.

— А вы хитрец, Андрей Васильевич, — улыбнулся Митрохин. — Так сказать, соломку себе подстелили на всякий случай.

— Так я же сказал, что мы марксисты, — ответил Старовойтов, чем вызвал дружный смех у всех участников совещания.

И теперь, находясь в Вене, Старовойтов вспоминал это совещание и мысленно хвалил себя за то, как ему тогда ловко удалось уйти от прямого ответа.

Перед самым отлетом в Прагу Старовойтов побывал еще на одном совещании — в КГБ СССР. Правда, проходило оно в узком кругу — на нем, кроме Старовойтова, присутствовал шеф КГБ Юрий Андропов и полковник Эрнест Спрогис. Главного чекиста тоже интересовала та же проблема: есть ли у нас шансы заблокировать голосование в лиге и не допустить Прагу к чемпионату. Старовойтов и там ответил уклончиво: мол, шансы фифти-фифти.

— И все же, чьих процентов больше? — не унимался Андропов.

— Я полагаю, что чехословацких, — решился, наконец, на честный ответ Старовойтов.

— Что может этому помешать? — вступил в разговор Спрогис.

— Я попытаюсь лично переговорить с президентом лиги Гюнтером Сабетцки, но он мужик хитрый и заранее предсказать его позицию нельзя.

В итоге практически весь чемпионат Старовойтов только тем и занимался, что встречался с членами Совета ЛИХГ и вел с ними продолжительные беседы о будущем конгрессе. Его целью было не только перетянуть на свою сторону собеседников, но и сделать так, чтобы они в нужном направлении воздействовали на своих друзей из числа руководителей национальных федераций, которые должны были участвовать в голосовании по поводу выбора будущей страны-хозяйки следующего чемпионата мира. Вообще в Совет ЛИХГ входило 12 человек, а вот руководителей федераций было в три раза больше — 31. В некоторых из этих людей Старовойтов был уверен, но их было не так много — всего 9 человек (они представляли СССР, ГДР, Болгарию, Венгрию, КНДР, Польшу, Финляндию, Швейцарию, Югославию). В самом Совете ЛИХГ Старовойтов мог положиться почти на половину его членов — на 5 человек. Это были: почетный президент ЛИХГ Ахерн, а также австриец Вассерфогель, югослав Люкса, швейцарец

Трачин, финн Палтанен. Большое значение имела позиция президента ЛИХГ Гюнтера Сабетцки, с которым у Старовойтова были хорошие отношения — как служебные, так и личные (они были одногодками — оба родились в 1915 году — и познакомились еще во второй половине 60-х, когда Сабетцки был уже членом Совета ЛИХГ, а Старовойтов судил чемпионаты мира). Но, как и предполагал Старовойтов, в создавшейся ситуации предсказать то, как поведет себя Сабетцки было нельзя — на него ведь тоже давили со всех сторон. Поэтому Старовойтов, идя на встречу с президентом ЛИХГ, терялся в догадках относительно того, чем закончится эта встреча.

Сабетцки принял его радушно — налил ему коньяка и даже выразил сожаление в связи с тем, что сборная СССР заняла всего лишь 3-е место на венском чемпионате.

— Надеюсь, в следующем году вам, наконец, удастся прервать эту затянувшуюся полосу неудач, — салютуя русскому рюмкой, сказал глава лиги.

— Спасибо, Гюнтер, но все зависит от решений нынешнего конгресса, — ответил Старовойтов.

Поймав на себе вопросительный взгляд своего собеседника, Старовойтов сказал напрямому:

— В Праге нам будет крайне сложно прервать эту неудачную полосу.

— Ах, вот вы о чем, — кивнул головой Сабетцки, после того, как осушил свою рюмку. — Но здесь от меня мало что зависит. Чехи закусили удила и заручились поддержкой большинства делегатов конгресса.

— Но мы можем рассчитывать на ваш голос?

— На мой безусловно, — кивнул Сабетцки. — Но мне кажется, что даже с учетом того, что мы с вами, как члены Совета, имеем право не на один, а на два голоса, шансов на то, чтобы отклонить Прагу у нас мало. Мне кажется, вам надо самому переговорить с чехами.

— Я уже говорил, но они упорно стоят на своем. Я предложил им взять себе чемпионат 79-го года, но они хотят провести его именно в следующем году.

— И понять их можно — они будут отмечать 70-летний юбилей своего хоккея.

— Мне кажется, их больше волнует другой юбилей — тот, которому будет 10 лет.

По губам Сабетцки пробежала ухмылка, которая сигнализировала, что он понимает, о чем идет речь.

— И я думаю, Международная лига вовсе не заинтересована в том, чтобы будущий чемпионат мира превратился в место для сведения политических счетов.

— Мы не допустим этого, — твердо заявил Сабетцки.

— Но было бы лучше ликвидировать пожар в самом зародыше, чем тушить его потом всеми силами.

— Я же говорю, что я на вашей стороне, но ситуация такова, что моей поддержки вам может не хватить.

— Но вы можете воздействовать на ключевых игроков.

— Не могу, дорогой Андрей, — развел руками Сабетцки. — Вы проиграли второй чемпионат подряд и от вас уже отвернулись даже ваши недавние сторонники. Чего уж говорить о тех, кто колебался. Вот почему чехам так легко перетянуть на свою сторону членов конгресса. Впрочем, некоторых и перетягивать не надо — они сами за них проголосуют.

— И все же прошу вас, Гюнтер, поговорите с теми, на кого вы можете воздействовать. А мы в долгу не останемся — вы же знаете, как мы умеем быть благодарны.

Сабетцки ответил не сразу. Сначала он разлил по рюмкам очередные порции коньяка, после чего, взяв свою рюмку, сказал:

— Хорошо, давайте попробуем потушить этот пожар в зародыше.

Президент ЛИХГ и в самом деле в начале конгресса встретился с рядом влиятельных функционеров Лиги и попытался перетянуть их на сторону русских. Однако только два человека — швед Берглунд и голландец Швеерс — согласились прислушаться к его словам. Все остальные деликатно дали понять, что они будут поддерживать чехов.

И все же Старовойтов не терял надежды на благополучный исход. Ведь оставались еще представители национальных федераций. Но во время голосования случилось неожиданное. Даже те из них, в ком Старовойтов был уверен, вдруг проголосовали за Прагу. Видимо, прав был Сабетцки — второе поражение подряд сборной СССР заставило отвернуться от советской стороны и тех, кто всегда старался быть к ней поближе. И легко было себе представить, что случится в случае

поражения советской сборной в Праге — число отвернувшихся только увеличится.

13 мая 1977 года, пятница, Москва, площадь Дзержинского, КГБ СССР

Узнав о решении ЛИХГ провести следующий чемпионат мира в Праге, Андропов вызвал к себе Спрогиса. И когда тот переступил порог его кабинета, неожиданно спросил:

— У вас что в школе по истории было, Эрнест Леонардович?

— Пятерка, Юрий Владимирович. А в чем дело?

— Тогда вы должны помнить итоги Венского конгресса 1814–1815 годов.

— Это тот, который восстановил феодально-абсолютистские монархии, разрушенные французской революцией и наполеоновскими войнами?

— Значит, правильно вам пятерку поставили, — улыбнулся Андропов. — А спросил я вас об этом потому, что вчерашний венский конгресс Международной хоккейной лиги может привести почти к тому же самому. Если в следующем году чехи снова победят, да еще у себя дома, они сделают весомый шаг на том пути, который нам удалось предотвратить в августе 68-го — то есть, ускорить свою капиталистическую трансформацию. И тогда в роли Наполеона, отправленного в ссылку, вполне может выступить ваш покорный слуга. Значит, чтобы этого не произошло, мы должны ускорить назначение Тихонова. Шуточки кончились — если не возьмемся за это дело сегодня, в Праге нас ждет провал. Езжайте в Спорткомитет и переговорите с Павловым. Если он будет возражать, пусть свяжется со мной — я ему объясню ситуацию.

— Павлов вряд ли будет артачиться, а вот военные могут, — стоя посреди кабинета, сообщил Спрогис. — После того, как Тихонов взял с рижанами четвертое место, их позиции только усилились. Короче, как я уже неоднократно говорил, будет оппозиция. Причем, как явная, так и скрытая.

— С явной оппозицией будем разговаривать. А со скрытой бороться — чего тут непонятного? Леонид Ильич выдал нам карт-

бланш, значит, мы и будет решать, кому стоять у руля сборной и ЦСКА в придачу. Это в первую очередь вопрос большой политики, а не спорта. И голосование в пользу Праги это наглядно продемонстрировало. Так что засучим рукава и начнем впрягаться в это дело. Вы же этого, помнится, хотели?

— А вдруг Тихонов заартачится?

— Может и заартачится, — согласился с полковником Андропов. — И вы бы заартачились, будь на его месте. Живет себе в Риге человек почти десять лет и в ус не дует: отличная команда, почти европейский сервис, благополучная семья, наконец. И тут на те — поезжай в Москву и взваливай себе на плечи такую ответственность. Но придется — ничего не попишешь. Короче, вопрос с Тихоновым я беру на себя. А вы займитесь спортивными функционерами. И чтобы к понедельнику эта проблема была решена.

14 мая 1977 года, суббота, Рига, квартира Тихоновых и резиденция ЦК КП Латвии

Тихонов стоял у большого зеркала в коридоре и поправлял галстук, который ему помогла завязать супруга. Тренер готовился к важному событию — ему предстояло ехать в ЦК КП Латвии, где должны были чествовать команду рижского «Динамо» в связи с успешным завершением сезона — 4-м местом в чемпионате СССР. В последний раз такого успеха команда добивалась очень давно — 30 лет назад.

В тот самый миг, когда Тихонов бросил последний взгляд на себя в зеркало и собрался было вернуться в комнату, на столике зазвонил телефон. Подняв трубку, тренер услышал голос председателя Спорткомитета СССР Сергея Павлова:

— Виктор Васильевич, вам надо завтра быть в Москве.

— Зачем? — удивился Тихонов.

— Для очень серьезного разговора. По телефону я всего вам сообщить не могу, поэтому ждем вас у нас во второй половине дня.

Сказав это, Павлов попрощался и повесил трубку.

— Витюша, кто звонил? — донесся до Тихонова голос супруги, сидевшей в гостиной у телевизора.

Прежде чем ответить, тренер положил трубку на аппарат и вернулся к жене. После чего сообщил:

— Звонил Павлов, попросил завтра срочно приехать в Москву. Кажется, Танюша твои прогнозы начинают сбываться.

— Думаешь, дадут сборную?

— Иначе вряд ли бы звонили из Спорткомитета сразу после фиаско нашей команды в Вене, — предположил Тихонов.

— Будешь соглашаться?

— Обязан. Сама же говоришь, что я уже перерос вторую сборную.

— Я сказала и про рижское «Динамо».

— Нет, от этой команды я не откажусь. Буду совмещать сборную и «Динамо».

— Наивный человек, — улыбнулась жена. — Кто тебе позволит курсировать между Ригой и Москвой?

— Ничего, попытаемся уговорить, — ответил Тихонов. Правда, большой уверенности в его голосе супруга не услышала.

Спустя час Тихонов был уже на улице Кирова, где располагалась резиденция ЦК КП Латвии. Хоккеисты рижского «Динамо», а также администрация команды, приехали туда чуть раньше и уже сидели в зале, где должна была состояться официальная часть этого мероприятия.

Когда Тихонов поднимался по лестнице, чтобы пройти в зал, к нему подошел заведующий сектором спорта ЦК Леонид Котлов и, протягивая ладонь для приветствия, сказал:

— Поздравляю вас, Виктор Васильевич, с новым назначением.

Увидев удивление на лице тренера, Котлов пояснил:

— Я имею в виду назначение вас старшим тренером главной команды страны.

— Откуда вы знаете то, о чем даже я еще не знаю? — продолжал удивляться Тихонов.

— Просто здесь, в ЦК, слухи распространяются быстрее, чем вы думаете, — улыбнулся Котлов. — Но в любом случае, огромное вам спасибо. Ваше назначение на столь высокий пост это весомый вклад в местную копилку — ведь еще ни разу тренер из Риги не назначался наставником национальной сборной.

— А как же история с Кубком Канады? — напомнил прошлогоднюю историю Тихонов.

— Я вас умоляю, Виктор Васильевич, — развел руками Котлов. — Это же была фактически вторая сборная. А здесь — первая.

После официальной части был устроен пышный банкет в столовой ЦК, во время которого к Тихонову подошел председатель КГБ Латвии Лонгин Иванович Авдюкевич. Они чокнулись бокалами, в которых было шампанское, после чего чекист взял тренера за локоть и стал уводить от стола.

— Виктор Васильевич, вам большой привет и поздравления лично от Юрия Владимировича Андропова, — сказал Авдюкевич, когда они подошли к окну, выходящему на улицу Кирова. — Вы большая умница, гордость республики. Но перед вами теперь открываются новые, еще более широкие перспективы. Жаль будет с вами расставаться.

— Зачем же расставаться, Лонгин Иванович? — удивился Тихонов. — Тренерскую должность в сборной я смогу совмещать с работой в рижском «Динамо».

— Я думаю, на вас есть другие планы.

— Интересно какие?

— Вы же ушлый в спорте человек, Виктор Васильевич, и должны знать, что в истории советского хоккея еще не было прецедента, чтобы тренер первой сборной жил не в Москве, да еще руководил периферийной командой. Вам наверняка уже подыскали в столице соответствующий вашему рангу клуб.

— Но мне бы тогда хотя бы намекнули об этом.

— Это тонкости политики, мой дорогой, — приобняв Тихонова за плечи, молвил Авдюкевич. — Видимо, в Москве просто посчитали не этичным портить нам настроение в такой знаменательный день. Как только торжества закончатся, вас обязательно вызовут в Москву опять. Только я вам об этом ничего не говорил — договорились?

И Авдюкевич снова прикоснулся своим бокалом к тихоновскому.

*16 мая 1977 года, понедельник, Москва, Арбатская площадь,
Министерство обороны СССР*

Лонгин Авдюкевич оказался прав. Не успело стихнуть в ушах Тихонова эхо банкета в ЦК КП Латвии, а из его головы выветриться,

выпитое там шампанское, как тренера сорвали с насиженного места и вызвали в Москву. Сначала в Спорткомитет, где Павлов прямо заявил ему, что есть мнение перевести Тихонова на работу в Москву.

— Чье мнение? — поинтересовался тренер.

— И наше, и Министерства обороны, и ЦК КПСС, — перечислил Павлов. — Кстати, от меня вам надо будет отправиться к военным — на Арбатскую площадь. Там вам подробно все объяснят.

На Арбатской площади Тихонова принял глава тамошнего спортивного комитета вице-адмирал Николай Шашков. Усадив гостя в кожаное кресло напротив себя, хозяин кабинета минут пять говорил на общие темы — о здоровье самого тренера и его близких, об успехе рижского «Динамо» в первенстве страны, после чего внезапно сообщил:

— Принято решение назначить вас старшим тренером столичного ЦСКА.

— Принято вами, Николай Александрович? — спросил Тихонов.

— Принято там, — и вице-адмирал воздел указательный палец вверх. — Поэтому никакие отказы и отговорки не принимаются. Мы очень ценим вас как опытного специалиста и уверены, что решение о вашем назначении очень своевременное.

— Но ведь у ЦСКА есть тренер Константин Борисович Локтев, который в этом сезоне привел команду к золотым медалям. Как я буду выглядеть в его глазах, да и в глазах общественности после такого назначения?

— Константин Борисович военный человек и привык подчиняться приказам. Никаких обид с его стороны не будет. Так что не волнуйтесь.

В это время на широком столе вице-адмирала зазвонил один из телефонов. Он поднял трубку и в течение примерно полминуты слушал кого-то на другом конце провода. После чего положил трубку и сказал:

— А теперь, Виктор Васильевич, вас ждут на Лубянке.

Вице-адмирал поднялся и протянул гостю ладонь для прощального рукопожатия.

Всю дорогу с Арбатской площади до Лубянки Тихонов ломал голову, кому именно он мог понадобиться в КГБ. Неужели самому Андропову? Да нет, вряд ли. Скорее всего, этот человек — генерал-лейтенант Владимир Петрович Пирожков, начальник отдела кадров

КГБ, с которым Тихонов дружил уже почти десять лет. Видимо, хочет переговорить со мной по поводу моего переезда и обустройства в Москву. Ну, ладно, я-то перееду, а вот как Татьяна сорвется с насиженного места? Это она только говорит, что готова поехать со мной куда угодно, а на самом деле тяжело ей будет покинуть столь европейский город, как Рига. Там у нее хорошая работа на лыжной фабрике, множество подруг. Их ведь с собой в Москву не возьмешь. «Нет, в молодости, когда я был без семьи, менять места проживания и команды было значительно легче, — размышлял Тихонов, глядя в окно на мелькающие по ходу движения дома. — Даже в ВВС к Василию Сталину я переходил без особых душевных терзаний».

Ретроспекция. 1950 год, Москва

Уплетая за обе щеки яичницу, которую ему приготовила мама, Тихонов то и дело бросал взгляд на ходики, которые висели на стене. Перехватив его взгляд, мать улыбнулась:

— Да успеешь ты в свое «Динамо», успеешь.

В течение нескольких лет Тихонов играл в футбол за «Буревестник», но несколько дней назад в их команду пришли люди из московского «Динамо» и уговорили тренера отпустить его к ним. Предложение было настолько заманчивым, что ни тренер, ни сам Тихонов просто не имели права отказаться. И сегодня, в десять утра, он должен был приехать на базу «Динамо», чтобы оформить все необходимые документы и получить форму с динамовской символикой.

Когда с яичницей было покончено, Тихонов поблагодарил маму, чмокнул ее в щеку и уже собрался было покинуть их комнатушку в московской коммуналке на Садовой-Сухаревской, дом 16, как вдруг в дверь кто-то постучал. Стук был сильный, настойчивый — соседи по коммуналке обычно так не стучали. Тихонов распахнул дверь и увидел на пороге двух бравых офицеров со знаками различия летчиков на погонах.

— Виктор Васильевич Тихонов? — спросил один из военных, светловолосый и улыбочивый полковник с усами.

— Он самый, — ответил хозяин квартиры, отступая от двери в глубь комнаты.

Незванные гости переступили через порог и все тот же светловолосый продолжил:

— Мы представители команды ВВС. Виктор Васильевич, сегодня в пять часов вечера вы должны приехать к стадиону «Динамо», к Северной трибуне. Мы проводим вас к Василию Иосифовичу, он хочет вас видеть. Вам все понятно?

Вместо ответа Тихонов кивнул головой. Отдав ему честь, гости удалились так же стремительно, как и появились.

— Витюша, а как же «Динамо»? — спросила у сына мать, когда тот закрыл дверь за гостями.

Тихонов ответил не сразу. Какое-то время он буравил взглядом дверь, за которой скрылись незванные гости, после чего перевел взгляд на родительницу:

— Мама, ты же слышала, кто хочет меня видеть. А с сыном Сталина, сама понимаешь, не спорят.

К месту предстоящей встречи Тихонов приехал на полчаса раньше и нервно прохаживался у Северной трибуны, вглядываясь в лица прохожих и пытаясь узнать в них своих сегодняшних утренних посетителей. Но те появились так же внезапно, как и утром, подъехав к месту встречи на «ЗИСе». Поздоровавшись с Тихоновым, они провели его на территорию стадиона. Спустя пять минут они уже были в раздевалке ВВС, где к очередному матчу готовилась «команда летчиков», как ее называли в народе. Тихонов встал в уголке и стал молча наблюдать за тем, как спортсмены переодеваются перед матчем. В этот миг от них отделился один из игроков и направился к гостю. Тот узнал в нем Всеволода Боброва. Подойдя к Тихонову, Бобер, как называли его болельщики, протянул руку для приветствия и сказал:

— Не робей, Виктор, тут тебя не съедят.

Не успел он это сказать, как дверь раздевалки распахнулась и в помещении вошел человек в кителе с генерал-лейтенантскими погонами. Все узнали в нем Василия Сталина. Поздоровавшись с командой, он застыл посередине раздевалки, наблюдая за тем, как футболисты зашнуровывают бутсы. В этот миг к нему и подвели Тихонова. Смерив его внимательным взглядом, Сталин-младший спросил:

— Говорят, ты в «Динамо» собрался переходить?
— Позвали, вот я и пошел, — ответил Тихонов.
— А если я позову, ко мне пойдешь? — задал новый вопрос отпрыск вождя.
— А вы зовете? — вопросом на вопрос ответил Тихонов.
— Я не просто зову, я приказываю, — улыбнулся Василий.
После чего повернулся к стоявшему за спиной светловолосому полковнику, который сегодня приезжал к Тихоновым, и сказал:
— Хороший парень. Будем брать.

16 мая 1977 года, понедельник, Москва, площадь Дзержинского, кабинет председателя КГБ СССР Юрия Андропова

Так, за размышлениями и воспоминаниями о далеком прошлом, Тихонов доехал до здания КГБ СССР на Лубянке. Молодой и спортивный мужчина в гражданском костюме провел его через подъезд № 1 внутрь здания и сопроводил до одного из кабинетов. Миновав первую дверь, Тихонов попал в небольшой тамбур, где имелась вторая дверь — именно она и вела в просторный — метров сорок — кабинет. В конце его стоял стол. Из-за него поднялся человек в очках, в котором Тихонов узнал Юрия Андропова. Протянув ему руку для приветствия, шеф КГБ пригласил гостя сесть на один из стульев и спросил:

— Что будете пить, Виктор Васильевич — чай, кофе?
И тут же добавил:
— Предупреждаю: чай у меня особенный — с женьшенем, из Китая привозят.
— Тогда чай, — улыбнулся Тихонов, располагаясь за столом.
Андропов, как гостеприимный хозяин, разлил по чашкам из чайника горячий чай и придвинул гостю вазочку, где лежали печенье и сушки. После того, как Тихонов пригубил напиток, Андропов спросил:
— Догадываетесь, о чем будет наш разговор?
— Наверное, о том же, о чем сегодня мне уже говорили Павлов и вице-адмирал Шашков, — предположил гость.
Андропов улыбнулся:

— Совершенно верно. Но они были краткими, а я хотел бы объяснить вам общую ситуацию. После неожиданного поражения нашей сборной в Вене...

— Почему неожиданного? — сорвался с губ Тихонова невольный вопрос, о чем он тут же и пожалел — все-таки прерывать шефа КГБ и члена Политбюро в его же кабинете могло показаться верхом бестактности.

Но Андропов, наоборот, от этого только оживился:

— Вы считаете, мы проиграли заслуженно?

— Мне кажется, да. Я, кстати, говорил об этом и вашему коллеге — полковнику Спрогису.

— Да, он мне рассказывал, но я бы хотел услышать ваши доводы из первых уст. И если можно поподробнее.

— Хорошо, я готов, — отодвигая от себя чашу с чаем, ответил Тихонов. — Нас подвели самоуспокоенность и устаревшие тактические схемы. В Вене мы играли в одном тактическом ключе, не ставя перед соперниками никаких загадок, в то время как команды Чехословакии и Швеции гибко использовали различные тактические варианты. Например, в первом матче с нашей командой шведы умело прессинговали по всей площадке. Не отказывались они от прессинга и в повторной встрече, хотя на этот раз, учитывая усталость своих игроков, их тренер ограничил их активные действия двумя зонами — своей и нейтральной.

— А что чехи?

— Они тоже, не отказавшись от излюбленной тактики игры от обороны, в зависимости от хода игры прибегали и к прессингу, и к тактике силового давления. Наши тренеры не смогли против этого что-либо противопоставить. Ведь современный хоккей требует уже иных подходов. Я бы не стал этого говорить, но если меня уже фактически назначили старшим тренером первой сборной, то я готов отстаивать свою точку зрения на любом уровне.

— Вас назначили не только тренером нашей национальной сборной, но и ЦСКА, — напомнил гостю еще одну его новую должность Андропов.

— А вот этот пост я не готов принять, Юрий Владимирович. И Шашкову я об этом уже говорил. Во-первых, это неэтично по отношению к моему коллеге Константину Борисовичу Локтеву, а во-

вторых... — Тихонов не секунду замолчал, после чего продолжил: —...у меня в Риге хорошая команда, замечательные помощники, которые так в меня верят. К тому же и семья моя привыкла жить в Латвии — там прекрасный климат, налаженный быт, а у жены и сына множество друзей. И все это вдруг взять и бросить...

— Виктор Васильевич, мы с вами люди подневольные, государственные. И не имеем права думать о комфорте в ущерб высшим интересам. А они требуют от нас пожертвовать чем-то личным. Я сейчас вам кое-что покажу.

Андропов достал из ящика стола стопку газет и положил перед гостем.

— Это зарубежная пресса из разных стран, которая обсуждает итоги чемпионата мира в Вене. Западная общественность буквально злорадствует по поводу того, что советская сборная уже два года подряд остается без золотых медалей. Пишут, что мы скатываемся все ниже и ниже — в позапрошлом году заняли второе место, в этом уже третье. Если эта тенденция продолжится, то в следующем году мы уже не войдем в тройку лидеров. А это катастрофа не только для нашего хоккея, но и мощнейший удар по престижу нашего государства. Вот о чем мы обязаны думать в первую очередь, а не о климате или бытовом комфорте. Такие же климатические условия, как в Риге, мы вам, конечно, в Москве обеспечить не сможем — силами природы мы не управляем, но в остальном можете быть уверены — ни в чем нуждаться не будете. Только обеспечьте нам достойный результат, чтобы эти западные щелкоперы угомонились раз и навсегда.

После такой проникновенной речи вряд ли бы у кого-то возникло желание возражать. Но Андропов заметил, что Тихонов все еще сомневается. Поэтому спросил:

— Я вас не убедил?

— Юрий Владимирович, поверьте, я не капризничаю, я просто сомневаюсь, что смогу оправдать столь высокое доверие. Ведь достойный результат нам нужен в кратчайшие сроки, а будет ли у меня фундамент, на котором этот успех можно построить. Все-таки в ЦСКА много выдающихся хоккеистов и у каждого наверняка свои амбиции. Чтобы их приструнить, может понадобится слишком много времени. В рижском «Динамо» с этим проще.

— Понимаю вас, Виктор Васильевич, и ценю вас за вашу прямоту. Она служит лишним доказательством того, что мы сделали правильный выбор. А что касается игроков ЦСКА... Да, там есть несколько игроков со своими, так сказать, завихрениями. Это выдающиеся хоккеисты, но характеры у них не простые. Но вы зря думаете, что перетягивать на свою сторону вам придется всех, что, конечно же, дело для любого тренера неподъемное. Надо всего лишь приструнить их вожака, а все остальные сразу присмирят.

— И кто же у них вожак? — поинтересовался Тихонов.

— Владимир Петров. В команде есть игроки, которые пришли в команду раньше него — например, Викулов, Лутченко, Попов, но Петров сумел завоевать даже среди них негласный авторитет и ведет себя как отдельное государство. С ним ничего не мог поделаться Анатолий Тарасов, а Локтев и вовсе махнул на него рукой. Вы же сами тренер и понимаете, что может сделать группа игроков, если, к примеру, объединится против тренера и поставит целью «сплавить» его. К тому же у Петрова есть заступники в Министерстве обороны, которые не дают его в обиду. Но вы не волнуйтесь, эту проблему я беру на себя. Мы даем вам полную свободу действий — можете гнать этого Петрова к чертовой матери. Тогда и другие игроки присмирят.

— Но ведь Петров — это цемент ведущей пятерки ЦСКА и первой сборной, — напомнил Андропову ценность обсуждаемого игрока Тихонов.

— А кто-то совсем недавно в одном диалоге упрекал этого игрока, что он слабо выступил на чемпионате в Вене, — напомнил Андропов детали разговора тренера со Спрогисом.

— Я от своих слов не отказываюсь, но Петров все равно величина в нашем хоккее. Поэтому надо попытаться пойти иным путем. Я не верю, что с ним нельзя договориться.

— Хорошо, попытайтесь, а мы вам поможем. На вашей стороне будут все структуры, начиная от ЦК КПСС и заканчивая ведомством, которое возглавляет ваш покорный слуга. О любых интригах за вашей спиной мои службы будут немедленно информировать меня, а я, естественно, вас. У вас будет такой карт-бланш, которого еще не было ни у одного нашего тренера. Ну, что, договорились?

Ответить Тихонов не успел — в это время зазвонил один из телефонов на столе Андропова. Сняв трубку и узнав на другом конце

провода голос секретаря ЦК КПСС по идеологии Михаила Зимянина, шеф КГБ специально включил громкую связь, чтобы разговор был слышен и гостю. Зимянин спросил:

— Ну, как дела, Юрий Владимирович?

— Уговариваю, Михаил Васильевич.

— А вы скажите ему, что в этом кабинете не принято отказывать.

Впрочем, я догадываюсь, что громкая связь у вас включена, и ваш гость меня слышит. Я прав, Виктор Васильевич?

— Да, я все слышу, Михаил Васильевич.

— Ну вот и хорошо. Надеюсь, мой звонок поможет вам принять правильное решение.

Андропов положил трубку на аппарат и, разведя в стороны руки, сказал:

— А ведь он прав: в этом кабинете действительно не принято отказывать.

21 мая 1977 года, суббота, Архангельское, база ЦСКА

На армейской базе готовились к торжественному событию — чествованию ЦСКА, завоевавшему «золото» чемпионата СССР. В столовой, которая на время превратилась в банкетный зал, базовские официантки сноровисто расставляли на столах посуду и разнообразную снедь. Хоккеисты в это время находились на улице, греясь на теплом солнышке, дурачась как дети и веселясь в предвкушении банкета. В это самое время во двор въехала черная «Волга», из которой вышел представитель Спорткомитета Министерства обороны генерал-майор Леонтий Ильич Скурлатов со своим адъютантом. Кто-то из хоккеистов обратил внимание на то, что выглядел генерал не по-праздничному хмуро, но большого значения этому факту остальные спортсмены не придали.

Скурлатов поднялся в кабинет тренера ЦСКА Локтева, который встретил гостя с широкой улыбкой на устах. Но эта улыбка тут же слезла с его губ, поскольку Скурлатов был явно чем-то сильно озабочен и выражение его лица не предвещало ничего хорошего. Не понимая в чем дело, Локтев застыл на середине кабинета. А генерал, стоя перед ним, внезапно сообщил:

— Костя, извини, но тебя снимают с должности и подыскивают работу по линии нашего Спорткомитета.

— Кого вместо меня — Тихонова? — стараясь не выдать своего смутения, спросил Локтев.

— Его, сукина сына, — развел руками генерал. — Мы ничего не могли поделать — таково решение Самого.

Под этим обозначением проходил сам Леонид Ильич Брежнев — главный болельщик хоккейного ЦСКА.

— Крепись, Костя, но такова у нас служба, — снова заговорил Скурлатов. — Мы с тобой люди военные, а приказы, сам знаешь, не обсуждаются.

— А нельзя было сообщить это после торжества, а не до? — поинтересовался Локтев.

— Нельзя, дорогой, — развел руками Скурлатов. — Тогда мне пришлось бы сидеть на банкете, слушать речи в твой адрес, а это мука. Не люблю я этого. А так я тебе это сообщил — и обратно в министерство. На банкете меня не будет.

Сказав это, генерал пожал обескураженному тренеру руку и удалился из кабинета.

В итоге Скурлатов провел только официальную часть, на которой армейцам были вручены золотые медали, после чего покинул базу. А вся команда потянулась в столовую, ставшую на время банкетным залом.

Когда все уселись за длинным столом, со своего места встал Локтев. Он держал в руке бокал с шампанским, но лицо его было отнюдь не веселым. На это обратили внимание все присутствующие. Но то, что они услышали...

— Дорогие мои друзья, ребята, я поздравляю всех нас с замечательной победой, которую мы одержали в этом сезоне, став в двадцатый раз чемпионами страны, — обратился к команде ее наставник. — Но, к сожалению, со следующего года у вас будет новый тренер. Это Виктор Васильевич Тихонов. А я... — Локтев на секунду запнулся, пытаясь проглотить ком, застрявший в горле —... а я еще вернусь, потому что ЦСКА — это мой родной дом, я здесь вырос и никогда в другой команде работать не смогу.

Сказав это, Локтев пригубил шампанское из бокала и опустился на свое место.

В банкетном зале повисла мертвая тишина. Она длилась где-то полминуты, после чего в зале зазвучали возмущенные голоса. Перекрикивая друг друга, хоккеисты стали возмущаться тем, что их тренера, после того, как он привел команду к победе, отправляют в отставку.

— Константин Борисович, мы будем за вас бороться! — крикнул кто-то из хоккеистов с места.

Видя, что ситуация начинает выходить из-под контроля, Локтев снова поднялся со своего места и вновь обратился к команде:

— Ребята, я понимаю ваши чувства, сам до сих пор не пришел в себя, но я прошу вас отнестись к произошедшему с пониманием. Мы все здесь военные люди, все офицеры, а приказы в нашей среде, как известно, не обсуждаются. Поэтому продолжайте банкет, а мы с супругой, с вашего позволения, поедem домой.

И оставив вместо себя своих помощников — Виктора Кузькина и Юрия Моисеева, — Локтев и его жена Валентина покинули расположение базы ЦСКА в Архангельском. Они уселись в «Волгу» и выехали за ворота. За рулем был Локтев. Но его состояние, видимо, было таким взвинченным, что спустя несколько минут едва не произошла трагедия. Въезжая на мост, Локтев не справился с управлением и едва не врезался в парапет. В самый последний момент тренер успел нажать на тормоза и автомобиль замер буквально в нескольких миллиметрах от металлического бордюра. Обессиленный Локтев, уронив руки на руль, опустил голову вниз...

А на базе в это самое время бушевали страсти. Хоккеисты никак не могли успокоиться после заявления своего, теперь уже бывшего тренера.

— Да кто такой этот Тихонов? — кричал один из игроков. — Что он сделал в своем рижском «Динамо»? Взял четвертое место? Это же смешно — назначать его после этого в ЦСКА.

— Не надо нам никакого Тихонова, мы хотим Константина Борисовича! — вторил ему другой игрок.

Между игроками сновали Кузькин с Моисеевым и пытались их урезонить. Однако алкоголь, который игроки наливали в свои бокалы, только подогревал страсти. Все грозило перейти в форменную потасовку. Но тут со своего места поднялся капитан команды Борис Михайлов и обратился к игрокам:

— Ребята, если мы устроим здесь скандал, то только навредим Константину Борисовичу. Поэтому давайте продолжим банкет, а завтра, на трезвую голову, во всем разберемся.

Этот спич унял страсти, однако застолье уже было мало похоже на праздник. Скорее, это была коллективная пьянка — спортсмены хотели залить свое горе алкоголем. Сильнее всех эту ситуацию переживал Борис Александров. В эти минуты он вдруг ясно осознал, что с уходом Константина Локтева, который стал ему чуть ли не вторым отцом, его карьера в ЦСКА быстро завершится.

22 мая 1977 года, воскресенье, Подмосковье, дача Юрия Андропова

В это воскресное утро шеф КГБ проснулся раньше обычного, чтобы почитать «Опыты» Мишеля Монтеня. Но едва он взял в руки книгу и погрузился в чтение, как у него зазвонил телефон. В трубке Андропов услышал голос полковника Спрогиса. После привычного приветствия, тот сказал:

— Извините, Юрий Владимирович, что беспокою в столь ранний час, да еще в воскресенье, но, мне кажется, эта информация будет вам интересна.

— Слушаю вас, Эрнест Леонардович.

— Вчера на базе ЦСКА в Архангельском был банкет, посвященный победе команды в чемпионате Союза. Так вот, после того, как Локтев объявил о своей отставке, на банкете произошел скандал — отдельные игроки команды грозились опротестовать это решение.

— А почему Локтев сообщил об этом во время банкета — ведь он должен был узнать о своей отставке после него? — поинтересовался Андропов.

— Генерал Скурлатов решил сделать это до начала торжества. После чего покинул базу.

— Заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибет, — в сердцах воскликнул Андропов. — Кто затеял бучу известно?

— Само собой, Юрий Владимирович.

— Хорошо, доложите подробности рапортом завтра. Кстати, встреча Тихонова с командой в силе? Ее после вчерашнего не

отменили?

— Нет, сегодня во второй половине дня он приедет на базу ЦСКА.

— Тогда пожелаем ему ни пуха ни пера. А заодно и к черту.

И Андропов повесил трубку.

22 мая 1977 года, воскресенье, Архангельское, база ЦСКА

Тихонов в тот день поднялся, как обычно рано, чтобы совершить привычную пробежку, позавтракать и не спеша подготовиться к поездке на базу ЦСКА в Архангельском. Но он успел только умыться, когда в коридоре зазвонил телефон. Тихонов поднял трубку и был приятно удивлен — звонил Анатолий Владимирович Тарасов. Зная о предстоящей сегодня первой встрече Тихонова с армейцами, мэтр звонил для того, чтобы подбодрить коллегу.

— Виктор, будь с ними поосторожнее, — басил в трубку Тарасов. — Они при Локтеве совсем распоясались. Поэтому первым делом ставь вопрос о дисциплине, а я, если надо, тебя везде поддержу.

— Спасибо, Анатолий Владимирович, за звонок и поддержку, — ответил Тихонов. — Но я еще не вошел в курс дела, поэтому итоги работы Локтева оценивать пока не могу.

— Ты что мне не веришь? — пробурчал Тарасов.

— Боже упаси, но надо увидеть все своими глазами.

— Хорошо, увидь, — и мэтр повесил трубку.

Когда Тихонов приехал на базу, его встретили не только руководители ЦСКА, но и несколько генералов из Спорткомитета Министерства обороны. Они сообщили, что собираются официально представить нового тренера команде. Но Тихонов попросил обойтись более скромным представлением:

— Они же живые люди и имеют право на праздник. Зачем разводить сегодня официоз.

И когда ему предоставили слово, тоже был краток: сказал, что первая задача, которая стоит перед ним, это первое место сборной СССР и если она будет первой, то и в ЦСКА все будет нормально. Глядя в лица игроков, Тихонов видел, что большинство смотрит на него настороженно, а некоторые и вовсе с откровенной враждебностью. Было понятно, что впереди его ждут нелегкие дни,

когда ему предстоит завоевывать доверие команды, а с некоторыми игроками придется вступить в жесткое противостояние. Но иного пути у него не было. Как говорится, взялся за гуж, не говори, что не дюж.

После окончания церемонии команда ЦСКА была распущена на летние каникулы сроком почти на месяц.

*5 июня 1977 года, воскресенье, Москва, Ленинградский проспект,
ресторан Аэровокзала*

Отпущенные почти в месячный отпуск, хоккеисты ЦСКА отдыхали перед новым сезоном. Борис Александров находился в Москве, утрясая свои семейные проблемы: жена с новорожденной дочерью окончательно определилась со своим выбором и осталась жить у своих родителей и Борис, предоставленный самому себе, старался забыться в компании друзей. В тот субботний день он сидел в ресторане Аэровокзала со своим приятелем — актером Алексеем Шлемовым и, опрокинув в себя очередную стопку водки, жаловался ему на судьбу. Он сетовал на то, что семья развалилась, дочь он почти не видит, а тут еще и Локтева, который был ему, как отец родной, сняли с должности тренера, назначив вместо него «сухаря Тихонова».

— Помяни мое слово, Лешка, выживет меня из команды этот сухарь, — жаловался другу Александров.

— Нагнетаешь, Борька, — возражал Шлемов. — Ты же в этом сезоне был одним из лучших. Если таких как ты отчислять, то с кем он тогда останется — с ветеранами?

— Он новую пятерку хочет создать, взамен харламовской, — сообщил Александров. — Для этого из Риги Хельмута Балдериса с собой перетащил. В центре будет играть Витька Жлуктов, а с другого края Серега Капустин из «Крылышек». А ведь с Витькой я должен был играть — мы с ним с 73-го года вместе в одном звене катаемся.

— А откуда ты про Капустина знаешь — может, это лажа?

— Тихонов с ним на прошлой неделе встречался — я сам видел. Значит, переманивает. Серега в минувшем сезоне концовку смазал — с травмой валялся. Поэтому и забитых шайб недобрал — всего лишь пятнадцать штук на его счету. Но в сборную его взяли, где снова поставили в звено с Балдерисом и Жлуктовым. Они там неплохо

выступили — двадцать две шайбы наколотили. Вот Тихонов и хочет это звено в ЦСКА перетащить. А меня, значит, побоку.

— Но ты в другом звене играть будешь.

— В каком — в третьем? Вместе с Поповым и Лобановым? Вот ты артист — что для тебя важнее: главная роль или эпизод?

— Спрашиваешь — конечно, главная.

— Вот и для меня игра в третьем звене, что для тебя эпизод. Нет, не сработаемся мы с Тихоновым — разные мы с ним планеты, — опрокидывая в рот очередную порцию водки, резюмировал Александров. — Вот с Константином Борисычем мы были как одно целое. Он меня всегда понимал, даже когда я ему подлянки делал. Этот — не поймет.

— Ну, и плюнь на него! Что ты, место себе не найдешь что ли? Да тебя хоть «Спартак», хоть «Динамо» с руками оторвут! И не в эпизодах там будешь, а на главных ролях! А не возьмут туда, другие команды есть — Союз у нас большой. А хочешь я тебя в ташкентский «Бинокор» сосватаю? Я в Таджикистане, во время съемок, с одним узбеком познакомился — у него брат работает администратором в «Бинокоре». Это, конечно, первая лига, но денег платят немерено — настоящая кормушка.

— Да на кой мне эти деньги — своих девать некуда.

— И много у тебя накопилось? — не скрывая своего любопытства, поинтересовался Шлемов.

— Достаточно, чтобы на безбедную жизнь хватало, — уклончиво ответил хоккеист, подцепляя вилкой кусок колбасы с тарелки. — И ни в какую другую команду я идти не хочу — у меня душа армейца. Меня великий Анатолий Фирсов в команду привел, свитер вручил. А знаешь почему он меня приметил? Я ему его собственное детство напомнил. У него мать пила, а у меня батя зашибал. Фирсова в «Спартак» сватали, но там его не разглядели — сказали: что за дохляк? А Тарасов вот разглядел. Как и меня. Кто такой этот Тихонов против Тарасова — никто и звать его никак. Он человек пришлый, да еще динамовец — кагэбэшник.

— Да, Борька, гнобят наше поколение эти старперы, буквально душу выворачивают, — после того, как они опрокинули еще по стопке, резюмировал Лешка. — У нас ведь в кино та же ситуация. Люди, вроде твоего знаменитого тестя, все командные высоты позанимали и душат

нашего брата, душат. И когда они только угомонятся? А как бы хорошо было, если б их не было. Представляешь, как бы такие, как мы с тобой развернулись.

— И чем бы ты стал заниматься? — поинтересовался Александров.

— В режиссуру бы пошел. Или вон в Америку, в Голливуд рванул. А ты бы в НХЛ обосновался. Сам ведь говорил, что тебя приглашали остаться, когда ты с ЦСКА в прошлом году в Америку ездил.

— Фантазер ты, Лешка — в режиссуру захотел, а меня в НХЛ сосватал, — усмехнулся Александров. — Никуда мы с тобой не попадем — здесь загнемся. Ладно, не будем о грустном — лучше давай, наливай!

Так, споря и потягивая водочку, они просидели допоздна. А потом поднялись и под звуки песни «Арлекино», звучавшей с эстрады в исполнении пергидрольной певицы, плохо копирующей Аллу Пугачеву, направились к выходу. Но там Шлемова внезапно перехватила какая-то компания, некоторых членов которой он знал, и он вернулся догуливать, но уже за другой стол. Он звал с собой и Александра, но тот решил, что ему хватит. Потом он будет жалеть об этом: если бы остался, не влип бы в историю.

На остановке такси в этот вечерний час было немногочленно: стояли двое мужчин и женщина лет пятидесяти с двумя хозяйственными сумками в руках. Получалось, что Александров был в очереди четвертым. Но тут произошло неожиданное. Именно рядом с ним тормознуло такси, водитель которого, видимо оценив внешний вид молодого человека — а на хоккеисте был крутой джинсовый костюм, привезенный им из Финляндии — услужливо открыл перед ним переднюю дверцу.

— Куда поедете? — поинтересовался водитель.

— Здесь недалеко — в Чапаевский, — ответил Александров.

— Двойную цену не пожалеете, в виду позднего времени? — поинтересовался таксист.

— Я тебе и тройную цену не пожалею, — не стал торговаться хоккеист и сделал шаг к автомобилю.

Однако сесть в салон он не успел. В этот миг за его спиной возникла та самая женщина с сумками.

— Да что же это делается? — не скрывая своего возмущения, заголосила дама. — Я уже полчаса стою, а этому пижону уже через пять минут машину подают вне очереди. А я на последнюю электричку опаздываю.

— А вам с какого вокзала, барышня? — поинтересовался таксист.

— С Курского.

— Далековато будет крюк делать. Но если двойную цену заплатите — отвезу с ветерком.

— Нет у меня денег на двойную цену. А вам за такие предложения ваше начальство шею намылит, когда узнает, как вы с людей деньги дерете.

— Это вы что ли расскажете? — поинтересовался таксист.

— А хотя бы и я. Ваша обязанность людей развозить за установленную государством плату, а не по собственным тарифам.

— Ну тогда, тетка, отойди от машины и жди, когда тебе твое государство персональное авто пригонит. А вы, молодой человек, садитесь — будем отчаливать.

— Я вот тебе сейчас так отчалою, — и женщина схватила Александра за рукав джинсовой куртки, не позволяя ему усесться в салон.

Хоккеист попытался вырвать свою руку из цепких пальцев дамочки, но та держала его крепко, да еще и тянула назад. И тогда нервы подвыпившего Александра не выдержали. Свободной рукой он так толкнул женщину в грудь, что она попятилась назад, споткнулась о бордюр на асфальте и всей массой своего тела рухнула на землю, оглашая окрестности истошным криком. После чего стоявшие неподалеку двое мужчин из той же очереди бросились к месту происшествия. У хоккеиста был шанс договориться с мужчинами, что он, собственно, и сделал, объявив им о своей личности:

— Мужики, я — Борис Александров из ЦСКА. Угломоните, пожалуйста, эту тетку, а я вам свой автограф дам.

Но лучше бы он этого не говорил. Оказалось, что оба мужчины болеют за «Спартак», а болельщики этой команды всегда плохо относились к армейской команде, которую они презрительно называли «конюшной».

— А ты совсем забурел, Александров! Сначала на льду людей уродуешь, а теперь вот и до улиц добрался — на женщин руку поднимаешь? — возмутился один из мужчин.

После чего приятели принялись мутузить хоккеиста кулаками сразу с двух сторон. Будь он трезвый, может быть, и отбил бы, но он был изрядно накачан алкоголем, поэтому удары в ответ наносил слабые и неточные, совсем не соответствующие тому прозвищу, которым его наградил в ЦСКА Евгений Мишаков — Кассиус Клей. А таксист, увидев к чему клонится дело, попросту умчался от греха подальше.

Трудно сказать, чем бы закончилась эта потасовка, но мимо проезжала патрульная милицейская машина, которая забрала хоккеиста, пострадавшую женщину и обоих мужчин в ближайшее отделение милиции.

6 июня 1977 года, понедельник, Москва, отделение милиции

В эти отпускные дни Тихонов был занят уборкой своей квартиры на Ленинградском проспекте, в которую он снова въехал, вернувшись в Москву. Занимался он этим один, поскольку супруга Татьяна вместе с сыном остались в Риге и переезжать в столицу в ближайшее время не планировали.

В тот момент, когда тренер прикручивал к новому шифоньеру полочные скрепы, в доме зазвонил телефон. Подняв трубку, Тихонов услышал взволнованный голос своего помощника, который достался ему от прежнего тренера Константина Локтева — Виктора Кузькина. Тот сообщил, что Борис Александров опять угодил в переделку — избил минувшей ночью женщину на остановке такси. На него заведено уголовное дело, надо что-то делать. Наскоро собравшись, Тихонов отправился на базу в Архангельское. А оттуда он вместе с Кузькиным поехал в отделение милиции, где содержался под стражей хоккеист.

Начальник отделения, заядлый хоккейный болельщик, хотя и болевший за «Динамо», встретил их радушно и даже предложил им чая, но гости предпочли сразу перейти к делу. Усевшись в кресло, начальник сообщил:

— На вашего парня заведено уголовное дело по статье 112 часть первая УК РСФСР — умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью.

— Какое наказание ему грозит? — поинтересовался Тихонов.

— Тюремное заключение сроком до трех лет.

— Неужели все так серьезно? — подал голос Кузькин.

Милиционер в ответ развел руками:

— Все дело в заявительнице — уж больно баба упертая. Но если вам удастся ее уговорить забрать заявление, то дело можно спустить на тормозах.

— А где она живет? — спросил Тихонов.

Не говоря ни слова, страж порядка взял лист бумаги и написал на нем домашний адрес пострадавшей.

Как оказалось, она жила в Подольске, поэтому Тихонов и Кузькин, усевшись в служебную «Волгу», отправились туда. За рулем был Кузькин, который, едва они тронулись, произнес:

— Совсем парень с катушек слетает — вот уже почти до тюрьмы докатился. А ведь как прекрасно начинал каких-нибудь три года назад.

Ретроспекция. Сезон 1973/1974 года

Попав в ЦСКА в августе 1973 года, Борис Александров не сразу добился включения в основной состав команды. Тарасов не торопился бросать его в бой против опытных соперников — боялся, что сломают паренька, больше похожего на воробышка. Хотя характер у этого «птенчика» был тот еще. И Тарасов понял это практически сразу. Как-то он зашел в раздевалку и увидел, как Александров, сбивая с лавки амуницию, летит в угол после мощного удара в челюсть Евгения Мишакова — Митрича, как называли его в команде. Тарасов сразу догадался, что произошла какая-то разборка между игроками и Александрову здорово досталось. Тренер не стал ничего выяснять, только спросил у Мишакова:

— За что?

— За дело, — последовал такой же короткий ответ.

— За дело? Можно! — сурово молвил Тарасов и удалился из раздевалки.

Чуть позже он вызвал к себе Мишакова и все-таки разузнал у него детали той разборки. Оказалось, что Александров отказался выполнять ту «черновую работу», какую обычно делали в команде все новобранцы: собирать шайбы после тренировок, носить станок для затачивания коньков. Именно последний и стал камнем преткновения. Когда Мишаков при всей команде сообщил Александрову, что тот теперь будет носить этот станок, молодой хоккеист дерзко ответил: «Не буду, пусть другие носят». На что Митрич отреагировал весьма нервно:

— Ты что, сынок, уже выше всех себя ставишь? Значит, пора тебя на землю опускать.

Сказав это, Мишаков так приложил кулаком в челюсть дерзкого новичка, что тот, будто мячик, отлетел в дальний угол раздевалки. И ни один хоккеист, видевший это, не сказал хотя бы слово осуждения по адресу Мишакова. Все понимали, что он поступил правильно. Понял это и сам Александров, который больше не выкаблучивался и носил злосчастный станок, как миленький. А чуть позже даже подружился с Митричем. И частенько при встречах с ним приговаривал: «Только не бей в лоб, Митрич!»

Первая серьезная «обкатка» Александрова в союзном чемпионате произошла, как уже говорилось, 29 октября 1973 года в Москве, во Дворце спорта в Лужниках, где ЦСКА принимал ленинградский СКА. Последняя тогда считалась командой-середнячком, поэтому Тарасов и решил выпустить против нее своего «птенчика» — Александрова. А тот возьми и схлопочи две минуты штрафа от волнения. Более ничем выдающимся дебютант в тот день не отметился. Правда, ЦСКА в том матче уверенно победил своих одноклубников со счетом 8:2. Однако в целом тот сезон оказался для питомцев Тарасова провальным. Наступил спад в игре их знаменитого первого звена Михайлов — Петров — Харламов, что было следствием той эйфории, которая обрушилась на эту тройку после чемпионата мира в Москве (он проходил в марте-апреле 1973 года). Советская сборная выиграла все 10 матчей, забив в ворота соперников рекордное количество шайб — 100 (пропустив всего 18). Тройка Михайлов — Петров — Харламов забила в общей сложности 43 шайбы (Петров — 18, Михайлов — 16, Харламов — 9). Однако в союзном чемпионате стать лучшим у этого звена уже не получилось — оно стало лишь вторым, пропустив вперед

себя трио из «Крыльев Советов» Вячеслав Анисин — Александр Бодунов — Юрий Лебедев, которые в сезоне 1973/974 забили 64 шайбы (Анисин — 22, Бодунов — 20, Лебедев — 22). У петровского звена было 52 забитые шайбы (Харламов — 20, Михайлов — 18, Петров — 14).

Именно это стало поводом для Тарасова, чтобы бросить в бой молодежь, в том числе и «птенчика» Александрова (на этом настоял второй тренер Константин Локтев, который очень тепло относился к молодому хоккеисту). Он стал регулярно выходить на лед спустя три месяца после матча против СКА — с конца января 1974 года, когда ЦСКА занимал 3-е место, отставая от «Крылышек» почти на 10 очков. И Александров в каждом матче бился на льду, как раненый зверь, при этом почти не удаляясь на скамейку штрафников.

А началась очередная «обкатка» Александрова с важнейшего матча — ЦСКА — «Динамо» (Москва). Игра проходила 16 января во Дворце спорта в Лужниках при полном аншлаге (на матч пришло 12 тысяч зрителей). Александров выходил на заменах, играя в звене Викулов — Жлуктов — Попов (он менял последнего). Игра получилась напряженнейшая и особенно для ЦСКА, игроки которого были заведены, что называется, до предела. Об этом говорит хотя бы то, что армейцы набрали 32 (!) минуты штрафного времени (против 4 минут штрафа у динамовцев). Именно излишняя нервозность ЦСКА и сыграла с ними злую шутку — они пропустили две шайбы, играя в меньшинстве. И за шесть минут до конца встречи динамовцы вели уже 4:1. К тому времени армейцы фактически сложили оружие и лишь третье звено (Викулов — Жлуктов — Попов и Александров) продолжало биться до конца. Как итог — на 57-й минуте сначала Попов, а на 59-й минуте Александров сокращают разрыв до минимума — 3:4. Однако сделать большее армейцам помешала нехватка времени.

После этой феерической игры Александров стал выходить на лед регулярно. Так, 19 января он играл против «Спартака» и забросил одну шайбу. Правда, ЦСКА снова «продул» (4:6). 24 января была игра с «Крыльями Советов», где армейцы снова были биты (3:7), но Александров бился лучше всех: его звено забило две шайбы из трех, причем в обоих случаях ассистентом забивающих (Лутченко и Попова) был Александров.

27 января ЦСКА играл в Воскресенске против «Химика» и снова уступил 3:6. И опять Александров был на виду. Он открыл счет в игре, а затем забил еще один гол, сократив счет до 2:3 в пользу хозяев. Но партнеры его так и не поддержали. Хотя лучшим в этой игре было звено Викулов — Александров — Попов, которое и забило у армейцев все голы (третья шайба была за Поповым, которому ассистировал все тот же Александров).

И даже с середнячком, ленинградским СКА, столичные армейцы не сумели справиться — сгоняли с ним ничейный матч (4:4) — Александров забил один гол и один раз выступил в роли ассистента забивающего (отдал точный пас Попову). Счет стал 4:0 в пользу ЦСКА, что сыграло с ним злую шутку. Армейцы уверились в своей победе и в итоге с 26-й по 59-ю минуту умудрились пропустить четыре безответные шайбы. И хотя во втором матче против СКА подопечные Тарасова все-таки выступили гораздо лучше и победили (8:4, одна шайба была на счету Александрова), однако настроение у них все равно было не ахти. Но это длилось не долго, поскольку 2 февраля ЦСКА снова выиграл — на этот раз в Риге у местного «Динамо» (4:2). Александров играл в звене с Викуловым и Жлуктовым и отдал голевой пас (гол забил Лутченко).

После этого Александров сыграл еще в шести матчах, забил две шайбы. Всего же у него в том сезоне было 14 сыгранных матчей, восемь забитых шайб и четыре голевые передачи. При этом удалялся он не часто — всего пять раз (10 минут штрафного времени). Однако для ЦСКА тот сезон оказался провальным. Команда заняла 2-е место, отстав от чемпионов, «Крыльев Советов», на 9 очков (41 против 50). Именно за это и был снят со своего поста Анатолий Тарасов и вместо него бразды правления клубом взял в свои руки Константин Локтев. Кстати, Александров воспринял эту рокировку с воодушевлением — мягкий и человечный Локтев был ему гораздо ближе, чем суровый Тарасов.

6 июня 1977 года, понедельник, Подольск, квартира и двор потерпевшей

За окном мчавшейся по Варшавскому шоссе «Волги» мелькали дома и перелески, а Тихонов и Кузькин продолжали обсуждать горемычную судьбу Бориса Александрова. Впрочем, вскоре выяснилось, что последние события в ней имеют некоторое сходство с тем, что случилось когда-то и в судьбах обоих пассажиров «Волги».

— Со мной в 67-м году был похожий случай, который едва не стоил мне карьеры, — сообщил Кузькин, когда они остановились на светофоре. — Причем дело было тоже возле Аэровокзала — там постоянно с нашим братом-армейцем что-то происходит. Так что вы имейте это в виду, Виктор Васильевич. Ресторан-то поблизости от нашего Дворца спорта, вот ребята туда дорожку и протоптали. Только я, в отличие от Александрова, в тот раз был не один, а со своими партнерами по команде — Женей Мишаковым и Олегом Зайцевым. Мы вышли из ресторана после гулянки и пришли на стоянку такси. На ту самую, где Борьку захомутали. Все крепко поддатые. И пока мы с Мишаковым решали, кого из нас первого завезем домой, Зайцев сцепился с таксистом — тот не хотел брать от него заказ, поскольку мы были выпившие. На помощь к тому таксисту бросились другие водители, которые повалили Олежку на капот и начали форменно избивать. Ну, мы, естественно, поспешили на помощь. Завязалась такая драка, что аж дым коромыслом стоял, хотя на дворе была зима — дело было за пару месяцев до мартовского чемпионата мира в Вене.

— И сколько же против вас было таксистов? — поинтересовался Тихонов.

— Их восемь, нас — трое, — сообщил Кузькин. — И хотя мы были ребята не слабые, но выпили много — потому и стали нас ломить. Вот тогда-то кто-то из нас выхватил у одного из таксистов монтировку и шарахнул его по голове. Тот рухнул, как подкошенный. И именно в этот момент нас всех милиция и «загребла». К счастью, таксист тот быстро оклемался — на нем шапка зимняя была, она удар и смягчила. Но бумагу на нас составили и отправили в ЦСКА. Тарасов, получив ее, рвал и метал. Грозился выгнать нас всех из хоккея. Но за нас заступился тогдашний глава Спорткомитета Алехин. Короче, Мишакова и Зайцева «прокатили» с чемпионатом мира, а меня взяли, а то иначе наша защита затрещала бы по швам. Правда, звание заслуженного мастера спорта с меня сняли и восстановили только

после того, как мы взяли «золото» в Вене — я там двумя забитыми шайбами отметился.

— У меня тоже была похожая история, — сообщил Тихонов, когда его собеседник закончил свой рассказ. — В начале 70-х это случилось. К нам с женой в Ригу приехал наш хороший знакомый — вратарь Григорий Мкртчян, которого вы хорошо знаете.

Кузькин действительно знал этого человека. Когда он, будучи 15-летним подростком, пришел в 1955 году в команду ЦСКА, то Мкртчян там уже играл восемь лет, став семикратным чемпионом СССР. Кроме этого, он выступал и за первую сборную, трижды становясь в ее составе чемпионом мира, а в 56-м стал еще и чемпионом Зимних Олимпийских игр в Кортина д'Ампеццо. Чуть позже в своих мемуарах Аркадий Иванович Чернышев отметит, что Мкртчян первым из советских хоккейных вратарей заиграл на уровне международного класса и называл его родоначальником советской школы хоккейных вратарей.

— Так вот, посидели мы у нас допоздна, а потом отправились на троллейбусную остановку — провожать дорогого гостя, — продолжал свой рассказ Тихонов. — Только вышли из дома, а на углу улицы Ленина драка — трое мужчин избивают четвертого. Причем тот уже упал, не сопротивляется, а те его ногами колошматят. И это в центре Риги! Что делать? Ну, мы с Григорием рванули на помощь к тому бедолаге. Моя жена, Татьяна, естественно, за нами. А те трое — парни молодые, здоровые. Короче, несладко нам пришлось. Даже Татьяна была вынуждена в нашу драку ввязаться — она сумочкой одного из этих парней по голове огрела. В этот самый момент рядом с нами остановился милицейский патруль. Забрали всех — и нас, и тех мужиков, благо до милиции идти было недалеко. И там Григорий стал возмущаться: дескать, за что нас задержали — мы-то заступиться хотели? Началась перепалка. В итоге нас не захотели отпускать и нам пришлось поднимать на ноги наше спортивное начальство, даже до рижского горисполкома дело дошло. Его руководитель, кстати, вместе со мной теперь в Федерацию хоккея вошел. В конце концов, спустили это дело на тормозах, но Григорий сильно на рижскую милицию обиделся. Говорил, что в Армении нас бы всех за наши заслуги даже в милицию препровождать не стали. Но Латвия это вам не Армения — там все-таки иные законы действуют.

Так за разговорами они добрались, наконец, до Подольска. И достаточно быстро нашли нужный адрес. Повезло им и дальше — женщина оказалась дома, отлеживаясь после инцидента с Александровым. Выглядела она вполне себе нормально, вот только на голове было повязано полотенце — подскочило давление.

Однако, узнав, кто к ней пожаловал, хозяйка не захотела открывать дверь незванным визитерам, общаясь с ними через дверную цепочку. На что Кузькин, потеряв терпение, заявил:

— Анна Ильинична, да вы откройте дверь и посмотрите кто к вам приехал — старший тренер ЦСКА и сборной СССР, а с ним я — Виктор Кузькин. У вас муж есть? Он хоккеем смотрит?

— Нет у меня никакого мужа, — раздраженно ответила женщина и в следующую секунду захлопнула дверь перед самым носом у визитеров.

— Ну, что будем делать? — спросил у компаньона Кузькин, когда они вышли из подъезда.

Но тот вместо ответа направился к лавочке, на которой сидели две пожилые женщины.

— Извините пожалуйста, вы не подскажете — Анна Ильинична из двенадцатой квартиры одна живет или с кем-то? — спросил Тихонов.

— А вы почему этим интересуетесь? — вопросом на вопрос ответила одна из женщин — та, что была в ситцевом платье в горошек.

— Дело в том, что я из Москвы, вот мое служебное удостоверение, — и Тихонов показал женщинам свою «корочку» старшего тренера ЦСКА.

— Тогда понятно, — кивнула головой женщина в зеленом платье и сообщила: — Анна живет с дочерью Ириной и сыном Женькой. Ирина сейчас на работе, а вот сын здесь — вон он играет с мальчишками, в голубенькой рубашке.

Тихонов посмотрел в указанном направлении и увидел ватагу ребят, которые играли в расшибалочку, или расшибец — хорошо знакомую ему еще по довоенному детству на Сухаревке (район Малой Колхозной и Садовой-Сухаревской улиц) игру на деньги. Игралась она так. На определенном расстоянии от проведенной на земле черты («чиры») рисовался квадратик («казна»), куда складывались стопой монеты одного достоинства. Игрок, стоя у «чиры», бросал свою битку,

стремясь попасть в «казну». Если ему это удавалось, то он получал право бить по монетам битой. Если монета переворачивалась, то она считалась «своей» — бьющий забирал ее себе.

Подойдя к мальчишкам, Тихонов поинтересовался у того самого Женьки — 14-летнего светловолосого паренька, который собирался бросать биты:

— Взрослых вы в свою игру принимаете?

— А деньги у вас, дядя, есть? — спросил в ответ Женька.

Вместо ответа Тихонов достал из внутреннего кармана пиджака кожаное портмоне, купленное им в Швеции во время поездки туда рижского «Динамо», и демонстративно потряс им в воздухе, чтобы ребята слышали звон лежащих там монет.

— Тогда кладите денежки в «казну», — предложил Женька.

— Сколько на кону? — спросил Тихонов.

— По гривеннику, — сказал кто-то из ребят.

— А если я полтинник поставлю, можно я первым «казну» буду разбивать? — поинтересовался Тихонов.

— Не положено, — сообщил все тот же паренек из толпы.

Однако тут в ситуацию вмешался Женька:

— Пусть попробует, только бросать будет на два шага назад от «чиры». Идет?

Тихонов кивнул головой и отправился класть в «казну» свой полтинник. Затем он занял позицию за два шага от «чиры» и после небольшой паузы, понадобившейся ему для того, чтобы прицелиться своей битой — монетой достоинством в один рубль — бросил ее в воздух. Она легко преодолела расстояние до «казны» и упала точно на стопку монет, разбросав их по земле.

— Во дает! — не смог скрыть своего восхищения тот самый паренек из толпы, который не хотел брать нового участника в игру.

— Дядя, где научился так ловко биты бросать? — спросил Женька.

— На Садовой-Сухаревской, дом шестнадцать, — ответил Тихонов и отправился бить монеты своей битой.

В итоге он перевернул на обратную сторону все медяки, поскольку бил профессионально — точно по краешку каждой монетки. Однако забирать деньги он не стал, вернув себе лишь свой полтинник. А когда Женька возмутился, Тихонов сказал:

— Ты ведь сын Анны Ильиничны?

— Точно, а вы откуда меня знаете?

— Я, брат, много чего знаю, — улыбнулся Тихонов и, положив руку на плечо Женьки, спросил: — Ты хоккеем любишь?

— Спрашиваете, — глядя на Тихонова снизу вверх, ответил мальчишка.

— А за какую команду болеешь?

— За ЦСКА.

— А ты всех его игроков в лицо знаешь? — продолжал допытываться Тихонов.

— Естественно.

— Тогда я тебе сейчас покажу одного человека, а ты мне скажешь, кто это, — и Тихонов жестом подозвал к себе Кузькина, который все это время стоял возле их служебной «Волги» и с интересом наблюдал за происходящим.

— Да это же Виктор Кузькин! — воскликнул Женька, когда тот только начал к ним приближаться.

— Совершенно верно, — подтвердил эти слова Тихонов. — Это Виктор Григорьевич Кузькин — тринадцатикратный чемпион СССР, восьмикратный чемпион мира и трехкратный чемпион Олимпийских игр. А знаешь, почему он здесь, Евгений? Он вместо со мной приехал к твоей маме, а она не хочет нас к себе пускать.

— А вы кто? — переводя взгляд на Тихонова, спросил Женька.

— Я Виктор Васильевич Тихонов — новый тренер ЦСКА вместо Константина Локтева. У нас к твоей маме есть серьезный разговор, а она закрылась и дверь не отпирает. Вот и я хочу попросить тебя, Евгений. Сходи, пожалуйста, домой и уговори свою маму с нами поговорить.

С недоумением выслушав эту тираду, парень наконец понял, что его никто не разыгрывает и стремглав бросился к себе домой. А его друзья обступили двух именитых мужчин и стали засыпать их вопросами на хоккейную тематику. В разгар этого общения открылось окно на третьем этаже дома напротив и, высунувшийся из него Женька, закричал:

— Виктор Васильевич, идите к нам!

Спустя несколько минут гости переступили порог, поначалу такой негостеприимной для них квартиры, и застали хозяйку уже без полотенца на голове и не в потрепанном халате, а во вполне себе

праздничном платье в мелкий цветочек. Женщина накрывала на стол новую скатерть и собиралась ставить чайник. Но Тихонов ее опередил:

— Анна Ильинична, спасибо за гостеприимство, но мы уже потеряли слишком много времени. Мы просим вас лишь об одном: простить нашего подопечного и забрать свое заявление из милиции. А мы постараемся компенсировать вам ваши моральные и физические страдания материально.

— Да не нужны мне никакие деньги, — отмахнулась женщина. — Вы лучше вон Женьке приятное сделайте — пустите его к себе на тренировку, чтобы он на ваших хоккеистов посмотрел. Он ведь у меня болельщик.

— О чем разговор, — вступил в диалог Кузькин. — Пусть приезжает в любое время.

— Ну, тогда и я вам добром отплачу — заберу свое заявление, — улыбнулась хозяйка. — Но пусть ваш паренек больше себя так не ведет. А то ведь попадетса ему под руку другая женщина, она его точно в тюрьму отправит.

— Мы обязательно передадим ему ваши слова, — пообещал Тихонов. — И будьте уверены — больше с ним такого не произойдет.

На самом выходе из квартиры, в коридоре, гостей догнал Женька. В руках он держал набор открыток «Чемпионат мира 1970 года в Швеции», где были изображены все хоккеисты сборной СССР. Протянув Кузькину открытку с его фотографией и шариковую ручку, парень попросил поставить на ней автограф.

— Так есть же здесь моя роспись, — удивился хоккеист.

Действительно, под каждой фотографией красовались размашистые автографы игроков.

— Но это типографская роспись, а мне нужна живая, — объяснил свое желание Женька.

Кузькин взял авторучку и на обратной стороне открытки написал: «Евгению от Виктора Кузькина в знак признательности». А рядом написал свой рабочий телефон. И, возвращая парню открытку, сказал:

— Позвони мне в начале сентября — я проведу тебя на нашу тренировку. И эти открытки захвати — на ней каждый из наших ребят тоже распишется.

Вечером того же дня был выпущен на свободу Борис Александров. На базу в Архангельское он возвращался вместе с Тихоновым и Кузькиным.

Заведя хоккеиста в свой кабинет, Тихонов показал ему бумагу, которую составили на Александрова после инцидента с журналистом Егором Красовским. Получалось, что в течение одного месяца хоккеист угодил сразу в два серьезных переплета.

— А откуда у вас это заявление? — поинтересовался Александров.

— Ты не думай, что этот документ мне не Локтев передал — он его забыл в столе, когда из этого кабинета съезжал, — признался Тихонов.

После чего спросил:

— Ты собираешься продолжать играть в команде или намылился прямиком на тюремные нары?

— Так ведь наверняка мы с вами характерами не сойдемся, — пожал плечами хоккеист.

— Пока, как видишь, сходимся — иначе на кой черт ты мне сдался, чтобы тебя из каталажки вытаскивать, — признался Тихонов.

— Да вот я тоже удивляюсь, — пожал плечами Александров. — Вы же на мое место Серегу Капустина собираетесь брать?

— Не хочет он к нам, вот в чем заковыка, — сообщил Тихонов. — Так прямо мне в глаза и сказал.

— Теперь понятно, почему вы за меня хлопчете.

— А ты думал я тебе в любви буду признаваться? Любить тебя твоя жена будет. Поэтому знай: отношений, какие у тебя были с Локтевым, между нами не будет. Но я ценю твой талант и хочу, чтобы мы сработались. Так что ступай и подумай об этом. Скоро подготовка к сезону начнется, вот в деле тебя и проверим.

10 июня 1977 года, пятница, площадь Дзержинского, КГБ СССР

Борис Кулагин отдыхал в Ялте, когда ему позвонили из Москвы, из Федерации хоккея, и срочно попросили вернуться в столицу.

— А что случилось, к чему эта спешка? — поинтересовался тренер.

— Дело срочное, но по телефону об этом говорить не хотелось бы. Просто возьмите билет, Борис Павлович, и ближайшим рейсом вылетайте в Москву. Стоимость билета в оба конца Федерация вам оплатит, — ответили на том конце провода, после чего повесили трубку.

И пришлось Кулагину на время забыть про отдых и возвращаться в столицу.

Когда он приехал в Федерацию и поднялся в свой отдел, там его встретил Павел Сергеевич Кондратьев. Лицо у него было озабоченное и, пожав Кулагину руку, он огорошил его сообщением:

— Вам надо заехать на Лубянку, в КГБ, там с вами хотят переговорить.

— О чем? — удивился Кулагин, который всю дорогу ломал голову над тем, зачем его вызвали в Москву.

Пока летел, он перебрал десятки различных вариантов, но вот этот, с вызовом в КГБ, ему даже в голову не пришел.

— О сути разговора нам ничего неизвестно, но говорить с вами будет Эрнест Леонардович Спрогис.

Этого человека в Федерации знали все — он был куратором хоккейной сборной СССР от КГБ и постоянно был на связи со всеми здешними чиновниками. В последний раз Кулагин виделся с ним в Вене, на чемпионате мира, где Спрогис ничем не выказал своего неудовольствиями плачевными результатами выступления нашей сборной и даже успокаивал старшего тренера, когда тот сетовал в самолете, летевшем в Москву, на свою несчастливую звезду. Зачем Кулагин понадобился ему теперь, после того, как его официально отстранили от сборной, тренер понять не мог. Неужели в КГБ решили переиграть ситуацию и вернуть Кулагина с Локтевым к руководству сборной? Нет, в такой кульбит тренер поверить никак не мог. Тогда что?

Терзаемый этими мыслями, Кулагин спустился вниз, где у выхода из здания его поджидала служебная «Волга». Она и доставила его на площадь Дзержинского. И уже спустя пять минут тренер переступил порог просторного кабинета Спрогиса, который в этот момент разговаривал с кем-то по телефону. Но едва завидев гостя, он тут же положил трубку на аппарат, встал и вышел из-за стола навстречу вошедшему.

— Как долетели, Борис Павлович? — первым делом поинтересовался хозяин кабинета.

— Спасибо, хорошо, но было бы лучше, если бы я никуда не вылетал — погода в Ялте превосходная, а в Москве духота, — ответил Кулагин.

— Ничего, сегодня же вечером вы можете вылететь обратно и завтра в это же время будете нежиться на пляже. Или гулять по Никитскому ботаническому саду.

— Как говорится, ваши бы слова... — по губам тренера пробежала едва уловимая улыбка.

Предложив гостю сесть на стул с широкой спинкой, Спрогис вернулся в свое кресло и сообщил:

— Мы вызвали вас в связи с одной деликатной проблемой, к которой вы имеете отношение. Вот послушайте, пожалуйста, вот эту запись, — и Спрогис нажал на клавишу портативного магнитофона, который стоял у него на столе и на который Кулагин поначалу не обратил никакого внимания.

Из магнитофона донесся голос... самого Кулагина, а его собеседником был молодой игрок «Крыльев Советов» и сборной СССР Сергей Капустин. Его любимчик, человек, которого именно он и ввел в элиту советского хоккея. Ведь Капустин был уроженцем города Ухты в Коми АССР и играл за тамошний «Нефтяник». Играл так здорово, что сразу обратил на себя внимание маститых хоккеистов, которые ранее выступали в московских клубах. Одним из них был спартаковец Валерий Березовский, который однажды рассказал о Капустине самому Борису Майорову. Но легендарный хоккеист... не разглядел в юном игроке большого таланта и не вызвал его в «Спартак». А вот Кулагин, наоборот, разглядел. Когда к нему пришел ухтинский тренер Ковалевский — его бывший ученик по Оренбургу, где Кулагин после войны был наставником местной команды, и рассказал, что у них есть весьма интересный паренек, который может вырасти в выдающегося хоккеиста, то Кулагин не стал откладывать это дело в долгий ящик и решил посмотреть на этого самородка воочию. После чего сказал всего лишь одну фразу: «Глина есть, фигура будет!». И взял Сергея в «Крылья Советов». А уже спустя год, в 72-м, Капустин отправился на свое первое серьезное соревнование — на Универсиаду, которая

проходила в Лейк-Плэсиде. И там показал себя во всей красе. После этого его карьера в большом хоккее пошла по накатанной.

На магнитофонной ленте был записан разговор Кулагина с Капустиным, произошедший перед самым отлетом тренера в Ялту. Они беседовали на набережной Москвы-реки сразу после встречи Капустина с Тихоновым, где последний уговаривал хоккеиста перейти в ЦСКА. Вернувшись из Архангельского, Капустин позвонил Кулагину и предложил ему встретиться, чтобы посоветоваться с ним относительно этого предложения. И Кулагин дал ему совет: никуда не переходить и остаться в «Крыльях Советов».

— Тихонов не тот человек, который сумеет дать тебе что-то новое, — говорил Кулагин хоккеисту. — Он специалист неплохой, но вы не сойдетесь с ним характерами. С Игорем Тузиком в «Крылышках» тебе будет намного легче и удобнее.

Слушая теперь свои слова, доносившиеся из магнитофона, Кулагин поразился, как четко они звучат. Было такое впечатление, что люди, которые записывали этот разговор, находились чуть ли не в двух шагах от говорившего. А ведь в тот момент, и тренер запомнил это отчетливо, набережная была пуста — вокруг не было ни души. «Это какими же техническими средствами надо обладать, чтобы так превосходно записать разговор на большом расстоянии?!» — мысленно восхитился чекистскими возможностями Кулагин. Но вслух предпочел эти мысли не озвучивать. Однако когда разговор на пленке закончился и Спрогис выключил аппарат, Кулагин все же не удержался:

— Значит, вы следили за нами и все записывали? Зачем?

— За тем, Борис Павлович, что у нас работа такая, — ответил Спрогис. — Ведь ваш разговор — это не беседа двух взрослых людей о погоде. Это — разговор весьма влиятельного тренера с талантливым хоккеистом, где первый говорит второму: мол, не надо тебе переходить в главную команду страны. Хотя вам прекрасно известно, зачем Тихонов назначен тренером ЦСКА — чтобы вытянуть из болота не столько этот клуб, сколько нашу сборную. Ту самую сборную, которую, в том числе и вы, в это болото и затащили. А из этого разговора выходит, что вы свои личные обиды ставите выше дела государственной важности.

— Я просто хотел спасти парня от опрометчивого шага, — попытался объяснить свою позицию Кулагин. — Мне, как человеку, который разбирается в хоккее, понятно, что Капустин в ЦСКА не заиграет в ту силу, какую ему дает его команда — «Крылья Советов». Там для него создана комфортная обстановка, он в этом клубе уже шесть лет играет. Там его партнеры с полуслова понимают, работают на него. Почему нельзя оставить его в «Крылышках» и вызывать в сборную оттуда, как это происходит уже несколько лет?

— Потому что перед Тихоновым поставлена задача сделать ЦСКА базовым клубом сборной. Для этого там будут созданы два полноценных звена нападения: Михайлов — Петров — Харламов и Балдерис — Жлуктов — Капустин.

— Это неправильный подход — подверстывать под один клуб весь наш хоккей, — не скрывая раздражения, произнес Кулагин. — При таком раскладе наш внутренний чемпионат утратит свою привлекательность. Надо чтобы в нем сохранялась интрига, а вы, выделяя один клуб, убиваете эту интригу на корню. На каких примерах вы собираетесь воспитывать нашу молодежь?

— А то, что два года подряд мы терпим поражение на мировой хоккейной арене — это, по-вашему, положительный пример? — спросил Спрогис. — Неужели вы не видите, что наш хоккей вошел в полосу серьезного кризиса, из которого выйти без потерь у нас не получится. Придется чем-то пожертвовать. Вот и приходится в качестве этой жертвы выбирать наш внутренний чемпионат. Но это естественно, учитывая, что успехи на международной арене для нас сейчас важнее, чем то, что происходит внутри страны.

— А совместить их никак не получится?

— Увы, Борис Павлович, никак, — развел руками Спрогис. — Видимо, тот запас, который был у нас до середины 70-х, заканчивается. Как в экономике, так и в спорте.

— А вы весьма смело рассуждаете — такого в наших газетах не прочитаешь, — искренне удивился Кулагин.

— Вы просто забыли, где вы находитесь — в Комитете государственной безопасности. Здесь принято смотреть правде в глаза, поскольку при иных подходах наша государственность окажется под угрозой. Поэтому я вам ответственно заявляю: ради укрепления сборной придется обескровить наши ведущие клубы — те же «Крылья

Советов» или челябинский «Трактор» и рижское «Динамо». Это и раньше, кстати, происходило, просто сегодня это будет делаться в более жесткой форме.

— Как я понял, наш сегодняшний разговор — это одно из ее проявлений? — догадался Кулагин.

— Вот именно. Так что споры это, конечно, хорошо, но итог у нашего разговора должен быть один — вы признаете свою неправоту и убеждаете Сергея Капустина перейти в ЦСКА. Поскольку через пару недель у Виктора Тихонова заканчивается отпуск и он должен вернуться в команду, чтобы начать формировать те самые полноценные два звена сборной, о которой я вам говорил. Времени у нас не так уж и много — через десять месяцев стартует очередной чемпионат мира. И проходить он будет, как вам известно, в Праге. Надеюсь, вам не надо напоминать, какие отношения на сегодняшний день существуют между нами и чехословаками и особенно в хоккее?

Выдав этот монолог, Спрогис замолчал и, не сводя глаз с собеседника, стал терпеливо ожидать ответа. Ждать пришлось недолго. Глядя в глаза чекисту, Кулагин был краток:

— Хорошо, я наступлю на горло собственной песне.

И, поднимаясь со стула, добавил:

— Ради проблем государственной важности.

27 июня 1977 года, понедельник, Сочи, Кудепста, Краснодарский край

— Бежим, бежим, бежим! Не отстаем! — зычным голосом командовал Тихонов, подгоняя взмыленных армейцев на очередной круг десятикилометрового кросса. Многие из бегущих были уже, что называется, в «мысле», и это неудивительно — при прежних тренерах они в основном налегали на «физику», на физические упражнения, и кроссы если и бегали, то не такие продолжительные. При Тихонове все стало иначе и бег стал одним из главных элементов армейских тренировок. А поскольку сам Тихонов бегал на протяжении долгих лет, ему такие забеги были не в тягость, а только в радость. Несмотря на то, что на улице была жара плюс 25 градусов.

Александров бежал в середине цепочки, локоть к локтю с новобранцем ЦСКА — недавним рижским динамовцем Хельмутом Балдерисом, которому эти кроссы тоже были не в диковинку — он тренировался под началом Тихонова уже почти десять лет (тот взял его в команду 16-летним пацаном). Чуть сзади бежал еще один новичок — Сергей Капустин из «Крыльев Советов». Такой же левый крайний нападающий, как и Александров. Его появление в команде стало настоящим громом среди ясного неба, поскольку еще в начале месяца по ЦСКА прошел слух, что переходить сюда он категорически не хочет. И Тихонов с этим, вроде бы, смирился. Но буквально в день открытия сезона Капустин появился на армейской базе и объявил хоккеистам, что изменил свое первоначальное решение. Почему он это сделал, Сергей не сказал, но всем стало понятно, что без высших инстанций в этом деле не обошлось.

Александров встретил это событие без всякого энтузиазма. Он-то надеялся, что во втором звене будет играть он (слева), Балдерис (справа), а в центре Лопата — Виктор Жлуктов. Но с появлением Капустина Александров оказался третьим лишним. А ведь случись все иначе, и с ним второе звено могло реально конкурировать с первым и даже заменить его, когда оно завершит свое существование. А это время было уже не за горами, учитывая, что Михайлову в октябре исполнялось 33 года, Петрову через пять дней — тридцатник, а Харламову в январе стукнуло 29 лет. Эта тройка была детищем Анатолия Тарасова, а Тихонову явно хотелось создать собственное звено, которое ни в чем не уступало бы тарасовскому.

С Михайловым и Харламовым у Тихонова проблем не было, а вот с Петровым наоборот. Здесь Юрия Андропова правильно информировали — Петров считал себя «вожаком стаи» и спорил с тренером почти по любому поводу. Он и сегодняшний многокилометровый кросс отказался бежать, заявив, что он не легкоатлет, а хоккеист. Впрочем, он и некоторые другие упражнения выполнять отказывался, заявляя, что он лучше знает, что ему нужно для поддержания формы, а что нет.

Буквально накануне Тихонов застал Петрова у врача команды — игрок пришел к нему, чтобы обзавестись рекомендацией, что бегать кроссы ему не надо. Тихонов был удивлен таким подходом и спросил напрямую:

— Владимир, почему вы ставите себя выше коллектива?

— Потому что я лучше всех знаю, сколько мне надо тренироваться.

— Но тренер здесь я, а не вы — мне и решать.

— Вы тренер с периферии и к нашим условиям еще не привыкли. У нас другие методики.

— Какие, интересно? Методики нарушать спортивный режим?

— Я могу его нарушать, поскольку на мне это не отражается.

— Вы что, особенный?

— Просто у меня свои взгляды на хоккей, на тренировки.

— Но эти взгляды, Владимир, во многом уже не поспевают за сегодняшним развитием хоккея. Неужели вы, игрок экстра-класса, человек, который уже восемь лет играет за сборную страны, этого не видите? Может быть, вам стоит прислушаться к мнению людей, которые знают чуть больше вашего?

— Под последними вы подразумеваете, конечно, себя?

— Не только. Но в любом случае определитесь, пожалуйста, как вы будете себя вести в дальнейшем.

Когда Петров удалился из кабинета, врач грустно вздохнул:

— Зря вы с ним связываетесь, Виктор Васильевич. Его ни Тарасов, ни Локтев приструнить не могли. Самый покладистый в их звене — это Валера Харламов.

Тихонов мысленно согласился с этими словами, поскольку близко знал Валерия с начала 70-х, когда тот часто приезжал в Ригу к своей тогдашней пассии — гимнастке Татьяне Щегольковой. Она тогда претендовала на место в сборной СССР — должна была стать седьмой запасной. Но помимо нее таких претенденток было еще две — Эльвира Саади и Русудан Сихарулидзе. Вот последняя и выиграла этот спор. Харламов вполне мог стать отдушиной для Татьяны в это непростое для нее время и забрать ее из Риги в Москву. Но что-то у них не сложилось — Харламов в итоге выбрал москвичку.

«А может, действительно, выгнать этого Петрова из команды к чертовой матери! — думал в сердцах Тихонов, покидая врачебный кабинет. — Тем более, что сам Юрий Владимирович дал мне полную свободу действий в этом плане». Но следом в голову тренера стали лезть уже другие мысли: «А кого я поставлю в первое звено вместо него? Равного ему по умению и таланту у меня пока никого нет. Так

что придется терпеть этого Петю, как называют его в команде товарищи. Хотя приструнить его для острастки все-таки надо».

Ретроспекция. 1971 год, Рига, база рижского «Динамо»

— Альфонс Фрицевич, это полное беззаконие! — негодовал тренер Мартин Якобс, войдя в кабинет начальника рижского «Динамо» Альфонса Егерса. — Что он себе позволяет?

— Какое беззаконие? Кто позволяет? — отрывая голову от бумаг, которые он сосредоточенно подписывал, спросил Егерс.

— Да этот московский выскочка Тихонов! — последовал ответ.

Сказав это, Якобс взял со стола графин, с шумом вытащил из него крышку и налил воду в стакан, стоявший тут же, на столе. Затем залпом выпил его содержимое.

— Да вы не волнуйтесь, Мартин Янович, присядьте, — указал рукой, с зажатой в ней авторучкой, на кресло Егерс. — И расскажите все по порядку.

— Мой рассказ будет коротким. Этот выскочка Тихонов увольняет из команды Вячеслава Малова — нашего лучшего игрока!

— Странно, что я слышу об этом от вас, а не от самого Тихонова, — закрывая ручку колпачком, произнес Егерс.

— Вы это сейчас услышите — Тихонов собирался зайти к вам следом за мной.

Не успело эхо этих слов раствориться в стенах кабинета, как дверь отворилась и на пороге появился тот, о котором только что было упомянуто.

— Можно, Альфонс Фрицевич? — спросил Тихонов у хозяина кабинета, застыв на пороге.

Вместо ответа, Егере сделал приглашающий жест рукой. И когда тренер вошел в кабинет, начальник команды спросил:

— Вы правда собираетесь уволить из команды Малова?

— Правда, Альфонс Фрицевич, — последовал немедленный ответ.

— Вот видите, я же говорил, — всплеснул руками Якобс, после чего повернул голову к Тихонову и спросил: — А с кем вы собираетесь играть в новом сезоне?

— Это просто какое-то дежавю, — рассмеялся в ответ Тихонов. — Ровно три года назад вот в этом же самом кабинете и при наличии тех же самых людей вы, Мартин Янович, говорили мне то же самое: дескать, с кем я буду играть. Я тогда только-только принял команду и собрался уволить из нее ветеранов — Краулиса, Аpsитиса, Страутса и... не помню фамилию последнего игрока...

— ...Ансвериньша, — подсказал Егерс.

— ...спасибо, Альфонс Францевич, — поблагодарил Тихонов за подсказку начальника команды и продолжил: — и вы, Мартин Янович, упрекали меня в том же — с кем я буду играть. А я набрал в команду семерых молодых ребят, в том числе и 16-летнего Хельмута Балдериса, который сейчас является ведущим игроком команды.

— Но Вячеслав Малов тоже является ведущим игроком, — продолжал стоять на своем Якобс. — Он в этом сезоне пахал на льду как проклятый. Вот, у меня записано, — Якобс достал из папки какой-то листок и стал зачитывать вслух статистические данные: — «Тройка нападения во главе с Маловым забросила 126 шайб из 316, выиграла, находясь на льду, 36 своих встреч, 8 свела в ничью и ни одной не проиграла. Когда команда оставалась в меньшинстве, на лед неизменно выходила тройка Малова и 15 раз при этом заставляла соперников начинать с центра поля...» И этого игрока вы собираетесь отчислить из команды?

— Именно его, — подтвердил Тихонов.

— Но почему?

— Не потому, что он и его партнеры по звену забросили 126 шайб. Боже упаси! А потому, что Малов совершенно не поддается перевоспитанию и игнорирует мои установки. Он систематически нарушает дисциплину, что пагубно сказывается на моральном климате в коллективе. Глядя на него, многие игроки думают: если ему можно, то почему нам нельзя?

— Так сделайте ему предупреждение. Отстраните на время от игр, но не отчисляйте! — продолжал бушевать Якобс.

— Да ему эти предупреждения, что мертвому припарка. Их у него, вы сами знаете, скопилось столько, что ими можно выстлать дорогу до Луны. Он чувствует себя незаменимым, поэтому и ведет себя соответствующим образом. А у нас здесь не детский сад, в конце концов.

Все это время Егерс сидел молча, внимательно слушая эту перепалку. Наконец, поймав обращенный к нему вопросительный взгляд Якобса, начальник команды решил сказать свое веское слово:

— Вы, Виктор Васильевич, окончательно утвердились в том, что Малова надо отчислять? Или у вас есть какие-то сомнения?

— Никаких сомнений у меня нет, Альфонс Францевич, — голосом, полным решимости ответил Тихонов. — Вопрос стоит ребром: либо Малов покидает команду, либо я.

После этих слов в кабинете повисла напряженная пауза, когда начальнику команды надо было вынести окончательный вердикт. И он его вынес:

— Хорошо, я подпишу ваше заявление об отчислении Малова.

28 июня 1977 года, вторник, Сочи, Кудепста, Краснодарский край

Вспоминая теперь те события, Тихонов ловил себя на мысли, что Малов и Петров все-таки разные величины. Однако это не означало, что последнему можно было разрешить вести себя как отдельное государство. Поэтому на следующий день Тихонов провел собрание в команде, где высказался начистоту:

— Когда я принимал приглашение возглавить ЦСКА, я и в мыслях не мог себе представить, до чего у вас расшатана дисциплина. Ведь вы же первый клуб страны, базовая команда сборной. Да еще к тому же подразделение Министерства обороны! Где же ваша офицерская честь, в конце концов? Может быть, потому что многие из вас забыли о ней, наша сборная в течение двух последних сезонов терпит поражения на мировых первенствах. Здесь, в ЦСКА, я впервые столкнулся с тем, что существуют как бы две команды — условно говоря, блатных и «пахарей». Среди последних в основном молодежь, а среди первых — целый ряд ветеранов клуба, которые, видимо, возомнили себя незаменимыми и поэтому позволяют себе работать спустя рукава. Но я хочу предупредить этих игроков — они заблуждаются, если думают, что я буду терпеть такое прохладное отношение к работе. Вы думаете, что если меня назначили руководить ЦСКА и первой сборной страны, то вся ответственность за результат лежит только на мне? Нет, уважаемые — отвечать будем все вместе. Уже через два с половиной

месяца нас ждет ответственный турнир — первый розыгрыш приза газеты «Руде право». Он будет проходить в столице Чехословакии Праге — городе, который будет принимать в будущем году чемпионат мира и Европы. Если мы проиграем оба этих турнира, я вас уверяю, голова с плеч слетит не только у меня, но и у многих из тех, кто сейчас сидит в этом зале. И теперь представьте себе, каким будет отношение к вам, заслуженные ветераны спорта, у людей, ваших болельщиков, если вы, так здорово начав когда-то свою карьеру, покроете свою голову позором, проиграв подряд три мировых первенства подряд. Представили? А теперь представьте себе, что смыть этот позор суждено будет уже не нам, а совсем другим людям — тем, кто придет нам на смену. Разве каждый из нас этого хочет?

После этого собрания ситуация в команде заметно улучшилась — видимо, слова, произнесенные Тихоновым, произвели нужное впечатление на тех игроков, кто лелеял надежду на то, что при новом тренере с ними будут «нянниться», как и при Локтеве. Правда, тут в санаторий «Кудепста» на отдых приехал Анатолий Тарасов — бывший старший тренер ЦСКА, которого в команде ласково звали Ваней. Он в 1974 году ушел с этого поста и был поставлен руководить футбольным ЦСКА. Но лавров на этом поприще не снискал — клуб при нем занял всего лишь 13-е место в сезоне-75. Но авторитет Тарасова среди хоккеистов после этого нисколько не упал — среди них он по-прежнему считался патриархом. Поэтому в один из дней, воспользовавшись отсутствием на базе Тихонова, несколько ветеранов команды, прихватив с собой и Бориса Александрова, который тоже числился в оппозиции к новому тренеру, отправились к Тарасову за советом.

В момент прихода гостей тренер сидел в плетеном кресле и читал газету «Советский спорт». Увидев «ходоков», он расплылся в счастливой улыбке, поскольку эти люди олицетворяли для него его лучшие годы в тренерской карьере — с ними он долгие годы выигрывал чемпионаты СССР, мировые турниры и Олимпийские игры. Гости расселись в такие же плетеные кресла вокруг своего учителя и стали делиться впечатлениями о тренерских методиках Тихонова. Естественно, в уничижительном ключе. Тарасов внимательно слушал своих учеников, а когда один из них стал в открытую поносить Тихонова, не сдержался:

— А ты помнишь, Владимир, как ты и меня склонял в таком же тоне и в таких же выражениях в самом начале своей карьеры. Дескать, Тарасов никого не жалеет, хамит и ведет себя как безжалостный диктатор.

— Когда это я такое говорил? — удивился хоккеист.

— Говорил, говорил, — отмахнулся Тарасов. — Мне докладывали мои «глаза и уши» в команде.

— И все же, Анатолий Владимирович, вы — это другое дело, — вступил в разговор еще один хоккеист. — Вы нас гоняли по-черному, но мы, хоть и роптали на вас, но в то же время ощущали и ваше высокое положение в хоккее. А Тихонов что из себя представляет, чем он прославился, чтобы терпеть его закидоны? Тем, что вывел провинциальное рижское «Динамо» на четвертое место? Он нас угробит своей «физикой», потом его снимут, а мы так и останемся при своих болячках.

— Неужели только этим он вам не угодил? — поинтересовался патриарх.

— Не только — он и как человек нам не нравится, — откликнулся на этот вопрос еще один из «ходовков». — Вы иной раз могли оскорбить кого-то, но спустя минуту по его же адресу и доброе слово сказать. И все обиды на вас сразу забывались. А Тихонов настоящий сухарь — почти ни улыбается, и слова доброго от него не дождешься. Может, посоветуете к кому нам обратиться, чтобы его убрали из команды?

Тарасов ответил не сразу. Он сложил газету, все это время лежавшую раскрытой на его коленях и бросил ее на столик, стоявший по правую руку от него. И только потом ответил:

— Гиблое это дело, ребятки мои. Тихонова вам назначили с самого верха. С того самого, решения которого никем не оспариваются. Был бы сейчас жив наш бывший министр обороны Андрей Антонович Гречко, этого назначения бы не произошло. Но его уже больше года как нет. Поэтому вами сейчас управляет динамовец. И ведет он себя соответствующим образом — ему карт-бланш выдан на то, чтобы согнуть в дугу каждого, кто будет ему перечить. Хотя цель-то у него благородная — победить на чемпионате мира в Праге. А это дело государственной важности.

— А если мы все взбунтуемся, неужели и тогда на самом верху нас не послушают? — задал вопрос тот самый Владимир, который когда-то выступал с критикой Тарасова.

— А вы помните, что было ровно год назад в футбольном клубе киевского «Динамо»? — снова обратил свой взор на хоккеиста патриарх. — Там ведь тоже вся команда взбунтовалась против своих тренеров, а что вышло? Сняли только помощника Лобановского, а его самого оставили, футболистов приструнили. Потому что системе ближе начальник, а не подчиненный. А вы еще к тому же все военнообязанные — офицеры Советской Армии. Знаете, что бывает с теми, кто в армии бунтует?

Эта речь Тарасова произвела на всех присутствующих гнетущее впечатление. После нее стало окончательно ясно, что и патриарх, их последняя надежда, им ничем помочь не может. Поэтому гости предпочли поскорее проститься и отбыть восвояси.

Когда они поднимались со своих мест, Тарасов взял за локоть Бориса Александрова и попросил его на пару минут задержаться. А когда все игроки отошли на приличное расстояние, Тарасов спросил:

— А ты, Боря, почему всю нашу встречу промолчал — сказать нечего?

— За меня ребята все сказали, — ответил Александров.

— Ты учти, Боренька, что ты среди этих ребят самый молодой, — сказав это, Тарасов положил свою ладонь на плечо хоккеиста. — Ты надежда ЦСКА, его смена. Ветераны скоро уйдут, а ты и остальная молодежь останетесь. Уйдет, даст бог, и Тихонов. Вам только надо дожидаться этого времени, перетерпеть. Если сможешь это сделать — значит, состоишься, как игрок, как личность. Если не получится — потеряешься. Запомни эти мои слова, сынок. А теперь иди, догоняй своих товарищей.

28 июля 1977 года, четверг, Москва, гостиница «Белград»

Один из администраторов хоккейного клуба ЦСКА, Арсений Евгеньевич Марков, припарковал свою «Волгу» на стоянке возле гостиницы «Белград», закрыл дверцу на ключ и направился к входу в отель. Спустя несколько минут он уже вышел из лифта на седьмом

этаже и подошел к нужному номеру. Прежде чем постучать, он прислушался к звукам, доносившимся из-за двери. Внутри играла негромкая музыка — передавали передачу «В рабочий полдень». Выбив костяшками пальцев условный стук, Марков стал ждать. Не прошло и нескольких секунд, как в замке щелкнул ключ и дверь отворилась, пропуская гостя внутрь.

Человеком, впусившим администратора в номер, был сотрудник внутренней контрразведки КГБ Олег Миланов, на связи с которым Марков находился вот уже около пяти лет. А установилась эта связь между чекистами и администратором еще раньше — в январе 1970 года, когда Арсений Евгеньевич угодил в весьма некрасивую историю, а КГБ помог ему из нее выпутаться. Естественно, не бескорыстно. А произошло вот что.

Осенью 1969 года Маркова включили в административную группу, которая должна была отправиться с юниорской сборной СССР на чемпионат Европы в Швейцарию. Возглавляли команду два тренера: Николай Эпштейн из Воскресенского «Химика» и Юрий Баулин из усть-каменогорского «Торпедо». Именно последний и посодействовал тому, чтобы Марков оказался в их группе, поскольку знал его еще с совместной работы в ленинградском СКА (в 1962–1964 годах Баулин возглавлял эту команду). Марков был опытным администратором и, главное, покладистым. Его отличало очень редкое качество — он мог ужиться в любом коллективе, благодаря своему незлобивому и необидчивому характеру.

Тот чемпионат был третьим по счету для нашей сборной, причем в двух предыдущих розыгрышах наши ребята взяли «золото» на первом турнире и «серебро» на втором (команду оба раза тренировал Николай Пучков из ленинградского СКА). В 1969 году руководство сборной поменяли — назначили Эпштейна и Баулина, которые набрали в команду 19 игроков. Больше всего, естественно, в нем было столичных армейцев — шесть человек: вратарь В. Третьяк, защитники Ю. Терехин, Ю. Блохин, нападающие Ю. Лебедев, А. Бодунов и В. Анисин. Далее представительство команд выглядело следующим образом: столичный «Спартак» — три человека: вратарь В. Криволапое, нападающие К. Климов и С. Короткое, Воскресенский «Химик» — тоже три человека, причем все нападающие: Ю. Савцилло, В. Сырцов и А. Железное. По два человека представляли

ленинградский СКА — защитник Б. Чистяков и нападающий О. Иванов, горьковское «Торпедо» — вратарь В. Минеев и защитник В. Мартынов. По одному человеку делегировали рижские динамовцы — защитника В. Одинцова, свердловский «Автомобилист» — защитника В. Прокофьева и московские «Крылья Советов» — нападающего А. Заикина.

Почти всем хоккеистам было по 18 лет (родились в 1951 году), а Владиславу Третьяку и того меньше — в апреле 69-го ему исполнилось 17 лет (кстати, на турнир он поехал в качестве второго вратаря после Виктора Криволапова). Однако, несмотря на возраст, ребята оказались ушлыми. От своих более старших коллег они знали, что за границей очень ценится русская водка — в той же Швейцарии ее могли купить за тройную цену (не случайно в 1953 году на тамошней международной выставке водка «Московская особая» была удостоена золотой медали). Заметим, что в Европе основной экспорт советской водки приходился на ФРГ — там ею торговала компания «Симекс ГмбХ». Но у этой фирмы было множество конкурентов, которые выпускали фальшивую водку именно по причине большой популярности русского «шнапса». Учитывая это, любая бутылка подлинной водки из СССР стоила на Западе очень дорого. То есть, на этом можно было сделать пусть маленький, но бизнес. Чем наши спортсмены и пользовались, привозя с собой на различные соревнования нашу «сорокоградусную», пытаясь компенсировать ее продажей те небольшие суточные и премиальные, которые им выдавались. От этого процесса решили не отставать и хоккеисты-юниоры, приехавшие в конце декабря 1969 года в Женеву на чемпионат мира. Из 19 игроков больше половины пронесло через таможенную (досмотра у них не было) по 7–10 бутылок водки. То есть, за кордон «утекло» почти 100 бутылок! Тренеры об этом не знали, но знал Арсений Евгеньевич Марков, который предпочел... закрыть на это глаза. Он взял с ребят слово, что спиртное будет влито не в себя, а исключительно в швейцарцев — то есть, продано. При этом администратору полагался свой «процент» — маржа, ради которой он, собственно, и стал «слепым».

Хоккеисты не обманули Маркова — спиртным на турнире не злоупотребляли, поэтому и сумели его выиграть. Наши ребята победили во всех пяти матчах: у ФРГ они выиграли 9:1, У Швеции —

6:5, у Швейцарии — 14:1, у Финляндии — 7:1 и у ЧССР — 5:3. И стали чемпионами Европы во второй раз. Однако радость от этой победы была разбавлена водочной «горечью», поскольку чуть ли не в самом начале турнира грянул грандиозный скандал.

Нашу сборную поселили на окраине Женевы в гостиницу, расположенную в красивом месте рядом с крохотным озером. Отбой происходил в десять часов вечера, но уже спустя полчаса несколько хоккеистов выбирались из отеля через окно и шли на ближайшую трассу, чтобы реализовать водку швейцарцам — тем, кто проезжал мимо. Продавцы действовали незамысловато: останавливали авто и, протягивая водителю бутылку, произносили лишь два, но весьма понятных любому западному человеку слова: «рашен водка». Отказа ни от кого не было. В итоге была развернута бойкая ночная торговля. Но продавцов подвела случайность.

В одну из ночей по этой трассе проезжал «подкрышник» — сотрудник КГБ, трудившийся под «крышей» советского торгового представительства, который возвращался в город после загородной встречи со своим агентом. И именно его машину и «тормознули» около одиннадцати вечера советские юниоры. А поскольку чекист оказался человеком опытным и не стал представляться своим юным соотечественникам, те ни о чем не догадались. Они продали ему их последнюю в ту ночь бутылку «Московской» и отправились спать в отель. А чекист спустя несколько часов доложил обо всем своему резиденту. И тот схватился за голову. Ведь если эта история стала бы достоянием широкой швейцарской общественности (а вероятность такая была — кто-то из местных мог проболтаться), то СССР грозил международный скандал. Еще бы: участники официального чемпионата мира по хоккею, да еще юниоры, занимаются контрабандой на территории чужого государства. Короче, надо было срочно что-то делать. Поэтому резидент связался с советским послом в Швейцарии Анатолием Семеновичем Чистяковым, который немедленно вышел на руководство советской сборной.

Когда Эпштейн и Баулин слышали о том, что их спортсмены торгуют по ночам водкой, они поначалу не поверили в это. Но информация исходила от самого посла, а это был не тот уровень, чтобы подвергать подобное сообщение сомнению. Другое дело, что у тренеров сохранялась надежда, что это всего лишь единичный случай,

а не целый конвейер. Но в любом случае надо было на это реагировать, причем немедленно.

В тот же день хоккеистам была объявлена, якобы, незапланированная тренировка. И когда они покинули свои номера и уселись в автобус, оба тренера принялись обыскивать их жилища. И пришли в ужас — изъятых бутылок оказалось чуть меньше сотни! Эпштейн позвал к себе Маркова и спросил напрямик:

— Вам было известно об этом?

И Арсений Евгеньевич честно признался: было.

Эпштейн был взбешен и готов был стереть администратора в порошок, но в ситуацию вмешался Баулин:

— Я думаю, будет лучше, если Арсений Евгеньевич, заваривший эту кашу, сам ее и расхлебает. Ведь так?

И администратор клятвенно пообещал сегодня же ночью избавиться от всей водки. Как он это сделает, тренерам было неважно, но слово такое им было дано. И он его сдержал. Вечером того же дня с несколькими хоккеистами Марков вынес все спиртное на берег тихого Женевского озера, где водка была вылита в воду. А внутри команды было проведено собрание, на котором было принято решение: сор из избы не выносить — то есть, об этом инциденте ничего на родине не рассказывать. В противном случае это грозило неприятностями не только тренерам, но и самим хоккеистам. Правда, было опасение, что посол в Швейцарии поставит об этом в известность Москву, но тот, к счастью, оказался человеком все понимающим.

Однако для Маркова та история на этом не закончилась. Вскоре после того, как он вернулся в Союз, его вызвали... в КГБ. И там, к его ужасу, напомнили ему недавнюю историю с водкой. И предложили компромисс: он дает подписку о сотрудничестве, а Комитет в свою очередь не станет ставить вопрос о том, чтобы Марков стал невыездным.

— Вы же понимаете, Арсений Евгеньевич, что в противном случае мы просто не имеем права отпускать вас за кордон.

И Марков вынужден был согласиться. И стал агентом КГБ под оперативным псевдонимом «Арнольд». И регулярно поставлял чекистам информацию о том, какая ситуация складывается в тех командах, где он работал. А работал он в той же юниорской сборной (в 1973 году она вновь стала чемпионом), а летом 1977 года его перевели

в ЦСКА с прицелом на то, что он поможет чекистам держать под контролем ситуацию в команде, куда был назначен новый тренер — Виктор Тихонов. Именно ради этого в тот июльский день он и был вызван в гостиницу «Белград» на конспиративную встречу со своим связником-чекистом.

— Итак, Арсений Евгеньевич, чем порадуете? — спросил хозяин номера у гостя.

— Я готов написать вам подробный отчет о том, какая обстановка сложилась в команде за этот месяц, — ответил Марков, усевшись на диван рядом со своим собеседником.

— Отчет само собой, но мне хотелось бы услышать некоторые подробности из первых уст. Во-первых, сильна ли оппозиция в команде и есть ли у нее какой-то план действий?

— После того, как несколько игроков встретились с Тарасовым и ушли от него несолоно хлебавши, оппозиция по сути развалилась, — сообщил Марков.

— А что сказал Тарасов Борису Александрову вам известно? — поинтересовался чекист, выказав тем самым свою осведомленность относительно деталей этой встречи. И это означало одно — даже среди «ходовков» у КГБ был свой информатор, иначе откуда Лубянке было знать об этом.

— Я так и не выяснил подробностей этого разговора, — честно признался администратор. — Но из некоторых фраз самого Александрова я заключил, что это было всего лишь доброе напутствие патриарха хоккея своему ученику.

— А Александров не подбивает других игроков к тому, чтобы не выполнять указания Тихонова?

— Нет, он, кажется, смирился со своей участью и желает остаться в коллективе, а не быть оттуда отчисленным.

— И, значит, команда не собирается «сплавлять» своего нового тренера на первом же турнире в Бад-Наухайме?

Речь шла о турнире в ФРГ, который должен был открыться через десять дней в знаменитом курортном городке, и где ЦСКА предстояло выступить впервые.

— Мне об этом ничего неизвестно. Но я уверен, что такой цели не стоит — все только и говорят об этой поездке, как о возможности

хорошо заработать. Турнир ведь коммерческий и, судя по всему, выбран вами не случайно.

Марков был прав — Федерация хоккея, по наущению КГБ, специально выбрала для ЦСКА этот турнир, чтобы Тихонов смог не только проверить в деле команду, но и «умаслить» игроков этой поездкой.

— А как в команде прижились новички?

— Хуже всех Сергею Капустину — видно, что для него этот переход, как нож в сердце. Но парень старательный, его хорошо приняли. Вратарь Дима Сапрыкин — свой, армейский. Как и Володя Кругов. Они у себя дома. Что касается Балдериса, то он как бы при Тихонове, который ему помогает. А горьковчанин Михаил Варнаков, думаю, надолго не задержится — все разговоры у него о родном «Торпедо». Он ведь в ЦСКА попал по воинскому призыву, а не по своему желанию.

— Генерал Скурлатов в команде появлялся? — без всякой паузы задал новый вопрос чекист.

— Да, он приезжал пару раз в Кудепсту и вчера был в Архангельском.

— С кем встречался?

— С Тихоновым.

— И как себя вел при этом?

— Был сама любезность. Впрочем, Леонтий Ильич всегда отличался умением ради дела подладиться к любому нужному ему человеку.

— А с вами он не общался?

— Перекинулись парой слов и все.

— Как думаете, Тихонову он станет палки в колеса вставлять?

— Только если будет уверен, что ему надежно прикрывают тылы. В одиночку, без должной опоры, он выступать не будет. Но меня сейчас больше не Скурлатов беспокоит, сколько Тяжелыхников.

— Евгений Михайлович? — чекист искренне удивился, услышав фамилию нового заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС.

— Он самый. Пару часов назад он звонил мне и просил встретиться.

— На предмет чего? — не скрывая своей заинтересованности, спросил чекист.

— Думаю, будет перетягивать в челябинский «Трактор». Я ведь его земляк — тоже уральский. Родился в Златоусте, там и школу закончил. А Тяжельников здесь, в Москве, опекает всех уральских.

Чекист был прекрасно осведомлен об этом, поскольку Тяжельников с недавних пор был поставлен курировать спорт по линии ЦК и с этого момента его деятельность на этом поприще стала активно соприкасаться с работой «спортивного» отдела КГБ. А на это направление Евгения Михайловича бросили не случайно. Наверху было прекрасно известно, что он горячо любит это дело, а особенно обожает хоккей. Впрочем, он был опекуном не только для хоккеистов — среди таковых были, например, и другие его земляки-спортсмены: шахматист Анатолий Карпов, лыжница Лидия Скобликова.

— Не хотите уезжать на родину? — догадался чекист о тайном желании своего собеседника.

— Честно говоря, нет — к Москве уже сильно прикипел. Да и прожил я на Урале не долго — только до окончания школы. Так что, если у вас будет такая возможность, посодействуйте остаться здесь. Хотя понимаю, что перечить заведующему отделом ЦК дело нешуточное. Вон Николая Макарова на днях Тяжельников отправил-таки из Москвы в Челябинск.

Речь шла о талантливом защитнике челябинского «Трактора», которого «присмотрел» для себя «Спартак». Летом хоккеиста вызвали в Москву и уговорили перейти в стан красно-белых, которых с нового сезона возглавил недавний тренер саратовского «Кристалла» Роберт Черенков. Макаров согласился и должен был приступить к тренировкам в новом коллективе. Но тут его вызвал к себе Тяжельников и уговорил (или заставил — как кому нравится) изменить свое решение. И без пяти минут спартаковец вернулся в «Трактор».

— Макаров захотел перейти в «Спартак», а у того нет такой «крыши», как у ЦСКА, — напомнил собеседнику о положении вещей в данном вопросе чекист. — А с нынешней весны у ЦСКА появилась еще и наша «крыша». Так что не волнуйтесь — ни в какой Челябинск вы не поедете. Вы нам и здесь пригодитесь.

— Вот спасибо на добром слове, — расплылся в счастливой улыбке Марков.

И снова весь обратился во внимание, готовый отвечать на следующие вопросы.

6-21 августа 1977 года, Бад-Наухайм, ФРГ, Кубок «Турн-унд-таксис»

Весь июль, находясь в Кудепсте, Тихонов гонял хоккеистов ЦСКА, как «Сидоровых коз», подтягивая им «физику». Никто из игроков не роптал, поскольку понимал, что это бесполезно. А тут еще было объявлено, что в начале августа команда отправится на международный турнир «Турн-унд-таксис», который проводился не где-нибудь, а в курортном городке Бад-Наухайме в ФРГ. По всем показателям, это была престижная поездка. Причем не столько из-за самого турнира, который проводился с 1955 года, а из-за места, где это происходило — это была капиталистическая страна, пребывание в которой предполагало получение хороших дивидендов хоккеистами. В случае победы они получали премиальные в виде валюты, которую там же можно было и потратить — купить импортных вещей (одежду, бытовую технику, электронику), которые в СССР всегда можно было легко «пристроить» в чужие руки по двойной, а то и тройной цене. Такие поездки были главной статьей дохода советских спортсменов — они приносили им по несколько тысяч рублей единовременного дохода. Поэтому любое, даже самое незначительное трение с Тихоновым, могло обернуться для провинившегося суровым наказанием — невыплатой премиальных, запретом на покупки, а то и вовсе непопаданием в это турне. Ведь после того, как новый тренер распустил «женсовет» при ЦСКА (клуб из жен хоккеистов), который был создан Анатолием Тарасовым, пожаловаться хоккеистам было некуда. И все нити управления сосредоточились в руках у Тихонова. Поэтому, когда стало известно, что в этот раз Советский Союз в этом турнире будет представлять ЦСКА, то старший тренер так и заявил хоккеистам:

— Если хотите туда попасть, то должны трудиться в поте лица. А попав, не надейтесь, что это будет легкой прогулкой и победа, а с нею и денежная премия, сами свалятся вам на головы. В прошлом году

столичный «Спартак» тоже так думал, а в итоге занял второе место, уступив чехословацкому «СОНПу».

Вообще за два десятка лет в этом турнире советские хоккеисты участвовали шесть раз. Началось все в 1965 году, когда туда была отправлена олимпийская сборная СССР, с ходу занявшая 1-е место. Этот успех потом повторила еще одна команда — московский «Спартак», который четыре раза был победителем: в 1970–1972 и 1975 годах. Но в прошлом году, как правильно сказал Тихонов, «спартачам» не повезло, хотя в чемпионате СССР они стали чемпионами. Но они уступили чемпиону ЧССР клубу «СОНП» («Польди») из Кладно (30 км от Праги), за который играли Милан Новы, Эдуард Новак, Франтишек Каберле, Йосеф Махала, Вацлав Сикора, Ян Новотны и др. Тренировал команду Богумил Прошек — ровесник Тихонова (он родился в 1931 году). Но в отличие от своего советского визави, Прошек был нападающим, играл в командах «Руде звезде» из Братиславы (1950–1952) и из Брно (1953–1957). А закончил он свою игровую карьеру в 1966 году в «СОНПе». Был четырежды чемпионом страны, играл и за сборную ЧССР, завоевав с ней титул чемпиона Европы 1961 года. В сборной он сыграл 39 матчей и забив 13 голов. Именно Прошек в 1977 году привел «СОНП» к чемпионским медалям и победе в Кубке европейских чемпионов. Его клуб и в этот раз, в Бад-Наухайме, должен был стать одним из главных претендентов на победу.

За несколько дней до отъезда «СОНПа» в Германию, Прошека вызвал к себе председатель Чехословацкого хоккейного союза Зденек Андршт. Тоже, кстати, в прошлом известный хоккеист, но из более раннего поколения. В 1931–1950 годах (в том числе и в годы фашистской оккупации) он на позиции центрального нападающего защищал цвета клуба «Славил» из Праги. Однако наибольшую известность Андршт получил, будучи тренером и спортивным функционером. Так, в 1961 году он был старшим тренером сборной Чехословакии (вместе с Владимиром Косткой) и команда тогда взяла «золото» чемпионата Европы и «серебро» чемпионата мира (золотые медали достались канадцам, а сборная СССР в том году в турнире не участвовала). С того же 1961 года Андршт возглавил и Чехословацкий хоккейный союз, превратив его во влиятельную организацию.

— Присмотрись к Виктору Тихонову, — обратился глава союза к Прошеку. — Он для нас темная лошадка, но русские ведь не зря именно его назначили старшим тренером сборной. Он девять лет руководил рижским «Динамо», больших звезд с неба не хватал и его уделом была вторая сборная. И вдруг такой неожиданный кульбит.

— Я видел его в прошлом году на Кубке Канады и там он мне понравился своими смелыми экспериментами, — ответил Прошек.

— Эксперименты вещь неплохая, но не тогда, когда твоя команда два года подряд остается без золотых медалей, — заметил глава союза. — Впрочем, если он собирается экспериментировать и с первой сборной, нам надо об этом знать. А твоя команда первая из наших, которой предстоит скрестить клюшки на льду с новой командой Тихонова. Так что сделай одолжение — присмотрись к его тактике. Ведь нашей сборной в сентябре на первом турнире «Руде право» придется играть против Тихоновской сборной. Я как раз сейчас занят этим турниром.

— Помимо нас и русских, кто еще изъявил желание приехать? — поинтересовался Прошек.

— Шведы и финны отказались. Зато приедут американцы из ВХА — команда «Цинцинатти стингерз».

— Клуб-середнячок? — усмехнулся Прошек.

— Говорят у них вратарь неплохой — Майк Лью. А вообще нашему зрителю что канадцы, что американцы — одинаково интересны. Наш союз уже завалили заявками со всей страны с просьбами предоставить билеты. Так что турнир пройдет на хорошем уровне. Но ты не забудь про мою просьбу — присмотрись к Тихонову.

Кроме ЦСКА и «СОНПа» в турнире «Турн-унд-таксис» участвовало еще пять команд: первая сборная Польши, три западногерманских клуба — «Бад-Наухайм», «Фюссен» и «Риссерзее» — и швейцарский клуб «Ла-Шо-Де-Фон» из одноименного города.

Армейцы прилетели во Франкфурт-на-Майне 6 августа. Их разместили в гостинице на северной окраине города, откуда автобусом доставляли до Бад-Наухайма (он находился всего в 40 километрах). На следующий день вышли на первую тренировку. Еще в Москве Тихонов определился с составом и с тем, что играть его команда будет в четыре звена. Последние выглядели так: 1) Цыганков — Фетисов; Михайлов — Петров — Харламов, 2) Бабинов — Лутченко; Балдерис — Жлуктов

— Капустин, 3) Волченков — Гусев; Александров — Попов — Лобанов, 4) Викулов — Анисин — Волчков (защитники у них из разных звеньев).

Первая игра у армейцев состоялась 8 августа против сборной Польши. Прошло чуть больше года с того момента, когда на чемпионате мира, проходившем в польском городе Катовице, хозяева турнира нанесли сенсационное поражение сборной СССР со счетом 6:4. В ЦСКА сразу несколько игроков хорошо помнили то унижение: Третьяк, Михайлов, Харламов, Лутченко, Бабинов, Цыганков, Жлуктов. А учитывая тот факт, что в нынешней сборной Польши больше половины игроков играло в том победном составе (Анджей Ткач, Анджей Забава, Веслав Йобчик, Лешек Кокошка и др.), хоккеисты ЦСКА просто жаждали взять реванш. Хотел этого и Александров, который видел тот легендарный матч по телевизору, а за два месяца до него и сам игравший против поляков на зимней Олимпиаде в Инсбруке. Наши тогда победили 16:1, причем Александров забил две шайбы. Поэтому, глядя на то, как те же поляки обыгрывают его товарищей в Катовице, Александров не мог поверить своим глазам. И на всю жизнь запомнил в тот день у поляков двух игроков: вратаря Анджея Ткача (кстати, на Призе «Известий» в 1970 году он был назван лучшим вратарем, хотя сборная Польши заняла там последнее, 5-е место) и нападающего Веслава Йобчика, сделавшего хет-трик и которого наш комментатор Николай Озеров называл Жобчиком, что звучало гораздо благозвучнее для советского уха. Тогда даже шутка такая появилась: «Забава, Йобчик и Кокошка зае. ли нас немножко». Вот почему, выходя на лед дворца в Бад-Наухайме и наблюдая за тем, как разминается Йобчик, Александров подумал: «Сегодня не ты, а мы тебя еб...м, Йобчик».

Кстати, Йобчик был игроком клуба «Баилдон» из Катовице (как и другой лучший игрок польской сборной — Тадеуш Облуй), который в 70-е годы звезд с неба не хватал — он шесть раз становился чемпионом страны, но это было в 1958, 1960, 1962, 1965, 1968 и 1970 годах. На те же годы выпадал и его «серебряный» период — это случилось шесть раз. А в 70-е годы «Баилдон» лишь однажды взял «бронзу» — в 1975-м. А главным клубом Польши в те годы считался «Подгале» из Нового Тарга — чемпион страны в 1971–1977 годах. Именно игроки этого клуба и составляли основу сборной Польши и 7

августа 1977 года собирались дать бой ЦСКА. Но поляков хватило лишь на первый период, где счет оставался равным — 0:0. А потом начался их разгром, причем главным образом вторым и третьим звеньями, где солировали Хельмут Балдерис (забил две шайбы) и Борис Александров (тоже сделал «дубль»). Окончательный итог матча — 9:1 в пользу ЦСКА. Так что не помогли полякам ни лучший забивала их сборной Забава, ни его ближайший конкурент в гонке за тот же титул Йобчик.

Вслед за поляками пали под натиском армейцев команды «Бад-Наухайм» (7:1) и «Фюссен» (9:0). А 14 августа состоялась главная игра, хотя и не последняя на турнире — ЦСКА — «СОНП», которая, как и предполагалось, получилась весьма напряженной. На тот момент обе команды набрали по шесть очков и должны были выявить лидера турнира. Армейцы сразу взяли «быка за рога» — уже в первом периоде повели в счете 3:0. Но во второй двадцатиминутке быка уже «оседлали» чехословаки, сумевшие сократить счет до минимума — 3:2. И только третий период выявил победителя. Забив еще одну безответную шайбу, армейцы победили 4:2. Так ЦСКА стал лидером турнира «Турн-унд-таксис», названного так в честь знаменитого аристократического рода Священной Римской империи, который сыграл важную роль в становлении и развитии европейской почтовой службы. С 1615 года его представители были наследственными генерал-оберпочтмейстерами империи.

15 и 16 августа армейцы сыграли еще два матча и оба выиграли: у «Риссерзее» 5:2 и у «Ла-Шо-Де-Фон» 12:4. Причем в последней игре счет на 7-й минуте открыл Александров, а Балдерис сделал хет-трик, забив три шайбы на 42-й, 48-й и 56-й минутах. Армейцы играли в четыре звена, что было естественно для Тихонова — то же самое он практиковал и в рижском «Динамо». Тройки нападения выглядели следующим образом: 1) Михайлов — Петров — Харламов 2) Капустин — Жлуктов — Балдерис 3) Александров — Попов — Лобанов 4) Волчков — Викулов — Анисин. В защите играли: Цыганков — Фетисов, Бабинов — Лутченко, Гусев — Волченков. Лучше всего себя показало второе звено нападения — 4 забитые шайбы (Балдерис — 3, и Жлуктов — 1), затем шло четвертое звено с тремя шайбами (Викулов, Волчков, Анисин), потом третье — 2 шайбы (Александров,

Лобанов) и первое — тоже две шайбы (Михайлов — 2). Среди защитников отличился Гусев.

Учитывая напряженный график последних трех дней турнира, выпавших на долю ЦСКА, в свободный от игр день 17 августа решено было провести легкую разминку. После чего команда села в автобус и отправилась в гостиницу. Однако на полдороге путь им преградила толпа горожан, причем в основном это была молодежь, среди которой были даже дети 7–10 лет. Они шли по улице, перекрывая движение и несли в руках портреты какого-то человека. Сидевший у окна Александров внимательно всматривался в этот портрет и поймал себя на мысли, что эту фотографию он уже где-то видел. Но где, вспомнить никак не мог. И тут ему на помощь пришел сидевший рядом с ним его партнер по звену Александр Лобанов:

— Это же Элвис Пресли — американский певец.

И тут Александров вспомнил, где он видел эту фотографию. Она красовалась на диске, который он лицезрел в доме одной девицы — дочери дипломата, имевшего большую коллекцию рок-н-рольных пластинок.

После чего все хоккеисты ЦСКА прильнули к окнам и стали разглядывать портреты, которые несли в руках и другие пешеходы.

— У него сегодня что — день рождения? — спросил кто-то из хоккеистов.

Но точного ответа на этот вопрос никто из них не знал. Зато это знал их переводчик — Виктор Сазонов, прикрепленный к команде. Он перебросился несколькими фразами с водителем автобуса, после чего объяснил хоккеистам суть происходящих событий.

— Вчера в Америке умер Элвис Пресли, которого жители Бад-Наухайма считают почетным гражданином своего города. Дело в том, что в конце 50-х он два года служил здесь в армии. Эта молодежь направляется на улицу Терассензее, где в отеле «Грюнвальд» жил Пресли.

В это время водитель автобуса обратился к переводчику и сообщил ему еще какую-то информацию, которую Сазонов тут же довел до хоккеистов:

— Оказывается, именно здесь Пресли едва не умер в первый раз. Как-то зимой, будучи на дежурстве в здешних горах, он никак не мог согреться. И не нашел ничего лучшего, как залезть в джип, натянуть на

себя брезент и включить стартер. Очнулся Пресли спустя несколько часов в больнице с отравлением окисью углерода. Выхлопные газы прошли внутрь машины через дырку в полу. А спасли его сослуживцы, вовремя вытащившие певца из джипа.

Эту историю Тихонов решил использовать в воспитательных целях и закончил рассказ переводчика призывом:

— Вспоминайте эту историю, когда, не дай бог, захотите таким образом согреться в автомобиле. Особенно, будучи под «парами».

Между тем турнир «Турн-унд-таксис» плавно шел к своему завершению. И 18 августа армейцы встретились с местной командой «Бад-Наухайм». Этот матч не обещал нашей команде больших проблем, поскольку перед этим «Наухайм» успел проиграть матчи сборной Польши (0:6), «СОНПу» (3:5), «Фюссену» (2:4), «Риссерзее» (4:7). И поначалу так оно и было — уже в первом периоде ЦСКА вел 6:0, причем три последние шайбы армейцы забили за... 40 секунд. Но во второй двадцатиминутке немцы устроили такой штурм советских ворот, что сократили счет до 7:5, причем два последних гола они забили с интервалом в... 8 секунд. Такого с ЦСКА еще ни разу не происходило. А третий период выдался еще более интригующим. В нем то одна команда забивала гол, то другая. И шансы на то, что немцы сумеют уйти от поражения сохранялись практически до последних минут. Но в итоге класс советской команды взял верх над куражом, который снизошел на местных хоккеистов. Сыграв вничью третий период (5:5), ЦСКА победил 12:10.

Сильнее всех у нас сыграла четвертая тройка нападения Волчков — Викулов — Анисин, забросившая 4 шайбы (Волчков — 2, Викулов и Анисин — по 1). Три шайбы записало на свой счет первое звено Михайлов — Петров — Харламов (каждый отметился по одной забитой шайбе). В Александровском звене две шайбы забил Попов. И, наконец, слабее всех выступила тройка Капустин — Жлуктов — Балдерис с одним голом (он был на счету Балдериса).

Среди защитников отличились Гусев и Фетисов.

Наконец, 21 августа состоялась последняя игра ЦСКА — с «Фюссеном», который в начале турнира армейцы победили со счетом 9:0. Но тот разгром мало что значил, поскольку одно дело играть в начале турнира и совсем иное — в его финале. К тому же это был самый именитый клуб ФРГ — он с 1949 года 16 раз становился

чемпионом Бундеслиги (в последний раз в 1973 году). В 1964 году он стал победителем Кубка Шпенглера, а в 1966-м играл в финале Кубка европейских чемпионов. В его воротах стоял Антон Келе, который в 1976 году защищал ворота сборной ФРГ, завоевавшей «бронзу» на зимней Олимпиаде в Инсбруке. В защите играл Рудольф Таннер — еще один бронзовый призер Инсбрука.

Тот последний матч выдался для армейцев нелегким. Достаточно сказать, что к началу третьего периода счет был ничейным — 1:1. Но затем подопечные Виктора Тихонова все-таки сумели переломить ход встречи и забили еще три шайбы, на которые немцы смогли ответить всего лишь одной. В итоге, набрав 12 очков из 12 возможных, московские армейцы выиграли турнир «Турн-унд-таксис» («Фюссен» занял 4-е место). На втором месте оказался «СОНП» (10 очков), на третьем — сборная Польши (8 очков). Это была первая победа Виктора Тихонова на посту тренера ЦСКА, которая поколебала позиции тех людей, кто мечтал, что его тренерские методики угробят армейский клуб. А вон как вышло!

26 августа 1977 года, пятница, Архангельское, база ЦСКА

За четыре часа до отбоя Тихонов вышел за ворота базы и, пройдя метров двести вдоль бетонного забора, занял место у раскидистого дуба. Как ему по секрету сообщил один из игроков команды, именно здесь сегодня должен был произойти очередной побег одного из хоккеистов в соседний с базой ресторан «Русская изба». Это заведение располагалось поблизости с армейской базой и нарушители режима периодически совершали туда «набеги», причем иногда не одни, а в компании со своими женами, которые приезжали к базе на такси и ждали своих благоверных в условленном месте. Про эту технологию Тихонова проинформировал сотрудник КГБ, долгие годы курировавший по линии 3-го отдела КГБ СССР (военная контрразведка) хоккейную команду ЦСКА. Он же дал «наводки» на своих людей в команде, которые тоже должны были помочь ему войти в коллектив.

Прождав минут пятнадцать, Тихонов вскоре действительно услышал, как по другую сторону забора послышались чьи-то

осторожные шаги. Вскоре на эту сторону прыгнул человек, в котором тренер без труда узнал Бориса Александрова. Тихонов шагнул ему навстречу.

— Ну, еще раз здравствуй, Борис. Куда собрался, если не секрет?

Увидев тренера, хоккеист на секунду замешкался, но затем дерзко взглянул ему в глаза и ответил:

— Секрет.

— А ты молодец, не тушуешься, — похвалил своего подопечного тренер. — Только было бы лучше, если бы ты свои отменные качества на тренировках проявлял, а не в самоволках. В пору моей юности была такая присказка: «Кабачки и бабы доведут до цугундера». Вот ты туда и мчишься на всех парах. Мало тебе летних происшествий, так за новыми отправился?

— Никуда я не отправился, — отряхивая пыль с брюк, ответил Александров. — Просто надоело день и ночь на базе торчать. Хочется ведь и отдохнуть по-человечески. Тем более, вы меня все равно в сборную на «Руде право» не включили. Серегу Капустина на мое место взяли, хотя он в открытую говорит, что человек в команде временный. Да и Балдерис надолго у нас не задержится.

— Но они хотя бы игру показывают, а ты? — искренне удивился Тихонов. — Ты же сачкуешь, тренируешься спустя рукава. На турнире в Бад-Наухайме играл ниже своих возможностей.

— Я один такой что ли? Есть и не лучше меня ребята, но вы их в сборную вызвали. Тут дело, видимо, в другом — в чем-то личном. Не пришелся я вам по нутру еще со времен второй сборной, когда мы ездили на Кубок Канады. А разве наше звено, где я играл с Викуловым и Жлуктовым, плохо там себя показало? Вы посадили нас на скамейку запасных в игре против чехов и они выиграли 3:1. А когда вы выпустили нас против финнов и американцев, то наше звено первым «отгрузило» шесть шайб из одиннадцати забитых нашей командой, а вторым — четыре из пяти забитых.

— Играли вы тогда неплохо, но финны и американцы были слабее нас, — ответил Тихонов. — Вот если бы вы обыграли канадцев в полуфинале, тогда другое дело.

— Но мы проиграли канадцам 1:3 и единственную шайбу забил Губастик с моей подачи.

Под этим прозвищем скрывался Владимир Викулов и Тихонов это знал. Тот же сотрудник КГБ, который вводил его в курс цээсковских дел, назвал ему прозвища всех игроков ЦСКА — так сказать, для общего развития. Например, Харламова звали Хорликом, Жлуктова — Лопатой, а Викулова — Губастиком.

— Ты вспоминаешь свои подвиги прошлогодней давности, потому что тебе нечем похвалиться в настоящем, — продолжал гнуть свою линию Тихонов. — И ты правильно сказал, что твое нутро, как ты выражаешься, мне действительно не очень нравится. Но я бы наступил себе на горло, если бы ты свой талант и дальше развивал. Тот самый талант, который так ярко блеснул в играх на Кубке Канады или еще раньше в Суперсерии. Но ты, видно, решил, что ты уже всего достиг и дальше работать не надо. Это есть твоя самая главная ошибка.

Сказав это, тренер замолчал, ожидая, что его подопечный ему что-нибудь возразит. Но тот молчал, глядя куда-то в сторону.

— Ну, ладно, будем считать, что беседа на морально-нравственную тему прошла успешно, — вновь нарушил тишину Тихонов. — А теперь марш обратно на базу. Тебя посадить или сам справишься?

— Справлюсь, — пробурчал в ответ Александров и, ловко подтянувшись на руках, перемахнул через забор на территорию базы.

11 сентября 1977 года, воскресенье, Черемушки, дом Вероники

Войдя в подъезд своего дома, Вероника подошла к лифту и нажала на кнопку вызова.

— Долго ждать заставляешь себя, красавица, — раздался справа от нее чей-то мужской голос, который заставил девушку вздрогнуть.

А когда она повернула голову на звук, ее душа и вовсе ушла в пятки. В раскрытой настежь двери, ведущей к подъездной лестнице, стоял Олег — тот самый человек, который полгода назад убил своего приятеля Павла и исчез без следа. Как заявили Веронике сотрудники МУРа, автомобиль, в котором находился Олег, свалился в Москва-реку, но его тела в нем так и не нашли — лишь трупы двух обэхээсников. Что наводило сыщиков на два возможных варианта развития событий: либо беглец погиб и его тело унесло течением, либо он все-таки выжил

и скрылся в неизвестном направлении. Поэтому на всякий случай Олег был объявлен во всесоюзный розыск. Однако уже спустя несколько месяцев о нем все благополучно забыли, в том числе и Вероника. И вот теперь он стоял перед девушкой живой и невредимый, только большой шрам на правой щеке сильно обезобразил его лицо.

— Отойдем-ка в сторонку, — произнес Олег и, взяв девушку за локоть, завел ее в лестничный коридор и плотно закрыл дверь.

Девушка прижалась спиной к стене и... заплакала. Слезы сами собой полились из ее широко раскрытых глаз, падая на воротник модного польского плаща, купленного месяц назад у спекулянта в женском туалете возле магазина «Ванда», что на Петровке.

— Чего сопли распускаешь? — продолжая держать девушку за локоть, спросил Олег. — Или чует кошка, чье мясо съела?

— Не убивай меня, Олежек, — глотая слезы, прошептала одними губами Вероника.

— А мильтонам меня зачем сдала?

— Я не виновата — они меня заставили.

— Ну да, ты же у нас не партизанка — сразу раскололась. А историю с Александровым кто придумал?

— С каким Александровым? — не поняла девушка.

— С хоккеистом, с которым ты на хоккее вместе сидела.

— Ах, с этим? В милиции и придумали. А до этого я его и в глаза не видела.

— С тех пор не общаетесь?

— С кем?

— С Александровым, дура.

— Нет, ни с кем я больше не общаюсь — ни с ним, ни с милиционерами теми.

— Не врешь?

— Честное слово, Олежка! — взмолилась Вероника.

— А еще раз встретиться не хочешь — с хоккеистом этим?

— Зачем? — искренне удивилась девушка.

К этому моменту слезы на ее щеках уже успели высохнуть и она стала понемногу приходить в себя.

— За тем, что мне это нужно. За тобой ведь должок, красава, а долги надо отдавать. Заодно и хоккеист этот расплатится, за то, что

мильтонам помогал. А я ведь его своим кумиром считал! Впредь мне, дураку, наука будет.

— Как это — расплатится? — продолжала удивляться Вероника.

— Деньгами, дура, а чем же еще? — сказав это, Олег смачно сплюнул в угол подъезда. — У него их, поди, немерено — лопатой гребет. А мне башли сейчас дозарезу нужны. Я полгода по разным малинам кантовался — боялся носа показать. Я и сейчас боюсь, что меня уголовка сцапает. Поэтому деньги и нужны, чтобы смотаться отсюда куда подальше. На мели я, понятно?

— Но у меня в кошельке только двенадцать рублей осталось, — и девушка потянулась рукой к сумочке, висевшей у нее через плечо.

— Засунь свои гроши знаешь куда? — на лице Олега вновь заиграли желваки, а шрам побагровел. — Мне настоящие башли нужны, которых у тебя отродясь не было. А у Александрова они есть — наверняка не одну сберкнижку имеет. Мне надо, чтобы ты меня на него вывела.

— Да как же я тебя на него выведу, если я не знаю ни адреса его, ни телефона?

— Разве он тебе про адрес ничего не говорил?

— Ну, был как-то разговор — где-то возле Ленинградского проспекта он обитает. Но это все — больше я ничего не знаю.

— А где он ханку жрет в свободное время не говорил?

— Ханку? — переспросила девушка и задумалась.

Спустя несколько секунд она, наконец, вспомнила:

— Он меня в ресторан Аэровокзала приглашал, говорил что это любимое у него место. Но я не пошла.

— Значит, теперь пойдешь, если жить хочешь, — и Олег придвинулся к девушке вплотную. — Будешь туда ходить до тех пор, пока этот хоккеистик там не объявится. Разыграешь перед ним спектакль и на меня выведешь. А дальше я с ним сам разберусь. Сделаешь это, больше меня здесь не увидишь. А если опять кинешь — кишки тебе выпущу и на твою же шею намотаю. Мне терять нечего — за мной уже столько трупиков висит, что одним больше, одним меньше разницы не играет. Все уяснила?

Вместо ответа девушка беззвучно кивнула головой. И ее глаза вновь наполнились слезами.

*12 сентября 1977 года, понедельник, Чапаевский переулок,
квартира Бориса Александрова*

Долгий и протяжный звонок, разорвавший утреннюю тишину в квартире Александрова, заставил хозяина проснуться. Сделать это было нелегко, поскольку вчера он с партнерами по ЦСКА хорошо отпраздновал первую половину игр на Кубок СССР, которую армейцы прошли без единого поражения. Впрочем, можно ли было ожидать иного результата, если в соперниках у них побывали клубы далеко не самые сильные. В итоге с 4 по 11 сентября были сыграны шесть матчей и везде одержаны победы. Пермский «Молот» и челябинский «Металлург» были повержены с одинаковым счетом 13:3, ленинградский СКА был бит 5:3, киевский «Сокол» 20:3 и, наконец, вчера, было обыграно горьковское «Торпедо» 10:0. Александров выходил на лед в каждой игре, но голами отметился лишь в матче против «Металлурга» — сделал хет-трик, как и его партнер по звену Владимир Попов. Вот вчера они вместе и «гульнули» в любимом ресторане Аэровокзала, отмечая успешное завершение этой серии. С ними был еще один их товарищ по звену — Сашка Лобанов, тоже, как и Попов, подмосковный. Только если Владимир был из города Жуковский (из тамошней хоккейной команды он и попал в ЦСКА), то Лобанов родился в Павловском Посаде и играл там в команде «Текстильщик». Знатная, кстати, команда, давшая не одного игрока в столичные клубы. Правда, ни один из них так и не достиг настоящего звездной славы.

Звонок продолжал звенеть на всю ивановскую, поэтому Александрову пришлось подняться с постели и прямо так, на босу ногу (тапки он спросонья искать не стал), шлепать по холодному полу в коридор. Не спрашивая, кто там, он открыл дверь и обмер — на пороге стоял генерал-майор Леонтий Скурлатов собственной персоне в расстегнутом плаще и сдвинутой набок фуражке.

— Я уж, грешным делом, подумал, что ты помер, — вместе приветствия произнес генерал и прошел в квартиру.

Александров закрыл дверь и отправился за незванным гостем в гостиную. Он был ошарашен этим визитом, поэтому не знал, что сказать и как себя вести в данной ситуации. А тут еще от него несло перегаром, и он попросту испугался, что генерал это учует и устроит

ему хорошую взбучку. Однако гость оказался человеком сведущим и, усевшись на стул у стола, спросил:

— Что изволили пить вчера, лейтенант Александров?

— Водку, товарищ генерал-майор, — честно признался хоккеист, решив, что хитрить — себе вредить.

— Это по какому же поводу, извольте спросить?

— По поводу успешного окончания первого круга Кубка СССР, — последовал ответ.

— А я думал, что по случаю включения тебя в состав второй сборной. Не боишься пить перед игрой против первой сборной?

— Так до нее еще два дня, — пожал плечами Александров. — Сегодня с ребятами в баньку сгоняем, хорошенько пропаримся и будем, как огурчики.

Генерал имел в виду товарищескую игру первой и вторых сборных, которая была более нужна подопечным Виктора Тихонова, так как сразу после нее они должны были вылететь в Прагу, где им предстояло участвовать в первом турнире на приз газеты «Руде право». Это был дебют Тихонова на международной арене в качестве старшего тренера первой сборной СССР (история с экспериментальной сборной в зачет не шла). Бориса Александрова он в эту команду не включил, но его вызвали во вторую сборную Анатолий Кострюков и Борис Майоров. После игры с командой Тихонова «второй» предстояло сыграть два товарищеских матча с такой же второй сборной Чехословакии. Как узнал Александров, ему предстояло выступать в одной тройке все с тем же Лобаном (Александром Лобановым) и спартаковцем Валерием Брагиным. Первая тренировка должна была состояться завтра.

— Не обидно, что в первую сборную не взяли? — продолжал свой допрос Скурлатов.

— На обиженных воду возят, товарищ генерал-майор, — усмехнулся Александров.

— Забудь про мое звание — я для тебя Леонтий Ильич, — снимая, наконец, с головы фуражку, произнес Скурлатов. — А вот лично мне обидно, что такой талантливый хоккеист как ты остался за бортом нашей главной команды. Первухин или Голиков с Волчковым туда попали, а вот ты нет. Так сказать, рылом не вышел.

— Знаете же про мои отношения с Тихоновым, — напомнил гостю о причине своего непопадания в команду Александров.

— И долго ты это собираешься терпеть?

— А что я могу сделать? — вопросом на вопрос ответил хоккеист.

— Не сидеть сложа руки, — почти прорычал генерал. — Ты знаешь, почему я к тебе пришел? Чтобы ты понял, что у тебя есть друзья среди нашего брата-начальника. Что нам тоже этот Тихонов как кость в горле, и мы тоже спим и видим, когда он уберется из Москвы туда, откуда приехал.

— Судя по всему, долго ждать придется.

— А это зависит от того, как мы себя поведем, Боренька. Если объединимся и будем действовать сообща, тогда, глядишь, и сковырнем этого выскочку.

— Кто объединится? — не понял сути сказанного Александров.

— Мы с тобой в том числе. Мне в команде свои люди нужны, которые помогли бы мне знать ситуацию изнутри.

— Стукачи что ли? — начал наконец догадываться о смысле генеральских слов хоккеист.

— Не стукачи, а помощники, дурень. Ты думаешь, что у Тихонова их нет в команде? Очень даже есть. Вот и мне и моим товарищам нужны такие же люди. Из тех что Тихонова на дух не переваривают, но вынуждены его терпеть до поры до времени.

— Так вам удобнее ветеранов на свою сторону перетащить, а не меня, лейтенантика.

— Среди ветеранов у нас тоже свои люди имеются, — отмахнулся генерал. — А ты среди молодняка мог бы работать. Те же Лобанов и Попов, к примеру, они же к тебе жмутся. А мы, в свою очередь, будем тебя наверх двигать. Ты думаешь, что во вторую сборную тебя просто так взяли? На вот, выкуси! — и генерал сложил из пальцев увесистую «фигу». — Это мы за тебя слово замолвили.

— Спасибо вам, конечно, — поблагодарил гостя Александров, который ни о какой протекции не догадывался.

— Одним спасибо сыт не будешь. Ты лучше скажи, согласен с моим предложением — будешь нашим помощником?

Александров ответил не сразу. Стоя на холодном полу, он то и дело переступал с ноги на ногу, поскольку те успели основательно замерзнуть. Увидев это, гость сделал жест рукой, что означало — иди

и надень тапки. Хоккеист сбегал в спальную комнату, где накинул на себя еще и махровый халат. После чего вернулся в гостиную и ответил:

— Вы уж извините, Леонтий Ильич, но стукачом я не буду.

— Хорошо подумал? — насупив брови, спросил генерал.

— Лучше не бывает. Не гожусь я для такого дела — натура не та.

Генерал поднялся со стула и сгреб со стола фуражку. После чего сказал:

— Вот мое последнее слово. Даю тебе еще пару дней на раздумья, а потом пеняй на себя. Деваться тебе некуда: с той стороны тебя поперли, а если еще и с нашей попрут — вылетишь из команды, как пробка из бутылки. Так что подумай хорошенько.

И, надев на голову фуражку, генерал зашагал к выходу.

12 сентября 1977 года, понедельник, площадь Дзержинского, КГБ СССР

Во второй половине дня на стол Эрнеста Спрогиса легло донесение службы наружного наблюдения о том, что генерал-майор Леонтий Скурлатов (а под наблюдение его взяли сразу после того, как стало известно об его интригах против Тихонова) утром побывал с визитом в квартире хоккеиста Бориса Александрова. Пробыл он там около часа, о чем был разговор осталось неизвестным. Прочитав это донесение, Спрогис откинулся на спинку кресла и задумался. «Интересно, зачем это генерал навещал лейтенантика? — спрашивал себя полковник и сам же отвечал. — А что тут гадать? Наверняка речь шла не о столько о хоккее, сколько о ситуации в ЦСКА после прихода туда Тихонова. Известно ведь, что у Александрова с ним отношения не складываются, как и у Скурлатова. Значит, генерал и лейтенант в этом деле союзники. Вот вам и ответ, Эрнест Эдуардович на вопрос, зачем первый приезжал ко второму. Другое дело, с чем он уехал. Несолоно хлебавши или все-таки солоно? Видимо, чтобы узнать это, надо «зарядить» наших людей в ЦСКА, чтобы они понаблюдали за Александровым. Да и городские его похождения надо взять под контроль — послать к нему «Николая Николаевича» (так на чекистском сленге называлось наружное наблюдение). Пусть его

немного «попасут», когда он в Москве будет ошиваться, а не на базе в Новогорске».

И Спрогис потянулся к телефонному аппарату, чтобы сделать звонок начальнику 7-го управления, которое занималось «наружкой».

12 сентября 1977 года, понедельник, ресторан Аэровокзала на Ленинградском проспекте

В середине дня Александров, прихватив с собой своего партнера по ЦСКА Александра Лобанова, отправился в Сандуновские бани — попариться. И там, к своей радости, встретил Алексея Шлемова, с которым не виделся уже несколько месяцев. Тот уже помылся и собирался уходить, опаздывая на съемки.

— Где снимаешься-то? — поинтересовался Александров, остановив приятеля в дверях.

— С Алкой Пугачевой в одном фильме, — ответил Шлемов. — Я музыканта ее ансамбля играю — инструменты за ней ношу. Роль не главная, но зато компания хорошая.

— А что — Пугачева уже в кино начала сниматься? — искренне удивился Александров.

— А ты думал — в главной роли!

— Кого же она там играет?

— Да почти себя и играет — молодую певицу, которая делает первые шаги на эстраде. Сюжетец, конечно, так себе, зато песни шикарные. Хочешь, я тебя на съемки возьму — сам все и увидишь?

— Нет, Шлем, не пойдет, — отказался от предложения приятеля Александров. — С тобой если поедешь, то на несколько дней увязнуть можно.

— Как будто ты после Сандунов не увязнешь, — рассмеялся Шлемов. — Наверняка после бани на Аэровокзал мотнете?

— Может, и мотнем, но пить будем по чуть-чуть.

— Ну, тогда прощай, «по чуть-чуть» ты наш, — Шлемов хлопнул друга по плечу и скрылся в дверях.

Как и предсказывал актер, Александров и Лобанов после бани отправились в ресторан Аэровокзала. Но заранее договорились, что водки закажут немного — исключительно для вида, поскольку завтра

им надо было прибыть в расположение второй сборной, которая 14 сентября должна была сыграть товарищеский матч с первой сборной.

— Закажем маленький графинчик «беленькой» — и все, — предложил Александров. — А то Анатолий Михалыч с нас три шкуры сдерет — я его знаю.

Под последним имелся в виду старший тренер второй сборной Анатолий Кострюков, которого за глаза называли Сталиным. Это он, придя три года назад в челябинский «Трактор», жесткой рукой навел в нем дисциплину и вывел команду на третье место в минувшем сезоне.

Войдя в ресторан, друзья-хоккеисты подозвали к себе знакомого официанта Борю Носа и тот, зная об их щедрости, быстро организовал для них отдельный столик у окна. И сразу же принял заказ, который озвучил Александров:

— Значит, так, тезка: нам салатика «Столичного», осетринку с гарниром, ветчинку, люля-кебаб и маленький графинчик «Столичной».

— А чахохбили не желаете — сегодня в меню появилось? — поинтересовался официант.

— И сильно их били? — насупил брови Александров.

После чего рассмеялся, и добавил:

— Пусть будут и «били». А Лобану еще принеси шоколадный батончик за сорок копеек.

Боря Нос улыбнулся шутке клиента и удалился за заказом.

В эти часы ресторан был заполнен лишь наполовину и ансамбль, занявший привычное место на сцене, медленно тянул инструментальную композицию из французского фильма «Эммануэль». Эта картина в СССР не прокатывалась из-за откровенной эротики, но вот музыку из него, в виду ее особенной мелодичности, исполнять разрешалось.

— Ты, Лобан, в этих играх больше через меня играй, чем через Валерку, — обратился к приятелю Александров.

Он имел в виду их нового партнера по звену нападения — спартаковского нападающего Валерия Брагина.

— А как на это Анатолий Михалыч посмотрит? — удивился Лобанов. — А если еще вспомнить, что вторым тренером у нас «спартач» Борис Майоров, то твое предложение конкретно не катит. Нас после этого вообще в сборную приглашать не будут.

— А куда они без нас денутся? — возразил Александров, хотя в его голосе не было никакой уверенности.

— Был в нашей команде «Текстильщик» такой же борзый парень Генка Кузовлев. Знаешь, где он теперь? Буылки собирает у Ленской фабрики. А тоже заявлял: я лучше всех играю, куда вы без меня? Так что ты, Борька, свой гонор уйми — тебе же легче будет. Доведет он тебя до цугундера.

— Еще один учитель нашелся, — беззлобно отреагировал на этот пассаж Александров.

Он был трезвым, поэтому лезть в бутылку ему не хотелось. Он постукивал по столу подставкой для салфеток и поглядывал в сторону кухни, ожидая, когда оттуда появится официант. Если бы он посмотрел чуть левее, то заметил бы за дальним столиком парочку, которая не сводила с них глаз. Это были Вероника и ее спутник — рослый детина по прозвищу Чика, которого послал вместе с ней в ресторан Олег. Их целью было застать в этом заведении Бориса Александрова. Они пришли в ресторан примерно за часа до хоккеистов и не особенно рассчитывали на успех. Однако вон как все обернулось. Когда Вероника, завидев Александрова, сообщила об этом своему спутнику, тот с удовлетворением отметил:

— На ловца и зверь бежит.

После чего встал и отправился звонить Олегу. Отзвонившись, он снова вернулся на свое место. А спустя несколько минут уже Вероника поднялась со стула и неспешной походкой направилась к столику, где сидели хоккеисты. В этот момент официант уже принес спортсменам их заказ и они разливали по рюмкам водку из графина.

— Здравствуй, Борис, — поздоровалась Вероника с Александровым и без всякого приглашения присела на стул.

— Ба, кого я вижу! — воскликнул хоккеист, не успев опрокинуть в себя спиртное. — Виктория, кажется?

— Вероника, — поправила его девушка. — Видишь, ты уже и мое имя успел забыть.

— А что тут удивительного — мы с тобой и виделись-то один раз, а у меня каждый день таких девок пруд-пруди, — усмехнулся Александров и только после этого выпил водки.

Закусив ветчиной, он снова обратил свой взор на девушку:

— Какими судьбами?

— Да вот случайно зашла время провести с моим кавалером, а тут бац — вижу лицо знакомое.

— А кавалер твой случайно не тот ухарь, которого милиция искала?

— Нет, тот парень сгинул с концами. А это кто с тобой?

— Дружок мой и коллега по команде, зовут Александр, — представил своего приятеля Александров. — Может выпьешь с нами по рюмашке?

— Налъете — выпью, — охотно согласилась Вероника.

Александров плеснул ей водки в бокал из-под сока и они выпили за встречу.

— А кавалер ваш не ревнивый? — поинтересовался Лобанов.

— А вы что, боитесь? — и по губам девушки пробежала ироничная улыбка.

— Нет, но нам скандалы не нужны — у нас завтра сбор, а послезавтра важная игра.

— Не бойтесь, он у меня тихий, — сообщила девушка.

— Убьет и не заметит, — рассмеялся Александров.

Алкоголь уже начал свое воздействие на его сознание, поэтому хоккеисту стало на душе легко и непринужденно.

Перекинувшись еще парой-тройкой фраз с девушкой, Лобанов вдруг встал и направился в сторону туалетной комнаты. Это было очень кстати, поскольку в этот миг Вероника заметила, что Чика делает ей знаки, означающие, что Олег уже подъехал к ресторану и ждет на выходе.

— Ты не удивишься, если я скажу, что с тобой хочет увидеться один человек, — вновь обратилась к хоккеисту Вероника.

— Что за человек? — насторожился Александров.

— Деловой, который зря слов на ветер не бросает.

— И на кой ляд я ему понадобился?

— У него к тебе есть очень интересное предложение.

— Он кто — фарцовщик?

— Бери выше.

— Тогда почему он сам ко мне не подошел, а подослал тебя?

— Мне это проще сделать — я все-таки тебя уже знаю.

— Ну, ладно, чиркани мне его телефон — будет время, я ему позвоню, — откидываясь на спинку стула, произнес Александров.

Вызванный во вторую сборную, он рассчитывал съездить с нею за границу, поэтому знакомство с деловым человеком, который смог бы принять у него импортные шмотки и технику, ему бы не помешало.

— Зачем телефон — он тебя на улице ждет, — сообщила Вероника.

— Тогда пусть сюда подойдет.

— Он не хочет, чтобы у вашего разговора были лишние глаза и уши. Я же говорю — он человек деловой, серьезный.

Видя, что его собеседника мучают сомнения, девушка добавила:

— Тебе что, трудно выйти на несколько минут на улицу? Ты что, боишься?

Последняя фраза решила исход дела — прослыть в глазах девушки трусом хоккеисту не хотелось.

— Ладно, сиди и не рыпайся — схожу я к твоему деловому, — произнес Александров. — А ты скажи Сашке, чтобы он без меня водку не пил.

— Не бойся, мы к ней даже не притронемся, — улыбнулась девушка и добавила: — А ты курточку накинь, а то простудишься.

Александров встал из-за стола, надел на себя модную ветровку, висевшую на спинке стула и направился к выходу. Вместе с ним поднялся из-за своего столика и Чика, что не укрылось от глаз Вероники. Видела она и то, как Чика догнал на выходе хоккеиста и, сказав ему пару слов, вместе с ним вышел из ресторана. Проводив их взглядом, девушка налила себе в бокал немного водки и залпом опрокинула ее в себя. Потом двумя пальчиками взяла с тарелки тонко нарезанный кусок ветчины и тоже отправила ее в рот. Если бы она была более внимательной, то заметила бы еще одного человека, который встал из-за дальнего столика вскоре после Чики и направился к выходу, на ходу доставая из пачки сигарету и отправляя ее в рот. Но девушка была настолько удовлетворена тем, что ей так легко удалось уговорить хоккеиста выйти из ресторана, что все остальное ее уже не интересовало. Между тем этим человеком был «топтун» — сотрудник «наружки» КГБ, который вместе со своим напарником (он оставался в машине) «вели» Александрова с такого момента, как тот покинул Сандуновские бани (о том, что он находится именно там, чекистам сообщил их агент, работавший банщиком).

Тем временем Александров и Чика вышли на автомобильную стоянку и подошли к зеленым «Жигулям», которые они сегодня днем угнали от станции метро «Бауманская». Открыв перед хоккеистом переднюю дверцу, Чика пригласил его сесть, а сам, обойдя автомобиль, уселся на водительское сиденье.

— Ну, здравствуй, знаменитость, — услышал Александров за своей спиной голос мужчины, который, как он догадался, и был тем самым деловым человеком.

Взглянув в переднее зеркальце, хоккеист увидел лицо, обезображенное шрамом и совершенно ему незнакомое.

— Здорово, коль не шутишь, — ответил на приветствие хоккеист. — Чем обязан?

— А тебе Вероника разве не объяснила, зачем ты нам понадобился? — поинтересовался Олег.

— Она сказала, что мной интересуется один деловой человек. Как я понял, это ты?

— Он самый.

— Тогда представься. А то нехорошо получается — ты меня знаешь, а я тебя нет.

— Мое имя тебе знать необязательно, — сказал, как отрезал Олег. — Считая меня человеком, который когда-то был пленен твоей личностью, а теперь в ней разочаровался.

— Чем же я тебе не угодил?

— С нехорошими людьми связался.

— Тогда какого хера ты меня сюда вызвал?

— Чтобы должок с тебя стребовать. Ведь эти нехорошие люди меня из-за тебя чуть на тот свет не отправили. Видишь шрам — это их рук дело.

— Что-то я тебя не понимаю, — после небольшой паузы произнес Александров, хотя на самом деле начал догадываться, о чем именно идет речь.

— А нам кажется, что все ты понимаешь, только претворяешься. Я тот самый человек, которого ты с этой шалавой Вероникой собирався мильтонам сдать. Теперь вспомнил?

Услышав это, хоккеист положил руку на ручку дверцы, собираясь рывком открыть ее и выпрыгнуть из машины. Но Олег успел схватить его за воротник ветровки, а Чика приставил к горлу хоккеиста лезвие

финского ножа. Почувствовав его холод на своей коже, Александров только теперь осознал, в какую дерьмовую историю его угораздило вляпаться.

Тем временем Лобанов вернулся за столик и, не обнаружив за ним своего друга, удивленно спросил у Вероники:

— А куда испарилось это чудило?

— Оно вышло на несколько минут по делу, — ответила девушка. — Но нам наказало опрокинуть по рюмашке за успешное его разрешение.

— Тогда не будем медлить, — Лобанов уселся за стол и принялся разливать спиртное в бокалы.

В этот самый миг его приятель сидел ни жив, ни мертв в нескольких сотнях метрах в чужом автомобиле и мучительно размышлял о том, как ему выпутаться из этой коллизии. Выход ему предложил тот человек, который его сюда и заманил.

— Будешь себя хорошо вести, мы тебя отпустит пить водку и дальше, — произнес Олег, наклонившись к уху хоккеиста. — А если будешь рыпаться, то мой кореш тебя прирежет — ему это не впервой. Причем хоккеем он не любит, поэтому ему глубоко насрать, что его финарез отправит на тот свет знаменитого хоккеиста. Да и я колебаться не буду, — сказав это, Олег сунул под нос хоккеисту ствол пистолета. — Теперь, усек, что мы не шутим?

Александров молча кивнул головой.

— Тогда слушай нас внимательно, — продолжал вещать Олег. — У тебя наверняка башлей немерено накоплено, вот и придется ими с нами поделиться. Выплатить, так сказать, компенсацию за свое плохое поведение — за то, что мильтонам хотел меня сдать. Я полагаю, что это будет справедливо.

— И сколько же ты хочешь? — разжал наконец губы Александров.

— Пятнадцать тысяч, — ответ последовал без промедлений. — Только не говори, что у тебя таких денег нет. Мы-то знаем, как наши спортсмены живут, тем более такие знаменитые.

— Откуда же ты это знаешь? — попытался потянуть время Александров.

— Прессу нашу почитываем, — ответил Олег и швырнул на колени хоккеиста какую-то газету. — Читал, небось, «Комсомолку» за эту пятницу? Статью под названием «Блуждающий форвард»?

Александров и в самом деле читал эту заметку. В ней рассказывалось о футболисте одесского «Черноморца» и сборной СССР Анатолии Шепеле, который отпросился из команды на пару суток навестить больную жену, а сам пропал на целых 45 дней. За это товарищи исключили его из своих рядов, да еще обвинили в рвачестве — он за короткое время умудрился продать две свои «Волги», которые ему в течение одного года помогли купить в команде. На одной он проездил всего пять месяцев, на второй на месяц меньше.

— Интересно, откуда у этого блуждающего форварда сразу две «Волжанки» нарисовались? — продолжил свою речь Олег. — Вот мы, например, простые советские граждане и одну машину купить не можем, не отстояв много месяцев в очереди, а спортсмены меняют их, как перчатки. И продают их потом по двойной цене. Разве это справедливо? У тебя, Борис, какая машина в наличии?

— «Жигуленок», — ответил хоккеист.

— И сколько ты за нее отдал?

— Шесть тысяч.

— Откуда же ты такие башли взял, если у тебя официальная зарплата всего сто восемьдесят или двести рублей?

Александров предпочел на этот вопрос не отвечать. Тогда за него это сделал Олег:

— А мы тебе скажем, откуда у вас, у спортсменов, такие деньжищи набегают. Вы то одну машину, которую вам без очереди команда предоставляет, продадите, то другую. Плюс шмотки разные из-за границы привозите и через барыг потом продаете по двойной, а то и тройной цене. Наверняка и другие какие-то лазейки имеете, чтобы лишнюю копеечку срубить. Так что мы, Борис, тебя сейчас раскулачивать будем. Как нам вождь мирового пролетариата товарищ Ленин завещал. Не для того он делал революцию, чтобы кто-то потом жировал — черную игру ложками в ресторане Аэровокзала жрал, пока другие лишь черным хлебом с луком обходились.

— По тебе не видно, что ты одним черным хлебом питаешься, — усмехнулся Александров.

Он успел разглядеть, что его собеседник был одет в модную импортную куртку из болоньи, а на голове у него красовалась стильная кепка из велюра, тоже купленная явно не в «моспошиве».

— И вообще, не жирно будет — пятнадцать тысяч? — поинтересовался хоккеист.

— Не жирно, поскольку это цена за то глубочайшее разочарование, которое мне пришлось пережить, — парировал Олег. — Я ведь несколько лет восхищался хоккеистом Борисом Александровым, считая его своим кумиром. Фотки его на стену у себя дома вешал. А потом бац — узнаю, что он меня хотел мильтонам поганым сдать. Так что пятнадцать «косых» — нормальная цена за мое разочарование в тебе. Остап Бендер за то же самое просил с Корейко целый миллион.

— Я тебя сдать хотел, потому что ты мою подругу чуть не убил, — напомнил собеседнику о судьбе Анжелы Беловой Александров.

— Чуть не убил говоришь — значит, она жива? — встрепенулся Олег.

— Выжила, пролежав в коме не один день.

— Слава тебе, господи, — с облегчением вздохнул Олег. — А то я думал, что лишний грех на душу взял. Я ведь не хотел ту девку убивать — она сама под колеса сиганула.

— Чего же ты тогда бросил ее на дороге?

— Нельзя мне было с ней возиться — у меня трупак в багажнике лежал. Кореша одного по пьяни порешил, вот и несся со всей дури по улице. Короче, все это — трагическое стечение обстоятельств. Но за то, что ты с моей души лишний грех снял, я с тебя тоже сниму — один «косарь», из заявленного мной. И того получается — с тебя четырнадцать «косариков». У тебя где башли лежат?

— Не надейся, не дома — в сберкассе, — ответил Александров.

— Но сберкнижка-то на предъявителя дома, — догадался Олег. — Вот мы туда сейчас и поедем.

— Но сберкасса уже закрыта — ночь почти на дворе, — напомнил хоккеист.

— А мы люди терпеливые — до утра подождем. Только не у тебя на хате, а в другом месте — чтобы лишний раз на глаза не попадаться. Давай, говори адрес, куда ехать.

— Чапаевский, пять, — после небольшой паузы решился назвать свой адрес хоккеист.

— Это у «Сокола» что ли? — вновь встрепенулся Олег. — Там еще детская музыкальная школа стоит?

— Ну, есть такая — имени Дунаевского, — подтвердил слова собеседника Александров.

— Знаю я этот переулок — у одной моей знакомой герлы в этой школе дочка училась. А твой дом номер пять — это двенадцатиэтажка, что напротив школы?

— Она самая.

— Как тесен мир, — глубокомысленно заметил Олег и тронул Чика за руку, чтобы тот убрал финку. — Давай договоримся так, хоккеист. Ты нам выдаешь наши башли, а мы тебя больше не беспокоим. Тебе это только на руку. Я в газете вычитал, что тебя во вторую сборную вызвали? Вот и прикинь, зачем тебе лишний скандал, которых у тебя и без того хватает? Снимешь башли с книжки, отдашь нам и чеши в свою сборную. Договорились?

Александров ответил не сразу. Потирая шею, которую только что «гладил» финский нож, он, наконец, вымолвил:

— Ладно, трогай в Чапаевский.

Лишний скандал, из-за которого его, действительно, могли отчислить из сборной, ему и правда был ни к чему.

Чика завел мотор и «Жигули» выехали со стоянки. А следом за ними тронулась и «Волга-ГАЗ-24», в которой сидели двое сотрудников «наружки» КГБ. Все это время они издали наблюдали за происходящим в «Жигулях», ломая голову над тем, с кем это и, главное, на какую тему так долго общается их объект наблюдения. Но к общему выводу так и не пришли, рассчитывая узнать об этом в ближайшее время.

До Чапаевского переулка «Жигули» домчались за несколько минут, благо ехать было недалеко — по Ленинградке до метро «Сокол» и потом поворот налево. В квартиру хоккеиста пошли все вместе, то есть втроем. Когда Александров достал из секретера сберкнижку, Олег забрал ее у него и, прежде чем спрятать в карман куртки, заглянул внутрь. Увидев цифру в 30 тысяч рублей, он присвистнул, после чего заметил:

— Я полагаю, это не последние деньги олимпийского чемпиона Бориса Александрова.

Хоккеист ничего на это не ответил, но вымогатель был прав — на второй сберкнижке у хоккеиста лежали еще 30 тысяч рублей. Однако ее он доставать не стал.

Когда они снова выехали на Ленинградский и взяли курс в сторону «Белорусской», Чика заметил:

— Кажется, за нами «хвост» приклеился — 24-я «волжанка». Я ее «срисовал» еще у Аэровокзала.

Олег оглянулся назад и в самом деле заметил темную «Волгу», которая ехала за ними на некотором расстоянии.

— Давай проверим — сверни-ка в переулок, — приказал он Чике.

Тот так и сделал. А спустя несколько секунд они увидели, как из-за поворота показалась все та же «Волга».

— А ты, зема, глазастый, — похвалил своего приятеля Олег. — Интересно, кто это к нам «приклеился», а, хоккеист?

— А я почему знаю? — искренне удивился Александров. — Может, такие же архаровцы, как и вы, охочие до чужих денег.

— Давай, жми на газ — будем отрываться, — приказал приятелю Олег.

Когда их автомобиль увеличил скорость, то и «Волга» поддала газу, что окончательно убедило вымогателей в том, что их преследуют. Началась погоня по ночным московским улицам и переулкам. Машин на дороге в эти часы было немного, что давало убегающим простор для маневра. Чика то гнал прямо, то сворачивал в переулки, не рискуя особо в кого-то врезаться. В разгар погони Олег внезапно скомандовал:

— Сворачивай налево, я знаю эти места — попробуем спрятаться.

Спустя пару минут он сообщил:

— Через сто метров будет поворот направо, а потом сразу домик с аркой — нырнем туда.

Чика так и сделал. А когда они въехали в арку, то Чика выключил огни и они затаились, повернув головы назад — в сторону проезжей улицы. И вскоре мимо них промчалась «Волга». Она проехала всю улицу и скрылась за ближайшим поворотом. Выждав еще какое-то время, Чика сдал назад. Развернув автомобиль, он поехал в обратную сторону и вскоре выехал на набережную Москвы-реки. Дорога позади них была пуста — преследовавшая их «Волга» потеряла беглецов из вида.

12 сентября 1977 года, понедельник, квартира полковника Эрнеста Спрогиса

Спрогис почистил зубы и, выйдя из ванной комнаты, собирался уже ложиться спать, когда в коридоре его квартиры зазвонил телефон. Наученный многолетним опытом оперативной работы, Спрогис сразу понял, что этот звонок не случайный — случилось какое-то ЧП. И угадал. Звонил замначальника «семерки» — 7-го управления:

— Эрнест Леонардович, мои орлы час назад потеряли Забияку, — сообщил он.

Под этим агентурным псевдонимом скрывался не кто иной, как Борис Александров.

— Как потеряли, почему? — поинтересовался Спрогис.

— Он с приятелем ужинал в ресторане Аэровокзала, когда к нему за столик подседа какая-то девица. Спустя несколько минут Забияка вышел на улицу и сел в «Жигули» зеленого цвета, госномер 17-92 МОТ. В автомобиле его кто-то подждал — мои орлы различили силуэт мужчины на заднем сидении. Их разговор продлился около получаса, после чего они отправились домой к Забияке. Пробыли там десять минут и снова куда-то поехали. Именно в этот момент мои орлы и «засветились». Началась погоня. В районе набережной «Жигули» сумели оторваться. Как выяснили потом мои орлы, этот «жигуленок» был угнан от метро «Бауманская» сегодня днем. Принадлежит инженеру Пронину Андрею Ивановичу.

— А что за девица подседа к Забияке, выяснили? — спросил Спрогис, присаживаясь на стул возле тумбочки с телефоном.

— Как раз занимаемся этим. Двое оперативных сотрудников посланы по адресу приятеля Забияки, с которым они сидели в ресторане Аэровокзала. С минуты на минуту они должны сообщить о результатах своей поездки.

— Хорошо, я через полчаса буду на месте, — сказал Спрогис и положил трубку на аппарат.

После чего прошел в спальную комнату и сообщил своей жене, которая уже лежала в постели, накрывшись одеялом, и при свете ночника читала журнал «Работница».

— Дорогая, мне нужно срочно вернуться на службу.

— А без тебя, естественно, никак нельзя? — глядя поверх очков на супруга, спросила женщина.

Обескураженный муж в ответ лишь развел руками.

12 сентября 1977 года, понедельник, площадь Дзержинского, КГБ СССР

Когда Спрогис приехал на Лубянку и поднялся к своему кабинету, у дверей его уже дожидались двое оперативников, которые ездили к Александру Лобанову. Один из оперов сообщил:

— Девушку зовут Вероника. Судя по всему, эта та самая девица, которая вместе с Александровым участвовала в поимке преступника в феврале этого года.

— Адрес ее известен?

— Нам — нет, но в МУРе он наверняка есть. У старшего инспектора угро Алексея Игнатова, который вел это дело. Но дежурный на Петровке сообщил нам, что он сейчас на задании.

— Нет, значит, муровцам покоя по ночам, как и нам, — глубокомысленно изрек Спрогис. — Ну, и что это за задание?

— Какой-то пьянчуга с охотничьим ружьем забаррикадировался в своей квартире и взял в заложники всю семью — жену и двух малолетних детей. Участкового, который пришел его усмирять, ранил в плечо. Короче, серьезная заварушка.

— Адрес известен?

— Да, это недалеко от нас — в Колпачном переулке.

— Едем туда, — принял решение Спрогис, так и не воспользовавшись ключами от своего кабинета, которые он все время разговора держал в руках.

12 сентября 1977 года, понедельник, Колпачный переулок

Когда Игнатов и двое его коллег по убойному отделу МУРа подъехали к пятиэтажке, в одной из квартир которой на последнем этаже засел пьяный стрелок, ранивший участкового, там уже собралось чуть ли не все местное отделение милиции во главе с его

начальником — майором Игнатием Забелиным. Милиционеры стояли на лестничной площадке четвертого этажа и обсуждали создавшуюся ситуацию. А она была сложной. Преступник был явно невменяем и на все просьбы сложить оружие и сдаться отвечал матерной бранью, а однажды взял и пальнул через дверь картечью. После чего пригрозил: дескать, если кто-то сунется к нему — убьет не только визитеров, но и своих домочадцев. А те в это время сидели в дальней комнате и беззвучно плакали, опасаясь, что любой шум с их стороны еще больше озлобит обезумевшего главу семейства.

Подойдя к начальнику отделения, Игнатов представился и, выслушав рассказ Забелина, спросил:

— Балкон у этого стрелка имеется?

— А как же — выходит на улицу, — ответил майор. — Он с него тоже пару раз пальнул — хорошо, что никого на улице не было.

— Балкон застекленный или открытый?

— Откуда у этого алкаша деньги на остекление? А тебе, капитан, это зачем?

— Хочу его через балкон взять, — ответил Игнатов, закуривая сигарету. — Но для этого мне веревка крепкая нужна. У твоих ребят такая имеется?

— Откуда? — пожал плечами майор. — Может, у соседей поспрашивать?

Про соседей было сказано не случайно. Несмотря на позднее время — было уже за полночь — практически весь подъезд был на ногах, поднятый выстрелами. Люди толпились на лестничных площадках своих этажей и горячо обсуждали происходящее. Вот к ним и направился Игнатов.

Когда он спросил про веревку, вперед вышел мужчина, примерно одного с ним возраста, и, назвавшись Иваном, сообщил:

— Есть у меня моток веревки — мы на ней летом во дворе белье развешиваем.

— А вы на каком этаже живете?

— На пятом — напротив этого ненормального.

— И что он за человек? — поинтересовался Игнатов.

— Одно слово — урод. Зимой снега не выпросишь — жадный до неприличия.

— А буянит часто?

— Раз в месяц железно закатывает концерты. Жену свою с детьми гоняет так, что дым коромыслом. Но чтоб такое, как сегодня — это впервые. Наверное, совсем крыша у мужика поехала от бормотухи.

— А вход на чердак у вас открыт или за дворником придется идти? — спросил Игнатов, туша сигарету о подоконник и выбрасывая окурочек в открытую форточку.

— Зачем дворник — открыт он. Так нести веревку?

Спустя несколько минут Игнатов, оставив двух своих коллег внизу и дав им задание следить за дверью стрелка, отправился на чердак. За ним увязался и Иван, который нес в руках веревочный моток. Выйдя на крышу, муровец осторожно подошел к ее краю в том самом месте, где внизу был балкон стрелка. Стояла тихая сентябрьская ночь и легкие порывы ветра теребили волосы на голове муровца, когда он, крепко держась за поручень, глядел вниз. Там, на расстояние примерно пяти-семи метров от края крыши, находился балкон стрелка — открытый и наполовину заваленный каким-то хламом.

— Ну, что там? — поинтересовался Иван, стоявший за спиной муровца.

— Тишина за Рогожской заставой, — ответил Игнатов, возвращаясь к своему добровольному помощнику.

Взяв у него веревку, он стал осматриваться, ища приспособление, за которое можно было привязать один из ее концов.

— Только не за антенну, — предупредил муровца Иван, увидев, как тот задержал свой взгляд на коллективной телевизионной антенне, стоявшей на крыше.

— «Ленинский университет миллионов» любите смотреть? Или «Сельский час»? — спросил Игнатов.

— Сдались они мне — я футбол люблю.

— За кого болеете?

— За «Спартак».

— Так он в первую лигу вылетел, а ее матчи по телеку вроде не показывают, — удивился Игнатов.

— Я Кубок УЕФА жду — в среду сразу два матча транслируют. Киевляне против «Эйнтрахта» играют, а грузины против миланского «Интернационале». А потом и хоккей начнется — на приз газеты «Руде право».

— Обширная у вас культурная программа, — улыбнулся Игнатов. — Кстати, как там «Спартак» в первой лиге играет?

— Три дня назад у «Пахтакора» 3:1 выиграл — два мяча Жора Ярцев забил. Теперь спартачи от узбеков всего на два очка отстают.

— Вот порадовали, так порадовали, — не скрывая своего удовлетворения, произнес Игнатов, который тоже болел за красно-белых. — Ладно, уговорили — пусть стоит ваша антенна.

Сказав это, муровец подошел к кирпичной трубе рядом с антенной и стал привязывать веревку к металлической скобе, торчавшей из трубы.

— Какой план действий? — наблюдая за его действиями, спросил Иван.

— Спущусь на балкон.

— А оружие у вас есть?

— Главное оружие советского милиционера — это его мозги, — изрек Игнатов, продолжая возиться с веревкой.

— Хорошо сказали, — похвалил инспектора Иван. — А если балкон закрыт?

— Скорее всего, — кивнул головой муровец. — Но мне начальник вашего отделения милиции сказал, что стрелок уже палил с него по улице. Значит, захочет еще пострелять с высоты.

— А что если его выманить? — предложил Иван.

Игнатов оторвался от веревки и взглянул на собеседника:

— В каком смысле?

— А в том, что я ему посигналю гудком из своей машины. Вон мой «Москвичок» стоит — синенький.

— Думаете, среагирует?

— А я долго гудеть буду. У этого придурка нервы на пределе, глядишь, и не выдержит.

— Толково придумали, Иван, не знаю вашего отчества, — и муровец похлопал находчивого мужика по плечу. — Спускайтесь вниз и пригласите сюда одного из моих коллег. А потом выходите к машине и следите за моими действиями. Как только я спущусь на балкон, то подам вам знак рукой — тогда и сигнальте.

Когда мужчина ушел, Игнатов взял в руки веревку и крепко обвязал её вокруг своего пояса, затянув тугий узел. После чего стал ждать подмогу. Вскоре на крышу поднялся один из его коллег —

Николай Шипулин. Объяснив ему суть дела, Игнатов передал коллеге веревку с тем, чтобы тот, держа ее в руках, помог ему спуститься вниз. После чего смельчак перешагнул через поручень и, присев на корточки, стал осторожно спускаться к краю крыши. Двигался он медленно, поскольку Шипулин отпускал веревку постепенно и не спеша.

Достигнув края крыши, Игнатов лег на живот и вскоре повис над балконом. Его ноги оказались как раз над его серединой. Теперь надо было осторожно опуститься. Что и случилось спустя несколько минут, когда ноги муровца наконец коснулись каменного пола. Отвязав веревку и спрятавшись за выступ у балконной двери, Игнатов подергал ее за ручку. Но, как и предполагалось, дверь оказалась заперта изнутри. Тогда муровец подал сигнал Ивану. После чего тишину ночного двора стали оглашать звуки автомобильного гудка. Они разрывали тишину так громко, что вскоре в ближайших домах стали загораться окна — это возмущенные жители, разбуженные шумом, захотели узнать, в чем дело. Некоторые из них стали кричать «хулигану», чтобы он прекратил шуметь, иначе они вызовут милицию. Слушая эти крики, Игнатов подумал: «Бедные граждане уже, наверное, накручивают диски своих телефонов, не подозревая, что здесь давно собралось все их отделение милиции в полном составе».

Между тем стрелок на шум никак не реагировал. Зато, взглянув вниз, Игнатов увидел, как из подъезда стали выбегать милиционеры, которых никто не предупредил о сути происходящих событий. Все это грозило сорвать задуманную операцию. И в этот самый миг Игнатов услышал, как щелкнула задвижка в балконной двери. Это означало, что стрелок все-таки услышал шум на улице и решил лично проверить его происхождение.

Прижимаясь спиной к холодной стене и повернув голову к двери, первое, что увидел Игнатов — дуло охотничьего ружья, которое стрелок держал в руках. Это было как нельзя кстати. Схватив дуло обеими руками, муровец дернул его вперед по ходу движения. Однако преступник, как будто ожидая такого поворота событий, держал ружье так крепко, что оно не выпало из его рук.

— Ах ты, легаш поганый, — процедил сквозь зубы хозяин балкона и нажал на курок.

Грянул выстрел и картечь пробила фанерное ограждение, которое закрывало решетку балкона с внутренней стороны. После чего Игнатов еще раз дернул ружье вниз и оно, наконец, выпало из рук стрелка. Но последний не собирался сдаваться. Он набросился на муровца и, схватив его в охапку, сделал попытку приподнять над полом и перебросить через перила. И ему это удалось. Однако муровец в последнее мгновение успел ухватиться руками за ворот рубахи преступника и потянул его вниз за собой. Причем падая, Игнатов успел ухватиться за поручень, а его противник повис сначала у него на плечах, а затем стал соскальзывать вниз по телу, пока не повис в воздухе, держась обеими руками за его брючину.

— Врешь, мусор, вместе грохнемся, — рычал стрелок, раскачиваясь на весу.

Острые края металлического поручня впились в ладони Игнатова и он понял — долго ему так не продержаться. Поэтому он сделал единственное, что оставалось — начал бить противника каблуком свободной ноги по рукам. Это длилось несколько секунд. Наконец, после очередного точного удара стрелок разжал-таки руки и полетел вниз, оглашая окрестности дикими воплями. Спустя секунду Игнатов услышал, как тело стрелка упало на асфальт, будто мешок, набитый картошкой.

— Дай руку, инспектор, — услышал муровец чей-то голос сверху.

Он поднял глаза и увидел над собой лицо незнакомого мужчины, протягивающего ему свою ладонь. Это был полковник Эрнест Спрогис.

12-13 сентября 1977 года, вторник, спальный район Москвы

Вымогатели привезли Александрова на окраину Москвы — в один из спальных районов, где он до этого никогда не бывал. К нужному дому ехали дворами, плутая между гаражей и детских площадок. Что это была за квартира, Александров так и не понял, а его знакомые об этом помалкивали. Но жилище выглядело неважно: двухкомнатная квартира в «хрущевке» с облезлыми стенами. Судя по всему, ремонта здесь не было с момента вселения — то есть с начала 60-х.

Войдя в это жилище, Александров чертыхнулся, а потом воздал хвалу небесам, что пробыть здесь ему придется не долго — всего-то несколько часов. Причем это время он собирался потратить на сон. Он так и сказал Олегу, едва они переступили порог:

— Где тут у вас какая-нибудь кушетка — мне поспать надо перед матчами.

— Какая кушетка, Боря? — удивился Олег. — Во-первых, матчи у тебя товарищеские, да еще во второй сборной. А во-вторых, в кои-то веки мне выпало счастье провести время с самим Борисом Александровым, а он спать собрался. Может, это наша последняя встреча, после которой мы разойдемся, как в море корабли.

— Ты же во мне разочаровался, — напомнил вымогателю его собственные слова хоккеист.

— Но хоккей-то я по-прежнему люблю, — парировал Олег. — Так что скоротаем наши прощальные часы в теплой беседе.

— В этой халупе? — спросил Александров, зайдя в одну из комнат, где из мебели были только пара стульев, стол и полуразвалившаяся тахта.

— А чему ты удивляешься? Вот получим от тебя башли и заживем по-другому — с шиком. Так что давай, располагайся.

После чего Олег повернулся к своему приятелю и приказал ему:

— А ты сходи на кухню и принеси кастрюлю с макаронами — мы ее днем не доели.

— Я ваши макароны есть не буду, — буркнул Александров, усаживаясь на тахту.

— Извини, Боря, но здесь тебе не ресторан Аэровокзала. Кстати, это ваша единственная армейская «точка» общепита?

— Почему? Есть еще ресторан в гостинице «Советская» на том же Ленинградском.

— А спартачи, например, где собираются?

— А тебе это зачем — тоже кого-то из них грабануть хочешь? — насторожился Александров.

— Может, и хочу — с них не убудет. Чего тебе о них беспокоится — это же вечные враги цээсковские.

— Они в «Метрополе» или в «Арагви» собираются.

— А динамовцы?

— А вот их трогать не советую — враз огребете от гэбэшников.

— Успокойся, никого мы больше трогать не собираемся, — усаживаясь на стул и закуривая сигарету, ответил Олег. — Вот деньги от тебя получим и махнем в теплые края. Я же в розыске, поэтому мне светиться здесь нет резона. Так что больше ты о нас не услышишь.

В это время Чика принес с кухни кастрюлю с макаронами, которую поставил на стол и стал жадно из нее есть, ловко орудуя вилкой. Олег присоединяться к нему не торопился, хотя вторая вилка была положена перед ним на стол.

— А ты молодец, хоккеист — по деньгам своим не шибко убиваешься, — выпуская дым под потолок, произнес Олег.

— Ничего, другие заработаю, — ответил Александров.

— А на фига тебе вообще нужны такие большие башли? — поинтересовался Олег. — Ведь вы почти целыми месяцами на сборах ошибаетесь, света белого не видите. Только иногда забегаете в рестораны, но там ведь тысячными купюрами сорить не будешь — двух-трех червонцев достаточно.

— Пусть лежат — карман не тянут.

— Так это же супротив природы — деньги в кубышке держать. Их тратить надо, как, например, мы тратим. Вот махнем мы сегодня подальше отсюда с денюжками твоими и начнется у нас наша жизнь чумовая: водка, девочки, картишки.

— И с чем потом останешься — с голой задницей?

— Зато вспомнить будет что. А у тебя, кроме сборов, что в памяти отложится? Вы ведь, наверное, и по заграницам мотаетесь, а что видите — одни сплошные гостиницы, да стадионы. Единственное, что у вас есть — это слава. Но и она быстро закончится. Так что не завидую я вам, хоккеистам.

— А сам говорил, что мои портреты на стену вешал.

— А я тебе уже сказал: как ты меня мусорам сдал, так у меня в башке будто щелкнуло что-то. Я другими глазами на таких как ты смотреть стал. Понял я, что славы у вас, конечно, много, но вот свободы — никакой. Подневольные вы, как и все остальные. Терпины.

— А ты, значит, свободный?

— Как птица в полете, — блаженно потягиваясь на стуле, произнес Олег. — Мотаюсь по стране и легкие деньги срубая. То спекульну где-то, то вот такого барыгу, как ты, трясану. Чем не жизнь?

— Добегаешься — схватят тебя менты за жопу и в кутузку посадят, — усмехнулся Александров.

— Не схватят — я заговоренный. Вон в феврале во Дворце спорта какую облаву на меня устроили, а с чем остались — с хером по всей морде.

В это время Чика оторвался от своей кастрюли и впервые вмешался в разговор:

— А у меня из головы никак не идет — кто это нас сегодня на «Волге» пас?

— Думаешь мусора? — не донеся сигарету до рта, спросил Олег.

— Не знаю, — пожал плечами Чика. — Но кто-то же гнался.

— Может, прав хоккеист — это такие же ушлые ребятки, как мы, охочие до его денег? Ведь если бы это мусора были, они бы нас еще у Аэровокзала взяли — я же, как-никак, в розыске. Чего им со мной валандаться — хватай, да получай очередную звездочку на погоны.

Чика ничего не ответил своему приятелю и, облизав вилку, встал из-за стола и вышел из комнаты. А кастрюля с недоеденными макаронами осталась на столе. Вскоре из соседней комнаты донесся голос Владимира Высоцкого — это Чика включил магнитофон, где на пленке был записан один из последних концертов барда. Тот самый, на котором звучала его новая песня «Дорогая передача» про обитателей сумасшедшего дома.

— Сделай потише, а то людей разбудишь, — крикнул ему Олег, после чего вдавил окурочек в пустую банку из-под сардин, которая служила ему пепельницей.

Затем он снова обратил свой взор на хоккеиста, чтобы продолжить прерванный разговор:

— Когда, говоришь, у тебя игра-то будет?

— Послезавтра.

— И кто же призван под знамена второй сборной, кроме тебя?

— В воротах Сидельников из «Крылышек» и Тыжных из ЦСКА, в защите Макаров и Стариков из «Трактора», Волченков из ЦСКА, Гусев из «Химика», Назаров из Риги и Вожаков из Горького, — начал перечислять Александров. — В нападении Сашка Лобанов — мой партнер по ЦСКА, Серега Макаров из «Трактора», Ковин из «Торпедо», Брагин и Евстифеев из «Спартака». Да, еще тройка из московского «Динамо»: Фроликов, Шостак и Тукмачев.

— Лихая команда! — голосом, полным сарказма сопровождал этот список Олег. — И с кем первый матч играете?

— С первой сборной.

— А чего же Тихонов тебя туда не взял — рылом не вышел?

— Характерами не сошлись, — коротко ответил Александров.

— Вот и я о том же — коротка ваша хоккейная слава. Помнишь, как всего пару лет назад ты всех на уши поставил своей игрой против «Монреаль канадиенз»? 3:3 сгоняли, причем последнюю шайбу ты забил. Тебя после этого сразу в олимпийскую сборную взяли. А сейчас ты до второй сборной скатился.

Александров, конечно же, прекрасно помнил тот матч с «Монреалем», который ЦСКА играл в ночь на новый 1976 год. Канадцы вели 3:1 и им уже казалось, что дело сделано. Но сначала Валерий Харламов, а потом и он, Борис Александров, лишили монреальцев радости отпраздновать победу. Причем тот свой гол Александров запомнил на всю жизнь — он до сих пор стоял у него перед глазами. Все началось с того, что в средней зоне ошибся защитник Оури — кстати, участник Суперсерии-72 — и Александров вместе с Виктором Жлуктовым выкатились на одного канадского защитника Робинсона. «Витька отдал точный пас и мне осталось только замкнуть эту передачу — отправить шайбу в незащищенный Кеном Драйденом угол, — вновь перебирал в уме те события Александров. — А потом мы погуляли на славу. Поехали в советское генконсульство встречать Новый год. Третьяк еще сетовал: мол, впервые за долгие годы им, ветеранам, посчастливилось отпраздновать его по-человечески». И то правда — зачастую 1 января у них обязательно была игра в рамках какого-нибудь зарубежного турне. Вот и Александров в течение нескольких последних лет встречал Новый год вдали от дома — на юниорских чемпионатах мира.

— На том матче в Монреале был Борис Павлович Кулагин — вот он меня и Витьку Жлуктова в сборную и взял, — сообщил Александров своему собеседнику информацию, которую тот не мог знать.

— Сняли твоего Кулагина к чертовой бабушке, — усмехнулся в ответ Олег. — Так что бежать тебе теперь не к кому. И будешь ты сначала во второй сборной ошиваться, а потом подашься в свой Усть-Каменогорск, гонять за первую, а то и вторую лигу.

— Ладно, ты меня раньше времени не хорони, — беззлобно отреагировал на эту реплику хоккеист. — Лучше вон ешь свои макароны.

— А сколько таких как ты игроков, сначала взлетели, а потом без вести канули? — продолжал гнуть свою линию Олег. — Вот где сейчас Юрка Блинов или Женька Поладьев, которые против канадцев в первой Суперсерии играли? А еще мне один «болела» рассказывал, что был в ЦСКА такой игрок — Сашка Смолин. Они с Харламовым вместе начинали, так Валерка по сравнению с ним шел вторым номером. И где теперь этот Смолин? А Харламов вон в кого вырос!

— В «Бинокоре» твой Смолин сейчас играет, — сообщил Александров.

— Вот и я о том же — «Бинокор» тебя, парень, ждет, а не ЦСКА при новом тренере. Я еще помню Генку Маслова из «Крыльев Советов» — того, что в клубной Суперсерии против канадцев играл. А знаешь, когда я его впервые на льду увидел? Я пару лет назад в Череповце завис, а там турнир на приз газеты «Советский спорт» проводился. Так «Крылышки» там бухарестское «Динамо» разгромили со счетом 27:5. И этот самый Маслов девять шайб заколотил. Тем мне и запомнился. И где он теперь? Не видать его что-то в «Крылышках».

— Он, вроде, в куйбышевское СКА ушел.

— Вот так-то — из Москвы да в Куйбышев!

— Зато не спился, а в хоккей играет. И тюрьма по нему не плачет, как по тебе, например.

— По вашему брату-хоккеисту она тоже иногда плачет, просто вам повезло больше — вас есть кому отмазать, а таких, как я нет.

Александров не стал развивать эту тему, живо вспомнив свою собственную недавнюю историю — с женщиной на стоянке такси.

Так, за разговорами, быстро текло время. И вот уже за окном убогой квартирki, где на продавленной тахте восседал Александров, забрезжило утро.

13 сентября 1977 года, вторник, Черемушки, квартира Вероники

Захлебываясь слезами, Вероника сбивчиво рассказывала Игнатову и Спрогису все, что она знала о намерениях Олега относительно

Бориса Александрова. За окнами уже начало светать, обоим мужчинам чертовски хотелось на боковую, но они понимали — спать им сегодня вряд ли придется. Во всяком случае, в свете той информации, которую им поведала рыдающая навзрыд девушка. Вот уже больше часа они находились в ее квартире, а она до сих пор никак не могла прийти в себя — то успокаивалась, то снова пускалась в плач. Оставив девушку на попечении ее матери, мужчины вышли из комнаты в коридор.

— Я думал, что этот ухарь на дне Москвы-реки давно, а он, оказывается, жив-здоров, да еще вымогательством занимается, — разминая в руках сигарету, произнес Игнатов.

— Сколько ему за это по нашему УК полагается? — поинтересовался Спрогис.

— Статьи 95 и 148 УК РСФСР — до трех лет лишения свободы. Но за ним еще, как минимум, три трупа числятся. Так что «вышка» плачет по этому Олегу Ржаеву.

— Значит, терять ему нечего, — глубокомысленно изрек Спрогис.

Они вышли на лестничную площадку, где Игнатов наконец-то закурил. Спрогис его в этом не поддержал — он уже пять лет, как бросил эту вредную привычку.

— Судя по всему, домой к Александрову они приезжали за сберкнижкой, — дымя сигаретой в противоположную от собеседника сторону, размышлял Игнатов. — Иначе зачем бы они забрали хоккеиста с собой, если бы деньги он хранил дома? Значит, Ржаев планирует приехать в сберкасса к ее открытию вместе с Александровым. От нас требуется установить точный адрес кассы. Как искать будем — по вашим каналам или по нашим, эмвэдэшным?

— По нашим, естественно — это быстрее, — ответил Спрогис. — Ты давай докуривай, а я позвоню кому следует — пусть начинают поиски.

Сказав это, Спрогис вернулся в квартиру и направился напрямиком на кухню, где у хозяев находился телефон.

Спустя час они уже знали точный адрес сберкасс, где Александров хранил свои кровно заработанные — на улице Марины Расковой, что по соседству с Ленинградским проспектом.

— Сколько же наша знаменитость держит денег на своем счету? — поинтересовался Игнатов.

— Шестьдесят тысяч, — ответил Спрогис. — Но это строго между нами, сам понимаешь...

— Могила, — приложив палец к губам, пообещал муровец.

А сам подумал: «И почему я не хоккеист или, на худой конец, не футболист?»

— Операцию захвата будем проводить силами нашего подразделения «А», — сообщил Спрогис. — У вас в МВД, насколько я знаю, таких спецгрупп еще нет.

— Значит, меня там не будет? — догадался Игнатов.

— Скорее всего, мы с тобой будем наблюдать за операцией из окна моего персонального автомобиля, — и Спрогис доверительно похлопал муровца по плечу.

*13 сентября 1977 года, вторник, Москва, площадь Дзержинского,
КГБ СССР, кабинет Юрия Андропова*

Когда на Лубянку приехал начальник 7-го управления генерал-лейтенант Алексей Бесчастнов, то группа «А» во главе с ее начальником была уже там. Бойцы сидели в актовом зале в гражданской одежде и вкратце были проинструктированы относительно той операции, в которой им предстояло сегодня участвовать. Подозвав к себе начальника группы, Бесчастнов попросил его быть готовым к тому, что с ними захочет встретиться лично Юрий Андропов, который был уже в пути — он ехал с дачи, тоже поднятый на ноги дежурным. Присутствие председателя КГБ на такого рода операциях было обязательным — так было заведено самим Андроповым.

Не успел Бесчастнов закончить разговор с начальником группы «А», как примчался посыльный от дежурного и сообщил ему, что Андропов ждет его в своем кабинете. Когда он вошел туда, то увидел, что председатель не один — напротив него за столом сидели Эрнест Спрогис, а также неизвестный мужчина, которого Андропов представил, как инспектора МУРа Алексея Игнатова. Поскольку час назад именно Спрогис позвонил Бесчастному и рассказал ему о сути дела, его присутствие здесь генерал-лейтенанта не удивило.

— Как настроение у ребят? — спросил у вошедшего Андропов, когда тот присел на свободный стул.

— Боевое, Юрий Владимирович — все рвутся в бой, — ответил Бесчастнов.

— А что же вы не захватили с собой начальника группы? — удивился Андропов.

— Я думал, что вы захотите встретиться лично со всей группой в актовом зале.

— Правильно думали, — улыбнулся шеф КГБ и тут же перешел к другой теме: — Вот товарищ Игнатов просит, чтобы ваши ребята взяли его с собой на операцию.

— Полагаю это лишним — мои люди работают, как единый механизм, а человек со стороны может только помешать, — возразил Бесчастнов.

— Слышали, товарищ Игнатов? — Андропов перевел взгляд на муровца. — Так что без обид — мы здесь все люди служивые.

— Но я могу хотя бы рассчитывать на то, что останусь в группе прикрытия? — спросил Игнатов.

— Ночного приключения вам, значит, мало? — спросил Андропов, показав тем самым, что он уже в курсе того, что произошло несколько часов назад в Колпачном переулке.

— Одно другому не мешает, — глядя в глаза Андропову, ответил Игнатов.

— Хорошо, пойдете в группу прикрытия, — согласился с доводом муровца шеф КГБ. — А то ведь товарищ Щелоков, чего доброго, будет жаловаться, что мы провели эту операцию без участия его сотрудников. Еще вопросы есть?

— Есть не вопрос, а предложение, — Игнатов уже окончательно освоился в этом кабинете и решил выложить перед собравшимися идею, которая пришла к нему в голову некоторое время назад. — А что если подать Александрову условный знак о том, что мы находимся в сберкассе и контролируем ситуацию.

— Что за сигнал? — заинтересованно спросил Андропов.

— При входе в кассу повесить плакат с изображением его тестя — замечательного советского актера Николая Апанасовича Кучкова. Увидев его, Борис догадается, что это не случайно.

— А преступники что подумают? — подал голос Бесчастнов.

— Преступники вряд ли знают, кто является тестем Александрова, — ответил Игнатов.

— Я вижу, вы внимательно следите за литературными новинками, — улыбнулся Андропов.

Шеф КГБ имел в виду свежий роман братьев Вайнеров «Эра милосердия», которым зачитывалась добрая половина страны. Книга вышла в журнале «Смена» №№ 15–23 за 1975 год, а также отдельным изданием в том же году в серии «Военные приключения». В романе был похожий эпизод, когда сотруднику МУРа, внедренному в банду, его товарищи подавали сигнал — наклеили фото его любимой девушки на дверь, куда муровцу надо было незаметно зайти и спрятаться.

— Ну что же, можно попробовать, — согласился с предложением гостя Андропов. — Только где взять такой плакат в начале пятого утра?

Но Игнатов и здесь нашелся, что ответить:

— Когда мы подъезжали к вашему зданию, я заметил у входа в ЦДРИ стенд с рекламой нового фильма «Горожане» с участием Николая Апанасовича.

— Вы что, предлагаете похитить фотографию со стенда? — искренне удивился Бесчастнов.

— Ради такого дела почему бы и нет? — вопросом на вопрос ответил Игнатов. — Тем более, что плакат потом можно будет вернуть.

После этого в разговоре возникла пауза — все ждали, какое решение примет хозяин кабинета в связи со столь необычным предложением. Наконец, Андропов решился:

— Хорошо, возьмем плакат на прокат — всего лишь на несколько часов.

По губам Игнатова пробежала еле уловимая улыбка. Заметив ее, Андропов задал муровцу еще один вопрос:

— Как вы думаете, товарищ Игнатов, почему Александров так легко согласился на предложение вымогателей — боится?

— Вполне вероятно, что здесь присутствует не столько страх быть убитым, сколько боязнь стать героем очередного скандала, — ответил Игнатов. — Видимо, ему легче отдать деньги, чем лишиться репутации. Ведь если он вылетит из ЦСКА и сборной, то ему придется распрощаться с делом всей своей жизни — с хоккеем. А оставшись в нем на ведущих ролях, он быстро сумеет

компенсировать тот урон, который нанесут ему вымогатели. Мне сдается, что они не все деньги у него забирают.

— Ну что же, вполне правдоподобное объяснение.

Сказав это, Андропов взглянул на настенные часы, которые показывали начало пятого утра. После чего подвел итог разговору:

— Времени у нас остается в обрез, а нашим бойцам надо еще произвести разведку на местности. Надеюсь, в этот раз мы этого архаровца не упустим. Так что пойдете в актовый зал — бойцы, наверное, нас уже заждались.

И хозяин кабинета первым поднялся со своего места.

13 сентября 1977 года, вторник, Москва, улица Марины Расковой

Игнатов сидел в автомобиле Спрогиса и вместе с ним внимательно наблюдал за тем, что происходило на противоположной стороне улицы — там, где была расположена сберкасса. Чуть впереди них, за газетным киоском, стоял автофургон с надписью «Хлеб», в котором находился передвижной штаб группы «А», оснащенный по последнему слову техники. В этом фургоне было несколько телевизионных мониторов, куда передавалось видеоизображение с улицы (с территории, где был расположен вход в сберкассу), а также из самой кассы, где в эти утренние часы никого, кроме сотрудников, пока не было. Почти все бойцы спецгруппы «А» заняли позиции в разных местах помещения: двое за дверью, выходящей непосредственно в зал, трое притаились под стойкой возле окошек, куда обычно подходили посетители, а один из бойцов сел в зале за столик, изображая из себя раннего посетителя, старательно выводившего что-то шариковой ручкой в пустом бланке для телеграмм. Еще трое бойцов рассредоточились на улице: один изображал из себя дворника, махающего метлой, другой прогуливался невдалеке с собачкой породы шпиц, а третий сидел в киоске «Союзпечать» рядом с продавцом.

На часах было начало десятого утра и улица в эти часы выглядела достаточно оживленной, учитывая, что поблизости шумел Ленинградский проспект. Игнатов внимательно вглядывался в прохожих, пытаясь узнать в них тех, кого они с таким нетерпением поджидали. Но этих людей пока видно не было. Вместо них мимо

сберкасы пробежала стайка детишек, забежавших в ближайший двор. Прошла женщина с ребенком, у которого в руках была надувная игрушка в виде лошадки. А на противоположной стороне улицы, на лавочке у автобусной остановки, сидел дядька неопределенных лет в лыжной шапочке и ватнике. В одной руке у него была палочка, в другой какая-то газета, свернутая в трубочку. Судя по тому, как дядька то и дело всматривался вдаль, он ожидал автобуса в сторону метро «Белорусская».

Какая-то женщина, с мороженым в руках, задержалась возле афиши цыганского театра «Ромэн», который раскинул свои владения неподалеку — афиша зазывала на спектакль «Ты героя, я герой» по пьесе итальянских драматургов П. Гариней и С. Джованнини. Пять лет назад по советскому телевидению прошла экранизация этого спектакля под названием «Мой остров синий». Игнатов обожал эту постановку за песни композитора Доминико Модуньо, в ней звучащие, но со дня премьеры больше ее не видел — с этой чертовой работой никак не удавалось совпасть по времени с повторами этого фильма по ТВ.

Легкий толчок локтем в бок отвлек Игнатова от посторонних мыслей. Это Спрогис потревожил муровца и кивком головы указал на зеленые «Жигули», притормозившие неподалеку от входа в сберкасу. Вскоре из автомобиля вышли двое мужчин. В одном из них Игнатов и Спрогис сразу распознали Бориса Александрова, облаченного в джинсы и легкую курточку из болоньи, а вот второй человек был им неизвестен. Он выглядел по-спортивному подтянуто — этакий детина, косая сажень в плечах. Но это явно был не Олег, который по описаниям обладал внешностью куда более subtilной.

Когда Александров и Чика вошли в помещение кассы, хоккеист на несколько секунд замешкался у входа, увидев на стене большой плакат, на котором был изображен его тесть собственной персоной. Актер был запечатлен во весь рост с таксистской фуражкой на голове, а внизу аршинными буквами было написано: «Николай Кучков в киноповести «Горожане».

— Ну что встал, Кучкова не видел, что ли? — пробасил над ухом хоккеиста Чика и даже подтолкнул его в спину кулаком.

«Да это же мой тесть!» — хотел было похвалиться Александров перед своим спутником, но вовремя сдержался, резонно решив, что не стоит открывать перед ним эту информацию. Но мысль о

нелогичности появления киношного плаката в сберкассе прочно засела в сознании хоккеиста. С этой мыслью он и переступил порог сберкассового зала. И первое, что увидел — молодого мужчину, одиноко сидевшего за одним из столиков и заполнявшего какой-то бланк. Однако в какой-то миг мужчина оторвался от документа, поднял голову и... подмигнул Александрову. И этот мимолетный знак мгновенно расставил все точки над «i» в сознании хоккеиста. Он связал плакат и мужчину в единое целое, а еще вспомнил вчерашнюю «Волгу», которая гналась за ними по улицам Москвы. И догадался, что вымогателей «расшифровали» и теперь здесь, в сберкассе будет проведено их задержание. А это означало, что от него требовалось собраться и ни единым жестом или словом не выдать своей догадки перед его сопровождающим.

Александров не спеша подошел к одному из окошек, где сидела симпатичная молодая женщина, и, протянув ей сберкнижку с паспортом, произнес:

— Доброе утро, я хотел бы снять деньги со своей книжки.

Женщина молча взяла протянутые ей документы, открыла их и спустя несколько секунд ответила:

— Напишите, пожалуйста, сумму, которую вы хотели бы снять.

И она положила перед Александровым небольшой листок бумаги. Взяв шариковую ручку, лежавшую на стойке, хоккеист написал сумму — 14000 рублей. Взглянув на написанное, женщина сообщила:

— Сумма большая, поэтому вам придется подождать.

— Сколько? — поинтересовался Александров.

— Около получаса.

Александров бросил короткий взгляд в сторону стоявшего рядом с ним Чики. Тот кивнул головой: дескать, подождем. После этого они отошли от окошка и сели за столик у окна, которое выходило на улицу. И пока Чика поглядывал в окно, Александров внимательно наблюдал за мужчиной, который продолжал что-то писать на своем бланке. Но затем он оторвался от своих записей и обратился к той же кассирше, что принимала заказ у хоккеиста:

— Девушка, а мне долго еще ждать?

— И вы подождите, пожалуйста. Когда все будет готово, вам тоже сообщат.

Александров понял, что таким образом мужчина создавал себе алиби перед его спутником, чтобы тот ни о чем не догадался. И, судя по тому, как вел себя Чика, он ни о чем не подозревал, сохраняя спокойствие и даже насвистывая себе под нос мелодию из репертуара Владимира Высоцкого — песню «Москва — Одесса». У Александра дома была пластинка с этой песней, купленная им в ГУМе, кажется, в год его переезда в Москву.

В это время в передвижном штабе спецгруппы «А» внимательно наблюдали на мониторах за тем, что происходило в сберкассе. Ситуация создалась сложная. Дело в том, что главным объектом охоты был Олег, а его-то среди пришедших за деньгами как раз и не было. Правда, был шанс, что он все же появится — либо в самой сберкассе, либо где-то поблизости. Но время шло, а Олег не объявлялся, вынуждая чекистов нервничать. Отпускать хоккеиста и его сопровождающего с деньгами было нельзя (не было гарантии, что они не потеряются в городе), но и брать их без главаря тоже не имело смысла (это заставило бы его лечь на дно, причем на этот раз еще глубже, чем ранее).

— Кажется, ваши коллеги попали в патовую ситуацию, — произнес Игнатов, обращаясь к Спрогису. — Олега нет, а без него брать его поделника означает, что главарь снова скроется и на этот раз уже надолго.

— Хитер, подлюка, — процедил сквозь зубы Спрогис, который понимал создавшуюся ситуацию не хуже муровца.

Минуло ровно полчаса с того момента, как Александров передал свою сберкнижку кассирше. За это время в сберкассе зашли несколько посетителей, которые быстро оформили свои дела и ушли восвояси. И в зале оставались сидеть все те же трое: Александров, Чика и незнакомец. Чика уже давно перестал насвистывать мелодию и теперь то и дело бросал взгляд на часы, висевшие на противоположной стене. Наконец, он не выдержал и толкнул в бок Александра, чтобы тот поторопил кассиршу. Собственно, и самому хоккеисту время было дорого — к часу дня он должен был приехать в Новогорск, в расположение второй сборной СССР.

— Девушка, нам долго еще ждать? — вновь обратился к кассирше Александров.

— Секундочку, я сейчас узнаю, — ответила женщина и, поднявшись с места, вышла в боковую дверь.

Там ее ждали несколько сотрудников группы «А», которые попросили женщину задержать посетителей еще на пятнадцать минут. Это было предельное время, в течении которого чекистам предстояло принять окончательное решение. И это время неумолимо сокращалось.

Игнатов взглянул на свои наручные часы, после чего стал снова оглядывать окрестности вокруг сберкассы. Ничего подозрительного заметно не было. Прохожие сновали вдоль по улице, две женщины гуляли с детьми на детской площадке, а пожилая чета покупала свежие газеты в киоске «Союзпечать», не догадываясь о том, что рядом с продавцом сидит чекист, выполняющий ответственное задание — выслеживает преступников.

В следующий миг взгляд Игнатова наткнулся на того самого мужчину в ватнике и лыжной шапочке, который сидел на лавке у автобусной остановки. И тут муровец поймал себя на мысли, что пока этот мужчина сидел, от остановки ушло как минимум четыре автобуса. А это означало, что мужчина никуда особо не торопился, пропуская мимо себя один автобус за другим. И тут Игнатов решил более внимательно присмотреться к этому человеку. И вскоре заметил, что тот, развернув перед собой газету, то и дело бросает взгляд на вход в сберкассу, как будто чего-то или кого-то ждет. В этот миг к остановке подъехал еще один автобус, но мужчина так и остался на своем месте, занятый чтением газеты. Однако читал он ее как-то без особого интереса — водил глазами с одной страницы на другую, при этом периодически бросая взгляд в сторону сберкассы. И тогда Игнатов решил рискнуть.

Выйдя из автомобиля, он достал из кармана пачку сигарет и закурил. После чего твердым шагом направился на противоположную сторону улицы — туда, где на лавочке сидел мужчина в ватнике. Автомобильное движение по улице в эти минуты было не столь интенсивным, поэтому Игнатов быстро преодолел расстояние до противоположного тротуара. И когда до лавочки оставалось несколько метров, его глаза встретились с глазами мужчины. И муровец прочитал в них такое, что бросило его в холодный пот. Те же самые мысли он имел возможность читать всего лишь несколько часов назад в глазах

сумасшедшего стрелка, с которым он вступил в схватку на балконе дома в Колпачном переулке.

— Не подходи, мусор! — закричал Игнатову мужик, вскакивая с лавки.

Его правая рука нырнула в карман ватника и в следующую секунду на свет был извлечен пистолет. Его дуло застыло на уровне груди муровца и палец преступника лег на курок, готовый нажать на него без промедления. Игнатов застал на месте, ожидая выстрела. И он раздался. Но только свинец извергло вовсе не дуло пистолета. Откуда-то сбоку раздался легкий хлопок, после чего рука преступника повисла плетью, а пистолет упал на землю. Это засевший на крыше соседнего дома снайпер группы «А», заметив маневр Игнатова, взял на мушку подозрительного мужчину на лавке и успел выстрелить в него до того, как тот нажал на курок своего пистолета.

Как только новость о том, что снайпер «снял» главаря дошла до тех, кто находился в передвижном штабе, была дана команда на захват бригаде, находившейся в сберкассе. И кассирша попросила Александрова подойти к окошку. Хоккеист встал, а следом за ним это сделал и Чика. Но когда вымогатель поравнялся с женщиной, все это время коротающим время в зале вместе с ними, тот вскочил с места и схватил Чика за правую руку, которая была у него в кармане куртки. Там у преступника была финка, которую он все-таки сумел вытащить наружу, на долю секунды опередив чекиста. Лезвие прошло в миллиметре от его лица, после чего последовал молниеносный болевой прием и финка отлетела в дальний угол помещения. В эту же секунду сразу с двух сторон — из-под стойки сберкассы и из боковой двери — выскочили чекисты, сидевшие в засаде и буквально снесли с ног здорового Чика. Не успел он опомниться, как его руки оказались заломлены назад и на них защелкнулись наручники.

***16-21 сентября 1977 года, Прага, первый турнир на приз газеты
«Руде право»***

Егор Красовский открыл глаза и первое, что увидел — стеклянную люстру над своей головой. Глядя на нее, он никак не мог понять, где он находится и почему у него так кружится голова. Но

спустя минуту, когда он все же осмотрелся вокруг и услышал в радиоприемнике, стоявшем в соседней комнате голос чехословацкого певца Карела Готта, исполнявшего свой свежий хит «Леди Карнавал», память постепенно вернула Красовскому осознание той действительности, в которой он находился. И он сразу все вспомнил.

Несколько дней назад он прилетел в Прагу на международный хоккейный турнир на приз газеты «Руде право». Турнир проводился впервые и на него съехались три команды: две сборные — Чехословакии и СССР, а также американский клуб из ВХА «Цинцинати стингерз». Красовский был делегирован на турнир от своей газеты «Ленинский призыв», а также потому, что он в своих последних статьях хорошо отзывался о назначении Виктора Тихонова старшим тренером сборной. А поскольку это был первый турнир, на котором новичку предстояло дебютировать в качестве наставника нашей полноценной, а не экспериментальной, как это было на Кубке Канады в 1976 году, первой сборной, редакция газеты и отправила Егора в Прагу, пользуясь в том числе и тем, что его дядя занимал руководящий пост в Спорткомитете СССР.

С первых же дней Красовский стал отправлять в Москву подробные отчеты о сыгранных на турнире матчах, а также свои впечатления об игре нашей сборной. Сенсаций на турнире в общем-то не было — каждый из участников играл в русле тех прогнозов, какие звучали накануне турнира. Так, советская сборная в первой же игре 16 сентября разгромила «пчел» из Цинциннати со счетом 11:4. Причем в нашей команде сразу четыре хоккеиста сделали «дубли» — забили по две шайбы, чего до этого еще никогда у нас не бывало. Отличились Михайлов, Шадрин, Капустин и Волчков.

И еще одно экстраординарное событие, до этого никогда еще не случавшееся у нас, произошло на том матче — получил травму наш старший тренер. Каким образом? Тихонов стоял у бортика, опершись о него руками и отдавал команды своим игрокам. При этом так увлекся, что потерял бдительность. И когда прямо возле него двое игроков — наш и американец — вступили в силовую борьбу у бортика, Тихонов не успел сделать шаг назад и в результате канадская клюшка угодила ему точно в голову. Крюк рассек тренеру бровь и он согнулся от боли. К нему тут же бросился врач команды Борис Сапроненков, который сумел быстро локализовать травму — остановил кровотечение и

наложил пластырь на пострадавшее место. И Тихонов снова вернулся на свое место, правда, теперь заняв позицию не вблизи, а чуть поодаль от края бортика.

Когда после матча Красовский стал брать интервью у нескольких наших игроков, от него не укрылся тот факт, что некоторые из них не скрывали своего удовлетворения от этого инцидента. Нет, игроки не говорили в открытую, что они рады тому, что канадская клюшка попала в голову их тренеру, но журналист заметил в их глазах веселые искорки, едва он коснулся в разговоре этой темы. Из этого он сделал вывод, что деятельность Тихонова на его новом посту не всеми его подопечными воспринимается благожелательно — есть и такие, кто рад даже такому конфузу своего наставника.

Между тем американцы на следующий день проиграли и чехословакам. Пусть и не так разгромно, как день назад, но опять же безнадежно — 2:8.

18 сентября на «Руде право» состоялся первый из решающих матчей турнира — СССР против ЧССР. Причем отметим, что если Тихонов привез в Прагу команду, где было 12 титулованных хоккеистов (неоднократных чемпионов мира и Олимпийских игр), то в составе сборной Чехословакии отсутствовало целых семь (треть состава!) чемпионов мира. По сути это была наполовину обновленная сборная ЧССР, которую готовили к главному турниру — к предстоящему здесь же, в Праге, через семь месяцев чемпионату мира и Европы. Однако советская сборная достаточно легко обыграла в первом матче своих главных соперников — 4:1. Причем уже к началу третьего периода счет был 3:1 и практически не оставлял шансов чехословакам отыграться.

Именно после этой игры Красовский и познакомился с человеком, который сыграет в его жизни определенную роль. Это был чехословацкий журналист газеты «Чехословацкий спорт» Марек Скленаж. Он сам подошел к Красовскому в пресс-центре и предложил ему посидеть за чашкой кофе в баре и обсудить перипетии прошедшей игры. Будучи в прекрасном настроении, Красовский согласился. Тем более что чех сразу произвел на него хорошее впечатление — этакий импозантный щеголь, да еще хорошо говорящий по-русски. Это впечатление только укрепилось, когда они уселись за столик в баре и принялись говорить о матче. Оказалось, что

Скленарж прекрасно разбирается в хоккее и владеет массой интересной информации о своей сборной. А эта информация Красовскому была очень важна для его репортажей.

— Тихонов, конечно, молодец, но сегодня у нас на льду была по сути новая команда, — потягивая горячий кофе из чашки, делился своими впечатлениями Скленарж. — У нас не было семерых ведущих игроков. При этом Холик закончил играть за сборную, а Дзурилла, Поспишил, Новак, Новы, Махач и Лукач попросили дать им отдохнуть. Вот и было решено опробовать в деле молодежь.

— Какая же это молодежь, если многие из них уже играли в вашей сборной? — удивился Красовский. — Я имею в виду Заичека, Рихтера, Сакача, Кралика, Рогачика, Сикору.

— У тебя хорошая память, Егор, — улыбнулся чех. — Но ты имей в виду, что эти ребята не имеют того опыта, что есть у тех семерых, а во-вторых — они еще не сыгрались с молодежью. А у вас почти все звенья отлажены. И Тихонову здесь надо было только не мешать им играть, что он и сделал.

Так за неспешным разговором они просидели около двух часов. И расстались друг с другом, уже будучи не только коллегами, но и добрыми друзьями. И на следующий день вместе сидели на трибуне, наблюдая оттуда за повторной игрой советских хоккеистов с «Цинциннати стингерз». Причем на этот раз игра для наших ребят выдалась не такой легкой, как первая. Уже спустя несколько минут с начала игры американцы вели 2:0. И только под занавес первого периода советским хоккеистам удалось сравнять счет. Казалось, что после этого они перехватят инициативу и задавят соперников. Но это оказалось не так. И во второй двадцатиминутке обе команды, показывая отменный хоккей, так и не смогли «распечатать» ворота друг друга. И только в заключительном периоде сборная СССР сумела переломить ход игры. Забила еще три шайбы и победила со счетом 5:2. Но американцы в этот раз выглядели весьма и весьма неплохо.

На следующий день «пчелы» играли с чехословаками. Но потраченные накануне силы сказались на их игре — американцы уступили с разгромным счетом 3:12. Причем их хватило только на первый период, который они выиграли 2:1. Но уже во второй двадцатиминутке чехословаки забили шесть безответных голов, поведя 7:2. Собственно, именно тогда стало понятно, что исход матча решен.

Красовский смотрел эту игру без чеха — тот почему-то на матч не пришел. Но это даже было к лучшему. Журналист заметил на трибуне самого Виктора Тихонова, который сидел в гостевой ложе с блокнотом в руках. А поскольку они уже были знакомы лично, то Красовский без всякого стеснения подсел к тренеру и просидел с ним всю игру, активно общаясь по ее ходу. Причем это не мешало Тихонову периодически делать пометки в своем блокноте, которые ясно указывали на то, что он решил основательно подготовиться к завтрашней игре против тех же чехословаков. Впрочем, он всегда старался максимально ответственно подходить к важным играм, в ЦСКА его уже прозвали «бухгалтером от хоккея» — за то, что никогда не расставался со своим блокнотом.

После матча Красовский собирался поехать в гостиницу, но у самого выхода его перехватил Марек Скленадж, который объявился перед ним, как черт из табакерки. Оказывается, он тоже был на игре, но почему-то предпочел ее смотреть отдельно от Красовского.

— Егор, мои ребята выиграли, и я хочу тебя гостить, — обнимая коллегу за плечо, произнес чех.

— Извини, Марек, я устал и хотел бы побыстрее добраться до кровати, — попытался было отбрехаться Красовский.

— Что хорошего в пустой и холодной гостиничной кровати, когда можно найти кровать потеплее и совсем не пустую, — рассмеялся в ответ Скленадж.

После чего жестом подозвал к себе девушку, стоявшую неподалеку. Увидев ее, Красовский тут же забыл обо всем на свете. Подошедшая была на удивление хороша — эффектная блондинка, внешне напоминавшая свою землячку, чешскую певицу Хелену Вондрачкову, которая Егору очень нравилась. И когда он летел сюда, на турнир, в его голове крутилась задорная мелодия ее нового шлягера «*Malovaná džbánku*» («Разукрашенная кружка»), с которой она выступала в этом августе на песенном фестивале в Сопоте. Вот почему, познакомившись со Скленаджем, Егор поинтересовался, нет ли возможности попасть на концерт этой исполнительницы. На что Марек ответил: дескать, Вондрачкова сейчас на гастролях в Латинской Америке и прилетит только через пару недель, когда турнир «Руде право» уже закончится. А оказалось, что он уже тогда задумал сделать сюрприз своему русскому коллеге, о чем тут же ему и заявил:

— Извини, Егор, настоящую Вондрачкову я тебе привести не смог, но зато нашел ее точную копию. Знакомься, это — Бозена. Кстати, по-чешски это означает «божественный подарок». Согласись, она и в самом деле божественно хороша.

Вместо ответа Красовский шагнул навстречу девушке и, взяв ее ладонь, галантно поцеловал. Это означало, что он передумал ехать в гостиницу и готов был следовать за этой особой хоть на край света. Собственно, так оно и вышло. Марек повез парочку если не на край света, то ближе к краю Праги — в тихий спальный район Просек. В трехкомнатную квартиру на четвертом этаже кирпичного дома на какой-то тихой улочке. При этом всю дорогу Бозена, которая неплохо говорила по-русски, интересовалась Москвой, где она, по ее словам, была всего один раз по линии чехословацкого комсомола.

Когда они приехали в пустую квартиру, девушка сразу отправилась на кухню, чтобы собрать что-то на стол, а Марек усадил русского коллегу на диван напротив себя и поинтересовался:

— Я видел, как ты всю игру сидел рядом с Тихоновым и о чем-то с ним разговаривал. Интересно, о чем?

— Почему же ты к нам не подошел? — удивился Красовский.

— Не хотел мешать вашему общению, — улыбнулся чех и вновь задал свой вопрос.

— Мы говорили с ним исключительно о хоккее, — сообщил журналист.

— Было бы странно, если бы вы говорили о женщинах, — рассмеялся Скленаж. — Кстати, как у Тихонова с этим?

— А почему ты об этом спрашиваешь? — удивился Красовский.

— Просто в прошлом году к нам по делам приезжал один ваш именитый тренер, так он сразу попросил наших спортивных функционеров познакомить его с какой-нибудь молоденькой красоткой. Что и было сделано. Хотя тренеру вашему, если мне не изменяет память, было уже за шестьдесят.

— Тихонов не такой, — мотнул головой Красовский. — У него есть жена Татьяна, они живут вместе уже четверть века и ему никто не нужен. И вообще он женат на хоккее.

— Это я заметил — постоянно сидит на чужих матчах с блокнотом и старательно что-то туда записывает. Интересно, что?

Ответить Красовский не успел, поскольку в это время в комнату вошла Бозена, которая катила впереди себя столик на колесах, уставленный всевозможными яствами. Среди них возвышалось несколько бутылок со спиртным. Ловко откупорив одну из них, Скленаж разлил жидкость по бокалам и предложил поднять первый тост за знакомство. А когда бокалы были осушены, он тут же налил еще — но теперь только себе и гостю. После чего снова спросил:

— Так что записывает ваш тренер? Неужели какие-то секретные сведения о своих будущих соперниках?

— Ну, секретные не секретные, но весьма интересные, — надкусывая бутерброд с черной икрой, ответил Красовский. — Я несколько раз сумел заглянуть в его записи и понял, что он очень толково изучает своих визави. Характеризует их звенья, дает оценку индивидуальным особенностям игроков, подсчитывает их КПД — то есть, коэффициент полезных действий. В общем, очень тщательная бухгалтерия.

— Мне кажется, завтра она ему не поможет — наши ребята победят ваших.

— Это почему? — насторожился Красовский и даже остановил свою руку с вилкой, потянувшуюся было за ломтиком тонко нарезанного финского сервелата, веером разложенного на тарелке.

Прежде чем ответить, Скленаж налил в бокалы очередную порцию спиртного и, салютовав своим бокалом гостю, выпил. Следом то же самое сделал и Красовский. После чего чех продолжил:

— Наши тренеры учли ошибки предыдущей игры и завтра сумеют локализовать ваших ключевых игроков.

— Вряд ли это получится, поскольку у Тихонова тоже имеется своя задумка, — сообщил Красовский.

— Откуда ты это знаешь — неужели от него самого?

— Нет, он вряд ли бы стал делиться со мной такой информацией, хотя у нас с ним, к твоему сведению, весьма неплохие отношения. Просто я периодически заглядывал в его блокнот, и кое-что сумел там прочитать.

— И что же ты там вычитал?

— Это секрет. Кстати, почему ты не наливаешь? — обратился Красовский к собеседнику, подставляя ему свой пустой бокал.

И пока чех разливал спиртное, к ним вновь подседа Бозена, которая до этого уходила на кухню. При этом она так соблазнительно закинула нога на ногу, будучи в короткой юбочке, что у Красовского учащенно заколотилось сердце. Поймав этот взгляд, Скленадж произнес:

— Давай допьем эту бутылку и я отвезу тебя в гостиницу.

— Ты же обещал, что сегодня я не засну в пустой и холодной постели, — напомнил ему о его же словах Егор.

— Но ты же не хочешь делиться со мной своими секретами, как будто я перестал быть тебе другом.

— Не обижайся, Марек, — расплылся в пьяной улыбке Красовский. — Нет там никаких секретов. Просто Тихонов задумал сыграть не в четыре звена, как в первом матче, а в три. И ребят из четвертого звена — Мальцева и Голикова — через смену подключить к третьему звену — вместо Жлуктова и Капустина. То есть, он даст игрокам отдохнуть и одновременно наиграет их с разными связками.

— А почему он так решил?

— Откуда же я знаю? — искренне удивился Красовский. — Хотя догадываюсь. У вас в прошлой игре все звенья выглядели блекло, разве что второе было порезвее. Его защитник, кстати, и отличился — Иржи Бубла. И Мартинеца вашего наш Фетисов надежно перекрыл — он у нас хоть и молодой игрок, но авторитетов для него на льду не существует. Так что он и в этот раз его закроет, не сомневайся.

— А что бы ты сделал на месте наших тренеров? — вновь наполняя бокалы, спросил Скленадж.

— Я бы? Посадил бы Мартинеца на скамейку, а вместо него поставил бы Рихтера из второго звена. Он поживее двигается и может точные пасы раздавать партнерам, в то время как Мартинец обычно сам пытается к воротам пробиться.

— Подожди, а вместо Рихтера во второе звено кого тогда ставить?

— Того, кто порезвее и кто пас может точный выдать Глинке или Аугусте. Есть у вас такой?

— Разве что Либор Гавличек из «Зетора», — после короткого раздумья ответил Скленадж. — Но он в прошлом матче не играл.

— Вот и хорошо — значит, не засвеченный, темная лошадка. И главное забыл сказать: у нас почти всю игру делает обычно первое звено, а остальные на него ориентируются. Поэтому, если его закрыть

противнику не удастся, у него лишь один шанс — выиграть противостояние со вторым и третьим звеньями. То есть, ваше первое звено пусть караулит наше первое и не дает ему развернуться, а в это время пусть активно работают второе и третье звенья. Там у нас защита не очень надежная. Если темп взвинтить, то Бабинов с Лутченко, да и Васильев с Первухиным чаще, чем надо могут ошибаться. Проверено во внутреннем чемпионате.

Разлив остатки спиртного по бокалам, Марек поднялся с дивана и протянул руку своему русскому коллеге:

— Давай прощаться, Егор — мне надо ехать домой.

— Как же ты поедешь выпивший? — удивился Красовский.

— Не бойся, я свою машину здесь оставлю, а сам такси поймаю — у нас с этим проблем нет.

— А как же Бозена? — задал еще один, главный свой вопрос, Красовский и с надеждой взглянул на чеха.

Тот в ответ хитро улыбнулся и ответил:

— Она остается с тобой — ты это честно заслужил. Так что посиди пока, а Бозена меня проводит.

Когда Скленадж и девушка вышли на лестничную площадку, Марек плотно прикрыл входную дверь и сказал:

— Смотри не переборщи с дозой — нам труп не нужен. Нам надо, чтобы он вырубился и проспал до завтрашнего вечера. На игру с русскими он попасть не должен.

— Не волнуйся, сделаю как надо, — улыбнулась в ответ девушка. — Ты-то все запомнил?

Вместо ответа Марек постучал рукой по груди — во внутреннем кармане пиджака у него был спрятан диктофон, который ему вручили в контрразведке СТБ. Впрочем, и квартиру эту, и девушку ему тоже предоставили там же.

Ничего этого, Красовский, естественно, не знал, поэтому, очнувшись нагишом в постели на следующий день после вечеринки, он никак не мог понять, почему он проспал так долго и отчего у него так кружится голова. А когда взглянул на свои наручные часы, то ахнул — было уже семь часов вечера. А это означало, что матч СССР — Чехословакия в самом разгаре. В этот миг взгляд Егора наткнулся на телевизор, стоявший в углу. Подскочив к нему, он щелкнул клавишей и уже спустя несколько секунд уставился в экран, где шла

прямая трансляция сегодняшнего матча. Спустя еще несколько минут на экране появилось табло. На нем значился счет — 5:4 в пользу чехословаков. Кроме этого, по ходу игры Красовский понял, что у хозяев сегодня на поле не играет их лучший игрок Владимир Мартинец, а его место в первом звене на краю атаки занял тот самый Либор Гавличек, о котором вчера вечером упоминал Скленаж. Более того, когда камера снова показала табло, Красовский узнал, что целых три гола у чехословаков забили представители третьего звена: Поузар, Черник и Дворжак. Это тоже живо напомнило Красовскому вчерашний разговор со Скленажем.

Не успел он об этом подумать, как чьи-то нежные руки обняли его за плечи. Егор обернулся и увидел сияющее лицо своей новой пассии — Бозены. Девушка была закутана в широкое полотенце, поскольку только что приняла ванну.

— Ты выспался, дорогой? — и Бозена поцеловала Красовского в мочку уха.

От этого поцелуя его голова пришла в порядок, но он хотел досмотреть хоккей, а любовь оставить на потом. Но уверенные руки красавицы заскользили вниз — к его животу и ниже. После этого думать про хоккей он уже не мог. Сорвав с девушки полотенце, Красовский подхватил ее на руки и отнес в постель. И там стал осыпать обнаженное тело страстными поцелуями. В это время в телевизоре комментатор объявил об окончании матча. Хозяева победили 5:4» но в виду того, что их первая игра закончилась победой советских хоккеистов с разницей в три шайбы, то общий итог турнира оказался в пользу подопечных Виктора Тихонова. Именно с этой радостной мыслью в голове Красовский навалился на девушку всем своим телом и коленями раздвинул ей ноги...

29 сентября 1977 года, четверг, Москва, Сивцев Вражек

Тихонов припарковал свою «Волгу» во дворе одного из домов на Сивцевом Вражке. Дом представлял из себя четырехэтажную постройку дореволюционного периода с лифтом, вынесенном наружу (их называли «стаканами»). Точно такое же здание стояло на Садово-Сухаревской улице, неподалеку от дома, где провел свое детство

Тихонов. Насколько он помнил, тот дом до революции относился к категории доходных — сдавался его владельцем состоятельным жильцам. Вполне вероятно, такая же история была и у дома на Сивцевом Вражке. В нем обитал известный психолог Матвей Семенович Лужский, которого Тихонову в Спорткомитете посоветовали привлечь к работе с игроками сборной СССР, чтобы подготовить их к предстоящему призу «Известий», а в дальней перспективе — к чемпионату мира в Праге. Тренер отнесся к этой затее скептически, но, чтобы со стороны начальства к нему не было никаких претензий, все-таки выбрал время для визита к специалисту, чтобы присмотреться к нему поближе.

Войдя в подъезд, в котором даже лепнина на потолке и каменная лестница с массивными перилами напоминали досоветские времена, Тихонов поднялся на второй этаж, к квартире № 8, на двери которой висела металлическая табличка с надписью «М. С. Лужский». Надавив на звонок, он прислушался — за массивной дверью стояла настороженная тишина. Но вскоре послышались чьи-то шаги, после чего лязгнул металлический замок и дверь открылась. За порогом Тихонов увидел человека, который, в представлении гостя, мало походил на психолога. Вместо рафинированного интеллигента в очках и мятых брюках, Тихонов увидел перед собой импозантного мужчину в модном спортивном костюме фирмы «Адидас».

— Виктор Васильевич? — спросил у гостя хозяин квартиры и, не дожидаясь ответа, жестом пригласил его войти в свое жилище.

Пройдя по длинному коридору, они оказались в светлой гостиной, окна которой выходили на проезжую часть Сивцева Вражка. Но поскольку окна были наглухо закрыты, шум с улицы сюда не доносился.

— Садитесь, пожалуйста, — предложил гостю хозяин квартиры, указав на кожаное кресло, стоявшее напротив массивного дубового стола. После чего спросил:

— Чай, кофе?

— Если можно, кофе, — последовал ответ.

Пока хозяин ходил на кухню, Тихонов, сидя в кресле, осмотрелся. Гостиная представляла собой довольно просторную комнату, главной достопримечательностью которой был камин в углу и книжные полки

до потолка, заставленные книгами. Судя по их количеству, эта библиотека насчитывала не одну тысячу наименований.

В тот момент, когда гость разглядывал книжные полки, пытаясь прочесть на корешках книг их названия, в гостиную вернулся хозяин. На большом подносе он нес кофейник и чашки, представлявшие собой такую же старину, как и все в этом доме. Как будто угадав мысли гостя, хозяин произнес:

— Эти роскошные хоромы мне достались по наследству от моих родителей. Мой отец многие годы преподавал философию в МГУ, он был учеником Льва Александровича Тихомирова. Слышали про такого?

— Не имел чести, — коротко ответил Тихонов, после того как пригубил кофе.

— Одно время он состоял в «Народной воле», которая убила Александра II. Правда, сам Тихомиров к этому убийству отношения не имел. Потом сам Столыпин привлек его в качестве консультанта для работы над трудовым законодательством. Впрочем, это все не имеет никакого отношения к теме нашего разговора, поэтому отставим эту тему в сторону.

Лужский занял место за столом, напротив гостя, и тоже пригубил кофе из чашки. После чего спросил:

— Насколько я понял из тех разговоров, что слышал в Спорткомитете, вы не слишком верите в идею психологической подготовки игроков вашей команды?

— Совершенно верно, Матвей Семенович, не верю, — честно признался Тихонов.

И услышал от своего собеседника то, чего никак не рассчитывал услышать:

— Вы будете удивлены, Виктор Васильевич, но я с вами солидарен. Мне кажется, психология здесь бессильна.

— То есть? — не скрывая своего удивления, спросил тренер.

— В Спорткомитете мне вкратце описали ситуацию, в которую вы попали, возглавив ЦСКА. Я имею в виду историю с Борисом Александровым и рядом других игроков, с которыми вы вступили в конфликт. У этого конфликта куда более глубинные причины, чем кажется на первый взгляд. Полагаю, что даже вы об этом не задумывались.

Лужский замолчал, чтобы вновь пригубить из чашки кофе. После чего поставил ее на поднос и продолжил:

— Чтобы понять, что происходит, надо посмотреть на проблему шире — с мировоззренческой стороны. И здесь лично мне помогает мое второе образование — философское. Что я имею в виду. Наше общество в современном его виде вступает в полосу структурного кризиса. Он вызван тем, что мы стоим на пороге так называемой холодной войны поколений. С одной стороны, это поколение, к которому я отношу нас с вами. Мы же почти ровесники: я, например, родился в тридцать втором.

— Я на два года раньше, — сообщил Тихонов.

— Значит, мы должны понимать друг друга. Наше поколение привыкло к аскетизму, на его долю выпало множество трудностей: война, преодоление разрухи, вызванное той же войной и так далее. С другой стороны, подросло молодое поколение, которое ни войны, ни разрухи не застало и живет в других условиях — тепличных. И беда наша в том, что мы говорим с этим поколением языком аскетизма, а оно этот язык не понимает.

— Мы это кто?

— Я имею в виду не только нас с вами, но и наших высших руководителей, которые тоже формировались в эпоху аскетизма или «крестьянского коммунизма». Мы говорим с молодыми людьми на языке, который им чужд. Ведь что необходимо молодежи? Ей надо выплеснуть свой адреналин, а возможностей для этого у нее практически нет. Нам в этом плане было легче: мы свой адреналин тратили во время войны, в тяжелые послевоенные годы. А сегодняшняя действительность такой возможности не предоставляет. Одного БАМа, увы, недостаточно. И ваш Борис Александров — это типичный молодой человек, который устал жить в условиях казарменного общества. В нашем спорте ведь на самом деле царят казарменные нравы.

— Вы предлагаете их изменить? — Тихонов допил свой кофе и поставил пустую чашку на стол.

— Я ничего не предлагаю, я просто констатирую факт. Вы поставлены системой, чтобы стабилизировать ситуацию на конкретном участке — в ЦСКА.

— Вы забыли про сборную.

— Не забыл, поскольку базой сборной всегда был ЦСКА. При Локтеве там сложилась ситуация этакой полуказармы: для одних, назовем их избранными, это была вольница, для других — аскетизм. Эта ситуация закономерно привела к дезинтеграции — начались проблемы как в ЦСКА, так и в сборной. В итоге Локтева сняли и назначили вас, чтобы вы восстановили прежнюю систему аскетизма применительно ко всем членам команды. Но всех вам под одну гребенку причесать не удастся.

— Раньше ведь удавалось.

— Потому что поколение было другое — аскетичное. В нем тоже находились свои Александровы, но их удавалось обуздать, призвать к порядку, поскольку они были идейными. Жертвовали своим здоровьем, бросали его на алтарь общей победы, не думая о деньгах. Сегодняшняя молодежь уже иная, она безыдейная. Она хочет поменьше жертвовать и побольше получать. И свои ценности она готова отстаивать в той самой холодной войне поколений, о которой я упоминал чуть раньше. Это уже вестернизированное поколение, которое неуютно чувствует себя в условиях казарменного социализма.

— Знаете, если бы мне не рекомендовали вас в Спорткомитете, я бы подумал, что попал к отъявленному диссиденту, — честно признался Тихонов.

— Вы удивитесь, но в Спорткомитете многие разделяют мои взгляды, поскольку понимают, что впереди нас ждет еще большая вестернизация нашего общества, а значит, и спорта. Но ситуация такова, что эти взгляды пока еще не востребованы и ждут своего часа. Поэтому и Локтева сняли, так как он опередил свое время.

— В каком смысле опередил?

— В том смысле, что его методы работы будут востребованы чуть позже. А пока нашей системе необходимы такие люди, как вы. Но надо ясно понимать, что закат эпохи аскетизма уже не за горами. Вы очень талантливый организатор, настоящий трудоголик, фанат своего дела и наверняка добьетесь больших результатов на новом посту. Но эти успехи станут последними, поскольку будут достигнуты колоссальным напряжением сил. Это будет последний рывок, который осуществят аскеты и новая молодежь в одной упряжке.

— А если бы, к примеру, Локтева оставили на его посту?

— Вполне вероятно, мы бы проиграли следующий чемпионат мира, а ЦСКА утратил бы свои позиции неизменного лидера. Но это, на мой взгляд, не есть трагедия, поскольку отвечает запросам нашего общества — чтобы жизнь была похожа не на застойное болото, а на бурную реку. Но наши руководители хотят стабильности и постоянных побед. Однако вечно так продолжаться не может.

— Вы ратуете за то, чтобы у нас было, как на Западе?

— Опять вы меня не понимаете, Виктор Васильевич! Я не ратую, я — констатирую факт. Наше общество вестернизируется помимо нашей с вами воли и, как бы мы этому не сопротивлялись, этот процесс уже не остановить. Я хотел бы, чтобы наши руководители поскорее это поняли и начали отвечать на вызовы времени. Уже сейчас отвечать, а не тогда, когда жареный петух клюнет в одно место. Я вот недавно был в Чехословакии и изучал тамошнюю систему предсезонной подготовки хоккеистов. Так вот, там нет такой казармы, как у нас. Там они тренируются два раза в день — два часа утром и полтора после обеда, а все остальное время могут посвятить своим семьям. А национальная сборная собирается перед чемпионатом мира на три недели, однако игроков опять-таки не держат на базе, а на выходные на день отпускают домой.

— Если ввести эту практику у нас, то наших хоккеистов потом просто не соберешь. А если и соберешь, то многих в разобранном виде.

— Но вы же в своем рижском «Динамо» не были приверженцем казармы — игроки у вас частенько перед играми жили в своих семьях. А некоторые и на игры приезжали из дома на собственных машинах.

— Так это Латвия, Прибалтика — там у людей совсем иной менталитет, чем здесь, в России.

— Зачем же вы так думаете о людях?

— Так думаю не только я, но и наши высшие спортивные руководители. Поэтому в нашем спорте до сих пор существует принцип, как вы говорите, казармы. Но не будь его, не было бы и наших выдающихся побед, которыми все так гордятся.

— Но я вам повторяю еще раз — вечно это продолжаться не может. Подросло иное поколение, которое будет все чаще восставать против казарменных порядков.

— Значит, исходя из вашей теории, мне надо отказаться от своих должностей в ЦСКА и сборной и настаивать на том, чтобы вернули Локтева?

— Идеальный вариант, чтобы вы работали вместе. Два аскета, но с разными подходами к людям. Но это утопия, на это никто не пойдет. Вы останетесь на своем посту и, как я уже сказал, достигнете прекрасных результатов, поскольку силы у системы на это еще есть. Но надолго вас не хватит, поскольку будущий кризис внесет существенные коррективы в ситуацию во всем советском спорте. Например, хоккей точно пойдет по западному пути — будет превращаться в шоу. И, значит, все сильнее будет походить на гладиаторские бои. Так что вашему Борису Александрову не повезло, как и Локтеву — он оказался не ко времени.

— Советуете мне его сохранить на благо будущих перемен?

— Я реалист, чтобы такое советовать, — усмехнулся Лужский. — Время сейчас предкризисное, преддверие будущих перемен. И в такие времена без жертв обычно не обходится. Александрову, судя по всему, и суждено будет стать такой жертвой. Я бы, конечно, рад ошибиться, но все идет именно к этому. К тому, что вы, как аскет, и он, как новая молодежь, сойдетесь в очном поединке и победа останется за вами. Поскольку шансов на выигрыш у парня никаких. Во-первых, он молод и слишком горяч, во-вторых — эта жертва нужна вам, чтобы приструнить остальных смутьянов, и, наконец, в-третьих — за вами стоит система. Во всяком случае, пока...

*13 октября 1977 года, четверг, Москва, площадь Дзержинского,
КГБ СССР*

Тихонов ехал к Андропову и проклинал себя за то, что несколько месяцев назад поддался на его уговоры переехать в Москву. Как же здорово он чувствовал себя все предыдущие годы в Риге. Прекрасный город, отличная команда, где чуть ли не каждый игрок смотрел ему в рот, замечательные отношения с руководителями латвийского ЦК и Спорткомитета. Короче, живи и радуйся! Так нет же — дал уговорить себя, погнавшись за новыми перспективами. Говорят же мудрые люди, что от добра добра не ищут. А он этой мудростью решил пренебречь.

Вот теперь хлебнул лиха по самое не хочу. Вчера вечером стало известно, что один из игроков ЦСКА угодил в очередной переплет — сбил на автомобиле человека. И хотя ничего толком в том происшествии пока известно не было, но факт оставался фактом: пострадал человек, а игрока посадили под домашний арест. И кого — Виктора Жлуктова! Человека, на которого Тихонов возлагал большие надежды, с которым хотел создавать новое звено в ЦСКА и сборной, должно составить конкуренцию ведущей тройке в лице Михайлова, Петрова и Харламова. Эту тройку когда-то создал Анатолий Тарасов, а Тихонову нужно было свое звено, его собственное детище. Наличие такого звена гарантировало ему, что оно станет локомотивом как ЦСКА, так и сборной, что на него будут равняться все остальные звенья, как это долгие годы было с тарасовским. И это звено уже начало складываться из Балдериса, Жлуктова и Капустина. Правда, была проблема с защитниками, но Тихонов собирался в ближайшее время решить и эту задачу. Он уже почти определился с тем, что в его детище должен обязательно играть Вячеслав Фетисов — самый талантливый защитник советского хоккея из молодого поколения. Кого взять ему в помощь Тихонов пока не знал, но он усиленно работал над этим, присматриваясь к молодым защитникам из других команд. Он знал, что с его карт-бланшем, выданным ему самим Андроповым, он сможет заполучить к себе в ЦСКА любого молодого игрока — надо только такого найти.

Но теперь все эти планы летят псу под хвост: Жлуктов, центр нападения его детища, под следствием и значит, ему, Тихонову, придется все начинать сначала. Более того: его вызвал к себе Андропов, чтобы детально разобраться в том, что же происходит в ЦСКА. Ведь это уже второе криминальное происшествие за минувшие пять месяцев. Причем везде фигурировали молодые хоккеисты: в первом случае отличился Борис Александров, и вот теперь Виктор Жлуктов. Кстати, когда-то они вместе начинали играть в ЦСКА, вместе в феврале 1976 года попали в сборную СССР и стали олимпийскими чемпионами. И вот такая несчастливая у обоих судьба спустя четыре года после начала их столичной карьеры.

Глядя на мелькавший за окном служебной «Волги» московский пейзаж, Тихонов перебирал в памяти последние свои встречи со Жлуктовым и пытался понять, были ли предпосылки для того, что

произошло с парнем вчера вечером. И приходил к выводу, что таких предпосылок не было. Ведь нельзя же было отнести к ним неудачную игру в первых матчах чемпионата СССР. Хотя, чем черт не шутит — вдруг у парня опустились руки и он сорвался?

Почти всю первую половину сентября ЦСКА проводил матчи на Кубок СССР. Сыграл пять матчей и все выиграл. В общем итоге забросил 61 шайбу в ворота соперников. И двадцать из них было на счету звена Капустин — Жлуктов — Балдерис. При этом Жлуктов забил меньше своих партнеров — всего пять шайб (Балдерис — 8, Капустин — 7). И это при том, что соперниками армейцев были клубы заметно слабее их, но это почти не сказывалось на игре Жлуктова — что-то у него не ладилось. Та же ситуация потом перекинулась и на союзный чемпионат.

Он начался 1 октября, но ЦСКА вступил в него днем позже. Армейцы в Москве встречались со «Спартаком» — своим самым принципиальным соперником. Тихонов выставил на эту игру четыре звена, где в нападении играли: Михайлов — Петров — Харламов в первом, Балдерис — Жлуктов — Капустин во втором, Викулов — Лобанов — Волчков в третьем и Попов — Анисин — Александров в четвертом. Лучше всего показали себя третье и четвертое звенья, на счету которых было четыре шайбы (по две на звено). Еще одну шайбу забил Петров. В итоге ЦСКА победил со счетом 5:1. Жлуктов голами не отметился, впрочем, как и голевыми передачами. Играл не слишком удачно, но общей картины не портил.

5 октября состоялась вторая игра — против «Химика» в Воскресенске. И ее армейцы проиграли 2:3. Там уже блистало первое звено, забившее те самые две шайбы. Второе звено со Жлуктовым в центре опять играло на троечку. А ведь на него возлагались большие надежды. Но Балдерис, Жлуктов и Капустин, а также защитники Бабинов и Лутченко как будто впервые играли друг с другом. У них все валилось из рук. В итоге после двух туров ЦСКА занимал пятое место.

А в третьем туре армейцы в Лужниках принимали бывших подопечных Тихонова — рижских динамовцев. Москвичи победили 6:3, причем пять шайб забило первое звено: три были на счету Петрова, двумя отметился Харламов. А шестую шайбу за шесть минут до финальной сирены забил Александров с подачи бывшего рижанина,

а теперь москвича Балдериса. 6:3 в пользу ЦСКА — таков был итог той игры. Жлуктов и здесь не был похож на себя прошлогоднего. На того игрока, который в 36 матчах забил 17 голов и сделал 20 результативных передач, набрав 37 очков. Пятое место среди всех бомбардиров: на первом был Петров (26+36=62), на втором — Михайлов (28+23=51), на третьем — Александров (24+17=41), на четвертом — Викулов (22+18=40).

В четвертом туре, который состоялся позавчера, 11 октября, ЦСКА играл в Москве против земляков из «Крыльев Советов». Как ни странно, аншлага в Лужниках не было — пришло всего восемь тысяч человек. Может потому, что мало кто сомневался в том, кто победит. Ведь «Крылышки» начали сезон крайне слабо — занимали предпоследнее, 9-е место, набрав всего лишь одно очко. Собственно, так и вышло — ЦСКА победил 5:1, хотя до третьего периода ничего не было ясно — армейцы вели со счетом 1:0. Но потом все-таки дожали соперника. Однако жлуктовское звено снова было не на высоте. На льду «зажигала» третья пятерка, где в нападении играли Викулов, Лобанов и Волчков (три шайбы), а две шайбы было на счету первой пятерки.

Именно после этой игры Жлуктов отпросился у Тихонова с базы на какое-то семейное торжество. И в итоге угодил в переplet, который вызвал такой резонанс, что на него вынуждены были отреагировать не только в Министерстве обороны, но также в КГБ и ЦК КПСС. И это понятно. Там прекрасно знали о планах Тихонова создать второе ударное звено для ЦСКА и сборной. И вот на носу был важнейших турнир, последняя серьезная проверка перед чемпионатом мира в Праге — Приз «Известий», а центральный игрок нового звена попадает под уголовную статью. И когда Тихонов поднимался в кабинет к Андропову, он прекрасно отдавал себе отчет, о чем будет идти разговор и какие настроения обуревают шефа КГБ. И он не ошибся.

Андропов встретил гостя не в самом лучшем расположении духа, и когда тренер сел напротив него на стул, спросил:

— Ну, что будем делать, Виктор Васильевич?

— Честно говоря, я не знаю, — развел руками Тихонов. — Снимайте меня с должности и возвращайте в Ригу — не оправдал.

— Это вы зря — я не это имел в виду, — отмахнулся от слов гостя хозяин кабинета. — Вас никто ни в чем не обвиняет, поскольку в таком случае начинать надо с меня — ведь это я вытащил вас из Риги. Я спрашиваю, что будем делать со вторым звеном для сборной?

— Придется наигрывать другого игрока, — после короткой паузы ответил Тихонов. — Я предполагаю вместо Жлуктова ввести Вячеслава Анисина. Он, конечно, не такой цепкий, как Виктор, но иного варианта у меня нет. Ведь Анисин может играть, как на краю, так и в центре.

— Думаете, справится?

— Потенциал у него есть — в прошлом году, при Локтеве, набрал 33 очка и занял пятое место среди бомбардиров.

— Но этот сезон он, вроде, начал не ахти как, — продолжал сомневаться Андропов.

— Может, в новом звене заиграет лучше. Но в любом случае, кроме него ставить в центр второй пятерки больше некого. Владимира Попова я в сборной пока не вижу.

После этого в разговоре наступила пауза. Андропов думал о чем-то своем, нервно постукивая карандашом по столу. Наконец, он снова взглянул на гостя и произнес:

— Нам бы всем хотелось, чтобы во втором звене снова заиграл Жлуктов, но, боюсь, в данный момент это невозможно.

— Все так серьезно? — поинтересовался Тихонов, который до сих пор не знал всех подробностей этой истории и в тайне надеялся на лучшее.

— Вина вашего игрока до конца еще не установлена, но в любом случае его появление на льду может вызвать нежелательный резонанс. Ведь слухи, сами понимаете, уже пошли гулять по городу. Так что в любом случае придется обходиться без него. Во всяком случае, приз «Известий» он пропустит, а там видно будет. Или вы хотите все-таки его отчислить?

— Генералы советуют мне гнать его в три шеи, — честно признался Тихонов.

— Ну, а вы что?

— Я предлагаю не торопиться. Игрок он хороший, в любом звене сыграть может.

— Ну что же, вам видней. У вас когда следующая игра?

— Завтра — играем дома с ленинградским СКА.

— В таком случае не буду вас больше задерживать, Виктор Васильевич — вам команду надо к игре готовить. Уверен, что с ленинградцами вы управитесь — они, как никак, последнее место занимают.

— Для нас нет слабых соперников, Юрий Владимирович, — и Тихонов впервые за весь разговор улыбнулся.

Андропов окажется прав — ЦСКА уверенно обыграет своих одноклубников из города на Неве со счетом 8:5. Как ни странно, но именно в этой игре второе звено, куда был введен Анисин, впервые в этом чемпионате проявит себя во всей красе — забросит четыре шайбы. Две из них будут на счету Балдериса, еще две запишет на свой счет Капустин. Анисин, хотя и не отметится голами, но весьма эффективно будет взаимодействовать со своими новыми партнерами. Глядя на его игру, Тихонов даже подумает: «А может, правильно говорят, что не было бы счастья, да несчастье помогло. Вдруг Анисин заиграет лучше Жлуктова? Впрочем, проживем — увидим».

27 октября 1977 года, четверг, дача Юрия Андропова

Андропов сидел в кресле перед телевизором и, держа в руках чашку с теплым чаем, размешивал в ней ложкой сахар. На экране шли новости, которые специально вставили в перерыве полуфинального хоккейного матча на Кубок СССР между ЦСКА и московским «Динамо». После второго периода счет был 3:2 в пользу динамовцев. Андропов был вполне удовлетворен этим результатом, впрочем, как и всей игрой подведомственного его «конторе» клуба. Ведь проигрывая 0:2, динамовцы сумели во второй двадцатиминутке подряд забить три безответные шайбы — дважды это сделал Природин и один раз Первухин. В тот самый миг, когда Андропов вспоминал перипетии захватывающей игры, за его спиной на рабочем столе зазвонил телефон. Этот аппарат был напрямую соединен с брежневской дачей в Загорье, поэтому шеф КГБ сразу понял, кто ему звонит.

— Я слушаю, Леонид Ильич, — подняв трубку, произнес Андропов.

— Радуешься, Юрий, успеху своих молодцов? — спросил на том конце провода Брежнев. — Думаю, рано радуешься — мои орлы еще себя покажут.

— Это спорт — всякое может случиться, — философски изрек Андропов. — Вы лучше скажите, как вам нравится игра вашего второго звена?

Шеф КГБ имел в виду новую тройку нападения Балдерис — Анисин — Капустин, которую Тихонов начал наигрывать две недели назад, после того, как из нее выпал Виктор Жлуктов. Именно игроки этого звена и открыли счет в этом матче — это сделал Капустин на 18-й минуте. А спустя двенадцать минут уже Анисин увеличил разрыв до 2:0.

— Неплохо играют ребята, — похвалил хоккеистов Брежнев. — Мне кажется, Анисин играет не хуже Жлуктова и его можно смело возвращать в сборную. Ты скажи об этом Тихонову, когда будешь с ним говорить.

— Мне кажется, он и сам это прекрасно видит.

— Видит-то видит, но напутственное слово не помешает. На носу приз «Известий», как-никак!

В это время новости закончились и на экране телевизора вновь возникла ледовая площадка Дворца спорта «Сокольники», где проходил полуфинал Кубка. Видимо, Брежнев, который, как и Андропов тоже сидел перед телевизором, увидел это, поэтому поспешил закончить разговор:

— Ну, ладно, Юрий, решающий период начинается. Но помня мое слово — твоим несдобровать.

— Поживем — увидим, — ответил Андропов.

Положив трубку на аппарат, он вернулся к креслу и вновь взял в руки чашку с чаем. Но тот уже остыл, поэтому, сделав пару глотков, Андропов отставил его в сторону и сосредоточился на игре. Но в этот самый момент вновь зазвонил телефон. Только уже не «брежневский», а рабочий — тот, что был соединен с другими абонентами. Подняв трубку, Андропов услышал голос генерал-лейтенанта Григория Григоренко — начальника контрразведки КГБ.

— Юрий Владимирович, обнаружили себя «взрывники», — сообщил генерал.

Под этим псевдонимом проходили преступники, которые совершили серию взрывов в Москве в начале года, а именно — 8 января. Серия насчитывала целых три взрыва. А началось все в 17:33 в вагоне московского метро на перегоне между станциями «Измайловская» и «Первомайская» — там взорвалась первая бомба. В 18.05 произошел еще один взрыв — на этот раз в торговом зале продуктового магазина № 15 в Бауманском районе. И, наконец, в 18:10 взрыв раздался недалеко от здания КГБ — около продовольственного магазина № 5 на улице 25-летия Октября. В результате этих терактов погибло 7 человек, 37 было ранено.

Это беспрецедентное событие подняло на ноги всю правоохранительную систему СССР — как милицию, так и КГБ. Операция получила кодовое название «Взрывники». За эти полгода было опрошено более 500 свидетелей, видевших предполагаемых преступников. Однако никто из них так и не смог четко описать внешность террористов, многие путались в своих показаниях. Однако кое-что все-таки выяснить удалось. По собранным осколкам взрывных устройств были установлены те детали и материалы, которые использовались при изготовлении бомб. После чего выяснились места производства и продаж многих из этих материалов, был очерчен круг «подозреваемых» городов: Харьков, Ереван и Ростов-на-Дону. За основу была принята версия, что теракты могли устроить украинские или армянские националисты. И вскоре последняя версия нашла дополнительное подтверждение.

Летом в аэропорту Ташкента один из сотрудников КГБ обратил внимание, что в руках у пассажира находится сумка, идентичная той, которая использовалась террористами. Пассажира задержали, но его причастность к взрывам в Москве не подтвердилась. Зато выяснилось, что сумку сшили в Ереване. Это окончательно сузило круг поисков. Поскольку Андропов лично держал руку на пульсе этого расследования и регулярно докладывал о нем Брежневу, этот поздний звонок не был случайным.

— Сегодня на Курском вокзале неизвестные лица собирались совершить очередной теракт, — продолжал свою речь Григоренко. — Они оставили сумку со взрывчаткой в пассажирском зале, поставив механизм на часовое ожидание. Но взрыв предотвратило чудо. Батарейка у бомбы выдохлась раньше времени. Кроме того, один из

пассажиров, сидевших рядом с сумкой, страдал любопытством. Он заглянул внутрь и обнаружил бомбу.

Слушая главного контрразведчика, Андропов внимательно следил и за тем, что происходит на экране телевизора. А там в это время армейцы праздновали победу — Викулов с подачи Волченкова сравнял счет в матче. Глядя на то, как радуются армейцы, Андропов живо представил себе, что творится в эти секунды в душе у генсека.

Между тем, наблюдая за хоккеем, шеф КГБ ни на секунду не терял и нити разговора с Григоренко и во время короткой паузы с его стороны задал ему вопрос:

— Давно обнаружили бомбу, Григорий Федорович?

— Три часа назад. Милиционеры из линейного отдела тут же связались с нами и наши люди доставили эту сумку на Лубянку — сейчас с ней работают эксперты. Да, забыл вам сказать, Юрий Владимирович — в сумке, кроме бомбы, преступники забыли свои личные вещи.

— Интересно, какие?

— Шапку-ушанку и синюю спортивную куртку с олимпийской нашивкой из всё того же Еревана.

— Видимо, преступники не рассчитывали, что бомба не взорвется, — резонно предположил Андропов, получив эту информацию. — Однако на шапке могут ведь остаться волосы преступников?

— Совершенно верно, Юрий Владимирович, — подтвердил эту догадку шефа контрразведчик. — Буквально пять минут назад мне сообщили: эксперты обнаружили на шапке вьющиеся волосы черного цвета. Круг замкнулся: все нити ведут на Кавказ, а конкретно — в Ереван.

В момент этого сообщения в хоккейном матче произошло очередное событие — армейцы забили еще один гол и вышли вперед — 4:3. Шайбу забросил Харламов.

— Я надеюсь, вы отдали команду поднять на ноги милицию на всех железнодорожных вокзалах и в аэропортах страны в направлении Закавказья? — спросил Андропов.

— Первым же делом, Юрий Владимирович, — мгновенно отреагировал на этот вопрос Григоренко.

— Тогда завтра, в десять часов утра, я жду в своем кабинете вас, Григорий Федорович, и руководителей оперативной группы по делу «Взрывники». Спокойной ночи!

Андропов положил трубку на аппарат и снова взглянул на экран. А там армейцы снова радовались как дети, забив очередной гол. Отличился их капитан Михайлов, замкнувший на «пяточке» прострельную передачу Петрова. Счет в матче стал 5:3 в пользу ЦСКА.

Шеф КГБ подошел к телевизору и щелкнул тумблером выключателя. Для него, человека, который неплохо разбирался в хоккее, окончательный итог этого поединка стал более чем очевиден. И Андропов отправился укладываться спать. Когда он спустя несколько минут гасил свет в спальне, счет в матче стал 6:3 в пользу ЦСКА. А когда во Дворце спорта «Скольниковы» прозвучала финальная сирена, шеф КГБ уже крепко спал сном младенца.

1 ноября 1977 года, вторник, Рига и Москва

Ил-62 приземлился в Рижском аэропорту в одиннадцать часов утра. На нем в столицу Латвии прилетели Виктор Тихонов и Хельмут Балдерис. Эта поездка была незапланированной. У Тихонова заболела жена Татьяна, и хотя заболевание было не самое опасное, гриппозное, но он решил навестить супругу, тем более что они не виделись уже больше полутора месяцев — с тех пор, как он прилетел из Праги с турнира «Руде право». Татьяна тогда специально приехала в Москву на два дня, чтобы поздравить супруга с его первой крупной международной победой в ранге тренера первой сборной, а заодно и прибралась в их квартире на Ленинградском проспекте. С тех пор они больше не виделись — только перезванивались. Тихонов при первой удобной возможности звонил в Ригу и интересовался не только делами жены, но и спортивными успехами сына Виктора, а также самочувствие их игривого пуделька Нерона, по которому он скучал не меньше, чем по жене и сыну.

Когда Тихонов собирался в Москву, оставляя команду на попечение своего помощника Виктора Кузькина, он видел, что многие игроки рады этому обстоятельству. Поэтому догадывался, что при

первой же возможности они наверняка захотят развеяться в своем любимом ресторане Аэровокзала. При иных обстоятельствах Тихонов, может быть, отменил бы свою поездку и остался с командой. Но здесь в одно целое сошлись сразу несколько обстоятельств. Во-первых, он сильно соскучился по близким и по Риге, которая стала ему родным городом. Во-вторых, ему нужен был хотя бы кратковременный отдых для снятия напряжения, которое не отпускало его все последние дни, и было связано не только с играми чемпионата страны и Кубка СССР, но и с тем происшествием, что случилось с Виктором Жлуктовым. Наконец, турнирное положение ЦСКА позволяло Тихонову сделать себе такой подарок — на пару дней слетать в Ригу. Набрав 14 очков, ЦСКА лидировал в чемпионате, обыграв в последнем матче 31 октября своего главного преследователя — столичное «Динамо». Причем это была вторая победа армейцев над динамовцами за последние несколько дней. В первый раз это случилось 27 октября, когда ЦСКА победил бело-голубых в полуфинале Кубка СССР со счетом 6:3. И вот, спустя четыре дня, новая победа — уже со счетом 5:2 на льду все того же Дворца спорта «Скольников». Причем уже во втором периоде армейцы фактически решили исход игры, ведя со счетом 4:1.

Поэтому, отправляясь в поездку и видя, что игроки рады этому обстоятельству, Тихонов не стал подавать виду, что заметил это. Он решил, что игроки тоже заслужили отдых, тем более, что впереди команду ждал не самый трудный матч — 3 ноября ЦСКА должен был принимать на своем поле во Дворце спорта ЦСКА свердловский «Автомобилист», который с 7-ю очками занимал скромное 6-е место в турнирной таблице. Поэтому, напутствуя Кузькина накануне своего отъезда, Тихонов сказал ему:

— Виктор Григорьевич, будьте построже с ребятами, но и палку не перегибайте.

— Не перегну, — пообещал ему Кузькин и... загадочно улыбнулся.

После этого Тихонов подозвал к себе Хельмута Балдериса и спросил:

— Ты по Риге не соскучился?

— Я по ней всегда скучаю, — ответил хоккеист.

— Тогда иди, собирайся — завтра утром вылетаем. Или у тебя есть какие-то другие планы?

Вместо ответа Балдерис рассмеялся и бросился к себе в комнату — готовиться к отлету.

Тихонов не случайно взял с собой Хельмута. Во-первых, он всегда тепло к нему относился — почти как к сыну. И хотя у парня были живы собственные родители — отец у него работал водителем, а мать трудилась в торговле и иногда доставала жене Тихонова разные дефицитные вещи — однако влияние тренера на Балдериса тоже было велико. И это не удивительно, если учитывать, что Тихонов приметил парня и взял его в основу рижского «Динамо», когда ему было всего 16 лет. С тех пор — то есть, почти десять лет — они не расставались.

Всю дорогу тренер и хоккеист общались, обсуждая перипетии союзного чемпионата и перспективы сборной СССР на предстоящем в декабре призе «Известий». Тихонова особенно интересовало мнение Балдериса относительно появления в их звене нового игрока — Вячеслава Анисина.

— А вы знаете, что Слава дебютировал в большом хоккее одновременно со мной — в шестнадцать лет? — спросил у тренера Балдерис. — Он сам мне об этом рассказал. Правда, случилось это за год до моего дебюта — в 1967 году. В их команде, оказывается, играл и Владик Третьяк, а также Юрий Лебедев и Александр Бодунов.

— С ними еще, если мне память не изменяет, вратарь Геннадий Лапшенков выступал — он потом сезон в московском «Динамо» играл, а сейчас, вроде, в Минск перебрался, в тамошнее «Динамо», — сделал свое дополнение Тихонов. — Так что не у всех хоккейная карьера успешно складывается.

— На что намекаете? — искоса взглянув на тренера, спросил Балдерис.

— На тебя, дорогой, — ответил Тихонов. — Я же вижу, что тебе Москва не нравится — ты всей душой в Ригу рвешься. Но ты пойми, Хельмут — такой шанс раз в жизни выпадает — играть в ЦСКА. Это же ведущий клуб страны!

— А если мне в нашем «Динамо» больше нравится, чем в ЦСКА, что я могу поделать?

— А чем тебе этот клуб не угодил? — искреннее удивился Тихонов. — Все ребята к тебе хорошо относятся. Вон сам капитан команды Борис Михайлов взял над тобой опеку — вы у них с женой даже первое время дома жили, чтобы по общагам не мотаться. В

сборной вы вместе в одной комнате селитесь. А сам Бобров тебе «Волгу» помог приобрести.

— Спасибо ему, конечно, но Москва — не мой город, — продолжал стоять на своем Балдерис. — Это ведь для Витьки Жлуктова или Сереги Капустина Москва — что рай земной: один из Инты приехал, другой из Ухты. А я ведь в Риге родился — это же почти что Запад. Чего мне в Москве ловить? Да и жена с дочками тоже на родину рвутся. Так что, как только представится удобный случай, уедем мы обратно.

— Конечно, уедешь, дорогой — но только не сейчас. Вот выиграем приз «Известий», чемпионат СССР и, главное, мировое первенство в Праге и тогда уж решим, как с тобой дальше быть. Может, и правда вернешься в Ригу, а в сборную будешь оттуда приезжать, как это раньше делал.

— Это вы сейчас так говорите, Виктор Васильевич, — по губам хоккеиста пробежала легкая усмешка. — А потом опять скажите: потерпи еще — на носу Олимпиада.

— Ты что, мне не веришь?

— А как я могу вам верить, если вы до сих пор передо мной не извинились за тот случай перед Олимпиадой в Инсбруке. Помните, Кулагин хотел меня в сборную взять, телеграмму в Ригу прислал, а вы ему ответили: мол, Балдерис дисциплину нарушает и в сборной ему пока не место. И меня от сборной отцепили. Кулагин потом к нам с «Крылышками» на матч приехал, увидел, как я играю, и удивлялся: «Мне сказали, что ты дисциплину нарушаешь, а ты вон как здорово играешь!»

— Во-первых, это несколько не так было, как ты сейчас рассказал, Хельмут, — покачал головой Тихонов. — Но дело не в этом. А в том, что я вот прямо сейчас, здесь, прошу у тебя прощения за ту историю. Искренне прошу — прости.

И Тихонов протянул хоккеисту свою раскрытую ладонь. Обескураженный этим жестом, игрок какое-то время раздумывал, после чего пожал протянутую ему руку.

Прилетев в Ригу, они разъехались в разные стороны: Тихонов отправился к себе домой на улицу Вейденбаума, где отлеживалась его приболевшая супруга, а Балдерис направил свои стопы в другую часть города — в дом своих родителей. А под вечер к Тихонову заглянул его

сосед по подъезду — композитор Раймонд Паулс. И снова принес ему свою новую пластинку — она называлась «Ночная птица».

— Она до Москвы еще не дошла, поэтому ты будешь первым москвичом, у кого она будет, — преподнося диск тренеру, произнес Паулс.

— Душой я все равно рижанин, — улыбнулся Тихонов.

— А вот твоя супруга даже телом рижанка, — рассмеялся композитор.

И это была чистая правда — Татьяна не собиралась в ближайшее время переезжать в Москву, хотя к ней недавно приезжал Вячеслав Колосков из Управления хоккея Спорткомитета СССР и в течение нескольких часов уговаривал ее переехать, наконец, к мужу. Но она ответила: мол, пока я к этому не готова. У нее ведь и работа здесь была хорошая, и множество друзей, которых она не могла перевезти с собой в столицу. К тому же у нее был еще один резонный довод.

— А вы можете гарантировать моему мужу, что он останется у руля ЦСКА и сборной, если его командам не удастся выбиться в лидеры?

Естественно, гарантировать этого московский гость не мог. На что Татьяна заметила:

— Тогда какой смысл нам с сыном переезжать сейчас в Москву? Вот выиграет Виктор то, что наметил, оставят его в должности — тогда другое дело.

С тем Колосков и уехал.

— Пора и тебе, Раймонд, выходить на всесоюзный простор, как и мне, — ставя пластинку на проигрыватель, сказал Тихонов. — А то одной Прибалтикой знаменит не будешь.

— Я уже раздаю свои песни русским исполнителям, — сообщил Паулс. — Например, первую композицию с этого диска — она называется «Тот город» — взял Ринат Ибрагимов. Он даже свой диск так назвал.

— Ну, во-первых, Ибрагимов никакой не русский исполнитель — он татарин, — поправила композитора Татьяна, которая лежала на диване, накрывшись пледом. — А во-вторых, его мало кто знает в той же Москве. Спроси вон у Витюши. А вот если бы ты, к примеру, сумел очаровать Аллу Пугачеву, то это было бы совсем другое дело. Я в

феврале была на ее концерте в Лужниках и могу тебе сказать — это настоящая звезда, за которой будущее. Вот с кем тебе надо работать.

— Но как же выйти на Пугачеву? — поинтересовался Паулс.

— Было бы желание, а люди, которые составят тебе протекцию, всегда найдутся, — ответила Татьяна. — Вон Витюшу сам Юрий Владимирович Андропов в Москву вызвал. Может, если ему о тебе рассказать, он и тебе своими связями поможет?

Когда зазвучала первая песня — та самая композиция «Тот город» — женщина с удовлетворением отметила:

— А что, очень даже неплохая танцевальная вещь — ритмичная. Понятно, почему ее Ибрагимов себе взял. А у тебя кто ее поет?

— Мирдза Зивере и Айя Кукуле.

Оставив женщину одну наслаждаться музыкой, мужчину ушли в рабочий кабинет Тихонова. И там тренер задал вопрос, который давно его интересовал:

— Скажи, Раймонд, что говорят в кругах рижской интеллигенции по поводу моего переезда?

— Желают тебе поскорее провалиться и вернуться назад, — улыбнулся Паулс. — И в самом деле, после твоего отъезда с нашим «Динамо» черте что происходит — скатилось до седьмого места. В последних матчах сыграли вничью с «Химиком» и умудрились проиграть подряд три матча. Ну ладно, уступили московскому «Динамо», хотя и с неприличным счетом 8:2, но проиграть «Автомобилисту» и горьковскому «Торпедо» — это просто ни в какие ворота не лезет. В Горьком вообще ни одной шайбы не забили — 4:0 продули. Теперь вот послезавтра с «Трактором» в Челябинске играют. А там с такой игрой выиграть нереально.

— Да, я тоже слежу за игрой моих бывших подопечных и вижу, что они заметно сдали, — согласился с доводами своего собеседника Тихонов. — Вечером ко мне Эвальд Грабовский обещал заехать — хочу дать ему несколько советов, как в Челябинске не проиграть, а выиграть.

— И что ему посоветуешь?

— Играть там не в четыре звена, а в три — как челябинцы. Посадить на скамейку Борзова, Антипова, Абалмасова, Петрушкина. Коржилова перевести во второе звено вместо Антипова — к Харальду

Васильеву и Репсу. А в третье звено, к Денисову и Серняеву, вместо Борзова поставить Одинцова.

— Надеюсь, он тебя слушает, — напутствовал тренера композитор.

В это самое время в Москве, на льду Дворца спорта ЦСКА у армейцев проходила очередная тренировка перед игрой с «Автомобилистом». Длилась она два часа и напоминала скорее легкую прогулку, чем изнурительный труд. Виктор Кузькин старался не нагружать игроков излишними упражнениями, дав им провести всего лишь двустороннюю игру. После чего дал свисток, чтобы игроки шли на отдых. В это время к нему подъехала группа «старичков».

— Григорьевич, разреши сегодня отдохнуть душой и телом, пока Тихонов в отъезде, — попросил тренера один из игроков.

— А как же игра? — чисто для приличия спросил Кузькин.

— Обещаем, что разберем этих «автомобилистов» на мелкие запчасти, — подал голос еще один из просящих.

— Ну, хорошо, черти — отдыхайте, — махнул рукой тренер.

И уже спустя час целая группа игроков ЦСКА вошла в ресторан Аэровокзала, шумно галдя и смеясь. На сцене в это время молодой певец исполнял песню «Сияй, Ташкент — звезда Востока!», а вокруг сцены танцевала группа людей явно не русской национальности.

— В чем дело, Боря? — поинтересовался у официанта Бори Носа Александр Гусев, когда тот подошел к их столику.

— Узбеки празднуют выход их «Пахтакора» в высшую лигу, — ответил Боря.

Оказалось, что сегодня ташкентский «Пахтакор» сыграл вничью 0:0 с «Колхозчи» и завоевал вторую путевку из первой в высшую лигу (первая досталась московскому «Спартаку»). Вот узбекская диаспора в Москве это событие и отмечала.

Очень быстро армейский стол, созданный из нескольких, сдвинутых друг с другом, был заставлен всевозможной снедью. Из спиртного фигурировала водка. Но Александрову пить ее совсем не хотелось, поэтому он тянул из бокала «Боржоми» и смотрел на сцену, где тот же певец исполнял теперь другую песню, но не менее известную, чем предыдущая — «Во французской стороне» из нового альбома Давида Тухманова «По волне моей памяти». И, самое

интересное, узбеки танцевали под нее не менее энергично, чем под «Сияй, Ташкент!»).

— Ты чего грустишь, Борька? — обратился к Александрову, сидевший рядом с ним Лобанов. — Тиша в Ригу укатил, можно от души нажраться.

— Не советую, Сашка, — покачал головой Александров.

— Да ты что, боишься, что мы этих «автомобилистов» не укатаем?

— Причем здесь «автомобилисты»? До приза «Известий» полтора месяца осталось — можем в сборную не попасть.

— Окстись, Борька — я сам слышал, как Тихонов говорил, что будет комплектовать сборную из четырех звеньев и три из них будут наши, армейские. Якушев со своими «спартачами» совсем расклеились, а это значит, что не видать им в этот раз вызова. Вот и получается, что третьим звеном будет мальцевское, а четвертым наше: ты, я и Викулов.

— Ты уже почти полгода с Тихоновым одну лямку тянешь, а до сих пор не понял, что он за человек? — отставив в сторону стакан с «Боржоми», спросил Александров. — Да он в миг может все поменять, если ему что-то разонравится. И еще имей в виду, Сашка, что у него в команде стукачи имеются. Так что по возможности придержи свой язык — бойкий он у тебя больно. Если, конечно, хочешь в сборной играть.

Сказав это, Александров поднялся и направился в туалетную комнату. А спустя несколько минут, на выходе из нее, к нему подошел молодой мужчина, которого он видел некоторое время назад в толпе танцующих узбеков.

— Вы ведь Борис Александров? — спросил мужчина и, не дожидаясь ответа, протянул ладонь для приветствия: — Меня зовут Иргаш Кушшаев, я из Ташкента.

— Очень приятно, — ответил хоккеист, пожимая протянутую руку.

Он уже хотел было пройти дальше, но узбек не дал ему этого сделать. Взяв хоккеиста за локоть, он позвал его отойти в сторону и внезапно спросил:

— Я слышал, что у вас возникли проблемы в вашей команде?

— С чего вы это взяли? — насторожился Александров.

— Земля слухами полнится, — улыбнулся Иргаш. — Вот я и хочу вас спросить, Борис: не хотите ли перебраться к нам в Ташкент и выступать за «Бинокор»?

— Вы в своем уме — кто меня туда отпустит? — искренне удивился хоккеист.

— Э-э, зачем так говорить? Я в узбекистанском ЦК ЛКСМ работаю, а мой брат Хасан в спортивном секторе республиканского ЦК. Нашу команду лично Шараф Рашидович Рашидов курирует, а он кандидат в члены Политбюро, друг Леонида Ильича. Если вы свое согласие дадите, мы вас без проблем оформим.

— Я же военнообязанный, — напомнил собеседнику о своем статусе Александров.

— Ну и что — мы вас через наш Среднеазиатский военный округ призовем. На днях там командующий поменяется — Петра Георгиевича Лушева к нам назначат, а он с Шарафом Рашидовичем в хороших отношениях состоит. Они на одном фронте воевали — на Ленинградском.

— И зачем я вам сдался, разрешите спросить? — из чистого любопытства спросил Александров.

— Наш «Бинокор» в этом сезоне ставит целью выбраться из первой лиги в высшую. Мы для этого хороший состав подобрали. Ребята в основном русские — сибиряки. Вы некоторых, может, даже знаете — например, Геннадия Капкайкина.

Еще бы Александрову не знать этого хоккеиста из новосибирской «Сибири», прозванного болельщиками «Мотороллером» за его искрометную скорость. Буквально за месяц до того дня, когда на Александрова положили глаз армейцы — в феврале 1973 года — его «Торпедо» принимало дома «Сибирь». В первом матче счет оказался ничейным — 4:4. А в повторном поединке торпедовцы вели к середине третьего периода с разгромным счетом 6:1! Казалось, что игра сделана. Но тут произошло невероятное. В течение 10 минут гости забивают три шайбы подряд, за пять секунд до конца матча счет становится 6:5, а за одну (!) секунду до финального свистка этот самый «Мотороллер», игравший под № 16, умудряется сделать счет ничейным — 6:6! Однако арбитр не засчитывает последнюю шайбу, что выводит Капкайкина из себя. Впрочем, на его месте Александров бы тоже не сдержался. В

итоге он бьет судью и зарабатывает дисквалификацию до конца сезона, да еще вдобавок его лишают и звания мастера спорта.

— Но такого хоккеиста, как вы, Борис, у нас нет, — продолжал вещать узбек. — С вами мы бы эту задачу однозначно решили. Мы вам любые деньги готовы заплатить — вы же олимпийский чемпион, как-никак.

— Мне и здесь денег хватает, — улыбнулся Александров.

— Но и в Узбекистане вас бы никто на этот счет не обидел. У нас меценаты есть — по пять тысяч рублей в месяц будете зарабатывать. Не говоря уже о квартире, машине и прочих благах. Но главное — с вас там пылинки будут сдувать, на руках носить. А здесь что — одни плевки да зуботычины. Разве такой игрок, как вы, этого заслуживаете? Вас ведь даже звания заслуженного мастера спорта после победы на Олимпиаде не удостоили. Разве это справедливо?

Последняя фраза попала в самую точку — по лицу Александрова пробежала тень. На тот момент только два советских хоккеиста, ставших олимпийскими чемпионами, не были удостоены звания «заслуженных»: Виктор Никифоров, победитель Олимпиады 1956 года, и он, Борис Александров. А тут еще он вспомнил свои последние разговоры с Тихоновым и то, как на него взъелся генерал Скурлатов за то, что он отказался для него стучать — короче, было от чего погрустнеть хоккеисту. Заметив это, посланец солнечного Узбекистана снова оживился:

— Подумайте, Борис, что с вами будет, если вас выбросят из ЦСКА. Ведь ни в какую московскую команду вас после этого не отпустят — упекут в какой-нибудь СКА МВО. Вы, конечно, можете вернуться к себе на родину, в Усть-Каменогорск, и играть за «Торпедо». Но там таких условий, как в Ташкенте у вас все равно не будет. Да и просим-то мы вас приехать всего лишь на один-два сезона. Поможете команде и уезжайте куда хотите. Зато не бедным человеком уедете.

Глядя в глаза собеседнику, Александров подумал: «А ведь он прав — выкинут меня из ЦСКА и куда я подамся? Обратно на родину — людям на смех? Так лучше в Ташкенте перекантоваться и хорошую деньгу зашибить. Деньги они ведь лишними никогда не бывают».

— Хорошо, Иргаш, уговорили, — решил Александров. — Оставьте мне свой адрес на всякий случай. Если мои дела в ЦСКА

пойдут совсем хреново, я вам обязательно позвоню.

Услышав эти слова, узбек расплылся в счастливой улыбке и полез в карман пиджака за записной книжкой. И спустя минуту листок с его адресом и телефоном был уже в руках у хоккеиста. Пожав на прощанье друг другу руку, они расстались, каждый направившись к своему столику.

17 ноября 1977 года, четверг, Москва, гостиница «Россия» и Дворец спорта в Лужниках, матч «Спартак» — ЦСКА

Егор Красовский оставил свои «Жигули» на стоянке и направился к центральному входу в гостиницу «Россия». И уже когда шел, заметил у каменного парапета знакомую фигуру. Это был чехословацкий журналист из газеты «Чехословацкий спорт» Марек Скленаж, с которым он познакомился месяц назад в Праге на турнире «Руде право». Чех прилетел в Москву вчера вечером, а сегодня утром позвонил ему и назначил свидание у гостиницы «Россия», ни слова не сказав ни о цели своего приезда, ни о его сроках.

— Придешь завтра на встречу — все узнаешь, а вдобавок получишь сюрприз, — объявил Скленаж.

И приближаясь теперь к чеху, Красовский мысленно удивлялся: в руках у Марек не было видно никакого сюрприза. Может, он имел в виду что-то другое?

Обняв своего русского приятеля, Марек легонько подтолкнул его в спину и сказал:

— Сейчас мы пойдем в ресторан и выпьем за нашу встречу.

— А как же сюрприз, о котором ты говорил? — напомнил ему о телефонном разговоре Красовский.

— Там и сюрприз увидишь, — улыбнулся чех.

И только после этого в голове у Красовского мелькнула догадка. Но он счел ее неправдоподобной и послушно пошел туда, куда его повел приятель.

Войдя в ресторан гостиницы, они прошли через весь зал и вскоре оказались у дальнего столика, стоявшего у окна и закрытого от глаз любопытных прохожих плотной занавеской, свисающей от потолка до пола. За столиком, уставленном различными яствами сидела девушка,

в которой Красовский сразу распознал свою пражскую знакомую — красавицу Бозену. Она потягивала из тонкой трубочки, опущенной в бокал, апельсиновый сок. Но увидев Егора, девушка расплылась в счастливой улыбке, поставила бокал на стол и протянула ему руку для поцелуя.

— Ну, как тебе мой сюрприз? — довольный произведенным эффектом, спросил Скленадж.

— Как говорят у нас в таких случаях: я в шоке! — ответил Красовский, усаживаясь на стул напротив девушки. — Как ты догадался ее привезти?

— Я ни о чем не догадывался — она сама об этом меня попросила, — ответил чех. — Видимо, те несколько ночей, что вы провели в Праге, оставили в ее сердце неизгладимый след. Поэтому ты будешь последним человеком, если не поделишься со своим другом секретом обольщения красивых девушек.

— Охотно — надо заниматься любовью без презерватива, — ответил Красовский и первым рассмеялся своей шутке.

После того, как они выпили по глотку шампанского за встречу, Егор поинтересовался:

— Итак, какими судьбами вас занесло в Москву?

— Я приехал по линии своего «Чехословацкого спорта» на аккредитацию к предстоящему у вас в декабре призу «Известий», — сообщил Скленадж. — А вот Бозену я пристроил к нашим киношникам. Она ведь у нас несостоявшаяся актриса. Короче, она приехала в составе большой делегации, которая прибыла сюда на премьеру фильма «Солдаты свободы». Слышал о таком?

— Кто же не слышал про эту эпопею — у нас ее афишами весь город заклеен, а по телевизору чуть ли не каждый день народ зазывают в кинотеатры. Вот только вчера рассказывали о твоих «Солдатах свободы» в «Кинопанораме».

— Почему моих — это же совместное кино? — удивился Марек.

— Это кино снято во славу братских компартий, поэтому к нам оно имеет второстепенное отношение. Хотя и снял его наш режиссер Юрий Озеров.

— Но там же показывают вашего Брежнева в относительно молодом возрасте — в чине полковника?

— Если бы его показали в ясельном возрасте, ажиотажа было бы больше, — усмехнулся Красовский.

— Значит, этот фильм у вас никто смотреть не будет? — продолжал удивляться чех.

— Можно подумать, что у вас он вызовет массовое помешательство! — рассмеялся Красовский. — Знаю я вас чехов — у вас этот социализм давно в печенках сидит. Вы спите и видите, как бы вам, наконец, повернуть свою «бархатную революцию», чтобы свобода у вас была без всяких солдат.

Последняя фраза так развеселила Бозену, что она даже поперхнулась соком. И Красовский принялся услужливо похлопывать ее по спине ладонью. А сам все время поглядывал на ее круглые коленки, которые так аппетитно выглядывали из-под коротенькой юбочки. Поймав этот взгляд, девушка игриво погрозила Егору пальчиком.

— Вы в каком номере остановились? — поинтересовался Красовский, вновь разливая по бокалам шампанское.

— Запомнить очень легко — два раза по пятнадцать, — ответил Скленадж. — Только дежурная по этажу нас уже предупредила — после одиннадцати вечера никаких посетителей.

— Сдалась нам с Бозеной эта дежурная — я повезу ее в свою холостяцкую квартиру. Ты ведь согласна? — и Егор положил руку на ее колено, затянутое в ажурные колготки.

— Сегодня не получится — я должна участвовать в одном мероприятии в вашем Доме кино, — сообщила девушка.

— Во сколько начало?

— В семь вечера.

— Значит, после девяти ты будешь свободна, — улыбнулся Красовский, так и не убрав руки с коленки Бозены. — Мы за тобой заедем с Марексом после хоккея.

— Какого хоккея? — вскинул брови чех.

— Сегодня в Лужниках состоится интересный матч — «Спартак» играет против ЦСКА. Их встречи всегда вызывают у нас повышенный ажиотаж и проходят в очень интересной борьбе, какое бы место эти команды не занимали. У вас есть подобные матчи?

— Есть — когда «Дукла» встречается с «Польди», например, — кивнул головой Скленадж.

Он разыграл перед русским удивление, хотя заранее все рассчитал. Он знал не только об этом матче, но и был уверен, что Красовский обязательно на него пойдет. Поэтому и подгадал эту встречу на этот четверг. Ему нужно было попасть на него вместе с Егором, чтобы разузнать у него как можно больше о тех новых игроках, которых пригласили в сборную СССР на известинский турнир. Но до начала матча было еще несколько часов, поэтому друзья продолжили общение, которое изредка прерывалось из-за того, что Красовский приглашал Бозену выйти на середину зала и станцевать с ним медленный танец. В такие минуты Марек оставался за столом один. Он закуривал сигарету, смотрел на влюбленных и периодически поглядывал на часы, считая время, оставшееся до матча. Так незаметно пролетели три часа.

К Дворцу спорта в Лужниках друзья подъехали за полчаса до начала игры. Толпа людей спешила мимо них на игру, которая обещала быть интересной, несмотря на то, что в турнирной таблице разрыв между этими командами был огромный — 10 очков. ЦСКА занимал 1-е место, а «Спартак» лишь 7-е. Но это было принципиальное дерби, которое, как правильно сказал Красовский, всегда вызывало у болельщиков повышенный интерес. Поэтому Дворец спорта сегодня был забит под завязку — пришло 12 тысяч зрителей.

Купив на входе программку матча, Красовский открыл ее только тогда, когда они уселись на своих местах в гостевой ложе.

— Знаешь, сколько сегодня выйдет на лед игроков сборной? — спросил Красовский у своего спутника, изучив программку. — Целых тринадцать из двадцати.

— Почти вся сборная, — улыбнулся чех, которому эта информация пришлась по душе. — А откуда ты это знаешь?

— Мне мой дядя рассказал — он же в Спорткомитете работает. Там на днях было совещание — обсуждали кандидатуры сборников.

— Но ведь до приза «Известий» еще целый месяц и могут возникнуть изменения?

— Могут, но вряд ли существенные — костяк уже определен.

Когда команды вышли на лед, Скленаж протянул приятелю авторучку и попросил:

— Отметь, пожалуйста, в программке игроков, которых, как ты говоришь, взяли в сборную. Мне будет интересно за ними

понаблюдать.

Не говоря ни слова, Красовский сделал то, о чем его попросил приятель. После чего передал программку чеху. Галочки стояли возле следующих фамилий: у ЦСКА — Третьяк, Цыганков, Бабинов, Лутченко, Михайлов, Петров, Харламов, Балдерис, Анисин, Викулов, Лобанов и Александров, у «Спартака» был отмечен только Шалимов.

— А что, Александра Якушева в сборную не берут? — удивился Скленадж.

— Представь себе, нет. У него в этом сезоне спад в игре, поэтому было решено от его услуг отказаться.

— А почему в составе ЦСКА нет Вячеслава Фетисова? — снова спросил чех.

— У него дисквалификация. В прошлой игре с ленинградским СКА его удалили за грубость до конца игры.

— Но в сборной он будет играть?

— Будет, но не в первой, а в молодежной — она в декабре летит в Канаду на молодежный чемпионат мира. Наше руководство решило отправить Фетисова туда, чтобы усилить сборную. Он ведь на прошлом чемпионате был признан лучшим защитником.

— Я помню, ведь тот турнир проходил у нас в Чехословакии, — ответил Скленадж. — А кто это — Владимир Палилов, который заявлен вместо Фетисова?

— Молодой игрок, два года назад играл в рижском «Динамо» у Тихонова. Но с Фетисовым его, конечно, не сравнить. Впрочем, сейчас сам увидишь.

И чех, действительно, увидел. Игра началась обоюдными атаками обеих команд и каждая из них могла не один раз открыть счет в матче. Но отменно играли вратари — у ЦСКА это был Владислав Третьяк, у «Спартака» — Виктор Дорощенко. Чех даже спросил у Красовского:

— А откуда у «Спартака» этот вратарь?

— Понравился? — улыбнулся Красовский. — Это его первый сезон в «Спартаке», а раньше он играл за «Сибирь» из Новосибирска. Кстати, начинал он там в 17-летнем возрасте. У него, как видишь, весьма отменная реакция и техника владения клюшкой.

— В сборную его не приглашают?

— Пока только во вторую. А начинал он в молодежной сборной, которая в 1972 году стала серебряным призером чемпионата Европы.

Кстати, два года назад был интересный случай с участием того же ЦСКА. Дорощенко тогда играл в «Сибири», которая занимала последнее место, но сенсационно обыграла армейцев у себя дома 5:4. После игры Третьяк подъехал к судьям и пытался убедить их в том, что тамошние ворота меньше обычных — видимо, хотел, чтобы арбитры аннулировали результат. Но те сочли доводы вратаря неубедительными.

— Надеюсь, сегодня никто измерять ворота не будет, — усмехнулся Скленадж, потрясенный этим рассказом.

Во время одной из атак армейцев, когда у них на поле находилось второе звено, где в нападении играли Балдерис, Анисин и Волчков, чех задал новый вопрос:

— А почему не играют Жлуктов с Капустиным?

— Серега травму получил, когда играл 9 ноября против своих бывших одноклубников из «Крыльев Советов», — сообщил Красовский. — Но травма так себе — думаю, через пару-тройку матчей снова выйдет на поле. Мне об этом их врач сказал. А вот со Жлуктовым дела похуже — он в какую-то темную историю угодил и его от матчей отстранили надолго.

— Как надолго — до приза «Известий»?

— Полагаю, он и там не появится.

— Кто же будет играть у вас во втором звене с Балдерисом — неужели Анисин с Волчковым?

— Анисин вполне может — его включили в заявку. А третьим будет все тот же Серега Капустин, который скоро восстановится.

Услышав это, чех решил внимательно присмотреться сегодня к игре Анисина, который играл в центре нападения вместо Жлуктова.

В это время на льду проходила очередная атака «Спартака». Их нападающий под № 8 получил шайбу от своего защитника, вошел в зону армейцев и, обведя армейского нападающего Лобанова, бросил по воротам. Шайба угодила в штангу, о чем зрители были оповещены характерным звуком, когда кусок резины бьет по металлу. Скленадж заглянул в программу и прочитал имя и фамилию спартаковского игрока — Владислав Найденов.

— Хороший игрок этот Найденов? — поинтересовался чех у Красовского.

— Пока не очень, — покачал головой Егор. — Он первый сезон в команде, а раньше играл в куйбышевском СКА. Вот там он действительно блистал — их тройка нападения Найденов — Красненьков — Заикин была самой забивающей. Вот после этого Найденова и пригласили в «Спартак». Но за эти два месяца с начала сезона игра у него не идет. Его в разных звеньях пробовали ставить, но все без толку. Но с прошлой игры против рижских динамовцев он стал выходить вместе с Лубкиным и Бариневым и, кажется, что-то стало получаться. Он даже гол сумел забить рижанам — свой первый в этом сезоне. Вот, смотри, опять Найденов атакует!

И правда, хоккеист снова обыграл армейского защитника и сумел бросить по воротам. Но на этот раз ее своим «блином» отбил Третьяк. В это время сирена возвестила об окончании первого периода.

— Ну, как тебе игра? — спросил Красовский у своего спутника.

— Интересная, — честно признался Скленадж. — Но первое звено ЦСКА что-то не блещет.

— Правильно заметил, — согласился с этим выводом Егор. — А у нас есть примета — если оно плохо играет, то и весь матч у армейцев не клеится. А тут еще и второе звено в непривычном составе. Остается уповать на третью тройку нападения, где блистают Викулов и Александров.

— Значит, последний снова вернется в сборную?

— Да, у него есть прекрасный шанс реабилитировать себя, как в глазах болельщиков, так и перед Тихоновым.

— А что, у них плохие отношения?

— Это называется нашла коса на камень, — губы Красовского тронула усмешка. — Думаю, если бы не недостаток хороших игроков, Тихонов давно бы избавился от Александрова. Проблемный парень — с ним всегда что-то случается. Но именно за это его и любят болельщики. Ведь в нашем хоккее больше «правильных» хоккеистов, чем «неправильных». А «правильные» уже поднадоели.

— Если Александрова выгонят из ЦСКА, куда он может податься?

— Команд у нас много, но ему везде будет трудно — такой характер. Ему бы в Канаду попасть — там его стихия. Но его никто туда не отпустит.

— А если он возьмет и сбежит? — предположил Скленадж.

— Как это сбежит? — удивился Красовский.

— Очень просто — во время какого-нибудь турне по Канаде, например. Сбежали же наши игроки Вацлав Недоманский и Рихард Фарда три года назад.

— Ты наших игроков со своими не равняй — ваши почти все прозападные, а наши кондовые. Это, конечно, не прежнее поколение, но чтобы сбежать... Нет, не верю.

— Нам было бы лучше, чтобы он сбежал.

— Это почему?

— Одним хорошим игроком у вас было бы меньше, — ответил Скленадж и лукаво улыбнулся.

— Ах, вот ты о чем, паршивец, — рассмеялся Красовский. — А я-то думаю, к чему он завел этот разговор?

В это время закончился перерыв, и команды снова вышли на лед. И спустя несколько минут матч возобновился. Но не успел секундомер отсчитать первую минуту, как счет в игре был открыт. Спартаковец Марков точным пасом вывел на ударную позицию Шалимова и тот мастерски завершил комбинацию, послав шайбу в незащищенный Третьяком угол ворот. Скленадж даже подскочил на своем месте, когда за воротами армейцев зажегся красный фонарь.

— Ты, никак, за спартаковцев болеешь? — спросил Красовский.

— Честно тебе признаюсь, я готов болеть за любого, кто играет против ЦСКА. Ведь эта команда — главный поставщик игроков в вашу сборную.

А спустя несколько минут, когда на льду началась драка между игроками обеих команд, чех стал залихватски свистеть, засуну в рот два пальца. И был чрезвычайно доволен, когда капитан армейцев Борис Михайлов был отправлен на скамейку штрафников на целых пять минут. У спартаковцев удалили защитника Кучеренко, но всего лишь на две минуты. Однако извлечь пользу из этой ситуации спартаковцы так и не смогли. А спустя какое-то время были наказаны. Армеец Анисин, совершив индивидуальный проход, забросил шайбы в ворота Дорощенко, восстановив равновесие. Теперь уже потирал руки Красовский:

— Игра становится все жарче! — радостно оповестил он своего приятеля.

И тут на противоположной трибуне группа молодых людей начала громко скандировать: «В Союзе нет еще пока команды лучше

«Спартака»! Московский «Спартак»!» И большая половина зрителей стала хлопать в такт этой речёвке.

— А спартаковских болельщиков сегодня пришло больше, — сделал вывод Скленадж.

— Зато за ЦСКА более сам Брежнев, — сообщил Красовский, после чего добавил: — А вообще ты прав — «Спартак» у нас называют народной командой. Я тебе даже больше скажу. Мой дядя из Спорткомитета поделился со мной закрытой информацией. Оказывается, самым посещаемым московским клубом является «Спартак» — на его домашние матчи приходит больше всего болельщиков. Причем без разницы, с какими командами он играет — с московскими или провинциальными. Следом по посещаемости идут ЦСКА, «Динамо» и в конце списка «Крылья Советов», которые почти не имеют болельщиков, а свои матчи заполняет благодаря тому, что на них приходят болельщики московских команд, когда те встречаются с «Крылышками».

— А кто эти ребята, что так яростно болеют за «Спартак»? — продолжал интересоваться Скленадж.

— Это парни, которые в этом сезоне сорганизовались вокруг футбольного «Спартака», который в прошлом году вылетел в первую лигу, а в этом вернулся обратно. Кстати, вернулся и благодаря помощи вот этих самых ребят, которые поддерживали его так же яростно, как сегодня они делают это и здесь.

Второй период закончился при счете 1:1. А в самом начале третьего «Спартак» снова вышел вперед. И снова это сделало первое звено, а именно — Виктор Шалимов, который замкнул великолепную комбинацию, начатую его партнерами по нападению Кожевниковым и Якушевым. Защита армейцев в лице Цыганкова и Палилова ничего не смогла противопоставить этой атаке.

— Я не понимаю, почему ваш Тихонов не взял в сборную Якушева, — удивился Скленадж после того, как успокоился от забитого гола. — Его звено сегодня лучшее на площадке. Он так напоминает нашего Ивана Глинку, которого постоянно берут в сборную, хотя он выступает не в самом сильнейшем клубе — в команде города Литвинов.

— Если хочешь, я могу после матча отвести тебя к Тихонову и ты сам задашь ему этот вопрос.

— Я пошутил, Егор, — рассмеялся чех. — Тем более, что нам только на руку, если в вашей команде не будет играть такой игрок. Глинка-то у нас на лед выйдет.

Минуло еще десять минут и Александр Якушев снова отличился. Он отдал точный пас Валерию Брагину и тот увеличил разрыв до 3:1. А в концовке матча, когда табло отсчитывало последние секунды, Якушев уже лично поставил победную точку — забил шайбу, установив окончательный итог игры — 4:1.

— Теперь ты видишь, что значит, когда в нашем первом звене нет Фетисова, — не скрывая досады, произнес Красовский, когда они вышли из стен Дворца спорта и направились на стоянку, где их дожидались «Жигули» Егора. — Цыганков уже староват, а Палилов слишком молод и неопытен, чтобы удержать Шалимова и Якушева. Да и второе звено тоже не то. Волчков вместо Капустина, это тот же вариант, что Палилов вместо Фетисова. Третьему звену я ставлю тройку. Атаки соперников сдержали, но и сами забить не смогли.

— Странно, что ваш Тихонов сегодня играл в три звена, хотя «Спартак» выставил четыре. С чем это связано?

— Я же тебе говорил — с недостатком достойных игроков. Он уже почти пять месяцев руководит командой, а какой-то осознанной игры пока не видно. Да и в сборной та же ситуация. Мы выиграли турнир «Руде право» только благодаря лучшей разнице забитых и пропущенных шайб. С такой игрой приз «Известий» нам не выиграть.

Эти слова пролились настоящим бальзамом на душу Скленаджа. Собственно, ради этого он и прилетел в Москву — чтобы воочию убедиться в том, что дела у Тихонова идут неважно и его команду вполне можно обыграть на родном поле. Правда, до турнира был еще целый месяц, но это не тот срок, когда можно было что-то кардинально поменять. Короче, когда они выезжали с территории Дворца спорта, настроение у Скленаджа было более чем хорошее.

*30 ноября 1977 года, среда, Москва, Дворец спорта в Лужниках,
матч ЦСКА — «Автомобилист» (Свердловск)*

Автобус подвез команду ЦСКА к служебному входу во Дворец спорта и хоккеисты один за другим стали выходить из салона.

Александров с Лобановым выходили последними. Настроение у них было отличное. Их команда уверенно лидировала в чемпионате, выиграв 12 матчей из 15 и набрав 25 очков. У их ближайшего преследователя — Воскресенского «Химика» — было на шесть очков меньше. К тому же всего лишь десять дней назад, в 13-м туре, армейцы играли в «Сокольниках» с «Химиком» и в упорной борьбе все-таки одолели его со счетом 3:2. Решающую шайбу за полторы минуты до финальной сирены забил Харламов.

Команда, с которой ЦСКА предстояло встретиться сегодня (это была последняя игра перед перерывом в чемпионате СССР, который должен был продлиться до середины января следующего года), никакой опасности для него не представляла. Свердловский «Автомобилист» занимал предпоследнее, 9-е место, набрав всего лишь 11 очков. В 9-м туре, 3 ноября, армейцы уже встречались с ним здесь, в Москве (матч проходил во Дворце спорта ЦСКА), и уверенно обыграли 10:4, хотя за день до этого армейцы хорошо «посидели» в ресторане Аэровокзала, воспользовавшись тем, что Тихонов уехал навестить свою супругу в Ригу. Причем героем той игры стало их третье звено — Викулов — Лобанов — Александров. Более того, именно Борис открыл счет в матче уже на 5-й минуте. А когда свердловчане вдруг взяли и забили за следующие десять минут подряд три (!) шайбы, выйдя вперед 3:1 опять же игроки третьего звена переломили ход игры. Сначала Викулов, выйдя на замену с первым звеном, сделал счет 3:2, а затем Лобанов с подачи все того же Викулова восстановил равновесие. После этого ЦСКА уже не выпустил инициативу из своих рук и стал забивать одну шайбу за другой. В концовке матча дважды отличился Александров. Он забил восьмую шайбу, сделав счет 8:4, а потом за несколько секунд до конца игры отдал точный пас Попову и тот поставил финальную точку в игре — 10:4. Так что сегодня, направляясь на эту игру, Александров был не только уверен в победе, но и надеялся сыграть так же эффективно, как это было в прошлом матче на арене дворца ЦСКА.

Александров и Лобанов вошли внутрь лужниковского дворца, неся за спиной баулы с амуницией, как вдруг Борис заметил в углу мужчину, закуривающего сигарету. Это был не кто иной как старший инспектор МУРа Алексей Игнатов, которого Александров никак не ожидал здесь встретить. Сделав жест рукой Лобанову — мол, иди за

мной — Александров направился к муровцу. Увидев, кто к нему идет, Игнатов первым протянул руку для приветствия.

— Ты, я смотрю, настоящим хоккейным болельщиком заделался, — не скрывая своего удивления, произнес Александров, пожимая руку старшему инспектору.

— Лучше бы я на Петровке сидел, чем сюда по таким делам ходил, — ответил Игнатов.

— А в чем дело? — спросил Александров.

— Убийство расследую — коллегу вашего вчера ночью порешили.

— Какого коллегу? — подал голос Лобанов, стоявший чуть сзади своего товарища.

— Владислава Найденова из «Спартака».

— Владика? — и Александров даже выронил из рук баул — так сильно подействовало на него это сообщение.

— Его самого, — кивнул головой Игнатов. — Вчера вечером он здесь против «Крылышек» играл. Продули спартачи тот матч 4:0. После этого Найденов домой поехал. В подъезде его и убили — задушили удавкой.

— Вот суки! — и Александров присел на баул.

— Вы как его знали — близко или шапочно, «здравствуй — до свидания»? — сделав пару затяжек и дав хоккеистам малость отойти от сногшибательной новости, спросил Игнатов.

— Я почти не знал, — первым ответил Лобанов.

— А ты? — муровец бросил взгляд на Александра.

— Мы с ним в начале 70-х познакомились — он тогда в казанском СКА имени Урицкого за молодежку выступал, а я в своем «Торпедо» усть-каменогорском, — ответил хоккеист. — Мы же на одной позиции играли, поэтому иногда на льду друг против друга бились. Владик хоть и был на год младше меня, но играл не хуже. А в основу его взяли в 73-м, когда я в ЦСКА уехал. Мы иногда с ним виделись на разных турнирах, общались.

— Ну и что он был за человек?

— В каком смысле?

— В бутылку не лез, не задибался?

— Всякое бывало, конечно. Но со мной его не сравнить — я же как спичка зажигаюсь, а он поспокойнее был. А что известно-то?

— Мало пока известно — все-таки меньше суток прошло, — после короткой паузы ответил Игнатов. — Но я думаю, что бытовуха.

— В каком смысле? — спросил Лобанов.

— В том, что к хоккею это отношения не имеет. Например, могли из-за бабы парня порешить — есть на этот счет одна ниточка.

— А если эта ниточка из Казани тянется? — предположил Александров.

— Что ты имеешь в виду? — насторожился муровец.

— Ты в Казани когда-нибудь бывал? — прежде чем ответить спросил хоккеист.

— Ну, не бывал.

— А мне вот случалось. Наш Усть-Каменогорск, конечно, тоже шпанский город, но до Казани ему далеко. Ты про банду «Тяп-Ляп» что-нибудь слышал? Есть такая в Казани. Мне про нее сам Найден и рассказывал. У него приятели в местном пединституте учатся, а некоторые «тяп-ляповцы» как раз оттуда.

— Но зачем казанским Найдена убивать? — подал голос Лобанов.

— Мало ли за что, — пожал плечами Александров. — Может, грешки какие-то старые.

— А деньги у него большие были? — спросил Игнатов, намекая на ту историю, что произошла совсем недавно с Александровым.

— Это вряд ли — он же не сборник, — выразил сомнение хоккеист.

— Но в заграничные поездки «Спартак» ведь ездил? Значит, была возможность фарцовкой заниматься. Он тебе об этом ничего не говорил?

— Нет, ни разу. Вам надо спартачей об этом попытать — они наверняка больше меня знают.

— Это само собой, — Игнатов загасил сигарету о кафельную стенку и выбросил в урну.

После чего задал очередной вопрос:

— Он ведь в «Спартак» из куйбышевского СКА перешел — там у него какие-то грешки могли быть?

— Не знаю, — вновь пожал плечами Александров. — Знаю только, что здорово он там себя показал. Хорошая тройка нападения у них там собралась: Найденов — Красеньков — Заикин. Их пятерка больше семидесяти шайб в чужие ворота «отгрузила». За Найденом,

например, двадцать голов значилось. Вот после этого их по разным клубам и разобрали. Правда, только Найдену повезло в Москву попасть, а его партнерам клубы пожиже достались: Красненьков, вроде, в «Дизелист» подался, а Заикин в «Салават Юлаев».

— Лучше бы Найден тоже в «Дизелист» попал — сейчас бы жив остался, — вздохнул Лобанов.

— Это правда. Не зря ведь у нас говорят, что Москва бьет с носка, — поддержал эту мысль Игнатов, который проработал в МУРе уже почти десять лет и знал, что говорил.

— Эх, жаль Найдена — ему ведь 26 октября только двадцать три года стукнуло, — все так же сидя на бауле, посетовал Александров. — И здесь у него игра как раз начала идти. Он ведь с начала сезона с кем только на лед не выходил, но не шла игра, хоть ты тресни. Но две недели назад стал выходить с Лубкиным и Бариневым и дело на лад пошло. Спартачи даже нас «вздрючили» две недели назад со счетом 4:1. Одну шайбу в их звене Валерка Брагин забил, с которым я во второй сборной в сентябре играл. А Найден за эти две недели двумя голами отметился, хотя «Спартак» опять проигрывать начал. Вот и «Крылышкам» вчера продул.

— Как говоришь этих ребят из его звена зовут — Лубкин и Баринев? — спросил Игнатов и достал из кармана своего пиджака блокнот, чтобы сделать в нем запись. — Завтра к спартачам поеду — с этими ребятами первыми и встречусь.

В этот самый миг сверху по лестнице буквально слетел вниз один из администраторов ЦСКА.

— Вы что, совсем офигели — до игры меньше часа осталось, а вы здесь лясы точите? — чуть ли не закричал он на Александрова и Лобанова.

Те быстро пожали руку муровцу, пожелали ему удачи в расследовании и бегом рванули в раздевалку.

Практически всю игру из головы Александрова не выходил разговор с Игнатовым, а перед глазами стояло счастливое лицо Найденова, которого он в последний раз видел две недели назад, когда ЦСКА здесь же играл со «Спартаком» и уступил ему в упорной борьбе. В итоге какая-то ярость проснулась в Александрове и он бегал как заведенный, ни капельки не уставая. Более того, он открыл счет в этом матче уже на 4-й минуте, а потом забросил еще две шайбы —

седьмую и четырнадцатую, причем последнюю за несколько секунд до конца игры. ЦСКА разгромил соперника со счетом 14:3. И когда армейцы шли в раздевалку, с Александровым поравнялся Тихонов и, чтобы слышали идущие рядом игроки, произнес:

— Молодец, Борис. Будешь так играть, точно попадешь в первую сборную.

А из головы Александрова все никак не уходил разговор с Игнатовым, и перед глазами стояло лицо Найденова, который в эти минуты лежал где-то в холодном московском морге.

*1 декабря 1977 года, четверг, Москва, Скатертный переулок,
Спорткомитет СССР*

Тихонов молча сидел на стуле и ждал, пока начальник Управления хоккея внимательно ознакомится с окончательным составом сборной СССР, которой предстояло через две недели выступить на традиционном турнире на приз газеты «Известия». Наконец хозяин кабинета дочитал до конца весь список, после чего поднял глаза на тренера:

— Виктор Васильевич, вам не кажется, что три армейские ударные тройки — это перебор?

— Нет, не кажется, — не согласился Тихонов. — На сегодняшний день это лучшие игроки союзного чемпионата.

— По-вашему, Лобанов или Александров сильнее Якушева и Шадрина? Да ваш Александров порой своих партнеров не видит — только на себя играет.

— Это в вас говорит бывший спартаковец, — по губам Тихонова пробежало подобие улыбки. — Я думаю, лучшее время Якушева и Шадрина уже в прошлом.

— Вы это поняли на «Руде право»?

— Это видно даже невооруженным глазом, хотя бы в нынешнем чемпионате СССР. Нам надо наигрывать новые звенья, составленные как из опытных, так и из молодых игроков. В звене с Александровым и Лобановым таким опытным игроком является Викулов.

— Но в «Спартаке» играет почти такая же тройка нападения — Шадрин — Кожевников — Якушев. Чем не сплав опыта и молодости?

Они только в недавнем матче с динамовцами забросили четыре шайбы.

— Это не заслуга этих хоккеистов — это грубые провалы динамовских защитников. А из этого звена мы берем только Шалимова — он игрок универсальный.

— Хорошо, но в том же «Динамо» есть тройка нападения Мальцев — Голиков — Природин, которая тоже подпадает под ваше же определение сплава опыта и молодости. Но их я тоже не вижу в вашем списке. Есть только Мальцев, но его вы ставите в третье звено с Ковиным и Лебедевым. Что за сочетание?

— Оба являются ведущими игроками в своих клубах, много забивают.

— Но Голиков с Природиним тоже немало забивают, а эти ни разу вместе не играли. Может, не стоит рисковать?

— Это решение согласовано с моим помощником — тренером «Динамо» Владимиром Юрзиновым. Мы решили пойти на этот эксперимент в расчете на то, что Мальцев неплохо сыграет и с этими игроками. К тому же, это я старший тренер сборной и несу полную ответственность за результат.

— Ответственность несете не только вы, но и мы тоже. Ваша выцарапанная у чехов победа на «Руде право» многих в этих стенах насторожила. Сборная под вашим руководством набрала равное количество очков с хозяевами турнира и вышла вперед только благодаря лучшей разнице забитых шайб. То есть, говоря языком бокса, вы выиграли по очкам, а не нокаутом. А все ждут от вас именно нокаута.

— По-моему, любая победа почетна.

— На призе «Известий» тоже будете побеждать по очкам?

— Вы же видите, что я взял в сборную Бориса Александрова. А его в нашей команде называют Кассиусом Клеем за мощный хук с левой руки. Так что, надеюсь, что в этот раз мы победим нокаутом.

Глядя на то, с каким непроницаемым выражением лица это было сказано, глава отдела не смог сдержать улыбки. И обстановка в кабинете мгновенно разрядилась.

10 декабря 1977 года, суббота, Архангельское, база ЦСКА

Тихонов сидел в своем кабинете и внимательно смотрел в экран телевизора, к которому был подключен новенький японский видеоманитофон фирмы «Sony», который ему подарил Юрий Андропов. Подарок был не случайным: с помощью этой чудо-техники предполагалось изучать на видеопленке игру будущих соперников ЦСКА и сборной СССР. И если раньше Тихонов самостоятельно ездил на игры команд, с которыми предстояло играть его рижскому «Динамо», и собственноручно снимал эти матчи с трибуны на кинокамеру, то теперь ситуация значительно упростилась. Шеф КГБ клятвенно пообещал, что отныне его люди по линии внешней разведки будут привозить ему из разных стран видеозаписи нужных Тихонову игр, чтобы он потом мог внимательно их изучить. Причем качество записи было весьма отменным, поскольку они снимались не вручную с трибуны стадиона, а записывались с телетрансляции. Собственно, эта методика не была для КГБ новой. Впервые она была опробована несколько лет назад в футболе, а именно — в киевском «Динамо», благодаря чему этот клуб произвел фурор в Европе, выиграв Кубок Чемпионов. Теперь предстояло то же самое проделать и с тихоновскими ЦСКА и сборной.

В тот субботний день Тихонов смотрел две финальные игры Кубка европейских чемпионов, который ЦСКА провел буквально на днях. Причем это был запоздавший финал сезона 1975/1976 годов, который игрался в декабре 1977 года, а конкретно — 7 и 9 декабря. Соперником армейцев был чехословацкий клуб «Польди-СОНП» из города Кладно — сильнейший клуб Чехословакии, который последние несколько лет неизменно становился чемпионом страны. В его составе играло и несколько игроков сборной — как бывшие, так и действующие: Каберле, Поспишил, Нелиба, Новак, Новы, Сикора.

Первый матч проходил в Кладно и сложился для армейцев на удивление легко. Хозяева только в первом периоде сумели оказать достойное сопротивление, пропустив лишь одну шайбу. А затем ЦСКА взял инициативу в свои руки и уже не упустил ее до финальной сирены. В итоге гости победили со счетом 6:0. Причем шайбами отметились все три звена ЦСКА: первое забило три шайбы (Михайлов — две, Харламов), третье — две (Викулов, Лобанов), второе — одну (Балдерис).

Спустя два дня, уже в Москве, во Дворце спорта «Скольники», забитом «под завязку» (пришло 6 тысяч зрителей) состоялся второй, решающий матч. И вот он сложился для ЦСКА уже не так легко, как предыдущий. Тренер «Польди» Богуслав Прошек сделал должные выводы и сумел внести коррективы в игру своей команды. Теперь их защитники гораздо внимательнее следили за ведущими игроками ЦСКА и не слишком увлекались атаками, успевая вовремя откатиться назад. А их нападающие старались бросать по воротам Третьяка из любой выгодной позиции. В результате уже на 8-й минуте гости открыли счет — это сделал Копецки с подачи главного бомбардира «Польди» и сборной ЧССР Милана Новы, которого у него на родине называли «Железным человеком» за то, что его обходили стороной повреждения, и он смог провести 8 (!) чемпионатов страны, не пропуская в них ни одной встречи. Редкость для яркого лидера, каких соперники всегда были не прочь травмировать.

Однако минуло всего лишь шесть минут, как капитан армейцев Борис Михайлов сумел восстановить равновесие в игре. Кстати, Борис был лучшим бомбардиром того розыгрыша в ЦСКА — на его счету было 4 забитые шайбы и две голевые передачи. А на последней минуте первого периода защитник Сергей Бабинов вывел армейцев вперед.

Второй период прошел с некоторым преимуществом ЦСКА, который гораздо чаще атаковал ворота противника. Но вратарь Мирослав Краса буквально творил чудеса, отбивая даже самые, казалось бы, неберущиеся шайбы. Этот вратарь год назад приезжал в Москву на приз «Известий» в составе сборной ЧССР, но тогда его команде не повезло — она заняла лишь 2-е место. Зато в том же декабре 76-го Краса в составе «Польди» стал обладателем Кубка европейских чемпионов, обыграв московский «Спартак» в серии буллитов.

И все же класс ЦСКА оказался выше, чем у его визави. Это наглядно продемонстрировал заключительный период. Хотя начался с гола в ворота Третьяка — это сделал «железный человек» Милан Новы. Однако на большее гостей не хватило. После пропущенного гола армейцы, подгоняемые гневными филиппиками своего тренера, бросились отыгрываться. И на 48-й минуте Хельмут Балдерис, совершив индивидуальный проход, заставил Красу вынимать шайбу из сетки своих ворот. А спустя шесть минут блестящую комбинацию

разыграла тройка нападения Викулов — Лобанов — Александров. И коронный щелчок последнего снова заставил Красу огорчиться. Этот гол поставил жирную точку в игре. И Кубок европейских чемпионов в 7-й раз достался ЦСКА.

Тихонов как раз смотрел на видеокассете гол Бориса Александрова, когда дверь в кабинет открылась и туда вошел Эрнест Спрогис. Человек, которого тренер сегодня не ждал.

Увидев, чем занят Тихонов, гость сообщил:

— Я как будто чувствовал, чем тренер ЦСКА будет заниматься в это субботнее утро — просмотром видео. Вот вам еще одна «дорогая ложка» к вашему «обеденному столу».

Сказав это, чекист протянул тренеру видеокассету и пояснил:

— Здесь записана последняя игра первой сборной Чехословакии. Несколько дней назад она сыграла товарищеский матч со второй сборной.

— Как же вам удалось ее раздобыть? — удивился Тихонов.

— Наши люди, Виктор Васильевич, есть везде — даже на чехословацком телевидении, — широко улыбаясь, ответил Спрогис.

— И, соответственно, их люди есть у нас в Останкино, — пошутил тренер, принимая кассету из рук гостя.

— А в вашей шутке есть доля истины, — присаживаясь на стул напротив стола, где стояли видеомагнитофон и телевизор, произнес Спрогис. — Уверен, что мои чехословацкие коллеги тоже помогают своим тренерам полезной информацией относительно нашей сборной.

— Но ведь в Праге есть ваше представительство и вообще... — Тихонов не закончил мысль, поскольку и так было понятно, что именно он имеет в виду.

— За десять лет, что минули с августа 68-го, наши отношения с коллегами из СТБ несколько усложнились, — после небольшой паузы сообщил Спрогис. — Поэтому там царят противоречивые настроения. Впрочем, вы и сами можете их наблюдать, отталкиваясь от игр с чехословацкими хоккеистами. Вроде бы, мы союзники по соцлагерю, а в то же время и соперники. Но, слава богу, пока еще не враги.

— Думаете, может дойти и до этого?

— Будем надеяться на лучшее. Но те войны, что мы ведем с чехами на льду и вне его пределов в преддверии чемпионата в Праге, невольно наталкивают на грустные мысли. И ведь ничего нельзя с

этим поделаться — большая политика не оставляет нам шанса. Как говорится, уступишь в малом, потеряешь в большом.

Тихонов вытащил из видеомагнитофона прежнюю кассету и вставил новую. И нажал на кнопку воспроизведения. На экране возникла картинка с титрами — этот был список игроков первой сборной ЧССР. Читая этот список, Тихонов тут же отметил про себя, что у чехов, с момента турнира «Руде право», появилось пять новых игроков: Ян Нелиба, Олдржих Махач, Иржи Новак, Эдуард Новак и Владимир Вейт. С Нелибой и Эдуардом Новаком Тихонов виделся совсем недавно — в игре против «Польди». Это были хорошие игроки: Нелиба грамотно действовал в обороне, а Новак обладал хорошей скоростью и точным пасом, умел обострить ситуацию на «пяточке».

— Изучаете новичков? — догадался о мыслях тренера Спрогис. — Я тоже именно с этого начал свой просмотр. И, честно вам скажу, не нашел в новичках ничего особенного. Наши ребята из того же третьего или четвертого звеньев ничем не хуже, а некоторые даже и лучше. Взять, к примеру, Бориса Александрова. Я очень рад, что вы снова включили его в сборную.

— Ничего личного, Эрнест Леонардович, — ответил Тихонов, усаживаясь на стул. — Парень хорошо проявил себя в играх внутреннего чемпионата — только и всего. Но гонор остался прежний.

— Полагаете, не сработаетесь?

— Я не один так думаю. Психолог Матвей Семенович Лужский мне целую лекцию прочитал о том, почему нам не суждено долго плыть с Александровым в одной лодке.

— Товарищ Лужский весьма своеобразный человек — с закидонами, — улыбнулся Спрогис, услышав фамилию психолога. — Но к выводам приходит интересным, поскольку мыслит не шаблонно. За это его и ценят.

В это время на экране началась игра и в кабинете наступила тишина — каждый из присутствующих смотрел игру молча. А Тихонов умудрялся еще и делать пометки в своем блокноте — составил пофамильный список чехословацких игроков первой сборной по звеньям. Получилось четыре звена. Затем он достал из ящика стола список игроков, что выступали в сборной ЧССР на турнире «Руде право» и сверил его с нынешним списком. Внимательно наблюдая за его манипуляциями, Спрогис спросил:

— Что у вас получилось, Виктор Васильевич?

— Не у меня, а у наших соперников, — ответил тренер. — Играют в те же четыре звена, что и в сентябре, но уже несколько перестроенные. В каждом из звеньев есть два-три игрока из одного клуба. А одно звено практически все перенесено из одной команды — из кладненского «Польди», с которым мы на днях играли. Это защитники Каберле, Нелиба и нападающие Новы и Новак. Пятым у них Эберман из пльзенской «Шкоды» — весьма маневренный фланговый игрок. Это совершенно новое звено. На «Руде право» Новы и Эберман были самыми результативными у чехов, забили вместе семь шайб.

— С ними, как я помню, играл Мартинец, но теперь его решили поставить с новичками — Иржи Новаком и Вейтом, — отметил еще одну перестановку в чехословацкой сборной Спрогис. — Интересное сочетание, не находите? Похоже на то, что вы затеяли в третьем звене с Мальцевым, Ковиным и Лебедевым.

— Похоже, но это звено у чехов, видимо, будет играть против нашего второго звена, где у нас Балдерис, Анисин и Капустин. А первое звено нападения у них осталось без изменений: Гавличек — Глинка — Аугуста. В защите тоже те же игроки — Бубла и Кайкл. Самое разношерстное, кстати, звено у чехов, где только двое игроков — Бубла и Глинка — играют в одном клубе из Литвинова, а остальные трое представляют разные команды. Именно поэтому в этом звене самым результативным был тандем Глинка — Бубла, забросивший четыре шайбы.

— Третье звено тоже осталось почти без изменений, только в защите Рогачика заменил Зайчик, — продолжил свой диалог с тренером Спрогис. — Все остальные на месте: Дворжак, Мариан и Петер Штястны, Поузар. Однако не факт, что на «Известиях» чехи оставят свои звенья без изменений.

— Наверняка с нами они будут играть иначе, — согласился с этим мнением Тихонов. — Вот только как?

— А вы бы что придумали, Виктор Васильевич?

Тихонов ответил не сразу. Остановив видео, он углубился в записи в своем блокноте, после чего, наконец, произнес:

— Вейта вряд ли выпустят на такую ответственную игру, как против нас. И Мартинцу придется играть со своим одноклубником

Иржи Новаком, а третьим к ним могут поставить, к примеру, Эбермана.

— Тогда кто вместо него будет играть с Новы и Эдуардом Новаком?

— Скорее всего, Поузар.

— В таком случае вместе с Вейтом не выйдет и другой новичок — Гавличек. С кем тогда играть Глинке и Аугусте?

— Я бы поставил к ним Мариана Штясны. А его брата Богуслава оставил бы на скамейке запасных.

— А как быть с четвертым звеном?

— Если мы будем играть в три звена, тогда и чехи выставят три, — ответил Тихонов.

— А вы собираетесь играть тремя звеньями?

— Мы с Юрзиновым пока еще не определились, но, скорее всего, звеньев будет три. Во всяком случае с чехами. Впрочем, игра с ними у нас не первая — первым будет «Квебек нордикс». С ним опробуем четыре звена, а потом посмотрим.

— Как вам, кстати, эта команда?

— Интересный клуб. Только что выиграл «Кубок АВКО», победив даже «Виннипег Джетс» с Бобби Халлом во главе. Но там только одно по-настоящему сильное звено нападения — Клотье — Хагман — Тардиф.

Последний хоккеист — Марк Тардиф — был хорошо известен советским болельщикам по Суперсерии 1974 года, где сборная СССР встречалась со сборной ВХА. Кроме него в «Квебеке» играли еще двое участников той легендарной серии — защитник Жан-Клод Трамбле и нападающий Серж Бернье.

— И все же не стоит недооценивать противника, — посоветовал тренеру Спрогис. — Вон тбилисские динамовцы тоже считали, что швейцарский «Грассхоперс» им не ровня и это закончилось весьма печально.

Речь шла о футбольном матче на Кубок УЕФА, который состоялся в тот же день 7 декабря, когда ЦСКА разгромил «Польди» 6:0. Это была вторая игра тбилисцев против швейцарцев — в первой динамовцы у себя дома победили 1:0. Видимо, они полагали, что одного мяча им вполне хватит, чтобы выйти в следующий раунд турнира. Но это оказалось не так. Швейцарцы не оставили им никаких

шансов, выиграв 4:0. Правда, сами тбилисцы грешили на плохое судейство: на неназначенный пенальти и на удаление их игрока Хинчагашвили с поля за грубость. Но факт оставался фактом — в следующий раунд вышли швейцарцы.

— Я никогда не страдал недооценкой соперника, — ответил на реплику чекиста Тихонов. — Но канадцев мы обыграем, это я вам обещаю.

— А с чехами такое обещание дать готовы? — спросил Спрогис.

— Вот с ними нет — они слишком непредсказуемы, — честно ответил Тихонов. — И хитры, черти. Наверняка сейчас их тренеры сидят где-нибудь в Праге и тоже мозгуют, как бы им обыграть этих русских.

Как оказалось, он был совсем недалек от истины.

10 декабря 1977 года, суббота, Прага, Чехословацкий хоккейный союз

Первый заместитель главы хоккейного союза Франтишек Непела в своем кабинете принимал старшего тренера сборной Чехословакии Карела Гута. Перед Непелой на столе лежал окончательный список игроков, которых Гут и его помощник Ян Старший собрались взять с собой на приз «Известий» в Москву, с учетом последних игр против второй сборной. Читая этот список, хозяин кабинета иногда бросал косые взгляды на тренера, но у того было непроницаемое выражение лица, каким оно всегда у него и было, за что за Гутом закрепилось прозвище «Враска» («Морщина»).

Дочитав список, Непела поднял голову и произнес:

— На мой взгляд, вполне сбалансированный состав — никто не забыт. Четыре ведущих клуба представлены тремя лучшими игроками — по три от каждого.

Речь шла о таких командах, как «Дукла», «Польди», «Слован» и «Мотор». Остальные пять клубов — «Спарта», «Шкода», ХЗ Литвинов, «Зетор» и «Тесла» — делегировали от одного до двух игроков. На тот момент это был оптимальный вариант, который могли собрать под своими знаменами Гут и Старший.

— Но вчера на вашем месте сидел тренер «Польди» Богуслав Прошек, так вот он уверяет, что три ведущие тройки ЦСКА, заявленные в сборную, весьма сильны.

— Я разговаривал с Богуславом и смотрел оба матча по телевизору, — ответил Гут. — Главное для нас нейтрализовать их первое, харламовское звено, для чего мы подвели наших защитников, и особенно Бублу и Кайкла, к оптимальной форме. К тому же в первом звене у русских на этот раз не будет Фетисова.

— Да уж, этот парень попортил нам много крови на «Руде право», — согласился с собеседником Непела. — Его только один раз удалось «пробить» Эберману, да и то в последней игре. Надеюсь, теперь это будет происходить чаще. А кого русские поставили вместо Фетисова в пару с Цыганковым?

— Юрия Федорова из Горького. Это его второе попадание в первую сборную — первое случилось два года назад на чемпионате мира в Германии. Он тогда забросил всего лишь одну шайбу, зато ни разу не оказался на скамейке штрафников. Но ему уже 30 лет — это надо учитывать.

— Зато двое других новичков-защитников помоложе — Василий Первухин и Виктор Хатулев. Одному двадцать один год, другому на год больше. Их игровые кондиции вам известны?

— Оба динамовцы — только один из Москвы, другой из Риги. Хатулева воспитал Тихонов, поэтому и пригласил его в сборную. Это мощный защитник, часто играющий на грани фола. Но нам это только на руку. Чем больше русские будут садиться на скамейку штрафников, тем лучше. Два года назад таким образом мы уже победили их на призе «Известий» с крупным счетом.

Гут имел в виду матч 21 марта 1975 года, когда советские хоккеисты «нахватали» целых 31 минуту штрафного времени, в то время как у чехословаков было всего лишь 8 штрафных минут. У русских сразу двое защитников заработали в общей сложности 15 минут штрафа: Александр Гусев был удален на 10 минут, а Валерий Васильев на 5. В итоге сборная СССР проиграла и матч (3:9), и известинский кубок.

— Помимо Фетисова у русских отсутствует Виктор Жлуктов — мощный центр из второго звена, — продолжал диалог Непела. — Как сообщил наш источник из Москвы, он вляпался в какую-то темную

историю и поэтому на призе «Известий» точно не сыграет. Вместо него Тихонов наигрывает Вячеслава Анисина. Это тот самый, который блистал три года назад в играх против сборной ВХА. Но сегодня он уже не в той форме, чтобы на должном уровне заменить Жлуктова.

— Это вам сообщил ваш источник в Москве? — по губам Гута пробежала еле уловимая усмешка.

— Представьте себе, именно он, — все с тем же серьезным выражением лица ответил Непела. — Кстати, это его наработки помогли вам победить русских на «Руде право» во второй игре. Сегодня я тоже подготовил вам подробный отчет этого источника, где он весьма объективно оценивает нынешнее состояние советской сборной, выявляя ее сильные и слабые стороны.

И Непела подвинул к собеседнику тоненькую папочку, все это время лежавшую перед ним на столе. Но Гут не стал ее открывать и молча положил в свой дипломат, стоявший у его ног.

— Хочу вам также сообщить, что те две игры, что ваша сборная сыграла несколько дней назад со второй сборной, ушли на видео пленке в Москву, — после короткой паузы сообщил Непела. — Об этом нам сообщил наш человек с телевидения. Но это и неплохо. Пусть русские думают, что это наши последние тактические игровые наработки.

— Вы думаете, что русские так наивны?

— Я всего лишь хочу, чтобы они не знали о ваших истинных наработках, которые вы выложите перед ними уже в Москве. Мы же оба понимаем, что русские чрезвычайно сильны и победить их возможно, не столько с помощью мастерства, сколько с помощью хитрости.

19 декабря 1977 года, понедельник, Москва, Дворец спорта в Лужниках, Приз «Известий», матч Финляндия — «Квебек Нордикс»

Тихонов сидел на трибуне Дворца спорта и с интересом смотрел матч известинского турнира — играли финны и канадцы из «Квебек Нордикс». Три дня назад подопечные самого Тихонова встречались на этом же льду с канадцами и сумели обыграть их со счетом 5:3. Причем

уже к 33-й минуте советская сборная вела 4:1, что оставляло гостям мало шансов на то, чтобы отыграться. И сидевший на трибуне Эрнест Спрогис невольно вспоминал разговор с Тихоновым, где он уверенно заявлял, что кому-кому, а канадцам его подопечные не проиграют. Впрочем, гостей во многом подвела излишняя нервозность, характерная для родоначальников хоккея. Их команда набрала 27 минут штрафа, а один из их игроков — Сазерленд — заработал 12 минут штрафа: 10 за недисциплинированное поведение и две за грубость. У советской сборной «набежало» 15 минут штрафа (из них 5 минут было у Юрия Лебедева).

В игре с финнами ситуация была уже иной. Канадцы ушли свои ошибки в игре с советской сборной и теперь старались играть по правилам. В итоге шел третий период и «Квебек» вел 6:4, отражая отчаянные попытки соперника, который стремился во что бы то ни стало уйти от поражения. Вот финны в очередной раз организовали атаку на ворота канадцев, которые защищал Бродерик. В бой рвалось второе звено сборной Суоми в составе защитников Марьямяки и Раутакаллио и трех нападающих — Порвари, Койвулахти и Пелтонена. Им противостояло первое звено «Квебека»: защитники Ларивьер и Бернье и тройка нападающих в лице Бордело, Бернье и Дьюба. Шайба оказалась у Марьямяки, он дал ее на ход Порвари и тот, обыграв канадца, легко вошел в зону соперника. Затем сильно бросил, но Ларивьер лег грудью под шайбу, после чего ее подхватил Бернье. И теперь уже канадцы бросились в атаку. И в тот самый миг, когда они, как нож в масло, вошли в зону финнов, кто-то тронул Тихонова за локоть. Он повернул голову и увидел рядом с собой ординарца Юрия Андропова — того самого, который привозил его к главе КГБ еще в мае.

— Виктор Васильевич, вас вызывает Юрий Владимирович, — сообщил ординарец.

— Зачем вызывает? — не сразу сообразил, о чем идет речь, тренер.

— Он вам сам обо всем расскажет, — последовал ответ.

Тихонов взглянул на лед — там уже финны наседали на ворота канадцев и в атаке было второе звено во главе с Репо.

— Виктор Васильевич, мы опаздываем, — вновь подал голос ординарец.

Только после этого Тихонов поднялся и направился к выходу, но периодически оглядывался назад, на лед. И в этот самый миг стадион взорвался радостными криками — финны сократили разрыв в счете до 5:6. Это сделал Тамминен с подачи Репо. У канадцев в это время на льду было ведущее звено: защитники Трамбле и Бэкстер, в нападении Клотье, Хагман и Тардиф. После этого интрига в матче закрутилась до предела и Тихонову очень хотелось досмотреть, чем же все закончится. Но адъютант Андропова снова коснулся его руки, торопя на выход. И тренер, тяжело вздохнув, продолжил свое восхождение по ступеням. Но когда он уже достиг выхода, переполненный под завязку стадион снова содрогнулся от восторженного рева. Это финны сравняли счет. И все это в течение одной минуты! Диктор Валентинов объявил, что гол забил Койвулахти с подачи Пелтонена. До конца игры оставалось еще пять минут, но с учетом задержек концовка матча могла растянуться на время в два раза дольше. Естественно, заставляя шефа КГБ ждать, когда он насмотрится хоккея, Тихонов не мог.

У Дворца спорта их поджидала все та же правительственная «Волга». Усевшись в нее, Тихонов только сейчас обратил внимание на то, как учащенно забилося у него сердце. Он понял, что впереди его ждет весьма неприятный разговор с Юрием Андроповым по поводу вчерашнего разгромного поражения сборной СССР в принципиальнейшем матче турнира на приз газеты «Известия». Советская команда проиграла чехословакам и перипетии этого матча, с момента окончания которого не прошло и суток, до сих пор стояли перед глазами Тихонова.

Ретроспекция. 18 декабря 1977 года, воскресенье, Москва, Дворец спорта в Лужниках, Приз «Известий», матч СССР — ЧССР

В тот вечер, казалось, ничто не предвещало такого печального исхода. Хотя все прекрасно понимали, что на этом турнире чехи захотят взять реванш за свое поражение на турнире «Руде право». Поэтому Тихонов выставил на игру свой лучший состав, который был разбит на четыре звена.

Александров играл в последнем вместе с Викуловым и Лобановым. Их выпустили на поле спустя несколько минут после

начала игры и Борис, подхватив шайбу, тут же устремился к воротам Холечека. Но защитник Нелиба виртуозно выбил у него шайбу клюшкой, после чего впечатал его в бортик в углу площадки. Поднимаясь на ноги, Борис видел, как чехи организовали стремительную контратаку, которая едва не завершилась голом. Но у нас надежно сыграл Третьяк.

Перемахнув через бортик, Александров уселся на скамейку запасных. К нему тут же подошел Тихонов и мрачно изрек:

— Опять хочешь один игру сделать? Партнеров будешь видеть или нет?

Возразить тренеру хоккеисту было нечем.

Спустя несколько минут он снова выскочил на поле, но теперь уже, получив шайбу, тут же поднял голову и, заметив в хорошей позиции Викулова, точным пасом адресовал шайбу ему. Викулов щелчком направил шайбу в ворота, но Холечек «блином» отбил ее в угол площадки. Первым к ней подоспел Александров, но укротить ее не сумел, и она досталась чехословацкому защитнику Дворжаку, который отправил ее вперед, кому-то из своих партнеров. Началась очередная атака на ворота Третьяка, которая в этот раз завершилась голом. Шайбу забросил Бубла — один из самых результативных защитников у чехов. Александров взглянул на табло — шла всего лишь десятая минута матча.

— Играем, не спим! — подбадривал своих игроков Тихонов.

Но игроки сборной СССР как будто не слышали своего тренера — у них ничего не получалось. Александров это чувствовал по себе. Он выходил на лед, но шайба его не слушалась и либо слетала с крюка, либо ее быстро отбирали чехи. Так же не ладилась и игра у его партнеров. А чехи летали по площадке, будто на крыльях. В тот момент, когда звено Александрова уже сменилось и уселось на скамейку, за воротами Третьяка вновь зажегся красный фонарь. Вторую шайбу забил вездесущий Мартинец, чем-то напоминавший нашего Мальцева (даже номера у них были одинаковые — 10-е). Его, кстати, Тихонов выпустил сразу после второго гола, поставив в звено с Викуловым и Александровым. Последний еще подумал: «Ну, с Николаичем мы сейчас зажжем!» Но в этот момент сирена возвестила об окончании первого периода. Счет на табло 0:2 не в нашу пользу.

В раздевалке Тихонов был сдержан и громы и молнии не метал. Сначала подытожил общие ошибки, затем стал подходить к некоторым игрокам индивидуально и разговаривать с ними. К Александрову он не подошел — видимо, серьезных нареканий к нему у него не было.

— Не пойму, что происходит, — жаловался Александрову, сидевший рядом Капустин. — Вроде, поле вижу, партнеров тоже, а как шайбу посылаю, обязательно в молоко.

— У меня то же самое, — поддержал его Александров. — А ведь стены-то наши, помогать должны.

Второй период начался с атак советских хоккеистов. Чехи намеренно отошли назад и стали играть от обороны, пытаясь поймать соперника на контратаках. И одна из них увенчалась успехом. Причем снова у чехов играло первое звено нападения: Мариан Штясны — Глинка — Аугуста, открывшее счет в этом матче. Штясны прорвался к воротам Третьяка и, не замечая своих партнеров, решил сам бросить по воротам. И добился успеха — за советскими воротами в очередной раз зажегся красный свет. 3:0 — это уже было похоже на разгром.

Александров взглянул в сторону правительственной ложи и увидел Брежнева, который жестами показывал кому-то из сидящих рядом с ним спортивных чиновников, как чехи организовали атаку, а наши ее проспали. «А ведь у него завтра день рождения», — внезапно вспомнил Александров. — 71 год исполнится. Чувствую, подкузьмим мы сегодня старику. Лучше бы он дома у телевизора сидел».

В очередной выход звена Александрова на лед чехи нарушили правила. Это случилось в тот момент, когда Борис подхватил шайбу в центре поля, ворвался в зону соперника, но в углу площадки его зацепили за свитер «крючком» и он рухнул, как подкошенный, на лед. Судья дал свисток и удалил чеха с поля. На площадку выкатилось наше первое звено — самое забивающее в команде. А Александров, уезжая на скамейку запасных, отметил про себя: «Ну, вот, пусть гол не забил, зато чехов в меньшинстве оставил». Но, как оказалось, лучше бы он этого не делал.

В этот день все валилось из рук даже у самого забивающего нашего звена. Оно так увлеклось атакой, что чехословацкий защитник перехватил шайбу и передал ее Глинке. А тот совершил стремительный проход и в упор расстрелял Третьяка. 4:0. Причем чехословацкое первое звено переигрывало советское первое со счетом

3:0. Тихонов, глядя на это, просто не верил своим глазам. Впрочем, в это не могли поверить и советские болельщики — как те, что собрались в Лужниках так и те, что сидели у экранов своих телевизоров. Ведь это было уже почти оформленное поражение. Отыграть у чехов, умеющих очень надежно играть в обороне, эти четыре шайбы было практически нереально. Игра у советской сборной совсем разладилась, игроков просто охватила апатия. Они явно доигрывали этот период, мечтая об одном — поскорее уйти в раздевалку, чтобы не слышать свиста трибун. Но позор на этом не закончился. Под занавес второго периода еще одна шайба влетела в ворота Третьяка. Автором гола стал игрок второго звена Поузар. Это была первая шайба этого звена в матче.

Не успели игроки сборной СССР войти в раздевалку, как туда вбежал Кондратьев. На нем буквально не было лица. Все два периода он сидел в правительственной ложе рядом с Брежневым и видел воочию, как час назад прекрасное настроение генсека за сорок минут игры кардинально изменилось. Он даже спросил у коллег, которые сидели рядом: «А не ошиблись ли мы, назначив Тихонова тренером сборной?» Именно это и прибежал сказать тренеру Кондратьев. Взяв его за локоть он при всех отвел его в сторону и понизив голос сказал:

— Вы знаете, что завтра у Леонида Ильича день рождения?

— Я об этом даже не думал — моя голова была занята другим, — ответил тренер.

— А мне вот приходится об этом думать, в отличие от вас. Вы представляете состояние Леонида Ильича, на глазах которого любимая команда проигрывает с разгромным счетом накануне его дня рождения.

— Это спорт, Павел Сергеевич, в нем всякое может случиться. Например, мне мой минувший день рождения пришлось отмечать не в кругу семьи, как всем, а в одиночестве, поскольку я был занят переездом в Москву.

— Я глубоко вам сочувствую, Виктор Васильевич, но 0:5 в Москве даже от чехов это слишком. А впереди у вас еще третий период.

— И я о том же — вы мешаете мне приводит команду в порядок своими разговорами о днях рождениях.

Сказав это, Тихонов покинул общество чиновника и вернулся к игрокам. Но вдохновить их на подвиг ему так и не удалось. Хотя третий период начался для советской сборной удачно. На первой же минуте все-таки свое слово сказало первое звено — шайбу в ворота Холечека забил капитан команды Михайлов. Стадион встрепенулся в надежде, что может свершиться чудо и наши отыграют четыре шайбы, а потом, глядишь, и выйдут вперед. Даже Брежнев оживился, на радость всех, кто сидел с ним в правительственной ложе. Но чуда не произошло. Минула всего лишь минута, когда Новак снова увеличил разрыв — 6:1. Однако спустя полминуты финский арбитр Раймо Сеппонен зафиксировал нарушение со стороны чехов, которое вызвало у гостей бурю протеста. Даже их тренеры пытались что-то объяснить судье, хотя было понятно, что свое решение он не отменит. Впрочем, это недовольство длилось недолго. Разрыв в счете был достаточно большим, чтобы чехи долго спорили. И их игрок отправился на скамейку штрафников. Но не успел он взять в руки полотенце и стереть с лица пот, как стадион взорвался новыми криками восторга. Это советская команда забила второй гол. Причем автором забитой шайбы опять оказался Михайлов.

После этого советская сборная, подгоняемая криками с трибун, начала массированный штурм ворот соперника. Но чехи всей командой заперлись у себя в зоне и мужественно отражали атаки. А их вратарь Холечек творил настоящие чудеса, отбивая даже самые неберущиеся шайбы. Время на табло неумолимо истекало.

До конца игры оставалось семь минут, когда наше первое звено снова отличилось. Харламов рвался к воротам соперника, и чехословацкий защитник, пытаясь помешать ему выйти один на один с Холечеком, сбил его с ног. В итоге Сеппонен скрестил руки над головой, что означало — штрафной бросок или буллит. Выполнять его поехал Харламов. Он легко обыграл Холечека и сделал счет 6:3.

Трибуны снова воспряли. Раздалось раскатистое «Мо-лод-цы!» и «Шай-бу! Шай-бу!». С этого момента Тихонов решил выпускать на лед три звена — первое, второе и четвертое, посадив на лавку третье звено, где в нападении играли Шалимов — Ковин — Лебедев. Но спасти ситуацию это не помогло. Прошла всего лишь минута после гола Харламова, как у нас был удален Мальцев. И чехи быстро

реализовали численное большинство — автором гола стал Аугуста. Это была четвертая шайба первого звена чехословацкой сборной.

После этого гола некоторые зрители встали со своих мест и потянулись к выходу. Они первыми поняли, что этот матч советской сборной безнадежно проигран. Глядя на этих людей, Тихонов мучительно размышлял над тем, в чем же он ошибся: «Что я упустил перед игрой, в каком месте сделал роковую ошибку? Может, надо было с начала матча играть в три звена, как чехи?»

Однако позор советской сборной на этом не закончился. Разочарованные зрители едва успели дойти до выхода, как Мартинец забил свою вторую шайбу в этой игре и восьмую в общей копилке его команды. И табло зафиксировало окончательный итог поединка — 8:3 в пользу сборной Чехословакии.

И в этот миг, стоя у бортика, Тихонов услышал за своей спиной громкий возглас кого-то из болельщиков:

— Тихонов, пакуй вещи в Ригу!

Смотреть в эти минуты на тренера сборной СССР было больно. Впрочем, то же самое можно было сказать и про всех советских игроков, которые откровенно доигрывали этот матч. Единственное на что их хватало — они старались не дать чехам довести счет до совсем уж позорного — 9:3, 10:3 и так далее. О том, чтобы самим забить гол никто из них уже не думал. Все они мечтали только об одном — чтобы этот позор поскорее закончился.

*19 декабря 1977 года, понедельник, Москва, площадь Дзержинского,
КГБ СССР*

Итак, тот матч сборная СССР проиграла 3:8. И вот теперь Тихонов мчался в правительственной «Волге» в КГБ, чтобы получить взбучку уже не от спортивного чиновника, а от самого председателя КГБ. «Надеюсь, Юрий Владимирович не будет пенять мне на то, что мы испортили день рождения самому Леониду Ильичу», — с грустной усмешкой подумал тренер.

Шеф КГБ и в самом деле ни разу в их разговоре не упомянул про сегодняшний день рождения генсека, но удивил другим заявлением.

Едва Тихонов вошел в кабинет и приблизился к Андропову, тот задал ему неожиданный вопрос:

— Вы сегодня в метро не спускались, Виктор Васильевич?

— Нет, меня во Дворец спорта и к вам привезли на служебной «Волге».

— Но вы догадываетесь, о чем сегодня в первую очередь судачат пассажиры в метро? Правильно, о вчерашнем разгроме вашей... вернее нашей команды. Что случилось, Виктор Васильевич?

— Это я виноват — не сумел должным образом настроить игроков на поединок.

— Вы уверены, что речь идет всего лишь об одном единственном поединке, а не обо всем турнире?

— Полностью быть уверенным в этом я, естественно, не могу. Я всего лишь человек.

В этот момент Андропов понял свою бестактность и жестом пригласил гостя сесть на стул. А сам прошел к своему креслу.

— Я имел разговор с руководителями Спорткомитета, там уверены, что вы неправильно укомплектовали сборную. Сделав упор на армейцах, упустили из вида нескольких талантливых игроков из других клубов.

— Их отбирал не только я, а наш тренерский штаб. Так что это коллективное решение.

— Но решающий голос все-таки принадлежит вам, Виктор Васильевич. Вот, например, вчера вы выпустили на лед четыре звена, а чехословаки играли тремя звеньями. В результате их ведущие игроки выходили на лед чаще, чем наши. А когда в третьем периоде вы перешли на игру в три звена, первое звено сразу и отличилось — две шайбы забросил Михайлов и одну Харламов. Так, может, играть в три звена, а не в четыре? Извините, конечно, если вмешиваюсь в вашу епархию.

— Мне очень приятно вести разговор с человеком, который хорошо разбирается в предмете разговора. Но я стоял и буду стоять на точке зрения, что игра в четыре звена — это будущее хоккея. И чем раньше мы это поймем, тем лучше. Поэтому на данном этапе, когда сборная делает свои первые шаги в данном направлении, мне хотелось бы, чтобы мне больше доверяли. Я нахожусь у руля первой сборной

чуть больше полугода и это второй турнир с ее участием. В первом, как известно, мы победили, причем, играя в четыре звена.

— Как-то неубедительно победили, позвольте вам напомнить.

— Я думал, что любая победа ценна.

— Я тоже так думаю, но большинство ждет иного. Они хотят побед ярких, убедительных. Вы же знаете, что в различных властных структурах были противники вашего назначения на этот пост, но мы это решение продавили. Однако после вчерашнего события наши аргументы несколько поблекли.

— Но это вполне естественно — в большой политике, как и в спорте, всегда есть место как победам, так и поражениям. Я благодарен вам за то доверие, которое вы мне оказали, но если дело повернулось таким образом, то я готов немедленно сложить с себя все полномочия и вернуться обратно в Ригу.

— Ну, зачем вы так, Виктор Васильевич, — в голосе Андропова послышались примирительные нотки. — Никто не собирается снимать вас с ваших постов. Просто это последний крупный турнир перед чемпионатом мира в Праге. Для нас это очень ответственное мероприятие — не только в спортивном плане, но и в политическом. И если чехи обыгрывают нас в Москве с разгромным счетом, можно себе представить, как они будут биться на родном для них льду. У нас есть шансы не дать им этого сделать?

— После вчерашнего поражения эти шансы, на мой взгляд, только увеличились.

— В каком смысле? — брови Андропова взметнулись вверх.

— Будем считать, что мы их заманили в ловушку. Пусть думают, что мы идем вторым номером, а мы преподнесем им сюрприз.

Ответом на эти слова Тихонова был искренний смех председателя КГБ.

*19 декабря 1977 года, понедельник, Прага, Чехословацкий
хоккейный союз*

Первый заместитель руководителя хоккейного союза Франтишек Непела, едва приехал на работу и вошел в свой кабинет, тут же попросил секретаршу вызвать к нему его заместителя Милана

Затопека. А тот, как будто ждал этого вызова — явился пять минут спустя, хотя обычно такой расторопностью никогда не отличался. Он вошел в кабинет начальника с широкой улыбкой на устах и радостным возгласом «С победой!». Непела, обычно сдержанный, в этот раз тоже не стал скрывать своих чувств — улыбнулся и предложил гостю сесть.

— Ну, что, Милан, приз «Известий» уже у нас в кармане? — спросил Непела, закуривая сигарету и бросая пачку по направлению к Затопеку.

Тот тоже взял сигарету, щелкнул зажигалкой но, прежде чем закурить, произнес.

— Я бы все-таки не стал спешить с выводами.

— Ты не веришь в нашу победу?

— Я верю в суеверия. Я вас поздравил со вчерашней победой, но до конца турнира еще есть время.

— Ерунда — главный матч соревнований мы выиграли вчера, — пуская струю дыма в потолок, ответил Непела. — Через три часа нам с главой союза предстоит ехать в ЦК, где тоже весьма внимательно присматриваются к экспериментам нового тренера советской сборной. Всех волнует один вопрос: к пражскому чемпионату он сумеет сотворить чудо или все-таки нет. Ты, как я понял, в это не веришь?

— Я об этом говорил еще на играх «Руде право». Русские явно ошиблись с выбором этого Тихонова. Все-таки тренировать периферийную команду и первую сборную — разные вещи. Он пытается строить игру на двух компонентах — тактике силового давления и прессинге. Но такая игра дает результат, если у тебя каждое звено имеет свое тактическое лицо и может по ходу матча перестроиться — перейти от силового давления к прессингу. А у Тихонова этим критериям в полной мере соответствует лишь первое звено, а остальные оставляют желать лучшего. Поэтому вчера нашим ребятам легко удавалось ломать планы Тихонова.

— Но ты забываешь, что до мирового первенства еще есть время — целых четыре месяца, — напомнил собеседнику Непела.

— Это мизерное время, он просто не успеет довести своих игроков до нужной кондиции. Так что можете смело говорить об этом в ЦК.

— А что ты скажешь по поводу судейства — наверняка русские будут продавливать и этот вопрос.

— Будут, конечно, — согласился Затопек. — Но и мы не должны сидеть сложа руки. Мне вчера сообщили из Москвы, что русские еще до начала известинского турнира начали обрабатывать тех судей, кого они планируют продвигать на наш чемпионат. И главный среди них — финн Сеппонен.

— Но он же судил вчерашний матч с нами и ничего не смог сделать? — искренне удивился Непела.

— Это потому, что наши ребята играли так хорошо, что никакой судья не смог бы им помешать.

— Или русские играли так плохо, — добавил Непела. — Но вдруг ты ошибаешься и Сеппонен вовсе не будет их креатурой?

— А ты вспомни, что он судит матчи с участием русских с начала семидесятых и почти всегда они при нем выигрывают. Помнишь, сентябрь 71-го, Кубок европейских чемпионов, где наша «Дукла» дважды играла с ЦСКА? Первый матч в Москве судил Сеппонен и русские выиграли 7:0. А на второй игре, уже у нас, судила бригада из Швейцарии и матч закончился вничью 3:3. С тех пор, судя по всему, русские Сеппонена и приметили. А когда два года назад Андрей Старовойтов возглавил судейскую комиссию ЛИХГ, положение финна только упрочилось. И без большой политики здесь не обошлось.

Непела без лишних слов понял, о чем именно ведет речь его собеседник. Намек был на то, что у советских руководителей были отличные личные отношения с президентом Финляндии Урхо Кекконеном. Особенно хорошие связи были у него с советским премьером Алексеем Косыгиным, с которым они летом 1969 года совершили переход через Кавказский хребет. Вместе они прошли около 200 километров, поднялись на Клухорский перевал и спустились к Черному морю. Этот совместный поход стал кульминационным пунктом развития взаимоотношений и двух политиков, и двух государств. Поэтому у Кекконена было несколько советских наград: орден Ленина (1964) и орден Дружбы народов (1973). А еще он был почётным доктором юридических наук МГУ (1958). Буквально две недели назад Косыгин летал в Финляндию для участия в торжествах по случаю 60-летия независимости Финляндии, где, естественно, был принят Кекконеном на самом высшем уровне...

— Два года назад, еще до восхождения Старовойтова, Сеппонен на Призе «Известий» был вторым судьей у шведа Дальберга, —

продолжил свои воспоминания Затопек. — И, как помнишь, мы тот турнир выиграли, обыграв русских в пяти матчах. А вот в прошлом году Сеппонен был уже главным судьей и в финальном матче с нами при счете 2:1 в нашу пользу русские взяли и забили две шайбы. И выиграли турнир. А что было на Олимпиаде в Инсбруке, ты уже тоже забыл?

Как можно было забыть тот кошмарный матч со сборной Польши 10 февраля 1976 года? Да он у каждого чехословака прочно засел в памяти на всю жизнь. Сборная Чехословакии легко обыграла поляков 7:1, но после игры капитана команды Франтишека Поспишила отправили на допинговую проверку, которая оказалась положительной. Сборной ЧССР было засчитано поражение со счётом 0:1, хотя и команда Польши очков не получила. Главным судьей на том матче был все тот же Сеппонен.

— А вспомни начало этого года — игры все той же «Дуклы» на Кубок европейских чемпионов, — продолжал перечислять факты Затопек. — Только теперь они играли не с ЦСКА, а с «Крыльями Советов». В первой игре, у нас, судьями были швейцарцы. И здорово нам помогли — надавали русским пятнадцать минут штрафа. Причем дважды был наказан их вратарь Сидельников, а потом на пять минут на скамейку штрафников сел их лучший защитник Бабинов. И мы выиграли 3:2, причем все шайбы забили, когда русские играли в меньшинстве. А что случилось потом в Москве? Там игру судил Сеппонен и два его земляка. Удалений было поровну — по восемь минут. Но мы проиграли 0:7!

— Наши ребята сами виноваты — такие моменты разбазаривали! — воскликнул Непела. — Сухи такой рейд совершил за ворота русских, отдал точный пас на «пятак» Выборны, а тот взял и промахнулся из стопроцентной позиции. А потом тот же Выборны вместе с Холиком снова выкатились на ворота Сидельникова, но не смогли его переиграть. Так что Сеппонен там не при чем.

— За руку его, конечно, никто не ловил, но его судейство очень часто играет на руку русским, — продолжал стоять на своем Затопек.

— Но что ты предлагаешь, если у нас нет большого влияния на судейскую коллегию ЛИХГ? — спросил напрямик Непела. — Наш тамошний вице-президент Мирослав Шубрт отвечает за правила, но не

за судейство. Значит, русские снова получают возможность «заряжать» своих судей.

— Но ты забываешь, что чемпионат будет проводиться у нас. А это значит, что можно подобрать ключик к любому, в том числе и к Сеппонену. Так что если в ЦК кто-то поднимет эту тему, скажи, что мы готовы эту проблему решить.

В ответ на это Непела улыбнулся, после чего сказал:

— Знаешь, почему ты, Милан, до сих пор не сидишь в этом кресле? Ты слишком торопишься рапортовать об успехах. Между тем всегда надо оставлять место для маневра.

— Но мы просто не имеем права проиграть у себя дома, да еще в год юбилея «Пражской весны», — с жаром воскликнул Затопек. — Народ нас просто не поймет.

— Я имею в виду не народ, а наше руководство. А там, как тебе известно, по-разному относятся к этому юбилею.

— А я вижу, что даже те, кто относится к нему настороженно, вынуждены учитывать мнение большинства. Популизм в политике — вещь необходимая.

В это время на столе зазвонил телефон. Подняв трубку, Непела в течение нескольких секунд сидел молча, внимательно слушая собеседника на другом конце провода. Затем сказал лишь одно слово: «Хорошо», и, положив трубку, объявил:

— Встречу в ЦК перенесли на два часа раньше. Значит, мне пора выезжать.

И Непела первым поднялся со своего места.

*27 декабря 1977 года, вторник, Кремль, Георгиевский зал,
новогодний концерт для членов Политбюро*

Сидя за столом, уставленном яствами, Андропов пригубил из бокала лимонад и перевел взгляд на Брежнева. Генсек сидел рядом с ним и, повернувшись вполоборота к сцене, с упоением слушал свою любимую певицу — Софию Ротару, которая исполняла новый хит «Родина моя», специально написанный композитором Давидом Тухмановым к 60-летию Великого Октября. Песня гремела на весь Георгиевский зал и ее речитатив «Я, ты, он, она — вместе дружная

семья» заставлял даже сдержанного Андропова тихонечко отстукивать ногой каждый такт под столом. После Ротару на сцену вышел юморист Геннадий Хазанов, который прочитал интермедию про студента кулинарного техникума — также обожаемую Брежневым. Интермедия называлась «Арбуз», была несколько пошловата, но Брежнев от души смеялся, заражая своей реакцией и всех остальных. И только Андропов сидел с непроницаемым лицом, думая о своем. Он вспоминал вчерашний разговор с Эрнестом Спрогисом, который докладывал ему о ситуации в Федерации хоккея, где весьма болезненно было воспринято поражение сборной СССР на призе «Известий». И когда сегодня, перед концертом, Андропов попытался заговорить об этом с Брежневым, тот предложил отложить серьезные дела на потом.

— Итак, Юрий, о чем ты хотел со мной поговорить? — вывел из задумчивости шефа КГБ голос Брежнева.

К тому моменту в концерте наступил небольшой антракт, который заставил генсека обратить, наконец, внимание на своего соседа по столу.

— В Федерации хоккея зреет решение вынести на обсуждение вопрос о снятии Тихонова с должности старшего тренера сборной, — сообщил Андропов.

— Ты считаешь это неправильным? — вновь спросил Брежнев. — А я вот думаю, что это будет своевременным решением. Мы же опозорились на весь мир у себя дома. И что же тогда будет в Праге, если мы чехам у себя дома проигрываем со счетом 8:3?

— Это же спорт, Леонид Ильич — в нем всякое бывает, — пожал плечами Андропов. — Да и кого мы назначим вместо Тихонова?

— Скурлатов предлагает вернуть Бориса Кулагина, а в помощники ему дать Майорова и Кострюкова.

— Ваш Скурлатов не бельмеса не понимает, — не скрывая своего раздражения, произнес Андропов. — Это ведь снова он интригует — подбивает членов Федерации голосовать против Тихонова.

— В каком смысле?

— В прямом — у меня есть распечатки его разговоров с некоторыми членами Федерации, которых он склонил к решению выступить в январе с предложением об отставке Виктора Васильевича.

У него однажды не получилось это сделать, вот он пытается повернуть это снова.

— Но теперь-то повод у него веский — приз «Известий» мы продули.

— Зато «Руде право» выиграла — значит, с чехами у нас счет ничейный. Это во-первых. Во-вторых, — до пражского чемпионата остается меньше четырех месяцев. Если Тихонова убрать, в сборной начнется чехарда. Да и в ЦСКА тоже, поскольку Скурлатов и его люди ставят главной целью смещение Тихонова не столько с поста старшего тренера сборной, сколько из ЦСКА. Если Федерация уберет Тихонова из сборной, значит, автоматически придется отбирать у него и ЦСКА. А кого туда ставить? Возвращать Локтева? Тогда как мы с вами будем выглядеть в глазах хоккейного руководства?

— Да, некрасиво получится, — согласился с доводами Андропова генсек. — Что же ты предлагаешь?

— Оставить Тихонова в покое и дать ему возможность спокойно доработать в сборной, — Андропов даже придвинул стул поближе к генсеку. — А то, что мы проиграли чехам, не страшно — пусть думают, что они сильнее нас. Нам это только на руку — усыпим их бдительность.

— Но ты же сам говоришь, что половина Федерации против Тихонова. С ними как быть?

— Это я возьму на себя — проведем разъяснительную работу. Не поймут — надавим на другие рычаги. Главное, чтобы у нас с вами не возникало сомнений в правильности выбранного нами решения.

— Ох, Юрий, не сядем ли мы в лужу с этим Тихоновым? Мне тут на днях Гусак звонил — успокаивал, зараза, а сам, чувствую, радуется нашему поражению. И в душе наверняка предвкушает свою победу в Праге.

— Вот и хорошо — пусть предвкушает, — оживился Андропов. — Я же говорю, нам это только на руку — недооценка соперника сами знаете, к чему приводит.

— А где сейчас Тихонов? — задал неожиданный вопрос Брежнев.

— Он вчера улетел со сборной в Японию и Америку — будут играть против клубов ВХА девять матчей.

— А почему в Японию? — удивился генсек.

— Это руководители ВХА придумали — хотят раскрутить свою лигу, а помочь им в этом вызвались только японцы. Три их крупных концерна выложили ВХА приличные деньги — около трех миллионов долларов.

— А мы-то с этого что-нибудь поймеем? — спросил Брежнев.

— Обижаете, Леонид Ильич — один миллион достанется нашему «Совинтерспорту». Ведь японцы за предоставление спонсорской помощи затребовали непременно участия в играх наших звезд: Третьяка, Харламова, Михайлова и Петрова.

— Уважают, значит, нас господа капиталисты, — с удовлетворением отметил генсек.

— Уважать-то уважают, да вот наши вторые сборники в этой серии не шибко себя показывают, — сообщил Андропов.

Поймав вопросительный взгляд Брежнева, он пояснил:

— Чуть раньше первой сборной в США отправилась наша вторая сборная. Так она уже сыграла семь матчей и четыре из них проиграла. Вот только вчера продула игру с командой из Бирмингема со счетом 6:1.

— А кто там у нас играет? — поинтересовался генсек.

— Разные хоккеисты: Волчков, Попов, Волченков, Тюменев, Ромашин, Костылев, Брагин, Локотко, Шостак и другие.

— А кто их тренирует.

— Борис Майоров.

— Так его же, кажется, прочат на место Тихонова?

— Вот и я о том же — некого пока вместо Тихонова ставить.

— А если и он свою серию продует?

— Не продует, вот увидите.

— А он кого в свою команду набрал?

— Тех же, что и на приз «Известий» плюс добавил еще нескольких игроков: братьев Голиковых из «Динамо», Гусева.

— Сашку Гусева вернул? — не скрывая своего удовлетворения, спросил Брежнев. — Это правильно — нам хорошие защитники не помешают. А то с чехами настоящий проходной двор устроили. А Фетисова он взял?

— Нет, он на молодежный чемпионат уехал. Но вы не волнуйтесь, в Праге он обязательно будет.

— Хорошо, будь по-твоему — оставим пока Тихонова, — после короткой паузы подвел итог разговора Брежнев.

В это время как раз возобновился концерт. На сцену вышла Валентина Толкунова, чтобы спеть любимую песню генсека — «Поговори со мною, мама».

5 января 1978 года, четверг, Виннипег, Канада, матч «Виннипег Джетс» — сборная СССР

Бобби Халл ворвался в зону советской сборной и, едва его коньки пересекли синюю линию, тут же адресовал шайбу своему партнеру, открывшемуся слева — шведу Кенту Нильссону. И тот, не раздумывая, мощным щелчком застал Третьяка врасплох. И счет на табло стал просто неприличным для советских хоккеистов — 0:4. Такого разгрома от клуба из канадского города Виннипега сборная СССР еще ни разу не переживала. И это после того, как всего лишь несколько дней назад эти команды сыграли три матча в Токио и везде победа сопутствовала советским хоккеистам: 7:5, 4:2 и 5:1. Но едва они перелетели в Канаду, как в первой же игре на своем поле «реактивщики» решили взять реванш. Да еще какой — уже в первом периоде забили четыре безответные шайбы. Правда, советские хоккеисты отчасти были сами виноваты — слишком часто удалялись. В итоге сразу три шайбы (в том числе и четвертая) были забиты канадцами, когда они играли в большинстве. Свою вину чувствовал и Александров — во время его удаления «реактивщики» забили вторую шайбу. Поэтому, когда он вернулся со скамейки штрафников в расположение своей команды, к нему подошел Тихонов и мрачно резюмировал:

— Я вижу, ты опять за старое взялся.

Эти слова прочно засели в голове у хоккеиста и настроения ему не прибавили. В четырех предыдущих матчах серии он выходил на лед в трех играх и отметился лишь двумя голевыми передачами (шайбы забросил его партнер Лобанов). И вот сегодня, в пятой игре, он опять не делал погоды и даже более — подвел команду во время второго гола. Если играть так и дальше, то можно было смело сказать, что в сборную его больше не позовут.

— Чего тебе Тиша сказал? — спросил у Александрова Лобанов, сидевший рядом с ним на скамейке запасных.

— Обещал премию в валюте выдать за хорошую игру, — пошутил Александров, сплевывая себе под ноги.

— Надеюсь, поделишься? — и Лобанов толкнул приятеля плечом.

— Если ты мне хороший пас выдашь — обязательно.

И уже спустя несколько минут этот разговор имел свое продолжение. Заканчивалась 30-я минута игры. Канадцы играли в меньшинстве (был удален Пауис), а у нас на льду играла тройка нападения Викулов — Лобанов — Александров и пара защитников Бабинов — Федоров. Атаку начал последний, который вошел в зону канадцев и отдал пас Лобанову. А тот, сделав ложный замах, на который среагировал канадский защитник, бросившийся под бросок, послал шайбу точно на клюшку Александрову. И тот, на «носовом платке» обыграв второго защитника, точно послал шайбу в незащищенный вратарем угол ворот. Так наша сборная «размочила» счет.

Когда Александров сел на скамейку запасных, он специально посмотрел в сторону Тихонова, но тот даже не обернулся в его сторону. Видимо, одна забитая шайба его мало вдохновила. «Ничего, будет тебе и вторая», — подумал Александров. И спустя четыре минуты, при следующей смене, выполнил свое обещание. И снова комбинацию начал защитник Юрий Федоров из горьковского «Торпедо», который на этот раз адресовал пас Викулову. А тот послал шайбу на ход Александрову, который не стал финтить, а просто бросил шайбу в сторону канадских ворот, которые защищал Дэйли. Тот же явно не ожидал этого броска — на долю секунды не успел свести щитки вместе и шайба проскочила у него между ног. Счет стал 4:2 в пользу канадцев. А спустя семь минут Первухин забил третий гол, подарив советской сборной надежду на то, что эту игру еще можно спасти. Даже Тихонов оживился — стал ходить вдоль бортика и подбадривать хоккеистов:

— Держим темп, ребята, держим!

Но чуда, увы, не случилось. Вездесущий Бобби Халл, который забил две первые шайбы в этом матче, похоронил надежды советских хоккеистов, сделав хет-трик за восемь секунд до конца игры.

Отдавший этой игре всего себя без остатка, Александров шел по коридору в раздевалку, когда рядом с ним поравнялся Тихонов и сказал:

— Ведь можешь играть, если захочешь.

Эту фразу Александров потом держал в голове до конца серии. И в итоге в оставшихся четырех матчах, которые советские хоккеисты все выиграли, забил еще одну шайбу и сделал две голевые передачи. И в списке бомбардиров сборной в той серии занял пятое место — на его счету было три забитые шайбы и четыре голевые передачи (а открывал этот список Валерий Харламов с семью голами и восемью передачами). Так что на родину Александров возвращался если не главным героем, то, во всяком случае, и не аутсайдером.

13 января 1978 года, пятница, Москва, Неглинная улица

Вернувшись из турне по Америке, хоккеисты сборной СССР были распущены по домам. Правда, их отпуск длился не долго — спустя неделю должен был возобновиться чемпионат СССР, поэтому всем игрокам надлежало спустя несколько дней после прилета быть на своих базах. У ЦСКА первая игра должна была состояться 18 января в Москве с горьковским «Торпедо», а первая тренировка была назначена за день до игры. Но поскольку матч не обещал быть сложным (ЦСКА после 16 туров занимал 1-е место, а горьковчане 6-е, отставая от лидера на и очков), многие армейцы решили использовать это время максимально — отдохнуть по полной программе.

В этот пятничный день Александров проснулся после полудня у себя на Чапаевском и, наскоро перекусив, стал собираться в Сандуновские бани, где его ждали партнеры по команде. Он уже успел надеть дубленку, когда на столике в коридоре зазвонил телефон. Подняв трубку, Александров услышал голос Скурлатова:

— Здорово, Борис. Надо увидаться.

— Не могу, Леонтий Ильич — с ребятами договорился в Сандунах попариться.

— Банька — штука полезная, — одобрительно пробасил в трубку генерал. — Но я тебя долго не задержу. Давай через полчаса подъезжай к охотничьему магазину на Неглинной.

Александров знал этот магазин — он был как раз по пути в Сандуны. И хотя встречаться с генералом ему не хотелось, но и отказать он не мог — субординация не позволяла. Поэтому в точно обусловленное время хоккеист остановил свой «жигуленок» неподалеку от входа в магазин и заглушил мотор. В этот момент в приемнике диктор читал новости и сообщил, что американский певец Дин Рид прилетел в Москву, где ему была вручена медаль советского Комитета защиты мира. После этого сообщения зазвучала песня в исполнении награжденного — «Эль кантор», посвященная памяти чилийского певца Виктора Хары, убитого пиночетовцами во время военного переворота в сентябре 1973 года. Но не успел Александров погрузиться в музыку, как передняя дверца автомобиля открылась и на свободное сиденье уселся Скурлатов в шинели и папахе. Пожав хоккеисту руку, генерал без всяких предисловий спросил:

— Ты знаешь, что в понедельник собирается Федерация хоккея — будут рассматривать вопрос о Тихонове?

— На предмет чего? — поинтересовался Александров, убирая громкость в радиоприемнике.

— А то ты не знаешь — на предмет его соответствия занимаемой должности. Приз «Известий» профукали, а до чемпионата мира осталось всего три месяца.

— Зато в Японии и Америке все матчи выиграли, — напомнил генералу о результатах недавней поездки Александров.

— Это были товарищеские матчи, да еще с клубами ВХА — не самыми сильными. Одна команда, как я знаю, даже отказалась с вами играть.

Речь шла о команде «Хьюстон Аэрос», тренер которой заявил, что не видит смысла выводить свою команду на лед, заранее зная результат — сборная СССР была на голову сильнее его клуба. Короче, получилась бы не игра, а одно посмешище. Кстати, из-за этого не было ажиотажа и на другие матчи с участием советской сборной. Например, на матч с командой «Цинциннати Стингерс» пришел всего лишь 2571 зритель.

— Так что засунь эти матчи в одно место и не вынимай, — продолжил свою речь генерал. — На чемпионат мира канадцы привезут совсем другую команду — сборную, составленную из сильнейших игроков. Это будет не та команда, что приезжала в Вену

— того позора канадцы уже не допустят. А про чехов и вовсе говорить не приходится — они у себя дома кого хочешь порвут. Так что, если Тихонова оставить, нам в лучшем случае опять светит третье место.

— Никто его трогать не будет, он же не Федерацией поставлен, — выразил сомнение Александров.

— Тот, кто его поставил, уже локти кусает — поверь моему слову, — голосом, полным уверенности, сообщил Скурлатов. — Так что не долго Тихонову осталось верховодить. И я тебя, Борис, об этом предупреждал, но ты меня не послушал — не захотел со мной работать. Но я человек не обидчивый, поэтому предлагаю тебе снова идти под мои знамена — не пожалеешь.

— А если я снова откажусь? — после короткой паузы спросил Александров.

— Дураком будешь, — и генерал сел вполоборота к хоккеисту, чтобы видеть его лицо. — Ты пойми, чудило, ты Тихонову нужен постольку-поскольку. На днях Витька Жлуктов в команду возвращается, а это значит, что второе звено снова заиграет в прежнем составе. Чем это чревато для тебя? Хреновиной чревато, Боренька. Анисина, который все это время заменял Жлуктова, выведут из второго звена и отправят куда? Правильно, в третье звено, где играешь ты. А ведь Анисин может играть не только по центру, но и по краю. Значит, при любом удобном случае Тихонов может поставить его вместо тебя. И поставит, Боренька, помяни мое слово — ты же ему как кость в горле. Дерзкий, своевольный, неуживчивый — такие обычно в первую очередь и страдают.

— Тихонов меня в Америке хвалил, — продолжал гнуть свою линию Александров.

— Ну и что? Вчера хвалил, а сегодня из команды вытурит — это же для него обычное дело. Тебе к таким как я надо прислоняться — тогда и в команде останешься, и как сыр в масле будешь кататься. Мне такие ребята, как ты, всегда нравились.

Александров смотрел в боковое окно, где в январской метели спешили по своим делам москвичи, и мучительно размышлял о том, что только что услышал. Резон в словах генерала, конечно, был и хоккеист это прекрасно понимал. Но он знал и другое — Скурлатов был из тех людей, кто мягко стелет, но на его подстилке жестко спать. То есть, что Тихонов, что Скурлатов — для Александрова большой

разницы не имело. Оба они были не его поля ягоды, поэтому этот обмен был равносильным обмену шила на мыло.

— Нет, Леонтий Ильич, думайте обо мне, что угодно, но под ваши знамена я не пойду, — решил, наконец, на ответ Александров.

— Не поумнел, значит, за эти месяцы? — буравя хоккеиста взглядом, спросил генерал. — Ну, ладно — я три раза уговаривать не привык. Ты свой выбор сделал, так что не обижайся. Если тебя Тихонов из команды не вытурит, то это сделаю я. Ты мою натуру знаешь.

Сказав это, генерал вылез из салона, даже не попрощавшись.

13 января 1978 года, пятница, киностудия «Мосфильм»

Александров еще парился в бане, когда Скурлатов приехал на «Мосфильм», чтобы разыскать там Алексея Шлемова — друга хоккеиста. Он нашел его в 1-м речевом тонателе, где в эти самые часы проходило озвучивание фильма «Третья молодость», который в прокате получит другое название — «Женщина, которая поет». Главную роль в нем исполняла Алла Пугачева, а Шлемов был с боку припека — играл эпизодическую роль музыканта в ее ансамбле. Отработав свою смену, Шлемов сидел в глубине зала и наблюдал за тем, как работают Пугачева и ее тезка Алла Будницкая. В этот момент к нему подошла ассистент режиссера и сообщила, что его ждет в коридоре какой-то генерал. Удивленный этим сообщением, актер вышел в коридор и увидел Скурлатова, которого знал — они пару раз виделись на тех мероприятиях, куда актера брал с собой Александров. Но это было шапочное знакомство, поэтому Шлемов был в полном недоумении относительно того, зачем это генералу понадобилось разыскивать его, да еще на «Мосфильме». Но ситуация очень быстро прояснилась, поскольку Скурлатов торопился, поэтому не собирался тянуть кота за хвост и выложил перед актером все начистоту.

— Ты ведь любишь собутыльничать с Борькой Александровым? — спросил генерал, когда они вышли на лестничную площадку, где обычно курили сотрудники студии, но в эти минуты было безлюдно. — Значит, сделаешь так, как я скажу.

— Позвольте, но по какому праву... — начал было возражать актер, но генерал так зыркнул на него своими глазами, что у Шлемова слова застряли в горле.

— Ты мне поговори, малец — я тебя в бараний рог согну, — приблизив свое раскрасневшееся лицо к лицу актера, произнес генерал. — Ты ведь у нас белобилетник — от армии «косишь»? Так вот, если будешь поперек меня вякать, я твой билет засуну тебе в задницу и вместе с ним отправлю отдавать священный долг Родине куда-нибудь на Курилы. Хочешь на Курилы? Никита Михалков тоже не хотел, но мы его туда быстро «закатали» — даже именитый папа не помог. А у тебя, насколько я знаю, такого папы отродясь не было. Теперь понял, что я могу с тобой сделать?

Вместо ответа Шлемов проглотил, застрявший в горле ком, и кивнул головой. «Загреметь» в армию, да еще на Курилы, ему никак не улыбалось — на носу были съемки в очередном фильме. И пусть это снова был эпизод, но зато в картине знаменитого режиссера.

— Итак, слушай меня внимательно, Ляксей, — вновь обратился к актеру генерал. — Мне надо, чтобы ты в один из ближайших дней вытащил Александрова на очередную попойку. Когда это произойдет, я тебе сообщу отдельно за пару дней до этого. Задание несложное — справишься?

— Справлюсь, — поспешил ответить Шлемов, после чего спросил: — А если он не захочет?

— Значит, надо сделать так, чтобы захотел. Ты же ему друг как-никак — должен знать его слабые места. Надави на них, вот он и согласится.

— Я попробую, — кивнул головой актер.

— Да уж, ты постарайся — а то на Курилах сейчас очень холодно. А ты парень хлипкий, можешь дуба дать.

Сказав это, Скурлатов достал из внутреннего кармана расстегнутой шинели, записную книжку с авторучкой и записал домашний телефон Шлемова. После чего похлопал его по плечу и удалился, оставив актера в полном недоумении.

*30 января 1978 года, понедельник, Москва, Ясенево, Литовский
бульвар*

Александров проснулся от того, что у него сильно затекла правая рука, оказавшаяся у него под боком. Открыв глаза и высвободив руку, хоккеист какое-то время никак не мог сообразить, где он находится. И лишь только после того, как он осмотрелся в пустой комнате, до него, наконец, дошло, что он оказался в холостяцкой квартире его приятеля Алексея Шлемова в типовой девятиэтажке в Ясенево. Сюда Александров приехал вчера ночью, после того как они шумной компанией отпраздновали чей-то день рождения в ресторане Дома кино и затем приехали к Шлемову продолжать банкет. Причем Александров еще у Дома кино просил друга отвезти его домой, но в автомобиле вырубился и в итоге вместо дома на Чапаевском оказался в доме на Литовском бульваре. И вообще воспоминания у хоккеиста были обрывочные: он не помнил ни того, сколько их было в той компании, ни того, как долго они здесь куролесили. Не было понятно и куда теперь подевались все его собутыльники.

— Лешка, ты дома? — закричал Александров в надежде на то, что его друг, или кто-то еще, отзовется.

Но ответом ему была тишина — в квартире, кроме хоккеиста, никого больше не было. В этот миг взгляд Александрова остановился на часах, висевших на противоположной стене. Они показывали 8.50 утра. И тут хоккеиста будто током ударило: он вспомнил, что ровно в 10.00 с Ленинградского вокзала отправляется экспресс «Красная стрела», на котором его команда ЦСКА должна была выехать в Питер, где этим же вечером ей предстояло играть очередной матч чемпионата СССР — с местным СКА. То есть, в тот самый момент, когда его партнеры по команде уже наверняка находились на пути к вокзалу, он, Борис Александров, лежал нагишом в чужой постели и, что называется, и в ус не дул.

Едва эта мысль пронзила сознание хоккеиста, как он тут же вскочил на ноги и бросился натягивать на себя одежду, разбросанную по полу. Он вдруг отчетливо осознал, что именно в эти самые минуты решается его судьба. Ведь он отпросился у Тихонова под честное слово побыть пару дней дома, обещая приехать на вокзал своим ходом. И тренер его отпустил, памятуя о том, что Александров в последнее время вел себя без нареканий. Он прилежно тренировался и хорошо показывал себя в играх. Так, в первом же матче после месячного перерыва — 18 января, против горьковского «Торпедо», где ЦСКА

выиграл со счетом 9:2 — Александров забил две шайбы. Правда, уже в следующей игре, в Челябинске против местного «Трактора», Александров хоть и забил один гол, но затем был удален на 10 минут за недисциплинированное поведение. И ЦСКА тот матч проиграл 1:2. Но уже спустя три дня, играя против свердловского «Автомобилиста», Александров опять был на высоте. Сам голов не забил, зато с его передач это сделали его партнеры по звену: Анисин отметился двумя шайбами, а Викулов одной. Общий итог матча — 7:3 в пользу ЦСКА.

Наконец, Александров не подкачал и в принципиальном дерби с московским «Спартаком» в эту субботу, 28 января. Матч выдался на редкость напряженным. Хотя поначалу ничто не предвещало ЦСКА каких-либо неприятностей. И уже к 11-й минуте армейцы вели со счетом 5:1. Причем четыре последние шайбы были забиты ими в течение четырех (!) минут. А шестая из них была на счету Александра. Казалось бы, дело сделано. Но спартаковцы думали иначе.

Сначала Шалимов на 18-й минуте сократил разрыв в счете — 2:5. А спустя минуту отличился уже Кожевников — 3:5. А едва начался второй период, как спартаковец Баринев забил еще один гол — 4:5. И в матч вернулась интрига, которая не отпускала зрителей уже до конца игры.

Под занавес второго периода Петров снова увеличил разрыв в счете — 6:4. А на 52-й минуте Балдерис получил прекрасный шанс расставить все точки над «і» — пробивал буллит. Но не смог обыграть вратаря спартаковцев Дорощенко. Поэтому последние восемь минут игры «Спартак» отчаянно штурмовал ворота армейцев, надеясь уйти от поражения. Но ЦСКА, играя в три звена (в отличие от спартаковцев, у которых на лед выходило четыре пятерки), сумел отстоять свои ворота. Вот именно после этой победы, закрепившей лидерство ЦСКА в турнирной таблице, Тихонов и разрешил нескольким игрокам поехать после игры не в Архангельское, на армейскую базу, а по домам. Но с предписанием: вторичным утром 31 января явиться на Ленинградский вокзал, чтобы оттуда отправиться на игру со СКА. С командой, которая занимала последнее место в чемпионате, набрав всего 8 очков (у ЦСКА было 33).

— Все — вытурит меня Тиша из команды, как Сашку Гусева, — застегивая на ходу дубленку, вслух приговаривал Александров.

Речь шла о прославленном защитнике Александре Гусеве, который после матча в Свердловске 24 января позволил себе хватить «лишку» — выпил, обмывая победу. Тихонов в самолете это заметил и, по возвращении в Москву, отправил Гусева в Липецк — в команду СКА МВО. При этом на общем собрании коллектива, посвященном этому отчислению, генерал Скурлатов, недовольный тренерским решением, грозился найти на Тихонова управу.

— Гусев — выдающийся хоккеист, олимпийский чемпион и дважды чемпион мира! А вы его в запас? Да кто вам позволил?

На что Тихонов спокойно ответил:

— Вот я сейчас позвоню Юрию Владимировичу Андропову и он вам объяснит, кто мне это позволил.

И Скурлатов тут же стушевался. В запале он, видимо, забыл, кем именно был делегирован в ЦСКА Тихонов.

Помня об этой истории, которая произошла буквально на днях, Александров не сомневался — если уж Тихонов с самим Гусевым расстался в один присест, то с ним он это проделает за один щелчок пальцев.

Застегнув, наконец, дубленку, Александров повернул замок входной двери, но она... не открылась. Как оказалось, кто-то закрыл дверь на ключ с противоположной стороны. Кто это сделал было неизвестно: то ли сам хозяин квартиры, то ли кто-то из его вчерашних гостей, уходящих из дома последним. Но факт оставался фактом — выбраться из квартиры через входную дверь было невозможно. А время стремительно утекало.

Тогда Александров бросился к окну, выходящему во двор. Шлемов жил на втором этаже, причем прямо под окном намело целый сугроб, который мог бы сыграть роль мягкого настила, если бы хоккеист надумал прыгать вниз. Но Александров не решился этого сделать, опасаясь повредить ноги. А с такой травмой какой из него игрок? Нет, здесь надо было придумать что-то другое. И тогда он бросился в спальню. Рывком сорвав с постели простыню, Александров смотал ее в жгут и один конец привязал к батарее отопления. И только после этого вылез в окно и стал медленно спускаться вниз. Простыня оказалась длинной и позволила хоккеисту опуститься на приличное расстояние, после чего он отпустил ее и упал в сугроб. А через пару секунд уже вскочил на ноги и бросился в сторону Литовского бульвара.

Но в тот момент, когда он выбежал из арки, туда заворачивал белый «жигуленок», под колеса которого он едва не угодил.

— Ты что, мужик, совсем охренел? — выскочил из автомобиля мужчина в расстегнутой куртке.

И тут же осекся, узнав в виновнике произошедшего знаменитого хоккеиста:

— Ба, да это Борис Александров! — воскликнул мужчина, не веря своим глазам.

— Друг, выручай — на матч опаздываю! — бросился к нему хоккеист.

— Какой может быть матч утром? — удивился водитель «жигуленка».

— Он в Ленинграде будет, а до него еще доехать надо, — объяснил Александров. — Подбрось до Ленинградского вокзала, иначе хана мне.

— О чем речь — садись в машину! — и мужчина жестом пригласил хоккеиста занять место на переднем сиденье рядом с собой.

Спустя минуту они уже выезжали на бульвар, а потом взяли курс на Ленинский проспект, откуда вела прямая трасса до Комсомольской площади.

— Как же тебя угораздило на поезд опоздать? — поинтересовался водитель, который представился Павлом.

— Да вот, загулял малость в хорошей компании, — ответил Александров.

— Понимаю — у меня тоже однажды такое было. Только я не на поезд, а на самолет опаздывал. Но мне дозарезу на него попасть надо было, а ты ведь и сачконуть можешь — матч-то проходной. Ленинградцы-то как-никак аутсайдеры.

— А ты, я вижу, в хоккее разбираешься. Значит, должен понимать — нет для нас проходных матчей. От нас динамовцы всего на семь очков отстают. Так что прибавь газу, Паша.

И водитель последовал этому совету — увеличил скорость. После чего произнес:

— А ты, Борис, будь другом — открой бардачок и поставь, пожалуйста, свою роспись в моем блокноте. А то ребята на работе ни за что не поверят, что я самого Бориса Александрова на вокзал подвозил.

Именитый пассажир открыл бардачок и выполнил просьбу водителя. А спустя несколько минут у метро «Таганская», из какого-то переулочка, выскочила гаишная «Волга». Она пристроилась в хвост их автомобиля и из громкоговорителя на всю улицу разнеслось:

— Водитель белых «Жигулей, госномер 54–35, немедленно остановитесь!

— Вот влипши! — вырвалось у Павла, и он уже хотел было прижаться к тротуару.

Но Александр вцепился ему в руку и почти закричал:

— Не тормози, Паша, тогда мне точно крышка — опоздаю! Выгонит меня Тихонов из команды, как Гуся.

— Какого Гуся?

— Александра Гусева — он его из команды на днях отчислил.

— Самого Сашку Гусева? Что у вас в команде творится, едрена корень?!

Сказав это, Павел поддал газу, сразу оторвавшись от гаишной «Волги» на приличное расстояние. Но та вскоре тоже увеличила скорость и плотно села им на «хвост». И снова на всю округу разнесся суровый баритон из громкоговорителя:

— Водитель белых «Жигулей, немедленно остановитесь!

— Ох, и влипну я с тобой, Борис, в историю, — продолжая давить на педаль газа, причитал Павел. — Меня же прав лишат.

— Не лишат — ты им объясни, что самого Александрова на уходящий поезд подвозил.

— Да что им Александров — они же динамовцы. Вот если бы Сашку Мальцева подвозил или Валерку Васильева — тогда другое дело.

— Тогда вали все на Мальцева, а я, если милиция «пробивать» его будет, все ему объясню.

В этот момент «жигуленок» проскочил поворот у метро «Лермонтовская», откуда до трех вокзалов было рукой подать. Спустя еще несколько минут они свернули под мост и выехали на Комсомольскую площадь. Александров сунул Павлу в руку два червонца и чуть ли не на ходу выскочил из автомобиля. В этот миг на часах было без двух минут десять. Александров бежал через площадь и молил бога, чтобы отправление поезда задержали хотя бы на несколько минут. Но бог его не услышал. Когда хоккеист выскочил на

платформу, он увидел вдалеке хвост своего поезда, который набирал скорость, увозя в Ленинград хоккейную команду ЦСКА, но без одного игрока — Бориса Александрова. И, глядя на уходящий вдаль состав, хоккеист внезапно осознал, что с этого момента в его жизни, кажется, начинается очередная черная полоса.

Часть третья. Пражская битва

4 марта 1978 года, суббота, Кунцевская больница

Андропов, одетый в больничную пижаму, лежал в кровати и смотрел телевизор. В Кремлевку шеф КГБ попал не случайно — это было плановое профилактическое мероприятие, должное улучшить самочувствие Андропова. Еще в середине 60-х врачи 4-го Главного управления поставили ему диагноз: тяжёлая гипертоническая болезнь, осложненная инфарктом миокарда. Но потом выяснилось, что на самом деле у него альдостеронизм — заболевание, связанное с повышенной продукцией гормона альдостерона. Андропову было назначено лекарство — препарат альдактон, снижающий содержание этого гормона. После чего у больного нормализовалось артериальное давление и восстановились до оптимальных показатели электрокардиограммы. Но осталась другая проблема — подагра, которой Андропов страдал несколько десятилетий. Чтобы она не привела к полной деструкции обеих почек и полному сокращению их функции, врачи рекомендовали больному периодически ложиться в ЦКБ на несколько дней, чтобы провести курс необходимых инъекций.

Андропов лежал в отдельной комфортабельной палате, где были все удобства: душевая, туалет и даже импортный телевизор с пультом дистанционного управления. Причем ему специально установили телевизор фирмы «Грюндиг», где канал управления был инфракрасным. Эта новинка появилась на свет всего три года назад и почти сразу оказалась у шефа КГБ. Именно этим пультом он в эти минуты и пользовался, лежа в кровати и отложив в сторону документы, которые ему утром принес его помощник. По телевизору шел детский фильм про мальчишек, играющих в хоккей — «"Тигры" на льду». Никогда ранее не видевший этой ленты, Андропов решил остановить на нем свое внимание, тем более, что на три часа дня у него была назначена встреча с полковником Эрнестом Спрогисом, посвященная именно хоккейным делам.

Фильм был в самом разгаре, когда в дверь палаты постучали. Это был Спрогис. В руках он держал свой неизменный чемоданчик типа «дипломат», где у него лежали документы, подготовленные для передачи Андропову. Хотя пришедший прекрасно знал, что шеф любит сначала выслушать собственное мнение докладчика, а уже потом знакомиться с документами.

Присев на стул возле постели Андропова, гость поставил дипломат у своих ног и взглянул на экран. Там главные герои фильма гоняли шайбу на детской дворовой площадке.

— Видите, Эрнест Леонардович, специально к вашему приходу я попросил товарища Лапина показать по телевидению фильм про хоккей, — глядя из-под очков на полковника, сообщил Андропов.

— Товарищ Лапин мог бы показать кино и посерьезнее — например, «Хоккеистов», — поддержал шутку шефа Спрогис.

— Ваш намек понял, — и Андропов, нажав на пульте кнопку, выключил телевизор, готовый к разговору.

— Генерал Скурлатов снова собирает оппозицию против Тихонова, — сообщил Спрогис. — На днях снова встречался с руководством Федерации хоккея, а вчера был у Соколова.

Речь шла о новоиспеченном (с 18 февраля 1978 года) маршале Сергее Соколове — первом заместителе министра обороны Дмитрия Устинова. Именно Соколов отвечал за спортивный сектор в Минобороны.

— Никак нейдет Леонтию Ильичу, — покачал головой Андропов. — На что же он рассчитывает? Ведь именно вчера Тихонов ЦСКА чемпионом сделал!

Андропов имел в виду то, что после вчерашней гостевой победы над свердловским «Автомобилистом» 9:3 московские армейцы досрочно стали чемпионами страны. Причем их отрыв от второй команды — московского «Динамо» — составил целых 16 очков (50 против 34). Такого еще никогда не бывало.

— А знаете, что Скурлатов у Соколова заявил? Что ЦСКА и без Тихонова взял бы это «золото», — сообщил Спрогис. — Дескать, вот пражский чемпионат — другое дело. А там генерал прочит Тихонову полный разгром.

— Это почему? — удивился Андропов.

— Упирает на то, что в нашем чемпионате исчезла интрига — все команды заранее ложатся под ЦСКА. На этой почве проверить боеспособность наших сборников по-настоящему трудно — у них нет хорошей игровой практики.

— Так врет же, мерзавец, — воскликнул Андропов. — Как это исчезла интрига? Только за последние три недели ЦСКА с трудом выиграл у «Химика» и рижского «Динамо», сыграл вничью с «Динамо» московским. Ну, да, обыграл крупно ленинградский СКА и свердловский «Автомобилист». Но они же аутсайдеры!

— Генерал на отрыв упирает — на 16 очков ЦСКА обошел ближайшего конкурента, а это рекорд для нашего хоккея.

— Так чемпионат еще не закончился, — напомнил Андропов. — Не дурак же Тихонов — прислушается к голосу общественности, сбросит пару-тройку очков на финише.

— Но в Праге так играть очками не получится, — заметил Спрогис. — И Скурлатов это прекрасно знает — потому и мутит воду. И сторонники у него по-прежнему есть, которые спят и видят, как бы Тихонова обратно в Ригу отправить. После приза «Известий» у них не получилось, так они теперь на Прагу нацелились. Знают, что и там у них невольные союзники есть.

— И как эти союзники себя ведут? — поинтересовался Андропов.

— Так же активно, как здесь Скурлатов. Наши коллеги из «леса» (так в КГБ называли сотрудников внешней разведки, трудившихся в лесном массиве в Ясенево) поделились информацией, что их человек в Чехословацком хоккейном союзе располагает сведениями о том, что чехи подключили к сбору информации о планах нашей сборной своих людей из спортивных кругов, а также из СТБ. Мне кажется, самое время нацелить наших людей в представительстве КГБ в Чехословакии на более активный сбор собственной информации о планах руководства СТБ.

— Можете считать, что они уже нацелились, — прервал плавную речь докладчика Андропов.

— Также известно, что на все матчи нашей команды чехи уже начали активно распространять билеты среди студенчества, — продолжил свою речь Спрогис. — Зная о том, какие антисоветские настроения царят в этой среде, можно легко предположить, что делается это не случайно. Чехи хотят, чтобы на матчах нашей команды

на трибунах царила нездоровая обстановка, которая должна помешать нашим ребятам победить. Есть сведения, что на отдельных матчах готовятся провокации.

— Опять будут крыс выпускать? — спросил Андропов.

Он имел в виду историю, когда во время игры сборной СССР и ЧССР, кто-то из зрителей выпустил на лед крысу, выкрашенную в красный цвет. Поймали ее не сразу, поэтому можно себе представить, какой ажиотаж царил во Дворце спорта. Причем все это время с трибун неслись антисоветские выкрики, раздавался дружный хохот и свист.

— Про крыс пока ничего не известно, но, полагаю, что и без них чехи могут придумать нечто не менее резонансное. Нацеливают они на это и свою печать. Известно, что ряд изданий собирается поместить на обложках фотографию сборной ЧССР по хоккею образца 1969 года, которая, как вы помните, дважды обыграла нашу сборную на чемпионате мира.

Андропов и в самом деле хорошо помнил те события. На том турнире чехи обыграли советских хоккеистов со счетом 2:0 и 4:3. Именно после окончания последнего матча произошел знаменитый «расстрельный» эпизод: игрок сборной ЧССР Ярослав Холик упал на лед и, имитируя клюшкой автомат, направил ее в сторону скамейки сборной СССР и начал... «расстреливать» советских игроков вместе с их тренерами. Ряд других игроков сборной ЧССР совершили не менее показательное действие: упали на лед и принялись его... целовать. А потом почти вся команда ЧССР отказалась пожать руки советским хоккеистам. Подобных демаршей первенство мира еще не видало.

В те же самые часы на Вацлавской площади в Праге тысячные толпы праздновали победу своей сборной. Молодежь размахивала антисоветскими лозунгами, распевала такие же песни. Наэлектризованная часть толпы в ту же ночь разгромила представительство советской авиакомпании «Аэрофлот». А когда чехословацкая сборная вернулась на родину (турнир проходил в Швеции), их там встречали как настоящих героев тысячи болельщиков. Поэтому можно было себе представить, во что грозила вылиться победа сборной ЧССР у себя дома в мае этого года.

— По поводу фотографий на обложках надо выйти с рекомендациями в наш Центральный Комитет, чтобы оттуда связались

с Чешским управлением по печати, — быстро отреагировал на слова докладчика Андропов. — Составьте мне надлежащий документ, а я передам его в ЦК.

— Уже составил, — сообщил Спрогис и сделал жест рукой в сторону своего «дипломата».

После чего продолжил:

— Есть предложение принять контрмеры против действий чехословацких болельщиков — увеличить квоту на поездку на чемпионат наших болельщиков. Пусть тоже обеспечат наших ребят соответствующей звуковой поддержкой.

— Отличное предложение, — вновь согласился с докладчиком Андропов. — Сколько наших болельщиков уже собирается отправиться в Прагу?

— Порядка пятисот.

— Значит, к ним должно присоединиться еще столько же. И пусть ходят на каждый матч и дерут горло не хуже чехов. Судя по всему, у вас и этот документ уже готов?

Увидев улыбку на губах Спрогиса, шеф КГБ не стал больше ничего уточнять.

— Спорткомитет вместе с ЦК подготовил план мероприятий для наших хоккеистов в Праге, — после короткой паузы возобновил разговор Спрогис. — Согласно ему, наши ребята посетят несколько пражских предприятий, пройдут в колоннах демонстрантов на манифестациях 1 и 9 мая.

— Пусть пройдут, — как-то невесело произнес Андропов. — Только пока наши ребята флагами машут, их чехословацкие коллеги точат на них зубы.

Под конец аудиенции, которая продлилась еще полчаса, Андропов, принимая документы от полковника, спросил:

— Что-то в ЦСКА в последних играх не видно Бориса Александрова. У него что — травма?

— Нет, он опоздал на игру с ленинградским СКА и Тихонов отправил его на «перековку» в молодежную команду ЦСКА.

— Что же такое происходит с этим парнем? — искренне удивился Андропов — Вечно он попадает в какие-то истории! Получается, он и в сборную не попадет?

— Какая уж теперь сборная после «молодежки»? — развел руками Спрогис. — Более того: его даже во вторую сборную не возьмут.

— А кого конкретно Тихонов наметил пригласить в сборную? — задал очередной вопрос Андропов.

— Три пятерки уже известны: это две армейские — харламовская и жлуктовская — и одна наша, динамовская, где сыграют Васильев, Первухин, Мальцев и братья Голиковы. А вот четвертое звено будет обкатываться на товарищеских играх в Скандинавии в начале апреля.

— Из каких кандидатов?

— Из разных, Юрий Владимирович. Там и Лебедев из «Крылышек», и Николай Макаров из «Трактора», и Шадрин из «Спартака», и даже Емельяненко из рижского «Динамо». Есть там и один наш московский динамовец — Билялетдинов.

— Действительно, разномастная публика, — и по губам Андропова пробежала едва уловимая улыбка. — И все-таки жаль, что среди них нет Александрова — нам такие боевые ребята в Праге очень бы пригодились.

— Так, может, сказать об этом Тихонову? — оживился Спрогис, которому этот игрок тоже нравился.

Андропов ответил не сразу. Бросив папку, переданную ему гостем на прикроватную тумбочку, он выдержал некоторую паузу, после чего ответил:

— Нет, не надо. Не стоит давить на Виктора Васильевича в столь деликатном деле. Если он так решил, значит, все тщательно взвесил. Он должен чувствовать себя хозяином положения, а иначе ему будет трудно нацеливать себя, да и всю команду, на победу.

11 марта 1978 года, суббота, Москва, Дворец спорта ЦСКА и ресторан Аэровокзала

Борис Александров шел по коридору подтрибунного помещения, направляясь в раздевалку. Только что закончилась двухсторонняя товарищеская игра молодежного состава ЦСКА, где он провел на льду весь матч и забил шесть шайб. Собственно, ему, олимпийскому чемпиону, сотворить на льду два хет-трика было несложно, учитывая,

что он играл против семнадцатилетних безусых пацанов, которые чуть ли не в рот ему смотрели. И хотя сам он был старше их всего лишь на пять лет, но по меркам хоккейного времени это был внушительный разрыв. Если всего лишь через пять лет его карьера в большом хоккее должна была закончиться, то для этих ребят она обещала быть в самом разгаре.

До раздевалки оставалось всего лишь несколько шагов, когда Александрова сзади кто-то окликнул. Он обернулся и увидел журналиста Егора Красовского. Того самого, которого он послал в нокаут за его чрезмерную настойчивость и хамское поведение по отношению к женщине. Но теперь все эти события настолько далеко ушли от Александрова, что он не стал ворошить прошлое и задал простой и естественный вопрос:

— Какими судьбами, товарищ журналист, вас занесло в эти края?

— Хотелось посмотреть уникальный хоккей: как олимпийский чемпион Борис Александров играет против юношей, — расплываясь в улыбке, ответил Красовский.

— Ну, и как впечатления?

— Нет слов: шесть шайб — это впечатляет!

— Приходи еще, я специально для тебя десять «отгружу».

— Не сомневаюсь — детишкам можно и все двадцать «отгрузить».

— Небось, в своей газетке про меня пропишешь? Дескать, олимпийский чемпион играет против детишек.

— Это проходное событие — мы до такого не опускаемся. Вот чемпионат мира это другое дело. Но тебя ведь туда не возьмут.

Александров хотел было ответить журналисту на его колкость, но вдруг передумал и собирался уже продолжить свой путь в раздевалку. Но Красовский его остановил:

— Тебе одна девушка просила привет передать. Вот я передаю.

— Анжела? — Александров снова повернулся к журналисту. — Как ее дела?

— Нормально — замуж собирается. Но на свадьбу не зовет по понятным причинам — ни меня, ни тебя.

Александров на секунду задумался, а потом внезапно предложил:

— Такое событие не грех бы и отметить. Не составишь компанию?

— Я? — брови Красовского взлетели вверх — он явно не ожидал такого предложения.

Но быстро пришел в себя и в свою очередь спросил:

— А как же твой режим?

— За моим режимом Тихонов следил, а теперь некому. Хоть в чем-то, но я выиграл.

Спустя час они уже сидели в ресторане Аэровокзала и пили водку за счастливое семейное будущее Анжелы Беловой. Причем, прежде чем налить хоккеисту полную рюмку, Красовский спросил:

— Может, ты лучше «Боржоми» выпьешь, чтобы не угодить в очередную историю?

— За молодоженов принято пить водку, — ответил Александров. — К тому же мне терять уже нечего — ни в одну из сборных меня не берут, так что хуже не будет.

— А если тебя из ЦСКА турнут?

— Дальше Липецка все равно не сошлют — за СКА МВО играть. Туда, кстати, Сашку Гусева сослали.

— За что, если не секрет?

— За то, что Тихонову «старички» с собственным мнением не нужны. Впрочем, ему и молодежь нужна такая, которая смотрит в рот.

— Значит, если ему приспичит, он и харламовскую тройку турнет, не моргнув глазом?

— Без проблем, — опрокидывая очередную рюмку, кивнул головой Александров. — У него из этой тройки хуже всего отношения с Петей складываются.

— С каким Петей? — удивился Красовский.

— Это мы так Петрова зовем. Он мужик с характером, вот и нашла коса на камень.

— Но их-то он в сборную берет.

— А куда он денется — без них сборной просто каюк настанет. Ведь вторая тройка его надежд не оправдала. Я имею в виду Балдериса, Жлуктова и Капустина.

— Я тоже заметил, что Балдерис в Риге лучше играл — как бабочка по льду порхал. А в ЦСКА почти не летает.

— Потому что в Риге он был первый парень на деревне, а здесь всего лишь «один из».

— А может, у него с ребятами отношения не складываются?

— Нормальные у него отношения. Просто прежнего куража уже нет. Да и Серега Капустин через не могу играет. Кулагин ему был как отец родной, не то что Тихонов.

— Он и твою тройку по ветру пустил — Викулов с Анисиним и Волчковым играет, а Лобанов с Варнаковым и Поповым. Но проку от этого все равно никакого — блеклые тройки получились. Лобанов после твоего ухода всего одну шайбу забил в одиннадцати матчах. Да и Анисин уже не тот.

— Мишка Варнаков, как и Балдерис, сбежать хочет — только не в Ригу, а к себе в Горький, — сообщил Александров. — Поэтому играет через силу. А Лобан без меня и, правда, сник. Короче, гробит Тихонов команду потихоньку.

— А может, его для этого и поставили — чтобы ЦСКА угробить? — предположил Красовский. — Он же динамовский.

— Дурила, он же чемпионат выиграл, — напомнил Александров. — Я имею в виду дух армейский пустит под корень. Тот, который Тарасов воспитал, а Локтев продолжил.

— Так и я о том же — без духа какая команда долго протянет? Вон Черенков со «Спартаком» что сделал — при Карпове одна команда была, чемпионом стала, а теперь одно посмешище. Их даже в сборную почти никого не берут — вот до чего докатились.

— Помяни мое слово, турнут Черенка из «Спартака» с большим скандалом — сами игроки и турнут, — высказал предположение Александров. — Мне об этом еще покойный Владик Найденов намекал. Кстати, давай помянем парня — наливай!

И они снова выпили, но уже не чокаясь рюмками.

— «Спартак», мне кажется, намеренно матчи «сливает», чтобы Черенка уже сейчас турнули, — закусив выпитое балыком, заметил Красовский. — Сначала ЦСКА 1:5 уступил, а позавчера «Химику» 3:7. Думаю, он и дальше эту линию продолжит и скатится на какое-нибудь восьмое место.

— Не бойся, вылететь ему не дадут — за него в Политбюро Черненко болеет, — успокоил журналиста Александров.

— А как ты думаешь, в последних турах кто кому очки раздавать начнет?

— Те, кто места с четвертого по восьмое занимает — те и начнут. Обычно ничейки «гоняют».

— А ЦСКА в этом участвует?

— А почему бы и нет? Ведь ничья это не проигрыш — по очку каждому, и разбежались.

— Слушай, у меня с собой хоккейный справочник есть — посмотри, кто с кем вничью сыграет, — и Красовский достал из кармана пиджака ежегодник «Хоккей 1977/1978».

— А ты случайно в тотализатор не играешь? — спросил Александров, но справочник в руки взял и начал листать.

Открыв его на нужной странице, он вскоре сообщил:

— Горьковчане принимают у себя московских динамовцев. Последним очки уже не нужны, поскольку «серебро» у них в кармане, значит, вполне могут сгонять вничью. Как и мои партнеры по ЦСКА, играющие с «Химиком», которому до зарезу пятое место необходимо. Так что лишнее очко им в копилке не помешает. Далее кто у нас идет? Свердловский «Автомобилист», которому очки уже вообще не нужны. Он может проиграть, а может и вничью сыграть с тем же «Трактором», который вряд ли в этом году возьмет «бронзу» — хватит с него и прошлого раза.

— Думаешь, не дадут?

— Я же говорю, что хватит. «Бронзу» должны «Крылышки» взять — за них тоже есть кому наверху порадеть.

— А как вообще матчи сдаются? — забирая назад справочник, спросил Красовский.

— Так я тебе все и рассказал, журналюга, — усмехнулся Александров. — Ты потом возьмешь и тиснешь мою фамилию в какой-нибудь статейке. Нет уж, много будешь знать — скоро состаришься.

Понимая, что здесь ему больше ничего не светит, Красовский спрятал справочник в карман.

— Послушай, Борис, а тебе ведь во время чемпионата мира за чехов надо болеть, — возобновил разговор журналист, когда они выпили еще по рюмке и закусили осетриной. — Если наши в третий раз проиграют, то Тихонова однозначно снимут с руководства и сборной, и ЦСКА.

— Может и снимут, только я не гад последний, чтобы за чехов болеть, — пытаюсь подцепить вилкой салями, ответил Александров. — Они нас ненавидят, а я должен за них болеть? Да я лучше за СКА МВО

играть буду. Или за тот же «Бинокор», куда меня недавно один узбек зазывал.

— Как-то не солидно тебе, олимпийскому чемпиону, до таких команд скатываться, — усмехнулся Красовский.

— Знаешь, как у нас в Устинке на этот счет говорят? «Намажь на свое солидно из говна повидло». Я вон с юношами в одной команде играю, а ты меня «Бинокором» пугаешь. Отличная, кстати, команда. И вообще, я с казаками играл, почему бы и с узбеками не попробовать? Может, они со мной, наконец, в высшую лигу выйдут. Вот тогда я покажу этому Тихонову, кто есть такой Борис Александров.

И он снова подвинул пустую рюмку к журналисту, чтобы тот не забывал о своей сегодняшней функции — разливать из графина водку.

16 марта 1978 года, четверг, Прага, парк Летна

Врач-массажист сборной Чехословакии по хоккею Карел Свозил оставил свою «Шкоду» на набережной и отправился пешком в парк Летна. Светило по-весеннему теплое солнце, поэтому Свозил растянул на своей ветровке молнию. В эти дневные часы в парке было не очень многолюдно, что отвечало планам массажиста — лишние глаза ему были не нужны. Пройдя по центральной дорожке, он свернул на одну из аллей, где вскоре заметил на скамейке мужчину, который листал свежее субботнее приложение к газете «Руде право» — «Гало собота». Это был условный знак, обговоренный заранее.

Поравнявшись со скамейкой, Свозил присел рядом с мужчиной и спросил:

— Давно сидите?

— Представьте себе, успел уже вкратце пролистать всю газету.

— Надеюсь, это доставило вам несколько приятных минут.

— Вряд ли газета может обрадовать меня настолько, насколько это можете сделать вы. Итак, чем порадуете?

— В команде появился известный психолог Яромир Губачек из Карлова университета, — сообщил Свозил, откидываясь на спинку скамейки и закуривая сигарету. — Собирается испытать на игроках какую-то новую методику.

— Это не тот Губачек, который год назад работал со сборной Чехословакии на чемпионате Европы по футболу, когда она взяла золотые медали? — спросил мужчина.

— Он самый, — подтвердил услышанное Свозил, пуская струю дыма в воздух. — Вы помните ту игру в финале с немцами? 2:2 в основное время и 5:3 по пенальти? Феерия, а не матч!

— Нас волнует другое — чтобы такая же феерия не случилась этой весной в играх против нашей сборной.

— Бойтесь повторить фиаско приза «Известий»? — по губам Свозила пробежала легкая улыбка. — Правильно бойтесь — наша сборная всерьез готовится сделать хет-трик и отнять у вас «золото» в третий раз.

— Вы, кажется, забыли, на какую из сторон вы работаете? — закрывая газету, произнес мужчина.

— Ничего я не забыл. Просто, работая на вас, я все равно болею за сборную своей страны. Разве это возбраняется по условиям моей подписки?

— Не возбраняется — болейте на здоровье. Только и дело своё тоже знайте. Что за новые методики у этого Губачека?

— Не знаю. Но я могу их вам достать — он оставляет свой портфель в нашей раздевалке, когда уходит на занятия.

— Это не рискованно?

— Конечно, рискованно! Но ведь за риск вы платите мне хорошие деньги, на которые я содержу своего сына.

Собеседник Свозила был прекрасно осведомлен о том, что после того, как у врача от рака умерла жена, ему приходилось в одиночку воспитывать сына-подростка Франтишека. Поэтому он спросил:

— Как его успехи?

— Спасибо, все замечательно. Франека перевели в молодежный состав «Спарты» на позицию левого нападающего. Он ведь во всем хочет подражать своему кумиру — Владимиру Мартинцу.

— Кстати, о последнем, — встрепенулся собеседник Свозила. — Как его функциональные возможности — к Праге он достигнет пика своей формы?

— В этом нет никаких сомнений, — уверенно ответил врач.

— А состав команды тренеры не собираются обновлять?

— Я думаю, что на этом чемпионате сыграет еще старая сборная — силы у ребят пока есть.

— Эти силы ничем не стимулируются? Я имею в виду анаболики, — и русский выразительно посмотрел на собеседника...

— Еще рано говорить об этом — мы еще не проводили биохимический контроль крови у сборников. Но если выяснится, что команда замученная, то тогда вполне вероятно ей пропишут десятидневный курс анаболиков.

— Обнаружить их будет можно?

— Можно, только кто будет этим заниматься — чемпионат-то домашний.

— Ничего, мы найдем выход из положения, вы только дайте нам знать заранее, — заметил русский. — Кстати, эти анаболики увеличивают агрессию?

— Вполне вероятно, хотя я таких исследований не проводил.

— Но ваше личное мнение какое?

— Положительное. Причем наряду с агрессией присутствует такая вещь, как отсутствие страха. Но это все частности, которые меркнут перед более глобальными проблемами.

— Например? — насторожился русский.

— У нас на подходе молодежь, которая не только талантливая, но и антисоветски настроенная. Это, увы, непреложный факт — молодежь вы упустили.

— Мы или все-таки вы? — удивился мужчина.

— Сути дела это не меняет. Даже мой 13-летний сын испытывает к Советам весьма сложные чувства. А многие его сверстники и вовсе вас ненавидят. Пройдет еще семь-десять лет и эта молодежь выйдет на площадь так же, как это сделали ее предшественники в 68-м.

— Что же вы не воспитали сына в почтении к стране, которая спасла ее от фашизма?

— Это было давно, а «Пражская весна» — недавно. Всего лишь десять лет в этом году будем отмечать.

— Ну, хорошо, вернемся к нашим баранам, — прервал дискуссию собеседник Свозила. — Ближе к чемпионату мира нам нужно иметь функциональные характеристики на всех игроков чехословацкой сборной. Это возможно?

— Вполне, — кивнул головой врач. — Но вас не только это должно беспокоить.

Поймав на себе вопросительный взгляд собеседника, Свозил продолжил:

— На днях в Москву собирается приехать один из помощников наших тренеров — Яромир Црна. Догадываетесь зачем?

— Будет собирать данные об игроках нашей сборной?

— Вот именно. Так сказать, мое альтер эго.

— Спасибо за информацию. И не забудьте, пожалуйста, то, о чем я вас просил.

Сказав это, мужчина передал газету Свозилу, а сам поднялся с лавки и неторопливо зашагал к выходу из парка.

*20 марта 1978 года, понедельник, Прага, особняк СТБ на
Тхуновской, 182/9*

Это здание в старой части Праги (в 200 метрах от Пражского града) в XVI веке принадлежало ювелиру Варфоломею Шелберту, а в 50-е годы перешло в ведение чехословацкой госбезопасности — его использовался для слежения за посольствами Ирландии и Великобритании. Спустя два десятилетия СТБ стала проводить в этом особняке свои конспиративные встречи с агентурой высшего эшелона. К последней относился и Милан Затопек — зампред Чехословацкого хоккейного союза, который работал на СТБ с конца 60-х.

В «особняке Шелберта» Затопек бывал неоднократно, поэтому чувствовал себя там вполне уютно. Да и своего куратора, полковника Гавлика он знал давно и испытывал к нему вполне дружеские чувства, которые, впрочем, нисколько не мешали их рабочим отношениям. Вот и в этот день, встретившись в одном из кабинетов особняка, они, как обычно, налили себе по чашке горячего кофе и, удобно расположившись на мягком кожаном диване, обсуждали ситуацию, которая складывалась в чехословацких хоккейных кругах в преддверии чемпионата мира.

— Мне кажется, мой шеф слишком осторожничает и пытается усидеть на двух стульях, — размешивая ложкой сахар в чашке, произнес Затопек.

— У тебя есть что-то конкретное на него или это, как всегда, лишь предположения? — насторожился полковник.

— Позавчера я зашел в его кабинет и застал его за разговором по телефону. Увидев меня, он стушевался, попрощался с телефонным собеседником и положил трубку.

— Ну, и что здесь удивительного?

— Ничего, если не брать во внимание тот факт, что человек, с которым он разговаривал, был русским.

— С чего ты это взял?

— Секретарша Непела проболталась, когда я вышел от шефа. По ее словам, это был Максимов из «Совинтерспорта».

— Это мог быть вполне деловой разговор, — предположил полковник.

— Тогда почему он его прервал, едва я появился в кабинете? Уж я своего шефа давно знаю — от меня у него никогда не было секретов. А в последние несколько недель они вдруг появились.

Выслушав Затопека, полковник залпом выпил свой кофе и поставил пустую чашку на журнальный столик, стоявший рядом с диваном. После чего произнес:

— Хорошо, мы поставим твоего шефа на «прослушку» и выясним, что за секреты у него появились. Хотя лично я сомневаюсь в том, что он имеет какие-то контакты с русскими помимо служебных. До этого у нас к нему не было претензий.

— Как говорили древние: все течет, все меняется, — Затопек тоже допил свой кофе и поставил чашку на столик.

Историю со звонком он сочинил от начала до конца. Его целью было скомпрометировать собственного шефа перед СТБ. Ведь в ходе «прослушки» могло вскрыться всякое: пусть и не контакты Непела с русскими, но что-то другое, не менее нелicenseприятное. И тогда именно он, Затопек, был первым претендентом на то, чтобы занять место своего шефа.

— Ты имей в виду, что не только ты не сводишь глаз с Непела, но и кое-кто не сводит их с тебя, — закуривая сигарету, возобновил разговор Гавлик.

— Кто-то написал на меня донос?

— Донос не донос, но сигналы поступают. Ты что, думаешь, у тебя перевелись недоброжелатели? Нет, дорогой, в преддверии

чемпионата они только увеличились.

— Я всегда надеялся на то, что ваша поддержка мне поможет. Все-таки мы не первый год вместе работаем.

— У русских много своих людей в ваших структурах, а за этими людьми стоят еще более высокие люди из нашего СТБ. Короче, не мне тебя учить разбираться в ситуации.

Затопок прекрасно понимал, о чем идет речь. Если даже в высшем чехословацком руководстве шла подковерная борьба просоветских и антисоветских сил, то что было говорить о низших звеньях руководящего аппарата, где у каждой из этих группировок имелись свои сторонники. Например, та часть СТБ, которую представлял полковник Гавлик, опиралась на председателя правительства ЧССР Любомира Штроугала. А с тем враждовал клан словака Алоиса Индры, который возглавлял Федеральное Собрание Чехословакии. Вообще, это были давние разборки — между чехами и словаками. Кстати, у Непела жена была словачкой, что часто педалировалось Затопекком в его отношениях с СТБ.

— Вчера к нам в союз пришел запрос из Цюриха — просят назвать имена двух наших людей, кто войдет в состав антидопинговой комиссии, которая будет обслуживать чемпионат мира, — сообщил Затопок.

— И кого вы выбрали?

Вместо ответа Затопок достал из кармана пиджака сложенную вчетверо бумагу и передал Гавлику. Тот развернул ее и прочитал написанные имена. После чего снова спросил:

— Это мнение Непела?

— Именно — он лично отбирал этих людей.

— Думаю, с одним он ошибся, — сообщил Гавлик, пряча бумагу в карман, — Мы позаботимся о том, чтобы он сам отвел свою кандидатуру, а ты предложишь своему шефу другого человека — того, которого назову тебе я. В антидопинговой комиссии должны быть люди, которые не будут смотреть русским в рот. А не то случится то же, что было в Инсбруке после игры наших с поляками.

— Мы же проводим чемпионат у себя дома, чего нам особенно боятся? — удивился Затопок.

— Ты забываешь, что русские не дураки и наверняка просчитывают эту ситуацию. Ведь в Инсбруке Поспишила поймали не

случайно — явно с подачи русских. Узнали, что у него грипп и что лечат его кодеином. Дальнейшее дело техники. На этот раз они тоже могут придумать нечто оригинальное.

— Например?

— Перестанут давать своим игрокам стимуляторы за пару недель до чемпионата, чтобы пробы были чистыми. А нас подставят, зная о том, что мы, как хозяева чемпионата, можем расслабиться. Ведь перебегать русских без применения анаболиков вещь практически невозможная.

— Тогда какой прок в двух наших людях в антидопинговой комиссии?

— Действительно, небольшой. Поэтому надо искать подходы к председателю комиссии. И над этим мы как раз сейчас и работаем. А ты переговори со своим шефом — пусть встретится с тренерами нашей сборной и объяснит им ситуацию.

И Гавлик выразительно посмотрел на собеседника. После чего спросил:

— У тебе еще что-то есть мне сообщить?

— Шеф поручил мне заняться обустройством хоккейных делегаций на чемпионате мира. Русских опять будем селить в «Интернационале» или есть иные варианты?

— Зачем же изменять старым правилам? — улыбнулся Гавлик, пуская дым изо рта. — К тому же этот отель так нравится их новому тренеру Тихонову. В каждый свой приезд он останавливался именно в нем и любил по утрам совершать пробежки на стадионе «Дукла». Пусть это продолжится и дальше.

Затопок все понял. Некоторые номера в отеле стояли на «прослушке» СТБ — видимо, это относилось и к номеру, где любит останавливаться Тихонов. Ведь разговоры, которые он может вести в своем номере с тренерским штабом во время мирового первенства, могут представлять несомненный интерес для тех, кто не хочет допустить, чтобы русские на этом турнире победили.

— Значит, и водителя автобуса, который возил русских в прошлом году на «Руде право», тоже оставляем? — поинтересовался Затопок.

— А вот это нет, — возразил полковник. — У этого водителя дядька влип в историю — публично осудил «Антихартию».

Речь шла о петиции, которая родилась в недрах чехословацкой власти в январе прошлого года, как ответ на «Хартию-77» — диссидентское воззвание, подписанное 242 оппозиционно настроенными деятелями, которые требовали расширения в Чехословакии гражданских свобод. Антихартию подписали 76 народных артистов (в их числе были певец Карел Готт, певица Хелена Вондрачкова и др.), 360 заслуженных и семь тысяч обычных.

— Если мы оставим этого водителя за рулем русского автобуса, то можем навлечь на себя лишние претензии русских, — продолжил свою речь Гавлик. — А нам это внимание ни к чему. Кстати, имей в виду — никаких контактов с членами «Хартии-77» ни у тебя, ни у других руководящих деятелей хоккейного союза быть не должно. Русские внимательно за этим следят и тут же попытаются воспользоваться ситуацией — уберут вас к чертовой матери, а вместо вас посадят своих людей.

— А если «хартисты» сами захотят установить с нами контакт и будут слишком настойчивы? — спросил Затопек.

— Сразу сообщай об этом мне. Мы сами решим, что делать с этими контактерами: убрать их от вас подальше или, наоборот, использовать их связи в своих интересах.

Как понял Затопек, речь шла о зарубежных связях чехословацких диссидентов, которые могли быть выгодны с точки зрения нагнетания антисоветских настроений на Западе вокруг чемпионата мира. Так, кстати, уже было во время прошлого чемпионата в Праге — в 1972 году.

— Ну что, еще по чашке кофе и будем прощаться? — предложил Гавлик, докурив сигарету.

— С удовольствием, — ответил Затопек. — Тем более, что у меня есть к тебе еще несколько важных вопросов.

*9 апреля 1978 года, воскресенье, Финляндия, Хельсинки,
товарищеский матч Финляндия — СССР*

Марек Скленаж специально прилетел в Хельсинки, чтобы посмотреть серию товарищеских игр сборной СССР против сборной Финляндии. До чемпионата в Праге оставалось полтора месяца,

поэтому любая информация о состоянии советской сборной для руководства Чехословацкого хоккейного союза была на вес золота. А поскольку Скленадж хорошо проявил себя на прошлогодних играх на призы «Руде право» и «Известий», было решено задействовать его и в мировом первенстве в той же роли — шпионить за русскими.

Первая игра, на которой присутствовал Скленадж, состоялась 9 апреля в Хельсинки, во Дворце спорта «Яаахалли», который еще не забыл чемпионат мира и Европы четырехлетней давности, где «золото» досталось советской сборной. Хозяева турнира, финны, даже у себя дома не смогли прыгнуть выше головы и заняли 4-е место. Советской сборной они проиграли оба матча почти с одинаковым счетом 1:6 и 1:7. Так что стены «Яаахалли» еще помнили те поражения и не смогли уберечь финнов от нового фиаско и в этот раз — матч 9 апреля закончился со счетом 9:0 в пользу русских. Причем в каждом периоде ими было забито по три безответных шайбы.

Скленадж не сомневался в победе советской сборной, его интересовало другое — кого Тихонов взял команду в этот раз. Поэтому уже в первом периоде он аккуратно выписал из программки к себе в блокнот фамилии всех игроков, разбив их по игровым пятеркам. Таковых сегодня Тихонов выпустил на поле четыре. Выглядели они так: 1) Цыганков — Фетисов, Михайлов — Петров — Харламов, 2) Лутченко — Федоров, Балдерис — Жлуктов — Капустин, 3) Васильев — Первухин, Мальцев — В. Голиков — А. Голиков, 4) Билялетдинов — Н. Макаров, Лебедев — Шадрин — Емельяненко, и С. Макаров.

Из этого состава Скленаджу совсем не были известны лишь трое — братья Николай и Сергей Макаровы, а также Анатолий Емельяненко. Остальных он знал — кого хорошо, кого не очень, поскольку их приглашения в сборную команду происходили не регулярно. К числу таких игроков, например, относились братья Владимир и Александр Голиковы (Скленадж впервые увидел их на чемпионате мира в Польше, но с тех пор прошло два года, плюс еще Владимир «засветился» на прошлогоднем турнире «Руде право»). Юрия Федорова он смутно помнил по чемпионату мира в ФРГ трехлетней давности, но там он не произвел на него какого-то особого впечатления. А вот Александра Билялетдинова он запомнил хорошо — тот понравился ему в играх на Кубке Канады в сентябре 1976 года.

Наконец, Василия Первухина он впервые увидел на чемпионате мира в Вене в прошлом году.

Скленарж стал внимательно следить за игрой, делая пометки в своем блокноте, отмечая плюсами эффективные действия советских игроков, а минусами — неудачные. Но в целом игра его не впечатлила — преимущество советской команды было слишком большим. Фактически игра шла в одни ворота — в финские. Правда, Скленаржа удивила игра первого звена русских — оно было менее скоростным, чем ранее. Именно поэтому первая пятерка отметилась всего лишь одним голом — это сделал Михайлов, как всегда уверенно действовавший на «пяточке» у финских ворот. Две шайбы были на счету второго звена (забили Жлуктов и Капустин), и по три шайбы записали на свой счет третье и четвертое звенья (в третьем отличились братья Голиковы — Александр забил два гола, а его младший брат Владимир один; в четвертом результативными оказались Лебедев, Емельяненко и Сергей Макаров).

Однако из-за блеклой игры хозяев поля сделать какие-то серьезные выводы об этом матче было сложно. Поэтому Скленарж интересовало лишь одно — данные на новичков. Тем более, что двое из них отметились голами — это были Емельяненко и Сергей Макаров. Вот почему, едва вернувшись в гостиницу, чех заказал срочный разговор с Москвой, несмотря на то, что время было уже позднее — начало двенадцатого ночи. Но он был уверен, что тот, кому он звонил, еще не спит. Так и вышло — Егор Красовский в это самое время сидел у себя на кухне и наливал в бокал вино своей очередной пассии, с которой он познакомился три часа назад в кафе «Метелица» на проспекте Калинина. Услышав звонок, он отставил бутылку и поспешил в коридор, где стоял телефон. По его трели, он сразу определил, что звонок междугородний.

Несмотря на расстояние, связь была отличная, поэтому Скленарж говорил без какого-либо напряжения:

— Привет, Егор. Знаешь, откуда я тебе звоню? Из Финляндии. Ваши ребята только что сыграли с финнами. Ты эту игру не видел?

— Марек, как я могу ее увидеть, если ее у нас не показывают — это товарищеский матч, — ответил Красовский, явно удивленный этим звонком.

— Тогда спешу тебя обрадовать — ваши выиграли.

— А то я не знал! — воскликнул журналист. — Счет где-то в районе 10:1?

— Почти угадал — 9:0. У вас интересная сборная, есть несколько новичков: Емельяненко и братья Макаровы. Откуда они?

— Емельяненко из рижского «Динамо» — его туда Тихонов пригласил в позапрошлом году из саратовского «Кристалла». Но, думаю, надолго он в сборной не задержится.

— Это почему?

— Вряд ли Тихонов подыщет ему партнеров, с которыми он сыграется — это не Балдерис.

— Но сегодня он играл с Лебедевым и Шадриным и неплохо смотрелся — забил один гол.

— При счете 9:0 забить может даже Третьяк.

— А у себя в Риге этот Емельяненко много забивает?

— Не очень — в этом сезоне наколотил где-то около десяти или одиннадцати голов. Впрочем, это третье место по забитым шайбам у рижан после Воробьева и Серняева.

— А что скажешь про братьев Макаровых?

— Эти ребята из челябинского «Трактора». Но старший из них, Николай, староват для сборной — ему тридцатник в этом году исполняется. Так что он тоже временный персонаж.

— А что у вас там проблема с молодыми защитниками, если стариков в сборную тащите?

— А то ты не знал! Из молодежи один Фетисов настоящий самородок, остальные помельче будут, вот Тихонов и изворачивается. А тут еще «старички» последние годы доигрывают. Боюсь, до Олимпиады не дотянут — кого тогда в оборону ставить? Вот в линии нападения с этим дела получше. Тот же Сергей Макаров или братья Голиковы — это достойная замена.

— Но у братьев хотя бы свое звено есть, а у Макарова?

— Серега может выходить в любом звене и везде не потеряется.

— Он сегодня в третьем выходил, — сообщил Скленадж.

В это время Красовский увидел, как из кухни вышла его пассия с пустым бокалом в руке. Это был явный намек на то, что если он не уделит ей внимание, то она может упорхнуть из его обители.

— Извини, Марек, но мне надо идти.

— Понимаю, Егор, что в такое время тебе не до хоккея. Ответь только на один вопрос: ты уладил вопрос со своей поездкой на наш чемпионат?

— Да, дядя железно обещал сделать мне аккредитацию.

— Тогда желаю тебе спокойной ночи! Увидимся в Праге! — и чех первым положил трубку на аппарат.

Он мог быть доволен. Ему удалось узнать характеристики на новичков советской сборной и прояснить вопрос о приезде Красовского в Прагу. Ведь в отношении этого русского он строил большие планы. Впрочем, не только он.

10 апреля 1978 года, среда, Москва, квартира Егора Красовского

Утром Красовский, лежа в постели, слышал, как его вчерашняя пассия, забыв поставить будильник, проспала начало рабочего дня и поэтому убежала из дома, даже не попрощавшись. Правда, свой телефон, наскоро написанный на листке бумаги, она оставила на его журнальном столике. Услышав, как за девушкой захлопнулась дверь, Егор вновь провалился в сон. Однако спать ему пришлось недолго. Спустя примерно полчаса после того, как его покинула пассия, в дверь настойчиво позвонили. Красовский, который никого сегодня к себе не ждал, решил не открывать и, накрыв голову подушкой, попытался снова уснуть. Но звонки продолжались. Они звучали с такой настойчивостью и раздражающей периодичностью, что журналист не выдержал. Вскочив на ноги, он выскочил в коридор.

— Какого черта — кто там? — закричал он, подходя к двери.

— Товарищ Красовский Егор Вадимович здесь живет? — раздался за дверью незнакомый мужской голос.

Услышав свою фамилию, да еще вместе с именем и отчеством, Красовский щелкнул замком. На пороге он увидел представительного мужчину в стильном костюме.

— Кто вы, что вам надо? — спросил журналист, не решаясь пригласить незваного визитера в дом.

— Может, вы сначала впустите меня внутрь? — предложил незнакомец.

Глядя в его пронизательные глаза, в которых читалось спокойствие, журналист, наконец, решился — он распахнул дверь, приглашая незнакомца внутрь своего жилища.

Переступив порог, гость закрыл за собой дверь и только после этого достал из нагрудного кармана удостоверение и раскрыл его перед лицом Красовского. И тот прочитал: «Спрогис Эрнест Леонардович, полковник КГБ СССР».

— Вы чекист? — переводя взгляд на гостя, спросил Красовский.

— Чекист, чекист, — кивнул головой Спрогис. — А теперь давайте пройдемте куда-нибудь для серьезного разговора.

— Мне что, надо собираться? — поинтересовался журналист.

— Пока можете накинуть на себя домашний халат — разговор у нас будет происходить здесь, — и Спрогис первым прошел в гостиную.

Пока он располагался на диване, журналист сбегал в спальню и накинул на себя домашний халат. Затем он вернулся к полковнику и сел в кресло напротив него.

— С кем вы разговаривали вчера ночью по телефону? — спросил полковник, едва журналист перестал мельтешить и уставился на него своими невинными глазами.

— Ни с кем, — без запинки ответил Красовский.

— А если хорошенько вспомнить? В начале двенадцатого ночи вам звонили из Хельсинки.

Спрогису доложили об этом звонке сегодня утром, когда он собирался на работу. Это было естественно, поскольку он сам лично вышел с инициативой к руководству КГБ, чтобы ему немедленно докладывали обо всех международных звонках в СССР, где речь бы шла о хоккее и особенно о предстоящем чемпионате мира в Праге. И вот сегодня такой звонок был зафиксирован, причем с точки зрения оперативного интереса он проходил по категории «молнии». Поэтому Спрогису доложили о нем почти без промедления. Он тут же затребовал к себе его распечатку и принял решение навестить журналиста еще до своего приезда на Лубянку, чтобы провести с ним беседу по горячим следам.

— Ах, вы об этом! — и Красовский потер рукою лоб, вспоминая перипетии сегодняшней ночи, которая в основном зафиксировалась у него как бурно-сексуальное приключение. — Да, действительно, я

разговаривал с моим коллегой — чехословацким журналистом Марекком Скленаржем.

— И давно вы с ним дружите?

— С сентября прошлого года — мы познакомились в Праге на хоккейном турнире «Руде право».

— Это там, где мы выиграли у чехословаков по очкам? — Спрогис специально это сказал, чтобы у его собеседника не сложилось впечатление, будто его гость не в теме.

— Совершенно верно.

— И как происходило ваше общение?

— В каком смысле?

— Ну, что вы делали с товарищем Скленаржем, когда он появлялся возле вас?

— Ходили на хоккей, в гости.

— На хоккей вы ходили исключительно, когда играли наши?

— Естественно.

— И товарищ Скленарж, наверное, задавал вам вопросы относительно игры нашей команды?

— Ну, задавал, конечно.

— А вы обстоятельно на них отвечали?

— Да, отвечал.

— И вчера тоже отвечали?

— Я не понимаю, а что здесь такого предосудительного? — с легким раздражением в голосе спросил Красовский. — Марек мой коллега, журналист, который тоже пишет о хоккее, и поэтому вполне естественно, что мы говорим именно об этом, а не о цветочной рассаде.

— Лучше бы вы говорили о рассаде — было бы больше пользы, — в голосе гостя Красовский впервые уловил злые нотки. — Вы что, товарищ Красовский, дурачок или притворяетесь? Неужели вам непонятно, что этот чех не случайно познакомился с вами в Праге и не случайно пытал вас относительно игры нашей сборной. Вы нужны ему как источник полезной информации, а вовсе не потому, что он испытывает к вам какие-то дружеские чувства.

— Почему вы так говорите — у вас есть факты?

— Я говорю так потому, что ношу звание полковника, а не лейтенанта, которому легко навешать лапшу на уши. Вот вам эту

лапшу и навесили. Впрочем, может, вам доставляло удовольствие делиться с чехом информацией о нашей сборной? Может, он вам платил за нее или вы делали это по собственной инициативе — как тайный недоброжелатель нашего хоккея?

— Да как вы смеете? — у Красовского от возмущения задрожали губы.

— Смею, товарищ журналист, смею. Итак, платил вам чех за вашу информацию или не платил?

— Нет, не платил.

— Я имею в виду не только деньги, но и разного рода услуги. Это было?

Заметив, как стушевался его собеседник, чекист сразу догадался, что он на правильном пути.

— Значит, это были услуги. Какие? Ну, говорите — все равно мы узнаем.

— Он познакомил меня с одной девушкой, — после небольшой паузы признался Красовский.

— Понятно — оплата натурой. Как ее зовут?

— Бозена, фамилии я не знаю.

— А зачем вам ее фамилия, вам вполне хватало ее прелестей, которые она дарила вам за ваш болтливый язык. Вы виделись с ней только однажды, в Праге?

— Нет, она приезжала с Марексом в Москву в прошлом ноябре.

— Перед призом «Известий»? И вы опять их консультировали?

Вместо ответа Красовский опустил очи долу — сказать ему было нечего.

— Ну, и кто вы после этого — идиот или предатель?

— Но ведь Чехословакия наш союзник, — сделал попытку оправдаться Красовский.

— Точно — идиот! — воскликнул Спрогис. — И как таких только держат в нашей журналистике?!

После этого в разговоре наступила пауза, которая длилась около минуты. Все это время Спрогис внимательно наблюдал за журналистом, который сидел в кресле с опущенной головой. Было видно, что он раздавлен этим разговором.

— Хотите выйти из того идиотского положения, в которое сами себя затолкали? — прервал, наконец, паузу гость.

— А разве это возможно? — поднял голову Красовский.

— Все зависит только от вас. Вчера чех упоминал о вашем приезде в Прагу. Ваш дядя точно сделает вам аккредитацию?

— Обещал клятвенно.

— Тогда сделаем так. Вы поедете в Прагу и продолжите ваше общение с этим чехом и его красоткой. Но говорить им будете то, что скажем вам мы. Для этого в Праге с вами на контакт выйдут наши люди. И не дай вам бог сделать что-то не так — жалеть будете всю жизнь. Вам все понятно?

Вместо ответа Красовский молча кивнул головой.

***11 апреля 1978 года, вторник, Финляндия, Хельсинки,
товарищеский матч Финляндия — СССР***

— Ну что, ребята, тяжело играть без палочки-выручалочки — без первого звена и Третьяка в воротах? — первое, что спросил Тихонов у своих игроков, когда они зашли в раздевалку и расселись на скамейке. — А где же ваша гордость, где спортивная злость? Понадеялись на то, что финны и сегодня лягут под вас, как позавчера, а они вон какие — не хотят ложиться и все тут.

Финны и в самом деле во втором товарищеском матче оказались совсем не теми, какими они вышли на лед два дня назад. Тогда они уже после первого периода проигрывали 0:3, а сегодня за этот же отрезок времени счет на табло был ничейный — 1:1. И уверенности в том, что дальше будет легче и в игре наступит перелом, ни у кого из советских игроков не было. А тут еще Тихонов решил устроить эксперимент — посадил на скамейку запасных Третьяка, выставив в воротах запасного вратаря — Пашкова, и ни разу не выпустил на лед первое звено, хотя все его игроки были одеты в хоккейную форму и только ждали сигнала от тренера. Но он специально молчал, надеясь на то, что три других звена, наконец, заиграют в полную силу. А они играли без всякого огонька — прямолинейно, неизобретательно.

— Второе звено — вы сегодня заменяете первое, — продолжал вещать Тихонов. — Но пока вас на поле не видно. Вы как были вторыми, так такими и остаетесь. У вас что, нет ни грамма гордости? Думаете, если матч товарищеский, то можно играть спустя рукава? У

советской сборной не бывает проходных игр. Мы в каждом матче должны выходить на лед, как в последний раз — биться насмерть. Это азбучные истины, которые прописали нам наши предшественники. А вы кто получаете — неучи, если это забыли?

Как ни странно, но эти слова так и не дошли до большинства игроков. Весь второй период они украдкой поглядывали на тренера в надежде на то, что он выпустит-таки первое звено на поле. К нему уже и сам капитан команды, лидер первого звена Борис Михайлов, обращался. Но Тихонов так на него посмотрел, что у того отпала охота обращаться к нему с такими просьбами. А счет в матче продолжал быть ничейным — только теперь это было уже 2:2.

Во втором перерыве Тихонов пошел на радикальный шаг. Когда он пришел в раздевалку к команде, первое, что сделал — обратился к первому звену:

— Так, ребята, снимаем с себя амуницию и переодеваемся в обычную форму. На сегодня игра для вас закончилась. А для всех остальных она только начинается. Я заметил, что финны тоже поглядывают на нашу скамейку — гадают, выйдет все-таки первое звено на лед или нет. Оттого и нервничают, ошибаются. Но теперь я сниму этот груз с их души. — пусть заиграют по-настоящему. А вы, ребятки, сами решайте, как вам играть. Первое звено вам уже не поможет, поэтому если хотите, чтобы финны вас порвали, как вы их два дня назад, ваше право. А если все-таки не хотите этого, то заиграете так, как вы должны были играть с первой же секунды этого матча.

Сказав это, Тихонов вышел из раздевалки, оставив игроков наедине со своими мыслями — обдумывать его слова.

— Ну что, долго будете сопли жевать? — спросил у игроков их капитан, Борис Михайлов. — Прав, Василии — нечего вечно уповать на наше звено. Сами играть не умеете?

Когда советская команда вышла на лед, финны были в явном недоумении — на привычных местах не было игроков первого звена. А потом они увидели их на трибуне за скамейкой запасных советской сборной, причем в гражданских костюмах. Это означало, что бояться финнам нечего — заканчивать игру советская сборная будет без своей палочки-выручалочки. И тогда финны всей командой пошли на штурм наших ворот. Одно их звено сменяло другое и каждое рвалось к

воротам Пашкова в надежде забить гол, который мог стать переломным в этой игре. Ведь пропусти советские хоккеисты третью шайбу, они вполне могли «поплыть» и напропускать еще незнамо сколько. Ведь Третьяка-то в их воротах сегодня не было.

Но сборная СССР выстояла. А в один из моментов поймала, увлекшихся атакой хозяев поля на контратаке. И счет действительно стал 3:2, но не в пользу хозяев, а в пользу гостей. А затем был забит еще один гол — и опять в финские ворота. И только после этого стало понятно, что эксперимент Тихонова увенчался успехом — советская сборная сумела обыграть нацеленных на реванш хозяев катка даже без участия своего первого звена.

Сидевший в ложе прессы Марек Скленадж, глядя на то, как радуются игроки сборной СССР четвертой забитой шайбе, поймал себя на мысли, что этот Виктор Тихонов и правда достойный преемник своих предшественников — великих тренеров, с которыми советская сборная многократно становилась чемпионом мира, Европы и Олимпийских игр. И если совсем недавно, во время игр на приз «Известий», Скленадж искренне радовался выбору советской системы, поставившей у руля национальной сборной вполне себе среднего тренера, то здесь он взглянул на него иными глазами. И этот новый взгляд его испугал. Он вдруг понял, что с таким наставником сборная СССР и в самом деле может прервать затянувшуюся серию неудач на мировых турнирах. И в роли финнов могут выступить уже его соплеменники — чехословаки.

«В лепешку расшибись, Марек, но не дай этим русским победить нас в Праге!», — напутствовал себя Скленадж, покидая дворец спорта.

До конца матча оставалось еще несколько минут, но чех уже ни капли не сомневался в том, кто станет победителем в этой игре.

14 апреля 1978 года, пятница, Волгоград

Вот уже больше недели Борис Александров находился в Волгоград, где 7 апреля начался чемпионат Вооруженных Сил СССР. Этот турнир проходил ежегодно после завершения всесоюзного чемпионата и собирал восемь армейских команд из разных лиг и уголков страны. Высшую лигу обычно представляли два клуба —

ЦСКА и ленинградский СКА (кстати, победитель прошлогоднего турнира). Помимо них в этот раз на чемпионат приехали следующие команды: СКА МВО (Липецк), СКА (Свердловск), СКА (Куйбышев), СКА (Хабаровск), СКА (Новосибирск) и команда Северного флота «Шторм» из Мурманска. Последний клуб ходил в явных аутсайдерах турнира и именно с ним в первый же день и скрестил клюшки ЦСКА в волгоградском Дворце спорта имени Профсоюзов. Болельщиков на матч пришло под «завязку» — 4 тысячи. Все прекрасно понимали, кто выйдет победителем из этого поединка, причем наверняка с фантастическим счетом, но людей это не волновало — главным было посмотреть на знаменитых армейцев. И хотя большая их часть была призвана в ряды первой сборной и находилась теперь в Финляндии, однако несколько игроков все-таки приехали. Это были Борис Александров, Сергей Бабинов, Владимир Викулов, Вячеслав Анисин. Остальные игроки вызывали меньший ажиотаж, но все равно были интересны волгоградской публике, поскольку хоккеем здесь любили. И хотя своей сильной команды в Волгограде не было (была лишь команда с завода «Баррикады», но она играла в низшей зоне), однако хоккеем в городе на Волге был в почете, а самой знаменитой командой в СССР считался ЦСКА — базовый клуб сборной.

Морякам армейцы набросали больше двадцати шайб, причем Александров забил их целых пять. А вот игравшие чуть раньше ленинградские армейцы свели свой матч с одноклубниками из Новосибирска в ничью — 4:4. И когда возле гостиницы «Волгоградская» Александров встретил двух своих корешей из ленинградского СКА — Александра Малюгина (с ним он играл в юниорской сборной СССР в 1974 году) и Вячеслава Солодухина (с ним он ездил в Канаду на Суперсерию-76, когда Солодухина включили в состав ЦСКА и в одном из матчей, против «Филадельфии Флайерз», он играл в одном звене нападения с Викуловым и Александровым), он им прямо сказал:

— Ребята, пакуйте вещи — первое место будет наше.

— Обыграл «морячков» и радуется, — рассмеялся в ответ Солодухин. — Ты с нами сыграй, тогда посмотрим, кто первым будет вещи паковать.

— Думаешь, без сборников мы вам продумем? — спросил Александров.

— Если не продуете, так вничью сыграете — лишь бы ноги унести.

— Может, поспорим?

— Без проблем, — и Солодухин первым протянул вперед свою ладонь для заключения пари.

— Разбей, Саня, — обратился Александров к Малюгину и тот ребром ладони рассек их рукопожатие. После чего спросил:

— А на что хоть спорите?

— Когда время расплаты придет, тогда и договоримся, — нашелся, что сказать, Солодухин.

На том они и расстались. А турнир на следующий день продолжился. И его дальнейший ход оказался в пользу Александрова. Если его ЦСКА громил всех своих соперников, то ленинградцы однажды все-таки споткнулись — проиграли свердловскому СКА 2:5. Хотя «моряков» они обыграли 22:1. Но эта победа не спасла их. ЦСКА в тот же день победил все тот же свердловский СКА со счетом и:2 и, набрав 12 очков, досрочно стал чемпионом. На втором месте были ленинградцы, но у них к последнему дню турнира (15 апреля) набралось всего 9 очков, поэтому догнать москвичей они уже никак не могли. Хотя в последней игре фортуна свела именно эти две команды — ЦСКА и ленинградский СКА.

Вечером 14 апреля Александров встретил Солодухина у входа в гостиницу и поинтересовался:

— Ну, как платить будешь?

— Так завтра же игра? — искренне удивился Солодухин.

— Но мы не только о ней спорили — мы спорили о первом месте. Забыл что ли? Можем у Малюгина уточнить.

— Да, ладно, не дергайся — помню я все, — расплылся в улыбке ленинградец. — Но с деньгами у меня сейчас туго. Может, другим возьмешь?

— Чем, например?

— Я уже шестой день здесь, а все никак не могу одну местную девчонку навестить. В прошлом году в поезде познакомились, когда с юга возвращались. Она мне свой адрес дала, предлагала в гости зайти. Вот я и подумал — поехали вместе.

— Я-то зачем тебе нужен? — искренне удивился Александров.

— Так девчонка эта с сестрой ехала — клевая деваха! Живут они вместе, вот я и вспомнил про тебя. Должок-то возвращать надо.

В это время мимо пробежал Александр Гусев — бывший одноклубник Александрова по ЦСКА, который теперь был сослан Тихоновым в липецкий СКА МВО.

— Борька, чего нос повесил? — на бегу спросил Гусев, хлопнув приятеля по плечу. — Пошли хоккеей лучше по телеку смотреть.

— Какой хоккеей? — встрепенулся Александров.

— Наши со шведами играют. Последняя игра их скандинавского турне.

— Так они вчера 10:0 выиграла, значит, и сегодня шведов с похожим счетом раскатают, — отозвался Александров.

— Ну и хрен с ним — зато на наших ребят поглядим, — и Гусев умчался смотреть хоккеей.

— Что решил — пойдешь хоккеей «в одни ворота» смотреть или со мной поедешь? — вновь подал голос Солодухин.

— А далеко твои сестрицы живут?

— Недалеко, я узнавал — минут двадцать езды отсюда. Такси возьмем и через полчаса будем трескать чай с двумя симпатичными девчонками.

— Ладно, уговорил, — принял, наконец, решение Александров и они отправились на стоянку такси.

Как и обещал Солодухин, спустя полчаса они были уже на месте — у блочной девятиэтажки. Денег с них таксист не взял — только автографы, поскольку был заядлым болельщиком, а тут в его машине оказались сразу два знаменитых игрока — Вячеслав Солодухин, игравший с канадскими профессионалами в Суперсерии 1972 года, и Борис Александров — олимпийский чемпион Инсбрука-76. Будет чем похвастаться завтра на работе.

Сестры жили на шестом этаже в квартире, находившейся справа от лифта. Однако едва хоккеисты вышли из его кабины на лестничную площадку, они обратили внимание, что дверь в нужную им квартиру приоткрыта и оттуда доносятся чьи-то громкие голоса. Судя по интонациям, внутри происходила ссора между мужчиной и женщиной.

— Не нравится мне это, — произнес Александров, придерживав рукой спутника, который уже собирался было шагнуть за порог.

— Думаешь, не стоит? — спросил Солодухин.

На его лице тоже было написано смятение — лишний скандал и ему был ни к чему. Тем более в день накануне последнего матча.

— Пошли отсюда, — принял решение Александров и первым направился к лифту.

И в этот самый миг из квартиры сестер стали доноситься женские вопли. Они были настолько душераздирающими, что у хоккеистов просто не оставалось шансов — надо было идти и спасать ту, которая так голосила.

Когда они вбежали в квартиру, их глазам предстала весьма невеселая картина — здоровый мужик наотмашь бил молодую женщину в домашнем халате. Рядом стоял еще один мужчина, который безучастно взирал на это избиение. Однако, увидев непрошенных гостей, мужик, который наносил удары, внезапно остановился и спросил:

— А вы кто такие? Хахали этой сучки? Ах ты, шалава, — сказав это, мужик нанес женщине такой хлесткий удар по лицу, что она отлетела в угол комнаты.

После чего оба мужика переключили свое внимание на хоккеистов. У тех было два варианта действий: либо броситься бежать, позабыв про бедную женщину, либо дать достойный отпор этим громилам. И первым принял решение Александров. Он вспомнил, как совсем недавно его держали на мушке двое вымогателей, а он вынужден был подчиняться их приказам, хотя внутри у него все клокотало. И если тогда он сумел подавить в себе свою злость ради попадания во вторую сборную страны, то теперь его уже ничто не сдерживало — перед ним уже не маячило приглашение ни в первую сборную, ни во вторую, да и в ЦСКА он играл на «птичьих правах». Вспомнив все это, а также то, что в юности он занимался боксом и получил прозвище Кассиус Клей, Александров первым шагнул вперед и нанес мощный хук слева тому мужику, который избивал женщину. Мужик крикнул и отлетел к стене, сбив на лету торшер.

Сразу после этого не стал себя сдерживать и Солодухин. Будучи старше своего спутника на пять лет (хотя родились они в одном месяце — в ноябре — что их сближало), он не мог позволить себе сплеховать перед своим младшим партнером. И ленинградец обрушил такой град ударов кулаками в корпус второго мужика, что тот сник и стал отступать в угол. Воспользовавшись этим, Александров схватил со

стола пустую вазу и обрушил ее на голову отступающего. А когда на него набросился первый мужик, пришедший в себя после его удара в челюсть, он ловкой подножкой подсек ему ноги и, свалив на пол, стал наносить ему удары кулаками по голове с такой частотой, что мужик тут же отключился. И в этот самый миг что-то тяжелое навалилось на хоккеиста сзади, а еще спустя несколько секунд ему заломили назад руки и на них защелкнулись наручники. Как оказалось, это соседи еще полчаса назад вызвали милицию и она приехала на вызов аккурат в тот момент, когда там шло побоище двух хоккеистов с двумя обидчиками женщины.

Несмотря на то, что хоккеисты пытались объяснить стражам порядка, кто они и как попали в эту квартиру, те не особо их слушали и затолкали в «воронок» вместе с двумя избитыми мужиками. Плачущая хозяйка, накинув на халат пальто, уселась на переднее сиденье и тоже отправилась в отделение милиции, которое находилось в пяти минутах езды от ее дома.

Когда задержанных ввели в отделение, дежурный и еще трое милиционеров во главе с самим начальником отделения, смотрели по телевизору хоккей, матч СССР — Швеция.

— Надо же как удачно получилось — вы по телеку хоккей смотрите, а мы вам мужиков привезли, которые себя за хоккеистов выдают, — радостно сообщил начальнику молоденький старший сержант, который защелкивал на руках Александрова наручники.

Начальник отделения оторвался от телевизора и взглянул на вошедших.

— Ептать, так это же Борис Александров! — спустя секунду воскликнул начальник, вскочив со стула. — А второй кто?

— Солодухин, — ответил за своего приятеля Александров.

— Какой Солодухин — старший или младший? — продолжал спрашивать начальник.

Дело в том, что в ленинградском СКА играли два брата Солодухиных — Вячеслав и Сергей, который был младше его на год.

— Старший, — подал голос Солодухин.

— А ну-ка, повернись-ка к свету, — и начальник слегка развернул хоккеиста, чтобы лучше рассмотреть его лицо. — Точно, мать моя женщина — старшой Солодухин собственной персоной. А младший-то где?

— В Ленинграде остался — ушел он из команды.

— Ах, как жаль — вы вместе так играли! — продолжал восхищаться страж порядка. — Но я тебя запомнил еще по призу «Известий» 68-го года, когда ты в одной тройке с Петром Андреевым и Игорем Григорьевым играл. Вот это был хоккей, мама не горюй! Я тогда как раз в Москве в Академии МВД учился, так нам билеты на все матчи бесплатно раздавали. Вот когда я за ваш ленинградский СКА стал болеть. Песня, а не команда! Что там ЦСКА — они себе всех лучших игроков забирают. А вы не с самым звездным составом в 71-м году «бронзу» в чемпионате взяли. В ключевом матче «Спартак» обыграли 4:3! А правда, что всей вашей тройке после того приза «Известий» канадцы предлагали к ним переехать?

— Правда, — подтвердил слова милиционера Солодухин.

— Чего же не поехали?

— Денег на билет не было, — мрачно пошутил Солодухин.

— Зато как ты с канадцами играл в Суперсерии 72-го года! — и, сказав это, начальник повернулся к сержанту: — Ты кого арестовал, мудило — это же наши знаменитые хоккеисты.

— Да откуда же я знал — я хоккей не смотрю, — удивился старший сержант.

— И вы тоже не смотрите? — спросил начальник у трех других милиционеров, арестовавших спортсменов.

Те в ответ тоже пожали плечами.

— Господи, с кем я работаю! — всплеснул руками начальник отделения. — А то, что у нас в городе чемпионат Вооруженных Сил по хоккею проходит, вы хотя бы знаете? А ну, быстро сняли с этих ребят наручники.

Милиционеры бросились исполнять приказ своего начальника. Но когда очередь дошла до двух мужиков, избивавших женщину, старший сержант спросил:

— Эти тоже хоккеисты?

— Из них такие же хоккеисты, как из нас балерины, — подал голос Александров. — Это они вон ту женщину избивали, а мы за нее заступились. Тут вы нас и повязали.

— Гражданка, вы знаете этих мужчин? — спросил начальник отделения у женщины.

— Знаю — вон тот, здоровый, муж мой, — ответила дама. — Выгнала я его, а он все равно ходит.

— А откуда вы знаете хоккеистов?

— Да я их в глаза никогда не видела! — искренне удивилась женщина.

— Как же вы к ней попали? — начальник вновь обратил свой взор на спортсменов.

— Моя вина, товарищ майор, — взял слово Солодухин. — Я в прошлом году в поезде с одной девушкой познакомился — отсюда она, из Волгограда. Она мне адресок черканула — дескать, будете у нас, заходите на чаек. Ну, мы с Борисом и зашли.

— Как звали вашу девицу? — поинтересовался начальник.

— Екатерина. У нее еще сестра была — Тоня, Антонина, значит.

— Знаете этих сестер? — перевел начальник взгляд на женщину.

— В первый раз слышу. У нас отродясь в доме никаких сестер не проживало. А я там уже два десятка лет живу.

— Все ясно — «динамщицы» ваши сестры, — улыбнулся майор. — Липовый адрес черканула, а вы губы и раскатали. Чуть под раздачу не попали.

В это время из телевизора голос Николая Озерова возвестил о том, что сборная СССР забила очередной гол в ворота шведов. На экране возник счет 7:1 в пользу советской сборной.

— А у вас когда очередная игра будет? — спросил майор у хоккеистов.

— Завтра, — ответил Александров.

— С кем играете?

— Друг с другом, — сказав это, Солодухин улыбнулся.

— Тогда чего вы здесь прохлаждаетесь — вам же, как космонавтам, спать надо перед игрой. Идите к машине — мои ребята вас подбросят до гостиницы.

— А как же мы? — поинтересовалась женщина.

— А с вами, гражданка, и вашим мужем мы будем разбираться. На вас жалоба поступила от соседей. Так что не обессудьте.

*17 апреля 1978 года, понедельник, Москва, площадь Дзержинского,
КГБ СССР*

В первой половине дня в кабинете Юрия Андропова проходило совещание по поводу предстоящего в Праге чемпионата мира и Европы по хоккею. Совещание было узким — в нем, помимо шефа КГБ, принимали участие еще два человека: куратор хоккейной сборной СССР по линии КГБ Эрнест Спрогис и заместитель руководителя представительства КГБ в Чехословакии Иван Кузьменков. Первым взял слово Спрогис:

— Обстановка в сборной СССР здоровая, никакого пессимизма не наблюдается. Хотя среди некоторых молодых хоккеистов бытует мнение, что этот чемпионат в Праге нам выиграть не удастся и фавориты на нем хозяева. Виктор Васильевич Тихонов поставлен об этом в известность, ему предложено провести с этими хоккеистами соответствующие профилактические беседы.

— Не верит, значит, молодежь в силу нашего хоккея, — усмехнулся Андропов.

— Разве только в одной молодежи дело? — продолжил Спрогис. — За последние годы подобные настроения получили достаточную почву для своего развития и среди специалистов, которые уверены, что нынешний союзный чемпионат утратил свою остроту из-за явного доминирования ЦСКА. Месяц назад мы с вами уже обсуждали эту тему, Юрий Владимирович.

Спрогис напомнил шефу их разговор в больнице.

— Я помню тот разговор, — кивнул головой Андропов. — Мы говорили о том, что те легкие победы, которые армейцы в большом количестве одержали во внутреннем чемпионате, могут попросту их дезориентировать. Ведь мастерство можно отточить только в играх с сильным соперником, а не с аутсайдерами. Но я хочу спросить у нашего гостя — Иван Сергеевич, а разве у наших друзей из Чехословакии не так?

И Андропов вопросительно взглянул на Кузьменкова. Не ожидавший столь резкого перехода, тот слегка стушевался, но быстро взял себя в руки и вступил в разговор:

— Я, конечно, не такой знаток хоккея, как Эрнест Леонардович, но могу сказать следующее. В Чехословакии чемпионат понапряженнее нашего будет. В нем играют двенадцать команд и там тоже есть свой ЦСКА. Это армейцы из «Дуклы», которые с 1967-го по 1974 год семь раз становились чемпионами. Но сейчас их гегемонии

пришел конец — вперед вырвался клуб «Польди» из города Кладно. До этого они были первыми в далеком 1959 году, после чего отошли на третьи-четвертые роли. Но в 1973 году команду возглавил весьма амбициозный тренер Ярослав Вольф, который стал создавать новую команду. Сначала они заняли лишь 5-е место, но уже спустя два года стали чемпионами и с тех пор удерживают этот титул. А в прошлом году они прибавили к этому и кубок европейских чемпионов.

— Каков разрыв в очках между чемпионом и серебряным медалистом? — поинтересовался Андропов, помня все о том же разговоре со Спрогисом в больнице.

— «Польди» обогнал команду химзавода из Литвинова на четыре очка — 63 против 59.

— А остальные команды сколько набрали? — это уже Спрогис.

— Бронзовый призер, пражская «Спарта», набрала на очко меньше, чем литвиновцы. Далее идут хоккеисты из Витковице — у них 54 очка, затем «Дукла», у которой 53 очка.

— Плотное соседство — не чета нашему, где у нас ЦСКА оторвался от московских динамовцев на 13 очков, а те от «Крылышек» на шесть, — покачал головой Андропов. — А кто у чехов занял последнее место?

— «Шкода» из Пльзени. Причем из нее два игрока попали в сборную — Милан Кайкл и Богуслав Эберман.

— А из «Польди» много игроков в сборную взяли?

— Пятерых: Петера и Мартина Штястны, Милана Новы, Франтишека Каберле и Ярослава Поузара. Думаю, именно эти игроки и принесут сборной львиную долю забитых шайб. Кстати, об этом же докладывал и наш источник в сборной Чехословакии — агент Молоток (под этим псевдонимом выступал врач Карел Свозил).

— Почему докладывал? — спросил Андропов.

— Вчера пришло сообщение, что он трагически погиб в автомобильной катастрофе. У его «Шкоды» лопнуло колесо, автомобиль вынесло на встречную полосу, где в него врезался грузовик.

— Полагаете, случайность или диверсия? — насторожился Андропов.

— Пока трудно сказать, но мы над этим работаем, Юрий Владимирович.

— И все же, каково ваше мнение? — не успокаивался шеф КГБ.

— Мне кажется, это диверсия.

— Обоснуйте.

— В последние две недели мы активизировали контакты с Молотком, что понятно — все-таки на носу чемпионат мира. И в тот самый момент, когда он должен был передать нам важные сведения из расположения чехословацкой сборной, с ним происходит эта авария. Естественно, эти данные мы не получили.

— А что именно он должен был нам передать?

— Например, сведения о возможном использовании анаболиков.

— Но на чемпионате будет допинговый контроль? — задал резонный вопрос Андропов.

— Будет, председателя комиссии уже успели взять в разработку наши чехословацкие коллеги. Поэтому надежды на этот контроль мало.

— А как обстоят дела в этом отношении с нашей сборной? — и Андропов устремил взор на Спрогиса.

— Позавчера у меня был разговор с одним из врачей, Юрий Владимирович, — сообщил хоккейный куратор от КГБ. — Так вот, он утверждает, что физическое состояние наших ребят не самое лучшее. Перегорели они в Скандинавии, перебежали. И если не принять надлежащих мер, то они могут не успеть восстановиться к Праге.

— И что он предлагает?

— Десятидневный курс анаболиков. Попьют — восстановятся.

— Но вы же слышали, что сказал Иван Сергеевич относительно председателя антидопинговой комиссии, — не скрывая своего недоумения, произнес Андропов. — Вы что, хотите нас под монастырь подвести? Наши ребята попьют ваши анаболики, а их потом за одно место и прощай золотые медали! Нет уж, пусть восстанавливаются естественным способом.

Выплеснув свое раздражение, Андропов на какое-то время умолк, чтобы перевести дух. Наконец, он снова обратил свой взор на Кузьменкова, чтобы вернуться к теме гибели врача чехословацкой сборной:

— Есть какие-то соображения по поводу того, кто мог это сделать?

— Юрий Владимирович, вы же знаете, что внутри чешского СТБ за эти несколько лет возникла оппозиция, выступающая против промосковского курса. Особенно это касается контрразведчиков. Зачистить всех мы не можем, поскольку это просто нереально. Это одно и то же, что пытаться очистить сборную Чехословакию по хоккею от антисоветских настроений. Тем более в преддверии юбилея — десяти лет с момента известных всем событий.

— Как я понял, ситуация вокруг чемпионата продолжает нагнетаться. Какова обстановка на данном этапе? — поинтересовался Андропов.

— Самая негативная, — не задержался с ответом Кузьменков. — Даже шесть лет назад, в 72-м году, все было гораздо спокойнее.

— А я вам объясню, чем это вызвано, — прервал речь своего подчиненного Андропов. — В 72-м обстановка была совершенно иной. Мы тогда решили не обижать чехословаков и уступить им на чемпионате мира, который проходил в той же Праге. Как вы помните, зимнюю Олимпиаду в Саппоро мы тогда выиграли, поэтому уступка на мировом первенстве нами рассматривалась без какого-либо драматизма. Мы даже убрали из сборной Тарасова с Чернышевым, хотя за их плечами были девять лет сплошных побед. Разрешили не включать в команду Анатолия Фирсова — лучшего на тот момент форварда нашего хоккея. И тренерам, Боброву и Пучкову, дали конкретную установку: мол, главное для них в Праге не победа, а демонстрация всему миру нашей нерушимой дружбы с чехословаками. Поэтому настоящей битвы с ними у нас тогда получиться не могло.

— Мы даже лояльно смотрели на то, как чехи работают с судьями, — дополнил речь шефа КГБ Спрогис. — Я поднял архивы и обнаружил, что на том чемпионате целых четыре матча с участием сборной ЧССР судил швейцарский арбитр Эренсбергер, который в прошлом году обслуживал и финальный матч Кубка европейских чемпионов, где наши «Крылышки» встречались с «Дуклой» из Йиглавы. Как вы помните, чехи тогда нас обыграли и к судейству швейцарца были большие претензии. Так вот, в Праге в 72-м он судил принципиальные для чехов матчи против сборных Швеции, Финляндии (дважды) и СССР. И во всех этих матчах хозяева ни разу не потерпели поражение и вряд ли могли потерпеть, учитывая действия судьи. Я говорю это к тому, что в этом году мы должны избежать

повторения подобной ситуации, хотя сделать это будет трудно в силу изменившейся обстановки.

— Именно об этом я и хотел вам напомнить — ситуация резко изменилась, — вновь вступил в разговор Андропов. — Если в 72-м мы еще имели возможность отдать нашим чехословацким друзьям чемпионат мира, то теперь не можем. Третье подряд поражение на таком престижном турнире резко ослабит наши позиции не только в мировом хоккее, но и в международной политике. А сделать нам алаверды — уступить этот чемпионат, как мы это сделали шесть лет назад — чехи не могут, в виду целого ряда обстоятельств, вроде сразу двух грядущих юбилеев: 70-летия чехословацкого хоккея и 10-летия с момента августовских событий 68-го года. Как видно, именно вокруг последнего юбилея и нагнетаются страсти сегодня?

И Андропов снова перевел взгляд на Кузьменкова, ожидая продолжения его доклада.

— Совершенно верно, — снова взял слово гость. — В Праге и в других городах появились листовки, где звучат призывы, вроде «отомстим русским за август 68-го», «победим оккупантов» и так далее. Появился даже ряд подпольных газет-бюллетеней, где проводятся параллели между нынешним чемпионатом и шведским 1969 года, когда чехи дважды победили нашу сборную, что привело к массовым манифестациям на Вацлавской площади в Праге. Сегодня звучат призывы повторить тот успех и отметить его так же широко. Но и это еще не все. Свою лепту в это дело вносят и чехословацкие диссиденты — некоторые члены группы «Хартия-77», которые выступили с заявлением, что победа над советской сборной это победа свободы над несвободой. В том же духе вот уже больше месяца работают и западные радиостанции, которые вещают на Чехословакию. Эти заявления нагнетают атмосферу в обществе, особенно в среде молодежи.

Есть и еще один нюанс. Финальный матч между сборными СССР и ЧССР должен состояться 14 мая. Судя про всему, это будет решающая встреча на турнире. Но на этот же день выпадает весьма знаменательная дата для чехословацких диссидентов — два месяца со дня смерти известного правозащитника 69-летнего Яна Паточки. Я, надеюсь, мои коллеги помнят, что с ним произошло?

— Я-то помню, а вот Эрнест Леонардович может быть не в курсе всех деталей, — внес свою поправку в речь докладчика Андропов.

По тому, как вопросительно посмотрел на Кузьменкова Спрогис, стало понятно, что шеф КГБ оказался прав. Поэтому Кузьменков уделил этому случаю особое внимание:

— Паточка был арестован чехословацкой службой безопасности в марте этого года и после и-часового допроса скончался от кровоизлияния в мозг. Тут же родилась версия, что смерть наступила не от инсульта, а от черепно-мозговой травмы, нанесенной Паточке сотрудниками СТБ. Похороны правозащитника превратились в грандиозную манифестацию, на которую пришли тысячи людей. Полиции пришлось стянуть к кладбищу большие силы, задействовать вертолеты. Были задержаны сотни людей, которые затем были отпущены. На этом фоне матч между сборными СССР и Чехословакии, выпадающий на двухмесячную дату с момента смерти Паточки, может превратиться в знаковое событие для антикоммунистического движения. Кроме того, звучат призывы приурочить общую победу чехословацкой сборной на этом турнире к 30-летию со дня рождения Яна Палаха — студента, который сжег себя на Вацлавской площади в январе 69-го, протестуя против ввода советских войск в Чехословакию. Победа нашей сборной могла бы значительно смикшировать резонанс от всех перечисленных событий. Так сказать, погасить огонь страстей, который намеренно нагнетается в чехословацком обществе.

— Ну что же, будем уповать на то, что у Виктора Васильевича Тихонова и его тренерского штаба получится выступить не только в роли хороших хоккейных специалистов, но и пожарных, — подвел итог этому совещанию Андропов.

21 апреля 1978 года, пятница, Прага, улицы города

Франтишек Свозил стоял у стенда с фотографиями выдающихся игроков пражского хоккейного клуба «Спарта» и в который раз не мог отвести от него взгляда. С фотографий на него смотрели легенды чехословацкого хоккея, игроки, которых знала и любила вся страна: вратари Я. Пека, И. Ханзал, Й. Загорский, защитники Й. Шроубек, Я.

Бютнер, Я. Пушбауэр, К. Гут, Ф. Тикал, нападающие К. Пешек-Када, И. Тожичка, В. Забродский, Л. Букач, Я. Гавел, Й. Горешковский, И. Кохта, В. Костка, П. Брдичка. Из нынешних кумиров, кто кует славу чехословацкого хоккея на сегодняшних ледовых аренах, со стенда на мальчишку смотрели Иржи Холечек, Павел Рихтер, Ян Заичек, Иржи Хрдина, Владимир Нейдл, Ярослав Шима, Иржи Никл. Правда, любимого игрока Франтишека Владимира Мартинца на этом стенде не было, поскольку он играл за другой клуб — за «Теслу» из Пардубице. Но даже «чужая» принадлежность не могла заставить Франека разлюбить своего кумира. Он любил этого хоккеиста со всей страстью пылкой юношеской души, а после того, как судьба самым нелепым образом отняла у него отца, он и вовсе превратился для него в главного мужчину его жизни.

— Франек, спустись на землю, — услышал Свозил рядом с собой голос своего приятеля по детско-юношеской команде «Спарта» Йохана Виха.

— Уже спустился, — улыбнулся Франек и отошел от стенда.

Йохан приблизился к нему вплотную и, глядя в глаза, спросил:

— Ты не забыл, куда мы идем сегодня?

Франеку не надо было напрягать свою память, поскольку с этим же вопросом к нему в последние полчаса подходили еще двое игроков их команды — Богумил Хорак и Вацлав Вилк. Речь шла об акции, которую мальчишки давно задумали осуществить против одного русского дипломата, который почти ежедневно захаживал в кафе недалеко от их спортивной школы и ставил свой «Мерседес» как раз на том углу, мимо которого они ежедневно проходили, возвращаясь из школы домой.

— Покажем этому русскому, где раки зимуют, — заговорщицки шептал главный вдохновитель этой акции Хорак.

Его отец в августе 68-го пострадал во время августовских событий — его исключили из компартии за то, что он поддержал Александра Дубчека, поэтому у него были личные счета с русскими. Все остальные ребята не имели к ним никаких претензий, но не могли отказать своему товарищу. Тем более Хорак подвел под это дело хоккейную базу: дескать, на носу чемпионат мира в Праге и надо дать знать русским, что их здесь ждет отнюдь не ласковый прием.

— А то этот дипломат совсем зазнался — жрет в нашем кафе рогалики и чувствует себя, как дома, — злился Хорак. — А кто его звал в нашу страну? Пусть катится в свои Советы.

Свозил тоже согласился с Хораком из чувства солидарности. Но сегодня утром, когда он собирался в школу, мать предупредила его, чтобы в пять часов вечера он был дома — они собирались поехать на могилу отца на Ольшанском кладбище. Поэтому, придя в школу, Франек сразу предупредил Хорака о том, во сколько часов ему надо быть дома.

— Ничего, успеешь, — отмахнулся Хорак. — Акцию мы проведем около трех — именно в это время русский заезжает в кафе.

Когда закончились занятия, участники акции собрались на заднем дворе школы и стали горячо обсуждать то, как они отомстят русскому. Поскольку всю акцию надо было провести за считанные минуты, Вилк и Виха предложили разбить ему кирпичом стекла в «Мерседесе». На что, Хорак, достав из спортивной сумки шило, объяснил, что проткнуть шины автомобилю — гораздо более эффективный способ мести.

— Так можно сделать оба дела сразу — сначала вы с Франеком проткнете ему шины, а потом мы с Вихой выбьем ему стекла, — предложил Вилк.

На том они и сошлись.

Когда мальчишки подошли к кафе, там уже стоял «Мерседес» русского. Он был чрезвычайно пунктуален, что облегчало дело. Мстители знали, что русский сидит в кафе около двадцати минут — за это время он обычно успевал съесть свой рогалик, запить его кофе и выкурить сигарету.

Достав шило, Хорак передал сумку Вихе и, кивнув Франеку, чтобы тот следовал за ним, направился к автомобилю. Они быстро миновали расстояние от противоположного дома до «Мерседеса» и присели у его заднего колеса. Улица в эти минуты была пуста, что было на руку злоумышленникам. Хорак вытащил из кармана шило и с силой вонзил его в резину. Раздался свист выходящего наружу воздуха, что означало — дело сделано. После этого Хорак передал шило Франеку, чтобы тот проткнул второе заднее колесо. И когда мальчишка на полусогнутых ногах стал смещаться от левого колеса к правому, из дверей кафе внезапно вышел русский с бумажным пакетом в руках.

Видимо, сегодня он не стал засиживаться в кафе, а предпочел купить свои любимые рогалики в дороге. Его заметили Вилк с Вихой, которые стал махать руками, пытаясь привлечь к себе внимание друзей. Но те были так увлечены своим делом, что не заметили этих знаков. Зато на них обратил внимание русский. Проследив глазами куда смотрят двое пацанов, машущих руками, он бросился к своему автомобилю. И в тот момент, когда Франек уже собрался было вонзить шило в резину, он схватил его за руку.

Спустя минуту русский затащил упирающегося мальчишку в кафе и попросил его владельца вызвать милицию. И все время, пока та ехала к месту происшествия, он не сводил взгляда с Франека, который стоял в углу и смотрел на него, как затравленный зверек.

Милиция приехала через пятнадцать минут. Выслушав рассказ русского и осмотрев его автомобиль с проткнутой шиной, двое стражей порядка предложили ему проехать с ними в участок, чтобы зафиксировать все на бумаге. Франеку они не задали ни одного вопроса, отложив это дело для участка.

Когда они приехали в милицию, там их принял молодой поручик, назвавшийся Йожкой Земаном. И первое, что он сделал, учинил допрос Франеку.

— Как тебя зовут?

— Франтишек, — ответил мальчишка, который, пока они ехали, окончательно успокоился и уже не был похож на зверька.

— А фамилия? — продолжал допрос Земан.

— Свозил.

Услышав, как зовут мальчика, русский, который сидел за соседним столом и писал заявление, поднял голову и внимательно посмотрел на Франека.

— Где ты учишься?

— В спортивной школе.

— Твои родители знают, чем ты занимаешься после уроков?

Кстати, где они работают?

— Мама в магазине бухгалтером, а отца нет.

— Бросил?

— Умер.

— Давно?

— Месяц назад.

— Он что, болел?

— Нет, на машине разбился.

— Вот, значит, как ты чтишь память отца? Хочешь и мать свою в гроб вогнать?

— Ничего я не хочу, — надул губы Франек и отвернулся к стене.

— На меня смотри, — Земан стукнул кулаком по столу. — Кто придумал проколоть шины — ты или твои дружки?

— Не было никаких дружков.

— А вот товарищ говорит, что были — еще трое ребят. Ты зря думаешь, что сможешь их выгородить. Мы их всех найдем уже сегодня.

В это время русский поднялся со своего места и, скомкав заявление, бросил его в урну.

— Не надо никого искать, — произнес он на хорошем чешском.

— В каком смысле? — поднял на него глаза Земан.

— В прямом — я передумал писать заявление и не имею никаких претензий к этому мальчишке. Пусть идет домой и учит уроки.

— Но он же проткнул вам шину!

— А кто это видел? Может, я на стекло наехал, когда в кафе торопился.

— А шило?

— Какой мальчишка не носит с собой этот инструмент, пан поручик?

Спустя пять минут русский и Франек вместе покинули милицейский участок. Выйдя на улицу, русский закурил сигарету и спросил у мальчишки:

— Отца на Ольшанах похоронили?

Франек кивнул головой.

— Бываешь у него?

— А сколько сейчас времени?

— Начало пятого.

— Тогда мне домой надо — в пять часов мы с мамой к отцу поедем.

— В таком случае, не буду тебя задерживать, — и русский протянул Франеку на прощание свою раскрытую ладонь.

24 апреля 1978 года, понедельник, Москва, площадь Дзержинского, КГБ СССР

До отлета сборной СССР по хоккею оставались еще сутки, а у Тихонова уже голова шла кругом. За эти несколько дней он успел побывать сразу в нескольких высоких ведомствах и везде его просили не подкачать — победить. Об этом ему говорили в секторе спорта в ЦК КПСС на Старой площади, в Федерации хоккея в Скатертном переулке и даже в Министерстве обороны, куда он заехал по делам ЦСКА. Вот и теперь, в кабинете председателя КГБ Юрия Андропова Тихонов услышал те же самые напутственные слова, хотя сама тема разговора касалась более широких вопросов, чем только победа на чемпионате. Андропов ввел гостя в курс международной ситуации, которая сложилась вокруг мирового чемпионата и предупредил, что в Праге играть будет даже сложнее, чем в прошлом году в Вене, хотя Чехословакия, вроде бы, социалистическая страна.

— Вы, наверное, заметили, что когда чемпионаты проходят в социалистических странах, то в первых матчах нам достаются весьма слабые соперники, — помешивая ложкой, уже остывший в чашке чай, вещал Андропов. — Как, впрочем, и чехословакам. Например, три года назад в Польше нам досталась сборная хозяев турнира, а чехам — восточные немцы. Правда, это не помешало нам проиграть полякам, но это была незапрограммированная осечка. Зато чехи победили немцев со счетом 10:0, если я не ошибаюсь. Если взять более ранние времена, то в 72-м году в Чехословакии чехи в первом туре играли со швейцарцами, а мы с западными немцами. А год спустя в Москве чехам досталась сборная Польши, а нам — восточные немцы. Но в этот раз, как вы знаете, все выглядит иначе. В Праге в первом же матче чехи выбрали себе в спарринг-партнеры сборную ГДР, а нам предоставили возможность биться с американцами. Такое уже было три года назад, но тот чемпионат проходил в капиталистической стране — в ФРГ. Так что к чехам мы формально едем в качестве друзей, а на самом деле...

Андропов не стал заканчивать предложение, но мысль его была понятна.

— Как же мы дожили до жизни такой, Юрий Владимирович? — задал Тихонов вопрос, который давно вертелся у него на языке.

— Да вот, представьте себе, дожили, — развел руками шеф КГБ. — Мы ведь к чехословакам всегда относились, как к братьям, шли им навстречу с открытой душой. Столько всего для них делали и делаем. Когда Юрий Гагарин вернулся из космоса и поехал по миру, знаете в какую страну его направили первым делом? В Чехословакию. И Валентину Терешкову чуть позже тоже. А в марте этого года мы запустили в космос первый международный экипаж из двух космонавтов. Один из них наш гражданин — Губарев, а второй — чехословак Ремек. Хотя могли и немца послать, и болгарина.

— Тогда в чем же дело?

— В противоречиях, которые имеют свойство быть и нарастать, если им не уделять должного внимания, — уклончиво ответил Андропов.

Вообще в советских верхах он был одним из самых информированных людей, тем более в делах взаимоотношения между социалистическими странами. Ведь в середине 50-х он был послом в Венгрии, а потом в течение нескольких лет возглавлял новый отдел — по контактам с соцстранами. Поэтому многое знал из того, о чем большинство советских людей, в том числе и из руководящего звена, попросту не знали. Они черпали информацию из советских газет, а Андропов — из закрытых отчетов, которые ложились ему на стол из всех соцстран. Поэтому он лучше других знал, что ухудшение отношений между СССР и Чехословакией началось еще за несколько лет до августа 1968 года. И это нашло свое отражение в том числе и в спорте. Например, в 1966 году в городе Кладно надолго пришлось прервать матч между местной командой «Польди» и московским «Динамо». Причина — неспортивное поведение чехословацких хоккеистов. Этот инцидент стал поводом к тому, чтобы в том же году на совещании руководителей спортивных ведомств социалистических стран, проходившем в Тбилиси, с представителями ЧССР было достигнуто соглашение об укреплении дружбы между спортсменами обеих стран, усилении воспитательной работы. Но эти пожелания остались лишь на бумаге. И уже в следующем году, на чемпионате мира в Вене, в финальном матче между сборными СССР и ЧССР, вспыхнула массовая драка между игроками. Собственно, весь тот матч от 9 марта выдался нервным и драматичным. Особенно страсти накалились на 42-й минуте, когда чех Ярослав Иржик сравнял счет —

2:2. А спустя три минуты Анатолий Фирсов снова вывел советскую сборную вперед, а Виктор Якушев через две минуты увеличил разрыв — 4:2. Вот тут нервы у чехословаков не выдержали. И на 57-й минуте вспыхнула та самая драка. И судьям (а их было двое — канадец Ван Делен и швед Цольф Викинг) с трудом удалось усмирить хоккеистов. В итоге четверо из них отправились на скамейку штрафников. У СССР это были Олег Зайцев и Александр Рагулин, у чехов — Ярослав Голик и Ладислав Шмид. А спустя минуту советский защитник Виктор Кузькин и вовсе был удален на 5 минут. Правда, чехам это не помогло — матч они проиграли.

Этот инцидент имел широкий резонанс, особенно в Чехословакии. Местные власти обвинили в драке советскую сторону (об этом даже написала их главная партийная газета «Руде право»). Свои критические мнения высказали заместитель министра иностранных дел Пудлак, заведующий отделом печати МИД Дуфек, заведующий международным отделом ЦК КПЧ Кадерка и ряд других высокопоставленных деятелей. Из советского посольства в Праге прозвучал призыв «временно прекратить на территории ЧССР встречи советских и чехословацких спортсменам по тем видам спорта, которые связаны с резкой силовой борьбой и вызывают излишне нервозную и необъективную реакцию зрителей (хоккей, футбол, бокс и т. п.), а также отказаться от направления советских судей на международные соревнования, в которых принимают участие чехословацкие спортсмены».

Против этого предложения выступил Спорткомитет СССР, который предложил диаметрально противоположное — расширить контакты советских и чехословацких спортсменов. Была даже выдвинута инициатива пригласить игроков сборных СССР и ЧССР на Черное море для совместного отдыха. Андропов прекрасно помнил тот день, когда его помощник принес ему для ознакомления документ с этой инициативой. Это было в апреле 1967 года, ровно за месяц до его назначения шефом КГБ. Прочитав этот документ, Андропов чуть со стула не упал.

— Они что там, в Спорткомитете, белены объелись? — возрился он на помощника. — Да эти хоккеисты в первый же день захотят отметить свою встречу, пойдут и напьются массандровского вина. А потом начнут припоминать друг другу свои прошлые обиды — кто

кому на том же чемпионате мира кулаком по физиономии съездил. И вот вам новое массовое побоище. Причем с куда более тяжелыми последствиями, чем в Вене.

Короче, Андропов отклонил это предложение Спорткомитета.

Естественно, всего этого шеф КГБ рассказывать Тихонову не стал, но от обсуждения серьезной темы не уклонился. Своего собеседника он знал давно, уважал и доверял ему. Поэтому не считал зазорным поделиться с ним своими мыслями на столь животрепещущую тему.

— Эти противоречия усугубляет и то, что подросло новое поколение молодежи, которое мыслит несколько иначе, чем их предшественники, — продолжил свои размышления Андропов. — Им все прошлые достижения, как у нас принято говорить, по барабану. На всем готовом живут, поэтому ничего и не ценят. Это, кстати, и ко многим нашим молодым спортсменам относится. Мне мои аналитики прямо говорят: еще лет десять пройдет, и наша молодая спортивная поросль побежит на Запад. В ту же НХЛ, например.

— Что же делать?

— Совершенствовать нашу систему, делать ее привлекательной для молодежи. Собственно, ради этого мы, например, и взялись за хоккей, так как он начал буксовать. Еще год-два такой пробуксовки и молодежь начнет утрачивать к нему интерес. На подходе ведь другие виды спорта — каратэ, к примеру. Вы фильмы с Брюсом Ли не видели?

— Откуда, Юрий Владимирович? — искренне удивился Тихонов.

— Ну да, это я погорячился, — улыбнулся Андропов. — Но имя такое, надеюсь, слышали?

— Читал где-то про него — кажется, в нашей рижской «Советской молодежи». Это китайский актер, который в кино популяризирует каратэ?

— Совершенно верно. Мне его фильмы специально привезли, показали. Так вот молодежь на Западе его обожает. Думаю, скоро и у нас бум на это каратэ начнется — мы же не закрытая страна. Тем более Хельсинские соглашения три года назад подписали. А каратэ — это спорт жестокий. Поэтому, чтобы нашу молодежь от него отвадить, нам надо снова наш хоккей на вершину пьедестала поднимать. И начать это предстоит вам в Праге.

— Вы не волнуйтесь, Юрий Владимирович, мы все понимаем и постараемся не подвести, — после небольшой паузы произнес

Тихонов.

— Лично я ни в вас, ни в наших ребятах никогда не сомневался, — ответил Андропов. — Но поскольку без помощи моего ведомства вам не обойтись, я и решил пригласить вас сегодня в этот кабинет. В Чехословакию с вами полетят трое наших сотрудников, которые, так сказать, будут прикрывать ваши тылы — координировать действия с местными нашими сотрудниками. Я прошу вас отнестись к их присутствию со всей надлежащей серьезностью и слушать все их рекомендации.

— Я надеюсь, они не будут касаться хоккейных проблем? — спросил Тихонов.

— Боже упаси! Их задача — предотвратить возможную утечку информации из штаба нашей сборной. Дело в том, что к нам поступила информация о том, что чехи будут активно вас прослушивать и приглядывать за вами, начиная с первых же ваших шагов на их земле. Их цель — разведать ваши планы.

— В таком случае, может быть, нам сменить гостиницу? — предложил Тихонов.

— Ни в коем случае! Вы же любите отель «Интернационал», не правда ли?

— Да, я всегда в нем останавливаюсь, когда бываю в Праге. Во-первых, эта гостиница построена в стиле сталинского ампира и напоминает мне родные московские высотки, а во-вторых — от нее легко добираться до Дворца спорта и до стадиона «Дукла», где я по утрам разминаюсь.

— Вот и отлично! Живите там на здоровье и в этот раз. Нам важно, чтобы чехи ни о чем не догадались. Более того, с вашей помощью мы будем сбрасывать им ту информацию, которая нам необходима, чтобы ввести их в заблуждение.

— А говорите, что ваши люди не будут вмешиваться в мои хоккейные дела, — произнеся это, Тихонов улыбнулся.

— Это не вмешательство, это — конструктивное сотрудничество, — и губы Андропова тоже тронула улыбка.

После этого они обсудили еще ряд деталей, касающихся взаимодействия тренерского штаба с людьми Андропова. После чего шеф КГБ сменил тему разговора и спросил:

— Как настроение у ребят перед вылетом?

— Волнуются. Но состояние боевое, все в отличной физической форме.

— Американцев уже изучили?

— Само собой. Выделяется первое звено нападения: Том Янганс, Керт Беннет и Стив Дженсен. Янганс и Дженсен вместе играют в «Миннесоте Норт Старс», прекрасно друг с другом взаимодействуют. А Беннет из «Атланты Флеймз», но тоже опытный игрок — ему в прошлом месяце тридцать лет исполнилось. Я запомнил его по Кубку Канады. Впрочем, как и Дженсена, хотя там они играли в разных звеньях.

— А кто еще из нынешних американцев играл на Кубке Канады? — поинтересовался Андропов.

— Вратарь Пит Лопрести и нападающий Харви Беннет. Лопрести хорош — тоже из «Миннесоты», задрафтован в 1974 году. Он сын известного вратаря Сэма Лопрести, который еще до войны играл в «Чикаго Блэкхоукс», а потом защищал ворота других клубов.

— Вратарская династия, значит?

— Причем неплохая.

— Ну, у нас хотя таких и нет, зато наши вратари любого американского за пояс заткнут, — улыбнулся Андропов. — Кстати, на Кубке Канады мы с ними неплохо сыграли: в первом матче 5:4 обыграли, а во втором, кажется, 5:0.

— У вас неплохая память, Юрий Владимирович, — похвалил собеседника Тихонов.

— Пока не жалею. Насколько я помню, первая игра получилась весьма грубой: наши удалялись раз пятнадцать, столько же и американцы.

— Там шведский судья Дальберг виноват — слишком либеральничал поначалу, ну, и распустил вожжи.

— А во второй игре четыре шайбы были на счету викуловского звена. И особенно активен был Борис Александров — два гола и одна голевая передача. Как, кстати, обстоят его дела?

— На прошлой неделе вернулся с ЦСКА из Волгограда — они выиграли чемпионат Вооруженных Сил.

— Значит, шансы вновь попасть под знамена сборной у парня есть?

— Поживем-увидим, — уклончиво ответил Тихонов.

Заметив, что его собеседник не в настроении развивать эту тему дальше, Андропов первым поднялся с места, чтобы проводить гостя до дверей.

*25 апреля 1978 года, вторник, Миловице, 35 км от Праги, штаб
Центральной группы войск*

Командующий Центральной группой войск в Чехословакии генерал-полковник Дмитрий Сухоруков стоял у окна в своем кабинете и смотрел, как от здания ЦГВ отъезжает автомобиль с советским послом в Чехословакии Владимиром Мацкевичем. Буквально несколько минут назад закончилась их встреча, длившаяся более двух часов, где они обсуждали совместные действия по предотвращению возможных антисоветских эксцессов во время проведения чемпионата мира по хоккею в Праге. Вместе с послом в резиденцию ЦГВ приезжал и руководитель Представительства КГБ при Федеральном МВД ЧССР Елисей Сеницын, который координировал действия своего подразделения с начальником контрразведки ЦГВ полковником Иваном Деевым.

Стоя у окна и глядя на выезжающий из ворот его резиденции кортеж, Сухоруков в который раз поймал себя на странной мысли, не дававшей ему покоя все эти дни. Казалось бы, вполне себе обычное спортивное мероприятие — чемпионат мира по хоккею, а поди ж ты — столько людей и разных подразделений поднято на ноги, что просто диву даешься. Тут тебе и Политбюро ЦК КПСС, и КГБ с Министерством обороны, и МИД, и еще куча всяких других ведомств и учреждений, которые не имеют к спорту прямого отношения. И все это происходит в стране, которую каких-нибудь тридцать три года назад советские войска освободили от фашизма. И даже он, Дмитрий Семенович Сухоруков, закончил войну именно здесь, в Чехословакии, участвуя в Пражской наступательной операции в составе 104-й гвардейской стрелковой дивизии 9-й гвардейской армии 2-го Украинского фронта.

Из задумчивости генерал-полковника вывел телефонный звонок. Подойдя к столу, он поднял трубку и услышал на другом конце провода голос Главнокомандующего Объединенными Вооруженными

Силами стран Варшавского Договора Маршала Советского Союза Виктора Куликова:

— Как настроение, Дмитрий Семенович? — спросил Маршал.

— Боевое, Виктор Георгиевич. Только что от меня уехал наш посол Мацкевич.

— Надеюсь, разногласий с дипломатами не было?

— Ни одного — обо всем договорились.

— Тогда действуйте по утвержденному плану. Желаю удачи, — и Маршал первым повесил трубку.

Утвержденный план операции под кодовым названием «Petlice» («Петля») ставил целью в том числе и окружение Праги воинскими частями 18-й гвардейской мотострелковой дивизии во время наиболее драматичных дней чемпионата — на его открытии и закрытии, а также во время игр сборных СССР и Чехословакии. Потому что именно в эти дни могли произойти акты массовых выступлений, с которыми вряд ли бы справились силы местного правопорядка или армии в силу своей внутренней солидарности с демонстрантами. Эта операция была согласована лично с лидером КПЧ Густавом Гусаком, с которым Сухоруков виделся вчера днем в президентском дворце в Праге.

Главнокомандующий приехал туда на правительственной «Чайке», остановившейся у подъезда Пражского Града. В роли встречающего выступил генерал-лейтенант — начальник военной канцелярии. Он сопроводил Сухорукова до кабинета Гусака, в котором тот до этого уже бывал. Кабинет был небольшой, его стены украшали старинные гобелены, а стол хозяина стоял в глубине у стены. Поскольку Гусак хорошо изъяснялся по-русски, никаких сложностей при общении с ним не возникало. Выслушав сообщение военного о том, что в ночь на 26 апреля к Праге будут стянуты советские воинские подразделения, президент попросил лишь об одном — чтобы это было сделано как можно аккуратнее. Именно об этом его просили товарищи по Президиуму ЦК КПЧ, когда несколько дней назад они обсуждали этот вопрос на закрытом заседании. Гусак не стал вдаваться в подробности этого заседания, но Сухоруков и без этого знал, что эту операцию одобряет в лучшем случае половина членов чехословацкого руководства. Другая половина настроена категорически против, особенно это касается «чешского крыла» Президиума, которое возглавлял Любомир Штроугал. Это «крыло» считало, что появление

большого количества советских солдат вокруг Праги не может укрыться от глаз рядовых пражан, что только усилит недовольство в обществе. Однако министр обороны Чехословакии Мартин Дзур был членом «словацкого крыла» того же Президиума, поэтому сумел настоять на проведении операции.

В ночь на 26 апреля десятки военных грузовиков из города Млада Болеслав, где была дислоцирована 18-я мотострелковая дивизия, двинулись в сторону Праги. До открытия чемпионата мира оставалось несколько часов.

*26 апреля 1978 года, среда, Прага, чемпионат мира по хоккею,
открытие и матч СССР — США*

Егор Красовский сидел на трибуне Sportovní hala (Дворец спорта), расположенном в парке имени Юлиуса Фучика, и с интересом наблюдал за церемонией открытия чемпионата мира по хоккею. Оно началось полчаса назад с появления на льду 12 знаменосцев в форме клубов — участников чемпионата Чехословакии. Затем под звуки национальных мелодий на ледовой площадке появились знаменосцы с государственными флагами стран — участниц чемпионата и 24 фигуристки.

Глядя на лед, Красовский периодически бросал взгляд и на правительственную ложу, где в эти минуты находились члены Президиума ЦК КПЧ. Среди них Красовский хорошо знал в лицо только одного человека — лидера ЦК КПЧ и президента страны Густава Гусака. Остальные были ему неизвестны, однако, сидевший рядом с ним Марек Скленаж быстро просветил приятеля на этот счет:

— Справа от Гусака наш председатель правительства Любомир Штроугал. Рядом с ним сидит Богуслав Хнеупек, министр иностранных дел, следом — Антонин Варуш, который заведует отделом международной политики в нашем ЦК. Слева от Гусака сидит Василь Биляк — наш главный идеолог, потом Кемпный, Ленарт, Ловетинский, Гула. Короче, почти весь Президиум собрался на открытие чемпионата.

— А каков возраст у ваших небожителей? — поинтересовался Красовский.

— Гусаку 65 лет, Биляку идет 61-й, Ленарту 54, а Штроугалу 53 года. А почему ты спрашиваешь?

— Сравниваю с нашими — у нас большинству уже за 70 лет.

После того как знаменосцы выстроились на льду, слово взял председатель Оргкомитета чемпионата З. Андршт, который приветствовал хоккеистов и зрителей. Слушая его речь, Красовский в один из моментов повернулся к Скленаржу и заметил:

— А ведь ваш председатель лукавит.

— Что ты имеешь в виду? — удивился чех.

— Я имею в виду его слова об атмосфере дружбы, которая должна сопутствовать этому турниру. Несколько часов назад я наблюдал совсем иное — весь стадион дружно поддерживал сборную США в игре против советской сборной. Уверен, что почти вся Чехословакия за пределами этого прекрасного Дворца спорта тоже болела против нас. Причем это вовсе не спортивная злость, а нечто совсем иное.

— Разве это открытие для тебя? — продолжал удивляться Скленарж. — Так всегда было после августа 68-го. Так сказать, синдром обиженной нации.

— Да нет, я все прекрасно понимаю — поделом нам за то, что мы пытаемся навязать свою волю другим народам.

— Иногда мне кажется, что ты не русский, а чех, — не скрывая своего восхищения заметил Скленарж и даже обнял приятеля за плечи. — Нет в тебе имперского снобизма. Ты демократ по своему духу, просто волею судьбы вынужден жить при диктатуре. Наверное, поэтому ты мне и приглянулся.

Красовский вновь устремил свой взгляд на лед, чтобы не встречаться лишней раз глазами с чехом. Он испугался, что тот сумеет разглядеть в них неприязнь, которая поселилась в его душе после разговора со Спрогисом. И хотя Красовский никогда не испытывал больших симпатий к КГБ, однако к человеку, который оказался банальным шпионом, решившим воспользоваться его доверчивостью, он относился еще хуже. И, принимая предложение чекистов, он сильно сомневался в том, что ему не удастся раньше времени не выдать своих чувств к чеху.

Во время матча сборных СССР и США, который состоялся перед открытием турнира, Красовский активно критиковал действия советской сборной СССР, чтобы произвести должное впечатление на

Скленаржа. А тот, как обычно, сидел с блокнотом в руках, и делал в нем записи, основанные на тех умозаключениях, которые выдавал его приятель. Кстати, критиковать сборную СССР в этой игре было за что — всю первую половину матча она никак не могла нащупать свою игру.

Тихонов выставил на игру лучших игроков — в воротах Третьяк, на льду три ударные пятерки. В первой играли Билялетдинов, Фетисов, Михайлов, Петров и Харламов, во второй — Лутченко, Федоров, Балдерис, Жлуктов и Капустин, в третьей — Васильев, Первухин, Мальцев и братья Голиковы. Помимо этого в третьем звене по мере необходимости на лед выходили Лебедев и Сергей Макаров.

Впрочем, на лед вышли не все — не было опытного Геннадия Цыганкова, который в первый же день по приезде в Прагу сильно простудился и выйти на игру не смог. Это, кстати, сразу заметил Скленарж и спросил об этом у Красовского. Тот же, зная истинную причину, слукавил — сказал, что ему это неизвестно.

— Наверное, с Цыганковым произошло что-то серьезное, если вместо него выпустили молодого Билялетдинова, — размышлял вслух Скленарж. — Он, кстати, играл на «Руде право» и там, честно говоря, звезд с неба не хватал. Странно, что Тихонов вообще взял его в сборную. Ведь есть же у вас Сергей Бабинов?

— Он травмирован, — сообщил Красовский. — А вот другой игрок — центрфорвард Владимир Шадрин — был вполне здоров, но Тихонов предпочел ему молодого Сергея Макарова. Впрочем, Тихонову видней. Это мы с тобой наблюдаем игру с трибуны, а тренер видит все изнутри. И если он в своем выборе ошибся, то мы это скоро увидим. Например, сегодня.

Несмотря на то, что счет в матче открыли советские хоккеисты, причем уже на 39-й секунде (это сделал Михайлов с подачи Фетисова), однако американцы не ступались и спустя семь минут сравняли счет (гол был на счету Харви Беннета из четвертого звена). Но спустя три минуты Балдерис снова вывел сборную СССР вперед. А через две минуты американцы опять восстановили равновесие — шайбу записал на свой счет защитник Пэтрик.

— Наша защита зевает, — поделился своим мнением Красовский. — Сначала Федоров «зевнул», а теперь вот и Васильев недосмотрел.

— С кем не бывает, — пожал плечами чех, хотя тут же сделал соответствующие пометки в своем блокноте.

Красовский заметил, как напротив фамилий Федорова и Васильева появились два минуса.

Под самый занавес первого периода Владимир Голиков сумел-таки вывести сборную СССР вперед — 3:2. Однако едва начался второй период, как центральный нападающий из второго звена американской сборной — Дэбол — сравнял счет.

— И снова защита нашего второго звена ловит ворон, — вырвалось у Красовского. — Вместо того, чтобы плотнее играть с игроками, они жмутся к воротам.

Прошло еще две минуты и Михайлов снова вывел сборную СССР вперед.

— Ваше первое звено, как всегда, в ударе, — похвалил действия советских игроков Скленадж. — И Билялетдинов не плох. Как думаешь, хватит у них сил на весь чемпионат?

— Напекаешь на «физику» или на старые травмы?

— На то и на другое. Харламов ведь после прошлогодней аварии уже не так катается, как раньше — осторожничает.

— Зато Михайлов, как шуровал клюшкой на «пяточке», так и продолжает шуровать.

В это самое мгновение Михайлов подхватил шайбу, посланную ему из своей зоны, обыграл американца и вышел один на один с вратарем Лапрести. Последовал уход вправо, бросок — но американец ловко парировал шайбу «блином».

— Да, обводка — это не «конек» Бориса, — грустно резюмировал Красовский. — Впрочем, и Лапрести сегодня на удивление хорош.

И снова Скленадж сделал очередную пометку в своем блокноте.

Видя, что у советской сборной никак не получается переломить ход игры, оживились трибуны. На первый матч турнира пришло почти 10 тысяч зрителей, причем более тысячи — это были советские люди, приехавшие в Прагу специально на чемпионат. Они создавали мощную поддержку своим кумирам, во все горло скандируя «Шай-бу! Шай-бу!» и «Мо-лод-цы!»

— Ваших много на чемпионат нагнали, — толкнул в плечо Красовского Скленадж.

— Но ваших все равно больше, — ответил Красовский.

Он был прав. Едва советские болельщики начинали скандировать, как огромная чаша Дворца спорта отвечала гулом и свистом, издаваемым чехословацкими болельщиками. Это была преимущественно молодежь, которую организаторы чемпионата пригласили на турнир намеренно — чтобы они поддерживали своих и застывали и затаптывали чужих, главным образом тех, кто болел за сборную СССР.

До конца второго периода оставалось чуть больше трех минут, когда американцы организовали очередную атаку. И снова на льду было их второе звено нападения — Уорнер, Дэбол и Фидлер. Именно последний и сравнял счет — 4:4.

— Это уже третья «плюха» нашему второму звену! — вырвался вопль возмущения из уст Красовского.

Кстати, и пятую шайбу американцы забили опять же, когда их второе звено противостояло нашему второму — автором гола был Уорнер. Правда, случилось это в третьем периоде за минуту с небольшим до конца игры, когда счет на табло был уже 9:4 в пользу сборной СССР. Однако Скленадж сделал пометку в своем блокноте о том, что защитники второго звена сборной СССР пропустили четыре шайбы, сами не забив ни одной. Впрочем, дважды отличился нападающий второго звена Балдерис. А самым ударным у советской сборной оказалось третье звено, нападающие которого забили четыре шайбы: две были на счету Александра Голикова и по одной и его брата Владимира и Мальцева. А нападающий первого звена Михайлов сделал хет-трик.

— Если бы американцы хорошо работали с Михайловым на «пяточке», то его хет-трика сегодня могло бы и не быть, — резюмировал Красовский, когда они покидали свои места. Впрочем, спустя два часа, которые они провели в уютном кафе на набережной Влтавы за обсуждением прошедшей игры, они снова были во Дворце спорта, где сначала была проведена церемония открытия чемпионата мира, а затем состоялся матч сборных Чехословакии и ГДР. «Разгрузочная игра», как метко выразился Красовский. Он же заметил своему приятелю:

— Ваши организаторы турнира не дураки: в первом же туре свою команду вывели на слабеньких восточных немцев, а нашей сборной подсунули честолюбивых американцев.

— Зато во втором туре ваши будут играть со слабенькими западными немцами, а нашим достались не слабые финны, — внес свою поправку Скленадж.

Кстати, на «разгрузочной» игре сборной ЧССР был почти аншлаг — при вместимости арены в 14 тысяч зрителей, пришло более 13 тысяч. Очень много было молодежи, которая каждый гол своей сборной сопровождала таким шумом, будто эти шайбы забивались не в проходном, а решающем поединке. Видимо, таким образом чехословацкие болельщики отрабатывали методы, которые они будут использовать в дальнейшем — в играх против более сильных соперников.

А пока чехословаки легко обыграли сборную ГДР со счетом 8:0. Причем, хозяева явно играли вполсилы, чтобы зря их не расходовать. Самым результативным у них оказалось третье звено, забившее четыре шайбы: две были на счету Петера Штясны, по одной у Мариана Штясны и Халупы. Два других звена забили по два гола. Так начался пражский чемпионат мира 1978 года.

27 апреля 1978 года, четверг, Прага, чемпионат мира по хоккею

Марек Скленадж и Вернер Хорст гуляли по набережной Влтавы возле Манесова моста. Их свел вместе полковник Гавлик по просьбе Хорста — ведь немец был также заинтересован в поражении сборной СССР, как и оба чеха. Поэтому с первых же дней чемпионата изыскивались самые разные возможности для этого. Например, в этот день должен был состояться матч, где советская сборная встречалась с командой ФРГ, с которой у Хорста был непосредственный контакт. И эта встреча со Скленаджем хотя ставила целью выявить слабые места у сборной СССР и попытаться если не победить ее (в такой исход мало кто верил), то хотя бы ослабить.

— По нашим сведениям, русские собираются выставить в своих воротах Пашкова, а Третьяку дать отдохнуть перед следующей игрой — с финнами, — сообщил Скленадж.

Они стояли у парапета и смотрели на безмятежные воды Влтавы, которая катила свои волны прямо перед ними.

— Этой информации можно верить? — поинтересовался Хорст.

— Не совсем. Хотя ее удалось подслушать во время разговора Тихонова с Юрзиновым на их вчерашней пешей прогулке у гостиницы, однако, возможно, они блефуют. С русскими работают агенты КГБ, которые зря свой хлеб не едят.

— Но если это блеф и в воротах встанет Третьяк, что посоветуете?

— Побольше бросать из любых позиций. И еще помнить, что слабое место у Третьяка — выходы из ворот. А также он слабее играет в левой стороне ворот, чем в правой.

— Что с полевыми игроками?

— Будут играть сильнейшие, — сообщил Скленадж. — Вашим ребятам, сами понимаете, с ними тягаться сложно, но можно обхитрить. Надо сделать так, чтобы они как можно чаще удалялись. Особенно это касается первого звена. Там самый взрывной — Петров. Он в этом году в чемпионате Советов набрал больше всего штрафных минут в своей команде — 41. Так что задирайте его почаще, нервнируйте. Если даже он не сядет на скамейку штрафников, будет вынужден ошибаться. А без своего центра это звено не сможет играть в полную силу. А еще будет лучше, если вы его травмируете.

— Его одного или у вас есть еще кандидаты в лазарет? — спросил Хорст.

— В каждом звене у русских есть игроки, без которых их пятерки теряют свою остроту. Например, во втором звене это Капустин, в третьем — Мальцев. Из защитников самый опасный Фетисов. Если бы вам удалось отправить его в лазарет на пару матчей, было бы весьма неплохо. Он, кстати, еще более взрывной, чем Петров — у него в этом сезоне набежало целых 46 штрафных минут. Так что грех было бы не воспользоваться этой особенностью его характера.

— Что скажете о судье?

— Американец Пирс — темная лошадка, — сообщил Скленадж. — Матчи мирового турнира судит впервые, в какой-либо предвзятости, тем более в пользу Советов, замечен не был. На турнире ему доверили судить всего лишь четыре матча, да и те из разряда не самых решающих.

Волны Влтавы продолжали свой неспешный бег, а эти двое еще около часа стояли у парапета и обсуждали свои тайные дела. А вечером они оба сидели на трибунах Дворца спорта, правда, в разных

местах. Хорст уселся за скамейкой запасных сборной ФРГ, а Скленадж занял место в ложе прессы, где его спутником был все тот же Егор Красовский.

Как выяснилось, советские тренеры схитрили — выставили в ворота Третьяка, а не второго вратаря Пашкова. Не поменяли они игроков и в остальных звеньях, выпустив на поле все те же три звена в прежних составах. На скамейке запасных остались защитник Цыганков и вратарь Пашков. А вот немцы выпустили четыре звена, где ударным было первое в лице двух защитников (Кислинг — Аухубер) и трех нападающих (Шлодер — Кюнхакль — Филипп). Самым опасным был их центр Эрих Кюнхакль — игрок «Кельна». Именно он два года назад, на Олимпиаде в Инсбруке сенсационно принёс своей стране бронзовые награды: в матче последнего тура ФРГ должна была выигрывать с разницей в три шайбы у сборной США, чтобы завоевать третье место, и именно Кюнхакль забросил четыре (!) шайбы, принеся своей стране победу 4:1. Причем тогда в нападении вместе с Эрихом играли все те же Алоиз Шлодер и Райнер Филипп. Однако в Праге это звено практически сразу пропустило шайбу от своего визави — первого звена советской сборной.

Фетисов отдал точный пас Харламову и тот с ходу бросил по воротам Вайсхаупта, застав его врасплох. На табло было 3 минуты 53 секунды. А спустя четыре минуты судья Пирс удалил немецкого игрока Аухубера — защитника из первого звена — советская сборная воспользовалась шансом: гол забил Александр Голиков. А еще через минуту Фетисов забил третий гол. Казалось, что ход игры полностью контролируют советские хоккеисты. Но тут нападающий из второго звена сборной ФРГ Вильд внес свои коррективы — забил шайбу в ворота Третьяка с подачи вездесущего Кюнхакля. В игре появилась какая-то интрига. Тем более, что у сборной СССР на скамейку штрафников отправился Петров. Немцы бросились осаждать ворота Третьяка, но советская команда защищалась весьма изобретательно, прессингуя немцев и не давая им нормально принять шайбу. Так истекли две минуты у Петрова. А едва он вышел на лед, как его звено тут же забило гол — отличился Михайлов. Но не прошло и минуты, как нападающий Кеберле из четвертого звена снова сократил разрыв — 4:2. А потом снова у нас удалили Петрова. Он отмахнулся от немца, который прижимал его к бортику и бил кулаком в бок. Удар Петрова

пришелся немцу по лицу и тот картинно схватился за скулу. И судья удалил русского, а немцу даже не сделал замечания. Глядя на это, Скленадж с удовлетворением отметил, что его наставления Хорст не оставил без внимания — передал их немецкой команде.

Однако, как немцы не старались, пробить оборону советской сборной они и в этот раз не сумели. И команды ушли на перерыв при счете 4:2 в пользу сборной СССР.

Во втором периоде случилось неожиданное — ни одна из команд не смогла забить гол. Зато продолжались удаления. Причем у советской сборной опять в числе удаленных был Петров, а также Балдерис (дважды) и Фетисов. Как будто специально судья сажал на скамейку штрафников игроков сборной СССР, предоставляя шанс немцам сократить разрыв в счете. Но тем это никак не удавалось — защита русских играла надежно.

«А они хорошо наиграли защиту на игру в меньшинстве», — отметил про себя Скленадж. Это же ему подтвердил и Красовский. Когда он спросил у него «Тебе не кажется, что немцы не умеют хорошо играть в большинстве?», тот ответил:

— Это у наших хорошо поставлена игра в меньшинстве.

— Что посоветуешь сделать немцам? — поинтересовался чех.

— Выпустить шестого полевого игрока и снять у нас Третьяка, — пошутил Красовский.

Но затем добавил:

— Немцы упорно играют в четыре звена, не давая возможности разыграться своему первому звену. Будь моя воля, я бы дал ему поиграть подольше и особенно в большинстве.

В перерыве Скленадж отошел от Красовского, который ушел пить кофе и встретился с Хорстом. И поделился с ним мнением своего русского коллеги, выдав это за свое:

— Попробуйте сыграть в три звена и больше времени предоставьте звену Кюнхакля.

И в третьем периоде немцы так и сделали. Правда, это сначала привело к двум голам в их ворота: шайбы забили Макаров и Мальцев из третьего звена. Но когда американский судья снова удалил советского игрока, немцы выпустили на лед первое звено и дали ему играть все две минуты. В итоге Филипп с подачи Кюнхакля забил гол. Счет стал 6:3. Но спустя минуту Жлуктов снова увеличил разрыв.

Однако прошло еще несколько минут и первое звено немцев, играющее дольше других, снова отличилось — гол забил Шлодер. А ассистировал ему все тот же Кюнхакль. Со счетом 7:4 матч и закончился.

1 мая 1978 года, понедельник, Прага, гостиница «Интернационал»

Хоккеисты сборной СССР встали на час раньше обычного, чтобы принять участие в первомайской демонстрации, которая должна была состояться в Праге. Спустившись вниз, на второй этаж гостиницы, где размещалась столовая, спортсмены принялись за завтрак. Вместе с ними завтракали и их хорошие знакомые — советские артисты, которые приехали на чемпионат, чтобы помочь им в свободные часы снять напряжение после матчей. Это были Евгений Леонов и две «комические старухи» — Борис Владимиров и Вадим Тонков, больше известные как «старушки» Авдотья Никитична и Вероника Маврикиевна. Причем последние даже за трапезой не выходили из своих образов и веселили хоккеистов своими скетчами. Это было весьма кстати — несмотря на то, что наша сборная была лидером турнира, однако ее игра еще была далека от совершенства. За последние несколько дней ею был сыгран еще один матч — против сборной Финляндии (30 апреля), который она выиграла 6:3. Правда, игра получилась напряженной. Достаточно сказать, что первый период советская сборная закончила, проигрывая 0:2. И только после тренерской «накачки» в перерыве, игроки взялись за дело и сумели перехватить инициативу. Правда, к началу третьего периода ситуация все равно была скользкая — 3:2 в пользу сборной СССР. Но на заключительном отрезке ярко проявило себя наше первое звено, забившее три шайбы (две — Михайлов и одну — Харламов).

Опробовал Тихонов в этой игре и свое новшество — четвертое звено, скомпонованное из трех игроков первого звена (Билялетдинов — Фетисов, Петров) и двух запасных (Лебедев — Макаров). И звено «выстрелило» одной шайбой — это сделал Макаров с подачи Лебедева (этот гол как раз восстановил равновесие в игре — счет стал 2:2). Посмотрев на игру этого звена, Тихонов с Юрзиновым пришли к мнению, что его можно использовать и в дальнейшем.

В эти же дни с теми же сборными встречались и главные конкуренты сборной СССР — чехословацкие хоккеисты. И в их случае дело едва не обернулось катастрофой. В матче против финнов чехи умудрились уже в начале второго периода проигрывать 1:4. Но гол их капитана Ивана Глинки на 34-й минуте заставил хозяев льда встрепенуться. И вот уже под занавес того же второго периода Мартинец сокращает разрыв до одной шайбы — 3:4.

Поэтому третий период чехи начали с яростных атак финских ворот, которые защищал вратарь Кивеля. Причем делал он это так самоотверженно, что у хозяев поля никак не получалось его «пробить» и сравнять счет. И тогда на помощь чехам пришел... главный арбитр матча американец Пирс. На 44-й минуте он усмотрел нарушение со стороны финского игрока и отправил его на скамейку штрафников. И спустя несколько секунд Новак с подачи Эбермана сравнивает счет — 4:4. Но этого было явно недостаточно для хозяев турнира — им нужна была только победа. И тогда на горизонте снова возник Пирс. Спустя четыре минуты после последнего удаления, он снова наказывает двумя минутами штрафа финского игрока. И тот же Новак, но уже после паса Мартинца, выводит хозяев турнира вперед — 5:4. После чего чехи ушли в оборону — а они это делать умеют. Финны, естественно, бросились отыгрываться, раскрылись и... заработали еще один гол. Это сделал все тот же Мартинец на 56-й минуте. Так сборная ЧССР записала на свой счет два таких важных очка.

На следующий день чехи играли против сборной ФРГ, и там уже во втором периоде счет был 6:2 в их пользу. Затем они забили еще две безответные шайбы и победили со счетом 8:2. И к 1 мая в лидерах ходили три команды, набравшие по 6 очков: ЧССР, Швеции (они выиграла у ФРГ, США и ГДР) и СССР. Причем именно в такой последовательности, поскольку очков у этих команд было набрано поровну, но вот разница забитых и пропущенных шайб была разная. И у нас она была хуже — 22:12 (+10). Короче, наша защита и вратарь показали себя на этом отрезке не самым лучшим образом.

Тихонов вошел в столовую чуть позже игроков и, когда направлялся к своему столу, к нему подошел Владислав Третьяк.

— Виктор Васильевич, разрешите не идти сегодня на демонстрацию, — обратился к тренеру вратарь.

— А в чем дело, Владик?

— Хочу потренироваться.

— Переживаешь за пропущенные шайбы? — и губы тренера тронула улыбка сочувствия. — Не переживай — у меня к тебе претензий нет.

— Зато они есть у меня к самому себе.

— Но сегодня ты в воротах стоять не будешь — Пашкова поставлю. И ты сможешь полноценно отдохнуть.

Речь шла о матче против команды ГДР, которая считалась на турнире аутсайдером.

— Мне не отдыхать надо, а тренироваться. Разрешите, а Михайлов с Голиковым мне побросают.

— Какой из Голиковых? — уточнил Тихонов.

— Младший.

— Так он что, уже оклемался?

Удивление тренера было понятно. В матче с финнами Александр получил серьезную травму ноги — она распухла, вздулась. За ужином нога так разболелась, что он даже не смог есть. Его тут же унесли на руках в номер и врач команды Борис Сапроненков вместе с двумя массажистами почти всю ночь колдовали над игроком. И вот теперь тренер узнает, что Голиков-младший уже собирается снова на лед — тренироваться.

— Ну, хорошо, будь по-вашему, — согласился, наконец, Тихонов и отправился завтракать.

А Третьяк, вместе с двумя партнерами по команде и вторым тренером Владимиром Юрзиновым отправились собираться на тренировку. Она прошла в усиленном темпе. Юрзинов с Голиковым пробрасывали шайбы на «пяточок», а стоявший там Михайлов, пытался переправить их в ворота Третьяка.

1 мая 1978 года, понедельник, Прага, спальный район Просек

Егор Красовский сидел в кресле и, одной рукой лаская обнаженные ноги Бозены, которая взгромоздилась к нему на колени, потягивал из трубочки, опущенной в бокал, кубинский ром. Кроме них в комнате было еще несколько молодых людей, приглашенных Скленаржем по случаю 1 мая в ту самую квартиру в спальном районе

Просек, где Красовский впервые побывал еще в сентябре прошлого года во время турнира на приз газеты «Руде право». Самого Скленаджа в комнате не было — он вышел в коридор несколько минут назад, вызванный туда телефонным звонком. Вскоре он вернулся назад и по его сияющему лицу Красовский понял, что его приятелю сообщили какую-то приятную новость. И Марек не стал ее от него скрывать.

— Только что мне сообщили, что Третьяк, вместо того, чтобы махать красными флагами на демонстрации, во всю тренируется на катке. Значит, дела у него не столь хороши.

«А у него хорошо поставлена разведка», — подумал про себя Красовский, а вслух произнес другое:

— А чему тут удивляться, если он в трех матчах уже пропустил 12 шайб — в два раза больше, чем ваш Холечек.

— Интересно, чем это вызвано? У него спад формы или что-то психологическое? — гадал Скленадж.

— Думаю, последнее. Причем он неуверен не столько в себе, сколько в своих защитниках.

— Кого конкретно ты имеешь в виду? — усаживаясь с бокалом все того же кубинского рома на диван рядом с Красовским, спросил Скленадж.

— В первую очередь пару Лутченко — Федоров из второго звена, а также Васильева и Первухина из третьего. Первые пропустили пять шайб, вторые три. И это от соперников, которые считаются либо аутсайдерами турнира, либо его середнячками. Представляю, что будет, когда начнутся игры с фаворитами.

В это время кто-то из гостей щелкнул тумблером телевизора и на экране возник глава ЦК КПЧ Густав Гусак, произносящий с трибуны праздничную речь, посвященную Первомаю.

— Выключите этот спектакль, — крикнул Скленадж и тут же предложил: — Давайте лучше танцевать.

Молодежь с радостью подхватила это предложение, после чего из соседней комнаты был принесен магнитофон. И через несколько секунд комнату заполнили звуки женского вокала — зазвучала песня «Мама» Поля Мориа.

— А я знаю, кто ее поет — Далида, — сообщил собравшимся Красовский.

И был тут же осмеян.

— Неуч, это не Далида — это наша гордость Марта Кубиштова, — сообщил Скленадж.

— Кто такая, почему не знаю? — удивился Красовский.

— Потому что ты заиклен на одной Хелене Вондрачковой, — щелкнула его по носу Бозена. — А Кубиштова, кстати, начинала вместе с ней в одном трио, но уже восемь лет, как отлучена от эстрады за то, что поддержала «Пражскую весну» и подписала «Хартию-77».

— Так она диссидентка?

— Она, прежде всего, честный и бесстрашный человек, — заметил Скленадж, приглашая Бозену на танец.

Красовский остался сидеть в кресле, с почти опустошенным бокалом. Он смотрел на пары, медленно танцующие под известную всему миру мелодию, и думал об одном: день только начался, а он уже изрядно «наклюкался» рома. А ведь ему еще сегодня вечером предстоит идти на матч СССР — ГДР.

«Надо заканчивать с выпивкой, а то я свалюсь и не встану», — подумал Красовский и поставил бокал на журнальный столик.

В это время песня закончилась и Скленадж вернулся к своему русскому приятелю, а Бозена осталась общаться с подругами.

— Ты, друг, уже так надрался, что вряд ли сможешь представлять интерес для Бозены как мужчина, когда мы отсюда уйдем, — заметил Скленадж.

— Ничего, эта девушка даже мертвого поставит на ноги, не то что пьяного, — ответил Красовский. — Впрочем, ты прав — пойду-ка я подышу свежим воздухом на балконе.

Он встал и направился в соседнюю комнату, оставив приятеля сидеть с бокалом в руке на диване.

Подходя к балконной двери, Красовский обратил внимание на то, что на спинке стула, стоявшем в углу, висит пиджак его чехословацкого друга. Обернувшись назад и убедившись, что за ним никто не наблюдает, Красовский быстро сунул руку во внутренний карман пиджака и нащупал там блокнот, который Скленадж всегда носил с собой, делая в нем пометки, касающиеся матчей чемпионата мира по хоккею. С этим блокнотом Красовский вышел на балкон и плотно закрыл за собой дверь. Он, конечно, сильно рисковал, делая это, но желание заглянуть в святая святых чеха было настолько велико, да и случай представился такой удобный — обычно Скленадж никогда

не расставался с блокнотом, — что Красовский просто не смог справиться с охватившим его искушением. Тем более он не собирался долго держать блокнот у себя — ему требовалось только взглянуть на те записи, которые касались будущих игр чехословацкой сборной.

Открыв нужную страницу, Красовский воздал хвалу своему приятелю — тот был настолько аккуратен, что везде ставил даты. Поэтому похитителю не составило большого труда найти завтрашнюю дату, 2 мая, где имелась запись, имевшая прямое отношение к матчу ЧССР — США. Он быстро пробежал глазами состав чехословацкой сборной, который его не удивил. Чехи собирались опять играть тремя звеньями, а в воротах стоял все тот же Холечек. И лишь одно привлекло внимание Красовского — фамилия завтрашнего главного арбитра. Это был канадец Пол Маккормак, причем его фамилия была трижды жирно подчеркнута. А рядом в скобках были поставлены две даты — 8 и 10 мая. Что это значило, было пока непонятно, но Красовский каким-то внутренним чутьем понимал, что за этим что-то кроется.

В это время за его спиной скрипнула дверь и на балкон вышел Скленадж. Красовский в долю секунды успел сунуть блокнот за пазуху и придал лицу усталое выражение.

— Ну как ты тут, продышался? — спросил чех, положив ладонь на плечо приятеля.

— Малость полегчало, — ответил Красовский.

— О чем размышляешь?

— Ничего, кроме хоккея, в голову не лезет.

— Ты что, даже когда на Бозене лежишь, думаешь о том, как сыграет твоя сборная?

— Ты не поверишь, но даже тогда, когда не я, а она лежит на мне сверху, я все равно думаю о хоккее, — улыбнулся Красовский.

— Тогда ты больной человек и тебе надо лечиться. Тем более что сегодня ваша сборная играет проходной матч с командой ГДР и результат заранее известен.

— На этом чемпионате нельзя быть уверенным ни в чем.

— На что ты намекаешь?

— На то, что есть куча разных нюансов, которые могут повлиять на результат вне зависимости от того, как играют команды. Например, судьи.

— Ну-ка, объясни поподробнее, — и Скленадж вплотную придвинулся к приятелю.

— Ты, к примеру, знаешь, что наш судья Домбровский — немец? — спросил Красовский.

— Шутишь? — по лицу чеха было видно, что эта новость стала для него полной неожиданностью.

— Не шучу. Он родился в немецком селе в Крыму, в 1941 году со всей семьей был депортирован в Казахстан. И здесь на чемпионате судит матчи с участием сборных ФРГ и ГДР.

— Как же ему разрешили?

— А вот так — сами немцы не имеют к нему никаких претензий и согласны, чтобы он судил их матчи. Но помани мое слово, обе игры будут сыграны вничью.

— Почему?

— Чтобы никому обидно не было — поделят очки между собой и все довольны. В том числе и судья.

— Ну, и бог с ним — лишь бы он не судил другие матчи.

— Для этого есть другие арбитры. Ты, например, кого из них знаешь?

— Я хорошо знаю нашего Шубрта, финна Сеппонена, немца Компаллу, американца Пирса, наконец, того же Домбровского.

— А канадца Маккормака, который будет судить ваш завтрашний матч с американцами?

Скленадж наморщил лоб, делая вид, что пытается вспомнить, известна ли ему услышанная фамилия. Наконец, он ответил:

— Нет, этот дядька мне неизвестен. Может быть, ты просветишь?

— К сожалению, я тоже о нем ничего не знаю, но вам надо к нему приглядеться. Вдруг он тайный агент Кремля?

Услышав это, Скленадж так расхохотался, что шедшие внизу люди — а их балкон находился на шестом этаже — стали задирать головы кверху.

— Ну, ты и шутник, Егор, — похлопал Скленадж своего приятеля по спине. — Лучше иди к Бозене, а я пока покурю.

Сказав это, Скленадж достал из кармана рубашки пачку сигарет. А Красовский покинул балкон и закрыл за собой дверь. Проходя мимо стула, он вернул блокнот чеха в карман его пиджака, и вышел в гостиную. Теперь он был на сто процентов уверен в том, что фамилию

Маккормака чех подчеркнул не случайно, а с умыслом. Судя по всему, этот судья был ему хорошо известен, но он почему-то решил скрыть этот факт от своего приятеля. Но Красовский, кажется, уже догадывался, зачем Скленадж это сделал.

*1 мая 1978 года, понедельник, Прага, чемпионат мира по хоккею,
матч СССР — ГДР*

— Что с вами происходит, черт возьми! — Тихонов ходил вдоль бортика и задавал этот вопрос своим подопечным. — Вы с кем играете — с лучшей командой мира, что ли?

Его возмущение можно было понять. Подходил к концу второй период матча со сборной ГДР, а счет на табло был ничейный — 2:2. И это при том, что немцы сыграли на этом турнире уже три матча и везде проиграли: 0:8 чехословакам, 2:6 канадцам и 1:10 шведам. И в каждой из этих игр к концу второго периода они проигрывали с большим счетом: чехословакам и канадцам 0:4, а шведам 0:6. И вот тебе раз — со сборной СССР они играли лучше, чем со всеми остальными. Так что негодование Тихонова было объяснимо. А тут еще в его голову настойчиво лезли мысли о том, что в эти же минуты в далекой Москве за матчем наблюдает Юрий Андропов и наверняка мысленно костерит его на чем свет стоит. А ведь Тихонов обещал ему, что его ребята будут из кожи лезть, чтобы вернуть себе титул чемпионов. Но пока из кожи вон лезли немцы, а советские хоккеисты были как сонные мухи.

Когда сирена возвестила об окончании второй двадцатиминутки и Тихонов шел по коридору в раздевалку, его догнал Вячеслав Колосков — начальник Управления хоккея Спорткомитета СССР.

— Виктор Васильевич, что происходит? — спросил он у тренера.

— А вы не видите — в ничью играем, — не сбавляя шага, ответил Тихонов.

— Я вижу, что вничью. Но с кем — с восточными немцами?

— Вот именно, что с восточными! — Тихонов остановился посреди коридора. — Они почему-то подо всех здесь легли, а вот под нас ложиться не хотят. С чего бы это?

— Вы на что намекаете?

— Мне кажется, что немцы явно под воздействием стимуляторов.

— Тогда мы можем апеллировать к антидопинговой комиссии и аннулировать результат.

— Вы забыли, где проходит чемпионат? В Праге! И матч, к вашему сведению, сегодня судят три чехословака: Шубрт, Экснер и Сладечек.

— Тогда играйте, черт возьми! — всплеснул руками чиновник. — На нас же вся страна смотрит!

— Думаете, мы об этом не помним?

— Тогда, может, вернуть в первое звено Харламова — Лебедев вместо него явно не тянет?

— Вячеслав Иванович, предоставьте тренерам решать, кого выпускать на поле, а кому стоит дать отдохнуть перед решающими играми.

— Да у нас здесь, как видно, каждая игра решающая — даже с аутсайдерами.

Вместо ответа Тихонов повернулся и продолжил свой путь, оставив чиновника посреди коридора.

В это время Красовский и Скленадж сидели в ложе прессы и обсуждали перипетии матча.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спрашивал чех русского.

— Пока лишь то, что третья пара наших защитников в лице Васильева и Первухина снова провалилась — две шайбы пропустили от Герда Мюллера. Вот ведь совпадение — он полный тезка знаменитого западногерманского футболиста, который шесть лет назад в двух матчах «отгрузил» вратарю нашей сборной Евгению Рудакову шесть мячей.

— Намекаешь на то, что этот Мюллер сделает сегодня то же самое?

— Чем черт не шутит, — пожал плечами Красовский.

— Слушая, а почему не играет Александр Голиков — без него третье звено потерялось? — спросил Скленадж.

На самом деле он был прекрасно осведомлен о том, что Голиков получил травму, но хотел прощупать своего собеседника. А тот возьми и ответь:

— Устал парень, решили дать ему отдохнуть.

И чех понял, что Красовский, который жил в одной гостинице с советской сборной и наверняка знал ситуацию изнутри, не хочет

распространяться о таких деталях.

Но, как показал ход дальнейших событий, третье звено и в отсутствии Голикова-младшего вполне могло сыграть достойно. Здорово «накачанные» гневными филиппиками своего тренера, хоккеисты сборной СССР с первых же минут третьего периода бросились на штурм ворот Вольфганга Краске. И уже спустя две с половиной минуты третье звено добилось успеха — гол забил Мальцев. Стало немного полегче. Правда, потом целых семь минут шайба ни в одни ворота больше не залетала. Но с 50-й минуты, как прорвало — советская сборная стала забивать один гол за другим. И за отрезок в три минуты забила четыре безответные шайбы. Причем три из них снова выпали на третье звено — в нем голы забили Мальцев, Васильев и Владимир Голиков (четвертая шайба была на счету Капустина из второго звена).

Когда гол Владимира Голикова довел счет до 7:2, Красовский поднялся со своего места.

— А ты говорил, что третье звено не в своей тарелке. Дальше можно уже не смотреть, — обратился он к Скленаржу и зашагал к выходу.

Вслед за ним встал и чех, а также многие другие зрители, пришедшие на этот матч. Кстати, было их в тот день на трибунах не так уж и много — всего чуть больше пяти тысяч человек.

*2 мая 1978 года, вторник, Прага, возле гостиницы
«Интернационал»*

Рано утром Тихонов выбежал на свою привычную пробежку. Компанию ему составил майор Игорь Костюк — старший группы сотрудников КГБ, которые были прикомандированы в Праге к сборной СССР. И когда они уже достаточно отбежали от гостиницы, Костюк сообщил:

— Наш источник вчера сообщил весьма интересную информацию. Судя по всему, канадский судья Маккормак работает на чехословацкой стороне.

— Значит, я оказался прав, — отозвался на это сообщение Тихонов.

— О чем это вы? — удивился Костюк.

— О нашем матче с финнами. Два первых гола они забили нам благодаря этому самому судье, который одного за другим удалил двух наших игроков.

— Значит, уже начал отрабатывать свой хлеб.

— А вдруг это лишь наши догадки? Да и ваш источник этот — ему можно верить? — слегка замедляя темп, спросил Тихонов.

— Он, конечно, может ошибаться, но это легко установить — сегодня Маккормак будет судить матч чехов с американцами.

— Я полагаю, что чехи и без всякого предвзятого судейства обыграют звездно-полосатых, — сделал свой прогноз Тихонов, сворачивая с улицы на боковую аллею.

— Согласен, но этот же арбитр, судя по всему, будет судить и два других матча чехов — со шведами 8-го и следующую игру 10 мая, которая может стать ключевой.

— А вот это уже интересно. Получается, чехи уже заранее обеспечили себе место в финале?

— Вы в этом сомневались?

— Я-то нет, но вот сами чехи, видимо, да, если решили подстраховаться заранее. Впрочем, в любом случае, надо сегодня сходить на их игру с американцами — убедиться окончательно, что не ошибаемся ни мы, ни ваш источник.

Тихонов снова прибавил темп, обогнав своего напарника на полшага. Их пробежка была в самом разгаре.

Костюк бежал за тренером и вспоминал свой недавний разговор с заместителем руководителя представительства КГБ в Чехословакии Иваном Кузьменковым. Они встретились в первый же день после прилета Костюка в Прагу и обсуждали план совместных действий. Кузьменков доложил гостю, что им будет противостоять люди полковника Гавлика из внутренней контрразведки СТБ. Услышав это, Костюк спросил:

— Узду на этого Гавлика накинуть нельзя?

— Он человек Штроугала — одно время работал в его охране, — ответил Кузьменков. — К тому же Гавлик официально назначен одним из руководителей по обеспечению контрразведывательной деятельности на чемпионате и входит в специальную комиссию ЦК КПЧ по проведению чемпионата.

— В ту, что возглавляет первый секретарь Пражского горкома партии Александр Капек? — уточнил Костюк.

— Именно. Поэтому Гавлик всегда может прикрыться этой комиссией.

— Значит, надо искать подходы не к самому Гавлику, а к его людям. Такая возможность у нас есть?

— Возможность-то есть, да вот времени почти нет, — покачал головой Кузьменков. — Чемпионат уже завтра начнется, а нам надо не только выявить этих людей, но и найти среди них тех, кто со слабинкой. Поэтому скорый результат не гарантирую.

С тех пор минула вот уже неделя, а дела у Кузьменкова в этом направлении так и не продвинулись. И Костюка теперь заботило только одно: успеет его коллега до конца чемпионата выявить среди людей Гавлика человека со слабинкой или не успеет? Ведь от этого результата напрямую зависела и судьба его собственной миссии в Праге.

2 мая 1978 года, вторник, Москва, улицы города

Борис Александров свернул на автозаправку, чтобы заполнить бачок своего «Жигуленка» горючим и продолжить путь. Он ехал на дачу к Кучковым и с ним была его жена и дочка Катя, которых он должен был отвезти старикам, а сам собирался отправиться к себе на родину в Усть-Каменогорск. Жена и дочь сидели на заднем сиденье, причем Катя всю дорогу играла в свою любимую куклу и больших хлопот своим родителям не доставляла. Впрочем, взрослые практически не общались — сказать им друг другу было особо нечего, поэтому каждый был занят своими мыслями.

Оставив близких в машине, Александров вышел на воздух. Как вдруг кто-то хлопнул его по плечу и он услышал смех, который никогда бы не спутал ни с каким другим. Так мог смеяться только один человек — Владимир Высоцкий. Так оно и было — рядом с ним стоял знаменитый бард и актер собственной персоной, облаченный в модный батник, джинсы и с неизменной сигаретой в руке.

— Владимир Семеныч, какими судьбами? — расплылся в счастливой улыбке хоккеист.

— Да вот, только что прилетели из Харькова, с концертов, и едем в театр — у меня в двенадцать спектакль, — ответил Высоцкий.

— А с кем едете? — спросил Александров.

— С моим администратором — Гольдманом. Вон он в такси сидит, а я покурить вышел. А ты куда намылился?

— Еду на дачу к Николаю Кучкову — надо отвезти жену с ребенком. Я сегодня улетаю на родину, в Усть-Каменогорск.

— Я тоже улетаю, только через неделю — в Одессу, на очередные съемки.

— Что снимаете? — поинтересовался Александров.

— «Эру милосердия» братьев Вайнеров читал? Нет? Ну, ты и деревня — почитай обязательно. Когда выйдет фильм, сравнишь — наше кино не хуже должно получиться.

— А кто снимает?

— Слава Говорухин. Там несколько серий будет — фильм телевизионный. Я там муровца играю — капитана Глеба Жеглова.

— Про бандитов, значит, кино?

— Про них, родимых, только не нынешних, а послевоенных. Про банду «Черная кошка» слыхал? Вот за ней мой Жеглов и охотится.

Высоцкий затянулся сигаретой, после чего спросил:

— А ты почему на родину улетаешь?

— Сезон закончился, вот и хочу мать с друзьями повидать. Да я не надолго — дней на десять.

— Ах да, тебя же в сборную не взяли! — вспомнил Высоцкий. — Но ты не горюй, не взяли в этот раз, возьмут в следующий. За чемпионатом мира следишь?

— Не без этого.

— И как там наши играют? Я пока в Харькове был, упустил это дело.

— На первом месте пока идут.

— Почему пока?

— Блекло играют, без огонька.

— А ты чего от них хотел, если они таких игроков, как ты, туда не взяли? — улыбнулся Высоцкий.

В это время его окликнул Гольдман — он бил пальцами по своим наручным часам, показывая, что они опаздывают. Высоцкий тут же

отбросил сигарету в сторону и протянул хоккеисту ладонь для прощания:

— Ну, Борька, держи пять — даст Бог, скоро увидимся.

И он первым побежал к автомобилю, оставив Александра одного.

2 мая 1978 года, вторник, Прага, улицы города

— Здесь ровно двести буклетов, — передавая Франтишеку Свозилу полиэтиленовый пакет, сообщил Богумил Хорак. — Отец отпечатал их в своей типографии и уже вчера они с друзьями стали распространять их по всей Праге.

— Можно посмотреть? — спросил Франек, забирая пакет.

— Не можно, а нужно, — улыбнулся Хорак.

Он сам достал из пакета один из буклетов и показал другу сначала его обложку. На ней была размещена большая фотография сборной Чехословакии образца 1969 года, когда они на чемпионате мира в Швеции дважды обыграли советских хоккеистов, чем взбудоражили практически всю свою страну. Под фотографией красовалась надпись, сделанная аршинными буквами. Она гласила: «Так было в Швеции, так будет в Праге!». Открывала буклет драматическая история, которая произошла в 1950 году с чехословацкой сборной по хоккею. За год до этого эта команда стала чемпионом мира, а в марте 50-го почти вся целиком оказалась... в тюрьме. Игроков обвинили в том, что они хотели стать невозвращенцами — остаться в Англии во время очередного чемпионат мира по хоккею. И вместо Лондона они отправились за решетку. В буклете имелись фотографии тех игроков, получивших разные тюремные сроки: Богумила Модры (15 лет тюрьмы), Аугустина Бубника (14 лет), Станислава Конопасека (12 лет), Вацлава Розиняка, Владимира Кобранова (по 10 лет) и других.

Следом за этой статьей в буклете шел текст песни Марты Кубиштовой «Молитва Марты» 1969 года, которая стала гимном «Пражской весны», а также приводились отрывки из «Хартии-77». Наконец, на последней странице буклета, под фотографией Вацлавской площади, был помещен призыв ко всем пражанам: «Отметим победу нашей сборной на том же месте, на котором мы

радовались такой же победе девять лет назад. Нация едина своим духом».

— Правда, здорово? — восторженно произнес Хорак, возвращая буклет в пакет.

— И что нужно с ними сделать? — спросил Франек.

— Надо обойти несколько домов и вложить эти буклеты в почтовые ящики. Я уже раздал по двести буклетов нашим ребятам и они еще полчаса назад отправились по своим адресам. Мы с тобой поедem в Прагу-5 и сделаем то же самое. Ты готов или боишься?

— Я же не испугался колоть с тобой шины и не выдал вас с ребятами в милиции, — напомнил другу перипетии недавней истории Франек.

После этих слов Хорак пожал другу руку и они, усевшись на велосипеды, отправились разносить буклеты по почтовым ящикам. Им надо было управиться за два часа, поскольку вечером обоим, в компании их приятелей по спортивной школе, предстояло посетить матч чемпионата мира между сборными Чехословакии и США. Это было плановое мероприятие — ученикам их школы выдали специальные абонементы на все матчи чехословацкой команды, чтобы ребята могли активно поддержать своих соотечественников. Для этого они даже заготовили плакаты с победными призывами, обращенными к чехословацким игрокам.

Приехав на один из перекрестков Праги-5, мальчишки разделились: Хорак взял себе левую улицу, Франек — правую.

Поскольку дело это было нехитрое — заходи в подъезд и распахивай буклеты по почтовым ящикам — уже спустя час Франек практически опустошил свой пакет. На его дне оставалось около трех десятков буклетов, с которыми он зашел в последний подъезд типовой девятиэтажки. Подойдя к стене, где были почтовые ящики, Франек начал споро их рассовывать. И в этот самый миг он услышал за своей спиной мужской голос, обратившийся к нему с вопросом:

— Что это ты делаешь, парень?

Франек обернулся и обомлел — перед ним стоял милиционер. Судя по хозяйственной сумке, которая была у него в руках, он жил в этом подъезде и возвращался домой с работы, попутно зайдя в магазин за продуктами.

Ошеломленный неожиданным появлением стража порядка, Франек стоял перед ним с последним буклетом в руке, который он не успел бросить в ящик, и не знал, что ответить. Тогда милиционер не стал больше ничего спрашивать, а просто взял у него из рук буклет, чтобы посмотреть, что на нем изображено. И в течение минуты листал и изучал его содержимое. После чего вернул буклет мальчишке и спросил:

— В мой ящик ты тоже такой бросил?

— А какой у вас ящик? — спросил Франек.

— Девяносто пятый.

Мальчишка посмотрел на ящики и увидел, что этот буклет, что он держал в руках, был предназначен именно для того, на котором значился 95-й номер.

— Это ваше, — произнес Франек и протянул буклет милиционеру.

Тот взял его и сказал:

— Будь осторожен парень — не все в Праге такие, как я.

И сунув буклет в сумку, милиционер направился к лифту. А Франек, позабыв про пустой пакет, оставшийся лежать на подоконнике, стремглав бросился вон из подъезда.

Спустя час он уже сидел на трибуне Дворца спорта и драл горло за свою сборную. Кричать пришлось много, поскольку весь первый период ни одна из команд не могла забить гол. Однако, несмотря на это, игра вовсе не выглядела ожесточенной. Создавалось даже впечатление, что идет товарищеская игра — хоккеисты редко вступали в единоборство друг с другом, а если такое и происходило, то никакой грубости с обеих сторон не наблюдалось. На матче присутствовал посол США в Чехословакии, который сидел с каким-то чехословацким дипломатом, и это соседство лишь дополняло общее впечатление о том, что матч товарищеский. И победитель в нем заранее известен.

— Смотри, вон сидит советский тренер, — толкнул Франека в плечо Хорак и пальцем указал на мужчину, который сидел на гостевой трибуне справа от них и что-то писал в своем блокноте. — Видишь, что-то строчит в своем кондуите — готовится к игре с нашими.

— А это точно он? — выразил сомнение Франек.

— А кто же — Тихонов собственной персоной, — без капли сомнения в голосе ответил Хорак.

Тем временем только во втором периоде были забиты первые голы в этой игре. Их было три, причем все они были на счету чехословацкой сборной. А в третьем периоде голов было уже восемь — пять забил хозяева льда и три гости. В итоге со счетом 8:3 победила сборная Чехословакии.

Когда прозвучала сирена, возвестившая об окончании этого не слишком интересного матча, Тихонов сделал в своем блокноте последнюю и самую лаконичную запись: «За весь матч — ни одного удаления!» Это было редчайшее явление, с которым даже он, человек, который присутствовал на многих чемпионатах мира, почти никогда не сталкивался. Отыграть 60 минут и ни разу никого не удалить — это надо было постараться.

«Этот канадец Маккормак и в самом деле весьма занятная личность», — подумал Тихонов, закрывая свой блокнот.

3 мая 1978 года, среда, Прага, улицы города

Милан Затопек сидел в уютной пивной и потягивал темное пльзенское пиво, когда за столик к нему подсел светловолосый мужчина в джинсах и синем батнике. Это был один из игроков шведской сборной, с которым Затопек был знаком еще с прошлого пражского чемпионата мира — 1972 года. Затем они активно общались почти три года спустя — в сентябре 1975 года, когда Затопек приезжал в шведский Евле, где играла родная команда этого хоккеиста «Брюнес». Зампред Чехословацкого хоккейного союза приезжал в этот город не случайно — он хотел увидеться с двумя перебежчиками: Вацлавом Недомански и Рихардом Фардой, которые летом прошлого года сбежали в Канаду и теперь играли в клубе ВХА «Торонто Торос». Этот клуб осенью совершал турне по Скандинавии (игры проходили в Финляндии и Швеции) и Затопек специально отправился туда по поручению чехословацких властей, чтобы попытаться уговорить двух беглецов вернуться на родину. И посредником в этих переговорах выступал как раз этот шведский хоккеист, которому была обещана за это крупная сумма в шведских кронах. Однако те переговоры так и завершились безрезультатно (Недомански и Фарда вернулись в Канаду), однако контакты Затопека и шведа благополучно

продолжились. Например, они снова встретились на первом Кубке Канады в 1976 году, куда Затопек прилетал в составе сборной ЧССР.

Заказав гостю такую же кружку пива как и себе, Затопек спросил на хорошем английском:

— Как настроение перед завтрашней игрой с русскими?

— Отличное. А почему вас это интересует?

— Потому что вы первые, кто может их остановить.

В это время официант поставил перед шведом кружку с пивом и тот сделал глоток. После чего произнес:

— Всегда любил ваше пиво.

— Но еще больше ты любишь деньги, если мне не изменяет память, — заметил Затопек.

— Одно другому не мешает, — и губы шведа тронула улыбка.

— Деньги я вспомнил не случайно, — продолжил свою речь чех. — У меня есть к тебе деловое предложение, которое может принести тебе хороший приработок.

— Рекламирывать вашу хоккейную амуницию, вроде клюшек «Артис» или коньков «Ковопол»? — спросил швед.

— Это могут сделать без тебя и другие агенты «Прагаэкспорта», — отмахнулся Затопек. — Речь идет об акции, которая в рекламе не нуждается — она ей противопоказана.

Сделав еще пару глотков из кружки, швед поставил ее на стол и внимательно посмотрел на собеседника, ожидая продолжения разговора.

— Надо завтра хорошенько припечатать одного из русских, — выдержав паузу, произнес Затопек.

— Я их постоянно припечатываю к бортам во время матчей, — усмехнулся швед. — Например, недавно в Швеции, где у нас были две товарищеские игры.

— Видимо, плохо припечатывал, если они надрали вас 7:1 и 10:0, — покачал головой Затопек. — Но я веду речь не об этом. Нам надо, чтобы после твоего припечатывания один из русских не вышел на игру с нами.

— То есть, я должен его сломать?

— Пусть будет так, — кивнул Затопек.

— И кто же этот бедолага?

— Владимир Петров из первого звена.

— Отличный игрок, — не скрывая своего восторга, заметил швед.

— Если бы он был игрок так себе, я бы тебе этого предложения не делал. Игрок он и в самом деле отменный. Успеваешь играть в первом звене, да еще Тихонов задействует его в четвертой пятерке на той же позиции центрального. Кстати, вам завтра предстоит с этим столкнуться.

— В этой игре мы из штанов выпрыгивать не будем, — усмехнулся швед.

— То есть, на победу не рассчитываете?

— Просто мы реально оцениваем свои шансы. Нам бы за третье место зацепиться, а за два первых деритесь вы с русскими.

— Вот я и прошу тебя нам помочь, — и Затопек, отодвинув в сторону свою пустую кружку, придвинулся поближе к шведу. — Сломай завтра Петрова и получишь на свой счет кругленькую сумму в шведских кронах.

— Я бы не отказался и от долларов.

— Хорошо, как скажешь, — кивнул Затопек.

— Насколько вы готовы раскошелиться?

Вместо ответа чех достал из внутреннего кармана пиджака записную книжку и, вырвав из нее страничку, вывел на ней нужную цифру. Взглянув на нее, швед покачал головой:

— Одного нуля не хватает.

И Затопек тут же прибавил к написанной цифре требуемый ноль. Затем ручку взял уже швед и написал чуть ниже цифры номер своего банковского счета. Пробежав его глазами, Затопек спрятал листок в карман вместе с книжкой. После чего спросил:

— Значит, можно на тебя надеяться?

— Никаких гарантий дать не могу, — ответил швед, допивая пиво. — Игра есть игра — никогда не знаешь, как там дело сложится. Но постараться постараюсь. Хочу машину поменять — старая уже надоела. Так что ваши деньги мне как раз кстати будут.

5 мая 1978 года, пятница, Прага, чемпионат мира по хоккею

Тренеры советской сборной Тихонов и Юрзинов вот уже более двух часов ломали голову над тактическими схемами, которые они

собирались использовать в завтрашнем матче против сборной Чехословакии. Матч был если не решающим, то одним из важнейших на этом турнире — его победитель выходил на первое место и после этого имел прекрасные шансы на общую победу в чемпионате. На данный момент у сборных СССР и ЧССР было по 5 побед и 10 набранных очков. Третий претендент на золотые медали — сборная Швеции — вчера была повержена советской сборной с убедительным счетом 6:1. Причем уже к началу третьего периода счет был 3:0 в нашу пользу. Шведы ничего не смогли противопоставить отлаженной игре советской команды, где превосходно себя проявили все три звена. Это отразилось и на табло: по две шайбы забило каждое из звеньев сборной СССР (Харламов, Михайлов из первого звена, Капустин и Балдерис из второго, а Владимир Голиков из третьего звена сделал «дубль» — забил две шайбы).

Единственное, чем смогли ответить шведы — это грубостью. Они набрали 20 штрафных минут, причем их нападающий Кент-Эрик Андерссон был удален на 10 минут. Столь грязный хоккей преследовал одну цель — если не победить, то хотя бы выбить из рядов сборной СССР ведущих игроков. И это шведам удалось — был травмирован лидер первого звена Владимир Петров. А учитывая то, что после недавней травмы еще не успел до конца поправиться Александр Голиков, то было над чем поломать голову советским тренерам перед матчем с чехословаками. Собственно, выбор-то у них был не богат — место Петрова мог занять лишь Александр Мальцев, который умел играть как на фланге, так и в центре. Юрий Лебедев на это место не годился, да и не клеилась у него пока игра на этом турнире. Вот когда Тихонов вспомнил тот разговор в Спорткомитете СССР перед самым отлетом в Прагу. Он тогда сидел в кабинет у Кондратьева и тот, изучив окончательный список кандидатов в сборную, спросил:

— Может, все-таки замените Макарова на Шадрин? Рано еще этого юнца брать на чемпионат, где нам до зарезу нужна победа. А Шадрин проверенный боец.

— А как же наш девиз «Молодым везде у нас дорога»? — спросил Тихонов.

— Девиз хороший, но не в данном случае. Вы берете в Прагу три звена плюс еще трех игроков — защитника Федорова и нападающих Лебедева и Макарова. Причем последние — крайние нападающие. А

если вдруг случится такое, что у вас будет травмирован кто-то из центральных, кем его замените? Вот я и предлагаю взять «центра» — Шадрина.

— Мне надо молодежь опробовать — у нас на носу Олимпиада, — продолжал стоять на своем Тихонов.

— Я полагаю, речь идет не столько об Олимпиаде, сколько о более близком турнире — чемпионате СССР следующего года. Вы же Макарова хотите взять в ЦСКА? Но имейте в виду, Виктор Васильевич, что если мы проиграем в Праге, вряд ли у вас появится возможность остаться у руля ЦСКА и сборной. Так что подумайте об этом.

Однако Тихонов оставил все, как было — и в Прагу отправился Макаров, а Шадрин остался дома. И вот теперь создалась ситуация, когда тренер впервые пожалел о своем тогдашнем выборе. Однако переделать ничего было уже нельзя, поэтому приходилось изворачиваться. И в своей тактической схеме советские тренеры скомпоновали первое звено в следующем составе: Геннадий Цыганков и Вячеслав Фетисов в защите, Борис Михайлов, Александр Мальцев и Валерий Харламов в нападении.

Второе звено они оставили в прежнем составе: Александр Билялетдинов и Владимир Лутченко в обороне, а в нападении Хельмут Балдерис, Виктор Жлуктов и Сергей Капустин. А вот третье звено тренеры решили изменить. Вместо не до конца оправившегося после травмы Александра Голикова они поставили Сергея Макарова, место Мальцева занял Юрий Лебедев. Еще один игрок — Юрий Федоров — должен был выходить на подмену, играя в основном в третьем звене. Кстати, это звено теперь вызывало у тренеров больше всего беспокойства. Потеря связки Мальцев — братья Голиковы ничего хорошего не предвещала, учитывая то, что у чехов третье звено на этом чемпионате играло особенно мощно. На тот момент пятерка Дворжак — Махач, братья Штястны и Черник забили 10 голов и это грозило для сборной СССР в завтрашнем матче серьезными проблемами. Ведь у нас с травмой играл ветеран Валерий Васильев — один из лидеров в третьем звене — и замена его Федоровым была явно неадекватной. Впрочем, были и радостные новости из стана будущих соперников.

Эти новости час назад принес майор КГБ Игорь Костюк, который перед этим имел встречу с Егором Красовским и тот сообщил ему последнюю информацию, которую он сумел раздобыть во время общения со своим чешским приятелем Марекком Скленааржем. Суть ее состояла в следующем. Вчера вечером сборная ЧССР играла с командой Канады и выиграла со счетом 5:0. Победа была более чем убедительной, хотя и здесь повторилась та же история, что и в матче СССР — Швеция. Канадцы, не имея возможности оказать своим визави достойное сопротивление, стали откровенно грубить, провоцировать стычки. И набрали штрафных минут почти столько же, сколько и шведы — 18. У них даже вратарь Бушар получил две минуты за грубую игру. В итоге вскоре после матча Красовский оказался невольным слушателем телефонного разговора Скленааржа с кем-то из руководства сборной ЧССР. Из разговора стало известно, что эта игра с канадцами выбила из рядов чехословацкой сборной сразу двух ведущих игроков — Ивана Глинку из первого и Мариана Штясны из третьего звеньев. Если эта информация была правдивой, то это не только уравнивало шансы обеих команд в завтрашней игре, но и предоставляло советской сборной реальный шанс победить. Ведь оба этих игрока у чехов были ведущими. Например, Глинка хоть и забил пока всего два гола, но сделал больше всех своих партнеров голевых передач — целых семь. А отсутствие Мариана Штясны в третьем звене (а он забил на турнире уже четыре шайбы) было равносильно выбыванию из третьего звена советской сборной Александра Мальцева.

Кроме этого, после двух таких потерь расстраивалась игра сборной ЧССР в большинстве. На тот момент чехи лучше всех на турнире реализовывали численное большинство — они забивали 9 голов. Причем лучше всего это делали 2-е и 3-е звенья, забившие по четыре шайбы. А если не будет Глинки (главного распасовщика в первом звене) и Мариана Штясны, то это преимущество у чехов если не пропадало, то заметно уменьшалось. Тем более что сборная СССР не могла похвастаться хорошей игрой в численном большинстве — она забила всего лишь три шайбы.

Короче, информация, которую раздобыл Красовский, снимала определенный груз с плеч советских тренеров, хотя элемент недоверия к этим сведениям у них все-таки сохранялся. Но когда вскоре после

ухода Костюка к ним зашел врач команды и сообщил, что и он слышал от своих зарубежных коллег о том, что игра с канадцами выбила из рядов чехов двух ведущих игроков, последние сомнения у тренеров рассеялись. И они окончательно утвердились в правильности того состава, который скомпоновали. В тот момент им не могло прийти в голову, что после матча ЧССР — Канада в рядах чехословацкой сборной действительно были травмированные игроки, но эти травмы были незначительными. И Штястны с Глинкой чувствовали себя прекрасно и даже вышли на тренировку, на которую никто из посторонних людей допущен не был именно потому, чтобы не произошла утечка информации о составе сборной ЧССР на игру с советской сборной. Это была тонкая игра полковника Гавлика, который через Скленаджа «слил» дезинформацию Красовскому в надежде на то, что тот обязательно донесет ее до ушей советских тренеров. Так оно и вышло.

И в те же самые минуты, когда Тихонов и Юрзинов готовились к завтрашней игре, тем же самым занимались и тренеры сборной ЧССР Карел Гут и Ян Старши. От того же Скленаджа они уже знали, что в стан русских вброшена информация о «травмах» Глинки и Штястны-старшего и это давало им возможность маневра. Ведь тот же Скленадж сообщил им и другую новость — что у русских серьезно травмированы Владимир Петров и Александр Голиков и что завтра на льду их не будет. Суммируя всю эту информацию, чехословацкие тренеры пришли к выводу, что первая часть задуманной ими операции по дезинформации русских прошла успешно. Вторую часть этой операции они обсудили вечером накануне игры.

— Травма Петрова — это отличная новость для нас, — размышлял Гут, держа перед глазами списочный состав сборной СССР. — Во-первых, без него первое звено русских ослабнет ровно наполовину. Во-вторых, у Тихонова не будет возможности скомпоновать четвертое звено. А если на лед не сможет выйти и Голиков-младший, то будет разрушено и третье звено русских. Заменить же выбывших могут только двое — Мальцев и Макаров. При этом на место Петрова однозначно будет поставлен Мальцев, который до этого уже неоднократно на разных турнирах играл в этом звене, подменяя Харламова или того же Петрова. А на место Голикова будет поставлен Макаров.

— В таком случае, место самого Мальцева займет Лебедев, — внес свою лепту в рассуждения старшего тренера Ян Старши. — Ведь вряд ли Тихонов захочет тревожить второе звено, которое всегда играет в своем неизменном составе.

— Я тоже так думаю, — согласился со своим коллегой Гут. — И если наша версия верна, тогда у русских единственным нетронутым звеном остается только второе. Два других будут играть в таком виде на этом турнире впервые. И это очень кстати. Ведь на данный момент по количеству заброшенных шайб у русских лидирует третье звено — 12 шайб, а на втором месте идет первое звено, у которого на одну забитую шайбу меньше. И именно в эти звенья завтра будут внесены изменения.

— Кстати, не факт, что они окажутся неудачными, — высказал предположение Старши.

— А вот здесь я с тобой поспорю, Ян, — не скрывая своего скепсиса, произнес Гут. — Мальцев хорош на фланге и именно в третьем звене, поскольку оно для него родное, динамовское. Вот почему он забил в его составе уже три шайбы и сделал четыре голевые передачи. Поэтому завтра, скорее всего, в первом звене он так «выстрелить» не сможет. А Лебедеву с Макаровым не дадут сыграть наши новые перестановки.

Гут имел в виду вторую часть той операции, которую они задумали со Старши. Суть ее заключалась в том, что менялись местами две пары защитников — Франтишек Каберле и Ян Заичек из второго звена переводились в третье — к братьям Штясны и Чернику — а Олдридж Махач и Мирослав Дворжак из третьего звена должны были играть во втором вместе с Мартинцем, Новаком и Эберманом. Бубла и Кайкл оставлялись на прежних местах — в первом звене вместе с Рихтером, Глинкой и Поузаром. Эти перестановки были не случайны и являлись ответом на перестановки в стане русских. Махач и Дворжак должны были сковать действия Балдериса и Капустина, а Каберле и Заичек взять на себя Лебедева и Макарова.

Когда Гут и Старши объявляли игрокам состав на завтрашнюю игру и расстановку звеньев на площадке, они сделали одно важное дополнение. Они сообщили, что русские набрали 46 минут штрафного времени — на восемь минут больше, чем сборная ЧССР.

— Поэтому завтра надо заставить русских не отклоняться от их линии, — объявил Гут. — Задирайте их, цепляйте — короче, делайте все возможное, чтобы у них сдали нервы и они продолжали набирать штрафные минуты. Вы же знаете, что лучше нас здесь в большинстве никто не играет.

6 мая 1978 года, суббота, Прага, чемпионат мира по хоккею, матч СССР — ЧССР

— Я надеюсь, сегодня мы не станем с тобой заклятыми врагами? — усаживаясь на свое место в ложе прессы, спросил у Красовского Скленадж перед началом матча между сборными СССР и ЧССР.

— Все зависит от того, как ты будешь себя вести, — хитро улыбаясь, ответил Красовский. — Если при счете 5:0 в нашу пользу, ты не полезешь на меня с кулаками, то мы останемся друзьями.

— Ах ты, змей, — рассмеялся чех и шутя стукнул приятеля кулаком по спине.

Он был в прекрасном расположении духа, поскольку знал, что Красовский клюнул на его вчерашнюю наживку. Люди полковника Гавлика засекли, как Красовский встречался с сотрудником КГБ неподалеку от Карлова моста и делился с ним сведениями из подслушанного им разговора, который вел по телефону Скленадж. Поэтому он был в предвкушении того, с каким изумлением встретит его русский приятель новость о том, что в составе сборной ЧССР нет ни одного травмированного игрока и она выйдет на лед в том же составе, с каким противостояла сборной Канады. Зато в составе у русских будут зиять две огромные пробоины, которые вряд ли удастся спешно залатать.

Так оно и вышло. Когда команды вышли на лед, стало понятно, что Глинка и Мариан Штясны прекрасно себя чувствуют и готовы ринуться в бой. И когда Красовский увидел это, ему стоило большого труда сдержаться и ни единым жестом не выдать того, как он обескуражен. Ведь получалось, что он ввел в заблуждение майора Костюка, а тот снабдил неточной информацией тренеров сборной СССР. И никто не мог дать гарантию Красовскому, что КГБ не захочет

уличить его в преднамеренной дезинформации в пользу своего чехословацкого приятеля.

Дворец спорта был переполнен, на матч пришло рекордное количество зрителей — 14 тысяч 88 человек. Были здесь и высокопоставленные зрители: премьер-министр страны Любомир Штроугал, первый секретарь Пражского горкома партии Александр Капек (он же возглавлял специальную комиссию ЦК КПЧ по проведению чемпионата), президент Международного союза студентов Мирослав Штепан, бургомистр Праги Зденек Зуска и другие деятели.

Игра началась обоюдными атаками с обеих сторон. На льду играли первые звенья, причем если у чехов оно было в прежнем составе, то у советской команды в центре играл Мальцев. Он был активен, но за ним зорко следил Кайкл, а за Харламовым Бубла. И когда Валерий попытался ворваться в зону чехов, то был встречен весьма жестко — ударом в грудь. Затем на лед вышли вторые звенья, но и здесь у советского звена игра не особо ладилась. Красовский даже обратил внимание на один эпизод. Virtuоз Балдерис любил после свистка подхватить кончиком клюшки шайбу и преподнести ее в таком виде судье для вбрасывания. Но в этот раз этот трюк у него не получился — шайба не захотела лечь на кончик его крюка и он не стал повторять попытку. «А Хельмут, кажется, волнуется больше обычного», — подумал про себя Красовский.

После того как на лед вышли третьи звенья, расклад чехов стал окончательно понятен. Они поменяли защитников в двух пятерках в надежде, что те сумеют сковать действия советских нападающих, которые играли в обновленных звеньях. Причем Тихонову через какое-то время стало казаться, что действия чехов ему что-то напоминают до боли знакомое. И тут он вспомнил прошлогоднюю игру его ЦСКА в Бад-Наухайме против «Польди» в турнире «Турн-унд-таксис». Там тоже чехи начали игру в тактике силового давления. Из-за этого у армейцев мало что получалось. Они с трудом выходили из своей зоны, не успевали раскатиться. Плохо было и с первым пасом. А тут еще чехи постоянно цепляли наших, рассчитывая на ответную реакцию. Та же история повторялась теперь здесь, в Праге. Вот чехословацкий защитник в углу площадки, когда игра уже переместилась в среднюю зону, зацепил клюшкой Лебедева, тот упал на лед, а свисток финского арбитра Сеппонена молчит. И количество таких зацепок и мелких

фолов постепенно нарастает. И Тихонов, видя это, обратился к игрокам:

— Ребята, чехи хотят, чтобы мы удалялись — не поддавайтесь на их провокации. Играем, как договорились — наказываем их голами.

А хозяева поля не сбавляют темпа. И особенно активными у них были два звена — первое и третье. В последнем главным мотором был Франтишек Черник под № 14 из йиглавской «Дуклы». Мастерски взаимодействуя с братьями Штястными, он постоянно опережал своего визави Василия Первухина. Впрочем, он и с остальными советскими игроками особо не церемонился, постоянно опережая их на доли секунд. Было такое впечатление, что у него мотор вставлен в одно место. Или это было следствием воздействия каких-то препаратов — поди разберись. Но Черник постоянно рвался в советскую зону и опасно атаковал, бросая из любой позиции. В одном из моментов Третьяк сумел вовремя переместиться в угол ворот и отбил шайбу, которая готова была уже залететь в сетку.

— Гол! — вскочил со своего места Скленадж, вместе с десятком других своих соотечественников.

Но затем они все вновь опустились на свои места, увидев, что их радость была преждевременной.

— Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь! — посмеялся над приятелем Красовский.

И в следующую секунду многотысячный зал буквально содрогнулся от оглушительного рева. Это неутомимый Черник все-таки добился своего — открыл счет в матче. Причем в этот момент на льду было третье чехословацкое звено и первое советское. Атаковали чехи. Мариан Штясны сделал рывок в угол площадки и оттуда сделал точный пас на «пяточок» перед воротами Третьяка. Там был защитник Фетисов, но он не успел перехватить этот пас, зато Черник оказался куда более расторопным. Он выскочил из-за спины советского защитника и отправил шайбу в сетку ворот. И практически вся сборная ЧССР выскочила на лед и бросилась поздравлять автора первого гола. Время на табло остановилось на отметке 7.32.

— Сплоховал что-то твой Фетисов, — хлопая приятеля по плечу, орал во все горло Скленадж.

— И на старуху бывает проруха, — философски заметил Красовский.

Он все еще никак не мог отойти от того, как мастерски обманул его чех накануне матча. И Красовский теперь ломал голову: если это было сделано преднамеренно, значит, чех догадывается о том, что его приятель может работать на русских? Или это была случайная акция — так сказать, на удачу?

После забитого гола чехи не сбавили оборотов и продолжали атаковать ворота советской сборной. Впрочем, последняя тоже не собиралась отсиживаться в обороне и старалась играть достаточно агрессивно. Но было заметно, что наиболее активно выступает у нас второе звено, а два других играют без привычного взаимопонимания. С новыми игроками дела у этих пятерок не слишком ладилась. Выпадал из игры Лебедев, не слишком расторопным был Макаров. Да и защитники никак не могли найти с ними общего языка.

Между тем второе звено сборной СССР все-таки сумело отличиться. Сделал это Балдерис, который как заядлый слаломист прорвался сквозь строй из трех игроков сборной ЧССР, вышел один на один с Холечком и достаточно легко с ним разобрался — на ложном замахе уложил его на лед и послал шайбу в пустые ворота. Шла 16-я минута матча.

Забив гол, второе советское звено село на скамейку запасных, а на лед вышло третье звено. Причем Тихонов обратился к Мальцеву и Лебедеву:

— Саша, выйди со своим звеном, а ты, Юра, пока отдохни.

Увидев это, чехословацкие тренеры не стали ничего менять в своих игровых связках. И были за это наказаны.

Советская сборная выиграла вбрасывание и бросилась в атаку. Макаров ворвался в зону чехов, хотел прорваться, как и Балдерис, сквозь соперников и защитнику Махачу ничего не оставалось, как с помощью подножки остановить этот слалом. Раздался свисток арбитра и нарушитель был отправлен на скамейку штрафников. Советская сборная получила прекрасный шанс вырваться вперед в этом напряженном матче. На льду осталось все то же третье наше звено. Оно и отличилось, причем с момента гола Балдериса прошла ровно одна минута.

Автором очередного гола стал защитник Первухин, который сместился от синей линии к углу ворот Холечка и замкнул передачу, посланную Мальцевым. Это была коронная наработка двух

динамовских игроков, наигранная еще в чемпионате СССР, а также на последних тренировках здесь, в Праге. Этот ход напрашивался сам собой из-за мальцевской паузы — он умел ее держать как никто другой. Зная об этом, Тихонов и предложил: когда команда играет в большинстве, Мальцев должен был катить по своему правому флангу и делать вид, что собирается обыгрывать своего защитника. В это время Первухин должен был делать рывок к левой штанге и ждать паса. Вот он и дождался.

— Мо-лод-цы! Мо-лод-цы! — разнесся под сводами Дворца спорта радостный клич советских болельщиков. Сидевшие над ними мальчишки из спортивной школы «Спарта», среди которых был и Франтишек Свозил, в ответ стала дружно свистеть и топтать ногами. После чего они заорали во все горло свою кричалку: «До-то-го!» («Давай, вперед!»). И чехи действительно бросились в атаку. Петер Штясны ворвался на «пяточок» перед советскими воротами и едва не сравнял счет — Третьяк оказался на месте. Следом последовала уже атака советской сборной — атаковало первое звено. Но теперь уже на высоте оказался чехословацкий вратарь Холечек. А вскоре сирена возвестила об окончании первого периода.

В раздевалках каждой из команд тренеры давали игрокам разные установки.

— Почему мало бросаете? — спрашивал у своих игроков Карел Гут. — И где силовое давление? Русских надо разозлить не для того, чтобы они забивали нам голы, а для того, чтобы они почаще удалялись. Вы что, не можете отличить одно от другого?

В это же время Тихонов говорил диаметрально противоположное:

— На тычки не отвечать — сжать зубы и терпеть. Во втором периоде чехи усилят силовое давление и будут играть еще более агрессивно. Наша задача поймать их на контратаке. И сделайте вы наконец что-нибудь с этим Черником! Защитники, это вас касается в первую очередь.

— Трудно что-то сделать, когда надо, сжав зубы, терпеть, — подал голос Васильев.

— А вы уж постарайтесь, — повернулся к защитнику Тихонов. — На нас сейчас вся страна смотрит. Если проиграем, значит, усложним себе задачу до невозможности.

Второй период начался с атак чехословацкой сборной. Но оборона советской команды, набравшая сил в перерыве, самоотверженно отбивала все атаки чехов. А нападающие при первой же возможности отвечали контратаками. Во время одной из них чехословацкий защитник Заичек исподтишка ударил по лицу нашего капитана Михайлова. Арбитр этого удара не заметил. Или сделал вид, что не заметил. Во время смены состава, Михайлов, опускаясь на скамейку, обронил:

— Бьют, суки!

— Терпи, Борис, — обратился к нему Тихонов. — Они на это и рассчитывают — на наши удаления.

Как в воду глядел советский тренер. Не прошло и минуты после этих его слов, как нарушил правила Фетисов — зацепил клюшкой чехословацкого нападающего. Чехи получили реальный шанс отыграться. На лед у них вышло комбинированное звено, которое постоянно выходило в таких случаях — Глинка, Мартинец, Черник, Новак и Бубла. У нас Тихонов выпустил третью пятерку, вернее четверку, причем присовокупил к ним Мальцева, который умел не только наступать, но и защищаться. Была надежда на то, что он сумеет получить пас и оторваться от защитников сборной ЧССР. Но ему это так и не удалось. А вот сменивший его вскоре Балдерис смог. Он ворвался в зону чехов и пасовал своим партнерам на «пятак». Но там никого из наших не оказалось. Чехи (а у них уже играло третье, самое забивное в этот день звено) перехватили шайбу и организовали свою атаку. Шайба была у Петера Штясны, он бросил, но Третьяк отбил. Наши защитники этого не ожидали и первым у шайбы оказался вездесущий Черник. Бросок — и счет стал 2:2. На табло было 22.17.

И снова по Дворцу спорта прокатился такой мощный рев, что стены буквально задрожали, а потолок едва не обрушился. Даже вся скамейка в ложе почетных гостей, на которой восседали премьер-министр Чехословакии и его соратники, вскочила со своих мест в едином порыве. А у Тихонова с губ сорвалось ругательство:

— Чтоб тебе пусто было!

Обращено оно было в сторону Черника, который забил уже вторую шайбу и тут же попал в объятия чуть ли не всей своей сборной, которая высыпала на лед. Это торжество прервал главный арбитр матча Сеппонен, который указал на центр поля.

— Оставайтесь на льду, — приказал Тихонов игрокам второго звена, пропустившим шайбу. — Сами напортачили, сами и исправляйте!

Эти слова больно резанули по самолюбию хоккеистов. И вот уже Жлуктов начинает очередную атаку и врывается в зону чехов. Он увлекает одного из защитников соперника за собой в угол площадки, а сам пасует свободному Капустину. Тот же, получив шайбу, тут же адресует ее Балдерису, который открылся на «пятак» у свободного угла. И Хельмут, как на тренировке, легко посылает шайбу в незащищенный угол ворот чехословацкой сборной. С момента гола Черника прошла ровно минута!

— Умеете же, когда захотите! — обратился к игрокам второго звена Тихонов, когда они сели на скамейку.

Эта шайба, снова позволившая сборной СССР выйти вперед, разозлила чехов. А тут еще и их тренеры поддали жару своими гневными репликами. И в один из моментов, когда на льду были первые звенья, Аугуста (он вышел вместо Рихтера), подхватив шайбу, ворвался в советскую зону, но был остановлен свистком судьи, который зафиксировал положение вне игры. Но чех, недовольный этим решением, решил не останавливаться — взял и исподтишка забросил шайбу в пустые ворота, откатившегося в сторону Третьяка. Это была явная провокация, на которую тут же среагировал Михайлов.

— Ты чего творишь — свистка не слышишь? Уши прочисть! — заорал на Аугусту капитан советской команды.

К нему тут же бросились игроки чехословацкой сборной, а также главный арбитр. Обстановка на льду накалилась, так как чехи были явно недовольны тем, что Сеппонен дал свисток — по их мнению никакого нарушения не было. А Михайлов продолжал возмущаться:

— Ведь нарочно это делает — на нервах играет!

— Не было никакого офсайда! — возмущались в свою очередь чехословацкие хоккеисты.

Но арбитр не собирался отменять принятое решение и развел спорщиков в разные стороны. И Михайлов, вспомнив напутствие своего тренера, предпочел успокоиться.

На лед вышли третьи звенья и игра возобновилась. В атаку бросились советские хоккеисты. Васильев бросил по воротам Холечека, но тот отбил шайбу и накрыл ее для надежности ловушкой.

Но стоявший рядом Владимир Голиков попытался помешать вратарю зафиксировать шайбу — ударил клюшкой по ловушке. И тут же на него набросились чехословацкие защитники. Завязалась потасовка, которая грозила перерасти в драку.

— Бей его! — закричал Богуслав Хорак, вскочив со своего места.

Крик был настолько яростный, что Франек даже вздрогнул.

— Ты чего взвился? — одернул он приятеля.

— А чего он на нашего Иржика кидается? Здесь ему не Москва — пусть знает свое место.

А матч тем временем продолжается. Атаки следуют с обеих сторон, причем почти каждая из них могла бы завершиться голом. Вот бросок Капустина едва не застал врасплох Холечека, но в последнее мгновение вратарь каким-то чудом сумел отбить шайбу. А вот уже атакуют чехи, и Эберман из второго звена бросает шайбу и она падает на сетку ворот в правом от Третьяка углу, а кому-то из игроков кажется, что она угодила непосредственно в ворота. Но судья дает свисток и указывает на вбрасывание в углу площадки.

Тихонов взглянул на табло — до конца периода оставалось чуть больше пяти минут. «Поскорей бы он закончился», — подумал тренер, который вдруг почувствовал, что его ребята изрядно подустали и им нужен отдых. В таком состоянии удержать счет было трудно, а сделать это было необходимо — так легче было бы начинать последнюю двадцатиминутку. Однако чехословацкие тренеры тоже не сидели сложа руки.

— Темп, держите темп! — обращался к своим игрокам Карел Гут. — Русские устали, не давайте им передышки!

И, как будто слыша эти слова, многотысячный Дворец спорта начал скандировать: «Че-ско-со-сло-вак! Че-ско-со-сло-вак!»

Вбрасывание в средней зоне проиграл Мальцев. Шайба попала к Чернику и он вошел в нашу зону. Ему навстречу бросился Цыганков, но чех легко обыграл, как его, так и Третьяка, который раньше времени упал на лед. И Черник одним движением перебросил шайбу через вратаря и она залетела в сетку прямо под перекладину. И в следующую секунду стены Дворца спорта содрогнулись от оглушительного рева. А если бы к нему прибавить еще и возгласы тех болельщиков, которые в эти вечерние часы собрались у экранов своих телевизоров по всей Чехословакии, то этот шум можно было назвать вселенским.

Черника, который в этом матче сделал хет-трик — забил три шайбы — вновь облепила вся его команда. Даже врач выскочил на поле, чтобы лично поучаствовать в этой пляске восторга. И только на той части трибуны, где сидели советские болельщики, да еще на скамейке запасных сборной СССР было тихо — радоваться там было нечему. Чуть меньше четырех минут оставалось до конца второго периода, а удержать победный счет до перерыва так и не удалось. Но, как оказалось, это было еще не все. Дальше произошло то, что у нас называется: «Пришла беда — открывай ворота».

Не успело произойти вбрасывание в центре поля, как при входе в зону сборной ЧССР Капустин, уклоняясь от столкновения, поднял вверх клюшку и она со всей силы ударила в лицо нападающего Поузара. Тот, как подкошенный, рухнул на лед. Чехи набросились на Капустина с кулаками, решив, что он сделал это не случайно, а умышленно. Судьи отбили советского игрока от разъяренных чехов, после чего Сеппонен, который не видел этого эпизода, поехал уточнять произошедшее к судейской кабинке. Проезжая мимо скамейки запасных чехословацкой сборной, он видел как возмущается Карел Гут — всегда такой спокойный чех в эти секунды был буквально вне себя. И в этом с ним был солидарен почти весь Дворец спорта, который клокотал от возмущения. И Сеппонен, видя и слыша все это, понимал, что может означать для него неправильное решение. Вместе с ним к судейской кабинке направились капитаны обеих команд — Михайлов и Глинка. Причем советский хоккеист пытался убедить судью, что все вышло неумышленно:

— Он не хотел его бить, это получилось случайно.

Эпизод был принципиальный. Если этот удар расценили бы как умышленный, то нарушителю грозил 5-минутный штраф. А для сборной СССР это было смерти подобно — ведь лучше чехословацкой сборной в большинстве никто здесь не играл и это могло обернуться для советской команды не одной, а двумя забитыми шайбами. А это была бы катастрофа. И она произошла — был объявлен 5-минутный штраф.

Судья подъехал к скамейке запасных сборной СССР и стал торопить Капустина. Но тут в дело вмешался Тихонов:

— Сиди, Сережа, — обратился он к Капустину, а судье сказал:

— У него травма — штраф будет отбывать Макаров.

Судья замер, принимая решение. Наконец, он кивнул головой и Макаров отправился на скамейку штрафников. Но чехи, увидев это, стали протестовать:

— Почему удаляется Макаров, ведь нашего игрока ударил Капустин? — спросил у Сеппонена Глинка.

Но финн жестом показал, что решение принято и отменять его он не намерен.

Пока шло это разбирательство, Тихонов поглядывал на табло и мучительно размышлял, кого выпустить на лед в численном меньшинстве. Цыганков был явно не в лучшей форме (четыре первых пропущенных матча давали о себе знать), Фетисов был на взводе, Васильев явно подустал. Оставались Лутченко, Федоров и двое молодых — Первухин и Билялетдинов. В итоге тренер принял решение выпустить на лед проверенную связку Васильев — Первухин, а в нападении Голикова и Мальцева. А чехословацкие тренеры выпустили на лед свое лучшее в реализации численного большинства звено во главе с Глинкой. Именно последний и отличился спустя полминуты, совершив настоящий слалом. Стартовав из средней зоны, он легко вошел в нашу зону и поехал за ворота. Затем сделал пас защитнику, а сам рванул на «пятак». Защитник бросил шайбу в сторону ворот Третьяка, тот отбил шайбу перед собой и Глинка, оказавшийся поблизости, переправил ее в пустые ворота. Наши защитники в это время «ловили ворон». Так счет стал 4:3 в пользу сборной ЧССР. И это за три минуты до конца второго периода.

— Ребята, что с вами происходит? — вопрошал Тихонов в раздевалке во время последнего перерыва. — Почему Глинка спокойно стоит на нашем «пятаке», а его никто не атакует? «Пятак», объясни в чем дело?

Последний вопрос был обращен к Валерию Васильеву, которого все в команде звали «Пятаком» за то, что он произносил слова на волжский манер — через «я».

Васильев, вытиравший взмыленную шею и лицо полотенцем, лишь пожал плечами — ответить тренеру ему было нечем. Впрочем, не лучшим образом чувствовали себя и остальные игроки, которые видели, что у них сегодня мало что получается, но объяснить причину этого не могли. Может, перегорели еще до игры? Или это на них так повлияла наэлектризованная атмосфера в сегодняшнем Дворце спорта?

Она буквально дышала к ним ненавистью — причем не скрытой, а ярко выраженной. После того инцидента с Капустиным чехи стали в открытую хамить, задирали советских игроков, а те не могли им ответить, помня установку своего тренера. Однако и главный арбитр Сеппонен закрывал глаза на действия чехов, из-за чего сдержанность советских игроков не приносила должного результата — удалений у соперника не следовало.

В чехословацкой раздевалке царило иное настроение. Там тренер Ян Старши вышагивал перед игроками и накручивал их, как только можно:

— Русские уже почти сломлены. Надо их еще чуть-чуть поддавить и они посыпятся. Важно не дать им опомниться и сравнять счет. Если мы забьем пятую шайбу, то считайте, что победа уже у нас в кармане. Не жалейте их, ведь они бы вас не пожалели.

В начале третьего периода на лед вышел Макаров, отсидевший пятиминутный штраф. Это придало сил советской сборной. Второе звено ринулось в атаку. Жлуктов и Капустин разыграли отличную комбинацию, которая едва не завершилась взятием ворот — Холчек оказался на высоте. А спустя минуту у сборной СССР последовало новое удаление — «отличился» Васильев. Он играл из последних сил и поэтому не успевал за резвыми чехами и поэтому срывался — сбил неутомимого Черника. Впрочем, у Михайлова было свое мнение на этот счет:

— Ни за что Пятака удалили, — произнес он, сидя на скамейке.

— А вы что думали — что Сеппонен будем нам подсуживать? — не сдержался Тихонов. — Первое звено — на лед!

Получив очередное преимущество, чехи ринулись на штурм. Шайба оказалась в нашей зоне, ее попытался выбить Михайлов, но Черник успел поднять у него клюшку и, завладев шайбой, точным пасом адресовал ее Петеру Штястны, который дежурил на советском «пяточке». Третьяк распластался на льду и шайба беспрепятственно влетела в сетку наших ворот. Штястны вскинул руки вверх, но тут, проезжавший мимо Фетисов сбил его с ног. Штястны отмахнулся от него клюшкой. Увидев это, к нему тут же бросился Мальцев, которого тут же сбили с ног ударом в лицо. Завязалась драка, которая сразу же переросла в массовую — на поле выскочили обе команды. Особенно яростно бились друг с другом два защитника — чех Заичек и наш

Федоров. Не менее интенсивно махал кулаками Петер Штястны и Хельмут Балдерис. Все трое судей, втиснувшись в эту свалку, пытались разнять особенно рьяных драчунов. В это время Дворец спорта ревел и стонал от возмущения. Если бы была такая возможность, то тысячная толпа выбежала бы на поле и разорвала на куски советских хоккеистов.

— Бей русских оккупантов! — заходился в крике Богуслав Хорак.

Ему вторили его приятели и только Франек стоял и молча взирал на происходящее. Он, конечно, сочувствовал своей сборной, но бить русских ему вовсе не хотелось. Он имел глаза и прекрасно видел, что гости чаще всего не были инициаторами стычек, а элементарно защищались от грубой игры своих соперников. Но поскольку матч проходил на поле последних, естественно, зритель видел агрессоров в русских.

Около пяти минут длилась пауза в игре. Наконец, судьи вынесли вердикт — удалению подлежали по двое игроков из каждой команды. У сборной ЧССР это были Петер Штястны и Ян Заичек, у сборной СССР — Вячеслав Фетисов и Юрий Федоров. Все получили по пять минут штрафного времени. На табло была 45-я минута матча.

Когда игра возобновилась, в ней на какое-то время возник спад. Видимо, намахавшись кулаками, игроки обеих команд теперь решили отдохнуть, поскольку до конца матча оставалось еще целых 15 минут и надо было поберечь силы на финальные минуты, которые обычно получались самыми напряженными. Однако минуло чуть больше трех минут после возобновления игры и чехи, первыми пришедшие в себя, организовали новую атаку. На поле у них было второе звено с подключенным защитником Бублой из первой пятерки. Именно он точным пасом из средней зоны вывел в прорыв Эбермана, который выкатился на наши ворота с левого фланга. Третьяк зачем-то выкатился ему навстречу и потерял за спиной ворота. Чех прицельно бросил ему между ног и шайба влетела в сетку ворот. На табло в эти мгновения было 48.36.

— Я всегда говорил, что ваш Третьяк плох на выходах, — толкнул в бок Красовского Скленаж, после того, как накричался и снова опустился на скамейку.

— Тут не в одном Третьяке дело, — грустно заметил Красовский. — Я большинство игроков нашей сборной просто не

узнаю — особенно защитников.

— В таком случае, мы уже чемпионы? — спросил чех.

— Я бы на твоём месте не стал торопиться с выводами.

— А мне кажется, ты просто не хочешь признать очевидное, — усмехнулся Скленадж. — Ваш Тихонов — слабый тренер. Он с трудом, по шайбам, выиграл «Руде право», проиграл приз «Известий» и вот теперь терпит фиаско на чемпионате мире. Вполне логичный результат.

— Не спорю, ваша сборная смотрится мощно — очень слаженный коллектив. Но ты упускаешь одну особенность нашего менталитета. Русского медведя нельзя злить. А сегодня именно этим вы и занимаетесь, забывая, что впереди вас ждёт ещё финал.

— Но ты забываешь, что русский медведь не в своей берлоге, а в нашей, — и Скленадж снова толкнул приятеля локтем в бок.

Ответить чеху Красовский не успел, поскольку случилось неожиданное — не прошло и минуты после гола Эбермана, как уже сборная СССР праздновала удачное завершение атаки. Капустин забежал за ворота Холечека и, не мудрствуя лукаво, выдал точный пас на «пятак» Лутченко. И тот переправил шайбу в ворота. Счёт стал 6:4.

— Что-то ты не слишком радуешься? — спросил у Красовского его приятель.

— Потому что эту игру мы проиграли, — последовал весьма неожиданный ответ.

— Но ведь ещё играть целых десять минут?

— Это неважно. У нас играет одно второе звено, а два других отбывают номер. У вас же все три звена в отличной форме. И бросаете вы чаще наших, и добиваете лучше. Наши защитники «ловят ворон» и даже Третьяк уже не спасает — третья и пятая шайбы на его совести. Харламов тоже совсем потерялся. Короче, эта игра ваша, но вот про финал я лучше помолчу.

Ровно об этом же думал в эти минуты и Тихонов, стоя у бортика. Он понимал, что эту игру они проиграли. Чехи выглядят лучше них по всем компонентам и с таким набором никогда не отдадут инициативу. Забить им ещё, конечно, можно. Но это не изменит ситуацию. У чехов ещё достаточно сил для того, чтобы на каждую нашу шайбу ответить одной своей. Нет, эта игра проиграна. Но уже сегодня надо думать о

финале. А в том, что в нем обязательно будут играть именно эти две команды, Тихонов нисколько не сомневался.

6 мая 1978 года, суббота, Бонн, ФРГ, советское посольство

В эти дни Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев находился с официальным визитом в ФРГ (он начался 4 мая). Поэтому принципиальный матч СССР — ЧССР вынужден был смотреть в советском посольстве в Бонне. Для этого телевизор специально вынесли в гостевую залу, чтобы генсек, вместе с несколькими посольскими, смог насладиться игрой. Настроение перед началом трансляции у него было отличное — Брежнев шутил, смеялся и был уверен, что советская сборная обязательно победит. Тень на его лицо легла лишь однажды — когда посол Валентин Фалин обратился к нему с просьбой отпустить его домой.

— Ты что, хоккей смотреть с нами не будешь? — спросил генсек.

— Не любитель я этого дела, Леонид Ильич, — ответил посол.

— Понятно — к молодой жене торопишься, — и Брежнев понимающе закивал головой.

У посла и в самом деле жена была почти на тридцать лет его моложе. Первая супруга страдала психическим расстройством и врачи посоветовали Фалину развестись. «В противном случае в доме будет не один, а два психа», — сказали ему врачи. В итоге Фалин развелся и вскоре женился на стенографистке ЦК.

Однако прежде чем отпустить посла, Брежнев отозвал его в сторонку и спросил:

— Ты чего учудил — телеграмму нам отправил о сокращении наших войск в Европе?

— Я написал правду, Леонид Ильич, — ответил посол. — Я считаю, что любая крупная война, случись она в Европе, неизбежно выльется в ядерный конфликт. Поэтому целесообразно большую часть средств, которые не без нашей подачи руководители стран Варшавского Договора инвестировали в свои вооружённые силы, перенацелить на социально-экономические, культурные и научные нужды, сводя к минимуму чисто военные ассигнования.

— Может, ты и прав, но Громыко с Андроповым недовольны. Вышли на меня с предложением о твоём отзыве в Москву.

— Я хоть завтра готов сложить свои полномочия посла, — живо откликнулся на это сообщение Фалин.

— Ты-то готов, а вот я пока нет, — пробурчал Брежнев. — Нечего Громыке потакать. Короче, работай пока до осени, а там я тебе место в ЦК подыщу. Эх, жаль ты хоккей не любишь — я бы тебя по спортивной линии направил.

Фалин в ответ лишь развел руками.

С первых же минут матча Брежнев и его свита весьма бурно реагировали на игру. А в перерыве, когда счет был 2:1 нашу пользу, Брежнев, вполне удовлетворенный результатом, попросил своих телохранителей, чтобы они его немного обкурили — это помогало ему несколько успокоить нервы. Но в третьем периоде он так разволновался, когда чехословаки повели в счете, а наши никак не могли отыграться, что ему стало плохо. Все тут же засуетились вокруг генсека, а врач быстро сунул ему под язык лекарство. Охранники уже собирались отнести Брежнева в спальню, но он внезапно пришел в себя, отодвинул их рукой и снова сел в кресло. Врач бросился к нему:

— Леонид Ильич, вам нельзя так сильно волноваться. Вам, как космонавту, надо сейчас спать лечь побыстрее.

— Я не космонавт, я — Генеральный секретарь! — твердо заявил Брежнев. — Как я могу лечь спать, когда вся моя страна сейчас болеет у телевизоров за наших ребят?

— Но матч уже почти проигран, наши вряд ли отыграются, — продолжал настаивать на своем врач.

— Значит, я разделю с нашими ребятами горечь этого поражения, — ответил Брежнев и уставился в телевизор.

И ведь, действительно, разделил. Наши проиграли 4:6.

8 мая 1978 года, понедельник, Москва, площадь Дзержинского, КГБ СССР

Едва Андропов приехал утром на Лубянку, он тут же вызвал к себе с докладом полковника Спрогиса. Тому предстояло рассказать о

ситуации, которая сложилась в сборной СССР по хоккею после субботнего поражения от чехословаков.

— Костюк сообщает, что никакой паники в наших рядах нет, — начал свой доклад Спрогис, едва он сел на стул перед шефом КГБ. — Мы отстаем от хозяев турнира всего лишь на два очка и если сумеем подойти к последнему матчу с чехословаками, не потеряв ни одного очка, то мы единственные, кто сможет бросить вызов хозяевам турнира. Между тем в самой Чехословакии, после этой победы, превалируют настроения, что русские не смогут дать им достойным отпор. Газеты пишут, что даже природа на их стороне — в ночь перед матчем разразилась гроза, после чего воздух стал липким, дышалось гостям трудно, а чехам, наоборот, легко — это же их территория.

К этим заявлениям примешивается и политика, — продолжал Спрогис. — Есть сообщения, что ряд общественных организаций уже готовятся к торжествам по случаю будущей победы сборной ЧССР: печатаются соответствующие плакаты, листовки, готовится манифестация на Вацлавской площади. В такой ситуации трудно будет нашим ребятам выдержать ту атмосферу, которая нагнетается вокруг них. Можно себе представить, как чувствует себя сегодня психолог Губачек из Карлова университета — наверное, гоголем ходит. Ведь получается, его методики помогли чехословацкой сборной обыграть нашу команду.

— С нашими ребятами в прошлом году тоже работал психолог, но мы в итоге проиграли чехам приз «Известий», — напомнил докладчику Андропов недавние события. — Может, и чехам в итоге не повезет — чемпионат-то еще не кончился?

— Пока, как видим, им везет, — грустно констатировал Спрогис.

— Как же так получилось — куда смотрел майор Костюк и его люди? — не скрывая своей озабоченности, поинтересовался Андропов.

— Развели их чехи, Юрий Владимирович. Сбросили «дезу» про серьезные потери в их сборной. Вот наши и расслабились. Впрочем, у нас тоже два звена играли в разобранном состоянии, вы сами, наверное, видели.

— Видел, конечно — особенно подкачало третье звено, через которое нам три шайбы этот проныра Черник забросил. Но Костюку передайте — второй ошибки мы им не простим. Можно себе

представить, как сейчас здесь зашевелиятся противники Тихонова. Уже, наверное, зашевелились.

И Андропов замолчал, обратив свой взор в сторону окна, выходящего на площадь Дзержинского. Помолчав немного, он спросил:

— Какие у вас предчувствия по поводу концовки чемпионата, Эрнест Леонардович?

— Я верю в нашу победу, — без тени сомнения в голосе ответил Спрогис. — Мы даже можем получить преимущество, если к повторному матчу с чехами не потеряем очков. Они наверняка будут ждать, что мы оступимся и, если этого не случится, будут чувствовать себя не в своей тарелке. Все-таки груз ответственности будет давить на них гораздо сильнее, чем на наших ребят — они же у себя дома играют. Вот этот самый груз ответственности может их и раздавить.

— Лучше будет, если их раздавят наши ребята вместе с майором Костюком, — высказал свое пожелание Андропов, после чего закрыл это короткое совещание.

8 мая 1978 года, понедельник, Спорткомитет Министерства обороны СССР

— Тебе что налить — коньяк или виски? — спросил Скурлатов у сидевшего за его столом Кондратьева.

— Лучше коньяк — он сосуды расширяет, а с утра это в самый раз, — последовал ответ.

— За здоровьем, значит, следишь? — усмехнулся Скурлатов, доставая из бара бутылку армянского коньяка.

— Мне по штату положено — как-никак в Спорткомитете работаю, — ответил Кондратьев. — Да и тебе, Леонтий, хорошее здоровье тоже не помешает.

— Какое тут к чертям здоровье, когда наши чехам продули, — раздраженно заметил генерал.

— А я думал, ты наоборот за чехов болел? Ведь если они выиграют, погонят Тихонова с должности поганой метлой.

— Это верно — погонят, — согласился с гостем Скурлатов, разливая в рюмки коньяк. — Но наших ребят все равно жалко — они-

то тут ни при чем.

— Ничего не поделаешь — как говорят французы: се ля ви. За что пить будем? — поднимая рюмку, спросил Кондратьев.

— Ты же сам сказал: за ту поганую метлу, которая Тихонова погонит обратно в Ригу.

— Хороший тост, — и гость, чокнувшись с генералом, первым осушил свою рюмку.

Закусив выпитое кусочком шоколада, Кондратьев продолжил:

— А я ведь Тихонова предупреждал — возьми в Прагу Шадрина, а не Макарова. Но он, дурак, не послушал.

— Это ты к чему?

— К тому, что если бы у него позавчера был под рукой центр нападения Володька Шадрин, он бы его в первое звено вместо Петрова поставил. И не пришлось бы третье звено разрушать — Мальцева оттуда вытаскивать.

— Значит, правильно, что не послушал — иначе мы бы с тобой здесь сейчас коньяк не трескали.

— Это верно — разливай по второй.

Они снова выпили и закусили шоколадом.

— Он Макарова взял не случайно — за этим Тяжелников стоит, — возобновил разговор Скурлатов. — Мы парня к себе в ЦСКА берем, а Тяжелников заявил: возьмете сначала в сборную, а уже оттуда в ЦСКА.

— Вот оно как! Но если Тихонова снимут, Макаров может обратно в «Трактор» уехать.

— Вот уж дудки! Парень он толковый, нам такие самим нужны.

— А кого вместо Тихонова поставите?

— Локтева вернем. Впрочем, чего это мы раньше времени губы раскатываем — впереди у наших еще одна игра с чехами.

— Да брось ты, Леонтий, ерунду молоть — не видишь что ли, как наши в Праге играют? С таким тренером, дай бог, второе место занять — и то хорошо. Давай лучше выпьем за то, чтобы наши ниже второго места не опустились. А то ведь и нас с тобой тоже могут метлой погнать.

— Меня не погонят — я с Леонидом Ильичом на охоту постоянно езжу. А он старыми друзьями не разбрасывается.

— Кстати, о Леониде Ильиче, — восторженно воскликнул Кондратьев. — Ты ему намекни, что хорошо бы в сборную обратно Кулагина вернуть. А тот, естественно, за собой вашего Локтева потащит.

— Намекнуть-то можно, но я не уверен, что он согласится.

— А ты ему правильно намекни. Скажи, что не нужны нам сейчас пертурбации — стабильность важнее. Вон с Тихоновым что получилось — столько людей взбаламутили, а результат какой? Пшик один! А с Кулагиным мы следующий чемпионат точно выиграем.

— Это почему?

— После этого чемпионата конгресс лиги состоится, так наши шансы самые высокие — Москву выберут. Ну и, сам понимаешь, здесь уж мы «золото» никому не отдадим.

— Ну, если так, тогда выпьем за наши будущие золотые медали, — и Скурлатов снова взялся за бутылку.

8 мая 1978 года, понедельник, Прага, Дворец спорта, матч СССР — Канада

— Что же вы творите, ребята! — в отчаяние схватился за голову актер Евгений Леонов, который приехал вместе со сборной СССР на чемпионат мира и теперь сидел на трибуне и не мог поверить в то, что произошло. Несколько секунд назад счет на табло был ничейный — 1:1, но после того, как канадская «двадцатка» Дон Левер из «Ванкувер Кэнакс» забросил шайбу в ворота советской «двадцатке» Владиславу Третьяку, цифры на табло изменились в пользу канадцев — 2:1. И то же самое табло показывало, что до конца встречи остаются всего лишь четыре минуты. Вот почему Левер, уже предвкушая победу своей команды, три раза вынимал из сетки шайбу и снова забрасывал ее в ворота, чтобы все видели: это он, именно он, Левер, забил этот победный гол. Эти же чувства охватили тогда и всю канадскую сборную — она выскочила на лед и бросилась к своему игроку, забившему гол, чтобы заключить его в объятия. И Леонов, глядя на это, даже подумал: будь у них на скамейке запасных шампанское, они не раздумывая открыли бы его и начали праздновать победу уже сейчас. Хотя до конца встречи оставалось еще четыре минуты. А в хоккее это вполне достаточное время для того, чтобы изменить ход

встречи. Но канадцы были настолько уверены в своей победе, что об ином результате даже не помышляли.

8 мая 1978 года, понедельник, мотель под Прагой, база сборной ЧССР

Как только вторая шайба влетела в ворота Третьяка, все игроки чехословацкой сборной, смотревшие этот матч по телевизору, как по команде вскочили со своих мест и, огласив помещение радостными воплями, бросились обниматься. Они были вне себя от восторга, поскольку эта шайба, забитая за четыре минуты до финального свистка, могла решить судьбу золотых медалей. Теперь они точно доставались чехословацкой сборной, у которой не было ни одного поражения, зато была победа над Советами с разницей в две шайбы. А это была хорошая фора. Через четыре минуты все могло решиться на этом турнире и вся Прага должна была выйти на улицы. Каких-то четыре минуты!

— Что вы радуетесь, у русских есть еще четыре минуты! — призвал к спокойствию своих игроков тренер Карел Гут.

Это он разрешил своим игрокам посмотреть этот матч, хотя врач команды был категорически против, считая, что это может плохо сказаться на игре против шведов, которая должна была состояться сегодня вечером. Но Гут посчитал, что шведская сборная не та команда, которая может доставить много хлопот его ребятам. Русским они проиграли 1:6, а канадцам 5:7. Неужели они могут устоять перед хозяевами турнира?

Собственно, и сердце самого Гута в то мгновение, когда канадцы забили вторую шайбу, готово было вырваться из груди, но он был не только профессионалом высокой пробы, но и умудренным большим жизненным опытом человеком. И он не мог не учитывать того факта, что в хоккее игра идет до финальной сирены. И что четыре минуты для этой игры — это очень большой отрезок времени, во время которого может случиться всякое.

8 мая 1978 года, понедельник, Прага, Дворец спорта, матч СССР — Канада

Радость канадцев продолжалась несколько минут. Третьяк смотрел на счастливые лица канадцев и думал: «Что-то много ты, Владик, пропускаешь. 18 шайб в пяти матчах — такого с тобой давненько не бывало. Впрочем, добрую треть этих шайб можно записать и на счет моих партнеров по команде — защитников. И они это понимают — вон как головы опустили».

Игроки советской сборной и в самом деле выглядели понуро. И те, кто находился на льду, и те, кто сидел на скамейке запасных. И особенно переживал Валерий Васильев. Это он слишком нерасторопно действовал на своем «пяточке». Сначала наш защитник долго зажимал подмышкой клюшку канадского игрока, не позволяя ему тронуться с места, а в это время другой канадец атаковал ворота Третьяка. А потом Васильев задержался у штанги, наблюдая за тем, как два канадца орудуют на нашем «пяточке» и один из них — Левер — добивает-таки шайбу в наши ворота.

Заметив уныние на лицах своих подопечных, Тихонов стал ходить вдоль бортика.

— Что вы головы повесили? — вопрошал он у игроков. — Видите, как канадцы радуются — как сущие дети. Но вы же не дети — вы взрослые люди. Так научите этих сопляков в хоккее играть — пусть поучатся.

Эта речь вызвала улыбки у большинства хоккеистов и заметно их раскрепостила. Они внезапно осознали, что терять им теперь нечего и что этих «детей» и в самом деле надо наказывать. Чтобы они раз и навсегда зарубили у себя на носу, что задирать взрослых не стоит.

Даже помощник Тихонова — Владимир Юрзинов — слушая речь своего коллеги, мысленно восхитился: «Молодец, Василич, ни на секунду не дает игрокам расслабиться. Надо и мне не отставать, подхлестнуть ребят в концовке игры».

И Юрзинов склонился к уху нападающего Капустина, сменившегося с площадки и севшего на скамейку запасных: «Сережа, сделай невозможное. Вся страна на тебя смотрит». И ведь сделал, сукин сын!

Но сначала свое слово сказал легендарный Валерий Харламов. Не успела пройти минута с момента гола Левера, как наш форвард получил шайбу из нашей зоны от защитника, ворвался по правому флангу в штрафную канадцев и мастерски забросил ее в правый угол

ворот Дэна Бушара. Причем канадский вратарь сначала даже не понял, что был гол — так молниеносно все произошло. Счет стал 2:2. Канадцы, которые рассчитывали на эти четыре минуты запереть свои ворота на замок, были явно обескуражены. А советских хоккеистов, наоборот, охватил настоящий азарт.

И снова цифры на табло не успели отсчитать минутный отрезок, как вдохновенный словами своего тренера Капустин вышел один на один с Бушаром и, несмотря на попытку подоспевшего защитника помешать ему, вывел свою сборную вперед, послав шайбу под перекладину. 3:2. Теперь уже настала очередь ликовать игрокам советской сборной. То же самое творилось и на трибунах, где в радостном экстазе зашла большая группа советских болельщиков во главе с Евгением Леоновым.

— Молодцы, ребята! Молодцы! — что есть мочи кричал Евгений Палыч, обнимая своего соседа справа.

Но и это было еще не все. Снова не прошло и минуты, как еще одна шайба влетела в ворота Бушара, когда наши играли в большинстве. А огорчил канадского голкипера наш защитник Вячеслав Фетисов. Он дважды бросил по воротам канадцев, в первом случае Бушар отбил шайбу щитками, а вот во второй раз оказался бессилён — шайба влетела в «девятку» над его правым плечом.

— Мо-лод-цы! Мо-лод-цы! — раздался радостный клич в секторах, где сидели советские болельщики. Остальные сектора скорбно молчали. Заполненный в основном пражанами, Дворец спорта откликнулся на эту победу советской сборной гробовым молчанием. Стихийная манифестация пражан, которая им уже мерещилась четыре минуты назад, была сорвана. Теперь оставалось дожидаться 14 мая, когда на этом же льду должны были вновь скрестить свои клюшки сборные Советского Союза и Чехословакии. Но прежде хозяевам турнира предстояло сыграть матч против сборной Швеции.

8 мая 1978 года, понедельник, Прага, Дворец спорта, матч ЧССР — Швеция

Когда прозвучала сирена, возвестившая об окончании первого периода, счет на табло был 1:0 в пользу сборной Швеции. И Карел Гут,

направляясь вместе с командой в раздевалку, костерил себя за то, что позволил своей команде несколько часов назад смотреть матч СССР — Канада. Видимо, размышлял тренер, его игроки отдали этому матчу слишком много эмоций, поскольку первый период провели хуже, чем он рассчитывал. Никакого преимущества у сборной ЧССР не было, она даже по броскам шла вровень со шведами — ю: ю. Да и шайбу, которую на 8-й минуте забил Ольберг, Холечек и защитники не должны были допустить, но все-таки допустили. Все эти свои чувства тренер высказал в раздевалке игрокам?

— Вы что, все перегорели, пока смотрели матч русских с канадцами? На вас смотрит вся Чехословакия, а вы чем на льду занимаетесь? Что за балет вы показываете?

В итоге во втором периоде чехи с первых же секунд взяли инициативу в свои руки. И уже спустя минуту сумели сравнять счет — это сделал нападающий второго звена Эберман. Однако радость хозяев льда длилась недолго. Не прошло и двух минут, как уже нападающий второго шведского звена Лундхольм снова вывел свою команду вперед. Эта шайба вдохновила шведов и они перехватили инициативу. После чего броски по воротам Холечека стали следовать один за другим. Чехословаки вынуждены были защищаться, при этом при срыве атак соперника особо с ними не церемонились. Шведский тренер Ханс Линдберг стал апеллировать к главному арбитру — канадцу Маккормаку:

— Почему не удаляете игрока — он толкал нашего нападающего в спину?

Но судья жестом показал, что его учить не надо. Спустя несколько минут ситуация повторилась, но канадец и в этот раз проигнорировал обращение шведского тренера. Тогда шведские игроки стали намеренно устраивать потасовки у бортика, провоцируя соперника на нарушение правил. Но в итоге это вышло боком самим шведам. Судья взял и удалил на 10 минут их нападающего Брасара. Это удаление психологически надломило шведов. И третий период они откровенно провалили. Не прошло и минуты с его начала, как чехословацкий нападающий Поузар из первого звена сравнял счет. А спустя одиннадцать минут Черник спас сборную Чехословакию от потери очка — вывел свою команду вперед. За это время были удалены еще два шведа — все тот же Брасар и Лундхольм. Оба на две минуты. А

вот в отношении хозяев льда свисток арбитра продолжал молчать. В итоге случилась редкая для хоккея вещь — одна из команд (сборная ЧССР) набрала за все 60 минут игры ноль минут штрафного времени. Но зато заработала в свою копилку такие необходимые два очка.

9 мая 1978 года, вторник, Прага, Ольшанское кладбище

Франтишек Свозил приехал на кладбище вместе с матерью, чтобы навестить могилу отца. И пока мать ушла покупать цветы, Франек ждал ее у входа. В этот самый миг он заметил, как невдалеке стайка ребятишек облепила мужчину, который стоял у автобуса «Икарус» и раздавал детям автографы. Заинтересованный этим, Франек решил подойти поближе. И едва приблизился к мужчине, остолбенел — это был знаменитый игрок сборной СССР по хоккею Валерий Харламов. Он приехал вместе с командой на кладбище, чтобы в этот знаменательный день возложить цветы к могилам советских воинов погибших при освобождении Праги в 1945 году.

Когда все автографы были розданы и толпа детей схлынула, Харламов обратил внимание на Франека, который стоял с открытым ртом и глазел на хоккеиста.

— А ты почему автограф не просишь? — спросил Харламов и улыбнулся своей обворожительной улыбкой.

Франек учил в школе русский язык, поэтому понял, о чем идет речь. Однако ответить ничего не смог — его охватило оцепенение.

В это время к Харламову подошел мужчина, в котором мальчишка узнал еще одного знаменитого советского хоккеиста — Александра Мальцева.

— Ты чего застрял, Валерка? — спросил он, тронув партнера по команде за локоть.

— Автографы раздаю, — ответил Харламов.

— Так раздал же уже! — удивился Мальцев.

— Не все — вон пареньку еще не досталось, — и Харламов кивнул в сторону Франека.

После чего жестом подозвал мальчишку к себе.

— Тебя как зовут?

— Франтишек, — разжал, наконец, губы Франек.

— Как Поспишила, — улыбнулся Мальцев.

— Ты хоккеем любишь?

— Да, я в «Спарте» играю, — ответил Франек по-чешски, но хоккеисты его поняли.

— Видишь, наш будущий собрат, — толкнул Мальцева плечом Харламов. — Давай ему автографы дадим — он, видимо, сам стесняется попросить.

— А на чем, если у нас под рукой ни клочка бумаги нет? — удивился Мальцев.

Тогда Харламов достал из внутреннего кармана пиджака авторучку и путеводитель «Злата Прага», вырвал из него последний лист и поставил на нем свою размашистую роспись. После чего то же самое сделал и Мальцев.

— Держи, малец, — и Харламов протянул листок Франеку. — Когда вырастишь и станешь хоккеистом, будешь детям своим показывать.

И, потрепав Франека рукой по волосам, он еще раз улыбнулся своей обворожительной улыбкой и направился вслед за Мальцевым к своим партнерам по команде.

9 мая 1978 года, вторник, Прага, парк имени Юлиуса Фучика

Майор Костюк нашел председателя судейской комиссии ЛИХГ Андрея Старовойтова прогуливающимся в парке Юлиуса Фучика, рядом с Дворцом спорта. Нагнав функционера, чекист поздоровался с ним за руку и спросил:

— Андрей Васильевич, нет ли у вас желания нам помочь?

— Я всегда готов помогать нашим славным органам, — с улыбкой ответил Старовойтов.

— Тогда начну без всяких околичностей — надо немножко напрячь чехов.

— В каком смысле напрячь? — спросил функционер и даже остановился.

— В прямом — пощекотать им нервы. Вы вчерашний их матч со шведами видели?

— Нет, не было времени. Но счет знаю — 3:2 в пользу чехов.

— А сколько они набрали штрафных минут, знаете?

— Ах, вы об этом, — усмехнулся Старовойтов, после чего снова тронулся с места. — Конечно, знаю — я же главный судья. Ничего они не набрали.

— Вас это не удивляет?

— Нисколько, поскольку я знаю, кто судил эту игру — канадец Маккормак. Он же, кстати, судил и матч чехов с американцами, где ноль штрафного времени было у обеих команд.

— Такое на чемпионатах мира возможно?

— Редко, но бывает. В прошлом году в Вене такая же история случилась с нашей сборной в матче против команды Румынии. Мы победили 18:1.

— Так это же игра двух социалистических команд, одна из которых явный фаворит. Там еще до выхода на лед понятно, что игра будет товарищеской. А здесь речь идет об американцах! Мне кажется, тут явный сговор.

— С чего вы взяли?

— Потому что не может такого быть, чтобы у американцев ни один их игрок за всю игру не нарушил правил. Я посмотрел протоколы всех матчей сборной США и выяснил, что у них самый грубый игрок — это Билли Гиллиган из «Цинциннати Стингерз». Он за семь прошедших игр набрал 23 минуты штрафного времени, причем только в матче против ГДР заработал целых 17 минут. Играл он и против чехов 2 мая, но вел себя там как суцкая овечка. Значит, это был сговор между чехами и американцами сыграть этот матч как товарищеский — без удалений. И ваш Маккормак этому потворствовал.

— С чего вы взяли, что он мой? — искренне удивился Старовойтов — Он канадский.

— Но вы же сами сказали, что не удивлены его судейством во вчерашнем матче, где он опять не удалил ни одного чеха. Даже их защитник Ян Заичек, уже набравший и минут штрафов, почему-то присмирел. И это в матче, где страсти кипели нешуточные — до 40-й минуты чехи в нем проигрывали 1:2. И вот представьте себе, шведы заработали 14 минут штрафов, а чехи ни одной.

— Чего вы от меня хотите? — теряя терпение, спросил Старовойтов.

— Я хочу понять, кто такой этот Маккормак.

— За ним стоят чехи — довольны?

— Вполне. Значит, я в своих выводах не ошибся и правильно сделал, что к вам пришел. Вы в курсе, что завтра чехи снова играют со шведами в матче второго круга?

— Естественно, я это знаю. И то, что игру опять будет судить Маккормак тоже.

— Интересные у вас назначения на матчи! — изумленно воскликнул Костюк.

— Да уж, какие есть.

— И вы об этом так спокойного говорите? — возмутился Костюк. — Мы тут землю носом роем, чтобы не дать нашей сборной проиграть, а вы закрываете глаза на то, что нашему главному противнику матча судит их креатура!

— Вы хотите пришить мне государственную измену? — Старовойтов снова встал, как вкопанный.

— Я хочу понять, что здесь происходит с судейством.

— То же самое, что и везде и всегда. Вы, видимо, человек здесь новый, поэтому все происходящее для вас внове. На самом деле ситуация такова, что среди судей есть и другие люди — протезируемые нами. Вы же не настолько наивны, чтобы предполагать, будто мы работаем в ущерб себе?

— То есть, соблюдается некий баланс?

— Вот именно.

— В таком случае пришло время этот баланс, если не нарушить, то немного изменить в нашу пользу. Мы отстаем от чехов на два очка и только совместными усилиями мы сможем эту ситуацию изменить в лучшую сторону.

— Сразу предупреждаю — снять Маккормака с игры будет практически невозможно. Вы ведь этого хотите?

— Наконец-то вы меня поняли! — всплеснул руками Костюк. — Но почему вы так категоричны в своем утверждении?

— Потому что нет веских поводов для его отстранения. Те выкладки, которые вы мне предъявили, для судейской комиссии никакого значения не имеют.

— А если подрядить на это дело шведского представителя? Я имею в виду члена Совета ЛИХГ от Швеции. Как его, кстати, зовут?

— Карл Берглунд, — сообщил Старовойтов. — Но как вы это себе представляете?

— Очень просто. Вы поговорите с ним тет-а-тет и попросите выйти в судейскую комиссию с вопросом об отстранении Маккормака от завтрашней игры. Ведь не враги же себе шведы?

— Шведы уже определили для себя место на этом чемпионате — третье или четвертое. Это выяснится в их последней игре с канадцами. Поэтому лезть из кожи вон в играх с нами и чехами они не будут — эти очки для них фактически потеряны.

— Ну, и бог ними! Мне важно, чтобы этот вопрос вообще был поднят. Я же вам сразу сказал, что хочу пощекотать чехам нервы. Узнав о том, что шведы замахнулись на Маккормака, они занервничают, начнут суетиться.

— Это все, на что вы способны?

— Не только. Просто до конца чемпионата осталось меньше недели и надо почаще играть у чехов на нервах. Короче, вы поговорите с Берглундом?

Старовойтов ответил не сразу. Он возобновил свой путь и примерно минуту обдумывал ответ. После чего, наконец, нарушил тишину:

— Хорошо, я встречу с Карлом. Но учтите, что если это единственная ваша уловка, то она нам не поможет. Надо придумать что-нибудь посерьезней.

— Не волнуйтесь — придумаем. Считайте, что история с этим канадцем — всего лишь отвлекающий маневр.

10 мая 1978 года, среда, Прага, улица Рытиржска

Иван Кузьменков подъехал на своей «Шкоде» к Дому советской культуры и науки на Рытиржской и, припарковав автомобиль недалеко от входа, стал ждать. Вскоре на улицу вышла стройная блондинка в легком платье и в туфлях на высоких каблуках и направилась в противоположную от Кузьменкова сторону. Он тронул автомобиль с места и быстро нагнал девушку.

— Извините, пожалуйста, вы не Бозена Люцерава? — спросил он у блондинки в раскрытое окно.

— Да, а в чем дело? — замедлила шаг девушка.

— У меня есть к вам приватный разговор, — Кузьменков остановил машину и распахнул перед блондинкой дверцу.

— Но я не сажусь в автомобиль к незнакомым мужчинам, — заявила особа.

Тогда Кузьменков показал ей свое служебное удостоверение сотрудника КГБ, которое он в Праге обычно с собой не носил, предпочитая ему «корочку» сотрудника чехословацкого МВД. Но в этот раз он специально взял с собой именно советский документ, чтобы у девушки не возникало никаких иллюзий. Документ произвел на блондинку нужное впечатление — она стала озираться по сторонам, нервно теребя пальцами сумочку, прижатую к груди.

— Будет лучше, если вы все-таки сядете ко мне в автомобиль, — вновь обратился к девушке Кузьменков.

И Бозена предпочла больше не упираться. Когда она оказалась в салоне, Кузьменков тронул автомобиль с места и, проехав несколько сот метров, свернул в ближайший переулок. Здесь он заглушил мотор и повернулся к спутнице.

— Чем сегодня потчевали в ресторане «Березка»? — спросил он у девушки.

— Борщом и голубцами, — ответила Бозена, продолжая все так же нервно теребить пальцами края у сумочки.

— Вы волнуетесь, значит, чувствуете себя в чем-то виноватой?

— Любой чех будет волноваться, когда его останавливает на улице сотрудник советского КГБ.

— И это говорит мне девушка, которая сама работает на органы госбезопасности, только чехословацкие? — и губы Кузьменкова тронула легкая усмешка.

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Не ломайте дурочку, Бозена, мне все о вас известно, — в голосе Кузьменкова послышались стальные нотки. — Думаете, я бы отправился на эту встречу, не собрав на вас необходимое досье? Вы уже три года работаете на полковника Гавлика, а до этого были элитной проституткой, официально числясь работницей мебельной фабрики «Лигна» по адресу улица Водичкова, 41. Впрочем, почему были? Вы и сейчас занимаетесь проституцией, ложась под мужчин,

которые представляют оперативный интерес для Гавлика. Например, вы стали любовницей советского журналиста Егора Красовского.

Услышав эту фамилию, Бозена поняла, что ее собеседник осведомлен о ней больше, чем она думала. Осознав это, она оставила в покое свою сумочку и спросила:

— Я могу закурить?

— Пожалуйста, если это поможет нашему разговору.

— Поможет, — ответила девушка, и, достав из сумочки пачку «Мальборо» и зажигалку, закурила.

Сделав затяжку и выпустив дым в открытое окно, она внимательно посмотрела Кузьменкову в глаза и произнесла:

— Вы не боитесь, что полковник Гавлик...

— Глупо задавать такие вопросы сотруднику КГБ, — прервал ее речь Кузьменков. — Мы хоть и находимся у вас в гостях, но чувствуем себя здесь как хозяева. Поэтому я и хочу предложить вам работать не на полковника Гавлика, а на нас — вам же лучше будет.

— Я не продаюсь, — сделав очередную затяжку, ответила Бозена.

— Как мило, — улыбнулся Кузьменков. — И это говорит мне элитная проститутка.

— Даже у продажных женщин есть гордость, — и девушка снова посмотрела в глаза собеседнику.

— Сейчас мы проверим, сколько она у вас стоит, — и Кузьменков достал из кармана своего пиджака сложенный вчетверо листок.

Развернув его, он поднес листок к лицу девушки и спросил:

— Узнаете этот банковский счет? Он открыт вашим любовником, немецким бизнесменом Зигфридом Шульцем, два года назад в Мюнхене. На нем лежат все ваши накопления, собранные за эти годы. Весьма внушительная, скажу вам, сумма.

— Откуда это у вас? — с ужасом глядя на собеседника, спросила Бозена.

— Глупые вопросы задаете, барышня, — и Кузьменков спрятал бумажку в карман. — Мы все-таки КГБ, а не мебельная фабрика «Лигна» с улицы Водичкова. И теперь представьте себе, сколько времени понадобится нам, чтобы с помощью своих оперативных методов завладеть деньгами с этого вашего счета. Представили?

Здесь Кузьменков блефовал — сделать это было крайне сложно, но он специально брал девушку на испуг, зная о ее жадности.

— И что скажет полковник Гавлик, когда вдруг узнает о том, что у вас имеется счет не у вас на родине, а в Западной Германии? — продолжал наступать чекист, не давая своей собеседнице опомниться. — Вы что, собираетесь туда сбежать?

И тут девушка... разрыдалась. При этом сигарета выпала у нее из рук и Кузьменкову пришлось поднимать ее с пола и выбрасывать в открытое окно. Пока он это делал, Бозена продолжала плакать, что не входило в планы чекиста.

— Перестаньте давить мне на жалость — это бесполезно, — произнес Кузьменков и, отобрав у девушки сумку, нашел в ней платок и всунул его в руку своей собеседнице. — Лучше утрите слезы и постарайтесь зарубить у себя на носу раз и навсегда — ваши деньги будут в целости и сохранности до тех пор, пока вы будете делать то, что скажу вам я.

— Да, да, я все поняла, — затрясла головой Бозена, наспех вытирая слезы.

— Теперь вы не будете больше говорить мне про вашу гордость? — возвращая девушке сумку, произнес Кузьменков. — Вот и отлично. Тогда слушайте меня внимательно...

10 мая 1978 года, среда, Прага, Дворец спорта, чемпионат мира по хоккею

Марек Скленаж пребывал в большом недоумении и никак не мог понять, куда подевался его русский приятель Егор Красовский. До этого они вдвоем неизменно ходили на все игры чемпионата, а сегодня Егор куда-то пропал, не объявившись даже на матче СССР — Канада, который советская сборная выиграла со счетом 5:1. После его окончания к Скленажу подошел журналист газеты «Советский спорт» и поинтересовался у него, не знает ли он, куда запропастился Красовский.

— Сам его ищу, — развел руками Скленаж, но для себя сделал вывод, что дело здесь не ладно.

И он тут же позвонил на квартиру в спальном районе Просек, где Красовский обычно проводил время с Бозеной. Но к телефону там никто не подошел. Впору было отправляться на поиски русского

приятеля, но Скленадж не мог этого сделать, так как вот-вот должен был начаться еще один важный матч — между сборными ЧССР и Швеции. Он был интересен еще и тем, что накануне его грянул скандал. Шведская сторона внезапно подняла вопрос о главном арбитре матча — канадце Маккормаке, который судил предыдущую игру этих команд и вызвал неудовольствие шведов. Они потребовали заменить арбитра, но чехословацкая сторона резко воспротивилась этому. Было созвано специальное заседание судейской коллегии, которая пришла к выводу, что претензии шведов ни на чем не основаны. Однако было принято решение заменить одного линейного арбитра — вместо финна Ванханена, который сам попросил снять его с игры в знак солидарности со шведской стороной, был назначен венгр Шелл — представитель соцлагеря. И теперь, идя на этот матч, Скленадж гадал, как это скажется на игре. Еще как оказалось, причем в пользу хозяев турнира. Уже после второго периода счет был 5:0 в пользу сборной ЧССР. Поэтому Скленадж решил не досматривать игру дальше и снова вышел на улицу, чтобы из будки-автомата позвонить на квартиру в Просеке. И вот тут трубку уже подняли. Это оказалась Бозена, которая была явно чем-то сильно взволнована.

— Егор у тебя? — первое, что спросил Скленадж.

— У меня, но с ним очень плохо, — ответила девушка.

— В чем дело? — насторожился журналист.

— Это не телефонный разговор — приезжай поскорее, если сможешь, — и девушка первой повесила трубку.

Естественно, Скленадж тут же сел в автомобиль и отправился в Просек.

Когда он приехал на место, то застал в квартире не только Бозену и Красовского, но и полковника Гавлика, которого вызвала девушка. И тот, едва приехав, тут же учинил допрос русскому, во время которого и появился Скленадж. Поскольку полковник и русский находились в соседней комнате и вели разговор за плотно закрытой дверью, Скленадж бросился за разъяснениями к Бозене. И та, нервно куря сигарету, поведала ему следующую историю. По ее словам, Красовский объявился на квартире полтора часа назад в возбужденном состоянии. Он сообщил Бозене, что работает на КГБ, что провалил его задание и теперь, по возвращении в Москву, его ждет неминуемая кара. Поэтому он умолял девушку помочь ему спрятаться от лап КГБ

— сбежать в ту же ФРГ или в любую другую страну, где его будет трудно отыскать.

— Ты считаешь, он не блефует? — меряя шагами пространство кухни, спрашивал Скленадж.

— Думаю, что нет, — ответила девушка. — Он по-настоящему напуган — такое не сыграешь.

— И что еще он успел тебе рассказать до прихода полковника? — продолжал интересоваться журналист.

— Ничего, кроме того, о чем я тебе уже рассказала: что КГБ угрозами заставил его работать на себя, что прислал в Прагу на чемпионат с целью выведать через нас о планах чехословацкой сборной.

— А кто конкретно от КГБ приехал с ним в Прагу он говорил?

— Какой-то майор Костюк — он у них здесь за старшего.

В это время на кухню зашел Гавлик. Во рту у него была незажженная сигарета, поэтому он жестом показал, что ему нужна зажигалка. И Бозена щелкнула ею у него перед носом. Закурив, Гавлик прошел к окну и сказал:

— Черт его знает, вроде, он говорит правду. Что скажешь ты, Бозена — он же с тобой первой общался?

— Я уже сказала Мареку, что верю этому парню. Он напуган — чемпионат заканчивается, задание он провалил и прекрасно понимает, что дома его ждут одни неприятности. Надо ему помочь — пусть русские останутся с носом.

— А ты не потому это говоришь, что он хорош в постели? — спросил Гавлик.

— Если хотите, можете мне не верить, — пожала плечами девушка.

— Ну, ладно, не обижайся, — открывая форточку, заметил Гавлик, после чего взглянул на Скленаджа:

— А ты что молчишь?

— Спросите, скажу.

— Считай, что спросил.

— Надо его проверить. Пусть даст интервью «Свободной Европе» и расскажет всю правду о деятельности КГБ на этом чемпионате. Тогда ему и в самом деле деваться будет некуда.

— А что, это мысль, — дымя сигаретой, заметил Гавлик. — Можно свести его с этим немцем, Хорстом. Пойдите здесь, я сейчас приду.

И Гавлик вышел из кухни. Он отсутствовал около пяти минут, после вернулся и сообщил:

— Он отказывается давать интервью в Праге — требует вывезти его в ФРГ.

— И правильно делает — здесь у него нет никаких гарантий того, что его не схватят, — первой отреагировала на это сообщение Бозена. — Надо дать ему шанс поработать на нас в стане русских. Ведь они еще ни о чем не догадываются. И не забывайте, что впереди нас ждет финал с русскими.

— А что, она права, — и Гавлик бросил взгляд на Скленаджа.

— Может, и права, — пожал плечами журналист. — Но, может, и другое — что этот парень подстава русских. Он вам что рассказал?

— Много чего, причем с подробностями. Если он расскажет это в радиоэфире, то русские явно не обрадуются.

— То есть, вы тоже ему верите?

— Я никому не верю — даже себе, — и Гавлик выбросил недокуренную сигарету в форточку. — Но до финала, действительно, всего три дня. И что там затевают русские непонятно. Вот пусть он себя в этом деле и проявит. А ты, как всегда, будешь с ним на связи. Заодно и присмотришь.

*12 мая 1978 года, пятница, Прага, чемпионат мира по хоккею,
матч ЧССР — Канада*

Весь матч сборных ЧССР и Канады Егор Красовский провел на трибуне вместе с Тихоновым. Такова была установка майора Костюка, который хотел, чтобы люди полковника Гавлика видели, что советский журналист вплотную приблизился к советскому тренеру. Видел это и Скленадж, который сидел чуть выше своего приятеля в той же ложе гостей и периодически посматривал в их сторону. Впрочем, большую часть времени он вынужден был смотреть на лед, где события разворачивались поистине драматические. По сути, для чехословацкой сборной на этом чемпионате это был четвертый по накалу страстей

матч после игр с финнами (6:4), шведами (3:2) и сборной СССР (6:4). А предыдущий матч с канадцами держал в напряжении зрителей лишь два периода, да и то относительно — счет тогда был 2:0 в пользу чехословаков (5:0 общий итог). Но ту игру судил американец Пирс, который был весьма благожелательно настроен по отношению к хозяевам турнира (впрочем, как и сборная США). А в этой игре с канадцами главным арбитром выступал швед Карлссон, который помнил про скандал вокруг канадца Маккормака и вполне мог затаить обиду на чехов. А отвести его кандидатуру хозяева турнира не могли — им однажды уже пошли навстречу с Маккормаком.

Вторая игра с канадцами началась иначе, чем первая встреча. В той игре, как уже говорилось, чехи забили первыми. На этот раз это сделали канадцы, причем уже на второй минуте — автором гола был Уилф Пэйман из «Колорадо Рокиз», которому ассистировал Левер. Пэйман, кстати, станет третьим бомбардиром в команде на этом чемпионате после Марсея Дионна из «Лос-Анджелес Кингз» (9 забитых шайб) и Денниса Марука из «Кливленд Баронз» (6 шайб, как и у Пэймана).

Итак, канадцы первыми открыли счет. А затем не успел секундомер отсчитать минуту с момента первого гола (если быть точным, то прошло всего 25 секунд), как канадцы удвоили счет — это сделал Жан Проново из «Питтсбург Пингвинз».

— Ничего себе заявочки, — не скрывая своего восхищения, произнес Красовский.

На что Тихонов только загадочно улыбнулся, но отвечать ничего не стал — поберег слова для следующего раза. Хотя в душе он, конечно, тоже ликовал, поскольку, проиграв сегодня чехи, и это уравнило бы их по очкам со сборной СССР. Но впереди еще было 58 минут игрового времени — почти целый матч. Но тренер легко мог себе представить, что творится сейчас в гостинице, где его команда смотрела по телетрансляции этот матч.

Хозяева льда взялись за дело на 5-й минуте. Именно тогда их нападающий первого звена Милан Новы отквитал одну шайбу.

— Надо же, Милан отметился! — воскликнул Красовский.

Сказал он это не случайно. Совсем недавно этот игрок кладнинского «Польди» был лидером сборной, ее главным забивалой. Так, на чемпионатах 1976-го и 1977 годов он забил соответственно 9

шайб (+6 голевых передач) и 7 шайб (+7 передач). Но в этом году его результативность не впечатляла — на его счету было всего 4 шайбы (+1 передача).

Эта шайба заметно раскрепостила чехов и они бросились на штурм канадских ворот. И броски стали следовать один за другим с любых позиций. Однако у канадцев здорово играл их голкипер — Дени Эррон из «Питтсбург Пингвинз». Дело близилось к концу периода, когда за пять минут до сирены Эберман все-таки сравнял счет.

— Кажется, начинается, — выдохнул Красовский, предвкушая дальнейший штурм ворот Эррона.

Штурм и в самом деле продолжился, но к голам больше не привел. Более того, во втором периоде чехи, сколько не старались, тоже не смогли «распечатать» вратаря канадцев. И это при том, что они сделали по его воротам 19 бросков, а канадцы ответили только шестью. И сколько не призывал переполненный Дворец спорта своих кумиров атаковать снова и снова, однако шайба не шла в ворота Эррона, хоть ты тресни.

— А ведь это хорошо, Виктор Васильевич, — обратился Красовский к тренеру.

— Что именно? — не понял Тихонов.

— То, что чехи лезут из кожи вон. Они же не железные — глядишь, к финалу не успеют восстановиться.

— А ты сообразительный, — улыбнулся тренер, который думал точно так же.

Третий период этого напряженного матча начался при счете 2:2. Этот счет держался на табло вот уже целых 26 минут. Однако до получаса он не дотянул. На 43-й минуте чехословацкий защитник из третьего звена Махач забил-таки шайбу в ворота канадцев. И многотысячная аудитория, уже уставшая ждать гола, мгновенно преобразилась — снова ожила и заголосила во все горло.

Этот счет устраивал чехов, поэтому, забив третий гол, они сбавили обороты и ушли в оборону. Однако даже в этой ситуации они не выпустили инициативы из своих рук, продолжая контролировать шайбу. Так они выполняли установку своих тренеров, которые держали в уме финальную игру с русскими. Короче, они берегли силы

команды для решающей схватки. И Тихонов, глядя на это, прикидывал в уме: поможет это чехам послезавтра или нет?

А спустя несколько часов уже сам Тихонов вывел свою команду на лед пражского Дворца спорта. Соперником советской сборной была команда Швеции. Причем на эту игру пришло столько же зрителей, что и на предыдущую — 14 тысяч 88 человек. Именно столько посадочных мест было в этом зале. И почти все пришедшие дружно болели за шведов. Поскольку если бы даже они сыграли вничью (не говоря уже о выигрыше), то при таком раскладе сборная ЧССР досрочно становилась чемпионом мира. Понимали это и советские хоккеисты. Поэтому в своей предматчевой речи Тихонов был краток и лаконичен:

— Сегодня вся Чехословакия болеет за наших соперников. А весь Советский Союз болеет за нас. Кто нам ближе пусть каждый из нас решает сам. На выход!

Эта речь, наложившись на откровенно враждебную реакцию трибун, придала советским хоккеистам такие силы, что уже к 29-й минуте (то есть, через полтора периода) они вели 6:0. У шведов хватило сил забить всего лишь одну шайбу. Мы ответили еще одной и третий период по сути превратился в товарищескую игру. Она так и закончилась — 7:1. И всем стало окончательно понятно — «золото» этого чемпионата будет разыграно в последний день турнира, когда на этот лед выйдут его хозяева и хоккеисты из Советского Союза. Так, собственно, изначально и предполагалось. При этом чехословаков устраивала и ничья, а вот нам нужна была только победа, причем с разницей в две шайбы. И эта разница для многих знатоков хоккея казалась непреодолимой преградой, поскольку самой мало пропускающей командой этого турнира была именно сборная ЧССР — в ее ворота пока влетело всего 18 «бранок» (шайб по-чешски). А в советских воротах таковых уже побывало 25. То есть, чехословацкая защита зарекомендовала себя, как самая надежная. Как ее пробить и выиграть — вот была задача из задач, которую должен был решить советский тренерский штаб и вся команда в целом. До «дня X» оставалось всего 48 часов.

13 мая 1978 года, суббота, Прага, чемпионат мира по хоккею

В это утро тренеры сборной ЧССР Карел Гут и Ян Старши приехали во Дворец спорта, чтобы провести предпоследнюю тренировку своей команды перед решающим матчем со сборной СССР. Причем они привезли с собой не всю команду, а всего лишь нескольких игроков — вратаря Иржи Холечека, двух защитников и двух нападающих, которым предстояло «натаскать» в первую очередь голкипера, который сам попросил их об этом. Вся остальная команда осталась на пригородной базе, чтобы отдохнуть после вчерашней игры с канадцами. И когда тренировка была в самом разгаре, к тренерам подошел психолог Яромир Губачек из Карлова университета. Он специально приехал во Дворец спорта, чтобы обговорить с тренерами время своей последней рабочей встречи с командой перед финальным поединком. В итоге был выбран вечер этого же субботнего дня. Вполне удовлетворенный этой датой, Губачек вышел из Дворца спорта и направился к своим «Жигулям», стоявшим на стоянке. Как вдруг его кто-то окликнул. Он обернулся и увидел симпатичного молодого человека в светлом костюме.

— Уважаемый профессор, ради бога извините за беспокойство, — широко улыбаясь, произнес незнакомец, обращаясь к психологу по-русски. — Меня зовут Егор Красовский, я журналист из Советского Союза.

И молодой человек первым протянул свою ладонь психологу.

— А в чем, собственно, дело? — спросил Губачек на таком же прекрасном русском языке, пожимая протянутую ему руку.

— Дело в моей профессиональной заинтересованности. Я собираюсь писать большую статью о работе хоккейных психологов и просто не имел права обойти своим вниманием вашу фигуру. Мне посоветовал обратиться к вам ваш коллега — московский психолог Лужский.

При упоминании этого имени напряжение, все это время читавшееся во взгляде психолога, мгновенно улетучилось и он спросил:

— Вы знаете Матвея Семеновича?

— Ну, конечно — я общался с ним перед поездкой сюда, когда собирал материал для своей статьи.

— И что вы хотите получить от моей скромной персоны?

— Всего лишь интервью, которое будет прекрасным дополнением к тому материалу, который мне представил Лужский.

— А о чем конкретно вы с ним разговаривали?

— О неудачном выступлении советской сборной на призе «Известий» в прошлом году. Ведь Матвей Семенович готовил команду к этому турниру и этот провал определенным образом ударил по его репутации. Вот об этом мы и беседовали — о том, есть ли в этом его вина, как психолога. А если шире — мы пытались выяснить, есть ли перспективы у этой науки в контексте ее взаимоотношений с хоккеем.

— И что же вам ответил Лужский? — не скрывая своей заинтересованности, спросил Губачек.

— Вам действительно это интересно? Тогда, может, мы найдем с вами укромное местечко и побеседуем об этом в приватной обстановке? Заодно я возьму у вас то самое интервью, о котором я говорил в самом начале нашего разговора.

— Где же мы с вами уединимся? — искренне удивился психолог.

— А вы бывали в русском ресторане «Березка» в Доме советской культуры и науки?

— На Рытиржской? Бывал пару раз, но очень давно.

— Тогда я предлагаю вам освежить вашу память. Угощение за мой счет, можете об этом не беспокоиться, — и Красовский демонстративно похлопал себя по карману пиджака, где у него лежало портмоне.

Услышав это предложение, Губачек на несколько секунд задумался. Было видно, что он застигнут врасплох этой просьбой, но в то же время и тема беседы его привлекала — ведь речь шла о горячо любимой им психологии. Видя, что он колеблется, Красовский спросил:

— Вы куда-то торопитесь?

— Да, я хотел заехать домой, чтобы оставить там свои бумаги, а потом отправиться в университет, — и психолог продемонстрировал свой портфель, который он держал в руках.

— Наша беседа займет не больше часа. И все это время мы будем вкушать изысканные блюда русской кухни — шеф-повар в этом ресторане настоящий ас своего дела. Сегодня он побалуует нас борщом с клецками, настоящими сибирскими пельменями со сметаной и солеными огурчиками под московскую водочку. Соглашайтесь, другого такого случая может не представиться.

Услышав про эти разносолы, Губачек, наконец, решился.

— Хорошо, уговорили. Садитесь в мою машину и поедem в вашу «Березку».

Спустя полчаса они уже были на месте. Остановив автомобиль в ста метрах от ресторана, Губачек первым выбрался наружу. Оставив портфель в салоне, он закрыл дверцу на ключ и они отправились в ресторан. А спустя пять минут к автомобилю психолога подошел мужчина средних лет в светло-сером костюме. Достав из кармана небольшую плоскую отмычку, он в течение нескольких секунд пошуровал ею в замке «Жигулей» и открыл заднюю дверцу. Забравшись в салон, он взял с водительского сиденья портфель психолога и щелкнул замком. Из внутренности портфеля на свет была извлечена синяя папка, из которой мужчина достал пачку бумаг. Полистав их и убедившись в том, что это именно те документы, которые ему нужны, мужчина достал из кармана миниатюрный фотоаппарат «Минокс» и стал фотографировать один лист за другим. Так продолжалось около пятнадцати минут. Затем мужчина аккуратно сложил все листы обратно в папку и вернул ее в портфель. И тот снова лег на водительское сиденье. После чего мужчина выбрался из машины и с помощью той же отмычки закрыл дверцу. И удалился так же незаметно, как и пришел.

13 мая 1978 года, суббота, Прага, гостиница «Интернационал»

По вестибюлю гостиницы, с чемоданом в руке, шел к выходу Евгений Леонов. В этот момент с улицы в отель вошел один из молодых игроков советской сборной.

— Доброе утро, Евгений Палыч! — поздоровался хоккеист. Но, увидев чемодан в руках артиста, удивился:

— Вы никак уезжаете?

— Да вот, срочно вызывают на съемки.

— А в каком фильме вы снимаетесь?

— В «Обыкновенном чуде» по Шварцу — играю там короля.

— Получается, мы завтра против чехов без вас сражаться будем? — в голосе молодого хоккеиста послышалась такая грусть, что сердце великого актера сжалось.

Секунду-другую он стоял неподвижно, после чего рубанул воздух рукой и сказал:

— Да пропади они пропадом эти съемки — подождут! Никогда я вас не брошу, ребятки мои!

И обняв хоккеиста за плечи, Леонов вместе с ним зашагал в обратную сторону от выхода.

13 мая 1978 года, суббота, Прага, гостиница «Интернационал»

Вечером, накануне решающего сражения с хозяевами турнира, Виктор Тихонов и Владимир Юрзинов собрали команду, чтобы провести с ней последнюю глубокую теоретическую предматчевую подготовку. Для этого на свет был извлечен видеоманитофон, специально привезенный тренерами из Москвы. На нем игрокам показали наиболее значимые эпизоды предыдущей игры с чехословаками. С их помощью тренеры заострили внимание игроков на слабых местах в игре сборной СССР, обозначили уязвимые места в обороне соперника. И снова, наверное, в тысячный раз было подчеркнута — чехи на этом чемпионате удаляются реже всех остальных и лучше всех играют в большинстве.

— Они набрали в девяти матчах 62 минуты штрафного времени, в то время как мы, например, отсидели на скамейке штрафников почти в два раза больше — 114 минут, — сообщил Тихонов, держа перед глазами свой блокнот. — Причем их лидер среди штрафников защитник Ян Заичек имеет только и минут штрафного времени, а вот наш лидер по этой части, защитник Билялетдинов, отсидел на шесть минут больше. Надеюсь, завтра, Саша, ты не предоставишь нашему сопернику такого счастья — лицезреть тебя в качестве удаленного.

Сидевший в первом ряду Билялетдинов покраснел и, в знак согласия с тренером, кивнул головой. А Тихонов между тем продолжал:

— Играя в большинстве, чехи забили 13 шайб, а в меньшинстве пропустили всего лишь три. Мы же в большинстве забили в два раза меньше — 6 шайб, а когда играли в меньшинстве умудрились пропустили 8 шайб. В той же встрече с чехами они забили нам в большинстве два гола: это сделали их первое и третье звенья, что мы

видели несколько минут назад по видеомэгнитофону. Вообще их первое звено в большинстве играет лучше всего — на его счету 6 забитых шайб. У третьего звена на одну забитую шайбу меньше. Как сделать так, чтобы в завтрашней игре этого не случилось? Извлечь уроки из увиденного сегодня и играть более собранно, особенно это касается наших защитников. Мы должны уяснить для себя раз и навсегда — свой лимит на ошибки мы уже исчерпали. Все — баста! Завтра мы должны сыграть свою лучшую игру на этом чемпионате. Вы должны забыть про все свои прежние ошибки, как будто их и не было. В завтрашней игре мы ошибок больше не совершаем. Я имею в виду те ошибки, которые относятся к разряду серьезных, роковых.

Какие ошибки были у нас в прошлой игре? Первое звено не сумело перестроится в связи с выпадением своего центра — Петрова. А Саша Мальцев так и не сумел найти общего языка с новыми партнерами. Поэтому и тот голевой пас, который привел к голу в ворота чехов, он отдал, играя на своем привычном месте — в третьем звене. Да и в последнем матче, против шведов, ты Саша снова затерялся, играя вместо травмированного Жлуктова с тандемом Балдерис — Капустин. Но завтра ты будешь снова играть со своими испытанными партнерами-динамовцами и, будем надеяться, что это сделает ваше звено таким же боеспособным, как и раньше.

Тихонов на секунду умолк и обвел взглядом аудиторию — игроки сидели, не шелохнувшись, и с интересом внимали его словам. И тогда он продолжил:

— В первое звено вернулся Владимир Петров и оно снова заиграло в полную мощь. Здесь никаких особых пожеланий не будет, кроме одного — помните, что вы ведущее звено и на вас ориентируются все остальные. У чехов, судя по всему, в первом звене завтра будет та же картина: вместо молодого Рихтера выйдет опытный Милан Новы. Но он уже не такой шустрый, как в былые годы, но весьма опасен своими передачами. Хотя и сам тоже может выстрелить, как это сделал вчера с канадцами. Поэтому хочу обратиться к нашим защитникам — Цыганкову и Фетисову: следите за этим парнем. Ну, и главное, конечно, не забывайте про Ваню Глинку.

Второе наше звено в прошлой игре сыграло лучше всех остальных — из четырех наших шайб целых три на его счету, — продолжал свою речь Тихонов. — Но успокаиваться на достигнутом не

стоит — ту игру мы все-таки проиграли. К тому же уверен, что чехословацкие тренеры сделали должные выводы по поводу провала в той игре их второго звена и завтра внесут в него кое-какие коррективы. Например, дадут задание своим защитникам играть плотнее с нашими нападающими.

Наконец, наше третье звено. Оно прошлую игру провалило. Во многом это связано с тем, что оно было разрушено — ушел в первое звено Мальцев, не вышел на лед Саша Голиков. Поэтому достичь взаимодействия друг с другом ребятам не удалось. Завтра звено восстановится в прежнем виде и, я уверен, сыграет так, как оно умеет это делать. Но его защитников прошу быть особо внимательными к одному хоккеисту. Догадываетесь, к какому? Правильно, к Чернику. Автор хет-трика наверняка и завтра захочет повторить свой рекорд. Но это будет уже слишком. Поэтому ты, Валера, — и Тихонов посмотрел на Васильева, — приклейся к нему персонально. Глаз с него не спускай, а если надо — возьми его пару раз на корпус, как ты умеешь это делать.

После собрания, когда Тихонов остался один, к нему зашел майор Костюк.

— Вот принес вам интересный материал — выкладки психолога сборной Чехословакии профессора Губачека, — сообщил гость и положил на стол снимки, сделанные несколько часов назад возле Дома советской культуры и науки.

— И что в этих бумагах? — поинтересовался тренер.

— Данные на каждого игрока с указанием их сильных и слабых сторон с точки зрения психофизического состояния. Мне кажется, они могут вам помочь в подготовке к завтрашнему матчу.

— Лучше нас самих нам помочь никто не сможет, — заметил Тихонов, так и не притронувшись к снимкам.

— Что-то я вас не понимаю, Виктор Васильевич? — удивился Костюк.

— А что тут понимать — я прекрасно знаю психологическую ситуацию в стане нашего противника.

— Позвольте узнать, откуда?

— Наблюдал вчера на матче Чехословакия — Канада.

— И что вы там увидели, если не секрет?

— Характеристики на всех интересующих меня чехословацких игроков — начиная от их ветерана, 33-летнего вратаря Иржи Холечека и заканчивая самым молодым игроком в команде 21-летним Петером Штястны. Все были, как на ладони. Чехи с трудом играют последние матчи — 3:2 одолели шведов, с таким же счетом сыграли с канадцами. Они выдыхаются.

— Но характеристики Губачека могут многое дополнить в ваших выводах — все-таки человек работает внутри команды. Да и мы старались вам помочь.

— Огромное вам спасибо, Петр Леонидович, но я хочу выиграть это сражение, опираясь на свои силы. Мы в прошлой игре, может быть, потому и проиграли, что рассчитывали на разного рода побочные обстоятельства, которые могут нам помочь. А что получилось? Ничего хорошего. Поэтому в этот раз мы с ребятами будем надеяться только на самих себя.

— Пренебрегаете разведкой? — усмехнулся Костюк. — А ведь без разведки ни одно крупное сражение выиграть еще не удавалось.

— Почему же без разведки — я вчера на матче с канадцами и был тем самым разведчиком. Другое дело, пока неизвестно, хорош я окажусь в этом качестве или плох.

— То есть, вы хотите сыграть в рулетку? А если вы проиграете? Ведь это будет не только ваш личный проигрыш, но и поражение всего советского хоккея, всей нашей страны. Вы об этом подумали? О той ответственности, которая на нас с вами лежит?

— Я об этой ответственности думаю практически каждую минуту. Она у меня уже в печенках сидит, — по лицу Тихонова было видно, что он еле себя сдерживает. — Но чехам еще сложнее — они играют у себя дома и та же самая ответственность давит на них гораздо сильнее, чем на нас. Вот одна из главных составляющих нашей возможной победы.

— Вот именно, что возможной! Так, может, хватит надеяться на авось — взять и воспользоваться шансом, чтобы подойти к поединку во всеоружии?! Зачем вставать в позу?

— Это не поза, это — позиция. Мы должны выиграть этот матч собственными силами, только тогда у нас состоится команда.

— Но мы тоже входим в вашу команду!

— Извините, Петр Леонидович, но вы подходите к хоккею совсем с другими мерками — мерками вашего ведомства.

— Но что поделаешь, если таковы реалии сегодняшнего времени — спорт не может существовать вне холодной войны, которая ведется и, заметьте, не по нашей воле.

— Я все прекрасно понимаю, но и вы меня поймите — я хочу выиграть финальный матч спортивными методами, а не какими-то иными.

— А если вы проиграете?

— Ничего, дальше Риги не сошлют.

— Но ведь пострадаете не вы один — многие.

— Зато это будет честное поражение, а не лукавая победа. Ведь нам всем потом с этим жить придется.

Майор Костюк был достаточно искушенным в жизни человеком и вдобавок опытным чекистом, который хорошо разбирался в человеческой психологии. И теперь, споря с Тихоновым, он видел в его глазах такую решимость отстаивать до последнего свои убеждения, что ему стало и страшно, и радостно одновременно. Страшно за то, что его карьера может пойти под откос из-за возможного завтрашнего поражения, и радостно за то, что ему выпала честь работать с таким человеком.

— Значит, вы решили выйти на игру с чехами с открытым забралом? — глядя в глаза тренеру, спросил Костюк.

— Как здорово вы сказали, Петр Леонидович — именно с открытым. И поэтому я хочу попросить вас об одном одолжении. Вы ведь наверняка будете засылать к чехам гонцов с дезинформацией о наших планах. Так вот, нельзя ли вас попросить сделать обратное: либо не засылать их вообще, либо сообщить чехам всю правду.

— В каком смысле?

— В прямом. Пусть чехи знают все о нашем завтрашнем составе и о том, какую тактику мы выберем. Тогда у нас будет полная уверенность в том, что эту игру мы выиграли честно.

— Вы это всерьез? — не веря своим собственным ушам, спросил Костюк.

Вместо ответа Тихонов взял со стола лист бумаги и протянул его чекисту со словами:

— Вот наш состав на игру и тактические наработки: кто будет играть в большинстве, кто в меньшинстве и так далее. Пусть это попадет к чехам.

Сказать, что Костюк был потрясен, было мало — он был по-настоящему повержен, смят. Он мог ожидать от Тихонова чего угодно, но только не этого. Но вслед за этим потрясением пришло уже другое чувство. Своим чекистским умом Костюк внезапно осознал, что этот шаг тренера может иметь вовсе не гибельные, а совсем противоположные последствия. Чехи, получив эти данные, выстроят свою игру таким образом, что она точно ляжет на планы самого Тихонова. «А вдруг он именно на это и рассчитывает? — мелькнула в голове у Костюка внезапная мысль. — Вдруг это такая хитрость с его стороны? Ведь не может же он во всем полагаться на свою интуицию. Наверняка где-то и хитрость должен подключить».

После некоторой паузы, во время которой чекист мучительно размышлял над тем, что стоит за этим демаршем тренера, Костюк, наконец, взял, протянутый ему листок. И продолжая глядеть в глаза тренеру, произнес:

— Когда вас назначили тренером сборной, я, грешным делом не мог понять, почему выбрали именно вас. Теперь я это понимаю. Надеюсь, завтра это поймут и все остальные сомневающиеся.

14 мая 1978 года, воскресенье, Прага, улица Такурова, 1

Несмотря на воскресный день, полковник Гавлик был на службе. Ведь именно сегодня на чемпионате мира по хоккею должен был быть сыгран финальный матч между сборными Чехословакии и СССР, который подводил итог не только всему турниру, но и работе самого Гавлика и его людей. Поэтому этот день обещал быть горячим, как никакой другой день недели. И полковник это понял, едва приехав в Управление X (контрразведка). Не успел он зайти в свой кабинет, как следом за ним туда вошел его помощник, который доложил важную информацию из стана советской сборной:

— Наш информатор в гостинице «Интернационал» передал час назад информацию о том, что у русских серьезно заболел один из ведущих игроков — Сергей Капустин.

— Что подразумевается под словом «серьезно».

— У него высокая температура — до сорока, которую врачи начали сбивать еще ночью.

После некоторой паузы, которая понадобилась полковнику для того, чтобы осмыслить полученную информацию, он, наконец, произнес:

— Вызовите ко мне доктора Гонзу.

Спустя десять минут, когда доктор уселся в кресло напротив полковника, тот его спросил:

— Скажите, Гонза, вы можете сказать, какие жаропонижающие лекарства может использовать русский врач, чтобы сбить температуру у своего хоккеиста?

— Разные: парацетамол, анальгин, аспирин и ряд других, — ответил доктор.

— А сколько вам понадобится времени, чтобы в упаковки от этих лекарств вложить лекарства, где будет содержаться эфедрин?

— А зачем это нужно?

— Мы постараемся подложить эти упаковки русскому доктору, с тем, чтобы он лечил ими заболевшего хоккеиста.

— Дальше можете не продолжать, — улыбнулся Гонза.

Он был прекрасно осведомлен, что эфедрин считался допингом и был запрещен к применению среди спортсменов во время соревнований. И доктор догадался о тайном плане полковника. Если бы русские выиграли финальный матч, то члены антидопинговой комиссии вызвали бы на допинг-контроль именно Капустина с тем, чтобы, найдя в его моче эфедрин, аннулировать результаты этой победы. Всем был памятен скандал, случившийся два года назад на Олимпиаде в Инсбруке с советской лыжницей Галиной Кулаковой, у которой после забега обнаружили в организме допинг. Она объяснила это тем, что накануне старта сильно простудилась, не могла дышать, и врач команды дал ей лекарство, в котором содержался эфедрин. В итоге результат лыжницы был аннулирован.

Та же история на той же Олимпиаде произошла и с капитаном сборной ЧССР по хоккею Франтишеком Поспишилом. После игры с командой Польши врачи тоже обнаружили в его организме допинг, но это был уже кодеин. В турнире игрока оставили, но его команде засчитали поражение.

— Дайте мне час времени и я принесу вам несколько упаковок с разными лекарствами, но все они будут содержать эфедрин, — сообщил Гонза.

И не обманул — ровно через час эти упаковки лежали на столе у полковника. За это время он тоже времени зря не терял. Вызвал своего помощника и попросил его связаться с их агентом «Регентом» — водителем автобуса «Икарус», который все эти дни возил русских по Праге — и узнать у него о сегодняшних планах советской команды. Помощнику хватило на это полчаса, после чего он сообщил: около часа дня несколько советских игроков вместе со своим вторым тренером Владимиром Юрзиновым должны были отправиться во Дворец спорта на последнюю перед решающим матчем тренировку. Вместе с ними туда должен был отправиться и врач команды.

Получив упаковки с лекарствами, Гавлик снова вызвал своего помощника и сказал:

— Возьмите все это и передайте Скленаджу, чтобы тот отдал лекарства агенту «Регенту». Они давно на связи, поэтому их контакт не вызовет ни у кого подозрений. Пусть «Регент» подбросит эти упаковки в саквояж русского доктора, не забыв забрать старые.

Помощник сложил упаковки в кожаный портфель и удалился. А спустя полчаса доложил, что лекарства доставлены по назначению — через журналиста к водителю автобуса. Он как раз собирался выехать к гостинице, чтобы забрать оттуда советскую группу. За те дни, что он обслуживал сборную СССР, у него успели сложиться хорошие отношения с командой и всем ее персоналом, в том числе и с врачами (их было трое). Хотя майор Костюк в первый же день провел необходимый инструктаж с членами нашей делегации, где особо указал на то, что надо быть осторожными в общении с местными — персоналом гостиницы, поварами, официантами, и водителем автобуса в том числе. Но этот разговор быстро забылся — ведь быть в постоянном напряжении и подозревать всех и каждого было невозможно. Вот и в тот день доктор команды вполне доброжелательно пообщался с водителем и, уходя во Дворец спорта вместе с командой, оставил свой саквояж в салоне «Икаруса». Чем и воспользовался водитель. Ему хватило пары минут, чтобы вытащить из саквояжа несколько упаковок с лекарствами, а вместо них подложить идентичные им упаковки, собранные доктором Гонзой. Расчет был на

то, что какая-то из них сыграет свою роль в лечение Сергея Капустина, который в эти самые минуты лежал с высокой температурой в гостинице. И полковник Гавлик, сидя в своем кабинете в желтом четырехэтажном здании контрразведки на улице Такурова, молил бога, чтобы советские тренеры все-таки решились выпустить Капустина в сегодняшнем матче на лед. Естественно, после того, как его полечат теми лекарствами, которые собрал доктор Гонза.

14 мая 1978 года, воскресенье, Прага, район Жижков

Франтишек Свозил с самого утра был в предвкушении сегодняшнего финального матча между сборными ЧССР и СССР. Впрочем, вряд ли в тот день в Чехословакии были люди, кто хотя бы мельком не интересовался этим событием. Вся государственная пропаганда страны вот уже две недели широко освещала этот турнир, а его финал — особенно. Так что Франек здесь был не исключением.

Наскоро позавтракав, он сначала выполнил просьбу матери — сходил в магазин за продуктами, а ближе к обеду отправился к своему приятелю Богуславу Хораку, чтобы вместе с ним заняться нужным делом — смастерить транспарант в поддержку сборной Чехословакии. С ним они собирались сегодня пойти на матч. Поэтому, когда Франек пришел к приятелю, тот уже всюду трудился над транспарантом. Это было белое полотнище, на котором красными буквами должно было быть написано: «За нашу и вашу победу!» Это был отсыл к знаменитому лозунгу польских патриотов XIX века «За нашу и вашу свободу!». А переименовать его Хораку посоветовал его отец — бывший влиятельный коммунист, исключенный из партии после августа 1968 года и теперь трудившийся на заводе простым рабочим.

На момент прихода Франека его приятель успел уже написать первое слово «За», которое получилось слегка кривоватым, но вполне читаемым.

— Ты вовремя пришел, — впуская друга в квартиру, сказал Хорак. — Мне надо с собакой выйти погулять — она уже пять минут скулит.

— Больше некому? — удивился Франек, глядя черного терьера Швейка, который вилял хвостом и жался к его ногам.

— Все разбежались по делам, — сообщил Богуслав. — Так что ты проходи в мою комнату и дописывай транспарант, а я отведу пса на прогулку.

Так они и сделали: Хорак увел собаку, а Франек прошел в его комнату, где на полу было расстелено полотнище транспаранта и здесь же стояла банка с краской, а в тазике лежала кисть. Взяв ее в руку, Франек стал аккуратно выводить первую букву следующего слова — «вашу». Но не успел он закончить первую букву, как из коридора послышался шум открываемой двери. «Быстро он управился», — подумал про себя Франек, макая кисточку в банку с краской. Однако в следующую секунду он расслышал в коридоре чьи-то голоса. И они явно принадлежали взрослым людям — голоса были мужские. Подойдя к слегка приоткрытой двери, Франек прислушался и по голосу определил, что один из говоривших — это отец Богуслава^[1].

— Надеюсь, мы одни дома? — поинтересовался голос, который Франек слышал впервые.

— Абсолютно, — это был голос отца Богуслава. — Сын гуляет с собакой — я видел его во дворе.

— Тогда я буду краток. В этой коробке находится взрывчатка. Это «Самтекс» — слышали о такой?

— Пластиковая бомба из материала, который делается в Пардубице? — догадался отец.

— Совершенно верно. Принимает любые формы — из такого «пластилина» можно лепить какие хочешь предметы и они не вызовут никаких подозрений у милиции. Передадите ее своему человеку за полчаса до начала матча. Кстати, это надежный человек?

— Свой в доску — сделает все, как надо. Он уже неделю как познакомился с одним советским болельщиком и ходил с ним на два матча с участием сборной СССР. Поэтому его присутствие на сегодняшней игре в советском секторе не вызовет никаких подозрений.

— Вот и отлично. Пусть соберет взрывчатку в туалете и оставит ее в сумке под лавкой на трибуне, а сам выйдет в подтрибунное помещение. Бомбу надо привести в действие за минуту до конца игры, когда ваша сборная будет безнадежно проигрывать.

— Я все-таки надеюсь, что этого не случится, господин Хорст.

— Мы тоже надеемся на это, но в этой жизни ничего нельзя предугадать. Сами же видите — русские в последних матчах набрали

крейсерскую скорость и вполне могут совершить сегодня чудо. Чтобы этого не произошло мы с вами и спланировали эту акцию. Взрыв в советском секторе трибун поможет нам свалить произошедшее на самих русских. Как только это произойдет, мои люди на радиостанции «Свободная Европа» оперативно выйдут в эфир. И мы сорвем Советам их праздник. Кстати, как выглядит ваш исполнитель? Я буду наблюдать за ним с противоположной трибуны в бинокль.

— Светловолосый парень в легкой зеленой ветровке. Волосы длинные, спадают до плеч — знаете, как у хиппи.

— Хорошо, я запомнил. Когда у вас встреча с ним?

— Через час.

— Держите коробку и спрячьте ее понадежнее — чтобы сын не нашел. Он, кстати, идет на матч?

— Конечно — у него от спортивной школы абонементы на все игры нашей сборной. Но они будут сидеть на противоположной от русских трибуне, так что я за него не боюсь. К тому же я уверен, что наши сегодня обязательно выигрывают, поэтому надобность в акции отпадет.

— Дай бог, чтобы ваши надежды оправдались. До свидания.

Спустя секунду хлопнула входная дверь, что означало — гость, которого отец Богуслава называл господином Хорстом, ушел. А сам хозяин дома, судя по его шагам, удалился в самую дальнюю, балконную комнату. Понимая, что его присутствие в этом доме после всего произошедшего таит для него серьезную опасность, Франек решил бежать отсюда во что бы то ни стало. Он осторожно вышел из комнаты и выглянул в коридор. Отца Богуслава видно не было — судя по звукам, он прятал взрывчатку на балконе. Поэтому Франек на цыпочках дошел до входной двери и, стараясь не шуметь, повернул ручку замка. Затем, выйдя на лестничную площадку, он прикрыл дверь и стремглав бросился вниз.

Когда он выскочил из подъезда, он нос к носу столкнулся с Богуславом, который возвращался с собакой с прогулки.

— Ты куда летишь, как сумасшедший? — удивился Хорак.

— Мне надо срочно домой, — выпалил Франек.

— Как домой — а транспарант?

— Допиши без меня, пожалуйста — мне надо одно дело сделать. Матери пообещал и только теперь вспомнил.

— Но на игре ты будешь?

— Конечно, куда же я денусь, — уже на бегу ответил Франек.

Первым делом он решил бежать в милицию, которая располагалась в полукилометре от дома Богуслава. Однако на полпути ноги Франека сами остановились, поскольку ему в голову пришла страшная догадка: «А ведь если я расскажу все милиции, то тогда отца Богуслава арестуют, а меня все будут считать стукачом». А быть доносчиком Франеку вовсе не улыбалось. Но и остаться в стороне он тоже не мог. Ведь если взрыв произойдет, то могут пострадать люди, много людей. И все из-за того, что он, Франек, испугался стать доносчиком. И в этот миг мальчишке пришла в голову неожиданная идея. Он вспомнил о человеке, которому он мог рассказать об услышанном и не прослыть для всех стукачом. И как только эта мысль посетила его, он снова сорвался с места.

Спустя двадцать минут он вбежал в то самое кафе, где несколько дней назад уже был, но в ином качестве — в роли задержанного. Это было то самое заведение, куда любил заглядывать тот самый русский дипломат, которому Франек едва не проколол шину в его автомобиле. В эти часы кафе было заполнено наполовину, однако русского дипломата среди посетителей не было.

— Это опять ты, пацан? — услышал Франек рядом с собой чей-то голос.

Он обернулся и увидел за прилавком хозяина заведения — пожилого дядьку в рубашке с закатанными до локтей рукавами.

— Мне бы того русского пана повидать, — произнес Франек, с мольбой глядя в глаза дядьке.

— А зачем он тебе понадобился?

— Нужен по одному делу.

— Приходи завтра к трем часам — сегодня его не будет, — и дядька взялся протирать тряпкой барную стойку.

Но Франек подскочил к стойке и выпалил:

— Завтра будет поздно — мне сегодня надо.

И такая мольба читалась в его взгляде, что дядька смягчился. Он подошел к телефонному аппарату, стоявшему в углу барной стойки и набрал нужный номер. И когда на том конце провода подняли трубку, сказал:

— Тут вас мальчишка разыскивает. Тот самый, что вам шины хотел проколоть. Я ему так и сказал: мол, приходи завтра, но он говорит, что у него дело очень срочное. И мне кажется, он не шутит. Хорошо, я так и сделаю.

Повесив трубку, дядька вернулся к Франеку и сообщил:

— Жди здесь — он скоро приедет.

После этих слов напряжение, все это время не отпускавшее мальчишку, мгновенно спало и он опустил на стул. Заметив это, хозяин заведения налил в стакан апельсинового сока из бутылки и поставил на стол перед Франеком.

— Может, съешь чего-нибудь? — спросил дядька.

— Нет, спасибо, я только сока выпью.

И мальчишка почти залпом осушил весь стакан. После чего минут пятнадцать сидел без движения на стуле и не сводил взгляда с входной двери. Наконец, она открылась и на пороге возник тот самый русский дипломат. Он подошел к мальчишке и, поздоровавшись с ним за руку, присел к нему за столик.

— Ну, что за срочное дело у тебя ко мне появилось? — спросил дипломат.

И Франек, подавшись всем телом вперед, почти шепотом рассказал русскому все, что он слышал в доме у Хорака. В процессе разговора дипломат вытащил из кармана пачку сигарет и закурил, пуская дым в сторону от мальчишки. Было видно, что он сильно напрягся и все услышанное произвело на него не менее ошеломляющее впечатление, чем на самого Франека. Когда тот закончил свой рассказ, дипломат спросил:

— А ты можешь сегодня не идти на матч?

— Не могу — все наши там будут. Да и как я объясню Богуславу, что не пришел на такую игру.

— Скажешь, что заболел.

— Нет, не могу — я у телевизора с ума сойду.

— Ну, хорошо, — и дипломат вдавил недокуренную сигарету в пепельницу. — Только сиди на своей трибуне и оттуда ни на шаг.

Сказав это, дипломат поднялся и, протянув мальчишке свою руку для прощального рукопожатия, произнес:

— Чтобы ты знал на будущее — меня зовут Олег Иванович Ковалевский. Я хорошо знал твоего отца и могу тебе сказать твердо: он

бы тобой сейчас гордился.

14 мая 1978 года, воскресенье, Прага, район Просек

Егор Красовский выскочил из гостиницы «Интернационал» и на улице столкнулся с двумя вратарями советской сборной — Владиславом Третьяком и Александром Пашковым.

— Ты что такой взмыленный, Егор? — спросил Третьяк.

— Тороплюсь в одно место, — ответил журналист. — А вы куда ходили?

— Прогулялись перед матчем — напряжение снимали, — ответил Третьяк. — А теперь вот часика два поспим.

— Везет же вам. А вот мне покой только снится, — и Красовский продолжил свой бег, направляясь к остановке такси.

Он торопился в Просек, на квартиру к Скленаржу, чтобы передать ему важный документ — тот самый, что Тихонов передал Костюку.

Когда спустя полчаса чех взял этот документ в руки и прочитал его, он поднял свои изумленные глаза на приятеля и спросил:

— Как тебе удалось это раздобыть?

— Я стащил его из стола Костюка, когда был у него сегодня утром. Документ написан вчера рукой самого Тихонова. Так что, когда обнаружится, что он пропал, Костюк сразу поймет, кто это сделал. А это значит, что обратной дороги у меня больше нет.

Услышав эти слова, Скленарж обнял своего русского друга за плечи и признался:

— А ведь я единственный тебе не верил — думал, что ты подставной. Прости меня, Егор.

— Прощу, если завтра я буду в ФРГ — вдали от загребущих лап КГБ.

— Не беспокойся, мы все устроим, — улыбнулся Скленарж. — Уже сегодня ночью, сразу после матча, я отвезу тебя на конспиративную квартиру Гавлика, откуда тебя переправят за кордон. Но ты понимаешь, что тебе надо будет выступить на «Свободной Европе», чтобы твоя судьба там хорошо сложилась?

— Я же дал слово — как только окажусь в ФРГ, сразу дам это интервью, — напомнил чеху о своем обещании Красовский.

— Тогда оставайся пока здесь, а я поеду к тренерам нашей сборной — поделюсь с ними свежей информацией, — и чех радостно потряс в воздухе документом, якобы похищенным его приятелем у чекиста.

— Почему я должен один куковать в этой богом забытой квартире? — взвился Красовский. — Бозены нет, я здесь с тоски умру.

Бросив на приятеля короткий взгляд, Скленадж ответил:

— Хорошо, поедем вместе.

Едва они выехали со двора, Скленадж, сидевший за рулем, сообщил:

— Теперь у меня нет ни малейших сомнений в том, что наши ребята сегодня буквально сомнут русских.

— А раньше, значит, ты сомневался? — удивился Красовский.

— Скажучестно, предчувствия были фифти-фифти. Но, после того, что случилось за эти три часа, мои сомнения улетучились.

— А что такого особенного произошло за это время?

— Во-первых, объявился ты со своим документом, — рассмеялся Скленадж. — Теперь, зная о планах Тихонова, наши тренеры сумеют внести такие коррективы в действия команды, что у русских не будет ни одного шанса на победу.

— Ты же хороший спортивный журналист и должен понимать, что игра — вещь непредсказуемая. Там может случиться масса непредвиденных обстоятельств.

— Что ты имеешь в виду?

— Да что угодно: травмы игроков, удаления, кураж, наконец, который могут поймать сегодня наши ребята. Так что не торопись с выводами. Как говорится: гладко было на бумаге, да забыли про овраги.

— Не будет никаких оврагов — во всяком случае, в нашу сторону, — отмахнулся от приятеля Скленадж. — Овраги мы подготовили для русских. Такие глубокие, что они из них вряд ли выберутся. Ты думаешь, твоя бумага — это единственное, что мы имеем? Ошибаешься. Даже если мы не победим сегодня по шайбам, то просто аннулируем победу русских.

— Что ты имеешь в виду? — насторожился Красовский.

— А то, дорогой, что в случае победы русских, у одного из них будет найден после игры допинг. Помнишь, как у нашего Франека

Поспиша в Инсбруке нашли? Сегодня настанет очередь русских.

— А если не найдут?

— Что значит не найдут, когда я лично передавал нужные лекарства водителю автобуса русских, чтобы он подбросил их в саквояж врача советской сборной? У русских серьезно заболел Капустин, без которого второе звено однозначно просядет. Поэтому его будут ставить на ноги всеми способами, то есть через лекарства. Что нам и нужно. Так что допинг у него найдут в два счета и аннулируют победу. За одно отомстим Капустину за то, что он в первом матче двинул Поузара клюшкой по зубам и не понес за это никакого наказания — за него штраф отбывал Макаров.

Услышав это признание, Красовский испытал настоящий шок. Получалось, что все его старания пойдут коту под хвост, если в дело хотят подключить антидопинговую комиссию. А с ней шутки плохи, тем более если чемпионат проходит на родине самих чехословаков.

— Ты что замолчал? — первым прервал наступившую паузу в разговоре Скленадж.

— Обдумываю услышанное — верить тебе или нет, — ответил Красовский, который понемногу начал приходить в себя.

— Не верь, я пошутил, — прибавляя скорость, произнес Скленадж. — Никакой допинг нам не понадобится — все решится за три периода. У наших ребят есть фора в две шайбы. Если они забьют еще хотя бы одну — а они это сделают однозначно — то русским придется забивать уже три. А это практически невозможно, учитывая то, что мы на этом чемпионате пропускаем меньше всех. Они и двух-то шайб не забьют, не то что три. Нет, у твоих земляков сегодня нет ни малейшего шанса стать чемпионами. Ими будем мы, и уже сегодня ночью твои Советы увидят реанимацию «Пражской весны» номер два по всей Чехословакии. Вот они в Кремле попляшут.

И салон автомобиля вновь содрогнулся от раскатистого смеха чешского журналиста. Этот смех вырвался через раскрытые окна наружу и умчался наперегонки с ветром.

14 мая 1978 года, воскресенье, Прага, Градчаны

Спустя час после встречи с Франеком Олег Ковалевский встретился с другим человеком — заместителем руководителя представительства КГБ в Чехословакии Иваном Кузьменковым. И рассказал ему все, что услышал от мальчишки. Несмотря на то, что информация была из разряда сногшибательных, Кузьменков сохранял завидное спокойствие. Нет, он сразу поверил в услышанное и был по-настоящему этим потрясен, просто он был не из тех людей, кто теряет самообладание. И Красовский об этом знал.

— Если с того момента, как мальчишка сбежал из дома своего приятеля, прошло уже больше двух часов, то взрывчатка наверняка уже у адресата, — вслух размышлял Кузьменков.

Они шли по одной из тихих улочек в Градчанах и пытались выработать единое решение.

— Может, задержать Хорака-старшего и выбить из него показания? — предложил Ковалевский.

— Не факт, что мы застанем его дома. Но даже, если мы его схватим, то мало чего добьемся. Я хорошо знаю этот тип людей — это фанатики своего дела, которые никогда не пойдут на контакт с властями, тем более со спецслужбами.

— Тогда остается шанс на то, что наши проиграют, и они отменят взрыв.

— Вы хотите, чтобы наши сегодня проиграли? — не скрывая своего удивления, спросил Кузьменков. — Тогда вместо взрыва во Дворце спорта произойдет куда более масштабный взрыв по всей Чехословакии и отголоски от него разойдутся по всему миру. Эта победа активизирует здешнюю оппозицию, объединит ее и позволит ей усилить свои позиции как внутри провластных элит, так и в низах общества, особенно среди молодежи. Это поражение будет дорого нам стоить.

— Тогда каковы будут наши действия?

— Выбор у нас небогатый: либо искать террористов самостоятельно, либо выходить на местные спецслужбы.

— Насколько я понимаю, для самостоятельных действий у нас нет достаточного количества людей. Значит, остается второй вариант.

— Выходит, что так. Террористический акт — это слишком серьезно, учитывая, что на матч придет более 14 тысяч зрителей, а также половина руководства Президиума ЦК КПЧ. Поэтому я

немедленно извещу свое руководство, а оно уже будет выходить на чехословацкое.

— Я вам еще понадобится? — задал прямой вопрос Ковалевский.

— Само собой, учитывая, что наших людей здесь немного. Который сейчас час?

— Начало пятого, — взглянув на свои наручные часы, ответил дипломат.

— В таком случае, через два часа встречаемся возле Дворца спорта — у центрального входа. К тому времени, уверен, многое прояснится.

14 мая 1978 года, воскресенье, окрестности Праги

Всю оставшуюся дорогу до базы чехословацкой сборной Красовский мучительно размышлял о том, как бы ему изловчиться и позвонить Костюку, чтобы предупредить его о ситуации с Капустиним. И в очередной раз, когда он думал на эту тему, решение пришло само собой. Они проезжали мимо придорожного кафе и Красовский попросил приятеля тормознуть:

— Забегу в туалет, а то, боюсь, не выдержу.

Скленарж не стал спорить и свернул к заведению. Однако когда они остановились, внезапно объявил:

— Я тоже заскочу — когда еще случай представится.

И Красовский мысленно проклял приятеля, который приклеился к нему, как банный лист.

Первым в туалетную комнату зашел Красовский. Он закрыл дверцу и, пока делал свое дело, продолжал мучительно размышлять на ту же тему — как позвонить Костюку. В это время его взгляд упал на лампу дневного света, которая слегка помаргивала. И тогда он решился на хитрость. Встав на край унитаза, он дотянулся до лампы и слегка ее пошевелил. И она стала моргать чаще — секунд пятнадцать поморгает, затем выключается и включается снова через десять секунд. Вполне удовлетворенный этим, Красовский слез с унитаза и вышел из комнаты. И прежде, чем впустить туда приятеля, сообщил ему:

— Слушай, еле отлил — лампа без конца моргает.

— Ничего, сейчас починим, — ответил Скленарж, входя в туалет.

Едва он скрылся за дверью, как Красовский выскочил в тамбур, который вел непосредственно в кафе. Он знал, что там обычно можно найти телефон. И точно — он висел на стене прямо у входа в заведение. Теперь дело было за малым — чтобы в номере Костюка кто-то был: либо он сам, либо кто-то из его чекистской группы. Однако минуло полминуты, пока Красовский держал трубку у уха, а на другом конце провода ему так никто и не ответил. Выругавшись про себя, он вынужден был повесить трубку на аппарат, что называется, несолоно хлебавши. Как оказалось вовремя — спустя несколько секунд в кафе появился Скленадж.

— Слушай, я так и не смог починить эту чертову лампу, — сообщил он приятелю.

После чего обратился к хозяину заведения, стоявшему за барной стойкой:

— У вас там лампа в туалете постоянно мигает — замените ее, пожалуйста.

Спустя минуту они снова тронулись в путь. И через полчаса, наконец, доехали до базы. И первое, на что обратил внимание Красовский, когда они входили в фойе — это был телефон, который стоял на столике рядом с входом. Поэтому решение пришло мгновенно.

— Ты иди на встречу с тренерами, а я подожду тебя здесь, — предложил Красовский приятелю.

Тот не стал спорить и взбежал по лестнице наверх — туда, где находились комнаты игроков сборной ЧССР. А Красовский направился к телефону и... застыл на месте. По нему разговаривал молодой человек в спортивной форме, в котором журналист сразу узнал Павла Рихтера — самого молодого игрока чехословацкой команды. Судя по выражению его лица, разговор он вел со своей пассией.

«Черт его дернул звонить именно в это время! — мысленно чертыхался Красовский. — Если он точит лясы со своей девицей, то этот разговор может длиться до бесконечности. Как говорится, влюбленные часов не наблюдают».

И действительно, стрелки на настенных часах уже отсчитали пять минут сначала разговора, а он все никак не заканчивался. Бросая ежесекундные взгляды то на Рихтера, то на лестницу, по которой взбежал Скленадж, Красовский мучительно размышлял о том, как же

ему быть. И тут его осенило. Он подошел к игроку и, тронув его за плечо, сообщил:

— Пан Рихтер, вас просят подняться наверх.

Услышав это, хоккеист тут же завершил разговор и, поблагодарив журналиста, побежал к лестнице. А Красовский быстро набрал на аппарате номер телефона в гостиничном обиталище Костюка. И снова молил бога, чтобы тот оказался на месте. И на этот раз всевышний его услышал — трубку взял Костюк.

— Товарищ майор, это Красовский, — прикрывая мембрану ладонью, произнес журналист. — У меня буквально полминуты. Я узнал, что они подменили лекарства в саквояже врача нашей сборной. В новых упаковках лекарства с допингом — эфедрин, кодеин или что-то еще. Они знают, что заболел Сергей Капустин и рассчитывают на то, что лечить его будут именно этими лекарствами. Надо этому помешать.

И Красовский положил трубку на аппарат. Он успел сделать всего лишь несколько шагов от столика, как на лестнице появился Скленадж. Он буквально сиял.

— Тебе просили передать огромное спасибо, — обнимая приятеля за плечи, объявил чех. — Ты нас здорово выручаешь. Поэтому это дело надо отметить. До начала матча есть еще два часа, поэтому можно заехать в какое-нибудь тихое заведение и пропустить по рюмочке коньяка за успех нашего дела. Ты согласен?

— Конечно, — расплылся в улыбке Красовский, который был не менее удовлетворен результатом своей деятельности, чем его приятель.

И когда спустя сорок пять минут они уже сидели в кафе и подняли свои рюмки с коньяком, Красовский провозгласил тост:

— За нашу победу!

Он специально сделал ударение на слове «нашу», как это делал в фильме «Подвиг разведчика» герой Павла Кадочникова. Но Скленадж не видел этого фильма, поэтому ни о чем не догадался. Ему казалось, что они пили за победу сборной ЧССР и ни за какую другую.

14 мая 1978 года, воскресенье, Федеральное МВД ЧССР

Министр внутренних дел Чехословакии Яромир Обзина слушал главу представительства КГБ СССР в своей стране генерал-майора Елисея Сеницына и не верил своим ушам. Генерал докладывал, что во время сегодняшнего финального матча на чемпионате мира по хоккею может произойти террористический акт. А ведь на эту игру должны были прибыть высшие должностные лица Чехословакии — премьер-министр страны Любомир Штроугал и другие члены Президиума ЦК КПЧ. И если все, о чем докладывал Сеницын, было правдой, то получается, что люди Обзины едва не проморгали теракт! «Но, может, этот русский ошибается? — размышлял министр, нервно постукивая карандашом по столу. — Может, его людей ввели в заблуждение и теракт — это чья-то злая шутка? Желание сорвать финальную игру? Но кому это выгодно? Чехословакам уж точно это не нужно, учитывая, что наша сборная в шаге от золотых медалей. Русским? А вот им выгода от этого как раз есть. Но ведь Сеницын упирает на то, что за терактом стоят чехословацкие диссиденты. Некий Зденек Хорак — бывший член КПЧ, выброшенный из ее рядов после событий 68-го года. Может, Сеницын и здесь ошибается? Или говорит это с умыслом, чтобы затеять новые репрессии против наших диссидентов, которые обозлили Москву своей «Хартией-77»? Однако на Сеницына это не похоже — не тот он человек».

Обзина близко знал докладчика ровно пять лет — с марта 1973 года, когда Сеницын уже три года работал главой представительства КГБ, а Яромир стал министром внутренних дел, придя на этот пост с должности заведующего отделением образования, науки и культуры ЦК КПЧ. Между ними сразу установились хорошие отношения, поскольку Обзина всегда считался человеком промосковских взглядов (в 1953–1956 годах он учился в Высшей партийной школе при ЦК КПСС в Москве) и даже пострадал за это — после августа 68-го его убрали из ЦК, но спустя год, уже при Гусаке, вернули обратно. Поэтому не доверять сегодняшним словам Сеницына у Обзины причин не было. И когда один из его заместителей — Мирослав Ваничек — высказал, пусть робкие, но сомнения в правдивости рассказа Сеницына, Обзина тут же его перебил:

— У нас нет оснований не доверять Елисею Тихоновичу.

Короче, все услышанное было воспринято министром как самая достоверная информация, которая требует немедленного реагирования.

Ведь до начала финального матча оставались считанные часы и было необходимо задействовать в этой операции множество оперативных служб, начиная от Корпуса национальной безопасности и заканчивая силами общественной безопасности (милиции). Однако, услышав, как министр поручает вызвать к нему глав этих ведомств, Сеницын снова взял слово:

— Мне кажется, товарищ министр, будет лучше, если милиция не будет оповещена о сути проводимой операции. Надо задействовать исключительно оперативных сотрудников госбезопасности, а милиционеры должны знать только одно — что во Дворце спорта усилены меры безопасности в связи с присутствием на матче высших должностных лиц страны. Чем меньше будет посвященных в детали операции, тем выше вероятность ее благополучного исхода. Но уже сейчас надо распорядиться о том, чтобы во Дворец спорта начали стягиваться дополнительные силы, которые должны устроить тщательный осмотр всех зрителей, прибывающих на матч.

Министр размышлял над этими словами всего лишь несколько секунд, после чего согласился с ними. Он отдал распоряжение о немедленном аресте Зденека Хорака и установлении скрытого наблюдения за гражданином ФРГ Вернером Хорстом, который был аккредитован на чемпионате как журналист. Все это делалось в присутствии Сеницына, что ясно указывало на его высокий статус в иерархии местных спецслужб.

Что касается вопроса о строгом пропускном контроле во Дворце спорта, то здесь министр замешкался. И причину своего замешательства объяснил просто:

— Я должен немедленно доложить о случившемся нашему премьеру. Если он распорядится отменить матч в связи с угрозой теракта, то сам собой отпадет и вопрос о жестком пропускном контроле на нем.

И Обзина связался с секретариатом премьер-министра страны и попросил немедленно соединить его с Любомиром Штроугалом. Тот взял трубку спустя примерно минуту.

— Товарищ премьер, я должен сообщить вам о чрезвычайной ситуации, — обратился министр к Штроугалу. — К нам поступила информация от наших советских коллег, что сегодня на финальном матче по хоккею может быть совершен террористический акт.

Сказав это, министр замолчал, ожидая реакции премьера. И судя по тому, как на том конце провода возникла пауза, премьер был явно обескуражен этой информацией. Наконец, он спросил:

— Этим сведениям можно верить?

— Абсолютно — их сообщил нам представитель КГБ Елисей Сеницын. Он сейчас в моем кабинете.

— Включите громкую связь, пожалуйста, — попросил премьер.

— Добрый день, товарищ Штроугал, — поздоровался с премьером генерал.

— Добрый. Какой информацией вы обладаете?

— Оперативной. Согласно нее, во Дворец спорта будет пронесена радиоуправляемая взрывчатка «Самтекс», которую террорист собирается взорвать в одном из секторов, где будут находиться советские болельщики. Произвести взрыв предполагается в том случае, если концовка матча сложится в пользу советской сборной.

— Значит, если победят чехословацкие хоккеисты, взрыва не последует? — спросил премьер.

— Судя по всему, так. Но гарантировать ничего нельзя.

— А кто стоит за этой акцией известно?

— Мы обладаем именами только двоих участников: это бывший член КПЧ Зденек Хорак и немец, выдающий себя на чемпионате мира за журналиста по имени Вернер Хорст.

— Они уже арестованы?

— Хорака должны арестовать с минуты на минуту, чтобы через него выйти непосредственно на террориста. А вот за Хорстом необходимо установить наблюдение. Задерживать его сейчас пока нет резона — надо выявить другие его связи. Если нити этого теракта тянутся из-за рубежа, то это очень серьезно.

На другом конце провода вновь возникла пауза. Наконец премьер спросил:

— Ваше мнение по поводу отмены финального матча — она необходима?

— Решать вам, товарищ премьер. Но если вы хотите узнать мое мнение, то оно следующее. Я полагаю, мы располагаем достаточными данными и средствами для того, чтобы обезвредить преступников без отмены финала. Мы же понимаем, что миллионы людей ждут этого праздника и было бы несправедливо их его лишать.

— Спасибо вам, генерал, — с теплотой в голосе произнес премьер. — А вам, товарищ Обзина, я поручаю принять все меры к тому, чтобы сегодняшний праздник прошел на высоком уровне. Я лично буду присутствовать на матче и следить не только за его ходом, но и за ходом вашей операции по обезвреживанию террористов. Желаю нам успеха.

И премьер первым положил трубку на аппарат.

14 мая 1978 года, воскресенье, Прага, гостиница «Интернационал»

До выезда советской сборной во Дворец спорта оставались считанные минуты, когда к Тихонову, который что-то писал в своем блокноте, подошел врач и сообщил:

— Виктор Васильевич, с Сережей Капустиным совсем плохо — температура подскочила до сорока одного градуса.

— Час от часу не легче! — пряча блокнот в карман, воскликнул тренер.

Лидер второго звена, игрок, забивший на этом турнире шесть шайб, до зарезу был нужен в финальной игре против хозяев турнира.

— Неужели все так плохо? — вопрошал у врача Тихонов, пока они шли в номер к хоккеисту.

Когда они пришли туда, они застали Капустина сидящим в кресле с градусником в руке.

— Сколько? — спросил у него Тихонов и, не дожидаясь ответа, взял градусник в руки и взглянул на его показания сам: ртутный столбик застыл уже на отметке 42 градуса.

У хоккеиста был сильнейший жар, взгляд — затуманенный.

— Сереженька, милый, все понимаю, но ты должен выйти на лед, — сообщил игроку тренер. — Борис Михайлович даст тебе жаропонижающее лекарство, оно собьет температуру. Чехи должны увидеть, что все наши звенья в порядке, что брешей у нас нет.

— Хорошо, я постараюсь, — вялым голосом отреагировал на эту просьбу Капустин.

— Спасибо, родной, — Тихонов потрепал хоккеиста по плечу и повернулся к врачу:

— У вас есть лекарство, которое будет сбивать ему температуру во время игры?

— Конечно, — и врач кивнул в сторону кровати, где лежал его саквояж.

— Тогда начинайте давать прямо сейчас.

Врач тут же извлек из саквояжа нужное лекарство. Высыпав горсть таблеток на журнальный столик, он налил из графина в стакан воды и, взяв одну таблетку, подошел к Капустину.

— Ну, Сережа, начнем лечиться.

Хоккеист протянул руку и взяв из ладони врача таблетку. Он уже подносил ее ко рту, когда в номер вбежал майор Костюк.

— Не смей! — закричал он во все горло и, подскочив к креслу, где сидел хоккеист, резким ударом по его руке выбил у него таблетку. Она упала на пол и закатилась под кровать.

— Вы что себе позволяете?! — закричал Тихонов на майора.

— В таблетке эфедрин, Виктор Васильевич, — сообщил тренеру Костюк. — Я только что получил информацию, что вашему врачу подменили лекарства в саквояже.

— Когда подменили? — удивленно воскликнул врач.

— Когда вы сегодня ездили с несколькими ребятами на тренировку. Надеюсь, после той поездки вы еще не успели дать Сергею лекарства, помимо той таблетки, которая сейчас лежит под кроватью?

— Нет, это первая.

— Тогда нам повезло.

Сказав это, Костюк подошел к саквояжу и высыпал его содержимое на кровать. После этого он собрал все упаковки в кучу и вновь обратился к врачу:

— Полагаю, у вас есть чем заменить эти фальшивые лекарства?

— Безусловно — в моем номере есть их аналоги.

— Тогда чего вы стоите — несите их сюда и лечите Капустина.

И врач тут же сорвался со своего места.

— Не передумали еще идти на чехов с открытым забралом? — спросил у тренера Костюк, пряча упаковки лекарств в карман своего пиджака.

— Не передумал, — мотнул головой Тихонов. — Более того, только укрепился в своем желании. Да и как может быть иначе, если

мои ребята даже больными рвутся на лед. Разве могу я после этого звать их на нечестную игру? Да они же меня первыми и проклянут.

— Ну что же, вы свой выбор сделали, — развел руками Костюк. — Как говорится, ни пуха, ни пера. А вы меня пошлите к черту.

— Посылаю, — ответил Тихонов и... улыбнулся.

14 мая 1978 года, воскресенье, город Домодедово

Борис Александров пробыл у себя на родине в Усть-Каменогорске ровно двенадцать дней. И приурочил свое возвращение в Москву к финальному матчу чемпионата мира по хоккею. Он все рассчитал. Купив билет на самолет, который вылетал в 12.00 дня, он предполагал в начале пятого быть в столице. То есть почти за три часа до начала прямой трансляции из Праги. Но он не учел одного — возможного переноса рейса из-за нелетной погоды. А именно это по закону подлости и произошло. Рейс задержали почти на час. В итоге в Москве самолет с Александровым приземлился в половине шестого. Еще больше получаса у него ушло на прохождение регистрации. Короче, из аэропорта он вышел в половине седьмого. Поймал такси и попросил водителя гнать, как можно быстрее.

— Гаишников все равно на дороге нет — все наверняка хоккей смотреть будут, — сообщил он водителю.

Но, как говорится, если не везет, то по-крупному. Они успели доехать до города Домодедово, когда мотор у такси заглох. Повозившись в нем какое-то время, водитель развел руками — дескать, поломка серьезная. Александров взглянул на часы — до начала финального матча оставалось всего лишь двадцать минут. Если ловить попутку, то домой он приедет в лучшем случае к середине второго периода. А то и вовсе к третьему. Этого позволить себе Александров не мог. И тогда он решился на единственно правильный шаг. Он покинул такси и зашагал в сторону города. Выбрав первый же по ходу движения дом, хоккеист вошел в подъезд и позвонил в ближайшую дверь. Ее открыл мужчина средних лет, у которого Александров внезапно спросил:

— Хоккей смотрите?

— Кто же его сегодня не смотрит? — искренне удивился мужчина.

— Не разрешите составить компанию? Такси заглохло на дороге, а пока на попутках до дома доберусь, половину матча пропущу.

— Нет проблем — заходите, — впустил хозяин незваного гостя в дом.

Помимо главы семейства в квартире в этот момент находились его жена и сын — мальчишка лет десяти. Именно он первым и узнал неожиданного визитера:

— Папка, да это же Борис Александров!

Хозяин дома впервые пристально взгляделся в гостя и произнес:

— Точно — Александров!

— А вас как зовут? — спросил хоккеист, инкогнито которого так быстро раскрылось.

— Павел, а жену Антонина.

Хозяйка тут же засуетилась — стала предлагать хоккеисту выпить чаю.

— Спасибо большое, ничего не надо, — отнекивался Александров. — Я когда хоккей смотрю, стараюсь ни на что не отвлекаться.

Тогда хозяин дома подвинул гостю свое кресло и предложил сесть — до начала трансляции оставались считанные минуты. От этого предложения гость не стал отказываться и, удобно устроившись в кресле, уставился в экран. Слева от него на диване примостились хозяйка с сыном, а хозяин уселся на стул по правую сторону от гостя.

— Наш пацан тоже в хоккей играет, — сообщил хозяин дома, полагая, что эта информация заинтересует гостя.

И правда — тот повернул голову в сторону мальчишки и спросил:

— Тебя как зовут?

— Вова.

— В какой команде играешь?

— «Орленок». Мы на «Золотую шайбу» в этом году играли — третье место взяли, — похвалился мальчишка.

— Он у нас в нападении бегают — на левом фланге, — вновь подал голос отец мальчишки. — Хочет стать, как Харламов.

— Если хочет, значит, будет, — улыбнулся Александров. — Я ведь тоже с «Золотой шайбы» начинал и, как видите, теперь в ЦСКА играю

— с самим Харламовым.

В это время на экране телевизора возникла заставка чемпионата мира в Праге и все обитатели этой квартиры вместе с незванным гостем уставились в телевизор. Трансляция началась.

14 мая 1978 года, воскресенье, Федеральное МВД ЧССР

Полковник Гавлик ехал с улицы Токурова, где располагалась контрразведка, в офис центрального МВД и ломал голову о причинах этого вызова. Учитывая, что последний исходил лично от министра, поводов для волнений у полковника было предостаточно. «Неужели русские что-то разнюхали, и министр вызвал меня, чтобы сорвать погоны? — размышлял полковник. — От этого служаки всего можно ожидать — он ведь давно снюхался с русскими. Или у моего страха глаза велики? Откуда им знать про наши оперативные разработки последних дней? Нет, я зря поднимаю панику раньше времени. Этот вызов, видимо, скрывает что-то иное».

Когда Гавлик вошел в кабинет министра, Обзина разговаривал с кем-то по телефону. Но, увидев, кто к нему пришел, быстро закончил разговор, и жестом пригласил гостя сесть в кресло. Это было плохим сигналом — обычно министр встречал Гавлика крепким рукопожатием.

— Полковник Гавлик, почему я узнаю о готовящемся теракте на хоккейном чемпионате не от своих людей, а от наших советских коллег? — спросил Обзина, едва гость уселся напротив него. — Вы же у нас, кажется, отвечаете за контрразведывательное прикрытие этого турнира?

— Товарищ министр, о каком теракте идет речь? — задавая этот вопрос, Гавлик даже слегка приподнялся в кресле — так поразило его это сообщение.

— Русские раздобыли информацию, что некий Зденек Хорак и немец Вернер Хорст, выдающий себя на чемпионате за журналиста, готовятся совершить взрыв во время сегодняшнего финального матча по хоккею. Вам говорят что-нибудь эти имена?

— Хорст, кажется, проходил по нашим агентурным разработкам два года назад, — специально морща лоб, ответил Гавлик.

— Что значит кажется? — и министр хлопнул ладонью по столу. — Когда кажется, надо креститься. Мне необходима точная информация об этом человеке.

— Я могу привести подробные справки о нем в течение ближайшего часа, — стараясь сохранять спокойствие, ответил Гавлик. — Что касается Зденека Хорака, то он несколько лет назад проходил по делу «Клуба 231», но после профилактической беседы с ним отошел от активной оппозиционной деятельности. Кажется, он работает на одном из пражских заводов.

— Опять кажется? — и брови министра вновь сошлись на переносице. — Мне нужна точная информация.

— Дайте мне час и она у вас будет.

— Какой к черту час, когда каждая минута дорога — до финального матча остались считанные минуты, — лицо министра снова побагровело.

— Но зачем этим людям совершать теракт, какой в этом смысл? — рискуя распалить гнев министра еще сильнее, решился спросить Гавлик, которому нужно было знать все подробности.

— Они, видите ли, хотят сорвать русским их победу, — после короткой паузы ответил Обзина.

— Но в этом нет смысла — наши хоккеисты и так победят, — воскликнул Гавлик.

— Откуда вы это знаете — вы что, провидец? — спросил министр.

Гавлика подмывало рассказать министру о том, как он и его люди обеспечили сборной ЧССР победу, но он вовремя сдержался. Поэтому ответил иначе:

— Здесь не надо быть никаким провидцем — все и так очевидно. Наши сильнее русских, они мотивированнее их. Поэтому смысла в этом теракте нет никакого.

— Вы хотите сказать, что русские ошибаются?

— Их просто ввели в заблуждение. Как в их интерпретации все это выглядит?

— Некий злоумышленник, проникнув со взрывчаткой в советский сектор, должен произвести взрыв радиуправляемой бомбы в случае, если наша сборная будет безнадежно проигрывать.

— А если мы будем выигрывать, получается, что взрыва не будет?

— Выходит, что так. Но из этого следует и другое, а именно: мы не можем допустить того, чтобы на матче, где будет присутствовать руководство нашей страны, кто-то ходил со взрывчаткой. Поэтому будьте любезны, полковник, принять силами своего подразделения немедленные меры к тому, чтобы эти злоумышленники были задержаны. Руководителям остальных оперативных служб поставлена такая же задача. Так что идите и работайте — времени у нас осталось немного.

И министр сделал жест рукой, означающий, что его собеседник свободен.

*14 мая 1978 года, воскресенье, Прага, Дворец спорта, перед
финальным матчем чемпионата мира по хоккею между ЧССР и
СССР*

Олег Ковалевский подошел к центральному входу Дворца спорта ровно в шесть часов. Он еще издали заметил Кузьменкова, который стоял в компании трех мужчин — как понял Ковалевский, это были люди Кузьменкова, с которыми им предстояло вычислить террориста. Поздоровавшись со всеми, Ковалевский спросил:

— Какие новости?

— Мой шеф поднял на ноги наших чехословацких коллег — так что помощников у нас будет много. Но для начала посмотри на это, — и Кузьменков достал из кармана пиджака фотографию мужчины с залысинами на висках.

— Это Зденек Хорак, — сообщил Кузьменков. — Его ищут по всей Праге, но пока безрезультатно. Так что надо смотреть в оба.

Достав свои удостоверения, все пятеро прошли внутрь Дворца и рассредоточились в разных местах. Так, Ковалевский встал у стены напротив входа в один из туалетов, поскольку, как он помнил из рассказа Франека, террорист должен был собрать бомбу именно в туалетной комнате. К тому времени Дворец был еще пуст, хотя первые зрители уже понемногу начинали подтягиваться. Вместе со зрителями внутрь попадали и сотрудники чехословацкой госбезопасности, которые внешне ничем не отличались от рядовых пражан. Задача у них была та же, что и у людей Кузьменкова — опознать и задержать

Хорака-старшего, а также найти в толпе парня-хиппаря в зеленой ветровке.

Стоя напротив дверей туалетной комнаты, Ковалевский внимательно всматривался в мужчин, которые входили и выходили из помещения. С одной стороны задача была простая — найти человека в зеленой ветровке со светлыми волосами до плеч. Но в памяти до сих пор стояли слова Кузьменкова о том, что преступник мог замаскироваться — например, сменить ветровку или прийти и вовсе без таковой. Да и с волосами можно было сделать все, что угодно — коротко постричься, к примеру.

«Вон парень со светлыми волосами, а волосы забраны сзади в пучок, — отметил про себя Ковалевский. — Если волосы распустить, то он вполне сойдет за хиппаря. Но ветровка у него голубого цвета, да и в руках ничего нет. А ведь взрывчатку в карман не спрячешь. Хотя, если это пластиковый «Самтекс», в карман ветровки она вполне может поместиться. Может, проверить этого парня?»

Постояв в нерешительности несколько секунд, Ковалевский шагнул к дверям туалета. И у входа нос к носу столкнулся с этим самым парнем. Тот уже успел сделать свое дело и теперь торопился занять свое место на трибуне Дворца спорта.

«Нет, это явно не он — так быстро со взрывчаткой не управиться», — подумал Ковалевский, и снова занял прежнее место у противоположной стены напротив входа в туалет.

На самом деле это был тот самый человек, ради которого сегодня и были подняты на ноги значительные силы чехословацкой госбезопасности. Тот самый хиппарь, который три часа назад получил взрывчатку из рук Хорака-старшего. Она лежала в коробке из-под гаванских сигар, которая покоилась во внутреннем кармане его ветровки, завернутая в полиэтиленовый пакет. Собрал он ее заранее — сразу после того, как она попала к нему в руки. А что касается голубого цвета ветровки, то все объяснялось просто. На подходе ко Дворцу спорта парень вывернул ее наизнанку — вторым ее цветом был голубой. А волосы специально забрал в пучок с помощью резинки.

Во дворец спорта он прошел не как все, а через технический блок. Там работал муж его сестры, который был человеком пьющим и за бутылку хорошего коньяка мог впустить кого угодно. На вопрос парня,

почему сегодня принимаются такие серьезные меры безопасности, брат жены ответил:

— Половина Президиума ЦК КПЧ во главе со Штроугалом приедет смотреть этот финал. Правда, сегодня меры безопасности даже больше, чем всегда.

— Почему? — насторожился парень.

— Не знаю. Только вместе с милицией очень много сотрудников КНБ. Так что у трибуны, где находится гостевая ложа, советую не крутиться — себе дороже.

— Не бойся, я буду сидеть на противоположной стороне, — успокоил техника парень.

В туалет он зашел по малой нужде и быстро управился с этим делом. После чего поднялся на трибуну стадиона и пробрался в сектор, где должны были сидеть советские болельщики. Среди них был его приятель Антон, с которым хиппарь познакомился неделю назад возле проходной завода «ЧКД-Прага», куда советских болельщиков привезли на экскурсию. Парень оказался там не случайно — он должен был завязать знакомство с кем-то из советских. Он и завязал — угостил Антона сигаретой, а затем предложил ему купить чехословацкую обувь «Чебо» (в СССР она была известна, как «Цебо») любых фасонов и размеров. Причем по очень дешевой цене. Так они познакомились и чех даже сходил на два матча хоккейного турнира, сидя с Антоном на одной трибуне. Так что он стал для советских болельщиков своим парнем, про которого ни один из них не смог бы сказать ни одного дурного слова. И скажи им кто-нибудь, что этот обаятельный и улыбчивый парень вынашивает в отношении них самые страшные планы, они бы никогда в это не поверили.

14 мая 1978 года, воскресенье, Прага, окрестности Дворца спорта

Зденек Хорак доехал до парка имени Юлиуса Фучика, где располагался Дворец спорта на автобусе. Он вышел за одну остановку до Дворца и, прежде чем продолжить свой путь, закурил. После чего уверенно зашагал к входу в парк. До него уже оставалось не больше сотни метров, когда Хорака нагнал мужчина примерно одного с ним возраста и попросил прикурить. Когда Хорак поднес к его сигарете

свою, незнакомец ловким движением схватил его за руку и заломил ее за спину. В следующее мгновение рядом с ними тормознул белый миниваген, из раскрытой двери которого выскочили двое рослых мужчин. Они схватили Хорака в охапку и бросили внутрь автомобиля. Все это произошло настолько быстро, что никто из редких прохожих, спешивших по своим делам, даже ничего не успел заметить.

Брошенный на пол автомобиля, Хорак попытался освободиться от рук, которые его удерживали, но тут же получил болезненный удар по почкам. А затем он услышал над собой мужской голос, который показался ему знакомым:

— Здравствуй, Зденек, давненько мы с тобой не виделись.

В следующую секунду Хорака перевернули на спину и он увидел над собой лицо полковника Гавлика.

— Товарищ майор? — выдохнул из себя плененный.

— Не майор, а полковник, — поправил его Гавлик.

— Поздравляю с повышением, — выдавил из себя Хорак и даже попытался улыбнуться.

— Сейчас тебе будет не до шуток, — произнес Гавлик и ударил пленного кулаком в живот. — Быстро рассказывай, что вы задумали сегодня сделать на финальном матче.

— Я не понимаю, о чем речь, — придя в себя после удара, произнес Хорак.

— Ах, ты не понимаешь? — и лицо полковника исказила такая гримаса злобы, что Хораку впервые стало не по себе. — Решил дураком прикинуться? Думаешь, у нас есть время играть с тобой в бирюльки? Так вот, ты меня знаешь — я слов на ветер не бросаю. Если ты сейчас не будешь отвечать на мои вопросы, то с твоим сыном произойдет страшная вещь — его либо машина переедет, либо прирежет какой-нибудь наркоман. Ты меня понял?

Заглянув в глаза полковника, Хорак ясно осознал, что тот не шутит. И испугался еще сильнее — не за себя, а за своего единственного сына.

— Что вам надо? — спросил пленный, но уже другим голосом — куда более смиренным.

— Нам надо, чтобы ты рассказал — кто подготовил сегодняшний теракт на финальном матче.

— Откуда вы это знаете?

Вместо ответа Гавлик снова засадил пленному кулаком в живот. После чего произнес:

— Здесь вопросы задаю я. Итак, спрашиваю снова: кто стоит за терактом?

— Вернер Хорст и его люди.

— А ты каким боком там вылез?

— Мне хорошо заплатили. И вообще вы же знаете — я ненавижу русских. Они мне всю жизнь поломали в 68-м.

— Я их, может, тоже не люблю, но взрывы против них не устраиваю, — признался Гавлик. — Кто выступает в роли взрывника?

— Винсенк Прохазка.

— Кто такой, почему не знаю? — наморщил лоб Гавлик.

— Племянник Матея Стрейчака, который выбросился из окна во время допроса в полицейском участке в Брно.

— Мстит, значит, за дядю? — Гавлик присел на лавочку и, достав из пачки сигарету, закурил.

А его люди по-прежнему продолжали удерживать пленного на полу. Водрузив на него ногу, полковник продолжил допрос:

— Как он выглядит?

— Кто, Матей?

Вместо ответа полковник саданул лежащего ногой в бок.

— Винсенк, что ли? — корчась от боли, уточнил Хорак. — Двадцать девять лет, волосы светлые, до плеч. Одет в зеленую ветровку и джинсы.

— Адрес, где живет?

— Где-то в Высочанах, я точно не знаю. Я ему по телефону обычно звонил.

— Называй номер.

— 45-19-78.

— Взрыв когда произойдет?

— Если наши будут проигрывать — минуты за две до конца игры.

— А если этому Прохазке вожжа под хвост попадет, он может план изменить?

— В каком смысле? — спросил Хорак, но увидев, как полковник вновь поднимает ногу для удара, выпалил: — Может, конечно — он русских сильнее меня ненавидит.

Продолжая курить, Гавлик взглянул на часы — до матча оставалось чуть больше часа. Времени на то, чтобы раздобыть установочные данные на этого Прохазку уже не было. Но был его телефон, по которому можно было установить его домашний адрес. Подумав об этом, Гавлик затушил сигарету об пол, а окурочок бросил под лавку. После чего переместился к окошку, которое соединяло заднюю часть салона с водительской кабиной, где был рабочий телефон.

— Набери мне Ружичку, — попросил полковник сотрудника, который сидел рядом с водителем.

И спустя полминуты уже говорил со своим человеком, находившимся в здании контрразведки на Токурова, 1.

— Пробей мне быстро адрес по телефону 45-19-78. Это район Высочан.

Ждать пришлось недолго — уже через три минуты последовал ответ:

— Улица Соколовска, дом 12, квартира 67.

Гавлик назвал этот адрес водителю — надо было как можно быстрее добраться туда, чтобы разжиться хотя бы домашней фотографией этого Прохазки.

***14 мая 1978 года, воскресенье, Прага, резиденция Президента ЧССР
Густава Гусака***

Несмотря на выходной день, Президент ЧССР Густав Гусак был на своем рабочем месте в Пражском Граде. После гибели в авиакатастрофе в прошлом году своей второй жены Веры Миллеровой-Гусаковой, с которой они прожили 10 лет (ее самолет разбился на подлёте к аэропорту Братиславы), Гусак стал замкнутым и равнодушным к жизни человеком. И частенько проводил свои выходные на рабочем месте. Вот и в этот день он не изменил своему правилу. Поэтому, когда ему позвонил Штроугал и попросил о встрече, Гусак принял его в своей резиденции.

Выслушав рассказ премьера, который в деталях поведал президенту о своем разговоре с генералом Сеницыным, Гусак заметил:

— Полагаю, что этот генерал уже информировал Москву обо всем случившимся. Значит, мне предстоит нелегкий разговор с Брежневым.

— Почему нелегкий, Густав — еще ничего страшного не произошло? — удивился Штроугал.

— Как не произошло — а сама возможность этого теракта разве не есть страшное? И вообще я с самого начала подозревал, что ничем хорошим этот чемпионат для нас не закончится. Что он только накалит обстановку в обществе, заставит оппозицию зашевелиться. Видишь, до чего они докатились? И чего этим людям не хватает?

— Они полагают, что свободы, — ответил Штроугал.

— Какая еще свобода им нужна? — не скрывая своего раздражения, спросил Гусак. — Наша страна живет лучше, чем большинство других стран Восточной Европы. У людей есть работа, дом, а у большинства даже два дома — еще один за городом. Ты посмотри, что творится в капиталистических странах — забастовки, безработица, преступность, наконец, включая тот же терроризм. А мне эти диссиденты, вроде Гавела, письма пишут, где заявляют, что у наших людей потерян интерес к жизни, к общественному развитию. Вот послушай, что он пишет, — и Гусак взял со стола текст письма, которое он, видимо, перечитывал до прихода Штроугала, и начал читать из него выборочные места:

«Каждый живет в своем доме как в танке, чтобы не думать об оккупированном чужими танками государстве...» Или вот еще: «Чехословакия разделилась на тысячи маленьких стран, не желающих замечать большую, — а в это время в большой маразм усиливается с каждым днем, и очень непросто воспринимать это нарастающее безумие в качестве собственной родины...» Как это понимать?

— И все же, Густав, эти настроения в обществе существуют и мы не можем их игнорировать, — стараясь сохранять спокойствие, ответил Штроугал.

— Люди просто бешутся с жиру, — продолжал волноваться Гусак. — Они забыли, чего нам стоило десять лет назад добиться нормализации в обществе. А этим Гавелам все нейдет. Мне иногда хочется пригласить его сюда, в Град, и дать возможность хотя бы на недельку занять мое место. Я представляю, как он здесь наруководит.

— Есть сведения, что за этим терактом стоят зарубежные эмиссары, — желая перенаправить гнев президента, сообщил премьер.

— А я в этом и не сомневаюсь, — воскликнул Гусак. — За всеми этими диссидентами стоят господа капиталисты. Ведь они спят и видят, как бы вернуть Чехословакию в сферу своих интересов. А наши люди не понимают, что как только с нашей земли уйдут советские войска, так тут же на их месте окажутся войска НАТО. А радиостанция «Свободная Европа» будет вещать не из Мюнхена, а отсюда, из Праги.

— У тебя богатая фантазия, Густав.

— Просто я достаточно долго живу на этой земле и вижу, куда эти люди клонят.

— И все же не стоит слишком драматизировать ситуацию, — после короткой паузы, вновь возобновил разговор Штроугал. — Тебе хорошо так говорить, Любомир, а мне предстоит тяжелый разговор с Брежневым не только по телефону, но и тет-а-тет. Ты же знаешь, что он скоро прилетит в Прагу.

Естественно, Штроугал об этом знал — о том, что с 30 мая по 2 июня Брежнев посетит Чехословакию с официальным визитом.

Небрежно бросив письмо на стол, Гусак устало опустил в свое рабочее кресло. И откинувшись на его спинку, произнес:

— Я прошу тебя, Любомир, постарайся сделать так, чтобы этот чертов чемпионат завершился без эксцессов. Пусть даже наши его проиграют, но лишь бы не пострадали люди.

— Не беспокойся, Густав, у нас все под контролем, — ответил премьер и добавил: — И люди не пострадают, и наши не проиграют.

14 мая 1978 года, воскресенье, Прага, возле Дворца спорта

Вернер Хорст припарковал свой «Мерседес» на стоянке у Дворца спорта и, закрыв дверцу на ключ, закурил. До начала игры было чуть больше получаса, поэтому он не торопился. Делая медленные затяжки, немец внимательно наблюдал за тем, как к стадиону толпами валит народ. Практически все люди пребывали в прекрасном настроении: во-первых, из-за уверенности в том, что их ждет увлекательнейшая ледовая баталия, а во-вторых — от предвкушения того, что победителем в этой баталии станет их родная сборная ЧССР.

Из задумчивости Хорста вывел очень приятный женский голос, внезапно раздавшийся у него за спиной:

— Мужчина, у вас не будет лишнего билетика?

Немец обернулся и увидел рядом с собой эффектную девушку в курточке нараспашку, откуда выглядывала пышная грудь.

— А вы так любите хоккей? — сверкая улыбкой, спросил немец на неплохом чешском.

— Сестра научила — она замужем за хоккеистом, — ответила девушка.

— Что же она не обеспечила вас билетом? — удивился Хорст.

— Они живут в Брно, к тому же ее муж играет в низшей лиге. Ладно, извините, что побеспокоила — мне показалось, что у такого представительного мужчины обязательно должен быть либо лишний билет, либо специальный пропуск.

И девушка собралась было уже отойти, но Хорст в последний момент взял ее за локоть:

— У меня действительно есть пропуск, по которому я могу провести еще одного человека, — сообщил он девушке.

— Вы не шутите?

— Отнюдь. Но вы забыли назвать мне свое имя.

— Эва, — и девушка первой протянула собеседнику свою ладошку.

Вместо того, чтобы пожать ее, немец ее поцеловал.

— А меня зовут Вернер, я немецкий журналист.

— То, что вы иностранец, я догадалась сразу — наши так стильно не одеваются. И руки дамам не целуют.

— Спасибо за комплимент, — поблагодарил девушку Хорст и отбросил в сторону сигарету.

После чего взял красотку под руку и повел ее к служебному входу во Дворец спорта. Он и представить себе не мог, что эта изящная особа с грудью третьего размера была лейтенантом чехословацкой госбезопасности Эвой Коралловой, которой было дано задание войти к нему в доверие и, если это удастся, не спускать с него глаз. Войти в доверие девушке удалось практически с ходу.

14 мая 1978 года, воскресенье, Прага, возле Дворца спорта

— Ну, куда же он запропастился? — озираясь по сторонам, вопрошал Богуслав Хорак.

Вместе с Франтишекком Свозилом и еще пятью ребятами из спортивной школы он уже пятнадцать минут стоял у входа во Дворец спорта и ждал появления своего отца. Но тот не объявлялся, хотя клятвенно обещал подойти к сыну за полчаса до начала игры.

— Пошли, Богуслав, а то опоздаем, — теребил друга за рукав куртки Вацлав Вилк. — А твой отец нас внутри найдет.

— Вацлав прав — пошли, — вторил приятелю Йохан Виха.

Что касается Франека, то он молчал, предпочитая не вмешиваться в ситуацию. Он единственный догадывался по какой причине отец Богуслава мог задерживаться.

Наконец, Хорак-младший не выдержал и махнул рукой: дескать, пошли за мной. И мальчишки, радостно галдя, бросились бежать во Дворец спорта.

Они быстро нашли вход на свою трибуну. Но когда стали один за другим проходить в двери, идущего последним Франека кто-то тронул за плечо. Он обернулся и увидел рядом с собой русского дипломата — Олега Ковалевского. Сделав мальчишке незаметный жест рукой, он пригласил его отойти с ним в сторонку. Когда Франек повиновался и они зашли за угол, Ковалевский поинтересовался:

— Что слышно про отца твоего приятеля?

— Мы прождали его у входа минут пятнадцать, но он так и не объявился.

— Сын не в курсе, где может пропадать его отец?

— Нет, он сам на взводе — отец обещал дать ему денег, а теперь он остался без единой кроны.

— У тебя самого деньги есть? — спросил Ковалевский.

И заметив, как замялся парень, достал портмоне и вручил Франеку три купюры, сопроводив этот жест словами:

— купишь себе что-нибудь поесть в перерыве.

После чего, хлопнув мальчишку по плечу, Ковалевский отправился по своим делам. А Франек, сунув деньги в карман брюк, бросился догонять своих приятелей.

14 мая 1978 года, воскресенье, Прага, Высочаны

Подгоняемый полковником Гавликом, водитель минивагена гнал по улицам Праги на предельной скорости. Времени было в обрез — до начала финального матча оставалось уже меньше часа. А ведь надо было еще найти нужный адрес, отыскать в доме фотографию взрывника и вернуться во Дворец спорта.

На светофоре у перекрестка на улице Ческомаровской водитель решил не останавливаться на зеленый свет и прибавил газу. Но из-за поворота ему навстречу выскочил автобус. Пытаясь избежать столкновения, водитель минивагена резко вывернул руль вправо и врезался в столб. И хотя удар был не слишком сильным, однако все, кто находился в задней части минивагена, попадали на пол.

Выйдя вскоре из автомобиля, полковник Гавлик подошел к водителю, который стоял у столба и тер рукой ушибленный лоб.

— Надолго встали? — спросил полковник.

— Еще не знаю — надо в моторе покопаться, — пожал плечами водитель.

— Ты пока копайся, а мы пешком пойдем, чтобы времени зря не терять. Адрес, куда надо подъехать, надеюсь, помнишь?

Вместо ответа водитель кивнул головой. И полковник в сопровождении Хорака и двух своих подчиненных направились на Соколовскую, дом 12.

Шли они примерно минут пятнадцать. Найдя нужный дом, вошли внутрь и поднялись на пятый этаж. Полковник надавил на кнопку звонка и прислушался — за дверью стояла мертвая тишина. Тогда он позвонил еще раз. Однако ответ был тот же — ни звука.

— Действуй, — приказал Гавлик одному из своих подчиненных, отходя от двери.

Мужчина достал из кармана связку отмычек и, подобрав нужную, засунул ее в замок. Через несколько секунд дверь была открыта.

Первым в квартиру вошел полковник и еще с порога спросил:

— Есть кто живой?

Но ему никто не ответил. Тогда он прошел в гостиную. Там царил беспорядок: на столе лежали остатки недавней трапезы, стояли две пустые бутылки из-под пива «Старопрамен». Гавлик приказал Хораку сесть на диван, а своим людям дал задание найти в остальных комнатах любые домашние фотографии. Сам же полез в секретер, который стоял в углу. Он был завален какими-то бумагами —

тетрадами и папками. Полистав некоторые из них, полковник обнаружил в них стихи, которыми, судя по всему, баловался хозяин жилища. «Он еще и поэт», — подумал про себя Гавлик, бросая очередную тетрадку на полку секретера.

В это время к нему вышел один из его подчиненных, который держал в руках толстенный семейный альбом.

— Вот, нашел в шкафу, — сообщил он полковнику.

Гавлик подозвал к себе Хорака и, передавая ему находку, приказал:

— Найди здесь своего приятеля.

И спустя несколько секунд у них было уже несколько разных фотографий Винсенка Прохазки. Выдернув их из альбома, Гавлик сунул фотографии в карман своего пиджака. В это время один из его подчиненных включил телевизор, стоявший здесь же, в гостиной. И в комнату тут же ворвался голос комментатора, который вел прямой репортаж из Дворца спорта с финального матча чемпионата мира по хоккею. Он еще не начался, но трибуны были уже переполнены и с нетерпением ждали начала этого поистине исторического поединка.

Бросив альбом на стол, Гавлик первым направился к выходу.

14 мая 1978 года, воскресенье, Прага, Дворец спорта, матч ЧССР — СССР

Перед тем как вывести команду на лед, еще находясь в раздевалке, Тихонов, как всегда обратился к команде. Был он краток:

— Ну, мальчишки, у вас есть шанс доказать, что вы самые сильные в мире. Надо сразу показать соперникам: мы вышли побеждать. У них дома, в присутствии их болельщиков, не смущаясь их чемпионским титулом, — побеждать!

Дворец спорта в тот день был переполнен до отказа. В правительственной ложе на балконе восседали несколько членов Президиума ЦК КП Чехословакии во главе с председателем правительства Любомиром Штроугалом. Они приехали на матч, твердо уверенные в том, что их ребята сегодня не упустят победу. Ведь год-то этот был вдвойне юбилейным: тут тебе и 70 лет чехословацкому хоккею, и 10 лет «Пражской весне». Упустить победу в такой год, да

еще у себя дома, сборная ЧССР просто не имела права. Она и не собиралась упускать, что было видно по сосредоточенным лицам ее игроков. Задача для нее облегчалась и тем, что она могла сегодня даже проиграть, но с разницей в одну шайбу. Вполне решаемая задача для команды, которая уже забила на этом чемпионате 53 шайбы. Тем более, что на предматчевую разминку чехословацкие хоккеисты выкатились в форме темного цвета (советские были в светлой), что считалось хорошей приметой — в этой форме сборная ЧССР чаще всего выигрывала, а вот советская, наоборот, проигрывала.

Чехословацкие тренеры выставили на игру тот же состав, что и в первом матче, который, как все помнили, завершился победой сборной ЧССР 6:4. В воротах стоял все тот же Иржи Холечек, который еще до начала этого турнира официально заявил, что для него этот чемпионат последний в составе сборной. Поэтому стоял он в воротах с удештеренным желанием сделать так, чтобы его уход выглядел красивым, а не провальным.

В первом звене у чехословаков играли защитники Иржи Бубла и Милан Кайкл, у которого в этот день был день рождения — ему исполнилось 28 лет. В нападении играли Павел Рихтер (его подменял Милан Новы), Иван Глинка (капитан команды) и Ярослав Поузар. Причем связка Бубла — Глинка была клубной — оба играли в команде химзавода из города Литвинова и составляли сильный тандем. Что называется, понимали друг друга с полуслова.

Второе звено состояло из защитников Олдржиха Махача и Мирослава Дворжака, нападающих Владимира Мартинеца, Иржи Новака и Богуслава Эбермана (иногда к игре этого звена подключался Йозеф Аугуста). В этой пятерке клубной связкой был тандем Мартинеца и Новака, игравших в пардубицкой «Тесле».

В третьем звене играли — защитники Франтишек Каберле и Ян Заичек, нападающие Мариан и Петер Штястны, а также герой предыдущей игры, автор хет-трика Франтишек Черник. Здесь в одном клубе играли братья Штястны — это был клуб «Слован» из Братиславы. Вообще, в Чехословакии считалось, что словаки не так сильно играют в хоккей, как чехи. Но тандем в лице братьев Штястны говорил об обратном — он был весьма сильным. А вместе с армейцем Черником (он был из йиглавской «Дуклы»), чехом по национальности,

это звено нападения конкурировало с первым, где, кстати, в центре играл еще один словак — Иван Глинка.

Короче, в финальном матче тренеры Карел Гут и Ян Старши решили выступить по принципу «от добра добра не ищут». Они и установки своим игрокам давали почти те же: играть осмотрительно, на рожон не лезть и сбивать темп, который будет навязывать советская сборная. Заполучив в свои руки тактический план советских тренеров, наставники сборной ЧССР лишний раз убедились в том, что победить противника, исповедующего подобный план, задача вполне им посильная. Согласно этому плану, русские собирались задавить соперника своим высоким темпом игры, когда все три тройки нагнетают напряжение в каждой из своих смен. При этом одному защитнику ставилась задача поддерживать атаки тройки нападения, а другому была дана задача прикрывать тылы — выступать в роли оттянутого. В этом плане учтено было все, кроме одного — той форы в две шайбы, которая была у чехословаков. Она позволяла последним диктовать свои условия. И центральным пунктом в тактике сборной ЧССР в финале было заставить советскую команду максимально раскрыться и ловить ее на контратаках. Ведь даже одна пропущенная шайба увеличивала фору сборной ЧССР, причем весьма внушительно, учитывая надежность ее обороны.

Впрочем, и оборона сборной СССР тоже заметно подтянулась за те дни, что прошли с момента первого матча против чехословаков. В тот день Третьяк и его защитники позволили залететь в советские ворота шести шайбам. Но после того дня сборная СССР сыграла еще три матча и в общей сложности пропустила всего лишь четыре шайбы — три от канадцев и одну от шведов. Это ясно указывало на то, что оборона у русских уже не та, что была совсем недавно. И взломать ее будет не так просто как 6 мая.

В отличие от сборной ЧССР, которая подошла к финалу в том же составе, что и в день первой игры, в советской команде произошли изменения. В первом звене в центре нападения снова играл Владимир Петров. Получивший травму в матче против шведов, он пропустил две игры (с чехами и канадцами), но теперь снова был на льду. А заменявший его Александр Мальцев вернулся в третье звено, к своим неизменным партнерам-динамовцам. И в этом же звене снова играл Александр Голиков, пропустивший первую игру с чехами. То есть, все

три звена советской команды выступали в своем привычном составе — в том, в котором они и были наиграны перед чемпионатом.

Когда Хорст и Эва сели на свои места, немец достал из кармана своего пиджака театральный бинокль и стал внимательно изучать противоположную трибуну — особенно его интересовали зрители, сидевшие в советских секторах. Последние были заполнены пока лишь наполовину, однако парня в зеленой ветровке среди сидевших видно не было.

— Я вам что, не понравилась? — спросила у немца Эва.

— С чего вы взяли? — отрываясь от бинокля, удивился Хорст.

— Вы кого-то еще выглядываете на трибунах.

— Ищу одного приятеля. Договорились с ним встретиться, а он не подошел.

— Зато подошла я, — сверкая ослепительной улыбкой, заметила девушка.

Немец ответил ей такой же улыбкой и спрятал бинокль в карман. Именно в этот самый момент на противоположной трибуне пробирался к своему месту парень, с забранными в хвостик волосами. Найдя нужное кресло, он опустил в него и сунул руку под расстегнутую ветровку — проверил, на месте ли коробка из-под сигар, где покоилась взрывчатка. Все было в порядке. А спустя несколько минут подтянулись и остальные советские болельщики, среди которых был и Антон.

— Привет, Лешка! — воскликнул он, увидев парня с хвостиком.

Тот представился ему под именем Алеш, которое Антон переименовал на русский манер. Они обнялись и уселись в кресла.

— Ну, что, надерут сегодня задницу наши ребята вашим? — спросил Антон, расплываясь в улыбке до ушей.

— Надерут, если ваша задница по шву не треснет, — ответил Алеш на вполне сносном русском языке.

В это время на льду уже всюю катались хоккеисты обеих команд, делая последнюю раскатку перед игрой.

Красовский сидел в ложе прессы и наблюдал за раскаткой хоккеистов, когда рядом с ним на единственное свободное место опустился Скленадж. Они приехали во Дворец спорта вместе, но на

входе чех отлучился по каким-то делам и пришел только теперь, буквально за минуту до начала игры.

— Слушай, тебя тоже всего прощупывали наши кээнбэшники? — спросил он у приятеля.

— Как и всех, — ответил Красовский.

— Никогда такого здесь еще не было, — продолжал удивляться Скленадж. — Хотя Штроугал и его соратники уже бывали на матчах нашей сборной. Что случилось сегодня?

— Может, были какие-то угрозы?

— От кого — мы же мирная страна!

— Такая мирная, что приравняла этот чемпионат чуть ли не к военным действиям. Представляю, что будет твориться сегодня ночью, если ваша сборная выигрывает — всенародное ликование по случаю победы над советскими оккупантами.

— Да, будем ликовать, — кивнул головой чех. — Потому что мы это заслужили. Кстати, ты тоже можешь в этом поучаствовать, не боясь за последствия.

Сказав это, Скленадж придвинулся поближе к приятелю и зашептал ему на ухо:

— Завтра рано утром тебя переправят за кордон. Я только что это узнал.

— Куда я попаду? — поинтересовался Красовский.

— Непосредственно в Мюнхен. Ты же обещал дать развернутое интервью радиостанции «Свободная Европа». Под тебя уже эфир сверстали — твое выступление назначено на среду, на девять часов вечера.

— Специально приурочили к началу программы «Время»?

— Я не знаю, поскольку время эфира выбирали другие люди. Но ты должен рассказать все: как тебя завербовали, какие давали задания и так далее. Пусть люди знают, чем занимается КГБ.

— Как будто ЦРУ занимается чем-то другим, — усмехнулся Красовский.

— В каком смысле?

— Ладно, проехали, — отмахнулся от приятеля Красовский и переключил все свое внимание на лед.

Там главный арбитр матча американец Кен Пирс встал в центр поля, чтобы вбросить шайбу и дать старт этому увлекательнейшему

матчу.

Игра началась с яростных атак хозяев турнира. Их тренеры поставили перед ними конкретную задачу — забить первыми и как можно быстрее. Ведь быстрый гол — это всегда весомое преимущество, особенно в таком матче. И уже спустя полторы минуты после начала игры Петров завозился с шайбой в своей зоне, ее подхватил Рихтер, отдал пас Бубле, а тот адресовал шайбу Поузару, который бросил по воротам Третьяка. Но тот сумел отбить этот опасный бросок. Однако спустя несколько секунд последовал прострел на советский «пяточок» и шайба едва не угодила в ворота — Третьяк в последнее мгновение сумел выставить впереди себя клюшку. Короче, в этот двухминутный отрезок времени советское первое звено почти начисто проиграло свой микро-матч первому звену чехословаков.

Вторые звенья показали такой же быстрый хоккей и сыграли практически на равных. Опасно атаковал Мартинец, который пытался прорваться к советским воротам, но не сумел обыграть защитника Лутченко. У советской сборной опасный бросок по воротам сделал Балдерис — самый активный нападающий во втором звене. Впрочем, неплохо смотрелся и его партнер Сергей Капустин, который вышел на лед слегка пошатываясь, но теперь забыл про свое недомогание и летал по площадке как на крыльях. Наблюдавший за этим Скленаж с одной стороны чертыхался, глядя на это, а с другой был рад такой прыти советского нападающего.

— Смотри, как наш эфедрин на Капустина действует — бегают, как заведенный... Ну, ничего, рано радуется, — шептал чех на ухо Красовскому.

Тот же молчал, успокаивая себя мыслью о том, что его звонок Костюку оказался своевременным, а не звонком постфактум.

Третье звено советской сборной было наиболее близко к тому, чтобы открыть счет в этой игре. Пас получил Александр Голиков, который стоял у правой от вратаря штанги чехословацких ворот и имел прекрасный шанс послать шайбу в сетку. Но Холечек успел вовремя сместиться в правый угол и отбил бросок советского нападающего.

На 6-й минуте матча Харламов в центре поля получил прекрасный пас и собрался было войти в зону соперника. Но защитник Бубла специально зацепил его клюшкой, понимая, что это индивидуальный

проход виртуоза шайбы сулит его команде большие неприятности. И главный арбитр матча американец Пирс зафиксировал нарушение правил. У нас на льду осталось все то же первое звено — самое забивное при игре в большинстве (три забитых шайбы). Впрочем, и чехи тоже оставили в игре свою первую пятерку.

Советские хоккеисты быстро вошли в зону сборной ЧССР и расположились на своих привычных местах. Шайба попала к Петрову и он сразу бросил по воротам. Но бросок получился слабым и большой угрозы воротам не принес. А потом защитник Цыганков не смог удержать шайбу и чехи выбросили ее из своей зоны. Нашим пришлось выходить из зоны и начинать атаку снова. При этом у чехов на лед вышло второе звено, а у нас по-прежнему играло первое. Но поскольку дела у него шли неважно, Тихонов выпустил на лед звено Балдериса. И оно, наконец, создало опасный момент у ворот Холечека. Но чехословацкий вратарь оказался более расторопным, чем советские игроки, и накрыл шайбу ловушкой. А спустя несколько секунд Балдерис снова опасно атаковал чехословацкие ворота, но Холечек и здесь оказался на высоте. Затем чехи перехватили шайбу и выкатились втроем против двоих защитников сборной СССР. Последовал бросок издали и теперь уже Третьяк накрыл шайбу ловушкой. Так истекли две штрафные минуты Бублы.

На протяжении последующих пяти минут атаки обеих команд на ворота друг друга следовали одна за другой, однако по-настоящему опасных практически не было. При этом советские защитники старались встречать чехов еще на подступах к своей зоне и, главное, не давали им бросать. Поэтому за весь первый период игроки сборной ЧССР произведут всего лишь шесть бросков по воротам Третьяка. Столько же раз они бросали и в первом периоде предыдущего матча. Но тогда один их бросок все-таки достиг цели — шайбу забил Черник. Сегодня все было иначе. Теперь советская защита перестроилась и закрыла подступы к своим воротам. Да и Третьяк теперь действовал по-другому — он уже не так часто выкатывался из ворот и быстро перемещался по углам вратарской.

Видя, что у их игроков мало что получается в атаке, Гут и Старши решили поменять тактику. Они стали «путать» звенья — против первого звена русских выпускать третье, против второго — первое и т. д. Но и это приносило мало эффекта, поскольку советская сборная

продолжала поддерживать быстрый темп и прессинговала по всему полю. Даже поддержка всего стадиона, который дружно скандировал «Че-ско-со-сло-вак! Че-ско-со-сло-вак!», не помогала игрокам сборной ЧССР в их атаках. И лишь однажды, уже ближе к концу периода, у чехов возникла реальная возможность для того, чтобы открыть счет первыми. На льду было их второе звено. Новак выиграл вбрасывание в советской зоне и шайба попала к Мартинецу. Он оказался лицом к лицу с Третьяком, который на этот раз решил выкатиться из ворот. Последовал мощный щелчок, но шайба угодила в щитки вратаря, после чего Третьяк отбил ее клюшкой далеко в сторону.

Ковалевский стоял на площадке возле выхода с одной из трибун и пытался отыскать в толпе советских болельщиков человека в зеленой ветровке. Сделать это было непросто — люди сидели так плотно друг к другу, что рассмотреть одежду каждого из зрителей было невозможно. Особенно у тех, кто сидел на дальних от выхода с трибуны местах. Кроме этого, поединок на льду разворачивался настолько интересный, скорости были такие стремительные, что Ковалевский никак не мог побороть искушение — то и дело отвлекался от поисков взрывника к тому, что происходило на льду. В это время к нему сзади подошел Кузьменков и, тронув его за рукав, спросил:

— Как дела, Олег Иванович?

— У меня или на льду?

— То, что на льду происходит, я и сам вижу. Взрывника не обнаружили?

— Был бы у меня бинокль, было бы легче. А пока парня в зеленой ветровке я пока не нашел.

— Я был на противоположной стороне — там та же история.

— Может, он в другой одежде пришел? Или вообще на матч не явился? — предположил Ковалевский.

— Это все версии, а нам нужен реальный ответ на вопрос. И пока мы его не найдем, уйти отсюда не имеем права. Так что ищите дальше.

Сказав это, Кузьменков удалился, оставив Ковалевского наедине со своими невеселыми мыслями.

В это время на льду разворачивались следующие события. У сборной СССР последовало удаление — был наказан Владимир Голиков. На льду у чехов осталось третье звено во главе с братьями Штястны. И один из них — Петер — имел реальный шанс забить гол. Но Третьяк не дрогнул — как скала встал на пути шайбы, посланной в него мощным щелчком практически в упор. Многотысячный Дворец спорта буквально охнул от разочарования.

Не прошло и минуты после этого эпизода, как чехи вновь нарушили правила. И снова в роли нарушителя выступил защитник Бубла. Он не смог догнать Михайлова, который обходил его в борьбе за шайбу и мог реально выйти один на один с вратарем, поэтому предпочел сфолить — повис у капитана советской сборной чуть ли не на шее. Но странно. Оставшись в меньшинстве, чехи, выиграв вбрасывание, бросились в атаку. И Кайкл опасно бросил по воротам Третьяка, но тот сумел отбить шайбу. И следом уже советская команда бросилась в атаку, памятуя о том, что она играет в большинстве. В атаке было звено Балдериса, который выдал пас из-за ворот на «пяточок», где находился Капустин. Но защитник сумел нейтрализовать действия советского игрока, а Холечек прижал шайбу ко льду ловушкой. А спустя несколько секунд на лед вышел удаленный Бубла, который сразу включился в игру и едва не забил гол. Он мощно «зарядил» от синей линии, но Третьяк в каком-то акробатическом прыжке сумел отбить шайбу.

У нас в это время на льду было первое звено. Шайба оказалась у Петрова, который от центрального круга решил «щелкнуть» по воротам Холечека. Удар был точным — шайба угодила прямо в щитки Холечека. На добивание бросился Михайлов, который в пылу атаки даже выбил клюшку из рук вратаря. На нашего капитана тут же набросились чехословацкие защитники. Началась потасовка, которая едва не переросла в драку. Что было не случайно. У чехов за это время уже успел вырасти большой зуб на Михайлова, который несколько раз атаковал Холечека, когда он пытался прижать шайбу ко льду. Подъехавшие к месту потасовки судьи Пирс и Фербер (последний был из Швеции) оперативно развели игроков в разные стороны.

Прошло чуть больше минуты после этого инцидента. На льду у нас было второе звено во главе с Балдерисом, а у чехов играло первое. Шайбу в центре поля после паса Жлуктова получил Балдерис,

которого не зря называли «балериной» — он в детстве занимался фигурным катанием и отличался филигранным скольжением. И в эти самые мгновения весь мир увидел, что это такое — катание на коньках Хельмута. Перед нашим нападающим выросли двое защитников — Бубла и Кайкл. Оба рослые, сильные. Но Балдерис умудрился пробросить шайбу вперед, а сам устремился за ней, буквально ужом проскользнув между ними. Далее был выход один на один с Холечеком, не менее эффектный обыгрыш вратаря и — красивейший гол. Табло зафиксировало время — 19.05. То есть, до конца первого периода оставалось меньше минуты.

Когда за воротами Холечека зажегся красный фонарь, советский сектор в едином порыве вскочил на ноги и завопил: «Го-о-о-л!». Весь остальной стадион хранил гробовое молчание. Глава правительства Штроугал перегнулся через спинку стула назад и спросил у зампреда Чехословацкого хоккейного союза Непела: «У русских в команде тоже работает психолог?» Чиновник лишь пожал плечами. Но за него ответил сидевший справа от Гусака член Президиума ЦК КПЧ Карел Гоффман:

— Вон их психолог — стоит у бортика в синем костюме.

Все поняли, что речь шла о тренере советской сборной Викторе Тихонове, который в эту минуту как скала возвышался над бортиком, глядя на то, что происходит на площадке. По его непроницаемому лицу было не понятно, радуется он забитому голу или не очень — ведь впереди был еще целый матч.

Под занавес первого периода в сборной СССР был удален Владимир Голиков, однако сравнять счет до перерыва чехам так и не удалось.

В советской раздевалке, когда игроки уже уселись на скамейки и приходили в себя, Тихонов был на удивление спокоен. Он стоял в центре помещения и вещал:

— Здорово играем, ребяташки. Все у нас получается — и в атаке, и в обороне. Не выдерживают они нашего темпа, ошибаются. И бросать надо почаще, из любых позиций. Холечек ведь у них не железный — если один раз дрогнул, значит, и дальше дрожать будет. Сережа, как у тебя состояние? — Тихонов обратился к Капустину.

— Нормально, выдержу, — отрываясь от бутылки с водой, ответил хоккеист.

— Значит, и другие выдержат, глядя на тебя, — улыбнулся тренер.

Он видел, что его команда находится в прекрасном тонусе, от бывшего волнения, которое было заметно перед началом игры, уже не осталось и следа.

В раздевалке сборной ЧССР царила совсем иная атмосфера — там витало уныние. Игроки явно были измочалены, хотя впереди было еще два периода. Видя это, Карел Гут попытался вселить в своих игроков оптимизм.

— Ничего страшного не происходит, — говорил тренер, меряя шагами раздевалку. — вспомните, что было в прошлой игре — после первого периода мы тоже проигрывали, счет был 2:1 не в нашу пользу. А во втором на одну их шайбу мы уже забросили целых три. За счет чего? За счет игры на их ошибках. Да, сегодня они их делают значительно меньше, но все-таки делают. А чтобы они совершали их еще больше, надо им в этом помогать. Почему вы их не задираете? В прошлой игре это у вас здорово получалось. Пусть чаще удаляются — это влияет на психологическую обстановку в команде.

— Судья их нарушения видит через раз, а то и реже, — подал голос кто-то из игроков. — Вон Михайлов колотит по рукам нашего вратаря, а свисток молчит.

— А вы что думали? — повернулся на голос Гут. — Это финал — здесь рассчитывать на судейскую помощь нереально. Пусть даже матч судит и американец. Здесь надо самим головой работать. Короче, собираемся с духом и забиваем быстрый гол, пока их игрок сидит на скамейке штрафников. Надо забить всего лишь один гол и мы переломим ситуацию. Всего лишь один гол!

14 мая 1978 года, воскресенье город Домодедово

Едва в матче наступил перерыв, как хозяин дома, Павел, приглушил звук в телевизоре и задал Александрову вопрос, который, судя по всему, давно его мучил:

— Как думаете, удержат наши счет или нет?

— Папка, ты что — нам же надо выиграть с разницей в две шайбы, — ответил вместо гостя сын Павла.

— Японский городской! — хлопнул себя по лбу мужчина.

На что Александров улыбнулся и заметил:

— Бывает. Я иногда сам, когда хоккей смотрю, турнирную таблицу забываю.

— А все же, у кого по-вашему больше шансов победить? — продолжал допытываться Павел.

— Пока мне наши нравятся, — после небольшой паузы ответил Александров. — Играют очень собранно и в обороне, и в нападении. Владик Третьяк совсем другой, чем в первом матче — гораздо спокойнее себя ведет, не нервничает.

— А чехи?

— Вот они явно сдали. Даже при игре в большинстве все свое преимущество растеряли. Защитники проваливаются — не успевают зону перекрыть, ошибаются чаще обычного. Короче, чехи явно волнуются больше наших — груз ответственности на них сильнее давит.

— Может, их начальство накачало? — предположил Павел.

— Сомневаюсь, у них с этим попроще, чем у нас, — улыбнулся Александров.

— А вас сильно накачивают?

— Иногда так холку намылят, что ноги деревенеют и руки клюшку не держат.

После этих слов мальчик, с открытым ртом внимающий этому разговору, заразительно рассмеялся.

— И Тихонов такой? — не обращая на сына внимания, продолжал вопрошать отец.

— Он, конечно, не Тарасов, но, если надо, может и строгость включить.

— Как с вами? — вырвалось у хозяина дома.

— Паша! — вмешалась в разговор хозяйка и с укоризной посмотрела на мужа.

— Ничего, все нормально, — успокоил хозяйку Александров.

А про себя подумал: «Как удачно, что у таксиста машина заглохла — иначе куковал бы дома у телевизора один. А тут такая компания интересная!»

В это время на экране вновь возникла заставка хоккейного чемпионата и трансляция из Праги возобновилась. Все снова прильнули к экрану.

14 мая 1978 года, воскресенье, Прага, Дворец спорта, матч ЧССР — СССР

Миниваген с полковником Гавликом и его людьми подъехал к Дворцу спорта за несколько минут до начала второго периода. Все они вышли из автомобиля и прошествовали к служебному входу, где в этот день вместе с милицией службу несли и сотрудники КНБ — Корпуса национальной безопасности.

— Какой счет, ребята? — спросил Гавлик, предъявляя охранникам свое служебное удостоверение.

— Пока проигрываем — 0:1, — грустно ответил молоденький милиционер.

— Ничего, наши наверстают, — подбодрил стража порядка полковник, похлопав его по плечу.

А про себя подумал: «Видно, что-то не клеится у наших тренеров, если их подопечные даже одной шайбы еще не забили. Или это мы что-то не так сделали, что-то не учли?»

Подтрибунные помещения в эту минуту были уже почти пусты — все зрители сидели на своих местах, с нетерпением ожидая продолжения этого увлекательнейшего поединка.

Подозвав своих сотрудников к себе, Гавлик коротко объяснил им их задачу:

— У нас на руках только три фотографии этого взрывника. Плюс Хорак, который знает его лично. Размножить эти фотографии с помощью ксерокса, который есть в нашей конторе на Токурова, нет смысла — качество у снимков плохое. Да и времени у нас нет. Пока управимся, игра может закончиться и тогда ищи ветра в поле. Поэтому действуем так. Я вам раздам эти фотографии и вы с ними рассредоточитесь по Дворцу спорта — попробуйте опознать этого парня среди зрителей. И помните, что сидит он в одном из секторов, где находятся советские зрители. Это упрощает нашу задачу, хотя помучаться все равно придется — таких секторов здесь много. Наша задача — найти его раньше, чем это сделают русские, которые наверняка уже здесь. Сделаем это — нам зачтется. Все понятно?

— Так точно, — ответили хором все трое подчиненных полковника.

После чего, получая на руки фотографии, один из них спросил у Гавлика:

— А вы куда, товарищ полковник?

— Мы с Хораком поднимемся в кабинет директора дворца — там расположен штаб операции по поимке этого взрывника. Может, раздобудем там бинокль — с ним Хораку будет легче искать объект нашей охоты. Ну, все — расходимся.

Когда они пришли в кабинет, там находился лишь один человек — полковник из Корпуса национальной безопасности. Он сидел у телевизора и ждал начала второго периода. Узнав, с чем к нему пришел Гавлик, он обрадовался. Ему уже несколько раз звонили от министра Обзины и интересовались результатами поисков взрывника. А он каждый раз вынужден был отвечать отрицательно. Теперь же появлялась реальная возможность сдвинуть это дело с мертвой точки.

Достав из стола мощный армейский бинокль, он вручил его Гавлику со словами:

— Надеюсь, к третьему периоду вы найдете этого мерзавца.

Как и ожидалось, второй период начался с атак чехословацкой сборной. С переполненных трибун неслось «Хейя, хейя, до-то-го!» («Шайбу, шайбу, давай, давай!») — клич чехословацких болельщиков. Он был таким мощным, что советские хоккеисты какое-то время даже не слышали голосов своих тренеров, которые пытались дать им какие-то указания. Зрители гнали в бой своих любимцев, поскольку все висело на волоске — достаточно было хозяевам сравнять счет и чаша весов могла склониться в их сторону. Даже члены Президиума ЦК КПЧ вместе со всем стадионом встали со своих мест и тоже влили свои голоса в общий хор. Увидев это, чехословацкие хоккеисты бросились в новую атаку. Однако грамотно построенная оборона не давала возможности атакующим развернуться во всю ширь. И воспользоваться численным преимуществом сборной ЧССР так и не удалось. Но по-прежнему подбадриваемые многотысячной армией поклонников и тренерскими призывами, чехословацкие игроки продолжали атаковать ворота Третьяка. В один из моментов, когда на льду было их второе звено во главе с Мартинцем, они так надели на ворота, что буквально их... снесли вместе с Третьяком. Советские защитники бросились на помощь своему вратарю, снова возникла

потасовка. И Пирсу опять пришлось бежать и усмирять не в меру разгоряченных хоккеистов. На скамейку штрафников отправились по игроку от каждой команды — Аугуста у чехов и Билялетдинов у нас. На поле стало посвободней и скорости возросли еще сильнее.

Мариан Штясны вышел один на один с Третьяком, но в этом поединке вратарь опять оказался «на коне» — защитил свои ворота. А спустя несколько секунд уже атака советской команды едва не привела к голу. Первухин отдал точный пас на «пятак» Голикову-младшему, но Холечек в последний момент сумел клюшкой выбить шайбу в сторону.

Спустя полминуты последовала еще одна атака третьего звена советской сборной. На этот раз Мальцев бросил шайбу из-под защитника, но Холечек видел этот бросок, поэтому сумел поймать шайбу. Последовало вбрасывание, во время которого Мальцев столкнулся с чехословацким игроком и упал на лед. И в течение минуты не мог подняться. На лед выбежал врач команды. В итоге, поддерживаемый под руки игроками и врачом, Мальцев практически на одной ноге докатился до скамейки запасных.

— Что с тобой, Саша? — спросил Тихонов, когда хоккеист сел на лавку.

— Нога, — коротко ответил Мальцев.

Это была серьезная потеря для команды — центр третьего звена, опытный боец, достойной замены которому не было. Можно было, конечно, выпустить Юрия Лебедева, но его игра в этом звене в прошлой игре тренеров не впечатлила. «Неужели Саша не поправится?» — думал Тихонов. Он бросил взгляд в сторону скамейки запасных чехословацкой сборной и увидел, как кто-то из персонала хлопает по плечу игрока, столкнувшегося с Мальцевым. «Видимо, благодарит за то, что вывел из строя такого ценного форварда. А на что вы рассчитывали, Виктор Васильевич? Хоккей — жестокая игра!»

А матч между тем продолжался. На точке вбрасывания встали Петер Штясны и Владимир Голиков. Выиграл его чех и — вот что значит выигранное вбрасывание — шайбу тут же подхватили партнеры Штясны и бросились в атаку. Последовал мощный бросок и шайба едва не влетела в ворота, пролетев в нескольких сантиметрах от штанги. А спустя минуту, после мощной атаки сборной СССР, уже Мариан Штясны выходил один на один с Третьяком, но Голиков-

младший в подкате выбил шайбу у него с крюка, свалив заодно и самого игрока. И судья Пирс усмотрел в этом нарушение правил.

— Чистый же был подкат! — крикнул судье Тихонов.

Но американец демонстративно отвернулся от советского тренера, всем своим видом показывая, что нарушение он зафиксировал правильно. Чехи снова получили прекрасную возможность сравнять счет. Естественно, они бросились в атаку и едва не забили гол. Но по-прежнему надежно в воротах стоял Третьяк. А спустя несколько секунд уже советская сборная провела молниеносную контратаку и Александр Голиков, выйдя один на один с Холечекком, решил не обводить его, а мощно «зарядить». В итоге шайба угодила во вратарские щитки.

Гавлик и Хорак стояли на площадке возле выхода на трибуну. В руках у Хорака был бинокль, который он держал у глаз и внимательно смотрел через его окуляры на один из советских секторов на противоположной трибуне. Мощные линзы бинокля прекрасно приближали лица людей — на некоторых даже были видны родинки. Ошибиться с таким чудом техники было невозможно. Однако дело было в другом — Хорак переводил бинокль от одного лица к другому, но лица Прохазки среди них не было. Судя по всему, он находился в каком-то другом секторе.

— Ну, что ты видишь? — спрашивал у наблюдателя Гавлик, сам же все свое внимание переключил на то, что творилось на льду.

— Пока только русских. Например, их знаменитого Штирлица.

Поймав недоуменный взгляд полковника, Хорак пояснил:

— Я имею в виду советского актера, который играл роль разведчика в сериале про мгновения весны.

Хорак не ошибся — на противоположной трибуне и в самом деле сидел советский Штирлиц — актер Вячеслав Тихонов, которого в Чехословакии тоже прекрасно знали. Он приехал в Прагу на премьеру чехословацкого фильма режиссера Ладислава Рихмана «Баллада о дереве и розе». Тихонов играл в нем главную роль — видного ученого-инженера Владимира Кузнецова, который приехал в Прагу на строительство метрополитена. Но эта командировка оказывается для него и встречей с прошлым — возвращением к воспоминаниям юности, когда в мае 1945-го года молодым танкистом он участвовал в

боях за освобождение Праги, был ранен, попал в госпиталь, полюбил девушку Веру, спасшую ему жизнь. В этой роли снялась молодая актриса Ярослава Шаллерова.

Естественно, попав в Прагу в дни финальной игры чемпионата мира по хоккею, Тихонов, заядлый хоккейный болельщик, просто не имел права пропустить это событие.

— Мне не нужен твой Штирлиц — найди мне Прохазку! — не скрывая раздражения, заявил Гавлик.

— Его пока не видно, — последовал ответ.

— Пропустить не мог?

— С таким биноклем вряд ли.

— В таком случае меняем дислокацию — идем к следующему выходу, чтобы успеть осмотреть другую половину трибуны, — сообщил полковник и первым зашагал к выходу.

В это время, стоявший на противоположной трибуне Ковалевский, заметил в одном из рядов советского сектора зеленое пятно. Приглядевшись, он различил, что это куртка, в которую был облачен парень, по описанию очень похожий на взрывника — помимо куртки, которую до этого он держал на коленях, а теперь надел на себя, у него были длинные волосы. «Неужели нашел?» — мелькнула в голове у Ковалевского радостная мысль. Она настолько обрадовала его, что он на время даже забыл о ледовой баталии. А там между тем спираль интриги закручивалась не менее сильно, чем в деле поисков неуловимого взрывника.

Во время очередной атаки на советские ворота Александр Голиков снова нарушил правила — зацепил клюшкой чехословацкого игрока. Судья дал свисток и отправил нарушителя на скамейку — отдыхать. Сборная СССР в очередной раз осталась в меньшинстве. На лед сразу же вышли главные звенья в командах — первые. У нас петровское, у чехов — звено Ивана Глинки. Последнее тут же бросилось в атаку, переведя шайбу в советскую зону. Но организовать что-то опасное чехи не смогли — Цыганков и Фетисов вдвоем прижали шайбу к бортику за воротами Третьяка. Вбрасывание выиграл Петров, который выбросил шайбу из зоны. В это время у чехов произошла смена состава — на лед вышло третье звено. А у сборной СССР продолжало

играть звено Петрова. И оно выиграло свой микро-матч, причем будучи в меньшинстве.

Все началось на 37-й минуте на синей линии, где ошибся опытный защитник Махач. Получив шайбу, он завозился с ней, пытаясь обыграть Фетисова, и не удержался на ногах. Фетисов немедленно отдал пас Петрову. Тот выкатился на ворота слева, но бросать не стал, а, уложив на лед защитника, верхом переадресовал шайбу Михайлову. Тот поймал ее рукой и, вместо того чтобы отбросить к бортику, сбросил ее себе на клюшку и снова переадресовал Петрову. И тот, не долго думая, «зарядил» по воротам Холечека. Вратарь явно был не готов к этому броску и шайба, будто бабочка, впорхнула в его ворота. Вся скамейка советской сборной вскочила со своих мест в едином порыве. То же самое сделали советские болельщики, сидевшие в разных секторах по обе стороны Дворца спорта. Появившийся на табло счет 2:0 означал, что в этом противостоянии возникла ничейная ситуация — то есть, фора, которая была у сборной ЧССР, пропала.

Виновник этого гола Махач устало опустился на скамейку. Он был буквально раздавлен случившимся. Ровно десять лет назад он пришел в сборную Чехословакии 22-летним игроком и за эти годы с ним всякое бывало. Но такого позора он никогда еще не испытывал. На родном льду, на глазах у 14 тысяч болельщиков и миллионов телезрителей он допустил роковую ошибку, которая позволила русским забить в меньшинстве шайбу, сравнявшую счет в этом противостоянии. И зачем он с ней завозился — надо было отбросить ее к противоположному бортику, где был свободный игрок. Да еще и на ногах не смог удержаться. Видимо, возраст брал свое — 32 года как-никак исполнилось месяц назад. «Все, надо вешать коньки на гвоздь, — глядя в пол, размышлял Махач. — Единственно жаль — что уходить приходится после такой ошибки».

— Ты чего загрустил, Олдри? — услышал защитник рядом с собой голос тренера Карела Гута. — Игра не закончена, приятель. Соберись, на тебя вся наша молодежь смотрит.

Эти слова дорогого стоили. Сразу захотелось выскочить на лед и совершить чудо. Но на льду в это время была первая пятерка во главе с Глинкой. Она опасно атаковала ворота Третьяка, но тому удалось отбить шайбу со своего «пяточка». Ее тут же подхватили советские

хоккеисты и организовали свою атаку. Шайба попала к Балдерису, который по правому флангу вышел один на один с Холечекком и мог забить третью шайбу. Наперерез ему бросился защитник Бубла, который, понимая, что не имеет возможности остановить соперника, попросту со всей дури размахнулся и так ударил своей клюшкой по клюшке Балдериса, что та переломилась. Имеется в виду клюшка защитника. А клюшка Балдериса осталась целехонькой и он сумел-таки произвести бросок. Но теперь уже чехословацкий вратарь показал великолепное мастерство — отразил выпад нападающего. Впрочем, если бы не демарш Бублы, вполне вероятно бросок у советского игрока получился бы куда более прицельным. За эту грубость Бубла был удален на две минуты.

Пока он ехал на скамейку штрафников, Тихонов подозвал к бортику играющую пятерку и сказал:

— Ребята, вы видите, нервы у чехов на пределе. Они будут вас задирать, провоцировать. Помните нашу установку: на провокации не отвечать, наказывать голами.

Между тем трибуны встретили это удаление яростным свистом, хотя всем было очевидно, что нарушение-то явное. Просто симпатии большинства зрителей были на стороне своих соотечественников, поэтому любые их действия в глазах публики были оправданы. Тем более, что до конца второго периода оставалось чуть больше минуты и это означало, что забей русские третью шайбу, то ситуация для хозяев турнира стала бы угрожающей.

Табло отсчитывало последнюю минуту второго периода. На льду вновь было второе звено чехов, которое вместо того, чтобы защищаться, взял на вооружение нашу тактику — ринулось в атаку. Советские игроки этого явно не ожидали. К воротам Третьяка прорвался Мартинец, которого наш вратарь решил встретить за вратарской площадкой и выкатился ему навстречу. Мартинец бросил, но шайба попала в щиток нашему вратарю. В следующую секунду чехословацкий нападающий врезался в Третьяка и они оба упали на лед, а затем вкатились в ворота. Многим показалось, что и шайба отправилась туда же. Кто-то из чехов победно вскинул руки вверх и даже закричал «Го-о-л!» В ту же секунду, как по команде, этот крик подхватили и все остальные игроки сборной ЧССР, а за ними и почти весь стадион, который в едином порыве стал скандировать: «Че-хо-со-

сло-вак!». Даже члены Президиума ЦК КПЧ вскочили со своих мест, восторженно аплодируя Мартинецу.

Судья Пирс видел, что шайба вместе с обоими игроками вкатилась в ворота, а затем по инерции выкатилась обратно на линию. Формально был гол. Но забит он был с нарушением — вратарь не мог зафиксировать шайбу, так как его попросту затолкнули в ворота вместе с ней. Именно это и пытался втолковать чехам судья. Но те не желали его слушать. Им нужен был гол во что бы то ни стало. Нужен как воздух. Даже гол, который был забит с нарушением правил. И чехи окружили Пирса, требуя от него засчитать взятие ворот.

— Ноу! Ноу! — категорически возражал судья.

В этом его поддерживали советские хоккеисты.

Когда стало понятно, что шайба не засчитана, мощный гул разочарования пронесся по Дворцу спорта. А спустя несколько секунд прозвучала сирена, возвестившая о том, что время второго периода истекло.

Премьер Штроугал сидел в ложе гостей и смотрел на то, как зрители покидают свое места и тянутся к выходу, чтобы перевести дух от головокружительной ледовой баталии. Рядом с ним сидел генерал Елисей Сеницын, который ждал новостей от своих людей, ищущих взрывника. Собственно, Штроугал тоже ждал, но после незасчитанного гола Мартинеца всеми его помыслами завладела именно эта коллизия.

— Все-таки судья должен был засчитать этот гол, — произнес Штроугал, обращаясь к Сеницыну.

— Но он был забит с нарушением — вы же видели, — возразил генерал.

— Если бы этот гол состоялся, мы бы отодвинули возможный взрыв на шаг назад.

— Извините меня, товарищ премьер, но это похоже на шантаж. А мы не должны идти на поводу у террористов.

— Но прошло уже два периода, а положительных результатов ноль — террорист не найден. Вот и получается, что единственный шанс отменить взрыв — поражение вашей команды.

— Но если следовать вашей логике, моя команда должна проиграть, а террорист остаться на свободе? Лично я выбираю другой

вариант: на льду побеждает сильнейший, а мы с вами побеждаем террориста. Впереди еще целый период, поэтому давайте запасемся терпением.

— Смотри, твой отец! — воскликнул Вацлав Вилк и толкнул локтем Богуслава Хорака.

Тот посмотрел в ту сторону, куда показывал приятель, и, действительно, увидел своего отца. Тот стоял справа от их трибуны на площадке у выхода и смотрел в бинокль на трибуны противоположной стороны.

— Что это он там выглядывает? — спросил Йохан Ваха.

— Не что, а кого, — поправил приятеля Богуслав. — Может, женщину? Пойду-ка я сам у него спрошу.

И Богуслав решительно поднялся со своего места. Но Франек схватил его за руку:

— Не надо тебе к нему идти!

— Это почему? Он опоздал к началу матча, хотя клятвенно пообещал прийти и дать мне денег. А сам теперь кого-то выглядывает на трибунах!

— Ну, и пусть себе выглядывает. А деньги у меня есть, на всех хватит, — и Франек достал из кармана те самые три купюры, которые ему вручил дипломат.

— Откуда такое богатство? — удивился Хорак.

— А тебе не все равно? Главное, есть на что сходить в кафе после игры и отметить победу нашей сборной.

— Что-то я не уверен, что наши сегодня победят, — ответил Хорак, снова усаживаясь на свое место. — Я уже все горло себе сорвал, болея за них, а они даже одну шайбу забить не могут. И что с ними такое приключилось?

— Ничего, забьют — впереди у них целый период. Помнишь, как мы сами «Словану» проигрывали с таким же счетом, а в третьем периоде раскатали их в пух и прах.

— Чудило, там был «Слован», а здесь сборная СССР. Есть разница?

— А раньше ты русских в грош не ставил? — удивился Франек.

— Ты же знаешь, не люблю я их, — надулся Хорак. — Но команда у них сильная.

Франек мысленно согласился с последним определением, но развивать эту тему не стал — решил не беречь душу ни себе, ни своему приятелю.

Ковалевский стоял на площадке у выхода с трибуны и ждал появления парня в зеленой куртке. Вскоре тот появился — сосредоточенный на чем-то своем. В руках он держал полиэтиленовый пакет с эмблемой чехословацкого самосвала «Татра». В пакете явно что-то лежало. Пройдя мимо Ковалевского, парень вместе с толпой людей вышел в подтрибунное помещение. Затем свернул направо и направился в туалетную комнату. Ковалевский пристроился за ним.

В туалетной комнате парень дождался своей очереди и зашел в одну из кабинок. Все сходилось: это был последний перерыв в матче, когда у террориста оставалась единственная возможность привести в работу механизм взрывчатки. Однако задерживать взрывника в туалете было опасно — кругом были люди. А парень все никак не появлялся. Ковалевский взглянул на свои часы — оставались считанные минуты до начала третьего периода.

Наконец парень вышел из кабинки и направился к умывальнику. Затем еще какое-то время держал руки под электросушилкой. И только после этого вышел из туалета. Но не успел он пройти и нескольких шагов, как Ковалевский взял его сзади за локоть и произнес:

— Молодой человек, можно вас на минутку?

— А в чем дело? — искренне удивился парень.

Вместо ответа Ковалевский показал ему свое служебное удостоверение, после чего попросил:

— Разрешите взглянуть на содержимое вашего пакета.

— Пожалуйста, — и парень сам распахнул его перед Ковалевским, чтобы тот имел возможность в него заглянуть.

Там лежали книга и бейсболка.

— Это учебник по физике, я студент физтеха, — сообщил парень.

В это время к ним подошли двое мужчин — это были сотрудники Корпуса национальной безопасности, которые тоже обратили внимание на зеленую куртку парня. Представившись, они заглянули в удостоверение Ковалевского, отдали ему честь и, взяв парня под руки, повели его в служебное помещение, чтобы установить его личность. А Ковалевский направился к входу на трибуны.

Всю эту сцену с задержанием парня видел Винсенк Прохазка. Он как раз возвращался из соседней туалетной комнаты, где привел в действие механизм бомбы. Теперь ему достаточно было переключить тумблер на специальном устройстве, лежавшем у него в брючном кармане, чтобы бомба взорвалась. Обратив внимание на то, как двое мужчин в штатском бесцеремонно копались в пакете какого-то молодого парня в зеленой куртке, а потом повели его куда-то вдоль по коридору, Прохазка сразу догадался, что это за люди и почему они осматривали пакет парня, облаченного в куртку зеленого цвета. «Значит, не зря я вывернул свою ветровку наизнанку», — мысленно похвалил себя Прохазка. И побежал к своей трибуне, чтобы успеть к началу третьего периода. От своих планов он не собирался отступать.

В перерыве в чехословацкую раздевалку пришел один из членов ЦК КПЧ вместе с Франтишеком Непелой и передал, что все руководство республики, как и весь чехословацкий народ желает своей сборной победы. Но если даже сегодня им не удастся отстоять чемпионское звание, все равно они — герои. Вот это «все равно» и подстегнуло игроков чехословацкой сборной доказать всей стране, что они именно герои, кто бы в этом не сомневался. Такие же герои, как те, которые не побоялись выйти против советских танков в августе 1968 году. И пепел которых теперь бьется в их сердцах. Ведь против кого они сегодня сражаются на пражском льду? Костяк сборной СССР составляют представители той самой Советской Армии, которая подавляла «Пражскую весну». Это игроки клуба ЦСКА, которых сегодня на льду больше половины команды — 11 человек. А во главе их стоит тренер Виктор Тихонов. Каждый игрок чехословацкой сборной знал, что он пришел в ЦСКА из андроповского «Динамо». А шефа КГБ Юрия Андропова в Чехословакии знали все, поскольку не было ненавистнее аббревиатуры в этой стране, чем КГБ и СТБ — чехословацкая госбезопасность. Наверняка этот человек в далекой Москве смотрит сегодняшней матч и уже предвкушает победу своей команды. Значит, надо сделать все, чтобы его желание не сбылось.

— Ребята, у русских два звена теперь играют не в своих привычных составах, — сообщил игрокам Карел Гут. — Повторяется история прошлой встречи. Во втором звене через раз выходит Капустин, которого подменяет молодой Макаров, а в третьем выбыл их

центр Александр Мальцев. У Лебедева, заменившего его, игра не клеится. Все эти факторы играют в нашу пользу. Поэтому, усиливайте давление, прессингуйте их по всему полю, не давайте продохнуть. Я понимаю, что и у вас силы не бесконечные, но надо собрать волю в кулак и сделать победный рывок в финале. Ведь не русские играют у себя дома, а мы с вами.

Еще не успели истечь минуты, отведенные командам для отдыха, как чехословацкие хоккеисты уже вышли на лед, показывая всем собравшимся, что им не терпится ринутся в решающее сражение. Дворец спорта встретил своих хоккеистов овацией, понимая, что эта поддержка им сейчас особенно нужна. Кто-то из зрителей даже запел песню Карела Крыла «Братишка, ты закрыл дверь?», которая была гимном чехословацкого сопротивления в августе 68-го. До хоккеистов явственно донеслись слова этой песни: «Это не чудища, а солдаты, приехали к нам в железных кибитках...» Сегодня этих солдат на льду Дворца спорта в парке имени Юлиуса Фучика олицетворяли хоккеисты ЦСКА. Донесся с трибун и другой отголосок из 68-го — клич «Вы нам танки, мы вам бранки» («бранки» — значит, «шайбы»).

Когда Тихонов провожал своих игроков из раздевалки, к нему подошел майор Костюк и сообщил:

— Судя по тому, что происходит на трибунах, ситуация накаляется. Вам, Виктор Васильевич, как и всей команде, надо быть готовыми к любой провокации.

— Вы не нагнетаете? — спросил тренер.

— Рад бы, но увы... — развел руками чекист. — Более того — возможен даже теракт, если мы победим.

— Вы предлагаете нам проиграть?

— Типун вам на язык — идите и выигрывайте, — и Костюк напутственно тронул тренера за плечо.

Игру начали, как обычно, первые звенья. Прохаживаясь вдоль бортика, Тихонов наставлял своих хоккеистов:

— Ребята, эти двадцать минут могут быть самыми важными в вашей жизни. Проживите их так, чтобы потом не было стыдно.

Однако похожие слова говорили своим игрокам и чехословацкие тренеры. И они стали лейтмотивом к игре сборной ЧССР в третьем периоде. Чехи стали наращивать темп. Но во время одной из их атак

ошибся судья — дал положение вне игры, когда чехи собирались войти в нашу зону. Недовольный защитник Каберле выговаривал арбитру:

— Протри глаза!

Вскоре вбрасывание было назначено в советской зоне. Его выиграла наша и шайба попала к Жлуктову, стоявшему чуть позади. И он через все поле точно послал шайбу за центральный круг, где дежурил Балдерис (это была их наигранная комбинация). Но там же находились и двое защитников сборной ЧССР (Каберле и Заичек), один из которых клюшкой зацепил советского нападающего. Но чуть раньше этого нарушения судья зафиксировал у Балдериса офсайд.

И все-таки советские хоккеисты сумели прорвать оборону соперника. Шла 46-я минута матча, когда Владимир Голиков из третьего звена после передачи от своего брата Александра забросил третью шайбу в ворота Холечека. Братья сыграли на загляденье. Александр сделал замах клюшкой, имитируя бросок, защитник чехов присел на колени, готовясь отразить этот удар, но Александр вместо этого выдал точный пас своему брату. Так счет стал 3:0.

Советские болельщики в едином порыве вскочили на ноги и стали дружно скандировать: «Мо-лод-цы!» На лицах наших хоккеистов засверкали улыбки, а некоторые даже смеялись. Им показалось, что дело сделано. Тихонов это заметил и тут же пошел вдоль бортика:

— Отставить радость, ребята! Рано нам еще радоваться, рано. Соберитесь, впереди еще больше десяти минут игрового времени.

Тренер оказался прав. Чехи ринулись в атаку и едва не забили гол. Аугуста выкатился слева на ворота Третьяка, но наш защитник Цыганков, чтобы предотвратить гол, вынужден был зацепить его клюшкой. Гола не последовало, но нашего защитника судья удалил на две минуты. Стены Дворца спорта снова содрогнулись от яростных призывов чехословацких болельщиков, которые стали призывать своих кумиров реализовать, наконец, численное большинство. Ведь до этого судья шесть раз наказывал советских игроков, но чехи, которые на этом чемпионате лучше всех играли в большинстве, никак не могли использовать эти шансы. Неужели и в этот раз их постигнет неудача? В тот самый момент, когда чехам так нужна была хотя бы одна забитая шайба.

Вбрасывание было в советской зоне. Но наши игроки, выиграв его, стали намеренно тянуть время — прижимать шайбу к борту.

Трибуны взорвались негодованием.

— Русские, здесь вам не дома! — вскочил со своего места один из болельщиков.

— Союз, кончай тянуть резину! — вторил ему сосед справа.

Но спустя несколько секунд уже Петров сел на шайбу и судья снова вынужден был дать свисток. Возгласы возмущения стали еще интенсивнее. Слушая их, Тихонов позвал к себе Петров. Когда тот подъехал, сказал ему:

— Володя, все делаем правильно. Не нервничаем!

Два раза чехи входили в советскую зону, но оба раза неудачно — наши игроки выбивали шайбу к чехословацким воротам. Советские болельщики стали громко скандировать «Мо-лод-цы!», стараясь поддержать свою команду. Чехословацкая часть аудитории, гораздо более многочисленная, ответила на это громогласным топотом и свистом. Под этот шум чехи снова пошли в атаку. У них на льду было лучшее звено — первое с Иваном Глинкой во главе. У нас Тихонов решил выпустить второе звено, скомбинированное с третьим, динамовским. В нападении в нем играли Балдерис и Жлуктов, а в защите Васильев и Первухин. И они свой микро-матч проиграли.

Глинка выиграл у Жлуктова вбрасывание в нашей зоне, шайба попала к Бубле и он адресовал ее Новы, занявшему позицию справа. Тот сделал ложный замах, на который «купился» наш защитник Первухин — он опустился на колени. А Новы не стал бросать сам, а отдал шайбу выкатившемуся на «пятак» Глинке. И тот, абсолютно никем не прикрытый (Жлуктов почему-то на «пятак» не поехал) забросил шайбу в правый верхний угол советских ворот. 3:1.

Хорак-старший в эти самые мгновения смотрел в бинокль и направил его как раз на тот сектор, где сидел Прохазка. Он внимательно скользил взглядом по лицам болельщиков и ему оставалось всего несколько секунд, чтобы дойти до нужного ему лица. Как вдруг Глинка забил свой гол и почти весь стадион вскочил на ноги, а стены Дворца спорта буквально задрожали от радостного рева, который извергли из себя более 13 тысяч глоток. Даже Гавлик подпрыгнул на месте и так хлопнул Хорака рукой по плечу, что тот едва не выронил бинокль. И мгновенно забыл о том, куда он только что смотрел.

Вернер Хорст после гола Глинки вскочил на ноги и заключил в объятия свою спутницу. Девушка явно не ожидала такого демарша, но поскольку тоже болела за сборную ЧССР, поддержала немца в этом порыве. Но в следующую секунду от ее внимания не укрылось, что Хорст, секунду назад такой радостный, внезапно напрягся. Она посмотрела в ту же сторону, что и он, и увидела мужчину, который, стоя на площадке у выхода с трибуны смотрел в бинокль, направленный в сторону зрительских рядов, расположенных на другой половине дворца. Хорсту было от чего напрячься — он узнал не только Хорака, но и полковника Гавлика. Свяжав воедино это соседство, немец почувствовал неладное. Он сел в свое кресло и стал мучительно размышлять над тем, как ему поступить — остаться досматривать матч, интрига в котором достигла небывалого накала, или уносить отсюда ноги. В итоге победило последнее желание. Но как быть со спутницей? В эти мгновения Хорст впервые пожалел, что познакомился с этой красоткой.

— Эва, я очень извиняюсь, но мне надо на несколько минут отойти, — обратился он к девушке.

— В чем дело? — удивилась Эва.

— На радостях так прихватило, что успеть бы добежать до туалета.

И Хорст, встав с кресла, стал пробираться к выходу. Причем шел он в сторону, противоположную той, где находились опознанные им знакомые.

Спустя минуту немец был уже в подтрибунном помещении и поспешил к выходу из дворца. Как вдруг сзади его окликнули. Он обернулся и увидел... Эву.

— Вы же собирались в туалетную комнату? — напомнила девушка немцу его же собственные слова.

— Что вам от меня надо? — не скрывая своего раздражения, спросил Хорст.

— Вы забыли дать мне свой телефон для продолжения нашего знакомства, — улыбнулась Эва.

— У меня нет времени раздавать телефоны, — ответил немец и повернулся, чтобы уйти.

В следующее мгновение девушка схватила его за фалды пиджака и рванула их вверх, накрыв ими голову немца. После чего ловкой подножкой она опрокинула его на пол и так вывернула ему правую руку, что он закричал от боли. Спустя несколько секунд на этот крик сбежались сразу несколько сотрудников госбезопасности, которые помогли девушке поднять немца на ноги и отвести его в директорский кабинет — в штаб по поимке террористов.

Тем временем матч продолжался. После забитой Иваном Глинкой шайбы на трибунах вновь стали громко скандировать «Шайбу! Шайбу! До-то-го!», причем этот клич не смолкал достаточно долго. Часы на электронном табло показывали, что до конца матча остается еще 11 минут. Для хоккея это очень много — можно забить не одну, а сразу несколько шайб. А чехословацкой сборной нужна была всего лишь одна шайба, чтобы стать чемпионами. Всего лишь одна шайба! Тем более, что по всем хоккейным приметам, если удалось распечатать «сухие» ворота, то дело за последующими шайбами стоять уже не должно.

Чехословацкие тренеры Карел Гут и Ян Старши разошлись в разные стороны, чтобы было легче управлять ходом игры и подстегивать хоккеистов. Все члены Президиума ЦК КПЧ плотнее придвинули свои кресла к трибунной стойке и буквально нависли над ней, чтобы не пропустить ни одного интересного момента этой решающей десятиминутки.

Чтобы взвинтить темп, чехи стали чаще менять свои звенья. И теперь против нашего первого звена у них играло третье с братьями Штястны, а против третьего — первое с Глинкой. Все это было тактической задумкой чехословацких тренеров, которые знали, что ряд игроков сборной СССР либо травмированы, либо не могут выходить на лед с той же частотой, как в начале игры. Еще во втором периоде был травмирован Мальцев (ему повредили ногу, вместо него теперь играл Юрий Лебедев), Капустин устал и уже не мог играть в полную силу (его подменял Сергей Макаров), а тут еще за сердце схватился Валерий Васильев. Заметив это, к нему подскочил один из наших врачей: «Валера, в чем дело?» «Мотор прихватило», — ответил защитник, потирая рукой грудь. «Играть сможешь?» — вновь спросил

врач. «У меня есть выбор?» — вопросом на вопрос ответил Васильев и перемахнул через бортик, отправляясь на очередную смену.

Во время очередной атаки мужественно повел себя наш защитник Владимир Лутченко, смело бросившись под бросок. Шайба ударила о его клюшку, подскочила и угодила... точно в глаз Владимиру. Адская боль пронзила хоккеиста и он рухнул на лед. Когда друзья подхватили его под руки и привезли к скамейке запасных, врач сделал жест руками в сторону Тихонова — это означало, что и этот игрок выбыл из строя. Ситуация складывалась поистине трагическая. Советская сборная недосчитывалась ведущего защитника и двух нападающих. Причем двое игроков были из второго звена (Лутченко и Капустин), а один из третьего (Мальцев). А у чехословаков как будто открылось второе дыхание.

— Виктор Васильевич, наши могут не выдержать такого темпа, — обратился к старшему тренеру Юрзинов. — Надо его сбивать.

— Хорошо, скажи ребятам, — согласился Тихонов.

Наши стали тянуть время, чем еще больше разозлили соперника. Да и трибуны начали негодующе свистеть и топтать ногами.

В один из моментов едва снова не отличился Глинка. Он так мощно бросил от синей линии, что шайба, пролетев в нескольких сантиметрах от штанги, ударила о бортик и вернулась на советский «пяточок», где тот же Глинка едва не переправил ее в ворота. Но на пути у шайбы встал Третьяк, отбивший ее щитком. В другом эпизоде мог отличиться Мариан Штясны, который получил шайбу на нашем «пяточке», но Третьяк и в этом случае сыграл надежно. Без сомнения, это был его лучший матч на этом чемпионате.

После этого эпизода наш вратарь попросил Васильева завязать ему одну из лямок на щитке. Пока защитник, припав на колени, это делал, стадион разразился свистом и топотом.

— Опять русские время тянут! — раздались крики со всех сторон.

— Что же ему нельзя лямку застегнуть? — удивленно спросил Франек у дядьки, который кричал над его ухом оскорбительные реплики по адресу Третьяка.

— А ты за кого болеешь, хлопец? — недоуменно уставился на мальчишку дядька.

— За наших, но зачем русских оскорблять? — ответил Франек и демонстративно отвернулся от своего соседа сверху.

Тем временем советское третье звено закрыло чехов в их зоне и несколько раз опасно атаковало их ворота. Активнее всех в углу площадки действовал Лебедев, который выцарапал шайбу у чеха, послал ее одному из братьев Голиковых и тот мощно бросил. Но Холечек оказался на месте.

Сидевший в советском секторе Прохазка то и дело бросал взгляд на электронное табло, выжидая удобного момента, чтобы сорваться со своего места. Пока его соседи были увлечены игрой, он осторожно достал из кармана ветровки бомбу, находившуюся в сигарной коробке и завернутую в полиэтиленовый пакет, и засунул ее под свое сиденье. Теперь надо было отойти на безопасное расстояние и переключить тумблер специального устройства, которое было спрятано у него в брючном кармане. Однако времени для того, чтобы чехословацким хоккеистам забить всего одну шайбу и уйти от поражения, еще было предостаточно, поэтому Прохазка не торопился уходить. Вместо этого он снял с себя ветровку и положил ее рядом с собой на ручку кресла. Даже вывернутая наизнанку она была для него опасна.

Чехословацкие хоккеисты, поймав второе дыхание, не собирались сбавлять темп игры. У них на льду было первое звено, где два игрока чередовались через смену — то играл Новы, то Рихтер. У нас Тихонов пошел на тот же ход, но только в защитных линиях — на лед выходил то Цыганков, то Билялетдинов. При этом Тихонов постоянно напоминал своим игрокам, выходящим на лед:

— Сбивайте темп, ребята, сбивайте!

И игроки сбивали: то Васильев прижимал шайбу к бортику, то Билялетдинов. Трибуны негодовали, но наши игроки слушали не их, а установку своего тренера. Да и сами они прекрасно понимали, что сейчас главное выдержать этот сумасшедший натиск, а сделать это можно было, сбивая темп игры, который чехи всячески старались взвинтить.

Электронные часы показывали, что до конца матча остается чуть больше четырех минут. На льду было первое советское звено и третье чехословацкое (с братьями Штястны). Подхватив шайбу в середине поля, Харламов по правому флангу сделал попытку прорваться в зону

соперника. Но защитник Дворжак применил силовой прием против нашего форварда, буквально впечатав его в бортик. Атака захлебнулась. После этого чехи перехватили шайбу и вошли в нашу зону. Их нападающий Черник ушел в угол площадки, где его атаковал Цыганков. Завязалась позиционная борьба, которая привела к очередному прижатию шайбы к бортику. И снова эта пауза была выгодна советской сборной.

Когда до конца матча оставалось чуть больше двух минут, шайба попала к Петрову и он вновь стал тянуть время — закружил возле бортика в средней зоне. Сразу двое чехословацких игроков бросились к нему.

— Молодец, Володя! — что есть мочи закричал Антон, вскочив со своего места.

Вздрогнув от этого крика, Прохазка взглянул на табло и потрогал под креслом пакет со взрывчаткой — тот был на месте. После чего Винсенк поднялся на ноги и начал пробираться к выходу. Антон, который во все глаза следил за игрой, даже не заметил этого демарша своего соседа. Но это увидели два других человека — полковник Гавлик, который вместе с Хораком уже успел перейти на эту половину Дворца спорта, и Ковалевский, стоявший у того самого выхода с трибун, куда направлялся Прохазка. При этом Ковалевский подумал: «Так это же тот самый парень с косичкой, которого я видел перед началом игры. Только тогда он был в голубой ветровке, а теперь ее на нем нет».

Не успела эта мысль прийти к нему в голову, как он заметил следующее: некий парень из советского сектора (это был Антон), из того же ряда, по которому пробирался Прохазка, стал размахивать той самой голубой ветровкой, видимо, забытой парнем с косичкой. Причем голубой цвет у ветровки чередовался с зеленым. И тут Ковалевского осенило: «Да это же двухцветная куртка — последний писк европейской моды!» И ему все сразу стало понятно: и про парня с косичкой, и про его ветровку, и про то, для чего он за две минуты до конца матча сорвался со своего места.

Когда Прохазка уже добрался до последних мест в ряду и собирался выбраться на площадку перед выходом, он заметил Ковалевского. И по его глазам сразу догадался, что тот ждет именно

его, причем явно с недобрыми намерениями. И тогда террорист решил действовать в открытую. Он достал из кармана брюк дистанционный пульт и, сняв колпачок с тумблера, положил на него палец. Ковалевский тут же отпрянул назад, прихватив с собой и двух милиционеров, стоявших у него за спиной. Расчистив себе таким образом путь, Прохазка бросил последний взгляд на ледовое поле. Там в это время возникла пауза — судья готовился произвести очередное вбрасывание в зоне советской команды. Значит, у сборной ЧССР еще был шанс отыграться. Но времени для того, чтобы дождаться этого, у террориста не было — ему надо было успеть сбежать с места взрыва. Поэтому, продолжая держать палец на тумблере и не выпуская из поля зрения своих преследователей, Прохазка стал спиной пятиться к выходу. А затем бросился бежать в подтрибунный коридор.

Ковалевский хотел было последовать за ним, как это сделали двое милиционеров, но внезапно услышал чьи-то настойчивые крики. Он повернулся на шум и увидел все того же парня, который за минуту до этого размахивал курткой террориста. Он пробирался вдоль своего ряда и держал в руках не только куртку, но и полиэтиленовый пакет Прохазки. Ковалевский сразу понял, кому именно принадлежат эти вещи и что находится в пакете. Видимо, обнаружив их рядом с собой, этот парень (а это был Антон) теперь гнался за своим соседом, чтобы вернуть ему забытое. Ему и в голову не могло прийти, какова на самом деле зловещая составляющая у этих вещей и особенно — у полиэтиленового пакета. Но об этом знал Ковалевский.

Выхватив пакет из рук молодого человека, он бросился в коридор, рассчитывая успеть унести бомбу подальше от людей. Краем уха он слышал, как с правой стороны коридора раздаются чьи-то громкие голоса, которые он сразу связал с террористом. И не ошибся — это полковник Гавлик и его люди, загнав Прохазку в угол коридора, пытались уговорить его не совершать массового убийства. Понимая, что показываться им на глаза ему не стоит, Ковалевский бросился к левой лестнице, где был еще один выход из дворца. При этом в одной руке он держал полиэтиленовый пакет с бомбой, а в другой раскрытое удостоверение работника советской дипмиссии. Это помогло ему беспрепятственно проскочить на выходе кордон из сотрудников милиции и КНБ и выскочить на улицу.

Между тем события на льду разворачивались не менее драматичные. Когда до финальной сирены оставалась одна минута и двадцать секунд, чехословацкие тренеры взяли короткий тайм-аут. Им надо было подстегнуть своих подопечных на последний штурм, раздать им последние напутствия. Впрочем, что-либо объяснять игрокам сборной ЧССР было не нужно — они сами все прекрасно понимали. Сил они уже отдали игре много, но ради последней минуты собрать их остаток хозяева площадки были еще в состоянии. Трибуны, которые не умолкали ни на секунду в последние десять минут, превратились в настоящий клочущий Везувий. Это было самое решающее мгновение в ходе этого матча. Как говорится, пан или пропал.

Чехи выпустили на лед комбинированное звено с лучшими нападающими — Глинкой и Мартинцом. Остальные его партнеры встали у бортика на скамейке запасных и замерли на своих местах, следя за игрой стоя. На трибунах сразу нескольким болельщикам стало плохо. К ним бросились врачи, с помощью ватки с нашатырем привели их в чувство. Затем вывели под руки с арены. Один из уводимых внезапно вырвался из рук врачей и вернулся под своды Дворца, чтобы собственными глазами увидеть то, чем же закончится этот поистине шекспировский поединок.

Хозяевам поля надо было перевести шайбу в зону соперника и прижать ее к борту. Тогда можно было бы заменить вратаря шестым полевым игроком. Но это понимали и советские хоккеисты, которые не собирались в эти секунды сбавлять темп и позволить сопернику получить численное преимущество. У сборной СССР на льду играло третье звено — из братьев Голиковых, Лебедева и Васильева с Первухиным. В один из моментов Холчек отбил дальний бросок, но затем неловко распорядился шайбой и она едва не попала на клюшку подлетевшего на «пяточок» Александра Голикова. Только чудо спасло чехов от неминуемого гола, который мог поставить окончательную точку в этом поединке. Но шайба пролетела выше ворот.

— Подумай о том, что, взорвав эту бомбу, ты убьешь не только советских болельщиков — погибнут десятки твоих соотечественников, — пытался воззвать к совести Прохазки полковник Гавлик.

Вместе с подбежавшими к месту происшествия своими коллегами и милиционерами, он стоял в десяти шагах от террориста и смотрел ему в глаза. А загнанный в угол Прохазка слушал не столько полковника, сколько те звуки, которые доносились с ледовой арены. Если бы она содрогнулась от мощного шума ликования, это означало, что сборной Чехословакии удалось-таки забить решающую шайбу и надобность во взрыве отпала. Но этих криков слышно не было, поэтому Прохазка продолжал держать палец на тумблере и ждал, когда прозвучит финальная сирена. Она означала бы смерть для десятков ни в чем не повинных людей, большую часть которых составляли советские болельщики.

Тем временем Ковалевский остановил на улице поливочную машину, которая выехала из-за угла Дворца спорта. Вскочив на ее подножку, он открыл дверцу и крикнул водителю:

— Быстро вылезай из машины, я — советский дипломат!

Видимо, лицо Ковалевского выражало такую гамму чувств, что водитель, средних лет мужчина, немедленно повиновался этому приказу. Заняв его место, Ковалевский завел мотор и рванул на машине подальше от Дворца спорта. Он выехал на улицу Велетржни и направил машину к набережной Влтавы. Он гнал на предельной скорости, поэтому достаточно быстро преодолел те несколько сот метров, которые отделяли его от реки.

Между тем до конца матча оставалось все меньше времени. Драгоценные секунды таяли, а возможности произвести замену у чехословацкой сборной никак не появлялось. Советские хоккеисты действовали настолько грамотно, что не позволяли сопернику войти и закрепиться в своей зоне. Третьяк, который редко когда смотрел на табло во время игры, на этот раз нарушил это правило. Продержаться надо было пятнадцать секунд. По меркам обычного мирного времени это ерунда. По меркам хоккейного противостояния — целая вечность.

— Не делай глупостей, Прохазка! — продолжал свою речь Гавлик и сделал полшага вперед.

Террорист тут же отреагировал на это движение:

— Еще один шаг — и я переключу тумблер. Стойте на том, месте, где вы стоите. И перестаньте меня агитировать — я уже все для себя

решил. Этот взрыв будет означать, что сегодня победили вовсе не русские. Победила свобода, ради которой погиб мой дядя, погибли тысячи других чехословаков, кому ненавистна коммунистическая диктатура.

— Ты сумасшедший, Прохазка. Подумай о своих родных, об их дальнейшей судьбе, — попытался привести последний аргумент полковник.

— Мне плевать на всех. Ради торжества нашей идеи приходится идти на любые жертвы.

Судья на льду вбрасывает шайбу. Игра возобновляется с новой силой. На льду теперь первое советское звено, харламовское, и третье чехословацкое — с братьями Штясны и Черником. Чехи контролируют шайбу и выбирают момент для броска. Шайба летит в сторону наших ворот, ее подхватывает наш защитник и пытается выбросить из зоны. Но чехи перехватывают ее, чтобы начать новую атаку. На пути у них встают советские хоккеисты, которым удается выбросить шайбу из своей зоны. А с трибун, с советских секторов, уже доносится отсчет победных секунд, который перебивается яростным свистом чехословацких болельщиков: пять, четыре, три, две, одна — все-е-е! Мощный вой сирены возвещает о конце матча. Последним, кто в сборной СССР коснулся шайбы перед сиреной, был Михайлов, успевший даже бросить ее в сторону чехословацких ворот.

— Все — время вышло, — услышав сигнал сирены, произнес Прохазка.

И в следующую секунду переключил тумблер. Но... взрыва не последовало. Зато из раскрытых настежь дверей, ведущих к ледовой арене, доносились другие звуки — это были громкие возгласы советских болельщиков «Мо-лод-цы! Мо-лод-цы!» Непонимая, в чем дело, Прохазка стал лихорадочно щелкать тумблером туда-обратно, туда-обратно, но эффект получался тот же — взрыва не было, а крики «Мо-лод-цы! Мо-лод-цы!», наоборот, только нарастали.

Первым сорвался со своего места Гавлик. Он подскочил к Прохазке и ударом кулака сбил его с ног. И тут же на горе-террориста со всех сторон навалились милиционеры и сотрудники КНБ. А он

катался по полу, вырывался из цепких рук и орал во все горло благим матом.

В эти самые секунды Ковалевский, промокший буквально до нитки, сидел на набережной Влтавы, прислонившись спиной к перилам, ограждающим тротуар от реки. Минуту назад дипломат выбросил бомбу во Влтаву и взрыв, произошедший на дне, поднял в воздух тонны воды, которые окатили набережную, но никого не убили.

Франек, Ваха и Вилк обступили со всех сторон рыдающего Хорака и пытались его успокоить. Но все было напрасно — мальчик рыдал так безутешно, что у Франека от этого зрелища тоже навернулись на глазах слезы. Но если его друг плакал от бессильной злобы на победителей, то Франек, наоборот, от того, что эта прекрасная и сильная команда из далекого Советского Союза показала такой красивый хоккей, что память о нем теперь никогда не сотрется из его детской памяти.

А на ледовой арене сборная СССР праздновала заслуженную победу. Советские хоккеисты перемахнули через бортик и помчались к своему вратарю — Владиславу Третьяку. А тот со всей силы ударил своей клюшкой о лед, разбив ее вдребезги. После чего тут же попал в объятия своих товарищей. И началось массовое ликование, на которое с грустью взирали чехословацкие хоккеисты и многотысячная публика Дворца спорта. И только в советских секторах царила радость — смех, поцелуи, братание. Евгений Леонов плакал от счастья, попав в объятия какой-то болельщицы. А Вячеслав Тихонов обнимался со своим соседом — работником советского Госкино.

Не в силах смотреть на то, как ликуют на трибунах советские зрители, а на льду хоккеисты сборной СССР, Сленарж обратился к Красовскому:

— Ничего, пусть радуются. Сегодня у них праздник, а завтра будем радоваться мы. Пойдем отсюда — тебе еще всю ночь ехать к границе.

И Сленарж первым стал пробираться к выходу. Он уже прошел половину пути, когда внезапно обернулся, чтобы посмотреть, не

отстал ли его приятель. Но тот стоял на прежнем месте и смотрел ему в спину.

— Ты чего, Егор? — удивленно спросил чех.

И тогда Красовский показал ему весьма выразительный жест: согнутую в локте руку. После чего повернулся и пошел в обратную от своего бывшего приятеля сторону.

Тихонов смотрел на ликование своей команды, опершись руками о бортик. По его щекам текли слезы, но он их не замечал. Но это увидели игроки его команды. Они подъехали к бортику и помогли своему тренеру спрыгнуть на лед. Сразу после этого несколько крепких рук подхватили Тихонова и начали подбрасывать в воздух. Он взмывал вверх под сводами Дворца спорта и в эти минуты вспоминал почему-то своего погибшего на фронте отца, который за год до войны подарил ему настоящий кожаный мяч, мечтая что сын станет футболистом. Но вместо футбола всеми помыслами Тихонова завладел хоккей. Тот самый, который привел его сегодня под своды этого Дворца спорта в пражском парке имени Юлиуса Фучика. К триумфу, с которого начнется новая эра в истории советского хоккея — Тихоновская.

14 мая 1978 года, воскресенье, город Домодедово

В тот момент, когда прозвучала финальная сирена, возвестившая об окончании матча, все семейство, с которым Борис Александров смотрел матч, тоже бросилось в объятия друг друга. Попал в них и хоккеист, который был не менее счастлив, чем его новые знакомые. Александров смотрел на экран телевизора, где советская сборная подбрасывала вверх своего тренера, и его глаза наполнились слезами. И было не понятно, что это за слезы: то ли радости за своих товарищей, то ли грусти по поводу того, что он сейчас не может разделить эту победу вместе с командой на пражском льду. В этот миг Александров поймал на себе взгляд мальчишки, в котором сквозило удивление вперемешку с восхищением и загадал желание: пусть у этого парнишки его будущая хоккейная биография сложится лучше, чем у него. Да будет так!

Эпилог

Виктор Васильевич Тихонов

Золотые медали в Праге стали для него первыми в ранге старшего тренера сборной СССР. После этого еще семь раз он будет приводить сборную СССР к званию чемпионов мира, два раза — к званию олимпийских чемпионов. Команда ЦСКА при нем 12 раз станет чемпионом СССР. Великий тренер уйдет из жизни 24 ноября 2014 года в возрасте 84 лет.

Борис Александров

В составе ЦСКА он трижды становился чемпионом страны. В составе сборной СССР завоевал «золото» Олимпийских игр в Инсбруке в 1976 году.

После ухода из ЦСКА будет играть в командах СКА МВО и «Спартак» (Москва). Затем вернется в родное усть-каменогорское «Торпедо». Команда под его руководством проделает путь из середняков первой лиги в высшую лигу СССР.

В постсоветское время Александров возглавит сборную Казахстана и наибольшего успеха с ним команда добьется в 1998 году на Олимпиаде в Нагано, заняв 5-е место.

31 июля 2002 года Борис Александров погибнет в автокатастрофе у города Усть-Катав. На момент смерти ему будет всего 47 лет.

С 1993 года в Усть-Каменогорске проходит ежегодный открытый турнир по хоккею с шайбой среди любителей и ветеранов, посвященный памяти Б. Александрова.

С 2010 года Ледовый дворец спорта в Усть-Каменогорске, в котором он столько лет играл и тренировал, носит имя Бориса Александрова.

Источники

Книги: «Хоккей» (Энциклопедия), «Хоккей» (Справочник), В. Тихонов «Надежды, разочарования, мечты...», Т. Тихонова «Виктор Тихонов. Жизнь во имя хоккея», А. Шевченко «О Борисе. И не только...», У. Айнис «Рыцари шайбы. История Латвийского хоккея».

Газеты: «Советский спорт», «Футбол-Хоккей», «Спорт-Экспресс».

Интернет-ресурсы: Википедия, Форум хоккейных статистиков имени В. Малеванного, сайты «Хоккейный клуб ЦСКА», «Хоккейный клуб «Спартак», «Хоккейные архивы» (hockeyarchives.ru/p.html), «Челябинский хоккей».

Отдельная благодарность москвоведу Дмитрию Бондаренко.

notes

Примечания

1

Далее дана авторская реконструкция антитеррористической операции КГБ СССР и КНБ ЧССР.